Сергей

СНЕГОВ

ЛЮДИ КАК БОГИ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

РУССКОЕ ПРОСТРАНСТВО

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В первый том полного собрания научно-фантастических произведений классика отечественной фантастики Сергея Александровича Снегова вошло самое известное произведение писателя — «Люди как боги». Эта трилогия по праву считается первой и, возможно, единственной представительницей жанра «космическая опера» в истории советской фантастики, совмещая в себе боевые и утопические сюжетные ходы. В далеком будущем землянам, овладевшим тайнами пространства и времени, предстоит множество опасных космических экспедиций в попытках установить контакт с инопланетными цивилизациями. Но не всегда контакт может быть мирным — столкновение интересов великих цивилизаций способно привести к масштабным конфликтам.

В послесловии к тому дочь писателя Татьяна Ленская рассказывает о невероятной и достойной отдельного повествования судьбе знаменитого фантаста.

- Сергей Снегов
  - Обращение к читателям
  - Книга 1
    - Часть первая
      - 1
      - 2
      - 3
      - 4
      - 5
      - 6
      - 7
      - 8
      - 9
      - 10
      - 11
      - 12
      - 13
      - 14
      - 15
      - 16
      - 17
      - 18
      - 19
      - 20

- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35

- Часть вторая
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
- Часть третья
  - 1
  - 2
  - 3

- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14

○ Книга 2
- Часть первая
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
- Часть вторая
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

- 13
- 14

- Часть третья
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
- Часть четвертая
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14

- Книга 3
  - Часть первая
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

- 6
- 7
- Часть вторая
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
- Часть третья
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
- Часть четвертая
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13

○ Времен двух между

Сергей Снегов
ЛЮДИ КАК БОГИ
(трилогия)

Обращение к читателям

Этот пятитомник — первое полное собрание научно-фантастических произведений Сергея Снегова. Во всяком случае тех, которые он сам хотел увидеть напечатанными. Из всех романов, повестей, памфлетов в снеговских сборниках не было только одного маленького рассказа — «Арифметика любви», который входит в цикл космических детективов. До сих пор он существовал только в журнальной версии.

Эти тексты хорошо знакомы многим любителям фантастики: только роман «Люди как боги» выходил на русском языке 12 раз (а еще 10 раз — на немецком, дважды — на польском, на венгерском и на японском). По четыре раза были напечатаны «Диктатор» и «Хрононавигаторы», семь раз — космические детективы (и по большей части — после его смерти). Казалось бы, все настолько устоялось, что бери любой из последних текстов — и вперед!

Но дело в том, что верстки этих изданий мы, как правило, не видели — даже при жизни Снегова он получал ее на сверку далеко не каждый раз. А приключений на долю этих книг выпало немало, и особенно отличились «Люди как боги». Как-то раз при наборе потеряли две страницы — и обнаружили это перед самой отправкой в типографию. В результате редактор за полчаса написал этакий небольшой «переходничок», сюжетные линии были весьма условно связаны — и через некоторое время книга вышла из печати. Однажды, получив очередное издание, мы не поверили своим глазам: роман весьма ощутимо похудел — издательство сократило его на 10 авторских листов (практически на четверть!). Естественно, никто нас об этом не предупредил.

Иногда, чтобы не затягивать с версткой, из текста произвольно выкидывали предложения и абзацы — или так же произвольно их дописывали, а значит, зачастую возникали неувязки и нестыковки… Нам очень не хотелось повторять эти ошибки в первом снеговском полном собрании.

К тому же две первые части «Людей как богов» были существенно сокращены — давно, еще в семидесятых. Дело в том, что их объем зашкаливал: в сборниках это еще могло пройти, а в отдельных книгах — нет (бумага тогда была на вес золота, ее распределяли из центра: столько-то тонн на такое-то издательство). Эти сокращения делились на три части: первыми Снегов убрал те куски, которые его заставили вставить при подготовке первой публикации — это было условием, при котором книга могла увидеть свет. В 1980-м, во время работы над

ленинградским изданием «Людей как богов», он не просто вычеркивал — вымарывал их, и, думаю, мало какая работа доставляла ему такое удовольствие! Следующими под ликвидацию попали вставные персонажи и побочные сюжетные линии, а также излишняя детализация, без которой можно было обойтись. Как правило, эти сокращения улучшали роман — но даже если нет, они его не ухудшали, это точно. И, наконец, третья группа — вот эти отрывки было по-настоящему жалко! Они не уточняли и не конкретизировали сюжет — они работали на персонажей, и, ей-богу, герои «Людей…» кое-что потеряли, когда их не стало. Собственно, мы ему это говорили — и он с нами соглашался, вот только руки не доходили вернуть.

Мы сделали все это в нынешнем издании: восстановили часть сокращений, внесли правки, которые Снегов сделал для предыдущих публикаций — и которые по какой-то причине не были учтены, убрали посторонние добавки, вернули испарившиеся в процессе печати абзацы и предложения. Нельзя сказать, что этот текст максимально приближен к какому-нибудь конкретному изданию, — но он максимально близок к авторскому варианту, к той версии, которая — в силу разных причин — до сих пор так и не увидела свет.

И это касается не только «Людей как богов» — так мы работали со всеми пятью томами этого собрания сочинений.

Татьяна Ленская

Книга 1
ГАЛАКТИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА

Часть первая
ЗМЕЕДЕВУШКА С ВЕГИ

Из Фраскатти в старый Рим
Вышел Петр Астролог.
Высоко чернел над ним
Неба звездный полог.
Он глядел туда, во тьму,
Со своей равнины.
И мерещились ему
Странные картины.

Н. Морозов

Я человек: как бог я обречен
Познать тоску всех стран и всех времен.

И. Бунин

1

Для меня эта история началась с того, что на второй день после возвращения на Землю, во время прогулки над кратерами Килиманджаро, я повстречал Лусина верхом на огнедышащем драконе.

Я не люблю летать на драконах. В них что-то от древнего театра. А неповоротливых пегасов я попросту не терплю. Для полетов на Земле я беру обычную авиетку — так и надежней и удобней. Но Лусин без драконов не мыслит передвижения. В школе, когда эти дурно пахнущие чудища лишь входили в моду, Лусин вскарабкался на учебном драконе на Джомолунгму, Дракон вскоре подох, хоть был в кислородной маске, а Лусину запретили месяц появляться в конюшне. С той поры прошло сорок три года, но Лусин не поумнел.

Он твердит, что в нем играет душа его предков, обожествлявших эти странные существа, по-моему же — он оригинальничает. Андре Шерстюк да он готовы вывернуться наизнанку, лишь бы чем-нибудь поразить, — такой уж это народ!

И когда с Индийского океана понесся крылатый змей, окутанный дымом и пламенем, я сразу понял, что на нем Лусин. Лусин выкрикнул приветствие и приземлился на обрыве кратера Кибо. Я покружился в воздухе, рассматривая его зверя, потом

тоже сел. Лусин побежал ко мне, мы сердечно пожали друг другу руки. Мы не виделись два года. Лусин наслаждался моим удивлением.

Дракон был крупный, метров на десять. Он бессильно распластался на камнях, устало закрыл выпуклые зеленые глаза, его худые бока, бронированные оранжевой чешуей, вздувались и западали, вспотевшие крылья подрагивали. Над головой зверя клубился дым, при выдохе из пасти вырывалось пламя. Огнедышащие драконы были мне внове.

— Последняя модель, — сказал Лусин. — Два года выводил. Инфовцы хвалят. Хорош, нет?

Лусин работает в Институте Новых Форм — ИНФе — и не устает хвастаться, что у них создают живые новообразования, до каких природа не доберется и за миллиард лет. Кое-что, например говорящие дельфины, у них и вправду получалось неплохо. Дымящий, как вулкан, змей не показался мне красивым.

— Вся эта бутафория ни к чему. Если, конечно, вы не задумали пугать им детишек.

Лусин любовно похлопал дракона по одной из его двенадцати лягушачьих ног.

— Эффектен. Повезем на Ору. Пусть смотрят.

Меня раздражает, когда говорят об Оре. Половина моих друзей летит туда, а мне не повезло. Меня бесит не их удача, конечно, а то, что они превращают интереснейшую встречу с обитателями иных миров в примитивную выставку игрушек. Каких только изделий не тащат на Ору!

— Чепуха! Никто там не взглянет на твое ископаемое. Каждый звездожитель сам по себе удивительней всех ваших диковинок. Думаю, машины заинтересуют их куда больше.

— Машины — да! Звери — тоже да. Все — да!

— И ты — да! — передразнил я. — Вот уж образец человека пятого века: рыжеволосый, рыжеглазый, рост метр девяносто два, возраст — под шестьдесят, одинок. Как бы там в тебя не влюбилась мыслящая жаба. И на драконе не удерешь!

Лусин улыбнулся и покачал головой:

— Завидуешь, Эли. Древнее чувство. До драконов. Понимаю. Сам бы на твоем месте.

Лусин говорит словно иероглифами. Мы привыкли к его речи, но незнакомые не всегда его понимают. Он, впрочем, не любит толковать с незнакомыми.

Его укор расстроил меня, я с возмущением отвернулся. Лусин положил мне руку на плечо.

— Спроси — как? — попросил он печально. — Интересно.

Я кивнул, чтоб не огорчать Лусина равнодушием. Из рассказа

я понял, что в желудке у дракона синтезируются горючие вещества и что самому дракону от этого ни холодно, ни жарко.

Лусин работает над темой: «Материализация чудовищ древнего фольклора», огнедышащий дракон — четвертая его модель, следующие за ней формы — крылатые ассирийские львы и пресмыкающиеся египетские сфинксы.

— Хочу бога Гора с головой сокола, — сказал Лусин. — Еще не утверждено. Надеюсь.

Я вспомнил, что Андре везет на Ору сочиненную им симфонию под названием «Гармония звездных сфер» и что первое исполнение симфонии состоится сегодня вечером в Каире. Я с сомнением отношусь к музыкальным способностям Андре, но лучше уж музыка, чем дымящие змеи.

Лусин вскочил.

— Не знал. Летим в Каир. Я впереди. До ракетной станции.

— Сам наслаждайся ядовитыми парами своего урода, — сказал я. — А я по старинке: раз, два, три — и ста километров нет!

Мне удалось обогнать Лусина минут на двадцать. Пока он выжимал из своего оранжевого тихохода последние километры, я договорился, чтоб дракона покормили в «Стойле пегасов».

На каждой ракетной станции теперь имеются конюшни крылатых коней — специально для туристов. Просьбу мою встретили без энтузиазма, особенно когда узнали, что змей огнедышащий. Задиристые пегасы ненавидят смирных драконов и, чуть их заметят, сейчас же яростно обрушиваются сверху. Конечно, ни копыта, ни зубы ничего не могут поделать с чешуей, но вздорные лошади упрямо атакуют до изнеможения. Не понимаю, что побудило когда-то греков избрать для поэтических полетов этих быстро устающих в воздухе животных. Я предпочел бы устремляться в художественные высоты на кондорах и грифах, — те поднимаются выше и отлично парят над Землей.

Я помахал рукой медленно приближающемуся Лусину.

— Торопись, а то опоздаем! Можешь оставить своего вулканоподобного детеныша здесь. Пегасов к нему обещали не подпускать.

2

Первым, кого мы повстречали в Каире, был Аллан Круз, тоже из школьных товарищей. Он прилетел часа за два до нас и шел с чемоданчиком из Палаты Звездных Маршрутов. В чемодане у него, как всегда, книги. Аллан обожает это старье. В этом отношении он схож с Павлом Ромеро — тот тоже не отрывается

от книг. Павлу они требуются по роду занятий, Аллан же возится с ними для забавы. Острее ощущаешь современность, когда поглядишь рассыпающиеся журналы двадцатого века, говорит он, посмеиваясь.

Он или сердится, или хохочет, гнев и радость не крайние, а соседствующие состояния его психики. Если он не возмущен, то ликует — от одного того, что не возмущен. Узнав, куда мы идем, он остановился.

— Да зачем было мчаться в Каир? Включили бы концертный зал и наслаждались музыкой издалека.

Я потянул его за рукав. Я не люблю, когда люди ни с того, ни с сего замирают на полушаге.

— Симфонию Андре надо слушать в специальных помещениях. Его музыка не удовольствие, а тяжелая физическая работа.

Аллан пошел с нами.

— Мне надо поговорить с Андре, — сказал он грозно. — Я расправлюсь с ним на концерте. Последняя модель его передвижных дешифраторов никуда не годится.

— Умерь шаг и не махай чемоданом перед моим носом. У тебя там, наверно, килограммов пятьдесят?

— Шестьдесят три. Послушайте, какой конфуз приключился с нами на Проционе из-за легкомыслия Андре.

О конфузе на Проционе мы уже слыхали. Все на Земле и планетах знали об этом происшествии. Экспедиция Аллана испытывала облегченную модель Звездного Плуга — для скоростных пассажирских перевозок. В окрестностях Солнечной системы разгоняться запрещено, и одиннадцать с половиной светолет пути они проделали за тридцать девять ходовых суток. В созвездии Малого Пса тоже усердствовать не пришлось, там они обгоняли свет всего в сто раз. Зато именно в этом созвездии, в планетной системе Проциона, они, так и не узнав сами, совершили наконец предсказанное пять столетий назад открытие — обнаружили мыслящие мхи. На второй из трех планет Проциона не хватало света и тепла и скалы покрывал рыжий мох. Астронавты ходили по мхам, изучали их приборами, но нашли лишь, что от растений исходят слабые магнитные волны. А когда экспедиция возвратилась на Землю, Большая Академическая машина расшифровала, что записанные излучения — речь. Удалось разобрать предложения: «Кто вы такие? Откуда? Как вы развили в себе способность передвижения?»

Неподвижные мхи больше всего поразило человеческое искусство ходьбы.

— Во всем виноват дурацкий ДП-2! — гремел Аллан на всю

улицу. Он всегда говорит очень громко. — Он, конечно, лучше наручных дешифраторов, те годятся лишь для бесед с собаками и птицами. Например, на Поллуксе, в Близнецах, мы неплохо потолковали с высокоорганизованными рыбами. Забавные нереиды генерировали ультразвуковые волны, мы научились переводить свои слова в такие же волны. Впрочем, вы об этом знаете по передачам… Но для трудных случаев прибор Андре не годится. Удивительно беспомощная машина, а выдана за последний крик техники!

Аллан вдруг оборвал речь и снова остановился. Я хотел еще нетерпеливей дернуть его за рукав, но меня поразило выражение его лица.

— Совсем забыл, братцы! — сказал он и оглянулся, как бы боясь, что кто-то подслушает. — В Палате Звездных Маршрутов сегодня получено удивительное сообщение. Толком никто ничего не знает, а в общих чертах — открыты новые разумные существа. Что-то вроде настоящих людей. И похоже, в их обществах свирепствуют междоусобные войны куда посерьезней, чем древние человеческие.

Сейчас мне странно и удивительно то безразличие, с каким мы слушали Аллана. Вся история человечества переламывалась, — теперь это ясно каждому школьнику. А мы с Лусином даже не поинтересовались, кто доставил информацию и чем именно новооткрытые существа похожи на людей. Я лишь высказал предположение, что они обитают далеко от ближайших звезд: в нашем районе Галактики ни о чем похожем на них еще и слыхано не было.

— Не знаю, — ответил Аллан. — Большая Академическая второй день обсчитывает полученную информацию. Завтра-послезавтра нас всех ознакомят с результатами обработки.

— Подождем до завтра, — сказал я. — А если и до послезавтра, так я тоже стерплю.

Лусин был того же мнения. Концерт Андре занимал его больше, чем информация о последних открытиях. В эти месяцы перед совещанием на Оре мы только и слышали, что о новых разумных существах, обнаруживаемых звездными экспедициями. Мы как бы потеряли ощущение необычности. Удивительное стало обычным.

— Толпа! — сказал Лусин, ткнув вперед пальцем. — Мест не хватит. Поторопимся.

Мы прибавили шагу. Огромный Аллан вынесся вперед. Он и в школе ходил быстрее всех, в его шаге метр и две десятых. Я крикнул:

— Захвати для нас с Лусином два местечка рядом с собой!

В концертный зал вливалось два потока людей. Западные двери были к нам ближе, и мы направились туда.

Аллан проник в голову потока, под прикрытием его широкой спины двигался Лусин, за Лусином я. У дверей случилась неприятность, порядком попортившая мне настроение.

Какая-то худощавая некрасивая девушка резко отодвинулась от пробивающего себе дорогу Аллана, и на нее налетел я. Она с негодованием обернулась. У нее была тонкая высокая шея и темные глаза. Возможно, впрочем, что они потемнели от гнева.

— Грубиян! — сказала она. Голос у нее был мелодичный, низкого тона. Лицо ее портили широкие брови, такие же черные, как ее глаза.

— Вас тоже не обучали вежливости! — огрызнулся я, но она, похоже, не услышала. В первый момент я так растерялся от ее грубости, что промолчал, а когда сообразил, как отвечать, мы уже были впереди.

В зале, сидя между Лусином и Алланом, я раза два вставал и осматривался, отыскивая эту худощавую девушку. Но среди двадцати восьми тысяч человек, заполнивших концертное помещение, обнаружить ее было непросто. Могу сказать одно: в те минуты перед концертом возмущение на ее лице растревожило меня больше, чем загадочное сообщение Аллана.

3

— Андре! — сказал Лусин. — Вот чудак!

Андре и на концерте не удержался от озорства. Вместо того чтоб показаться на стереоэкране и оттуда улыбнуться публике, он вышел на сцену. Он казался крохотным на пустой площадке. И он произнес речь: что-то о Земле и звездах, небожителях и людях, полетах и катастрофах — все это, он уверял, отражено в его космической симфонии.

Мне так это надоело, что я крикнул: «Хватит болтовни!» Если бы я знал, что усилители настроены на все звуки в зале, я бы вел себя поосторожней. Мой голос оглушительно отразился от потолка, в ответ понесся такой же громовый хохот.

Андре, не смутившись, весело воскликнул:

— Будем считать ваши нетерпеливые крики увертюрой к симфонии.

После этого он исчез, и дико грянула музыка звездных сфер. Прежде всего, мы провалились. Мы недвижно сидели в своих креслах, от неожиданности вцепившись в ручки, и вместе с тем ошалело неслись вниз. Состояние невесомости наступило так внезапно, что у меня защемило сердце.

Думаю, другие зрители чувствовали себя не лучше.

А потом зазвучала тонкая мелодия, в воздухе поплыли клубящиеся разноцветные облака и возвратилась тяжесть. Мелодия усиливалась, электронный орган гремел во все свои двадцать четыре тысячи голосов, цветовые облачка пронизало неистово пляшущее сияние, все пропало в кружащемся многокрасочном дожде искр, не было видно ни стен, ни потолка, ни дальних соседей, а ближние вдруг превратились в какие-то факелы холодного света. И тут свет стал теплеть, мелодия убыстрилась, увеличилась тяжесть, в воздухе волнами пронеслась жара. Я уже собирался сбросить пиджак, как зал озарила синяя молния, все кругом запылало зловещими фиолетовыми пламенами и нестерпимо ударил ледяной ветер. Никто не успел ни отвернуться, ни защитить лицо руками. Оледенение разразилось под свист и жужжание электронных голосов. Перегрузка быстро увеличивалась, легким не хватало кислорода. Снова взревели трубы, запели струны, зазвенели медь и серебро, в фиолетовой тьме зажглись оранжевые языки. Ледяное дыхание сменилось волнами теплоты, перегрузка падала, превращаясь в невесомость. Воздух, ароматный и звучный, сам лился в горло, голова кружилась от тонких звуков, нежных красок, теплоты и легкости в теле.

Так повторялось три раза — багровая жара под грохот труб и невесомость, стремительно нарастающий, пронзительно синий холод под перегрузку, почти удушье, мелодичное розовато-оранжевое возрождение, овеянное теплотой. А потом в последний раз ударил мороз, промчалась жара, и, уже по-обычному, солнечно вспыхнул потолок концертного зала. Первая часть симфонии кончилась.

Со всех сторон неслись восклицания и смех. Кто-то кряхтел, кто-то оттирал застуженные щеки, кто-то зычно орал: «А ну, автора сюда! А ну, автора!» Большинство торопилось к выходу.

— Он с ума спятил! — негодовал Аллан. — Даже от Андре не ожидал такой нелепицы! Зачем вы меня сюда притащили?

Лусин молча наблюдал за взволнованными зрителями, а я возразил:

— Никто тебя не тянул, ты сам пришел. И что тебя ожидает, знал отлично. Я предупреждал, что музыку Андре могут вынести лишь здоровяки.

— Я здоровяк, но и мне нестерпимо! Неужели и во второй части такой же страх?

Я протянул ему пригласительный билет. На нем было напечатано: «Андре Шерстюк. Гармония звездных сфер. Симфония для звука, света, тепла, давления и тяжести. Часть

первая — Круговорот миров. Часть вторая — Люди и небожители. Часть третья — Вечное как жизнь».

Аллан хмыкнул и повеселел.

— Здесь еще одного компонента не хватает: запаха, — пророкотал он, посмеиваясь. — Вот бы смердящее аллегро и благоухающее адажио! Чтоб полнее впечатление, как по-вашему?

— Успех! — сказал Лусин. — Все потрясены. Равнодушных нет. А?

— Не «а», а «ч». Чепуха, — поправил я. — На вторую часть осталась лишь треть зала.

— Новизна. Понимают не сразу.

— Занимайся лучше своими диковинными новыми формами, а не музыкой, — посоветовал я. — Твоего бога Гора с головой сокола, может, удастся приспособить на дальних планетах для защиты от летучих мышей, а на что пригодится новое творение Андре?

4

После неистовой первой части вторая показалась спокойной. Возможно, впрочем, что мы пообтерпелись. Главным в ней был свет — клубящаяся зеленовато-желтая тьма, красные вспышки, змеящиеся фиолетовые полосы, искры и стрелы, рушащиеся с потолка, как при полярных сияниях, потом все постепенно затянуло розовым, теплым туманом, в нем хотелось понежиться, чувства и мысли засыпали.

Все это происходило под мелодичное звучание электронных голосов, тяжесть и давление то мерно нарастали, то исчезали, холод налетал не так пронзительно, как раньше, сменявшая его жара не так обжигала.

В общем, эта часть мне понравилась. Ее можно было терпеть, а для произведений Андре это уже немало. Зато в третьей части нам снова досталось. «Вечное как жизнь» могло вогнать в гроб любого. Андре, видимо, хотелось доказать, что жизнь штука непростая, и он достиг цели. Нас обжигало, леденило, оглушало, ослепляло минут двадцать, если не больше.

Симфония окончилась, а в зале все сидели, опоминаясь. У некоторых был до того измученный вид, что я расхохотался. Аллан шумно ликовал. Так с ним всегда. Необычное сперва озадачивает его, потом приводит в восторг.

— Крепкая симфония! — орал он. — Обрушить этакий концертище на существ с Альфы Центавра или Сириуса — там они не очень костисты, — останется мокрое пятно! Нет, здорово!

По пустеющему залу разнесся голос: друзей автора симфонии

просили к восточному выходу. Аллан помчался, обгоняя выходящих, мы с Лусином не торопились. Я знал, что Андре меня дождется.

У восточного входа быстро скопилась кучка приятелей. Я устал пожимать руки. Хорошенькая Жанна Успенская, жена Андре, сияла. Она неумеренно торжествует, если Андре что-нибудь удается, и надо сказать, ей часто приходится торжествовать. В данном случае, впрочем, она могла бы радоваться и не столь открыто.

Она громко сказала:

— Ты изменился, Эли! Просто не верится, такой ты загорелый и добрый. Послушай, ты не влюбился?

Я знал, почему она говорит громко, и мне это не понравилось. К нам приближались Леонид Мрава с Ольгой Трондайк.

Грозный Леонид на этот раз казался почти веселым, а Ольга, как всегда, была уравновешенна и светла. Она, конечно, поняла намек Жанны, но и виду не подала, а Леонид с такой силой тряхнул мою руку, что я охнул. Этот великан — они с Алланом вымахнули до двух метров тридцати — вбил себе в башку, что я стою у него на дороге. Боюсь, Ольга поддерживает в нем это заблуждение. Это тем удивительней, что, не в пример Жанне, Ольга совсем лишена кокетства.

— Я рада, что вижу тебя, Эли, — сказала Ольга. — Ты, кажется, улетал на Марс?

— А чего я не видал на Марсе? — буркнул я. — Мы монтировали седьмое искусственное солнце на Плутоне, слыхала о таком?

— Конечно. Желто-красный карлик нормальной плотности, мощность восемь тысяч альбертов. Я недавно вычислила, что этой мощности не хватит для нормального функционирования. Ты не ознакомился с моей запиской, Эли?

— Нет. От твоих записок у меня голова болит — так они учены!

Ольга не обиделась и не огорчилась. Она слушала, ровная и розовощекая. Уверен, она и не вдумывалась в содержание моих слов, с нее достаточно, что я говорю. Она слушает один мой голос. Жанна воскликнула, встряхивая локонами, они у нее длинные и так светлы, что издали кажутся седыми:

— Ты не ответил на мой вопрос, Эли!

— Да, — сказал я. — Влюбился. И знаешь в кого? В тебя. Я долго скрывал, но больше нет сил. Что ты теперь собираешься делать?

— Переживу, Эли. А может, расскажу Андре, пусть он знает,

каковы его друзья.

Она повернулась ко мне спиной. Жанна так хочет всем нравиться, что сердится, когда над этим подшучивают.

— У Аллана интересное сообщение, — сказал я, чтоб перевести разговор на другое. — Аллан, повтори-ка, что ты говорил нам о новых открытиях.

И снова, как перед тем и мы с Лусином, никто не отнесся серьезно к новостям Аллана. Его выслушали равнодушно, словно он делился пустяками, а не самой важной информацией, когда-либо полученной человечеством. Сегодня, вспоминая те дни, я стараюсь и не могу понять, почему нами владело тогда такое непростительное легкомыслие. Оно было тем непостижимей, что Леонид и Ольга, капитаны дальних звездолетов, уже и в то время слыли опытными астронавтами. Кто-кто, а они должны были сообразить, что означает открытие в звездных мирах, на наших галактических трассах, существ, равных нам по разуму и могуществу. Леонид поступил еще легкомысленней, чем я. Он попросту отмахнулся от Аллана. Наше маленькое искусственное солнце на Плутоне интересовало его больше.

— Удивляюсь вашему консерватизму, — сказал он. — Сперва монтируете огромный спутник, потом разжигаете, пока он не превратится в крохотное светило, и тратите на это несколько лет, как два столетия назад наши деды. А зачем? Звездный Плуг за сутки работы зажжет десяток искусственных солнц всех запроектированных размеров и температур. Не нужно ни монтажа, ни разогрева, короче, ничего, кроме приказа: зажечь и доставить на место солнце!

— Совершенно верно! — подхватил Аллан, мигом забывший о своих странных новостях. Он обрадовался, что хвалят Звездный Плуг, и захохотал. Он безмерно гордится своим кораблем. — Для нас это сущий пустяк — скатать аккуратненькое солнышко и подбросить его нуждающейся в теплоте и свете планетке.

— Хорошо! — сказал Лусин. — Очень. Даже — очень, очень! Зажечь и доставить! Замечательно. А?

— Великолепно! — сказал я. — Много лучше пожаров, которые ты разжигаешь в животах бедных драконов. Кстати, почему, в самом деле, не используют для создания малых солнц Звездные Плуги?

Ольга сказала рассудительно, иначе она говорить не умеет:

— Создание солнц с помощью Звездных Плугов, вероятно, было бы проще. Но их запуск в окрестностях нашей системы грозит нарушением равновесия космического пространства. Не хотите же вы, чтоб Сириус налетел на Процион, а Проксима Центавра ударилась о Солнце?

Леонид сказал:

— Реальность такого катастрофического нарушения равновесия не доказана…

— Никто не доказал и обратного, — возразила Ольга. — Решение может дать опыт, неудачный же опыт — непоправим.

Из концертного зала вышли Андре с Павлом Ромеро. Появление Павла было так неожиданно, что я в восторге побежал к ним навстречу.

5

Раньше я все же тряхнул руку Андре, потом угодил в объятия Павла. Ромеро после разлуки не здоровается, а обнимается, он говорит, что этот обычай раньше существовал во всех цивилизованных племенах. Хорошо еще, что он не целуется, — был, кажется, и такой странный обряд приветствования.

— Это вы, Эли! — сказал он важно. — Ясно вижу, что это вы!

Они стояли передо мною, плечо к плечу, улыбающиеся, довольные, а я жадно их рассматривал. Оба были невысокие, всего метр девяносто один каждый — меньше, чем Лусин и я, — широкоплечие, молодые: Андре пятьдесят семь лет, он ровесник мне и Лусину, Ромеро на пять лет старше. На этом сходство заканчивается, все остальное, от облика до привычек, вкусов и поступков, у них не только различно, но и противоположно. Ромеро ни на кого не походит, кроме себя, даже его усы и бородка-эспаньолка мало напоминают окладистые бороды и усы на портретах доисторических королей, хотя он утверждает, что скопировал их не то с римского цезаря, не то с американского президента, — в общем, с какого-то из владык древних республик. И он всюду для забавы таскает трость. Он и обнимал меня, не выпуская трости.

Но если Ромеро ни на кого не похож, то Андре долго не бывает похожим на самого себя. При каждой встрече Андре иной и неожиданный. Если бы он не был гениален, я бы сказал, что он тщеславен. В школе он менял волосы чаще, чем костюмы. На пятом курсе второго круга он удалил доставшиеся ему от природы каштановые кудри и вывел черные и прямые волосы, а на третьем круге растительность на голове менялась год от года: гладкие волосы сменились локонами, за ними появились пучки, похожие на кочки, потом он был сияюще лыс, затем снова завел волосы, на этот раз короткие и колючие, как проволока. «На твоей прическе можно принимать передачу с Фомальгаута», — говорили мы, но шутки на Андре не действуют.

Цвет волос тоже менялся: кудри были золотые, потом

превратились в вороные, а проволокоподобная поросль обжигала малиново-красным, так что голова пылала на свету, как головешка, — Андре считал, что такое сверкание ему к лицу. На этот раз у Андре были мягкие каштановые кудри, такие же длинные, как у Жанны. Во всяком случае, это красивее, чем малиновая проволока.

— Ты загорел, Эли! — сказал Андре то же, что Жанна. — Неужели солнца на Плутоне так пламенны?

— Это результат концерта, — возразил я. — Твоя симфония чуть меня не испепелила. А один старичок хватался за сердце.

— Тебе не нравится? Нет, правда, тебе не нравится, Эли?

— Как может вздор нравиться?

— Та же мысль, что и я высказывал, — подхватил Ромеро. — И те же слова, дорогой Андре, — вздор ваша симфония!

Жанна обняла Андре и показала мне язык.

— Не огорчайся, милый. Полчаса назад Эли басом объяснялся мне в любви: «Я у твоих ног. Что ты собираешься делать?». Как можно серьезно относиться к Эли?

Мы хохотали, даже Ольга улыбнулась. Андре продолжал огорчаться. Этот чудак надеялся восхитить мир своей адской музыкой.

— Я могу объяснить, что не понравилось в концерте, — сказал я. — Но на это нужно время, Андре.

Он ответил:

— Давайте присядем в парке и побеседуем.

— Лучше походим по парку, — предложил Павел. — В старину философы любили беседовать, прогуливаясь. Почему бы нам не воспользоваться некоторыми их обычаями?

— Без ходьбы философия у древних не шла, — подтвердил Леонид. — Их поэтому называли ходоками.

— Перипатетиками, то есть прогуливающимися, любезный Мрава. Могу вас уверить, что ходоки, или иначе жалобщики, не имели отношения к философам.

Леонид промолчал. С Павлом спорить бесполезно. Он знает о древности все. К тому же, никто из нас не представлял себе, чем именно различались профессии жалобщиков и прогуливающихся. В старину было много удивительных ремесел. Я с детства не люблю вникать в их оттенки.

6

Мы двигались шеренгой под руки — Жанна, Ольга, Андре, Павел, Лусин, я, Леонид, Аллан.

Я начал с того, что художественное произведение должно

доставлять наслаждение, а не выматывать душу. А после симфонии Андре надо принять освежающий радиационный душ для восстановления сил. Кое-что и в ней неплохо — некоторые мелодии и цветовые эффекты, холод под перегрузку и жара под невесомость, но все это в таких дозах, так утрировано, что наслаждение превращается в страдание.

— Мне нравятся лишь музыка и цвета, — заметил Ромеро. — Должен признаться, друзья, что ваши модные перегрузки, невесомости, давление, жару и прочее душа моя не приемлет.

— Запаха не хватает! — повторил Аллан высказанную раньше мысль. — И знаете, — электрических уколов! Под грохот и вспышки, ледяной ветер и перегрузки эдакие ядовитые мураши, будто кто-то быстро-быстро перебирает когтями по телу. — Он захохотал.

Лусин проговорил с уважением:

— Мураши — хорошо!

— Не слушай их! — сказала Жанна. — Они тебя не любят. Одна я тебя понимаю. Я вынесла твою симфонию от начала до конца и только раз вскрикнула от страха.

— Нет, вы меня любите! — энергично сказал Андре. — Но вы заблуждаетесь, и вам надо всыпать. Сейчас я это проделаю!

А затем он произнес речь. Это было блестяще и вдохновенно, как и все, что делает Андре. Его слово в защиту симфонии понравилось мне куда больше симфонии. По его мнению, мы слишком люди и это плохо. В нашу эпоху, когда открыто множество разнообразных по форме и образу существования племен, человеку стыдно выдавать свой жизненный мирок за единственно приемлемый. Его земные обычаи годятся лишь для него, нечего их распространять за пределы Солнечной системы. Но разве человек не ощущает единство жизни во Вселенной, разве тысячи нитей не роднят его с диковинными существами иных миров? Это не общность деталей и внешности, нет, общность живого разума. Вот об этом, о единстве разумных существ Вселенной и трактует симфония.

— Моя музыка — не земная, но космическая, она раскрывает философскую схожесть всего живого. И если многое в симфонии для человека трудно, не беда, может, именно это придется по вкусу иным мыслящим существам. Кое-что вам понравилось, что-то понравится обитателям Веги, нечто третье порадует пришельцев с Фомальгаута, четвертое придется по вкусу жителям Плеяд, — труд мой удался, если он затронет души разных существ. Моя симфония — это множество рук, протянутых друзьям во Вселенной. Не требуйте же, чтоб все эти руки пожимали одну вашу, не жадничайте — гармония Вселенной не

исчерпывается той, что совершается в ваших душах!

Аллан в восторге подбросил шляпу вверх:

— Первая в мире симфония для видящих, слышащих, осязающих, ходящих и летающих! Нечто впечатляющее для глаз, ушей, лап, жабр, кожи, брони, хобота и присосков!

Ромеро насмешливо улыбался:

— Вы своим созданием строго указали бедному человеку на его скромное местечко во Вселенной, но сам-то человек может не примириться с ролью чего-то среднего между остромыслящей ящерицей и глуповатым ангелом. Вы не подумали об этом, Андре?

Андре ждал, что скажу я. Мне не хотелось его огорчать, но и отмалчиваться я не мог.

— Твои намерения прекрасны, Андре, но неосуществимы. Мне кажется, не существует произведений искусства, воздействующих на все разумные существа Вселенной. Человеческое — человеку. А мыслящим рыбам — нечто особое, может, вовсе чуждое нашему пониманию.

Не помню случая, чтоб Андре уступил противнику сразу. Он непременно поищет неожиданные ходы, изобретет запутанные варианты, те потребуют проверок, — лишь бы не признавать поражения.

— Пусть звездожители сами разрешат наш спор! Продолжим дискуссию на Оре!

Наступило замешательство. Мне было трудно смотреть на Андре.

— Разве ты не знаешь, — сказала Ольга с упреком, — что Эли не летит с нами на Ору?

7

Андре так огорчился, что мне его стало жаль. Он глядел на меня, словно не верил.

— Ничего тут не поделаешь, — сказал я. — Вы отправитесь знакомиться со звездожителями, а я, завершив командировочные дела на Земле, возвращусь монтировать искусственные солнца в небесах далеких планет.

— Заупокойный тон не идет твоей насмешливой роже, когда ты это поймешь? — воскликнул Андре. — Я хочу знать, почему все так неожиданно повернулось?

Я объяснил, что неожиданного нет ничего. При отборе претендентов у меня не оказалось тех преимуществ, какими блистали мои друзья. Без Ольги, Аллана и Леонида дальние поездки невозможны — они инженеры и командиры космических

кораблей. Андре тоже необходим: мало кто сравнится с ним в умении расшифровывать незнакомую речь. И Лусин нужен: он познакомится с иными формами жизни, некоторые из них попытается потом воспроизвести искусственно. Тем более потребуется знаток старины Ромеро. Кто знает, не повторяют ли иные обычаи и законы новооткрытых обществ того, что уже некогда цвело и увяло на Земле?

Ну, а кому там нужен я?

— В жизни не встречал большего глупца, чем ты! — закричал Андре. — Я спрашиваю о другом: добивался ли ты, чтоб тебя зачислили в экспедицию? Что ты сделал для этого?

Я терпеливо разъяснил Андре, что еще год назад записался на отборочный конкурс. Большая Государственная машина три месяца назад приступила к обработке данных. Всего нас было около шестидесяти миллионов человек, но после первой же отбраковки по возрасту и здоровью осталось три с четвертью миллиона.

— Ты был среди прошедших первую отбраковку?

— Да. Легче от этого мне не стало. Машина последовательно сужала круг отобранных. В конце концов осталось сто тысяч человек, удовлетворявших всем условиям конкурса, и среди них снова был я. И тогда бросили жребий. Мне выпала пустышка.

Некоторое время мы шли молча. Андре хмурился. Я догадывался, что он выискивает возможности возобновить мое ходатайство. Я был спокоен. Таких возможностей не существовало.

— Мы сделаем так, — сказал Андре. — Эли поедет вместо меня. Он отлично меня заменит.

Одна Жанна обрадовалась, что Андре остается. Мы хором ругали Андре. Наше возмущение было тем сильнее, что мы знали, как нелегко переубедить этого человека, когда он вобьет что-нибудь себе в голову.

— Без Эли не поеду! — твердил Андре. — Еще в школе мы мечтали, что первое путешествие в иные созвездия совершим вместе. Поймите, мне не хочется расставаться с ним!

— Правильно, миленький! — быстро говорила Жанна. — И со мной не надо расставаться. Я тоже не хочу с тобой расставаться. Не слушай их!

Андре и без ее советов не слушал нас, мы кричали и перебивали друг друга. Потом в спор вступила молчавшая до того Ольга:

— В твоих действиях нет логики, Андре. Если Эли поедет вместо тебя, вам все равно придется разлучаться.

Андре зачастую в спешке хватается за первый попавшийся

аргумент, не соображая, что тот повернется против него. Ошеломленный, он уставился на Ольгу. Этим воспользовался Ромеро.

— У меня возник один проект, — объявил он. — Я попрошу Веру помочь Эли.

Мне не хотелось, чтоб он обращался к Вере, но все замахали на меня руками.

— Через пять минут я лечу в Столицу, — сказал Павел. — Сейчас десять. В одиннадцать вы узнаете, Эли, благосклонна ли к вам судьба.

Он завершил эти напыщенные слова таким же напыщенным поднятием руки и удалился. Ромеро умница и добряк, но говорит и ходит, как древнеримский император.

Андре пригласил нас к себе в гостиницу. Лусин вспомнил о своем драконе: бедного дракона, вероятно, обижали пегасы. Леонид и Ольга торопились на галактическую базу, у Аллана тоже нашлись неотложные дела.

— Хотелось поругать тебя за дешифраторы, но придется отложить, — сказал он с сожалением.

Андре взял меня под руку.

— Погуляем еще и пойдем ко мне. Нет, я так рад, так рад, что вижу тебя, Эли!

8

В Каире я люблю летние вечера. Конечно, с тех пор как Управление Земной Оси научилось ориентировать в пространстве нашу планету, различие в климате разных широт смягчилось. Еще на моей памяти в Антарктике в иные зимы бушевали бесконтрольные снежные бури. Лет пятнадцать назад всерьез обсуждалось, не установить ли на Земле стационарный климат — вечное лето в тропиках, вечную весну на высоких широтах. Идею постоянной весны на шапках планеты и непрестанной жары в центральном поясе, однако, отвергли — и хорошо, что отвергли. Чувство жаждет перемен и противится однообразию. Нынешняя, расписанная по месяцам и неделям, смена тепла и холода, дождей и ясности, ветров и тишины мне по душе.

Однако каждое место на Земле имеет свою особую прелесть. Никакие старания метеорологов не придадут воздуху в Гренландии и Якутии южного аромата и неги. На севере мир суровей и светлее, а у тропиков природа задумчивей и нежней. Синий, напоенный выразительными, как крик, ароматами, южный вечер волнует меня своей музыкальностью, — возможно, это надо сказать по-иному, я просто не подберу слова точнее.

Именно так я и выразился, когда мы прогуливались с Жанной и Андре по бульвару под пальмами и кипарисами. Жанна сорвала амариллис, кроваво-красный, с дурманящим запахом. Садовые амариллисы на севере, более мне привычные, не пахнут. Этот изнемогал, источая благовоние, два-три вдоха из его распахнутой чаши заставляли усиленно биться сердце.

— Глупая! — Андре забрал цветок у Жанны. — Если Охранительница не заботится о тебе, то позабочусь я. В твоем состоянии надо быть осторожней.

Я поинтересовался, что за состояние у Жанны. Она мало изменилась за два года, что мы не виделись. Андре объяснил, что они ждут мальчика. Он показал синтезированный по формулам портрет их ребенка, каким тот будет в десять лет. Я поразился, до чего малыш походил на Андре — те же глаза, нос, подбородок. Оказалось, Жанна на четвертом месяце, и вчера, перед отлетом в Каир на концерт, Медицинская машина, обследовавшая Жанну, установила, когда будут роды, затем рассчитала и отпечатала будущий портрет сынишки.

— Вот генетический гороскоп Олега, мы хотим назвать его Олегом, — сказал Андре. — Чудный парень, не правда ли? Ты полюбуйся, какова степень его познавательных способностей, как высок индекс жизненной активности!

Индекс жизненной активности у малыша был на двадцать единиц выше, чем в свое время высчитали мне. И степень познавательных способностей незаурядна. Однако меня не так поразили способности их будущего сынишки, сколько его сходство с Андре. Все эти великолепные цифры, какими нас снабжают при рождении, не более, чем возможности: возможности нужно осуществить, чтоб они стали реальностью, а это штука непростая! Набор жизненных индексов, как они изложены в родовых паспортах, — потолок, до него надо еще дотянуться. А сколько людей проходит жизненный путь, не взяв возможную высоту. Пока человечество в целом ниже того уровня, какой ему внутренне присущ. Мы пока не дорастаем до себя, — вот беда нашего времени!

— Яркий пример неосуществленных возможностей — Павел Ромеро, — сказал я. — Разве у него не определили при рождении больших математических способностей? А он не терпит математики! Он любит одну историю!

— О тебе было вычислено, что ум твой критичен и насмешлив, — и разве это не так? — возразил Андре. — Ромеро — исключение. В Олеге же я уверен — он осуществит все, что предсказывают его генетические данные.

— Пока он лишь более похож на тебя, чем ты сам, ибо ты

любишь менять свою естественную внешность. Ты не прятался возле машины, когда Жанну просвечивали?

Они в голос запротестовали. Жанна надула губы. Она гордилась сходством своего будущего сына с отцом больше, чем его высчитанными заранее необыкновенными способностями. В природе женщин много необъяснимого. Достаточно сказать, что генетические гороскопы девочек осуществляются далеко не так точно, как гороскопы мальчиков.

— Роды, по расчету, будут нелегкими, — говорил Андре. — Жанне надо придерживаться строгого режима. Охранительница же, нерадивая, слишком редко одергивает мою неразумную жену!

— Охранительница, не сомневаюсь, исправно выполняет свои обязанности, а ты, как всегда, тревожишься попусту.

— С тобой временами неприятно спорить. Ты до того логичен, что непереносимо. Рано или поздно ты женишься на Ольге, и вместо разговоров вы будете вычислять и обмениваться цифрами, как словами!

— Не смей! — сказала Жанна и обняла меня. — Эли — хороший, и я люблю его, а тебя нет. Я рада, что ты улетаешь надолго и оставляешь меня одну.

Слова Андре напомнили мне, что Ромеро обещал потолковать с Верой. Шел двенадцатый час. Я мог бы вызвать Веру по ее шифру. Не надо, решил я про себя, она подумает, что я упрашиваю ее. Однако не прошли мы и двух шагов, как на аллее вспыхнул видеостолб и в нем загорелся силуэт Веры. Она сидела на диване и улыбалась мне. Я видел люстру и цветы справа, остальное терялось во тьме меж цветами и картинами. Слева от Веры кто-то стоял, мне показалось, что это Ромеро, но Вера поняла, куда я смотрю, и освещенное пространство сузилось, охватывая лишь ее.

— Брат, — сказала. Вера, — ты мог бы по приезде на Землю явиться ко мне.

— У меня были дела по командировке, — сказал я. — И я не знал, что на вашей суматошной Земле стало модой ходить в гости.

— Ты мало изменился, Эли, — заметила она.

— Другие находят, что я очень изменился, — отозвался я.

Улыбка ее погасла. Она пристально, словно не веря, что это я, всматривалась в меня. Она раздумывала обо мне, чтоб не совершить ошибки. Такой я ее знал всегда — порывистой, резкой, но всегда справедливой.

— А теперь ты хочешь лететь на Ору?

— Разве запрещено человеку хотеть, что вздумается?

— Не все желания осуществляются, Эли.

— Я уже это изучал в курсе «Границы возможного» и, кажется, получил за благоразумие высший балл — двенадцать.

— Боюсь, твоего благоразумия дальше экзаменов не хватило.

— Я часто огорчался своему благоразумию на экзаменах.

Она засмеялась. Я люблю ее смех. Никто так не умеет смеяться, как Вера. Она словно освещается при смехе.

— Тебя не переговоришь, брат. Завтра вечером приходи. Обстоятельства стали другими, и, возможно, твое желание осуществится.

Я не успел ни поблагодарить, ни узнать, почему обстоятельства стали другими, — видеостолб погас. Андре в восторге пожал мою руку:

— Итак, ты едешь с нами, Эли!

— Вера сказала: возможно.

— Если Вера говорит: возможно, это значит — наверно!

Жанна тоже поздравила меня, но по-своему. Она сказала, что двумя сумасбродами на Земле станет меньше, а она устала от сумасбродств. Потом она прислушалась к себе.

— Охранительница требует, чтоб я легла, Андре. Не понимаю, почему такая спешка, еще нет двенадцати.

Андре схватил нас с Жанной под руки.

— Немедленно в гостиницу! Я могу объяснить, что случилось. Ты сегодня чувствуешь себя хуже, но не знаешь этого, а Охранительница на то и Охранительница, чтобы все знать о нас.

Мы прошли в их номер. Жанна удалилась в спальню, а я вышел на балкон. Внизу лежал спящий Каир, над ним раскинулась звездная полночь.

9

Может, я сентиментален, но у меня все внутри замирает, когда я остаюсь один на один со звездным небом.

Наших пастухов-предков охватывал страх при виде Вселенной, сверкающей на них тысячами бессмертных глаз, меня же охватывает восторг. Они и понятия не имели, как неисчислимо велик раскинувшийся вокруг мир, и все же ощущали себя исчезающе малыми перед лицом звездного величия. Я отлично знаю, сколько десятков и сотен парсеков до каждой из ярких звезд, но не чувствую себя ничтожным перед их грозной отдаленностью и громадой. Это блажь, в ней неудобно признаваться, но мне всегда хочется протянуть руки далеким мирам, так же вспыхивать и менять свой блеск, так же кричать, кричать во Вселенной сияющим криком!..

— Что с тобой? — спросил Андре, выйдя на балкон. — На

тебе лица нет.

— Любуюсь небом — ничего больше.

Он сел в кресло и, тихо покачиваясь, тоже засмотрелся на звезды. Вскоре и у него стало странно восторженное лицо, как и у всех, кто делается сопричастен величественности мироздания.

Звездная сфера медленно вращала светила вокруг невидимой оси. Небо, бархатно-черное, было почти над головой, протяни руку — дотронешься до звезды! На севере, у горизонта, сверкала Большая Медведица, в зените горел исполинский Орион, неистово пылал Сириус, а пониже, тоже чуть ли не у горизонта, торжественно вздымался Южный Крест, в Киле полыхал багрово-зеленый костер Канопуса. Воздух был так прозрачен, что я легко различал светила седьмой величины, а от жгучего блеска нулевых и отрицательных глазам становилось больно.

Андре тихо проговорил:

— А там, в безмерных провалах Вселенной, мы будем тосковать по родной Земле. Знаешь, Эли, я иногда думаю о людях, которые улетали в космос до того, как был применен эффект Танева. Рабам жалких досветовых скоростей, им не хватало их маленькой жизни на возвращение, они знали это — и все же стремились вперед.

— Ты хочешь сказать, что они были безумцы?

— Я хочу сказать, что они были герои.

Внизу тихо шумели листья пальм и акаций, всегда недвижные кипарисы вдруг забормотали жесткими ветвями. Я закрыл глаза, улыбаясь. Прямо на меня низвергался оранжевый глаз разъяренного небесного быка — Альдебарана. Двадцать один парсек, шестьдесят пять световых лет разделяли нас. Где-то там, в стороне Альдебарана, летела невидимая искусственная планета — Ора.

— Четыреста двадцать лет назад в пространстве затерялись Роберт Лист и Эдуард Камагин с товарищами, — задумчиво сказал Андре. — Может, и сейчас их корабль несется шальным небесным телом, а мертвые космонавты сжимают истлевшими пальцами рукояти рулей. Как же страдали эти люди, вспоминая маленькую, зеленую, навеки недостижимую Землю!

Я обернулся к Андре:

— Почему такая печаль, мой друг?

— Я страшусь оставлять Жанну, — сказал он хмуро.

— Что за опасения! Неудачных родов давно не бывает.

— Да нет, не то!..

Он помолчал, словно колеблясь. Колеблется Андре лишь в случаях исключительных.

— Перед женитьбой мы с Жанной запросили Справочную о

нашей взаимной пригодности к семейной жизни. И Справочная объявила, что мы подходим друг другу всего на тридцать девять процентов.

— Вот как! Никогда бы не подумал.

— Мы сами не ожидали. Очевидно, влюбившись, мы не замечали, что нас разделяло. Я был как пришибленный, Жанна плакала.

— Помню, помню, перед женитьбой ты ходил мрачный…

— Будешь мрачным! Соединиться, имея прогноз, что брак неудачен!.. Потом я сказал Жанне: ладно, пусть тридцать девять, да наши, в старину люди сходились при двух-трех сотых взаимного соответствия, ничего — жили!.. Она твердила, что мы друг другу быстро опротивеем, но я настаивал — пришлось ей уступить… Первые недели совместной жизни мы сдували друг с друга пушинки, во всем взаимно уступали, только бы не поссориться. Потом как-то остыли, и снова появился страх, не берут ли верх зловредные шестьдесят один процент над дорогими тридцатью девятью? Мы опять запросили Справочную. И что же? Взаимная наша пригодность составляла теперь семьдесят четыре процента!

— Ого!

— Да. Семьдесят четыре. Нам стало легче, но не очень. Ты напрасно улыбаешься. Пригоден я для Жанны или непригоден, но я не хочу ее терять. В день, когда была решена поездка на Ору, мы получили последнюю справку: наша взаимная пригодность достигла девяноста трех процентов — почти полное единение. Но и семь сотых лежат камнем на душе. Конечно, если бы я оставался на Земле…

— Все влюбленные глупы. Глядя на тебя, я радуюсь, что не влюблен.

— Это ругань, а не аргумент, Эли. — Андре уныло покачал головой. Я еле удержался от смеха, такое у него было лицо.

— Хорошо, послушай аргументы. Слыхал ли ты легенду о Филемоне и Бавкиде? Так вот, это была самая верная супружеская пара среди людей, и боги даровали им счастье умереть в один день, а после смерти превратили их в дуб и липу. Ромеро собрал все данные о Филемоне и Бавкиде и предложил Справочной просчитать их взаимное соответствие. Угадай, сколько получилось? Восемьдесят семь, на шесть сотых меньше, чем у тебя, чудак! Ты должен петь от радости, а не печалиться!

На это Андре не нашел возражений, и я добавил последний аргумент. Они, на Земле, чересчур уж подчинили машинному программированию все проявления жизни. Я понимаю, совершаемую на Земле гигантскую работу по управлению всеми

планетами осуществлять без автоматов невозможно. Но зачем отдавать машинному управлению те области, где легко обойтись собственным чутьем и разумом? Мы, на других планетах, действуем пока без Охранительниц и Справочных — и не погибаем! А когда я влюблюсь, я постараюсь ласкать возлюбленную, не спрашивая о взаимной пригодности, — сила нашей любви будет мерилом соответствия. Поцелуи, одобренные машиной, меня не волнуют! Я не Ромеро с его увлеченностью стариной, но признаю, как и он, что многое у наших предков было разумнее: они не программировали свои влечения.

Андре фыркнул:

— А что ты знаешь о старине? Ты же невежествен в истории. Откуда ты взял, что наши предки не программировали общественной и личной жизни? А их обязательные социальные законы? Их правила поведения? Их так называемые нормы приличия? Разве все это не программа существования? Прошелся бы ты по любому из старых городов! Да там каждый шаг был до ужаса запрограммирован: переходи улицу лишь в специальных местах и лишь при зеленом свете, не задерживайся и не беги, боже тебя сохрани остановиться на мостовой, двигайся с правой стороны, а обгоняй слева — тысячи мельчайших регламентаций, давно нами забытых. А их еда на торжественных вечерах? Не то что программа — священный ритуал выпивок, закусок, чередования блюд и спичей! Я утверждаю противоположное тому, что говоришь ты: мы несравненно свободнее наших предков и наши машины безопасности и справочные лишь обеспечивают, а не стесняют нашу свободу. Вот так, мой неудачный машиноборец.

Мне трудно спорить с Андре. Он на доли секунды соображает быстрее меня и бессовестно этим пользуется. Он не дает времени подумать над возражениями.

— Мы отвлеклись от темы, — сказал я.

— Единственное, от чего мы отвлекаемся, — это от сна. Третий час ночи, Эли. Я лягу на кровать, а ты пристраивайся на диване, ладно?

Он ушел, а я задержался на балконе.

Когда Орион повернулся над головой, я лег на диван и заказал Охранительнице музыку под настроение. Если бы Андре узнал, что я делаю, то закричал бы, что у меня нет вкуса и я не понимаю великих творений. Он обожает сильные словечки. Что до меня, то я считаю изобретение синтетической музыки для индивидуального восприятия величайшим подвигом человеческого гения. Она лишь для тебя, другой бы ее не понял. И древние Бах с Бетховеном, и более поздние Семенченко с Кротгусом, и штукари-модернисты Шерстюк с Галом творят для

коллективного восприятия. Они подчиняют слушателя себе — хватают меня за шиворот и тащат, куда нужно им, а не мне. Иногда наши стремления совпадают, и тогда я испытываю наслаждение, но это не часто. Индивидуальная музыка как раз та, какой мне в данный момент хочется. Андре обзывает ее физиологической, но почему я должен бояться физиологии? Пока я живу, во мне совершаются физиологические процессы, от этого никуда не денешься.

Вскоре зазвучала тонкая мелодия. Я сам создавал ее, Охранительница лишь воспроизводила то, чего я жаждал. Грустные голоса скрипок звенели, тело мое напевало и нежилось, за сомкнутыми веками, в темноте, вспыхивали световые пятна. Сперва все это совершалось живо и громко, потом слабело, и я засыпал, борясь со сном, чтоб ощущать по-прежнему музыку. «Завтра будет… Что будет?.. Завтра… день!» — возникла последняя смутная мысль, и она отозвалась во мне торжественно-радостной, радужно-зеленоватой мелодией.

10

Утром я узнал, что сегодня в средних широтах праздник Большой летней грозы, и поспешил в Столицу. Андре с Жанной улетели на рассвете. Когда я подошел к гостиничному стереофону, на экране показался смеющийся Андре.

— Ты так крепко спал, что нам с Жанной было жалко тебя будить. После Веры приходи к нам.

На улицах Каира чувствовалось, что предстоят важные события, в воздухе проносились аэробусы и авиетки, шумели крылья пегасов, извивались молчаливые драконы. Я вскочил в аэробус, летевший к Северному вокзалу, и полюбовался сверху панорамой гигантского города. На земле Каир многоцветен и разнообразен, с воздуха все забивают две краски — зеленая и белая, но сочетания их приятны для глаз.

Мы обогнали не меньше сотни пегасов и летающих змеев, пока добрались до вокзала. Экспрессы уходили на север поминутно.

Гроза, по графику, начиналась с двенадцати часов. На середине Средиземного моря мы врезались в первый транспорт облаков. Я знал, что с Тихого и Атлантического океанов заблаговременно подняты тысячи кубических километров воды и что их неделями накапливают на водных просторах, пока не придет время двинуть на материк. Но что и заповедное Средиземное море стало ареной тучесборов, было неожиданно. На Земле произошло много нового за два года, что я

отсутствовал. Я пожалел, что узнал о празднике поздно: хорошо бы слетать на Тихий океан посмотреть, как гигантские облачные массы, спрессованные в десятикилометровый слои, внезапно приходят в движение и, опускаясь с высоты, куда их загнали, бурно устремляются по предписанным трассам в предписанные места.

Ветер был около тридцати метров в секунду, Средиземное море бурлило, с каждым километром за окном становилось темней. Через некоторое время поезд повернул на восток и вырвался на ясное солнце. Минут двадцать мы летели вдоль кромки туч. Я поразился, с каким искусством формируют транспорты облаков, — километровая толща тумана неслась таким четким фронтом, как если бы ее подравнивали под линейку. Переход из темноты в ясность был внезапен.

В Столицу мы прибыли в одиннадцать и высадились на пересечении Зеленого проспекта и Красной улицы. Чтоб не выходить на многолюдный в праздники проспект, я свернул на Красную.

Это не самая красивая из двадцати четырех магистралей Столицы, но я ее люблю. Невысокие — в тридцать-сорок этажей — здания вздымаются кубами и многоугольниками, их опоясывают веранды высотных садов, уступы прогулочных площадок. Мне нравится яркость этой улицы. Красный цвет содержит тьму оттенков и полутонов. Одни здания взмывают малиновыми языками, другие простираются стеной багрового огня, третьи пылают оранжевой копной — и каждый не похож на соседа.

Однако и на Красной было много людей. Полеты на пегасах и драконах в Столице по-прежнему запрещены, зато сегодня жители высыпали в воздух на авиетках. Как всегда, усердствовала детвора, этому народу нужен лишь повод для шума, а разве есть лучший повод побеситься, чем Большая летняя гроза? Они отчаянно кувыркались над домами и деревьями. Я знал, что Охранительницы следят за ними, но становилось не по себе, когда малыши принимались соревноваться в падении с сороковых этажей. Один из этих десятилетних храбрецов с воплем обрушился на меня. Охранительница, разумеется, вывернула его авиетку, мальчишка пронесся мимо и повис, покачиваясь, метрах в десяти.

— Вот догоню тебя! — рявкнул я, стараясь сдержать улыбку.

— Не догоните. Я от всякого убегу.

И он тут же удрал наверх — выглядывать с орлиной высоты новую жертву.

На пересечении Красной улицы и Звездного проспекта стояли

свободные авиетки. Я сел в одну и мысленно распорядился: «В Музейный город». Авиетка через три минуты опустилась на площадь Пантеона, около памятника Корове. Приезжая в Столицу, я всегда захожу в Пантеон. Ныне сюда уже не вносят никого. Но могучие умы и характеры прошлых веков, своей деятельностью подготовившие наше общество, заслужили вечный почет — он был им оказан прадедами нашими, построившими Пантеон. На фронтоне дворца висит надпись: «Тем, кто в свое несовершенное время был равновелик нам». Андре иногда смеется, что надпись хвастлива: задираем нос перед предками. А я в ней вижу равнение на лучших людей прошлого, желание стать достойными их.

Я прошел аллею памятников вымышленным людям, оказавшим влияние на духовное развитие человечества, — Прометею, Одиссею, Дон-Кихоту, Робинзону, Гамлету, Будде, мальчишке Геку Финну и другим — сотни поднятых голов, скорбных и смеющихся лиц. В стороне от них, у самой стены, приткнулась статуя Андрею Таневу, и я постоял около нее.

Собственно, Танев жил, а не был придуман, о его жизни многое известно, хотя тюремные его тетради были найдены лишь через двести лет после смерти. Но правда так переплелась с выдумкой в истории Танева, что достоверно одно: в начале двадцатого века по старому летосчислению жил человек, открывший превращение вещества в пространство и пространства в вещество, названное впоследствии «эффектом Танева», этот человек долго сидел в тюрьме и вел свои научные работы в камере.

Скульптор изобразил Танева в тюремном бушлате, с руками, заложенными за спину, с головой, поднятой вверх, — узник вглядывается в ночное небо, он размышляет о звездах, создавая теорию их образования из «ничто» и превращения в «ничто». То, что мы знаем о Таневе, рисует его, впрочем, вовсе не отрешенным от Земли мыслителем, — он был человек вспыльчивый, страстно увлеченный жизнью, просто жизнью, хороша она или плоха. До нас дошли его тюремные стихи — нормальный человек на его месте, вероятно, изнывал бы от скорби, он же буйно ликует, что потрудился на морозе и пурге и, с жадностью проглотив свою пайку, лихо выспится. Вряд ли человек, радовавшийся любому пустяку, очень тосковал о звездах. Тем не менее Таневу первому удалось вывести формулы превращения пространства в массу, и он первый провозгласил, что придет время, когда человек будет как бог творить миры из пустоты и двигаться со сверхсветовой скоростью, — все это содержится в его тюремных тетрадях.

От Танева я прошел к голове Нгоро. Она стоит недалеко от

статуй Маркса и Ленина, открывающих галерею реальных учителей и ученых человечества. Я всегда посещаю это место перед началом важного дела. Ромеро шутит, что я поклоняюсь памятникам великих людей. Правда тут одна: мне становится легче и яснее, когда я гляжу на этих людей и особенно на величайшего из математиков прошлого.

В середине галереи, на пьедестале, возвышается хрустальный колпак, а в колпаке покоится черная курчавая голова Нгоро. Она кажется живой, лишь плотно закрытые глаза свидетельствуют, что уже никогда не оживет этот могучий мозг. Нгоро до странности похож на Леонида — тот же широкий, стеною, лоб, те же мощные губы, мощные скулы, удлиненный подбородок, крутые вальки бровей, массивные уши — все в этой удивительной голове мощно и массивно. Но если выразительное лицо Леонида хмуро, его иногда сводит судорога гнева, то Нгоро — добр, глубоко, проникновенно добр.

Когда еще в школе я узнал, что Нгоро попал в аварию и малоискусной медицине его века удалось спасти лишь голову, отделенную от плеч, меня поражало, что голова потом разговаривала, мыслила, смеялась, даже напевала, к ночи засыпала, на рассвете пробуждалась — жила, нормально жила тридцать два долгих года! Один древний музыкант, оглохнув, написал лучшую из своих симфоний, голова Нгоро, отделенная от туловища, довершила теорию создания научных систем, путем разложения любого экспериментального факта в математический ряд. И, приближаясь к голове Нгоро, я вспоминал, что друзья ученого часто плакали перед ним и Нгоро упрекал их за малодушие и твердил, что ему хорошо, раз он может еще приносить людям благо. Он скончался на шестьдесят седьмом году жизни. Он знал, что умирает, искусственное кровообращение могло продлить жизнь головы, но не могло сделать ее бессмертной. Он простился с друзьями, послал привет всему разумному и хорошему, что еще придет на Землю, и тихо, все с той же доброй улыбкой, заснул в обычное свое время, в начале ночи, — на этот раз навсегда.

И сейчас я стоял перед великой головой, а Нгоро улыбался черным лицом, и оно было такое, словно Нгоро уснул сегодня ночью, а не двести лет назад.

— Нгоро! — сказал я. — Добрый ясновидящий Нгоро, я хочу быть хоть немного похожим на тебя!

Ромеро, наверно, съязвил бы о молитве дикаря своему божку, а я так растрогался, что на глаза навернулись слезы. И, как всегда, когда я беседую с головой Нгоро, мне стало легко, и покойно, и радостно.

В это время снаружи зазвонили колокола, запели трубы.

— Тучи! Тучи! — кричали на площади.

Я побежал к выходу, вызывая через Охранительницу авиетку.

11

Тучи вырвались из-за горизонта и быстро заполняли небо.

Я поспешил подняться над островом Музейного города — остров окружают три кольца высотных домов, заслоняющих видимость. Первое кольцо, Внутреннее, еще сравнительно невысоко, этажей на пятьдесят — шестьдесят, но второе, Центральное, вздымающееся уступами, гигантским тридцатикилометровым гребнем опоясывает город, и, где бы человек ни стоял, он видит в отдалении стоэтажные громады этого хребта, главного жилого массива Столицы.

Рядом со мной взлетали сотни других авиеток, а над городом их было уже так много, что никакой человеческий мозг не смог бы разобраться в созданной ими толчее. Я вообразил себе, что выйдет из строя Большая Государственная машина и Охранительницы веселящихся в воздухе жителей Столицы потеряют с ними связь, и невольно содрогнулся: люди, налетая один на другого, рушились бы на крыши и мостовые, превращались в кровавое месиво. К счастью, на Земле аварий не бывает.

Тучи летели стеной и за минуту закрыли половину небосвода. Мир вдруг распался на две части: одна — черная, вздыбленная ветром — пожирала вторую — сияющую, лениво-успокоенную. Дико налетел ураган, авиетки повернули на него носы и закачались, форсируя мощности. Я приоткрыл окно и чуть не задохся от удара несущегося воздуха. Даже на этой высоте было слышно, как осатанело ревет буря. А потом нас сразу, без перехода, охватила тьма. Я уже не видел летящих рядом, и меня никто не видел. Я знал, что машины безопасности охраняют нас, но на миг мне стало страшно, и я повернул к городу. То же, вероятно, испытывали другие: когда первая молния осветила пространство, кругом все катили вниз. Выругав себя за трусость, я направил авиетку в переплетение электрических разрядов.

Может, я ошибаюсь, но в этом летнем празднике, мне кажется, всего прекрасней не гроза, но приближение ее — неистовый полет туч и сражение молний. Вспышки света и грохот воздуха приводят меня в смятение. Я ору и лечу в крохотной авиетке, сам подобный шаровой молнии. В глубинах каждого из нас таятся дикие предки, поклонявшиеся молнии и грому. Различие меж нами, может, лишь в том, что они суеверно падали

на колени перед небесным светопреставлением, а мне хочется померяться мощью со стихиями природы. По графику световым разрядам отведено всего двадцать минут, и я устремился в центр разряда, где накапливались высокие напряжения, — толчок воздуха здесь подобен взрыву, а яркость электрического огня ослепляет даже сквозь темные очки. Это спорт смелых, так мне кажется. Многие считают его забавой безрассудных.

Невдалеке вспыхнула молния с десятками изломов и отростков, похожая на исполинский корень. Параллельно ей зазмеилась другая, а сверху ударила третья. Все слилось в разливе пламени. Мне померещилось, что я угодил в центр факела и испепелен. Но все три молнии погасли, а на меня — чуть ли не во мне самом — обрушилась гора грохота. Ослепленный и оглушенный, я на секунду потерял сознание: авиетка рухнула вниз и остановилась лишь над крышей дома.

В одной из приземлившихся машин я увидел вчерашнюю невежливую девушку с высокой шеей. Я помахал ей рукой и взмыл в новое сгущение потенциалов. Попасть в разряд на этот раз не удалось; авиетка вышла на параллельный полет. Я понял, что вмешалась Охранительница.

— В чем дело? — крикнул я вслух, хотя Охранительницу достаточно вызывать мыслью.

В мозгу вспыхнул ее молчаливый ответ: «Опасно!».

Я закричал еще сердитей:

— Пересчитайте границу допустимого! У вас там трехкратные запасы безопасности!

На этот раз бесстрастная машина снизошла до обстоятельного — голосом — ответа. Буря в этом году мчится на таком высоком уровне энергии, что чуть ли сама не вырывается из контроля. Механизмы Управления Земной Оси запущены на всю мощность, чтоб удержать грозу на заданной трассе и в предписанной интенсивности. Любое местное нарушение системы разрядов может привести к выпадению из режима всей грозовой массы.

Спорить с Охранительницей бессмысленно. Отключить ее — на всех планетах считается серьезным проступком, на Земле же с ее строгим режимом это попросту неосуществимо. Я метался под тучами от молнии к молнии, не успевая к разряду, но наслаждаясь реками света и ревом испепеленного воздуха. Раза два меня основательно качнуло, разок отшвырнуло в сторону — забава в целом вышла недурная. А когда прошли двадцать минут, отведенные на разряды, хлынул дождь, и я поспешил в город: дождь надо испытывать на земле, а не в воздухе, и телом, а не машиной. Я приземлился на площади и выскочил на ливень.

Авиетка тотчас улетела на стоянку, а я побежал к дому напротив и, пока добежал, основательно промок. Под навесом стояло человек двадцать. Мой вид вызвал смех и удивление: я был одет не по погоде. Среди прочих оказалась все та же девушка. Она положительно невзлюбила меня с первого взгляда. Она единственная смотрела на меня враждебно. Меня так возмутила ее молчаливая неприязнь, что я вежливо заговорил:

— Простите, я не с вами повстречался недавно чуть ниже туч?

— И основательно ниже, почти у земли, — сказала она холодно. — Вы, кажется, закувыркались от разряда?

— Я утратил управление. Но потом я возвратился в район разрядов.

— И это я видела — как вы фанфаронили на высоте.

Она явно хотела меня обидеть. Она была невысока, очень худа, очень гибка. Брови и вправду были слишком массивны для ее удлиненного нервного лица, они больше подошли бы мне, чем этой девушке. Она мало заботилась о своей внешности. Конечно, изменить форму головы трудно, но подобрать брови к лицу просто, другие женщины обязательно бы сделали это.

— Не люблю, когда на меня бессмысленно уставляются, — сказала она и отвернулась.

Я не нашел что ответить и ушел, почти убежал из-под навеса. Вслед мне закричали, чтоб я возвратился, но ее голоса я не услышал и пошел быстрее. Дождь уже не лил, а рушился, он звенел в воздухе, грохотал на тротуарах и аллеях, гремел потоками. Холодная вода струилась по телу, это было неприятно. Охранительница посоветовала сменить одежду на водонепроницаемую, какую носят все на Земле. Пришлось вызвать авиетку и поехать в ближайший комбинат.

Через десять минут я вышел на дождь в обмундировании землянина. На Плутоне ливней, подобных земным, не устраивают, и там мы позабыли, что значит одеваться по погоде. Зато теперь я мог спокойно бродить по улицам. Дождь не ослабевал — вода была под ногами, с боков, вверху. Она рушилась, вскипала, рычала, осатанело неслась. Я запел, но кругом так шумело, что я себя не услышал. Громады Центрального кольца пропали в серой невидимости, посреди дня наступила ночь. Лишь водяная стена, соединявшая полупотопленную землю и невидимое небо, тонко, предрассветным сиянием, мерцала и вспыхивала — дождь сам озарял себе дорогу.

Все это было до того красиво, что меня охватил восторг.

А еще через некоторое время чернота туч смягчилась и день

медленно оттеснил искусственно созданную ночь. Стали видны здания и башни причальных станций. Трубы низвергающейся воды утончились в прутья, прутья превратились в нити, нити распались на клочья, клочья уменьшились до капель — дождь уходил на восток. Было шестнадцать часов, гроза заканчивалась точно по графику. На улицы и парки высыпала детвора, в воздухе снова замелькали авиетки, в окнах затрепыхались флаги. Солнце жарко брызнуло на землю, с земли понеслись ликующие крики — праздник продолжался.

Я зашел в столовую и, не разглядывая, нажал три кнопки меню. Это была старая игра — выпадет ли что нравится? Мне повезло, автоматы подали мясные грибы, любимое мое кушанье. Два других блюда — сладенькое желе и пирог — были не так удачны, но согласно правилам игры я съел и их. Пора было идти к Вере.

12

Вера ходила по комнате, а я сидел. Она казалась такой же, как прежде, и вместе с тем иной. Я не мог определить, что в ней изменилось, но чувствовал перемену. Она обняла меня за плечи и похвалила мой вид.

— Ты становишься мужчиной, Эли. До пятидесяти лет ты был мальчишкой, и отнюдь не примерным.

Я молчал, разглядывая ее. Так у нас повелось издавна. Она выговаривала мне за проказы, я хмуро отворачивался. Нетерпеливая и вспыльчивая, она болезненно переживала мои шалости, а я сердился на нее за это. Отворачиваться сейчас не было причин, но и непринужденного разговора не получалось. О наших делах на Плутоне она знала не хуже меня.

Она иногда останавливалась, закидывая руки за голову. Это ее любимая поза. Вера способна вот так — со скрещенными на затылке руками, высоко поднятым лицом — ходить и стоять часами. Я как-то попробовал минут тридцать выстоять так же, но не сумел.

Сегодня она была в зеленом платье с кружевами на плечах, кружева прихватывала брошка — красно-желтая змея из дымчатого камня с Нептуна. Вера любит брошки, иногда надевает браслеты — пристрастие к украшениям, кажется, единственная ее слабость. Я наконец разобрал, что в ней изменилось. Изменилась не она, а мое восприятие ее. Я видел в ней то, чего раньше не замечал. Я вдруг понял, что Вера необыкновенно красива.

О ее красоте я знал и раньше, все твердили, что она красавица. «Ваша сестра — греческая богиня!» — говорил Ромеро.

Для меня она была старшей сестрой, заменившей рано умершую мать и погибшего на Меркурии отца, строгой и властной сестрой, — я не приглядывался к ее внешности. Но теперь я не только знал, но и видел, что Ромеро прав.

Она спросила с удивлением:

— Что ты приглядываешься ко мне, Эли?

Я признался, усмехнувшись:

— Обнаружил, что ты хороша, Вера.

— Ты ни в кого не влюбился, брат?

— Жанна приставала с тем же вопросом. По какому признаку вы определяете, что я влюблен?

— Только по одному — ты стал различать окружающее. Раньше ты был погружен в себя, жил лишь своими страстями.

— Страстишками, Вера. Дальше проказ не шло, согласись. Побегать одному в пустыне или Гималаях, забраться тайком в межпланетную ракету — помнишь?

Она не отозвалась. Она остановилась у окна и глядела на город. Я тоже помолчал. Мне незачем было торопить ее. И без понукания она объяснит, зачем позвала к себе.

— Ты закончил свои командировочные дела на Земле? — спросила она, обернувшись.

— Закончил, и вполне успешно. Мы получили все материалы и механизмы, которые запрашивали.

— Павел сообщил, что ты возобновляешь свое ходатайство о поездке на Ору. Почему ты стремишься на звездную конференцию? Я не уверена, что ты правильно понимаешь, какие мы ставим себе задачи на Оре. До сих пор ты был равнодушен к тому, что волнует других.

Я засмеялся. Характер у Веры не изменился за те два года, что мы не виделись, хоть внешне она показалась иной. Каждый наш разговор превращался в экзамен того, что я знаю и умею. Я твердо решил на этом новом экзамене не проваливаться.

— Не так уж равнодушен, Вера. И я аккуратно слушаю передачи с Земли. А о конференции на Оре всем прожужжали уши.

— Ты не отвечаешь на мой вопрос, Эли.

— Я не дошел до ответа. Вот он, дорогая сестра. Вы собираете на Оре жителей соседних звездных миров, чтоб познакомиться с их нуждами и возможностями, завязать с ними дружеские связи, наладить обмен товарами и знаниями, организовать межзвездные рейсы. Задуман проект Звездного Союза, объединяющего всех разумных существ нашего района Галактики… Верно я излагаю?

Вера размышляла над моими словами, а может, думала о своем. Она была озабочена, — теперь я это видел ясно.

— Верно, конечно. И вместе с тем уже неверно.

— Я тебя не понимаю, сестра.

— Видишь ли, общепризнанные задачи Оры ты рассказал точно. Но я не уверена, что эти задачи сохраняются. Открыто много неожиданного…

Я вспомнил, что говорил Аллан о существах, похожих на нас и равных нам по мощи.

— Речь о них, — подтвердила Вера.

— Аллан сообщил, что информация обрабатывается. Вы уже получили полные данные?

— Полные данные будут известны завтра. Но и того, что мы узнали вчера и сегодня, достаточно для размышлений — смущения и нелегких размышлений, Эли…

— Вера, прошу тебя…

— Здесь нет тайн, брат, и сейчас ты все узнаешь.

— Мне показалось, ты колеблешься, говорить или нет?

— Просто обдумываю, с какого конца начать. Новые данные обрушились так неожиданно… Мы, разумеется, понимали, что обследован нами лишь незначительный участок Галактики, несколько тысяч соседних звезд, и делать окончательные выводы преждевременно, если вообще это когда-либо возможно — делать окончательные выводы… Но, открывая одно звездное общество за другим и обнаруживая, что все они ниже по техническому и социальному уровню, чем человеческое, мы как-то утвердились в чувстве своей исключительности. Жители Альдебарана и Капеллы, Альтаира и Фомальгаута, даже вегажители, не говоря о бесчисленных ангелах в Гиадах, — все они уступают человеку. Наши звездные соседи примитивней нас, — таков факт. И что собираем конференцию на Оре мы, а не кто-либо из них, как раз и свидетельствует об особой роли человека среди звездожителей.

— А новые данные с грохотом опрокидывают ваш вариант антропоцентризма наших предков? Человек отнюдь не пуп и не единственная вершина мироздания, правильно я тебя понимаю, Вера?

— Ты всегда торопишься, брат. Мартын Спыхальский, наш руководитель на Оре, доставил записи сновидений ангелоподобных одной из крайних звезд в Гиадах — Пламенной В. Два слова об этой звезде. Она немного горячее Солнца, класса F-8, у нее девять планет, тоже мало отличающихся от Земли, и все они населены четырех- и двукрылыми ангелами. Уровень общественной жизни низок — примитивная материальная культура, вражда племен, отсутствие письменности и машин. Но запись излучений их мозга при сновидениях раскрыла факты, каких мы пока не встречали. В своих снах ангелоподобные с

Пламенной В видят существ, мало отличающихся от людей, и видят их воистину в трагических ситуациях. Интересно, что бодрствующие ангелы объясняют свои сны, как изображения бытующих у них сказок о каких-то высших по разуму и мощи существах.

— А может, это и вправду сказки? Вроде человеческих сказок о богатырях и волшебниках?

— Сказки у них тоже записаны — они беднее снов. Судя по всему, похожие на людей существа прилетали в Гиады издалека. Кстати, БАМ перевела их название словом «галакты», а не «звездожители», как обычно. Это еще не все. Тому, что где-то во Вселенной есть похожие на нас существа, можно лишь радоваться — постараемся познакомиться с ними и завязать дружбу. Ты помнишь, я сказала, что новые открытия вызывают смущения и нелегкие размышления? Дело в том, что у галактов существуют могущественные враги, с которыми они находятся в состоянии космической войны, такой невообразимо огромной, что она подходит к границе нашего понимания. Объектами разрушения в этой войне являются уже не существа и механизмы, как в древних человеческих сражениях, а небесные тела, планетные системы. Ангелы именуют грозных существ, враждующих с галактами, зловредами.

— Зловреды! — воскликнул я. — Какое нелепое название! В нем что-то инфантильное. Для научного термина оно, по-моему, мало подходит.

— Думаю, БАМ не случайно выбрала это слово из тысяч других. Очевидно, оно дает самое точное определение их поведения. Другой вариант — разрушители. Интересно, что на вопрос, каковы внешне зловреды, БАМ ответила: «Неясно».

— Крепкий же это орешек, если сверхмогущественая БАМ не сумела его разгрызть!

— Очевидно, недостает данных. С названием «разрушители» ассоциируются расшифрованные понятия: «Уничтожать живое», «Сжимать миры». Завтра ты увидишь на стереоэкране, как это выглядит. Похоже, зловреды владеют обратной реакцией Танева, то есть создают вещество, уничтожая пространство, без этого миры не «сжать». А галакты противодействуют им — в результате в межзвездных просторах кипит война.

Я поежился.

— Это так грандиозно, словно ты описываешь битву богов.

— Я излагаю расшифрованные записи, не больше. И что значит «битва богов»? Нынешнее могущество человека много больше того, что люди когда-то приписывали богам, тем не менее мы люди, а не боги. Луч света далеко отстает от наших

галактических кораблей, — разве это не показалось бы жителю двадцатого века сверхъестественным? В сегодняшнюю грозу ты мчался наперегонки с молниями. Вряд ли подобную забаву сочли бы естественной сто лет назад.

— Ты и об этом, оказывается, знаешь?

— Я следила за тобой. Раз ты в Столице, следует ожидать рискованных чудачеств. Почему-то ты считаешь этот город лучшим местечком для озорства. На Плутоне ты вел себя сдержанней.

— На Плутоне у меня не хватало времени для забавы. И потом, там отсутствуют Охранительницы. Скажи теперь, Вера, какие выводы вы делаете из информации о галактах и зловредах?

— Завтра собирается Большой Совет, будем решать. Но и сейчас уже ясно, что возникли десятки государственных вопросов, и каждый требует скорого ответа. Существуют ли еще зловреды и галакты или информация о них — пережиток миллионы лет назад отгремевших катаклизмов? Кто из них победил в космической схватке? Может, обе стороны погибли в своих чудовищных сражениях? Какое отношение имеют к нам, людям, так удивительно похожие на нас галакты? А если те и другие еще существуют, то где они обитают? На планетах Солнечной системы нет следов их появления, — почему? Не грозит ли самому существованию человечества то, что где-то на дальних звездах обитают эти существа? Мы выходим, впервые в нашей истории, на галактические трассы — безопасны ли они для нас? Мы вознамерились создать Межзвездный Союз разумных существ, — не рано ли? Может, нам следует полностью замкнуться в мирке солнечных планет? Есть и такое мнение, Эли! У нас огромные ресурсы, — не направить ли их все на строительство оборонительных сооружений? Может быть, возвести вокруг Солнечной системы кольцо искусственных планет-крепостей, — и об этом надо поговорить. Словом, множество непредвиденных, важных проблем! И решением некоторых из них придется заняться тебе, Эли, — с нашей помощью, конечно.

— … Очень рад, — сказал я, волнуясь. — Значит ли это, что я поеду с вами на Ору, или у меня будет другое задание?

— Звездожители уже съезжаются на Ору. Встретиться с обитателями других миров обязательно, — таково мое мнение. Как тебе известно, руководить совещанием на Оре поручается мне. Я хочу взять тебя секретарем.

— Секретарем? Что это такое? В жизни не слышал.

— Была в древности такая профессия. В общем, это помощник. Думаю, ты справишься.

— Я тоже так думаю. Тебе придется запросить Большую,

подхожу ли я в секретари?

— Большая уже сделала выбор. Я попросила в секретари человека мужественного, умного, быстрого до взбалмошности, решительного до сумасбродства, умеющего рисковать, если надо, жизнью, любящего приключения, вообще неизвестно, — никто теперь не знает, с чем мы столкнемся в далеких мирах. И Большая сама назвала тебя. Должна с прискорбием сказать, что ты один на Земле обладаешь полным комплексом сумасбродства.

Я кинулся обнимать Веру, она со смехом отбивалась, потом горячо расцеловала меня. Я еще в детстве открыл, что, как бы она ни сердилась, достаточно полезть с поцелуями, и через минуту злости ее как не бывало, и она становится веселой и говорливой. Лишь врожденное недоброжелательство к подлизыванию и умильным словечкам мешали мне эксплуатировать эту забавную черту ее характера.

— Я рада за тебя, Эли! — сказала она. — Хоть сегодня больше поводов для тревог, чем для радости, я рада за тебя.

Я шумно ликовал.

— Ну что же, Вера, — сказал я, успокоившись. — Возможно, на Земле я кажусь сумасбродом. Но эти дурные свойства моего характера могут пригодиться в иных мирах.

— И зло можно повернуть на добро. Но лучше без зла. Еще одно, брат. Тебе разрешено быть завтра в Управлении Государственных машин. Нам покажут, что удалось расшифровать. Ровно в десять — не опаздывай! — Она встала. — Пора спать. Твоя комната в том же виде, в каком ты ее оставил, улетая на Плутон, — прибрана, конечно.

— Я не хочу спать. Я посижу в саду.

13

В Столице дома опоясаны верандами через каждые пять этажей и садами на террасах каждого следующего двадцатого. Наша с Верой квартира на семьдесят девятом этаже Зеленого проспекта — внутренней стороны Центрального кольца. Я поднялся выше и присел в саду восьмидесятого этажа. Не помню уже, сколько я там сидел и о чем думал. Путаные мысли переплетались с путаными чувствами, — я был счастлив и озабочен. Потом я стал рассматривать ночной город.

В школах учат, что древние города ночью заливало сияние прожекторов и люминесцентных ламп. Они были шумны. На улицах вечно толклись прохожие Хоть Столица — город немолодой, ей скоро четыреста лет, и давно уже не возводят таких скоплений зданий на клочке земли, в остальном она

современна. Ночью магистрали Столицы темны и тихи. Чтоб не зажигать беспокоящий уличный свет, люди в сумерки надевают очки-преобразователи и отлично ориентируются в темноте. Я люблю ночные контрасты Столицы — темные улицы и проспекты и сияющие полосы этажей. Сверкающая горная цепь Центрального кольца терялась вдалеке, за черной долиной парка вздымалось параллелями освещенных этажей Внутреннее кольцо — неозираемо широкая лестница от земли к небу.

Зато Музейный город, центр Столицы, был неразличим.

Ни пирамиды, ни ассирийские и египетские храмы, ни Кремль, ни собор Святого Петра, парижский Нотр-Дам, кельнская и миланская готика — все эти великие памятники прошлых веков, воспроизведенные на островном клочке земли, — ни одна из этих высоких точек, отчетливо видимых днем, не прорезалась искоркой в темноте.

Лишь красное полушарие на центральной площади — Управление Государственных машин — заливал свет. На Земле каждому человеку разрешено входить куда он хочет — на заводы, на склады, в институты, в общественные дворцы, только одно это здание под запретом. Любой из нас тысячи раз видел на стереоэкранах все комнаты и коридоры этого знаменитого «завода мысли и управления», как некоторые выспренно его называют, однако немногие счастливцы могут похвастаться, что побывали в нем. Три важнейших механизма — Большая Государственная, Большая Академическая и Справочная — неустанно, днем и ночью, не останавливаясь ни на секунду, трудятся там уже скоро два столетья.

Я смотрел на красное здание и думал, что сегодня в нем распутывают одну из труднейших загадок, когда-либо стоявших перед человечеством, и что, может быть, все благосостояние Земли зависит от того, правильно ли машины разберутся в ней. И еще я думал о том, что мне придется далеко умчаться от этого места, где, среди ста миллиардов элементов Большой, имеется и неповторимо мой уголок в миллион клеточек, моя Охранительница, мудрый и бесстрастный мой наставник и поводырь. Я не раз сердился на Охранительницу, обзывал ее бесчувственной и бесполезной, и даже хвастался своим ироническим отношением к управляющим машинам. Но, по-честному, я привязан к ней, как не всегда привязываются к живому человеку.

Кто, как не она, бдительно отводит от меня опасности, оберегает от болезней и необдуманных шагов, а если меня что-то гложет, разве она не докапывается до причин неполадок и упадка духа и, маленькая, не больше меня самого, часть Большой, ставит

их перед всем обществом, как важную социальную проблему, если, по ее критерию, они того заслуживают. И разве я не всегда уверен, что если мне явится полезная людям идея, то, хоть сам я и забуду о ней, Охранительница, подхватив ее, введет в код Большой, а та немедленно реализует или поставит на обсуждение перед всем человечеством, — пусть лишь мелькнувшая у меня в мозгу идея стоит такого внимания!

Я также вспоминал, что, если ошибусь, совершу неудачный поступок, лишь бы он не вредил другим, Охранительница промолчит о моих неудачах, ни один друг, самый вернейший, не хранит так тайн, как она! Нет, для меня она не была просто умно придуманной, умело смонтированной частью громадной машины, она была своеобразной частью меня самого, моей связью со всем человечеством, миллионами рук, протянутых мной каждому человеку! Скоро, очень скоро эти связи ослабнут, если не исчезнут совсем, — Большую с ее ста миллиардами элементов в далекие путешествия не взять!

Мне захотелось в последний раз испытать могущество обслуживающих нас машин. Я приказал Охранительнице узнать, что за девушка дважды обругала меня. В мозгу засветился ответ: «Справочной для ответа не хватает данных». После лирических размышлений о всесилии управляющих машин ответ Справочной смахивал на насмешку.

Андре любит доказывать, что мы живем в примитивное время, переходное к полностью устроенному обществу, — потребности, особенно духовные, все возрастают, половина остается неудовлетворенной. Еда, одежда, жилища, средства передвижения, образование, свободный выбор профессии — блага элементарные, их отпускают вволю, но их мне уже недостаточно, говорит он. Если же я задумаю переменить свои влечения и наклонности или из старика превратиться в юнца, даже Большая разведет своими электронными руками. Воображаю, как бы он посмеялся моей неудаче со Справочной.

Я прислонился головой к олеандру и стал вспоминать встречи с той девушкой — толкотню у концертного зала, резкий разговор под навесом, куда мы укрылись от ливня. Я видел ее — сердитую, темноглазую, с тонким лицом, с высокой шеей и широкими бровями…

— Теперь данных достаточно, — зазвучал голос Охранительницы. — Девушка — Мэри Гланн, родом из Шотландии, курс проходила на Марсе, куда уезжала с отцом. Сорок три года, рост сто восемьдесят два сантиметра, вес семьдесят пять килограммов, не замужем. Главное увлечение — выращивание растительных форм для планет с высокой

гравитацией и жестким излучением.

— Женихов эта Мэри Гланн не запрашивала? — поинтересовался я.

— Сердечных увлечений не было.

Я продолжал играть в «жениха и невесту», как называется в школах эта забава. Там Справочную засыпают вопросами о взаимной пригодности, особенно увлекаются этим девочки. Они перебирают по тысяче «женихов», а выходят замуж чаще всего не за тех, кого им рекомендовала Справочная.

— А я бы подошел ей? Какова степень нашей взаимной пригодности?

На этот раз Охранительница передала ответ Справочной секунды через четыре. Воображаю, какую бездну семейных возможностей — нежностей, страсти, объятий, ссор, примирений, недоразумений, бед, обид, радостей, ликований — она рассчитала за это время! Я вдруг услышал презрительный голос Ромеро: «Не кажется ли вам, дорогой друг, что машинная техника нашего времени переросла себя? Раньше такие явления назывались: „Зашел ум за разум“». Голос зазвучал так реально, что я обернулся. Подслушать мои запросы он, впрочем, не мог, тайна мыслей охраняется строго. Справочная наконец возвестила:
— Ваша взаимная пригодность — десять и три десятых процента. Ее индивидуальная годность к вам — семнадцать и две десятых процента, ваша к ней — две и восемь десятых процента. Развод вероятен на первом месяце семейной жизни, неизбежен — к середине второго.

Я вспомнил, как Ромеро рассказывал смешную историю. Нашлись два романтика, мужчина и девушка, до того уверовавшие в безошибочность Справочной, что всерьез поручили ей отыскать себе пару. И Справочная, перебрав всех жителей Земли, свела именно их, как максимально пригодных для совместной жизни. Теперь дело оставалось за тем, чтоб встретиться и влюбиться. Они встретились и почувствовали друг к другу отвращение.

Я грубо потребовал от Справочной:

— Эта, как ее, — Мэри? Обо мне не запрашивала?

Охранительница обычно разговаривает приятным женским голосом, реже — ворчливым тенорком старичка, еще реже — просто зажигает в мозгу свои ответы. Не знаю, почему так происходит, кажется, конструкторы не хотели, чтоб люди свыкались с машиной, как с человеком. Если это так, то их предосторожность малодейственна. В мозгу замерцала холодная зеленоватая надпись: «Нетактично. Не передаю Справочной».

Я потянулся и встал. В мире не существовало девушки,

которая так бы мало меня интересовала, как эта Мэри. И я уже говорил Андре, что, влюбившись, не буду спрашивать у Справочной советов.

Я пошел спать.

14

На другое утро ничто в городе не показывало, что вчера был праздник.

Если бы в Столице появился никогда в ней не живший человек, он не поверил бы, что ее населяют пятнадцать миллионов, до того малолюдны и тихи ее улицы: детишек вывезли еще вчера, в загородные сады и школы, а взрослые на заводах и в институтах. Если на улицах появляются неторопливые, осматривающиеся по сторонам люди, то, не спрашивая, понятно, что это туристы. Особенно много туристов в Музейном городе. Пока я добрался до Управления Государственных машин, я обогнал их групп десять, не считая одиночек.

У входа в здание я повстречался с Ромеро и Андре.

— Ты не пришел к нам, — сказал Андре. — А Жанна тебя ждала.

— Важный был разговор с Верой.

О результатах разговора с Верой Андре уже знал от Ромеро. Оба поздравили меня с назначением на Ору. И Ромеро, и Андре казались встревоженными. Аллан, Ольга и Леонид, присоединившиеся к нам в вестибюле, тоже выглядели озабоченными. От легкомыслия, с каким два дня назад мы слушали первое сообщение о галактах и разрушителях, ни у кого не осталось и следа. Только подошедший после нас Лусин был спокоен. Лусина волнуют лишь диковинные животные.

— Кто из вас уже бывал здесь? — спросил Андре. — Я — впервые.

Ромеро показал нам здание. Все три великие машины — и Большая Государственная, и Большая Академическая, и Справочная — смонтированы в многоэтажных подвалах, мы туда не пошли. Там неинтересно — миллионы рабочих и резервных ячеек на стеллажах, миллиарды действующих элементов, дикая, на неопытный глаз, путаница коммуникаций, — таков облик этих машин.

Зато залы заседаний мы осмотрели. Здесь все величественно. Большой Совет заседает в Голубом зале, потолок там имитирует звездное небо. Нас пригласили в Оранжевый зал, рабочее помещение Большой Академической машины. Он вмещает около,

пяти тысяч человек, и к десяти часам утра все места были заняты. Нашей семерке отвели ложу. Впереди размещался пустой куб стереоэкрана. Все, что появляется на стереоэкране, передается по стереофонам Земли. Сегодняшнюю передачу должны были смотреть также и Солнечные планеты, такое ей придавалось значение.

Когда побежали последние секунды десятого часа, в туманном кубе стереоэкрана появился большеголовый человек с глазами навыкате, румяными щеками и седыми усами.

— Мартын Спыхальский, — прошептал Андре.

Я с интересом рассматривал знаменитого астронавта. Его корабли дальше всех проникли в звездные просторы, он побывал в местах, куда ни до, ни после него никто не проник. Для своих ста сорока девяти лет он выглядел молодцом, даже голос его был звучен по-молодому.

Он рассказал об экспедиции на Пламенную В, и мы увидели, одну за другой, все девять планет звезды. Звезда и планеты были заурядные небесные тела, каких кругом множество. Но крылатые обитатели планет вызвали шепот и смех в зале. Они, и вправду, напоминали представления древних об ангелах, почему их так и назвали открывшие их Чарлз Вингдок и Софья Когут. Впрочем, ангелы с Пламенной В мало отличаются от крылатых, населяющих планеты остальных ста тридцати светил, сконцентрированных в Гиадах, — может, ростом пониже и четырехкрылых у них поменьше.

Все ангелы вспыльчивы и драчливы, без потасовок у них редко какое сборище обходится. Нам показали стычку на площади их города — пух с крыльев заволок все, как туманом, а клекот был так громок, что звенело в ушах. И уж совсем бедными нам показались жилища на планетах этой дальней звезды в Гиадах — одноэтажные бараки с такими узкими дверьми, что бедные ангелы не влетают, а вползают в них, сминая крылья. На центральных светилах Гиад живут удобней, там для отдыха и сна воздвигнуты общественные дворцы с широкими входными — вернее, влетными — порталами. Еще нам показали, как они спят — вповалку на полу, в темноте и тесноте, вскакивая и вскрикивая, когда ими овладевают бредовые их сновидения. А затем одна за другой стали вспыхивать расшифрованные картины снов.

Сперва мы увидели фигуру, издали поразительно похожую на человеческую. Фигура выплывала из клубящегося тумана предсна, она разгоралась, по мере того как сновидение делалось глубже. Вскоре стало ясно, что это и человек, и нечеловек, нечто и меньшее, и большее человека. На нас спокойно взирали

огромные — в треть лица — глаза, полные ума и доброты, длинные локоны падали на плечи. Галакт поднял руку, на руке извивались пять пальцев, именно извивались, а не шевелились. Он поскреб подбородок одним из этих подвижных пальцев и положил руку на грудь — два пальца были протянуты вперед, три загнулись назад, к тыльной части ладони. Руки поразили меня еще больше, чем лицо.

На второй картине был пейзаж — малиново-красные скалы, такая же ярко-красная жидкость, бившаяся волнами о скалы — гребни у волн были зеленоватые, — и огромное сине-желтое светило, поднимавшееся над малиновой жидкостью. У меня похолодела кожа, так был зловещ этот дикий пейзаж, я не сразу понял, что нам попросту показывают одну из планет Пламенной В.

На скалу поднялся галакт, окруженный крылатыми обитателями планеты, он почти вдвое возвышался над ними. Рост галакта, доложила машина, два метра восемьдесят. В зале зашумели, галакт на полметра превосходил рослого человека. Присмотревшись, я убедился, что это тот самый, что был в первой картине. Он осматривался, приложив руку к глазам для защиты от ползущего наверх пронзительного светила, а другой рукой дружески похлопывал по плечам теснившихся к нему с клекотом четырех- и двукрылых недорослей. Из-за скал поднялся второй галакт, старик с седой бородой и седыми волосами, и подошел к первому. И старик, и молодой были в одеждах, похожих на древние человеческие — ярко-зеленые, свободно развевающиеся плащи.

«Что нового?» — спросил старик, и меня поразило, что говорит он по-человечески, на международном языке. Лишь после я сообразил, что БАМ переводила на нашу речь сонные видения ангелов.

«Зловредов нет, — ответил молодой. — Никаких следов разрушителей».

«Разрушители хитры, — сказал старик. — Они появляются всегда внезапно. Будем осторожны».

Они молча всматривались в красное море. Картина стала тускнеть.

— Записано на четвертой планете Пламенной В, — доложила БАМ. — Следующая запись совершена на восьмой планете той же системы.

И эта картина началась с пейзажа, но теперь окружающее было серо, почти черно: однообразно-холмистая равнина, тусклые звезды на темном небе. На поверхность планеты опускался сигарообразный корабль, отбрасывая снопы зеленоватого света.

— Фотонный космический корабль, — сообщила БАМ, — примерно та же конструкция, что разработали наши предки четыре столетия назад.

— Первая ступень космической техники! — пробормотал Аллан. — Негусто у небесных странников.

В следующей картине фотонный звездолет лежал на грунте, а около него возились галакты и ангелы. В руках у галактов были ящики, похожие на старинные сварочные аппараты, из ящиков вырывались лучи и искры. Неподалеку, на холме, возвышалась башня с вращающимся прожектором. Прожектор, не останавливаясь, обрыскивал небо. Из носовой части звездолета вынеслась ракетка и умчалась в темное небо. Галакты, похоже, были в тревоге. Не доверяя вращающемуся глазу на башне, они сами, вдруг забрасывая работу, вглядывались в звезды, тускло посверкивавшие на черном фоне. Движения галактов были быстры, работа тороплива — они спешили.

А когда и эта картина потускнела, появились записи, доставленные с девятой, внешней, планеты. В них не было ни людей, ни предметов — туманные полосы, светящаяся пыль, заполнившая вскоре весь объем стереоэкрана. В этой пыли выросли два сближавшихся, скудно мерцавших шара. Сближение шаров походило на преследование: правый шар отклонялся к краю экрана, левый его настигал. А еще через некоторое время пространство залил голубой свет и забушевал, поглощая оба шара. У меня было впечатление, будто оба шара взорвались от столкновения и их пожирает пламя. БАМ подтвердила, что в видении изображено столкновение двух, пока не разгаданных, небесных тел. В финале этой картины потускневшее голубое пламя превратилось в мерцающее пылевое облако.

— Предположительно — космическая катастрофа, — сообщила БАМ.

Аллан недоверчиво покачал головой.

— Вряд ли, — сказал он. — Во всяком случае, на наши способы аннигиляции вещества эта штука мало похожа.

Вторая космическая картина, загоревшаяся на стереоэкране, уже не напоминала взрыва. Это было изображение звездного скопления, по виду — рассеянного, а не шарового. БАМ информировала, что скопление не идентифицировано, но в видениях крылатых обитателей девятой планеты повторяется часто. Облик скопления был причудлив, мне почудилось в нем что-то угрожающее, такое же ощущение возникло и у других. Оно распадалось на две почти равные половинки — многие тысячи звезд в каждой из половинок. Странность была не в обилии светил — в Галактике многозвездных скоплений хоть отбавляй.

Одна половинка казалась концентрированней, она походила на сомкнутый звездный кулак, мощно ударивший во вторую кучку, — та отлетала и рассыпалась на сотни разобщенных звезд. Вероятно, все мы, зная, что предстоит увидеть чудовищные звездные битвы, заранее изыскивали их в любой картине. Андре утверждал впоследствии, что он слышал вопль, исторгнутый из второго скопления жестоким ударом первого звездного кулака. Мне это ощущение — крика светом — в принципе понятно, хотя сам я не услышал звездных воплей.

— Последняя из записей, — доложила машина. — Четвертая, седьмая и девятая планеты. Повторяется у многих крылатых. Демонстрируется самый четкий образец.

И сразу перед нами возник галакт. Из всех картин, что мы увидели в зале БАМ, это была самой драматичной. Галакт, как подрубленный, падал на землю, он именно падал, а не упал, сонное воспоминание начиналось с момента его падения. А потом, уже лежа, он отчаянно бил ногами и взрывал своими подвижными пальцами землю. Он пытался ползти, голова его была поднята — он полз на нас. На шее его зияла рана, кровь широким потоком хлестала на руки и землю. Никогда не забуду его лица — юного, красивого, искаженного испугом и страданием. Галакт кричал, и без перевода БАМ каждый из нас разбирал его крик. «Помогите! — в ужасе кричал галакт. — Что со мною? Ради бога, помогите!». Потом он в последнем усилии протянул к нам руки, язык его окостеневал, щеки бледнели, одни нечеловечески гигантские, нестерпимо сияющие глаза продолжали молить и требовать помощи. Неотвратимо оковываемый смертью, юноша закрыл глаза и только слабо вздрагивал телом, пытаясь бессильным содроганием разорвать ее цепи.

По залу пронесся гул — тысячи задержавших дыхание зрителей разом вздохнули.

— Черт знает что! — вслух ругался бледный Андре. — Нет, это черт знает что!

— Отомстить! — прорычал разъяренный Леонид. Он схватил мою руку и бешено впился в меня белыми от гнева глазами. — Отомстить, Эли!.

Один Ромеро не потерял спокойствия:

— Кому мстить? За что мстить? Вы уверены, что здесь преступление, а не несчастный случай? Я соглашаюсь, юноша очарователен, просто божественно прекрасен, хотя, к сожалению, не по-божественному смертен. Но, может, мы созерцаем событие, происшедшее миллионы лет назад, — вы об этом не подумали, мой проницательный Мрава?

Леонид раньше действует, потом размышляет. Он ошеломленно уставился на Ромеро.

Снова заговорила БАМ.

Академическая машина оправдывала свое название — она описывала и показывала аппаратуру для записи сновидений, оценивала достоверность расшифрованных картин. Крылатые жители Пламенной В, оказывается, не могли растолковать многого из того, что являлось им во снах, — например, ни один из них и понятия не имеет о фотонных ракетах и сварочных аппаратах. БАМ рассказала, как полученные некогда сильные впечатления передаются потомкам механизмом наследственности, потом приступила к изложению сказок о галактах и зловредах, бытующих на планетах Пламенной В. Предания о пришельцах из космоса обнаружены лишь у ангелов этой планетной системы. Вкратце они сводятся к следующему.

В давние времена планеты их были мрачны и неустроенны, по земле ползали хищные гады, в воздухе, таясь от соседей, изредка пролетали дикие ангелы. Кровавые свары раздирали крылатые народы, все было предметом драк — почва и воздух, растения и одежда, еда и жилища. Скудная природа рожала мало, кусок по сто раз переходил из крыльев в крылья, из когтей в когти, прежде чем попадал в рот, — так жили неисчислимую бездну лет, ничто не менялось.

Но однажды с неба спустились корабли и из них вышли галакты. Перепуганные ангелы сперва попрятались в пещерах и лесах, потом, убедившись, что прилет галактов зла не несет, высыпали в воздух и с клекотом носились над пришельцами, устраивая тут же свирепые драки меж собою. Галакты буянов заперли на кораблях, а войны запретили на всех планетах. Мир и спокойствие понемногу водворились на объятых тревогой спутниках Пламенной В. Те годы, что галакты провели на них, преобразили облик планетной системы. Звездные скитальцы провели каналы, благоустроили поселения крылатых, превратили рощи в сады, обучили ангелов ремеслам, передали им искусство возводить каменные жилища. Беспорядочная дикость первоначального бытия превратилась в упорядоченное существование. Галакты, однако, чувствовали себя гостями, а не жителями на планетах Пламенной В. Они неустанно наблюдали за небом, страшась нападения оттуда. И однажды ангелы стали свидетелями космической битвы, разразившейся между галактами и их врагами. Небо превратилось в бездну испепеляющего пламени. Две крайние планеты системы столкнулись и взорвались. На оставшихся планетах были истреблены посевы, сады, города и каналы. От созданной

галактами цивилизации не осталось и следа.

Когда через много месяцев после битвы уцелевшие от огня и голода ангелы выбрались на поверхность своих планет из пещер, куда они забились, им предстала ужасная картина разрушений. Крылатые народы сразу были отброшены в первобытное дикое существование. Ни галактов, ни напавших на них зловредов нигде не было — и больше ни те, ни другие не появлялись в системе Пламенной В.

БАМ так прокомментировала легенды крылатых:

— За орбитой девятой планеты Пламенной В открыты пылевые облака, вращающиеся вокруг центрального светила. Гипотеза, что они представляют остатки некогда уничтоженных двух планет, весьма вероятна. На всех планетах системы обнаружены следы разрушений и пожаров, прикрытых последующими напластованиями. По времени это от двухсот тысяч до миллиона лет тому назад по земному счету.

На этом информация, присланная Спыхальским, была закончена. Членов Большого Совета попросили в Голубой зал. Мы вышли.

15

Даже издали было видно, что Андре одолевают необыкновенные идеи. Аллан и Леонид предложили подождать Веру, они предвидели, что решения Большого Совета будут непосредственно затрагивать астронавтов. Ромеро пригласил нас в висячие сады Семирамиды. Он обожает старинную экзотику.

Авиетки унесли нас в кварталы Месопотамии и Египта и высадили на верхней террасе Вавилонской башни, у храма Мардука, с золотой статуей уродливого бога. Мы сошли на среднюю террасу, где разбиты сады. Здесь уютно и зелено, отсюда хорошо видны ближние окрестности Музейного города — пирамиды слева и античные храмы справа. Мы уселись на скамейку у барьера, над нами шумели кипарисы и эвкалипты, странные для пейзажа Столицы. На острове странное — обычно.

— Так что вы думаете обо всем этом, друзья? — спросил Андре.

— По-моему, тебя интересует не столько, что думаем мы, сколько то, что пришло тебе самому в голову, — возразил я. — Поэтому не трать времени на расспросы. Мы слушаем тебя.

— Я утверждаю, что наше сходство с галактами не случайно, — объявил Андре, — В каком-то родстве мы с ними состоим. И они раньше достигли высокой цивилизации.

— Машинная техника галактов отстает от нашей, — заметила

Ольга.

— Отставала двести тысяч или даже миллион лет назад. Какая она сейчас, мы не знаем. И тогда она была столь высока, что недалеким ангелам галакты должны были представляться богами.

— Гонимые по свету боги, к тому же смертные, — съязвил я.

— Да, гонимые боги! — закричал он. — Во всяком случае таковы они в суеверных представлениях первобытных народов. Для меня галакты — такие же существа, как мы. И я выдвигаю требование: их надо разыскать и предложить им союз. Сама природа создала нас для сотрудничества, во всяком случае, оно естественнее, чем проектируемое братство с альдебаранцами. И если галакты по-прежнему изнемогают в борьбе с врагами, мы обязаны прийти им на помощь!

— Человек помогает попавшим в беду богам — зрелище для богов! — хладнокровно сформулировал я.

В спор вступил Ромеро, Картины, показанные в Оранжевом зале, потрясли его. Я сужу по внешнему облику: Ромеро был хмур.

— Вы спорите о пустяках, — сказал он. — В родстве ли мы с галактами или развились независимо от них — это несущественно. Одно важно: где-то во Вселенной бушуют истребительные войны, и они обязательно затронут нас, раз мы выходим в галактические просторы. Я считаю, что человечеству грозит опасность. Если враги галактов уже миллион лет назад были способны одолевать межзвездные просторы и сталкивать между собой планеты, то как усовершенствовалась с тех пор их техника уничтожения? Обращаю ваше внимание, что их называют разрушителями, зловреды лишь бранное слово — название не случайное, подумайте об этом! И вполне возможно, что галакты давно истреблены своими врагами, а поиски наших звездных близнецов, на чем настаивает Андре, приведут лишь к тому, что человечество лицом к лицу столкнется с грозными разрушителями и в свою очередь будет истреблено. Поймите же наконец, слепые люди, что мы знаем о Галактике? Мы только выползли за околицу нашего земного домика, а вокруг нас огромный, неизвестный, таящий неожиданности мир!

Не могу сказать, что его зловещая речь не произвела на нас действия. Имел значение также и страстный тон его пророчеств. Впрочем, все пророки страстны, особенно пророки гибели — уравновешенных пророков никто бы не стал слушать. Они воздействуют скорее на чувство, чем на разум.

В этом смысле я и возразил Ромеро. Я посоветовал ему не пугать нас и самому успокоиться. В тот день я даже отдаленно не

догадывался, какой перелом совершается в Ромеро. Ромеро заговорил спокойней.

— С вами спорить не буду, — сказал он мне. — Для вас, друг мой Эли, любая серьезная мысль раньше всего лишь повод для зубоскальства. И с Андре я не хочу препираться, он во всем неизвестном отыскивает материал для удивительных гипотез. Думаю, мне надо обратиться не к вам, а ко всему человечеству и предостеречь его.

— Мы тоже часть человечества, — пробормотал, нахмурясь, Леонид. — И какое-то значение наше мнение имеет.

Ему, как и мне, не понравились предсказания Ромеро. Но вступать в дискуссию Леонид не стал. Среди вещей он ориентируется лучше, чем среди мыслей.

Чтобы отвлечься, мы попросили перекусить. Еду нам доставили на террасу, и мы неплохо подкрепились. Ольга стала рассказывать о придуманных ею усовершенствованиях звездолетов, а я залюбовался Парфеноном. Знаменитый храм был отсюда метрах в двухстах и казался еще гармоничней, чем вблизи. Не знаю почему, но греческая старина мне ближе всего. И я снова подивился искусству, с каким строители Музейного города разместили великие памятники старины: каждый храм и дворец выступает отдельно, в своем естественном окружении, даже сверху нет впечатления путаницы разноликих зданий.

А потом прилетела Вера. Она была возбуждена и довольна.

— Мы приняли очень важные решения, — сказала она. — По общему мнению, мы стоим в переломном пункте развития человечества и любой неосторожный шаг может оказаться непоправимым. Но и бездействовать тоже нельзя. Осторожность и смелость — вот что сегодня требуется от всех. В ближайшие годы, может даже месяцы, нам придется выработать нашу звездную политику на века, для всего будущего человечества. Хотите получить полный отчет о том, что происходило у нас?

Мы, конечно, потребовали подробного рассказа о заседании Большого Совета, но раньше хотели узнать, какие приняты решения. Вера улыбнулась нашему нетерпению. Она так обстоятельна, что никогда не начнет с конца. Меня всегда удивляло, как непостижимо в ней объединены педантичность с порывистостью, скрупулезность со страстностью.

— Должна вас поздравить, друзья, — сказала она Андре и Ромеро. — Большая непрерывно докладывала нам о важных мыслях, рождавшихся у людей. Среди этих мыслей была и ваша, Андре, о сотрудничестве с галактами и помощи им, а также и твоя, Павел, о возможных опасностях, таящихся в неизвестных районах Галактики. Советую, однако, не гордиться, — точно

такие же мысли явились тысячам других людей.

Лишь после этого она заговорила о постановлениях Совета.

Звездная конференция на Оре утверждена. Возможности создания Межзвездного Союза разумных существ нашего уголка Галактики должны быть исследованы со всей полнотой. Поставлена также новая задача — раздобыть исчерпывающие сведения о галактах и разрушителях, их противниках. Лишь после детального знакомства с этими неизвестными нам народами и их конфликтами будет выработана всесторонняя галактическая политика — с кем дружить, против кого выступать? Возможен и нейтралитет Земли в спорах, не ею начатых и ее мало касающихся, об этом тоже говорилось. Все эти большие проблемы еще ждут решения. Будет повышена обороноспособность Земли и планет. Опасность из дальних районов Галактики не доказана, но и не доказано, что опасности не существует. Человечество должно быть хорошо подготовлено к неожиданностям. Совет рекомендует приступить к созданию Большого Галактического флота.

— Принята ваша идея о судах, в десятки раз превосходящих самые мощные нынешние корабли, — сказала Вера Ольге. — Но этих судов будет не два опытных экземпляра, как предлагали вы, а серии в сотни кораблей. И еще одно, для вас приятное: командование первой галактической эскадрой поручат вам. И ты радуйся, брат, — сказала она мне. — Построить гигантские галактические крейсеры на Земле технически невозможно. Решено одну из планет превратить в специализированное космическое адмиралтейство. Выбор пал на Плутон. Меркурий будет специализироваться на производстве активного вещества для аннигиляторов Танева. Вот главное в рекомендациях Совета. Если человечество утвердит их, они станут законом.

Я и в самом деле обрадовался, я гордился Плутоном. Аллан и Леонид поинтересовались, когда лететь на Ору. Вера ответила, что подготовка экспедиции потребует еще месяц, но капитаны Звездных Плугов вылетят на Плутон раньше. После этого она извинилась, что не может остаться с нами, у нее неотложные дела.

— Могу я сопровождать тебя, Вера? — спросил Ромеро.

— Да, конечно, — ответила она. — Как всегда, Павел.

Свободное время на Земле Вера проводит с Ромеро. Раньше, когда я был поменьше, меня это раздражало. Но с годами я примирился, что Ромеро забрасывает друзей ради нее.

16

Мы с Верой и Ромеро улетели с Земли 15 августа 563 года в

последней партии.

Перед посадкой в межпланетный экспресс мы совершили прогулку над Землей. Земля была прекрасна. Я любовался ею и Солнцем. Я знал, что мы прощаемся с ними надолго. На трапе Вера помахала Земле рукой. Я ограничился тем, что подмигнул нашей старушке. В салоне планетолета я скоро позабыл о Земле. Мысленно я уже ходил по Плутону.

Нет ничего скучнее рейсовых межпланетных кораблей — старинных ракет-рыдванов с фотонной тягой. Даже облик их — длинная уродливая сигара — тот же, что и три столетия назад. И плетутся они с доисторическими скоростями — до Луны добираются за пять минут, до Марса за сутки, а на полет к Плутону тратят неделю. Ни один из этих «экспрессов» не способен идти быстрее сорока тысяч километров в секунду. И гравитаторы не на всех хорошо работают, временами чувствуется увеличение тяжести. Лишь с невесомостью они справляются отлично, но смешно было бы пасовать перед такой детской задачей, как ликвидация невесомости.

Я просил Веру заказать межпланетный курьер с аннигиляторами Танева, тот достигает Плутона за восемь часов. Но она ответила, что торопиться не к чему, и все согласились с ней. Меня с детства раздражает непогрешимость Веры. Главное в ее словах не их содержание, а то, что они — ее. Те же мысли, но изложенные мной, не производят действия на слушателей.

— В прежнее время секретари не кричали на своих руководителей, Эли, — возразила она, когда я высказал, что думаю о ее решении.

— Ты еще скажешь, что руководители кричали на своих секретарей. И так как это будет твоя мысль, то даже Ромеро признает ее достоверной.

Ромеро и вправду, признал эту мысль достоверной. Начальники в старину не церемонились с подчиненными, сказал он. А один русский царь при беседах с министрами нередко прибегал к дубинке. Особенно доставалось его любимцам, в те времена лупцовка считалась одной из форм поощрения. Тогда были в ходу выражения: «Бросить на руководящую работу», «Влупить (или влепить, точно неизвестно) строгача», «Посвятить ударом меча в рыцари» — все это были синонимы продвижения вперед на жизненном пути.

Я, однако, не думаю, чтоб рыцарей, выдвигая их на руководящие посты, реально бросали на что-то, рубили мечами и лупили строгачом. Наши предки обожали языковые фиоритуры. По-моему, в описанных Ромеро явлениях бросания на работу, влупления строгачей и посвящения мечом таятся типичные для

той эпохи религиозные обычаи и магические приемы.

— Возьмите такой распространенный тогда термин, как «в магазине выбросили товары»! — воскликнул я, воодушевляясь. — Нормальному человеку это представляется бессмыслицей: вещи изготавливались, чтоб их тут же выбрасывали. Но общественная жизнь тех времен полна противоречий. Нам сейчас известно, что тщательно собранным урожаем кофе и кукурузы иногда топили паровозы или сбрасывали эти продукты в море, а ботинки, сошедшие с конвейера, отправляли на другой конвейер, где их резали на части. Если вы не согласны, что все это делалось из ритуальных соображений, то не будете же вы отрицать, что за странными этими терминами стоит вполне реальное содержание? И вообще, доложу вам, предки логикой не блистали. На Плутоне мы как-то просматривали старинную ленту. Оказывается, люди в прошлом все поголовно страдали носотечением, вроде как у нас больные. И они собирали бесполезные выделения носа в специальные тряпочки и хранили их там, как сокровище, а тряпочки, надушенные и украшенные кружевами, рассовывали по карманам, чтоб кончик торчал наружу… Не скрывали болезнь, а хвастались ею!

Ромеро смотрел на меня с изумлением. Мне показалось, что на время он потерял голос от новизны моих мыслей.

— Ваши исторические познания внушают трепет, — сказал он очень вежливо. — И поскольку вы с такой остротой проникаете в былое, вас, мне кажется, нисколько не должно удивлять, что начальники некогда кричали на своих подчиненных, хотя здравому человеческому смыслу представлялось бы гораздо более естественным, если бы подчиненные орали на начальников, ибо начальники должны стесняться показывать свое превосходство, а чего, в самом деле, стесняться подчиненным?

Известная логика в этом, конечно, была.

17

За Ураном экспрессы разгоняются и даже наша колымага показала одну десятую световой скорости. Плутон сверкал в иллюминаторах, вырастал из горошины в яблоко, из яблока в футбольный мяч, вокруг него чиркали крохотные искусственные солнца, на полюсах вздымались туманные протуберанцы — заводы водяного пара и синтетической атмосферы недавно заработали в полную мощность и теперь ежечасно выдавали по десяти миллионов тонн воды и по два миллиарда тонн азотно-кислородной смеси. Эти цифры я привел Вере и Ромеро на память.

— Воды пока не хватает, а атмосфера уже сравнима с земной, дышится, как у нас в горах, — сказал я.

— Мне кажется, на Плутоне самое интересное — заводы воздуха, — сказала Вера. — От их работы сейчас зависит, удастся ли нам быстро осуществить проект переоборудования Плутона в галактический завод.

Я промолчал. Не знаю, как с осуществлением проекта, но на Плутоне все интереснее, чем эти угрюмые здания-автоматы, превращавшие почву в воздух и воду.

Нам передали, что друзья на Плутоне хотят говорить с нами. На стереоэкране вскоре появились Андре с Жанной, Лусин, Леонид, Ольга, Аллан. Несмотря на запаздывание света, ощутительное на таких расстояниях, до нас доносились их голоса. Была полная иллюзия, будто они неподалеку.

— Ура, братцы! — надрывался Аллан. — Качать!

— Летите, — говорил по-своему — клочьями предложений — Лусин. — Показались. Хорошо.

Мы в ответ кричали приветствия. Нас разделяло миллиарда полтора километров.

А на подлете к Плутону Веру заинтересовало скопление гигантских глыб, круживишихся над планетой. Их было девять, одна глыба выделялась — гора посреди холмов.

Я сказал очень торжественно, как и подобало в такой момент:

— База Звездных Плугов. А тот огромный — «Пожиратель пространства», флагман галактического флота. Здесь мы наконец распрощаемся с фотонными ракетами.

18

Подготовка любой галактической экспедиции — дело непростое, наша к тому же имела особый характер: для нее понадобились непредвиденные запасы активного вещества, играющего роль запала при взрывном превращении массы в пространство. Активное вещество привозится с Меркурия. Звездолеты кружили над Плутоном, ожидая последней партии товаров.

Вера знакомилась с планетой, я ее сопровождал.

Решение Большого Совета о превращении Плутона в галактический завод было подготовлено годами человеческого труда на этой планете. Из всех солнечных планет Плутон — самая рабочая и пока единственный современный межзвездный порт. Когда-то в далекие рейсы корабли уходили с Марса, даже с Земли, но потом люди поняли, что кустарничество в освоении космоса недопустимо. Для создания Оры были мобилизованы все ресурсы человечества, Плутон сравниться с Орой еще не может, но все же в окрестностях Солнца уже и сейчас нет стройки, равной нашей!

Сперва мы посетили один из атмосферных заводов. Сооружение шириною километра в два и длиной около десяти продвигалось по поверхности планеты, срезая слой почвы.

Когда мы приехали на завод, его режущая стена подползла к гранитному холму. Холм обваливался на глазах, он таял, как в огне. Вскоре от него не осталось и следа, и завод уполз дальше. На оставленном месте чернел слой искусственной почвы, удобренной, засеянной семенами растений и цветов. Над заводом гремели ветры — тысячи тонн изготовленного воздуха ежесекундно вгонялись в атмосферу. Я удерживал Веру подальше от вихрей, но с нее сорвало шляпу. И тут едва не случилось несчастье. Ромеро кинулся за шляпой, но был опрокинут потоками воздуха, и пришлось выручать его. Леонид и я вцепились в Павла, на помощь поспешил Аллан, втроем мы оттянули Ромеро от беснующейся воздушной бездны, куда он едва не угодил.

— Если бы не вы, друзья, я бы сейчас летел под облаками, — сказал он. Он был бледен.

— Думаю, вы сейчас перерабатывались бы в кислород и азот, — возразил я. — А еще минут через пять мы дышали бы вами, Павел.

— Как, вероятно, дышим моей бедной шляпой, — заметила Вера. — Почему вокруг завода нет ограждений?

— Здесь нет людей, — объяснил я. — Все три тысячи автоматических заводов смонтированы в пустынных местностях. А экскурсии на Плутон Земля не разрешает.

— И не разрешит, пока не закончите монтаж своей Государственной машины миллионов на десять Охранительниц, — подтвердила Вера. — На Земле несчастья вроде того, что чуть не случилось с Павлом, давно немыслимы.

Я, разумеется, не сказал, что мы не раз катались в авиетках вблизи заводов, чтоб побороться с искусственной бурей. Зато я обратил внимание Веры на зелень, покрывавшую почву планеты.

— Это всего лишь трава и цветы, но скоро у нас зашумят настоящие леса, как на Земле.

— Зелень вкусная, — поддержал меня Лусин. — Сочная. Очень.

— А ты пробовал? — спросил Аллан. Он в восторге хлопнул себя по ляжкам. — Братцы, Лусин траву ест! До того дошел со своими синтетическими животными, что перешел на их пищу.

— Не я. Дракон. Пегасы. Нравится. Как на Земле.

Равнина была озарена тремя рабочими солнцами. Одно стояло в зените, другое закатывалось, третье всходило. Я объяснил, что на Плутоне семь рабочих солнц, каждое запущено невысоко и охватывает излучением лишь малую часть планеты.

— Фиолетово-голубое, сейчас заходящее, из новейших. А это, в зените, бело-желтое, изготовлено пятьдесят пять лет назад и уже основательно выработалось. Первые колонисты на Плутоне трудились под сиянием одного этого солнца, тогда оно висело неподвижно над северным полушарием, и лишь освещенный им участок был пригоден для жизни. После запуска третьего солнца и это было введено в общий график вращения. Ныне он таков: четыре горячих светила образуют теплый день продолжительностью в шестнадцать часов, два красных поддерживают умеренную температуру во время шестичасовой ночи, а одно, оранжевое, переходное от дня к ночи, знаменует вечерний отдых.

Всходило как раз оранжевое солнце, но больше о нем я не сказал. Я хотел, чтоб оно само заговорило о себе. Далекое земное Солнце тоже сияло, но, крохотное, с горошину, оно терялось рядом с искусственными. Чтоб отвлечь друзей от поднимающегося оранжевого светила, я заговорил о тепловом балансе Плутона. Искусственные светила обогревают лишь поверхность. Нужно разжечь внутренность планеты, образовав расплавленное ядро, как на Земле, чтоб почва обогревалась изнутри и стало возможно ночные красные солнца заменить несколькими холодными лунами.

— Посылайте свое предложение в Большой Совет, — сказала Вера. — Боже, как красиво!

Скалы и долинки, молодую зелень и постройки заливало оранжевое сияние. Оно было так ярко и глубоко, словно предметы пылали внутренним жаром, не освещенные, а раскаленные. А над ними нависало желто-коричневое небо, тоже как бы разогретое до собственного сияния, очень низкое, почти осязаемое, не пустое, как на Земле.

— Нет, как прекрасно! — восторгалась Вера. — И те солнца великолепны, а это просто удивительно.

— Эли делал, — сказал Лусин. — Хорошо! Очень.

— Эли! — Вера повернулась ко мне. — Это седьмое солнце, брат?

— Да, — сказал я. — Мы поработали над ним. Мы хотели, чтобы оно не только приносило пользу, но и украшало нашу молодую планету.

За ужином Вера сказала:

— Грубая и крепкая планета. Жизнь здесь пока малоустроенна, но вдохновенна. Я рада, что именно ее выбрали для новых великих работ.

— Порт обслуживается великолепно, — добавила Ольга. — За час с планеты на корабли можно перегрузить сто тысяч тонн грузов.

Ромеро посмеялся над общим восторгом:

— Грубая, вдохновенная, великолепная — какие странные слова! Жить здесь нельзя, проработать два-три года — допускаю. Нашли в океане космоса каменистый островок, приспособили его под перевалочную базу и восхищаются — как ладно получилось. А пока все это дурная копия ничтожной части того, что имеется на Земле и чем, я согласен, можно восхититься.

Говоря это, он уписывал пирожки с синтетическим мясом и запивал фруктовыми соками, — не думаю, чтоб еда на Плутоне казалась ему дурной копией земных яств.

19

Пока я понятия не имею, в чем функция секретаря, но лоботрясничать не приходится и без загадочных секретарских дел.

Я основательно изучил недра Звездных Плугов: я побывал и в складах, хранящих миллионы тонн запасов, и в пещерах, куда можно свалить их еще миллиарды тонн, и в цехах, вырабатывающих любую продукцию из любого сырья, и на улицах жилого города, и в сердце корабля — отделении аннигиляторов

Танева, самом необыкновенном заводе в мире — заводе, производящем вещество из пустого пространства и пустое пространство из вещества. Когда этот завод запущен, кругом на многие светогоды, на триллионы километров, сминается или разлетается межзвездный космос. Я приведу лишь одну потрясающую цифру, она волнует меня: мощность аннигиляторов Танева в самом крохотном из Звездных Плугов достигает двух миллионов альбертов, а в «Пожирателе пространства» превышает пять миллионов! Все электростанции Земли в конце двадцатого века старой эры не составляли трех миллиардов киловатт, то есть не достигали трех альбертов. Любой звездолет несет в себе энергию, в миллион раз превышающую ту, какой располагало все человечество в год всеобщего торжества коммунизма.

И эта исполинская мощность может быть полностью превращена в сверхсветовую скорость, она вся до последнего грамма будет работать на аннигиляторы хода. Но если непредвиденное препятствие внезапно встанет на пути корабля, мгновенно заговорят другие аннигиляторы, — и в старом космосе добавится новой пустоты взамен испепеленного препятствия! Еще не существовало механизмов, так грозно защищенных, как наши галактические корабли, — так мне тогда казалось.

Я выложил мой восторг Ольге. Она посмотрела на меня с недоумением:

— Ты увлекаешься, Эли. У звездолетов мощности немалые, но для глубокого проникновения в Галактику их не хватит. К тому же мы не знаем, кто нас ждет впереди — друг или враг, и если враг — как он вооружен? Я допускаю, что техника таинственных разрушителей выше нашей.

С Ольгой можно считать, но не разговаривать. Кибернетический робот показался бы ей приятным собеседником. Она вполне отвечает своему высокому посту — адмирала эскадры межзвездных кораблей.

— Большая Академическая сейчас проектирует корабли на триста миллионов альбертов каждый, — продолжала она. — На таком корабле я чувствовала бы себя спокойней. Но они поспеют нескоро.

— Не расстраивайся, — посоветовал я. — Как-нибудь добредем до Оры и на твоих маломощных суденышках. А что до зловредов, так ходят слухи, что все они повымерли миллион лет назад.

Ольга так и не поняла, что я смеюсь. Она слушала меня и улыбалась. Если бы я не отошел, она могла бы слушать и улыбаться часами. Ее золотистые волосы, волосочек к волосочку, приглажены, светлые глаза всегда добры, щеки румяны каким-то

своим, очень спокойным, уравновешенным румянцем… Меня раздражает и десятиминутный разговор с ней. Если бы меня назначили адмиралом галактической экспедиции, я бы сутки рычал, ревел, хохотал и топал ногами. А она даже не обрадовалась!

20

Андре уединяется с Жанной. Разлука дается им нелегко. Жанна пополнела так, что заметно и посторонним. Роды назначены на 27 февраля и пройдут нормально, я сам читал в прогнозе. Но Андре не доверяет прогнозу.

Мы третий день живем на корабле, и Жанна с нами. Древний обряд расставания решено выполнить на планете. В полдень со всех кораблей устремились ракеты с провожающими и отъезжающими обратно на Плутон. Я был с Ромеро. Он не пропустит случая потешиться стариной, а мне хотелось еще разок потоптать камень планеты.

Мы высадились в порту, когда выкатывалось оранжевое солнце. Ромеро назвал это добрым предзнаменованием, хотя мы заранее знали, что прибудем к дежурству седьмого солнца. На Ору летит около восьмисот человек, провожающих вряд ли меньше. Никто не уходил далеко от ракет, но мы с Ромеро зашагали в каменистые россыпи и присели на бугорке. В сиянии оранжевого солнца равнина светилась, как подожженная.

— Скажите, Эли, — спросил Ромеро, — нет ли у вас ощущения, что вы с этими местами прощаетесь навсегда?

— С чего бы это? Нет, конечно!

Когда мы возвращались обратно, Ромеро показал тростью на Жанну с Андре у трапа.

— Прощание Гектора с Андромахой. Нам придется стать свидетелями нежных объяснений.

Мы остановились так близко, что слыхали их разговор.

— Скорее бы уезжали! — говорила Жанна. — Я измучилась от провожаний.

— Не нарушай режима! — говорил Андре. — Еда, работа, прогулки, сон — все по расписанию! Я спрошу отчет, когда вернусь.

— А ты не болей. И если попадутся красивые девушки с других звезд, не заглядывайся на них. Я ревнива.

— Ревность — истребленный пережиток худших времен человечества.

— Во мне этот пережиток не истреблен. Ты не ответил, Андре, меня это тревожит!

— Успокойся! На Ору людей не привезут, а влюбляться в ящериц или ангелиц я не собираюсь.

Я взял под руку Ромеро, и мы прошли в ракету.

— Какова взаимная пригодность этих голубков? — спросил Павел. — Они третий год не могут оторваться друг от друга.

— Большая не выдает личных тайн, а сами они не откровенничают. Я не смогу удовлетворить ваше любопытство, Ромеро.

Странно все же устроен человек. Ничего я так не желал, как поездки на Ору. Но мне стало грустно, когда я смотрел в окно ракеты на удаляющийся Плутон. Мы жаждем нового и боимся потерять старое. В одну руку не взять два предмета, одной ногой не вступить в два места, но, если покопаться, мы всегда стремимся к этому, — не отсюда ли обряды прощания с их объятиями, слезами и тоской?

При мысли, что кто-то заменит меня на Плутоне и восьмое, прекраснейшее из солнц, создадут без меня, я расстроился. Черт побери, как говорили в старину, почему мы не вездесущи? Что мешает нам стать вездесущими? Низкий уровень техники или просто то, что мы не задумывались над такой проблемой? Почему каждый из нас — один и единственный? Лусин запросто творит новых животных, воздействуя на нуклеиновые кислоты зародышей, разве так уж трудно продублировать себя в пяти или шести одинаковых образах? Две Веры, восемь Ромеро, три Андре — один создает новые дешифраторы, второй любит свою Жанну, третий уносится к галактам! Уехать, но оставить себя, одновременно быть и отсутствовать, — нет, это было бы великолепно!

— Ручаюсь, что вы фантазируете о чем-то немыслимом, — сказал Ромеро.

Я опомнился:

— Прощание Андре навело меня на мысль, что мы еще далеко не так удобно устроили свою жизнь, как всюду хвалимся.

— Желания всегда опережают возможности, недаром Андре жалуется, что половина его потребностей остается неудовлетворенной, — он путает, для острого словца, желания и потребность. Кстати, он все еще прощается — посмотрите.

Андре не отрывался от окна. Планета уменьшалась, по ее диску катились три солнца, издали они казались ярче, чем были в натуре.

Я отвернулся от Плутона. Впереди вырастал похожий на исполинскую чечевицу «Пожиратель пространства», в стороне, сохраняя дистанцию, висели остальные галактические корабли. Только издали можно было охватить одним взглядом эти

громадины. Конечно, земная луна больше любого из звездолетов. Но Столицу с ее пятнадцатью миллионами жителей вполне возможно упрятать в корабельное чрево. В боковине звездолета раскрылся туннель космодрома, и ракета устремилась на посадку.

21

На второй день полета я выбрался в командирский зал, откуда управляют движением звездолета.

Зал — полая сфера, куполообразные экраны с боков, сверху и снизу: звездное пространство на всех координатных осях. Посреди зала подвешены в силовых полях пять свободно — по мысленному приказу — вращающихся кресел. В центральном — Ольга, с боков ее помощники — Леонид и Осима, седенький старичок. На боковине кресел — поворачивающийся бинокль с огромными увеличениями. В зале темно. Пассажиров сюда не пускают, но для меня Ольга сделала исключение.

— Завтра в двенадцать переходим с фотонной тяги на аннигиляцию пространства, — сказала она вскоре после отлета. — Приходи в восемь ко входу в зал.

Без двух минут восемь я подошел к заветной двери. Никто меня не встретил, я постучал — ответа не было. На последней секунде восьмого часа дверь распахнулась и что-то мощно всосало меня в темноту.

Ошеломленный, я вскрикнул. Тут же я почувствовал, что удобно сижу в кресле. Обычно мы приминаемся, чтоб хорошо разместиться, здесь линии поля сами выбрали мне наилучшую позу. В этом я разобрался потом, а в тот момент меня охватил новый ужас. Я был словно выброшен вовне, в безмерность космоса — звезды над головой и под ногами, справа и слева, передо мной и позади!

Я услышал спокойный голос Ольги:

— Ты, кажется, застонал, Эли?

Я сделал усилие, чтоб голос не дрожал:

— Это от восторга. Никогда не чувствовал себя так хорошо. Рассказывай, что тут к чему?

Ольга объяснила, что в зале нет ни верха, ни низа, все направления равноправны. Она тут же хладнокровно перевернулась вниз головой. Я последовал за ней, и та часть неба, что была под ногами, встала над макушкой. Все совершалось так, как если бы верх и низ поменялись местами: тело мое по-прежнему плотно прижималось к креслу.

— Мы могли бы передвигать звездную сферу, — заметила Ольга. — Но тогда бы картина была одной для всех

наблюдателей. У нас каждый исследует свой участок неба, не мешая остальным. Силовое же поле в любом положении создает ощущение, будто голова вверху.

— Как узнать направление полета? Здесь темно и со всех сторон звезды.

— Пожелай увидеть — и увидишь.

Кресло описало полуоборот. Теперь передо мной сияло созвездие Тельца, в нем дико посверкивал оранжевый бычий глаз — Альдебаран, призрачно, на границе видимости, светились Гиады. В сторонке, похожие на клубок сияющей шерсти, горели Плеяды, или Стожары. Я пока не находил изменения в рисунке созвездий. Я поискал Большую Медведицу — ковш был как ковш, я тысячи раз видел его таким.

Ольга рассмеялась.

— Ты нетерпелив. Мы в полете меньше суток и идем на фотонной тяге. От Плутона нас отделяют миллиардов десять километров. Этого недостаточно, чтоб изменились созвездия.

Я поинтересовался, как измеряется скорость корабля. Мне ответил Осима. К этому времени я надел инфракрасные очки-преобразователи. Они сконструированы для близких расстояний и не мешают наблюдать далекие предметы, излучающие обычный свет, — я различал рядом с собой Осиму, а на сфере все те же звезды.

Скорость звездолета определялась по параллаксу ярких звезд, относительно шаровых скоплений на границах Галактики. В темноте призрачно засветились две шкалы. На одной были досветовые скорости, на другой сверхсветовые, первая действовала при фотонной тяге, вторая — когда включались аннигиляторы Танева. На досветовой шкале колебался зайчик — мы шли на трети скорости света.

Я повернулся назад, чтоб поглядеть на другие звездолеты, но не нашел даже точек. Ольга показала, как пользоваться биноклем. Теперь я видел все восемь кораблей, веером идущих за нами на отдалении миллионов в сто километров. Это была дистанция безопасности. Дальнейшее сближение могло затруднить маневрирование межзвездных судов.

— А когда мы уйдем в сверхсветовую область, мы вообще перестанем их видеть, — сказала Ольга. — Там есть лишь одно средство координировать полет — заранее рассчитанный график движения.

— Лететь, не видя друг друга, не умея передать нужную информацию!.. Вслепую и вглухую!..

— Что поделаешь, Эли! Звездолеты в сотни раз обгоняют свет, а другого природного агента для связи, движущегося со

скоростью наших кораблей, мы не знаем.

На некоторое время я увлекся биноклем. Я мысленно задавал увеличение и тут же получал его. Максимальное приближение равнялось миллиону раз. В такой прибор с Плутона можно было бы видеть на Земле все города и реки. Осима сказал, что фотонные умножители — так называются эти галактические телескопы — изобретены недавно и на их звездолете опытный экземпляр.

Принцип действия прибора иной, чем у телескопов. Те лишь собирают звездный свет, этот его усиливает, умножая число уловленных фотонов. По существу, это не прибор, а оптическо-квантовый завод, перерабатывающий полученную скудную информацию в удобную для наблюдения. Бинокль на ручке кресла — лишь ничтожный элемент умножителя, основные его механизмы размещены в недрах звездолета.

До меня донесся глуховатый голос Осимы:

— Через минуту вступают в работу аннигиляторы пространства.

— Да, я вижу, — ответила Ольга.

Все совершилось буднично невыразительно. Не произошло ни толчков, ни грохота, ни вспышек, ни перегрузок. Кровь не бросилась мне в лицо, в ушах не зашумело. «Пожиратель пространства» уже не летел в пространстве, но уничтожал его перед собою. Ничто в зале не изменило своего вида. Правда, звезды впереди как бы затянуло маревом, но и это продолжалось недолго.

— Повернись назад, — посоветовала Ольга. — Там ты скоро откроешь новое.

Однако и позади я не обнаружил чего-либо поразительного. Я искал больших зрительных эффектов, их же как раз не следовало ожидать. Потом я заметил за кораблем ту же дымку, что впереди, но более плотную, — звезды сквозь нее казались тусклей и красноватей. Это было новое вещество, созданное самим звездолетом. Космическая пустота, сжигаемая аннигиляторами Танева, обретает вещественную форму, становится пылевым облаком. На одном параллаксометре была все та же треть скорости света, быстрота нашего движения в пространстве, но на другом мерцающий зайчик перевалил за двадцать световых единиц — так бурно пожирали пространство аннигиляторы. А вскоре зайчик на первом параллаксометре покатился к нулю и сам прибор стушевался в темноте. Теперь мы передвигались лишь за счет уничтожения пространства. Восемь точек, веером стремившихся за нами, пропали. И сами мы стали невидимы для других звездолетов, и они перестали быть видимыми для нас.

«Нырнули в невидимость», — сказал я про себя.

Зайчик параллаксометра добрался к цифре пятьдесят. Хоть я не ощущал перемен ни в себе, ни в окружающих предметах, ни в далеком звездном мире, в котором мы так ошалело неслись, мне стало страшно от сознания того, что совершается. Я впервые двигался с такой быстротой.

Я спросил:

— До каких величин будет увеличиваться скорость?

— Она непрерывно увеличивается, — разъяснил Осима. — Сегодня мы ограничимся ста единицами, а потом доберемся до двухсот.

Ольга добавила:

— До Оры двадцать парсеков, шестьдесят светолет. Нам задано добраться туда за три месяца. Приходится торопиться, Эли.

Я поднимал умножитель вверх, опускал его. Пылевой туман позади сгущался. Пять-шесть полетов такой армады звездолетов, размышлял я, и из Галактики выхватится основательный кусок пространства, а взамен его образуется новое космическое тело — пылевое облако, «сотворенное из ничего», как сказали бы наши предки. Не удивительно, что запуск аннигиляторов Танева в окрестностях Солнечной системы запрещен.

Иногда мне казалось, что звезды впереди приблизились — светят ярче, стали крупнее. Но потом я соображал, что и при такой огромной скорости мы не могли пройти большого пути за несколько часов. В космосе масштабы относительнее, чем в обыденной жизни. И грандиозное здесь скромно.

Когда Ольге пришло время сдавать дежурство, меня высосало наружу тем же способом, что и втягивало внутрь. У входа я повстречался с Леонидом. Его сумрачные глаза недобро засветились.

— У меня было разрешение, — сказал я.

— Не сомневаюсь, — холодно ответил он. — Наш строгий адмирал очень добр к тебе.

Этот пустячок — встреча с Леонидом — порядочно попортил мне настроение. Для пассажиров устроен обсервационный зал, побольше командирского, но по тому же образцу — невесомость, силовое поле, вращающиеся кресла, бинокли умножителя. Оттуда, правда, нельзя распоряжаться механизмами корабля, но и в командирском зале я не командовал, а наблюдал.

«Буду ходить в обсервационный зал», — решил я.

22

Ору мы увидели на сорок восьмой день путешествия. Знаменитая искусственная планета предстала крохотным пятнышком в умножителе.

День уходил за днем, а она не увеличивалась. Так будет до конца полета. Ора вырастет вдруг, а до той поры останется точечкой в пространстве. Зато Альдебаран в умножителе занимает чуть ли не полнеба. Вблизи он не так красив, как издали, — рядовое солнце, ничего особенного. Мы его оставляем в стороне, Ора правее парсека три.

Единственное ощутимое свидетельство пройденного пути — изменение рисунка созвездий. Звездный мир становится незнакомым, и его незнакомость все увеличивается.

Сперва преобразился Орион, от него оторвалось блестящее его окружение — Капелла, Сириус, Поллукс, затем и само созвездие сжалось и переместилось. Большая Медведица значительных перемен не претерпела, но появились блуждающие звезды, быстро, словно планеты, передвигающиеся по небосводу. Вдруг сорвался с места Сириус, вначале он бурно летел влево от нас, потом повернул назад и стал уменьшаться. Через месяц путешествия мы удивлялись: неужели вон та скромная звездочка — красивая, конечно, красоты у ней и сейчас не отнять, — неужели это и есть прекраснейшее из светил земного неба? А за Сириусом пришла в движение торжественно-холодная Вега, она покинула созвездие Лиры и устремилась к Змееносцу и Скорпиону. Потом все стало бурно мешаться: одни звезды стушевывались, другие выплывали, на небе разгоралась исполинская Капелла, явственней очерчивались Гиады, жарче пылал Альдебаран, — мы мчались в их сторону. Лишь Плеяды, маленькое туманное пятно, клубок сияющей шерсти, не увеличивались, они были так далеко, что наше движение не сказывалось на них.

И вовсе не менялся Млечный Путь, исполинская звездная река Вселенной, поток миров, выхлестывающий на берега. Мы можем годами мчаться с этой нашей многократно сверхсветовой скоростью, — грандиозный и недоступный, он будет оставаться тем же.

Чаще всего мы глядели назад, на оставленный нами звездный край.

В той стороне обрисовывалось новое созвездие. Звезды, сорвавшиеся с разных участков неба, сбегались в одно образование, оно оконтуривалось, становилось чем-то единым. Вскоре оно напоминало вытянутый параллелограмм, граничные линии отчеркивались Фомальгаутом и Альтаиром, Вегой и Арктуром, Сириусом и Капеллой, а в центре сияли Солнце,

Поллукс и Альфа Центавра. Это был наш мир, родина человечества, Солнце и его соседи!

И хоть Солнце, превратившееся в звездочку пятой величины, ничем не выделялось среди тысяч таких же скромных звезд, и остальные светила нового созвездия потускнели в сравнении с тем, как выглядели с Земли, их вид волновал нас. Нет, оно было красиво, это собрание неярких звезд, оно радовало взгляд. «Солнечный мешок» — назвал я его. Мы были вытряхнуты из этого мешка в космическую пустоту и падали, все падали в безмерность звездной бездны!

Через некоторое время в окружающем Ору пространстве появились признаки жизни. Мы приближаемся к узловой станции в космосе — пересечению великих галактических дорог. Ольга выключила аннигиляторы Танева, теперь мы снова идем на фотонах. Остальные корабли эскадры, вынырнув из сверхсветовой области, стали видны в умножителе. Миллионах в трех километров от нас промчался небесный курьер, из тех, что приспособлены для перевозки пассажиров из одной планетной системы в другую. Он, видимо, торопился и на наши сигналы не отозвался.

А потом стала расти Ора, из точки превратилась в горошину, горошина выросла в апельсин. Теперь нами командовал диспетчер межзвездного порта. По голосу, это девушка — решительная, четкая, звонкая. Она велела нам перестроиться: первыми опускались на Ору малые корабли, «Пожиратель пространства» замыкал эскадру.

Ухваченные силовыми полями планеты, звездолеты один за другим подвигались к назначенным местам. Нигде так сложно не швартуются, как на Оре. Это объясняется тем, что звездолеты опускаются прямо на поверхность, а не причаливают к спутникам, сами превращаясь на время в спутника планеты, куда прибыли. Наконец остались мы одни и причальное поле сжало нас, как клещами. Наш гигантский корабль мощно всасывало в планету.

Отведенная для больших кораблей равнина космодрома напоминала горную страну — кругом вздымались причалившие раньше нас звездолеты. «Пожиратель пространства» покачивался в причальном поле, медленно приближаясь к своему участку. Мы обошли стороной неподвижное искусственное солнце — оно притушило сферу, чтоб не извергать на нас вблизи радиацию.

Перед нами, сколько хватал глаз, простиралась поверхность искусственной планеты — самое величественное из чудес человеческого ума и рук! Вот она, вот она, зеленовато-серая, залитая сиянием, суровая, вдохновенная рабочая площадка Вселенной, — здравствуй, Ора, сердце мое!

Корабль замер, плотно усаженный на тормозном поле, и к его воротам устремился полупрозрачный трап из силовых линий. Я не стал дожидаться, пока меня вытянет наружу, как пушинку, и, заорав, покатился по силовым линиям. На меня свалился хохочущий Андре, на него — Вера и Павел.

Наша забава не понравилась диспетчеру порта. Невидимые руки грубо швырнули нас в разные стороны, несколько секунд мы повисели в воздухе, словно ухваченные за шиворот, затем мягко опустились.

— Как девчонка!.. Как девчонка!.. — говорила Вера, смеясь. — Что ты делаешь с нами, Эли!

— А здесь не любят шутить! — заметил Ромеро, он первый, разумеется, обрел серьезный вид. — Встретили нас не слишком любезно.

Мы были на Оре!

23

Прежде чем перейти к событиям на Оре, я должен поговорить о ней самой. Нет темы, столь захватывающей, как Ора. Детьми мы грезили о ней, взрослыми стремились на нее. Сейчас, в наш 563 год, мы способны возвести сооружения пограндиознее Оры. Но такой близкой каждому человеку, как Ора, уже не будет. Ее придумали наши прадеды, возвели отцы. Это было первое крупное космическое новообразование, заранее рассчитанное и спроектированное. Ора раньше была чертежом, потом лишь стала сооружением. Сто четыре года человечество жило мыслями об Оре, работало на нее, пело и мечтало о ней, и почти половину этого столетия заняло не возведение Оры, а придумывание ее. Планет, шарообразных или бесформенных, и без Оры хватает в мире. Лишь немногие из них пригодны для жизни, и на каждой развивается лишь та особая жизнь, какой благоприятствуют местные условия.

Ору задумали как величайшую галактическую гостиницу, как место, пригодное для всех форм жизни, — Ора многообразна, как жизнь. Никакие естественные планеты, как бы их ни оборудовали, не годились для такой цели. Ора — не планета, заставленная механизмами, а механизм, выросший до размеров планеты. И ее поместили на таком отдалении от Земли для того, чтоб она была поближе к нашим звездным соседям: Ора возведена в геометрическом центре нашего звездного района.

И это также первое в истории человечества небесное тело, сотворенное из пустоты, из «ничто» по терминологии древних. Флотилия Звездных Плугов многие годы вспарывала и сгущала

пространство в этом уголке Вселенной — космическая пыль заклубилась между Тельцом и Гиадами новой туманностью. Воистину они напылили, эти машины! А потом пыль уплотняли, формируя в металлы и минералы, газы и воду, она засасывалась в пасти заводов на кораблях и выдавалась готовыми материалами — выстилались равнины, возводились холмы, устанавливались здания.

Необычна и форма Оры. Конструкторы отказались от шара, в шаре много излишнего — практически используется лишь его поверхность. Ора — плоскость. Вначале, в процессе изготовления, она была шаром, но шар раскатали, как тесто, и расстелили гигантским листом в космосе. Сейчас Ора напоминает исполинское блюдце. Толщина почвенного покрова несколько метров, а под ним — десятки этажей машин, создающих на своих участках заданные условия существования. Я бы сказал еще так: Ора — это ящик, заполненный механизмами и накрытый крышкой, а крышка ее — жилая поверхность планеты.

Уникально и солнце Оры, другого такого пока нет. Оно недвижно подвешено над центром планеты. Здесь оно всегда в зените, а в других районах видно под постоянным углом. От вращающегося солнца, вроде тех что мы запустили на Плутоне, отказались именно потому что Ора — плоскость, а не шар. Но это не помешало устроить правильные чередования дня и ночи, рассвета и сумерек, и притом так остроумно, что, уверен, схожие конструкции солнц появятся вскоре и на других планетах. Солнце на Оре управляемое, интенсивность и температура его меняются по графику: на рассвете оно тусклое, потом разгорается, свирепеет до белокалильного жара, снова ослабевает, становится из желто-белого красноватым, меркнет совсем и через некоторое время опять зажигается, но уже холодным лунным светом, и работает не во весь диск, а по долям, согласно расписанию ночных фаз. Полный цикл изменений активности охватывает двадцать четыре земных часа — чтоб люди не отказывались от привычек, усвоенных с детства.

И последнее — воздух! Нигде нет такого воздуха, как на Оре. Атмосфера создана по образцу земной, но на старушке Земле я никогда не дышал так легко, так радостно, так весело. Дыхание на Оре не потребность, а наслаждение. Уверен, в нем не только ароматы, но и питательные калории. В старину шутили: «Питаться святым духом». Когда-нибудь я попытаюсь покормиться одним здешним воздухом.

Такова Ора.

На второй день Вера сказала:

— Итак, начинается наша работа, Эли. Ты свои обязанности, конечно, знаешь?

Я их, конечно, не знал. Вера разъяснила, чего от меня ждет. Секретарствовать оказалось несложно. Для начала всюду нужно было ходить с Верой и помогать ей. Хожу я хорошо, а что до помощи, то до сих пор она помогала мне, а не я ей, — думаю, так будет и впредь.

— Начнем со знакомства со звездожителями, — сказала Вера. — А сейчас идем на совещание к Спыхальскому, он доложит, как они выполнили решение Большого Совета.

Спыхальский принял нас в здании Управления Оры, там уже было полно работников планеты. Он торжественно поздравил нас с прибытием. Доклад его был неутешителен. Получив предписания с Земли, Спыхальский разослал специальные экспедиции во все звездные окрестности. Но на звездах вне Гиад о галактах не слыхали, а в Гиадах дополнительного к тому, что уже сообщено Земле, экспедиции не обнаружили.

— К нам на Ору привезли с девятой планеты Пламенной В одного четырехкрылого молодца с яркими сновидениями о галактах, — сказал Спыхальский. — Вы сможете с ним потолковать. Он захулиганил и сейчас отделен от собратьев. К людям он относится с уважением, но своих не переносит. Между прочим, мы открыли в Гиадах любопытный астрофизический факт: Гиады удаляются от других звезд.

Ольга все новости воспринимает с невозмутимым спокойствием, но тут заинтересовалась:

— Какой же это новый факт, Мартын Юлианович? Еще наши предки знали, что Гиады удаляются от Солнца.

— От Солнца — да, — возразил Спыхальский. — Удаляются от Солнца и приближаются к другим звездам — так мы считали до сих пор. А новое открытие таково — Гиады удаляются от всех окружающих звезд, расстояние между ними и другими светилами растет по всем координатным осям.

— Вы хотите сказать, что Гиады генерируют вокруг себя новое пространство?

— Да, это. Очевидно, какая-то часть вещества в Гиадах аннигилирует. Причины и механизм этого явления пока не установлены.

Я посмотрел на Андре. У Андре был взволнованный вид, он что-то горячо доказывал Лусину, тот лишь покачивал головой. Я не сомневался, что Андре уже придумал теорию, полностью объясняющую выпадение Гиад из окружающего звездного мира.

В заключение Спыхальский предложил прибывшим с Земли

самим попытать счастья в экспедициях. Что же до прежних задач Оры, то они выполнены. На Ору приглашены представители всех звездных народов, населяющих окружающие Солнце светила. Звездожители поселены в гостиницах, создающих привычные им условия жизни.

— Через час отправимся в гости к звездожителям, — сказала мне Вера. — Позаботься о дешифраторе.

Я подошел к Андре.

— Даже издали видно, что ты нафантазировал что-то ошеломляющее, — сказал я. — Ну, обрушивай на мою бедную голову.

— И обрушу! — закричал он запальчиво. — Твоя усмешка меня не смутит! Только глупцы заранее издеваются над тем, о чем и краем уха еще не слыхали.

Я постарался выглядеть серьезным.

— Выделяю тебе не край уха, а полностью два.

Андре, смягчившись, с увлечением изложил родившуюся у него гипотезу. Должен признаться, что и меня она захватила — если не правдоподобностью, то яркостью. Андре полагал, что удаление Гиад от всех светил — следствие бушевавшей когда-то в этом скоплении космической схватки галактов со зловредами. Одна воюющая сторона уничтожала пространство, сталкивая и испепеляя планеты, другая уничтожала вещество, превращая его в пространство, чтоб не дать планетам обрушиться друг на друга. Короче, были одновременно запущены обе реакции Танева — и прямая, и обратная. Прямая давно исчерпала себя, а обратная — превращение вещества в пространство — продолжается, и в результате Гиады медленно погружаются в созданный некогда провал в космосе.

— Этот провал и в наши дни расширяется! — энергично закончил Андре. — А питает его та пыль, что образовалась после взрыва планет. Я утверждаю, что это не простая пыль, а аннигилирующая. Надо попросить Большой Совет направить в Гиады экспедицию для проверки моей гипотезы.

— Ладно, проси! — разрешил я. — А я попрошу у тебя дешифратор. Ты пойдешь знакомиться со звездожителями?

— Я буду добывать новые данные о галактах, дипломатические знакомства меня не привлекают. Хочу навестить того крылатого буяна, которого поселили отдельно. Дешифратор возьмешь у меня в номере.

В номере у Андре я с сомнением поглядел на солидный чемодан, последний вариант того ДП-2, что так подвел Аллана в Малом Псе.

— Теперь он называется малым универсальным, а не

переносным, — сказал Андре. — ДУМ, понял?

— Дело не в названии.

— Название отвечает сути. Каждый дурак, посмотрев шкалу настройки, сумеет общаться с любым разумным звездожителем. Забирай и проваливай, Эли!

Я пожелал Андре, чтоб сварливый ангел вцепился ему в кудри. Андре хохотал, глядя, как я сгибаюсь под тяжестью дешифратора. Но я вызвал авиатележку и не торопясь удалился, а тележка с прибором колыхалась на уровне моего плеча — ее тянуло мое индивидуальное поле. На Оре все снабжаются такими полями.

Вера с Ромеро уже ждали меня в ее номере. На улице нас встретил Спыхальский. Он вызвал автобус и поинтересовался, к кому мы раньше других пойдем в гости.

— К тем, что всех интересней, — сказал я.

Спыхальский улыбнулся странноватой улыбкой — косой, не оживляющей, но словно бы перерубающей лицо — один ус поднимался, другой опускался.

— Мне все интересны, юноша. А вас что больше интересует — ум или красота? Умом они нас не превосходят, а что до красоты… впрочем, сами увидите.

В автобусе он сказал:

— Итак, уважаемые земляне, ближайшей гостиницей будет «Созвездие Тельца и Возничего». Сравнительно высокого уровня жизнь достигла лишь в системах Альдебарана и Капеллы. Планеты здесь крупные, гравитация превышает земную, думаю, вас поразит облик жителей этого уголка Вселенной. Они уже предупреждены о вашем визите и ждут вас с нетерпением.

Вера промолчала, Ромеро улыбнулся, я засмеялся — мы в сотнях передач на Земле видели обитателей Капеллы и Альдебарана. Это были существа, расплющенные тяжестью, они походили на огромные рыжеватые капли и даже передвигались, как капли — переливанием тела. Вместе с тем, это были разумные существа, они отвечали на вопросы, но не сразу, жизненные реакции у них замедлены. Речь их проста — цветовая, почти вся в видимом спектре, она была одной из первых, какие удалось расшифровать. Не думаю, чтоб им было знакомо такое слишком уж человеческое чувство, как нетерпение.

В гостинице — низком, черепахообразном здании — нам выдали по движущемуся креслу с гравитатором. В этом здании лишь в кресле можно ощущать себя нормально, упади с него — мгновенно расплющит тяжесть. Выпасть из кресла, однако, можно лишь при общей катастрофе на Оре — в остальных случаях силовые поля, не позволяя сойти, дают свободно двигать руками,

поворачивать голову и туловище. Усевшись, я для проверки рванулся вон, но меня отшвырнуло назад.

Внутри здания простиралась каменистая равнина, усеянная узловатыми растениями, похожими на руки, приникшие к земле, — помещение альдебаранцев. Вскоре мы обнаружили их самих. Три рыжих туши неторопливо перетекали с холмика в долинку, один из альдебаранцев пополз к нам. Это был первый звездожитель, увиденный мной не на стереоэкране. При движении он из капли превращался в тушу, напоминавшую медвежью, он и по массе был равен медведю. Рыхлое, почти лишенное костей тело стягивала прочная кожа. Замечательны глаза альдебаранца — широкий белый пояс глаз, опоясывающий тело чуть выше середины. Верх туловища над глазами казался шапкой — это орган их цветовой речи. Без такого обилия глаз альдебаранцы не смогли бы разговаривать, речь их в буквальном смысле слова неярка.

Пока он приближался, я задал дешифратору программу: «Район Тельца и Возничего, цветовая речь» и поднял приемно-передающее устройство — шар на рукоятке. Альдебаранец тотчас же устремил на шар ту половину глазного пояса, что глядела в нашу сторону. Мы поздравили альдебаранца с прибытием на Ору, он поблагодарил нас за хороший прием, после этого начался деловой разговор.

— Как вы здесь чувствуете себя? — спросила Вера.

Шар передатчика последовательно окрасился в малиновые, синие, желтые цвета. В ответ засветилась «шапка» альдебаранца, но краски ее были тусклее, чем на шаре, я не догадался бы, что это речь, если бы не знал заранее. В шаре зазвучал глуховатый машинный голос, информация, полученная от альдебаранца, перерабатывалась в человеческие слова с такой быстротой, что мы не замечали интервала.

— Благодарю, — повторил альдебаранец. — Приятно, что тяжесть во время сна увеличивается. Еще никогда так хорошо не спал.

— Вам нравятся люди? Не жалеете ли, что приехали к нам?

— Нам приятно среди людей.

— А знаете ли вы что-либо о других существах, похожих на нас? Не знаю, как вас зовут, друг мой?..

— Меня зовут Влан, — ответил альдебаранец. — О существах, похожих на вас, я не знаю. Надо спросить старика помоложе, лучше ребенка. В нашей делегации молодых стариков нет.

Вскоре подползли другие альдебаранцы и разговор стал общим. Если они и ждали нас с нетерпением, то по беседе я этого не определил — жители Альдебарана больше отвечали, чем

спрашивали. Впрочем, мы и раньше знали, что они нелюбопытны.

— Какая-то абракадабра, — сказал Ромеро, когда мы распростились с ними. — Дети-старики, тяжесть во сне увеличивается…

Спыхальский иронически перекосил усы. Я все не могу привыкнуть к его улыбке.

— По-вашему, смысл лишь в обычаях вашей жизни? В их сообщении все концы отлично увязываются.

И он рассказал, что в жизни альдебаранцев главной проблемой является не добывание пищи, как у большинства звездожителей, включая и людей, а сон. Социальное благоденствие общества определяется возможностью организовать сон. При нормальном у них тяготении они трудятся, но не засыпают. Для сна им требуется усиленное гравитационное поле. Чтоб заснуть, они опускаются в глубокие пещеры. Разница в тяжести на глубине и вверху невелика, но они используют и ее. Уход в сон у них задача непростая: опуститься вниз не так уж сложно, но как взобраться подобной туше наверх? Возвращение от сна к бодрствованию — коллективная работа. В пещеры опускаются площадки на ремнях, вверху рабочие крутят ворот, отправляя собратьев на сон и извлекая их после сна. На Оре же оборудованы специальные беседки для сна. Когда кто-нибудь заползет туда, силовое поле увеличивается, и они сладко засыпают под нарастающее ускорение силы тяжести.

— Послушайте теперь, что за народ их юные старики, — сказал Спыхальский, посмеиваясь.

Оказалось, альдебаранцы книг не пишут и знания передают изустно. Некоторые из их сограждан с детства специализируются на запоминании. Эти ученые альдебаранцы освобождены от всякой иной работы и в старости, добавляя к услышанному нажитое, становятся кладезями мудрости. В конце жизни они передают свои знания новым хранителям опыта, их всех любовно называют стариками, слово «старик» равнозначно понятию мудрый. А что альдебаранец рекомендовал обратиться к юным старикам, тоже объяснить просто. Навести справку у пожилых нелегко, они неторопливы, а к старости окостеневают — они будут рыться в библиотеке воспоминаний дольше, чем однорукий в огороде. Молодые оперируют знаниями гораздо свободней.

— Странное имя — Влан, — сказал я. — Означает оно что-либо?

— Звукосочетания Влан не существует. Его реальное имя — комбинация цветов, а дешифратор перевел эту комбинацию по коду преобразования цветов в звуки. Сам Влан и не подозревает, что его зовут Вланом.

За холмистой равниной альдебаранцев открылся второй участок гостиницы — озеро со скалистыми берегами. В скалы вмонтированы пещеры, единственные жилые помещения в этой унылой пустыне. В них обитают гости с Капеллы, такие же громоздкие и неуклюжие, как альдебаранцы, но еще неразговорчивее. Мы познакомились с одним из них и еле вытянули из него несколько слов. Он недоверчиво оглядывал нас поясом выпуклых глаз, и, по-моему, только вежливость гостя мешала ему повернуться задом. Впрочем, у этих существ круговой обзор, — возможно, он с самого начала стоял к нам спиною. Зато когда он надумал говорить, оказалось, у него ясная речь и четкие мысли. Он просветил макушкой, что жить здесь можно, и уполз в пещеру.

Я подъехал к озеру и, изогнувшись, потрогал воду. Вода была как вода — мокрая. Огромная сила тяжести не сказывалась на свойствах воды. Зато озеро было необычное — без волн, даже без зыби. Чтоб заставить эту воду закачаться, нужны силы иных масштабов, чем у нас. И рыб, конечно, в таком озере не водится.

У выхода Ромеро сказал:

— Не знаю, насколько эти существа разумны, но что они очень уж нечеловечны… Я имею в виду их облик.

— Социальная жизнь обитателей Альдебарана и Капеллы похожа на жизнь примитивных человеческих обществ, — заметила Вера. — Единственное отличие в их пользу: они не воюют между собою.

— Что вы называете человеческими особенностями? — спросил Спыхальский Ромеро. — Тонкие талии и бледность кожи?..

— Лучше бледность и полупрозрачность, чем непроницаемая массивность. Тонкая талия также больше меня устраивает, чем туша. И я предпочел бы два синих глаза, а не сорок восемь бесцветных.

Спыхальский удовлетворенно мотнул головой.

— Сейчас мы навестим посланцев Альтаира. Если вы не признаете их сверхлюдьми, так не знаю, что вам требуется.

25

После такого предисловия я с нетерпением ожидал встречи с альтаирцами. Гостиница «Созвездие Орла» была небольшим зданием из металла, без окон — ящик, поставленный на почву. В вестибюле мы надели скафандры, прозрачные и гибкие. За вестибюлем открылся высокий пустой зал. Единственным его украшением, если это можно назвать украшением, был пояс

прожекторов, протянувшийся чуть ниже потолка.

Спыхальский смотрел на нас с ироническим торжеством.

— Почему такая невежливость, дорогие земляне? Вас окружают приветливые альтаирцы, жаждущие беседы с людьми, а вы словно воды в рот набрали.

Ромеро с недоумением поворачивался, пытаясь что-нибудь уловить в пустоте.

— Сдаюсь, — признался он. — Ничего не понимаю.

Пояс прожекторов тускло засветился. И мгновенно вокруг нас зажглись полупрозрачные силуэты, зеленые и фиолетовые. Это были, несомненно, живые существа, но они смахивали на призраков: не то гигантские пауки на тонких ножках, не то шары с жесткими волосиками. Они отталкивались от пола ногами-волосиками и скоплялись вокруг нас: мы были окружены облаком таких существ.

— Паукоподобные из созвездия Орла, — сказала Вера, перехватив иронический взгляд Спыхальского. — Жизнедеятельны лишь под жестким облучением.

Я задал программу: «Район Орла, жесткое излучение». Ромеро не пожелал признать себя побежденным. Вера беседовала с альтаирцами, а он прошептал мне на ухо:

— Существа эти, пожалуй, прозрачнее наших медуз. Но изящества в них не больше, чем в медузах.

Пока альтаирцы реяли кругом Веры, засыпая ее вопросами и отвечая на ее вопросы, Спыхальский рассказал мне и Ромеро об их образе жизни.

Альтаир — звезда класса А с температурой поверхности 9000 градусов, в его излучении жесткие компоненты сильнее, чем у Солнца. Белковые организмы, попав на планеты Альтаира, вскоре были бы истреблены беспощадным светилом. И вот совершилось чудо приспособления — жизнь на Альтаире превратила в свое животворное начало именно то, что несло ей смерть. Клетки в организмах альтаирцев функционируют лишь под действием жестких лучей, исторгаемых звездою. Каждое из существ, окружавших нас, само является источником радиоактивности, даже мысли их несут в себе смертельную радиацию — они мыслят, убивая.

Забавен образ жизни этих опасных для нас, но добродушных по характеру существ: они просыпаются и становятся видимыми на рассвете, когда поднимается Альтаир, в полдень жизнедеятельность у них в максимуме, а к вечеру, когда поток рентгеновских лучей ослабевает, становятся вялыми и впадают в спячку, из которой их могут вывести лишь гамма-лучи.

На Оре в определенные часы их облучают, в другие часы

радиация ослабевает — и они засыпают. Позаботились и о их работе. Альтаирцы — прекрасные строители, возводят здания, роют каналы. За этим залом простирается площадка, заполненная их созданиями. Кстати, альтаирцы — отличные живописцы, но картины их жестковаты: они пишут не красками, а радиоактивными веществами, иначе не увидали бы своих творений.

— Вы сказали, что они добродушны, — проговорил Ромеро. — Но эти добродушные существа устраивают междоусобные войны.

— Правда, они воюют. Северный и Южный союзы — так называются их государства.

Я стал прислушиваться к беседе Веры с альтаирцами. Наших гостей из созвездия Орла интересовало, правда ли, что гостиница — искусственное сооружение и нельзя ли привезти им на Альтаир великолепный пламень, пронизывающий члены, — они имели в виду гамма-излучатели. Вера пообещала прислать им партию таких приборов.

Ромеро негромко сказал мне:

— Нет, меня определенно не восхищают ни эти нитеобразные разбойники с Альтаира, ни бегемоты с Альдебарана и Капеллы. И свирепое их солнце не вызывает симпатии. Помните в стихах Танева строчки, как бы специально посвященные Альтаиру:

…Он, осужденный, помощи не просит
И не находит. Нет пощады. Поздно.
Некрепкой жизни быстро рвутся узы.
Лишь мстительное солнце грозно
Стоит над всем, как голова Медузы.

Отвращение Ромеро к этим странным звездным существам показалось мне наигранным. Но и увлечения Веры я не понимал. Она раскраснелась, глаза ее радостно блестели. Она поворачивалась то к одному, то к другому альтаирцу, старалась немедленно ответить каждому. Прошло с час, а лавина рушившихся на нее вопросов не ослабевала.

— До скорого свидания, друзья! — сказала Вера с сожалением и долго махала им рукой, удаляясь, а они толпой сверкающих разноцветных призраков реяли над ней.

— Теперь идемте в гостиницу «Созвездие Лиры», к мыслящим змеям с планетной системы Веги, — предложил Спыхальский.

Змеи — единственные существа, которых я не переношу. Я с тревогой посмотрел, на Спыхальского. Его кривая усмешка была зловеща.

Когда мы удалялись, произошло событие, показавшее предусмотрительность конструкторов Оры. Вокруг меня увивался ярко-зеленый альтаирец. Он пытался охватить меня ножками-волосиками, чуть ли не прижимался к скафандру. Мне показалось, что он хлестнул холодной ножкой меня по лицу. Я непроизвольно содрогнулся, а альтаирца словно сдунуло вихрем.

Оказалось, силовое поле настроено не только на свойства вещей, но и на ощущения. Оно мгновенно отбрасывает то, что вызвало страх или отвращение. В некоторой степени оно заменяет земных милых Охранительниц.

26

И вот мы вошли в третью гостиницу — купол и внутри купола сад.

Я помню, с каким нехорошим чувством переступал порог, как внутренне сжался перед встречей с ползучими гадами, где-то на далекой звезде, одной из прекраснейших звезд земного неба, развившихся до ранга разумных существ. Вега горячее Альтаира, в ее излучении жестких компонентов больше, какими же уродами должны оказаться вегажители, если альтаирцы так страшны? Сейчас мне кажется вещим охватившее меня тогда смущение. Я стоял на перевале жизни, пока еще был по эту сторону ее вместе с Ромеро, но готовился сделать шаг в иное, куда совершеннее нашего, бытие. Я успел в том, старом моем бытии прошептать Ромеро несколько иронических, тоже старых по духу, слов:

— Ради такого зверинца, пожалуй, не стоило устраивать звездной конференции.

А Мартын Спыхальский громко проговорил:

— О чем замечтались, юноша? Прошу настроить дешифратор на звуко-цветовую речь.

Мне странно теперь, что перелом моего существования от примитивного человеческого эгоизма к ощущению единства мира был ознаменован прозаическим советом настроить дешифратор. Я отрегулировал прибор — и перенесся в иной мир.

Вначале было темно. Вокруг высились одни растения — темные деревья, густые шапки кустов, пряно пахнущие цветы. И вдруг повсюду замерцали оранжевые огоньки — тусклые, как и все в этом сумеречном саду, быстро передвигающиеся перед деревьями. Горло мне сжала немота, непроизвольная, как приступ. На меня глядело человеческое лицо, необыкновенное лицо, прекрасней всех человеческих! Я оглянулся. Такие же лица смотрели и сбоку, и сзади. Нас окружили существа, до того великолепно похожие на людей, что мне захотелось закричать от

испуга и восхищения.

Да, конечно, они чем-то напоминали змей, но не больше, чем людей. У них было туловище, похожее на змеиное, очень гибкое, но человеческое лицо и руки, чуть лишь покороче и потоньше наших, свидетельствовали, что они не змеи.

Как я потом разглядел, у них не было ног, туловище оканчивалось пятою, они передвигались, вращаясь на пяте, и так быстро, что превращались в сверкающий столб. В ту первую встречу с вегажителями я этого не знал. Я даже не заметил, что они приближаются, вращаясь. Я открыл их, когда они стояли рядом, приветствуя нас голосом и сиянием. Очарованный, я не мог оторвать от них взгляда.

Я сказал, что их лица напоминают человеческие. Это справедливо лишь в первом, грубом приближении. У них очертанья человеческого лица, контур нашей головы, такие же глаза, рот и нос. Но все это гармоничней и нежней. Лучшая из красавиц Земли и мечтать не может о такой матовой, атласно-гладкой коже щек, таких ярких губах, таких четких бровях и мохнатых ресницах… Все это неважно, я говорю о пустяках. Они одеты в разноцветные, полупрозрачные одежды — платья или плащи… Нет, и это не то! Самое необыкновенное у вегажителей — их глаза. Глаза вспыхивали и погасали, они меняли свой цвет. Это были огни, а не глаза. Жители Веги разговаривают сиянием своих глаз!

— Начнем! — сказала Вера. — Я хочу узнать, как чувствуют себя наши гости?

Это был стандартный Верин вопрос, у меня же дрогнули руки, когда я поднимал дешифратор. Шар засиял и запел, из него исторгались цвета и звуки. А когда он замолк, один из жителей Веги запел и засиял глазами в ответ. Это было так красиво, что казалось фантастически неправдоподобным. Шар перевел его ответ на человеческий скучный язык, хрипловатым человеческим голосом — одинаковый на всех звездных мирах обмен любезностями:

— Нам здесь прекрасно. Мы благодарны за гостеприимство. Мы расскажем нашему народу, какие люди добрые и могущественные.

Один из пришельцев с Веги — вернее, одна, это была девушка — с интересом рассматривала меня. Я тоже залюбовался ею. Среди прекрасных вегажителей она была всех прекрасней.

— Как вас зовут? — спросил я.

Она пропела свое имя звучным и нежным голосом, напоминавшим флейту. Чтоб повторить, что она произнесла, нужны ноты, а не буквы. Одновременно глаза ее озарились

фиолетовым пламенем. Я воскликнул:

— Фиола! Я понял, вас зовут Фиола!

Все кругом засмеялись, даже Вера. В глазах девушки тоже вспыхнул розовато-голубой смех. Она смеялась ярко, радостными цветами.

— Фиола, — повторил я, смущенный. — Разве я не так выговариваю?

— Фиола, — проговорил машинный голос дешифратора. — Фиола.

— Пусть Фиола, — сказала Вера. — Имя красивое, как и девушка. Однако, друзья, довольно отвлекаться. Эли, будь внимательнее!

Внимательным я не сумел стать. И хоть меня интересовало, в чем нуждаются, к чему стремятся эти великолепные существа, я не смог отвлечься от Фиолы. Я подносил шар к тому, с кем разговаривала Вера, но смотрел на одну Фиолу.

И она глядела лишь на меня, разговаривала со мной вспыхивающими и погасающими, меняющими цвет глазами. И не завершила Вера и половины своих расспросов, как я научился понимать этот восхитительно красочный язык. Нет, я не мог отвечать ей такими же вспышками и сияньем глаз, вероятно, я лишь глупо таращился на нее, но Фиола разбирала мои молчаливые крики, мои смятенно-страстные объяснения, — мы понимали друг друга без слов.

Вы удивительные создания — люди, говорила Фиола, а среди людей ты лучший. У тебя доброе лицо, ты строен и красив, ты так нежно смотришь на меня, мне хотелось бы, чтоб ты схватил меня своими большими руками, у всех у вас большие сильные руки, ты же сильнее других землян. Да, конечно, отвечал я, то есть, наоборот, я вовсе не самый сильный и красивый, это смешно, я — красивый! Но вот ты — поразительная, мне и не снилось, что могут быть такие существа, я дрожу от радости, когда ты смотришь на меня, смотри, смотри, сияй своими сверхъестественными глазами! Да, я буду смотреть, и ты смотри, это так хорошо, когда ты идешь вперед, а голову оборачиваешь ко мне, прости, я не знаю, как звать тебя, я не могу осветиться твоим именем, но я уверена, оно звучно и стройно, как ты. Меня зовут Эли, ты этого не услышишь, обыкновенное имя, на Земле много таких имен — ни звучных, ни стройных, ни худощавых, просто имен, вот и мое такое — Эли. Нет, я услышала, тебя зовут Эли, это прекрасно и могущественно — Эли, вот я зажгусь твоим именем, эти красно-голубые пламена — ты, это твои цвета, Эли, Эли! Ты скоро уйдешь, вы всегда торопитесь, люди, хоть и тихо

передвигаетесь, и ты уйдешь, как другие, а я буду в сумраке гореть твоим именем, Эли, Эли, какое звучное имя, Эли, какое сверкающее имя, Эли, не уходи, Эли, Эли! Я не уйду, Фиола, я останусь, я хочу, очень хочу остаться с тобою…

— Очнись, Эли! — сказала Вера. — Беседа закончена.

— Надо уходить? Неужели надо уходить, Вера?

— Разве ты думал, что мы поселимся здесь?

Я повернулся к Спыхальскому:

— Мартын Юлианович!.. В эту гостиницу вход для землян не воспрещен?

Лицо его снова перекосила усмешка. Я вдруг понял, что он добрый человек.

— Эта гостиница — единственное местечко, где для человека нет опасностей, кроме красоты ее обитательниц.

Я схватил руки Фиолы, заглянул в глаза — они были темны.

— Фиола! — сказал я, забыв о дешифраторе. — Я приду. Жди меня, Фиола!

Я повторял: «Я приду!», пока черные глаза Фиолы опять не вспыхнули цветом морской воды, освещенной солнцем. Ромеро потянул меня за собою. Я махал Фиоле рукой. За воротами гостиницы Вера сделала мне выговор. Сколько раз я слышал в детстве этот суровый голос!

— Я недовольна, Эли. Чего ты уставился так на бедную девушку?

— Я любовался ею, Вера. Я не озорничал, а любовался!

— Отворачиваться от всех земных девушек, чтоб увлечься первой встречной звездожительницей, — кто тебе поверит, Эли?

— Главное, чтоб я поверил, — пробормотал я. Я верил.

А Ромеро пошутил:

— В древних преданиях змей искусил прародительницу людей, некую Еву. Бедный Эли, кажется, дал обольстить себя коварной и красочной змее.

Я молча глядел на него. Я слышал голос из прежнего моего мира, а я был в новом.

Ромеро опирался на свою дурацкую трость — надменный, высокомерно-подтянутый. Я словно бы впервые заметил, что он красив и его короткая бородка расчесана волосок к волоску. Между нами что-то оборвалось, он больше не был мне другом.

— Теперь ангелы с Гиад, — сказала Вера. — В этих крылатых обществах сохранились враждующие классы.

— Вздорный народец, — подтвердил Спыхальский. — Каждый день у них драки. Перья летят, как пух с тополей.

— И их много. Двадцать три обитаемые звездные системы в Гиадах, сто семь густо населенных планет. Ни одно из разумных племен не размножилось так — почти четыреста миллиардов…

— Разумное племя? — переспросил Спыхальский. — Что, конечно, считать разумом… Одно добавлю — голодное племя. Посмотрели бы вы, что происходит, когда звонят к столу.

Вера задумалась. Я был полон мыслей о Фиоле. В молчании мы долетели до гостиницы «Гиады». В этом здании, размером с город, масса зелени и света, прямоугольники домов образуют улицы, на пересечении улиц разбиты амфитеатры с экранами — ангелы любят картины. Условия тут подобны земным. Крылатые легко приспосабливаются к любым параметрам гравитации, атмосферы и температур. Вероятно, этим и объясняется, что они широко расселились на различных по характеру планетах.

На нас сразу набросились, осатанело зашумев крыльями, три обрадованных ангела. Восторженный визг и хлопанье привлекли других. Через минуту вокруг носилась, сталкиваясь и дерясь в воздухе, целая толпа крылатых. Я хлопал их по крыльям, приветствуя, но их было слишком много, чтоб со всеми здороваться.

В ангелах есть что-то, внушающее неприязнь. Внешне они импозантны, даже величественны — белое тело, золотые волосы, широкие мощные крылья, причудливо окрашенные: розовые, фиолетовые, оранжевые, даже черные, особенно среди четырехкрылых, чаще же всего — разноцветные. В летающей толпе преобладали двукрылые формы, четырехкрылые встречались не чаще одного на десять — и это все был внушительный народ. Лица ангелов грубы и безволосы. Я не встретил ни в тот день, ни после ангела без морщин, морщинисты даже молодые — каждый ангел кажется состарившимся ребенком. Впечатление это усиливается еще и оттого, что они галдят и носятся, как расшалившиеся дети. К тому же, ангелы редко моются и дурно пахнут. В вертепах ангелов вряд ли лучше, чем в конюшнях пегасов.

Когда мы продирались сквозь крылатую толпу, я увидел в стороне Андре с Лусином. Я наклонился к Ромеро:

— Павел, замените меня у дешифратора.

Он удивился — неужели мне так понравились крикливые летуны, что захотелось встретиться с ними наедине? Я объяснил, что собираюсь потолковать с Андре.

Выбравшись из толпы, я припустил к нему. Какой-то шальной ангелочек, восторженно завизжав, ринулся на меня с распахнутыми крыльями, но я ускользнул от него.

— Молчи и слушай! — закричал Андре. — Новые данные о галактах. Говорю тебе, молчи! Мы получили великолепные записи у того четырехкрылого. Чего ты размахиваешь руками?

— Я молчу! — закричал я. — Покажи записи.

— Сперва выслушай, потом покажу.

Андре и Лусину повезло. Когда они пришли к изолированному четырехкрылому, тот спал и ему снились кошмары, мозг его усиленно излучал. Андре, не дожидаясь пробуждения ангела, поспешил материализовать записанные излучения на большом дешифраторе.

— Нет, каков дешифратор! — ликовал Андре. — У Аллана лишь на Земле прочитали прямую речь каких-то дохлых мхов, а мы, без возни, осуществляем расшифровку куда посложнее!

Он тут же на улице, при сиянии дневного солнца, вызвал видеостолб. Я с усилием всматривался, внешний свет был сильнее внутреннего свечения видеостолба. Меня охватило недоумение. Я увидел те же картины, что уже демонстрировались на Земле, — скалы, яркие звезды, черное озеро, спускающийся сигарообразный корабль. Нового не было и дальше — те же галакты, башня с вращающимся глазом…

— Ну? — спросил Андре. — Понимаешь ли ты, что это такое?

— Понимаю. Бледная копия старых записей Спыхальского.

— И я тоже, — проговорил молчавший Лусин. — Копия. Уже видели.

— Вы дураки! — сказал Андре радостно. — Ну и что, если видели? Важно одно: звездные видения посещают нашего четырехкрылого очень часто, раз мы записали их в первом же обследованном сне. Только личные впечатления, а не наследственность могут дать такую четкость образов. Короче, он видел галактов сам.

Андре с торжеством смотрел на нас. Я хладнокровно рассмеялся ему в лицо.

— И сейчас ты идешь выспрашивать своего ангела, правильно ли толкуешь его сновидения?

— Совершенно верно.

— Я пойду с вами, чтоб присутствовать при оглушительном крушении твоей очередной теории.

Четырехкрылый буян был громадный, мужиковатый ангелище

со свирепой мордой и могучими крыльями. Он уставился на нас мутными глазами и что-то проворчал. У ангелов тонкие, писклявые голоса. Разговаривая, они захлебываются от торопливости — в любом их сборище трескотня и писк. У этого даже голос был мощный, почти бас, он не пищал, а грохотал. Он мне понравился.

Андре настроил дешифратор и вежливо проговорил:

— Разрешите задать вам несколько вопросов.

— На колени! — рявкнул ангел! — На колени, не то — к чертовой матери!

Его ярость была так внезапна и буйна, что мы рассмеялись. Смех озлил его. Он грозно вздыбился перед нами, распахнув крылья и клокоча.

— Зачем нам становиться на колени? — спросил Андре. — У людей это не принято.

Дешифратор перевел ответ ангела:

— Я божественного происхождения. Я — князь!

Я усомнился в правильности перевода. Слова «к чертовой матери», «божественное происхождение», «князь», «на колени» слишком отдавали старинными земными присловьями и понятиями, чтоб быть правдоподобными. Я не понимал, почему из всего богатства человеческого языка дешифратор использовал лишь это старье.

— Не думаю, чтобы ДУМ врал, — возразил Андре. — Объем его памяти не мал — четыреста тысяч слов и сто миллионов понятий. И если он выбрал князя и чертову мать, то, значит, наш узник имел в виду нечто, что ближе всего подходит к понятиям «князь» и «к чертовой матери».

Тогда к ангелу обратился я:

— Почему вы считаете себя князем?

— Налечу и растопчу! — сварливо сказал ангел. — На колени или смерть!

Я вспомнил, что охранное поле людей на Оре зависит от настроения. Я вызвал в себе гнев. Ангела отшвырнуло в сторону, он завопил от испуга. Я то увеличивал, то уменьшал поле. Крылатого «князя» беспощадно мотало в воздухе. Он отчаянно бил крыльями, но не мог противостоять трепавшим его невидимым рукам. Когда его особенно сильно встряхнуло, он заревел бычьим голосом:

— Спасите! Спасите!

Я сбросил поле, и ангел рухнул. От страха и бессилия он даже не пытался подняться и ползал, униженно расплескав широкие крылья. Лусин, засопев, отвернулся. Уверен, что в этот миг грубый ангел представлялся ему чем-то вроде его смирных

драконов или диковатого бога Гора с головой сокола.

— Высшие силы! — потрясенно бормотал ангел. — Высшие силы!

— Поднимайся и перестань быть князем! — сказал я. — Терпеть не могу дураков. Тебя по-хорошему спрашивают, а ты грубишь!

— Спрашивайте! — поспешно сказал ангел. — Хотя не знаю, что я могу могущественным особам…

Андре рассказал ангелу о его сновидениях и спросил, не видал ли он сам галактов и их врагов.

— Это предания, — бормотал ангел. — Никто не видел галактов. Я слышал в детстве сказки о них.

Я выразительно посмотрел на Андре. Он постарался не заметить моего взгляда. Он не очень огорчается, когда его теории терпят крах. Он слишком легко их создает.

— А почему ты хвастался божественностью? — спросил я ангела. — Что означает этот вздор?

Ангел опустил голову и поник крыльями.

— У нас было предание, что четырехкрылых привезли с собой небесные скитальцы, двукрылые же — порода местная… Я не люблю двукрылых. Я хотел объяснить им здесь, что они презренные низшие существа, но вы, люди, не разрешаете бить их…

— И никогда не разрешим, — подтвердил я. — И считать их низшей породой тоже не разрешаем. Каждый из нас много могущественнее тебя, но никто и не подумает издеваться над тобой, как над низшим. Как тебя зовут?

— Меня зовут Труб, — сказал он. — Я постараюсь… Я хочу, чтоб вы меня полюбили.

Он был так унижен, что я пожалел его. В конце концов он сын своего несовершенного общества. Я ласково потрепал его перья. Перья на крыльях у него отменные — шелковистые, крепкие, густой лиловой окраски. Собственно, настоящих крыльев у него два, вторая пара скорее подкрылки. На изгибе больших крыльев имеется рудимент руки — пять крепких черных пальцев с когтями. Не хотел бы я без наших полей попасть в эти рудименты рук.

Выйдя из ангельского номера, мы подвели итоги тому, что узнали от Труба. Андре запоздало пытался оправдаться в неудачной теории.

— Все же мы кое-что новое узнали. Я имею в виду предания о происхождении четырехкрылых.

— Ничего мы нового не узнали, — сказал я. — Нас интересуют галакты, а знания о них не добавилось. Такие

предания имеются у всех народов, где работящие существа разрешают оседлать себя паразитам. Разве ты не знаешь, что лучший способ оправдать собственное тунеядство — объяснить его божественностью своей натуры? Все подлое издавна валят на божество.

— Труб хороший, — сказал огорченный Лусин. — Не паразит. Красивый. Очень сильный. Сильнее всех ангелов.

28

Впечатление от следующих гостиниц слилось в смутное ощущение чего-то утомительного. Я понимаю, что человеческая двуногая одноголовая форма лишь одна из возможностей разумной жизни, и готов к любым неожиданностям. Даже когда мы беседовали с существами, на три четверти состоящими из металлов, и студенистыми мыслящими кристаллами, погибающими от света, я не удивлялся. Можно и так, говорил я себе. Все возможно. В природе существует могучий позыв познавать себя. А каким конкретным способом она осуществляет самопознание — игра обстоятельств. Не надо удивляться, тем более негодовать, что обстоятельства иногда складываются причудливые. Такой взгляд помог мне сохранить спокойствие при новых знакомствах. Но все же к концу обхода я изнемог. Разнообразие собранных на Оре жизненных форм подавляет.

Вечером мы с Ромеро гуляли по Оре.

Недвижное солнце утратило дневной жар и потускнело, превращаясь в луну. Три четверти диска вовсе погасло, было новолуние. Звонкий днем воздух, далеко разносивший звуки, глохнул, звуки преобразовывались в шумы и шорохи, зато густели ароматы. Цветы хватали запахами за душу, как руками. У меня немного кружилась голова. Ромеро помахивал тростью, я рассказывал, какие мысли явились мне при знакомстве со звездожителями.

Ромеро возмутила моя покладистость.

— Чепуха, друг мой! Все эти ангельские образины, змеелики и полупрозрачные пауки не больше чем уродства. С уродствами я не помирюсь. Раньше я не очень восхищался людьми, теперь я их обожаю. Знакомство со звездожителями доказало, что человек — высшая форма разумной жизни. Только теперь я понял всю глубину критерия: «Все для блага человечества и человека».

— Критерий правильный. И против него никто не спорит…

— Вы ошибаетесь, — сказал он сумрачно. — Мне не нравится настроение вашей сестры. Я хочу сделать вам одно предложение. Она нам обоим дорога. Давайте образуем дружеский союз против

ее опасных фантазий. Вы удивлены — какой союз? Слушайте меня внимательно, мой друг!

Опершись на трость, он торжественно проговорил:

— Я не влеку вас в неизведанные дали, наоборот, отстаиваю то, что уже пять столетий считается величайшей из наших социальных истин. Наш союз восстанет против того, чтоб забывали о человеке ради полуживотных, моральных и физических уродцев…

Отвращение исказило его лицо. Мне многое не нравилось в звездожителях, но ненависти они не вызывали.

— По-вашему, реальна опасность забвения интересов человека?

— Да! — сказал он. — Они уже забываются Верой когда она планирует широкую помощь сотням звездных систем. Вами, когда вы так возмутительно равнодушно признаете, что мыслящая жизнь может быть равноправно прекрасной и безобразной. Андре, готовым все силы положить на возню с дурацкими мыслями примитивных, как идиотики, ангелочков. И тысячами, миллионами похожих на вас фантастов и безумцев. Скажите, по-честному скажите, разве не забвение интересов человечества то, что происходит на Оре? Богатства Земли обеспечивают идеальные условия паукам и бегемотам! Звездный Плуг, отправленный на Вегу, израсходовал все запасы активного вещества на создание искусственного солнца для милых змей. Такова наша забота о других. А человек? Человека отставляют на задний план. О человеке понемножку забывают. Но я не дам человека в обиду. Если еще недавно я молчал, то сейчас я молчать не буду. Я повторяю то, что уже говорил на Земле. Неожиданная опасность нависла над человечеством. Мы обязаны сегодня думать только о себе, только о себе! Никакого благотворительства за счет интересов человека!

Он выкрикнул последние слова, пристукнув тростью.

Еще недавно я не нашел бы в его высказываниях ничего неприемлемого, они соответствовали моему тогдашнему строю мыслей. Сейчас, после встречи с Фиолой, я был иной.

— Не понимаю, к чему этот пафос, Павел? Запросите МУМ, кто прав, ваши противники или вы, и все станет на место.

К Ромеро понемногу возвращался его обычный надменно-иронический вид. На лице его вызмеилась недобрая усмешка.

— Благодарю за дельный совет, мой юный друг, обязательно им воспользуюсь. Итак, насколько я понимаю, вам не подходит предлагаемый мной союз?

— Я вообще не нахожу нужды ни в каком подобном союзе.

— А вот уж это мое дело — есть нужда или нет. Покойной

ночи, любезный Эли.

Он церемонно, по-старинному, приподнял шляпу и удалился. Я с тяжелым сердцем смотрел ему вслед. Мне было грустно, что в считанные минуты наша многолетняя дружба развалилась. Опустив голову, я шагал по аллее пустынного бульвара. Передо мной опустилась авиетка. Я вспомнил, что, кажется, пожелал чего-то, на чем можно передвигаться. Я влез в кабину и подумал: «К Фиоле».

29

Переступив порог гостиницы «Созвездие Лиры», я остановился в смущении. Зачем я стремлюсь сюда? Если Ромеро и неправ в своей неприязни к звездожителям, это еще не значит, что в них нужно влюбляться. Мне не хватало на Оре земных удобств, хоть сама по себе Ора и чудо техники. Была бы Охранительница — как все стало бы просто. «Скажите, милая, что со мной?» — «Ничего особенного — блажь пополам с жаждой познания нового» или: «С вами несчастье — вы испытываете земное чувство любви к жителю звезд, где о подобных чувствах и не слыхали». Я рассмеялся. На благоустроенной Земле нас слишком уж опекают машины!

Я прошел в сад. В саду светило то же, притушенное до лунного облика, ночное солнце, что и снаружи. Здесь и днем все терялось в полумраке, сейчас вовсе было темно. Я пробирался ощупью, наталкивался на деревья. Вдали возник и пронесся розоватый столб или смерч, яркий и стремительный, за ним вспыхнул и исчез другой. Я остановился, чтоб сообразить, где я. На меня навалилась душная темнота, наполненная сонным шорохом листьев и тревожным бормотаньем моих мыслей.

— Фиола! — тихо позвал я. — Фиола!

Из черноты кустов снова вырвался и унесся сияющий смерч. По саду заструилось тихое пение. Я всматривался в бурно вращающийся факел, пропавший за деревьями, и вслушивался в пение. Оно вскоре стихло. Тишина звенела в ушах, в ней не было ничего, кроме нее самой.

Меня внезапно охватил гнев. Я громко застучал ногами, грубо вторгнулся в кусты. Я хотел побольше шума, чтоб взбудоражить вегажителей. Если они так невежливы, что убегают, не спрашивая, чего мне надо, то и мне можно не церемониться.

— Фиола! — заорал я. — Фиола!

И снова мне ничего не ответило, лишь в отдалении вспыхивали и погасали сияющие столбы. У меня кружилась голова, пересохло в горле, каждая клеточка трепетала, словно я

одурманился жадными запахами незнакомых цветов. Во мне бушевала ярость.

— Фиола! — ревел я. — Фиола!

Я ринулся вперед. Что-то встало на дороге, может, куст, может, существо, — я оттолкнул его. Я бешено ломился в настороженную, боязливую темноту. Непроизвольно вскрикивая, я расшвыривал и рвал все, что мне мешало, запинался, сваливался, снова вскакивал, хватаясь за кусты, пинал кусты ногою и бежал дальше. В каком-то уголке сада я свалился надолго. Я лежал, всхлипывая от бессилия и бешенства. Я чувствовал себя поверженным.

— Фиола! — шептал я. — Фиола!

С трудом я поднялся. Ноги не держали, в голове надсадно гудело. Меня охватил стыд. Мое поведение было нелепо. Я, гордящийся разумом человек, вел себя как зверь, ревел и мычал, охваченный жаждой драки и разрушения. И этот дикий поступок я совершил не перед такими же людьми, как я, но в доме гостей, веровавших в могущество и доброту человека! Что они теперь подумают о нас?

— Простите, друзья! — сказал я. — Я виноват, простите!

Сейчас я думал об одном — поскорее выбраться из глухого сада. В полубезумном беге сквозь кусты я забрался слишком далеко. Надо мной нависали деревья, я не видел неба. Потом я вспомнил, как неожиданно появилась авиетка, и мысленно воззвал к диспетчеру планеты. Диспетчер молчал, связи с ним не было. Я двинулся наугад, ощупью определяя путь. Вскоре деревья расступились, открывая небо с угасавшей луной, и я вышел на дорогу.

Здесь я снова услышал пение, и минуту стоял, разбирая, откуда оно. Пение усиливалось, в нем звучала тревога, шел спор или перебранка, так мне казалось. И вдруг сад озарился, меж деревьев замелькали огни, они приближались, звеня на высоких нотах. А затем из кустов вырвался столб радужного сияния и смерчем обрушился на меня. Я еле устоял на ногах и, обхватив вегажителя, закружился с ним. Я не сразу сообразил, что это Фиола.

— Фиола! — сказал я потом. — Фиола!

Я обнимал ее, а к нам отовсюду стремились ее светящиеся сородичи. Я не успел прийти в себя от встречи с Фиолой, как был окружен толпой звездожителей. Теперь я видел, что светятся у них не одни глаза, но и тело. То, что я днем принял за расцветку одежды, оказалось собственным их сиянием, свободно лившимся сквозь одежду, — оно было много ярче, чем днем. И они не просто освещали телами тьму, хотя в саду стало светло, как при

солнце, но возмущались и негодовали сверканием — сияние их нападало на меня и Фиолу, упрекало нас. Это был разгневанный свет, как у нас бывает разгневанный крик. Какая-то сила, много мощнее моей, растаскивала нас с Фиолой. Наши руки разомкнулись, и Фиола выскользнула из моих объятий. В пении ее послышалось рыдание. Она рванулась ко мне, но снова нас оттолкнуло друг от друга.

— Фиола, что происходит? — воскликнул я, забыв, что она не понимает человеческого языка.

От злости я стал холодно рассуждать. Эти существа, очевидно, обладали защитными полями, вроде моего, но послабей, ибо, лишь собравшись в толпу, могли воздействовать на меня. Я сообразил, как действовать, но раньше нужно было ухватить Фиолу, чтоб ее не унесло с другими.

Улучив момент, я сжал ее обеими руками и вызвал поле.

Если бы я не был так расстроен, я бы расхохотался, когда вегажителей раскидало. Они взметались и падали, от страха погасая. Я поспешно сбросил поле, чтоб их не разбило о деревья. Фиола прижималась ко мне вся дрожа, глаза ее были темны. Она поймала мой взгляд и глубоко вздохнула. Я погладил ее волосы.

Вегажители не разбежались, как я надеялся, но стали опять приближаться, осторожно, медленным вращением — раза в два, впрочем, быстрее человеческого бега. Я видел в их лицах ужас, вероятно, я представлялся им страшилищем, всемогущим и беспощадным. От робости они светились тускло, зато пение, печальное даже для человеческого уха, звучало громче. И меня захлестнула нежность к этим мужественным, слабосильным существам — трепещущие, почти уверенные в гибели, они все же надвигались на меня, чтоб вызволить свою сестру, попавшую, как им казалось, в беду.

— Глупые! — сказал я. — Почему вы боитесь меня?

Пение оборвалось, когда я заговорил. Вегажители молча старались разобраться в моей речи. Я улыбнулся, погладил опять волосы Фиолы и протянул руку к одному из них — тот поспешно отпрянул. Но они уже не старались разделить нас. Не расступаясь, они и не наступали.

— Можете мне поверить, — говорил я. — Я бы скорей убил себя, чем причинил вам зло.

Не знаю, поняли ли они меня, но пение, зазвучавшее в ответ, было уже не так однообразно печально. Они опять засветились телами, засверкали глазами, зазвучали на разные голоса — спорили меж собою, в чем-то друг друга убеждая. И тут в их спор вмешалась Фиола. Ее глаза вспыхнули фиолетовым сиянием, оно превратилось в малиновое, потом в голубое, в нем заметались

оттенки и цвета. Одновременно Фиола запела — в моих ушах зазвенели в многоголосом переборе серебряные колокольчики. Я услышал повторенную дважды музыкальную фразу, подкрепленную холодным синим пламенем глаз, и понял, что она приказывает: «Уходите! Уходите!». Потускнев от внимания, молчаливые, звездожители смотрели на меня и Фиолу. Я повторил:

— Плохого с Фиолой не случится.

Все же они не решались покинуть нас. Они высвечивали друг другу, перезванивались тоненькими голосами, но оставались. В глазах Фиолы усилились холодные пламена, в голосе зазвучал гнев. Я понимал каждую ее ноту и вспышку. «Почему вы не уходите? — возмущалась она. — Я настаиваю: уходите!»

Лишь когда она повторила свое требование в пятый или шестой раз, толпа стала разваливаться. Сперва завертелся кто-то вдалеке, следом выкрутился в темень сада его сосед, а за ними всех вегажителей охватило попятное вращение. Меж деревьев замелькали уносящиеся сияющие столбы, на несколько секунд все снова озарилось причудливыми огнями, потом огни погасли — вокруг был тот же непроницаемо черный, задыхающийся от собственных ароматов, непонятно чужой сад. Я не боялся его, рядом светила Фиола. Она улыбалась, и я улыбнулся ей. Вспомнив, что мы немые друг для друга, я схватился за ДН, чтоб хоть он помог нам.

— Не надо! — сказала она, засмеявшись, — Мы обойдемся без твоего прибора.

Я ошалело молчал. Мне были понятны каждое ее слово, и цвет.

— Разве тебе не ясно, — прозвенела она, — что я разобралась в твоей речи еще днем, а сейчас ее поняли и мои друзья?

— Мне тоже показалось, что они ее поняли, — сказал я. — Я даже уверен, что они ее поняли.

Она лукаво смотрела на меня. Мне стало не по себе, до того она была красива.

— Надеюсь, и ты понимаешь меня? Не так ли, Эли?

Я проглотил комок, вдруг сдавивший горло. Никакого чуда не было. Наш мозг — тоже дешифратор, слова лишь сопутствуют прямой передаче мысли, здесь же мыслям помогали не одни звуки, но и цвета. Но и сознавая это, я не переставал удивляться.

— Наш язык беднее вашего, — сказал я. — На Земле не только люди, но и почти все животные общаются лишь с помощью звука, такова уж наша особенность. Но знаешь, выйдем на открытое место. Это смешно, но мне мерещится, что у ваших деревьев не листья, а лапы.

— Ты фантазируешь! Деревья — спасители. Их листья экранируют от коротких волн нашей звезды. Днем никто у нас не выберется на открытое место. Мы гуляем ночью.

Я вспомнил, что красавица Вега еще горячей, чем Альтаир, ее поверхностная температура около 15 000 градусов. Под таким солнцем не погуляешь. И, несомненно, светящиеся и разговаривающие светом вегажители просто созданы для ночи.

30

Мы вышли на поляну и сели на скамейку. Ходить с Фиолой не очень удобно, она не способна ковылять по-человечески, а мне за ней не угнаться. Зато с ней хорошо сидеть, от нее исходит приятная теплота: вегажители, как и мы, теплокровны.

На поляне раскрылось ночное небо. Луна погасла, и звезды пылали чисто и напряженно. На Оре давление воздуха то же, что и на Земле, но толща его меньше и звезды ярче. Фиола глядела на Вегу. На Земле я часто любовался прекрасной Вегой, а здесь пришел в восторг — такая она великолепная. Фиола попросила указать наше Солнце, я поинтересовался, какое созвездие ей больше нравится. Я с волнением ожидал ответа. Созвездия на Оре несхожи с земными, но Большая Медведица, Кассиопея, Орион и здесь, измененные, прекрасны, — я опасался, что она укажет на них.

Но Фиола обратила светящиеся глаза на параллелограмм, отчеркнутый Фомальгаутом, Альтаиром, Арктуром, Сириусом и Капеллой, в центре его сияли три малозаметные, дорогие моему сердцу звездочки — Поллукс, Альфа Центавра и Солнце.

— Ты хорошо выбрала, — сказал я торжественно. — Мы оттуда, Фиола. — Я показал на Солнце.

Она удивилась, что Солнце маленькое. Я ответил, что просто оно очень далеко. Фиола задумалась.

— Вы могущественны, люди, — сказала (вернее, просветила и пропела) она. — Когда вы опустились на нашу планету, некоторые решили, что вы божества, так сверхъестественно было ваше появление.

— Теперь вы, однако, понимаете, что мы обыкновенные существа? Не лучше вас.

Она покачала головой, глаза ее засверкали сумеречно и влажно. Задумываясь, она становилась похожей на опечаленного ребенка: хотелось утешить и отвлечь ее от дум, причиняющих огорчения.

— Во многом вы даже хуже нас. Вместе с тем, вы безмерно превосходите нас.

Я попросил объяснения. Отныне мы были способны беседовать на любые темы. Вскоре я убедился, что легко разбираю лишь простые понятия, а сложные мысли ей приходилось повторять по два-три раза, пока я постигал их.

Она начала с того, что при первом знакомстве люди кажутся беспомощными.

— Вы неповоротливы и тугодумны, неспособны ни к быстрым движениям, ни к мгновенным решениям. И, может, самое главное: вы жизнедеятельны лишь в узком интервале условий, чуть измени их — вы погибаете. Вы не переносите ни жары, ни холода, ни разреженного воздуха, ни больших давлений, ни жестких излучений, ни длительного голода, ни жажды, ни перегрузок тяжести. Выброси любого из вас, голого, без орудий и машин, во внешний мир — что с вами будет? Даже средства общения у вас до удивления несовершенны — речь груба и медленна, прямой передачи мысли вы не применяете. Спектр существования людей настолько узок, что трагически превращается в линию, — жизнь человека висит на этой линии, как на волоске. Мы во многом совершеннее вас. Хоть мы и предохраняемся от жестких излучений нашего безжалостного светила, зато мы легко дышим и при одном и при сорока процентах кислорода, переносим стоградусную жару и стоградусный холод, понимаем друг друга без звуков и цветов, и звуки, и цвета лишь сопутствуют прямой речи наших мыслей, мы не тонем в воде, месяцы живем без пищи и питья, не умираем, если не поспим неделю. И каждый из нас хранит в мозгу все знания, накопленные обществом, мы не нуждаемся в справочных машинах, чтоб вызвать к делу свои знания. Вот каковы мы и каковы вы. Когда знакомишься с вами, поражаешься, что вы, такие беспомощные, все же существуете, что вы не погибли на заре своей истории.

— Это потому, что мы заставили наши недостатки служить нам. Наше могущество — оборотная сторона наших слабостей.

— Да, — сказала Фиола, — ваше величие продолжает ваши слабости. Это второе, чему поражаешься в вас. Вам опасны колебания температур — вы защитились от них одеждами, помещениями, генераторами тепла. Вам страшно падение кислорода в воздухе, вы не переносите разреженности — вы придумали скафандры. Без еды и питья вы неспособны жить — вы берете с собой запасы еды и питья, умеете приготавливать их из любых веществ. От перегрузок вы защищены силовыми полями, те же поля преодолевают невесомость, создавая единственно устраивающие вас узенькие, лишь случайно выпадающие в разнообразии Вселенной условия тяготения. У вас малая память — вы безгранично расширили ее запоминающими устройствами.

У вас немощные мускулы — вы усилили их чудовищно мощными машинами. Мысль ваша замедленна, средства выражения мысли словами примитивны, понимание чужой мысли отсутствует — вы преодолеваете эти врожденные недостатки дешифраторами, за вас работают невероятно точные и быстрые механизмы. И хоть сами вы неспособны быстро передвигаться на своих слабых, неудачно сконструированных природою ногах, зато вы создали космические машины, далеко обгоняющие самого быстрого мирового бегуна — свет. И так во всем, так во всем, Эли! Вы отыскиваете слабые свои места, беспредельно усиливаете их механизмами — и несовершенства ваши обращаются в преимущества. Без своих изобретений вы до ничтожества жалки, с ними — непостижимо велики. Беспомощные перед каждой стихией природы, вы одновременно — самая величественная из ее стихий. Во Вселенной нет более могучих сил, чем вы, маленькие, неповоротливые люди. И хоть это не главное, чему следует у вас удивляться, — как все же не удивиться?

— Хорошо, — сказал я. — Мне нравится твоя речь о недостатках и достоинствах людей. Но чему же ты больше всего удивляешься в нас, если не могуществу?

— Сразу видно, что ты человек и что люди — примитивны. Хоть глаза ваши тусклы, а лица не выражают мысли, сейчас глаза твои засияли и лицо одухотворенно. И все потому, что ты тщеславен. Ты заранее радуешься, что тебя похвалят, неважно, за что, — лишь бы похвалили.

Это было беспощадно метко, я покраснел.

Фиола смотрела на меня с улыбкой. Ее глаза освещали меня и мрак в саду. Если бы мы не вели серьезного разговора, мне померещилось бы, что я влюблен. Для любви, так я думаю, нужны специальные условия, здесь они были все — и теплая, напоенная ароматами ночь, и роскошный, как сказочный эдем, сад, и, наконец, самое важное — божественно прекрасная девушка. Она была дьявольски умна, эта божественно прекрасная девушка, мне становилось не по себе. И она не была человеком, а меня томило человеческое, чересчур человеческое! Земных девушек обнимают и целуют, шепчут им ласковые слова, такова наша человеческая любовь, примитивная, как мы, — а что требуется совершенным звездожителям?

Фиола разобралась в моем молчании, вероятно, лучше, чем я. В глазах ее быстро менялись цвета, голос пел звучно и мелодично. Если бы я не старался проникнуть в смысл пения, я наслаждался бы им просто как пением. Я вспомнил свое увлечение индивидуальной музыкой. Там не приходится размышлять, какие понятия в звуках.

— Что ты замолчал? — спросила Фиола. — Или тебя не интересует, в чем самое удивительное ваше качество?

— Нет, то есть да, интересует! Так чем мы замечательны?

— Своей добротой. Вы покоряюще добры, милый мой человек Эли. Ничто не может сравниться с вашей добротой и отзывчивостью.

Я немного приободрился. Правда, я мог бы кое-что порассказать о случаях, когда мы злы, но не хотел. Заблуждение Фиолы было мне приятно. Я предпочел бы вести разговор о Фиоле и ее сородичах, или о ночи и нашей встрече, а не о людях. Беседа наша могла быть занимательней, чем получилась.

Она возвратилась к тому, что мы могущественны.

— Мощь поднимается над мелочами, величие выше частностей — таков закон природы. Звезде безразлично, что ее радиация поддерживает жизнь одних существ и убивает других. А люди нарушают этот закон природы. Их мощь не слепа, она разрушает и создает планеты — ради жизней. Когда первые люди опустились к нам, нас всех охватил ужас, мы ждали гибели. Но люди помогли нам защититься от летнего избытка радиации, от зимних жестоких морозов. Они построили экранирующие помещения, теперь не надо в жару прятаться в кустах под деревьями. И мы уже не страдаем от холода, когда планета зимой уходит от Веги: нас согревает искусственное красное солнце. Многие думают, что люди прибыли лишь затем, чтоб помочь нам, иной цели в их прибытии нет, — разве это не удивительно? Во время перелета с Веги на Ору люди говорили: «Здесь все для вас». На Оре нам твердят: «Требуйте, что нужно. Наша обязанность — создать вам наилучшие условия». Вот каковы люди! Они считают помощь иным существам своей обязанностью, — что может быть выше!

— А разве сами вы не поступили бы так? — возразил я. — Скажем, прилети вы на другую звезду…

— Не знаю. На планетах Веги жизнь нелегка, а ваших механизмов мы не имеем. Боюсь, мы всюду заботились бы прежде всего о себе. Вот ночью ты пришел без предупреждения, и началось смятение. Все испугались тебя, Эли, а когда я приблизилась, нас хотели разъединить. Но я сижу с тобой, и мне хорошо. Нам всем хорошо с людьми. Это так прекрасно, что в мире существуете вы, люди!

Она проникновенно сияла, пение ее хватало за душу. Я чувствовал себя в этот момент представителем человечества, я гордился, что людей любят. И я с негодованием вспомнил, как Ромеро презрительно отзывался об искусственном солнце, за которое благодарила людей Фиола. Экипаж звездолета,

отправленного на Вегу, израсходовал на это светило все свои резервы активного вещества. Программой полета такие действия не предусмотрены — им придется держать ответ на Земле.

Я мысленно видел планету, где жила Фиола, — летом сжигаемую бело-калильным жаром, темную и холодную зимой. Вдали сияла синевато-белая Вега — декоративная, не животворящая звезда. Да, конечно, ко всему можно приспособиться, к самым безжалостным условиям существования, — и они приспособились ценой мук и страданий. Разумом и чувствами я был с теми, кто бросил луч в их ледяную темноту, послал волну тепла в скованные морозом сумрачные убежища, защитил от убийственно-пронзительного летнего света! Но, несомненно, кто-то из людей поддержит Ромеро, объявив транжирством бескорыстную человеческую помощь… Сказать Фиоле, что люди разные, я не мог…

А между тем погасшая было луна стала возрождаться в солнце. На черном пологе неба засветился диск, он становился ярче и горячее. Звезды тускнели и пропадали. Фиола прижалась ко мне. Я хотел ее поцеловать, но не знал, принято ли на Веге целоваться. Мне было радостно и без поцелуев.

— День идет, — сказал я. — Рабочий день, Фиола.

— Да, день, — отозвалась она. — И ты удалишься. Спасибо, что ты был эту ночь со мной, человек Эли.

— И тебе спасибо, Фиола. Ты подарила мне лучшую ночь в жизни.

— Что было в ней лучшим, Эли? То, что я критиковала людей за несовершенство?

— Нет, то, что мы сидели рядом и, разные, чувствовали свое единство.

Она унеслась, звеня и сверкая, в глубь сада, а я поплелся к выходу.

31

Я собирался к Вере, но она сама вызвала меня. У входа в гостиницу вспыхнул видеостолб. Вера сидела за столом. Она казалась усталой.

— Ты не спал сегодня, брат? — спросила она, всматриваясь в меня. — Тебя не было дома.

— Я провел эту ночь с Фиолой в их саду.

— Я тоже не спала. Дурацкая ночь — споры, ссоры… Как бессердечны иные люди!

Я сообразил, что она говорит о Ромеро.

Я редко видел Веру такой измученной. Раньше в спорах она

воодушевлялась. Дискуссии оживляли, а не подавляли ее. Что-то очень серьезное случилось у них с Ромеро.

— Прими радиационный душ, Вера. И не думай о чужом бессердечии.

— Душ я приму. Но не думать о бессердечии не могу. Бессердечие, распространившееся на многие сердца, становится грозной силой. Я вызвала тебя, чтоб освободить на этот день.

Я позавтракал и пошел к Андре. У Андре сидел Лусин. Я предложил им отправиться на розыски сведений о галактах. Андре собирался сегодня готовить зал Галактических Совещаний к своему концерту. Я уверял его, что звездожители отнесутся к симфонии не лучше, чем люди, музыка должна радовать, а не терзать.

— Наш век — трагичен, — закричал Андре. — Посмотри на небо — сколько горя! И еще эти чертовы человекообразные с их загадочными врагами! Наши предки могли дикарски радоваться неизвестно чему, а мы обязаны задуматься над смыслом существования.

Он готов был завязать запальчивый спор, но я отвернулся к Лусину. Тот вначале отнекивался занятостью в конюшне, но я пресек его отговорки. Разве он поехал на Ору ублажать пегасов и драконов? Этим можно заниматься и на Земле. Лусина уговорить легче, чем Андре. Он потащил передвижной дешифратор. На улице мы взвалили прибор на воздушную тележку и поехали в гостиницу «Созвездие Орла».

Мысль о том, что надо поискать сведений о галактах у альтаирцев, явилась мне вчера. Я хотел также познакомиться с их живописью. Спыхальский так разрисовал их способности к искусству, что меня одолевало любопытство. В вестибюле мы облачились в скафандры и получили гамма-фонари для высвечивания невидимых жителей Альтаира.

В зале было пусто. Мы светили во все стороны, но не обнаружили альтаирцев. В конце зала открывался туннель, и мы прошли сквозь него на рабочую площадку. У меня защемило сердце, когда я увидел раскинувшуюся вокруг нас страну. На темном небе висел синевато-белый шар, имитировавший жестокий Альтаир. Все вокруг разъяренно сверкало. Ни единой травинки не оживляло сожженную почву — до скрежета белый камень, до хруста белый песок, удушливая пыль, вздымавшаяся из-под ног.

— Пейзаж! — сказал я. — Жить не захочешь!

Лусин не изменил себе и тут.

— Неплохо! Здесь жить — искусство. Мастерство. Высокое.

Вскоре нам стали попадаться сооружения альтаирцев —

каменные кубы без окон, каменные короба, протянувшиеся за горизонт. Мы вошли в один из кубов и засветили фонарями. На стенах вспыхнули люминесцирующие картины. Рисунки меняли окраску и интенсивность, стоило повести фонарем, а когда мы тушили их, картины медленно погасали.

Живопись была странна — одни линии, хаотически переплетенные, резкие, мягкие, извилистые линии — не штрихи, но контуры. Я вспомнил о математической кривой Пеано, не имевшей ширины и толщины, но заполнявшей собой любой объем. Линии, какими рисовали альтаирцы, были подобны кривой Пеано, они заполняли объем, отчеркивали глубину, изображали воздух и предметы. Я видел все тот же беспощадный пейзаж — неистовое солнце, поля, камни, песок, сооружения. И всюду были сами альтаирцы — нитеногие, паукообразные, проносящиеся между предметами.

Перед одной картиной я стоял долго. Два альтаирца дрались, яростно переплетаясь отростками, сшибаясь туловищами. Художник великолепно передал обуревавшую их злобу, стремительность и энергию движений. Я двигался вдоль одной стены, Лусин вдоль другой. Он вдруг закричал:

— Эли! Скорей! Скорей!

Я метнулся к нему, думая, что он попал в беду. Лусин показывал пальцем на картину. На картине были галакты.

И эта картина, как и остальные, была рисована линиями — контуры вещей и воздуха заполняли пейзаж. На камне лежал умирающий бородатый галакт в красном плаще и коротких штанах. Одна рука бессильно отвалилась вбок, другая сжимала грудь, глаза умирающего были закрыты, рот перекошен.

Неподалеку стояли трое галактов с закованными руками — на картине отчетливо виднелась цепь, стягивающая их руки, заложенные за спину. И с тем же жутким совершенством, с каким художник передал страдание в облике умирающего, он изобразил обреченность и молчаливое отчаяние трех пленников. Они не смотрели на нас, не звали на помощь, головы их были опущены с безвольной покорностью. А над ними реяли альтаирцы. Так же мастерски художник изобразил и смятение жителей Альтаира. Они словно ломали свои отростки, каждая линия на их телах кричала, альтаирцы метались, хотели что-то сделать, но не знали — что.

— Где же те, кто пленил галактов? — размышлял я. — Очевидно, это не альтаирцы, те сами в ужасе. Никакого, даже отдаленного намека на зловредов! Ты понимаешь, что это значит, Лусин? С каждым новым открытием таинственные разрушители становятся таинственней.

— Загадка. Надо искать. Может, еще картина?

Мы переходили из одного пустого здания в другое, под нашим фонарем загорались все новые картины, но среди них больше не было изображений галактов.

— Надо поискать альтаирцев, — сказал я. — Только они смогут объяснить загадки своих рисунков.

— Пойдем. Поищем.

Побродив по раскаленной пустыне, мы увидели сборище усердно работающих альтаирцев. Они вырубали и обтесывали камни, тащили их к строящимся зданиям. Труд был хлопотлив, а работники умелы. Впрочем, не так уж сложно быть умелым, если у каждого вместо двух рук два десятка гибких и крепких рычагов. Шар, заменяющий Альтаир, накаливал по-полдневному, и паукообразные создания светились в видимых лучах, но слабее, чем в зале, где мы их впервые увидели. И если там они были полупрозрачны, то здесь их сходство с призраками увеличилось. Кругом были одни тускло мерцающие тени и силуэты, контуры тел, а не тела. «Вот откуда их странная живописная манера», — подумал я.

Альтаирцы заметили нас и, забросив работы, побежали навстречу. Они с радостью протискивались поближе, стремились дружески обнять нас ножками-волосиками — пришлось усилить охранное поле. Я настроил дешифратор и пожелал им здоровья. Эти добрые создания в ответ пожелали нам никогда не спать. Очевидно, сон у них — штука страшная и они его побаиваются.

Я обратился к альтаирцу, на взгляд менее субтильному, чем другие:

— Нам очень понравились ваши картины, друзья.

— Да, да! — загомонили они. — Мы рисуем. Мы всегда рисуем.

— И нам хочется знать, что за существа, похожие на нас, изображены на одной вашей картине?

Когда дешифратор преобразовал мой вопрос в гамма-излучение, альтаирцы словно окаменели. Они стояли, как бы пораженные ужасом. Если бы у них были глаза, я бы сказал, что они замерли, выпучив глаза. Приглянувшийся мне альтаирец отшатнулся. Потом по кольцу паукообразных пробежала судорога, и оно стало разваливаться. Передние отступали назад, кто-то из задних пустился наутек.

— Что с ними? — спросил я Лусина. — Они вроде испугались вопроса.

— Повтори! — посоветовал Лусин. — Не поняли.

Несколько секунд я не решался повторить вопроса, и движение среди альтаирцев прекратилось. Я молчал, обводя их

взглядом, и они молчали, ожидая, не скажу ли я еще чего-нибудь страшного. А когда я набрался духа и вторично попросил ответа, кто изображен на картине, их охватила паника. Они уносились с такой быстротой, что не прошло и секунды, как около нас никого не было. Бегство совершилось в полном молчании, дешифратор не передал ни единого звука. Я повернулся к Лусину:

— Вот так история! Ты что-нибудь понимаешь?

— Понимаю, — отозвался Лусин. — Загадка.

32

Андре мы не нашли, к Ромеро я не пошел, Спыхальский занимался своим огромным хозяйством — нам не с кем было поделиться новыми открытиями и загадками.

Лусин, чуть выбрался из гостиницы «Созвездие Орла», затосковал по своим чудищам.

— Да что с ними случится? Пегасы дерутся, а драконы жуют траву. Кому на Оре нужны твои примитивные создания?

— Не говори, — бормотал он. — Не надо. Хорошие.

— Проваливай, — сказал я. — Надоел до смерти. Желаю пегасам попасть в пасть дракона.

Лусин, счастливый, долго хохотал, — таким забавным показалось ему мое пожелание. Два пегаса из смирных, пусти их, загонят любого дракона.

Я завернул к себе и поспал часок за вчерашнюю бессонную ночь. Меня разбудил вызов Веры. Она требовала меня к себе.

Вера порывисто ходила по комнате, иногда что-нибудь брала со стола и, повертев, клала обратно. На столе у нее множество пустячков — кристаллики с записью, крохотные осветители, зеркальца, гребешки, духи, книги первого века. Когда Вера волнуется, у нее темнеют глаза. Сейчас у нее были очень темные глаза. Она отдохнула и уже не казалась измученной, но я видел, что она возбуждена. Она встряхивала волосами — волосы спадали на глаза, и она отбрасывала их. В гневе Вера только и делает, что взмахивает волосами. «Трясет головой, как лошадь», — мстительно думал я в детстве, когда она отчитывала меня. Разгневанная, она так хорошеет, что даже я это замечал. Все неприятные минуты моего детства связаны с образом рассерженного, красивого лица. С той поры я недолюбливаю красивых женщин, и это уже навсегда. Красота для меня неотделима от вспыльчивости и резких слов. Сегодня Вера была красивей, чем когда-либо. Теперь я твердо знал, что у них с Ромеро произошел разрыв.

— Ну, что ты нашел нового, Эли? — Она совершенно

очевидно делала усилие, чтоб слушать.

После первых же моих слов о картине с галактами она преобразилась. Она сразу поняла, что мы совершили открытие. До сих пор было известно, что галакты появлялись на одной отдаленной звезде Гиад, в 150 светогодах от Солнца. Теперь следы их обнаружены в Альтаире, в ближайших наших звездных окрестностях.

— Это чрезвычайно важно, — сказала Вера. — Из твоей находки следует, что галакты со своими врагами могут появиться и в Солнечной системе, если уже не появлялись в ней. То, о чем мы на Земле говорили лишь как о теоретической возможности, стало реальной угрозой. Но какова природа этой угрозы? И снова — кто такие эти разрушители, или зловреды, пленившие галактов? Почему их нет на картине? Не духи же они, в самом деле!

Вера отдала распоряжение, чтоб все картины альтаирцев были сфотографированы, и возвратилась к нашему открытию.

— Чем ты объясняешь бегство альтаирцев, брат?

Я развел руками, у меня не было объяснений.

— Еще одна загадка! Ну, эту, пожалуй, как-нибудь решим. А теперь поговорим о другом.

— О другом — это значит о Ромеро, сестра?

Она, волнуясь, снова заходила по комнате.

— Да, о Ромеро. Три часа назад мы с Ромеро запросили МУМ, кто из нас прав. И машина ответила, что я — неправа. Помощь звездожителям она объявила несовместимой с принципом, что все совершается для блага человечества и человека.

Я вскочил. Давая совет Ромеро обратиться к МУМ, я был уверен, что она опровергнет его. Я крикнул:

— Машина соврала! На Земле запросим Большую. В серьезных делах верить такой крохотульке!..

Вера нетерпеливо отмахнулась. Она еле сдерживалась.

— Машине можно верить, Эли. Если она и не содержит всех знаний Большой, то принципы истолковывает правильно. Такой же ответ даст и Большая.

Я смотрел на Веру во все глаза. Мне казалось до сих пор, что я знаю ее. Раньше она не уступала, шла на резкости, если чувствовала свою правоту. Меня охватила обида за прекрасных вегажителей, за добрых и смертоносных альтаирцев, даже за болтливых, дурно пахнущих, но по-своему симпатичных ангелов.

— Ромеро знал, что делает, — сказала она. — Он умело воспользовался последними данными… Он поднимает крик, что человечеству грозит чуть ли не гибель, — и все для того, чтоб сбросить с Земли ответственность за наших звездных собратьев.

Не понимаю, почему он так ненавидит все, что непохоже на человека? А социальные наши машины, конечно, проштампуют его версию — раз над человечеством нависла опасность, нужно думать только о человеке. На то они и машины, чтоб мыслить по-машинному.

— Быстро же ты отступаешься, Вера. Быстро, быстро!

Она подошла к окну и закинула руки за голову. Я видел лишь ее профиль — ровный нос, тонкие брови, высокий лоб, пухлую нижнюю губу, очень яркую на матовом лице. Красоты в ней было больше, чем силы. А когда идет борьба, нужны кулаки.

— Тебе кажется, что я отступаю?

— Хотел бы, чтоб не казалось.

Она отошла от окна.

— Я не отступаю. Я начинаю борьбу. Но не с машиной. Что машина? Справочный механизм, приспособленный для расчета, — автоматический слуга. Что в нее вложат, то и получат. Я хочу поставить перед человечеством вопрос: не пора ли расширить принципы нашего общественного устройства? Они существуют неизменные пятьсот лет, не настало ли время развить их дальше? Я готовлю об этом доклад Большому Совету.

Мне подумалось, что она захватывает чересчур далеко. Нужно по-иному сформулировать вопрос — и машина даст иной ответ. Ромеро тонок, он нашел хитрый ход, с ним надо бороться его оружием — отыскать формулировку похитрее…

— С ним надо бороться открыто и прямо, Эли. Ты ошибаешься в нем. Ромеро не тонок. Он умен, но примитивен. Среди дикарей тоже встречались умные люди. Слушай, как все это представляется мне.

Она и раньше любила рассказывать друзьям то, с чем потом выступала на Совете. Я не терпел ее длинных речей, но эту слушал, не отвлекаясь, — мысли Веры казались мне собственными моими мыслями.

Вера начала с 2001 года старого летосчисления, памятного года, когда человечество объединилось в единое общество и на земном шаре было покончено наконец с национальными, классовыми и государственными распрями.

Год объединения стал первым годом новой эры, подлинная история человечества началась с рождения нового общества, с осуществления в жизни принципа: «Общество существует для блага человека. Каждому по его потребностям, от каждого по его способностям».

В те начальные годы принцип этот был лишь пожеланием, предстояло сделать великую идею повседневностью быта. Почти пятьсот лет протекло с той поры, и все эти годы человечество

усовершенствовало себя. Оно было погружено в себя, остальной мир интересовал его лишь в той степени, в какой касался людей. Оглянуться — голова кружится: за все предшествующие тысячелетия его существования не было столько доброго совершено для человека, сколько за эти пять веков. Каким бы жалким показался прославленный рай рядом с нынешней Землей! Осуществлены возможности, таящиеся в человеке, — он по-настоящему стал человеком, устроил себе по-настоящему человеческую жизнь.

Но на этом кончилось лишь его младенчество, не больше. Мироздание ребенка эгоцентрично, в центре Вселенной — он, а все остальное вращается вокруг него. Проходит время, и он узнает свое истинное место в мире. Он становится сильнее и умнее, но из центра мира превращается в его рядовую частицу.

Таково и нынешнее человечество. Оно оглянулось и увидело: формы разумной жизни бесконечно разнообразны. Природа не исчерпала себя в человеке. Возможно, над альтаирцами или альдебаранцами ей даже пришлось потрудиться больше, ибо там покрупнее были препятствия для развития разума. Человечество наконец узнало свое место во Вселенной — оно скромно.

И вот тут начинается испытание реальной глубины человека. Мы открыли иные общества — что мы нашли в них? Достигли ли они нашего уровня жизни, превзошли ли его? Удалось ли им овладеть могучими силами, что покорны нам? Нет! Никто не овладел природой, она безраздельно властвует над ними. Они мучительно борются за существование, изнемогают в тяжком труде, жизнь их — сплошное радение о тепле, о свете, о хлебе, добываемом в поте рук своих…

В этом месте я прервал Веру:

— Это не распространяется на галактов, у тех развитая машинная цивилизация.

— Мы о них пока что мало знаем. Возможно, когда-нибудь мы заключим с галактами союз для помощи обществам низких ступеней развития. Сейчас же эта задача стоит перед нами одними.

Я вспоминаю, сказала она, как менялись отношения между людьми. Человечество начало со свирепой взаимной ненависти. «Человек человеку — волк!», «Падающего толкни!», «Каждый за себя, один бог за всех» — таковы были жестокие символы веры тех далеких времен. Что заменило их, когда человечество достигло единства? Гордая формула: «Человек человеку — друг, товарищ и брат!» Почти пять столетий жили мы под сенью этой формулы, ибо никого не знали, кроме человека. А теперь пришло время расширить эту формулу: «Человек всему разумному и

доброму во Вселенной — друг!».

И вот Ромеро объявляет, что она противоречит принципу: «Общество живет для блага человека — каждому по его потребностям», и машина поддерживает его. Но я утверждаю: если примут мою формулу, принцип «Каждому по его потребностям» остается. Старое, из двадцатого века, понятие «потребности», заложенное в программу машин, стало узко. Тогда к потребностям относили создание обеспеченной благами, справедливой жизни человека среди людей, — звездожителей мы не знали. А сейчас человек стал лицом к лицу с иными мирами.

Можем ли мы равнодушно пройти мимо разумных существ, томящихся без света, тепла и пищи? Повернется ли у нас язык бросить им: «Вы по себе, мы по себе — прозябайте, коли лучшего не сумели…» А раз появились новые обязанности, то возникли и новые потребности — мы должны стать достойны самих себя! Мы вступаем в следующую стадию нашего развития — выход в широкий мир. А наши государственные машины застыли на уровне, когда человечество знало лишь себя. Они выражают наше младенчество, мы же стали взрослыми. Не подчиниться их решению, а изменить их программу — вот мой план. Сомневаюсь, чтоб Ромеро удалось долго торжествовать!

Как меня ни захватили мысли Веры, я не мог не указать, что аргументация ее не везде сильна. Все опять упиралось в проблему галактов. Не скажут ли ей, что рискованно начинать космические преобразования, когда мы не знаем, что ждет нас завтра?

— Да, безусловно скажут. И уже сказали — Ромеро! Но на их возражения у меня есть ответ. Приложим все силы, но разузнаем, какая реальность скрывается в известиях о галактах, — это первое. Второе — только не впадать в панику! Миллионы лет нашу систему не посещали эти таинственные существа, лишь на отдельных звездах о них сохранились предания, — почему мы должны вести себя так, словно завтра ожидаем вторжения? Это же недостойно нас — трястись каждой жилкой при первых же туманных сведениях о чем-то, пока совершенно непонятном! И третье, самое важное, — если где-то в межзвездных просторах бушуют жестокие войны и войны эти могут затронуть нас, почему нам заранее не объединиться со звездными соседями для отражения враждебных нашествий? Разве, объединенные, мы не станем сильнее? Разве тогда уже не одна Солнечная система, но тысячи планетных систем не встанут несокрушимым заслоном на пути неизвестного противника? И кто доказал, что будут одни противники? Галакты, так похожие на нас, неужели они станут нам врагами? Я полностью согласна с Андре, что мы встретим в них, вероятней всего, друзей.

— Ресурсы, Вера, вот в чем вопрос, — человеческие ресурсы не безграничны. Ты понимаешь, я высказываю не свою мысль, но твоих противников…

— Я понимаю, но не принимаю этот аргумент. Наши ресурсы огромны, и в нашей воле значительно их увеличить. Но дело не только в этом. Ты мало интересовался историей, но для меня история человечества всегда будет источником примера и вдохновения. Я тебе напомню о некоторых делах наших предков, уверена, они и сегодня достойны подражания. Вспомни очень важный период в жизни Земли — начало второй половины двадцатого века. В мире тогда существовало несколько социалистических государств, окруженных враждебными капиталистическими гигантами Европы и Америки, а в Африке и Азии нарождались новые государства. Эти молодые государства, недавние колонии, нищие, неграмотные, часто и полудикие, отчаянно нуждались в срочной помощи — и разве им отказали в ней? Разве социалистические государства не протянули им дружескую руку? И разве этим социалистическим государствам не было много труднее, чем нам сейчас? Над ними нависала не гипотетическая, а вполне реальная угроза военного конфликта, умирающий капитализм грозил им атомным нападением, его можно было сдержать лишь силой, а не уговорами. И им, тогдашним социалистическим государствам, надо было работать для своего народа, заботиться о его подъеме. Ресурсов на все не хватало, приходилось отрывать от необходимого, а не дарить от избытков, — они шли на жертвы, но помогли молодым народам. Думаю, и в те времена находились свои Ромеро, которые вопили, что нужно плюнуть на всех нуждающихся и думать лишь о себе. Но их не послушались, этих древних Ромеро, — и это было счастьем для человечества, что не послушались. Так действовали наши предки в сложных условиях своего времени. Почему мы должны действовать иначе? Разве мы хуже их? Разве наши возможности меньше? Мы продолжаем, а не отрицаем великое дело наших предков. Вот чем я опровергну аргументы о ресурсах!

Я помолчал, прежде чем задать Вере новый вопрос. До сих пор мы никогда не беседовали о ее личных делах.

— А Ромеро, Вера? Неужели твои доказательства на него не подействовали? Мне всегда казалось, что у вас полное духовное единение.

— И мне так казалось, — сказала она с горечью. — Я думала, что нет человека ближе мне, чем он, — кроме тебя, конечно. Это так все для меня неожиданно… Вероятно, я просто закрывала глаза на многие его недостатки. А вчера ночью я поняла, что нас ничто не соединяет. Он кричал, топал ногами, ругался… Павел,

ты понимаешь, Эли, он же сдержанней всех нас, вежливей!..

— Ты просила его успокоиться?

— Я прогнала его. Я сказала, что не хочу его видеть, что он мне омерзителен.

— Ты всегда резка, сестра!

— Я права, Эли! Это единственно важное — я права! А когда он ушел, мне показалось, что у меня разваливается голова. Почему Ромеро? Нет, почему он? Ну пусть бы другой, я бы пережила это, мало ли какие люди попадаются!.. Но Павел! Я верила в него, как в себя, гордилась им. Ты этого не поймешь, Эли, ты еще никого не любил!..

Воодушевление, охватившее ее, когда она излагала мне свои доказательства и предложения, угасло. Она казалась еще измученней, чем утром. Она печально улыбнулась, поймав мой взгляд. Меня захлестнуло горячее сочувствие и любовь к ней. Я молчал, не зная, что сказать.

Потом я спросил:

— Как ты мыслишь борьбу с Ромеро? У него найдутся сторонники.

— Несомненно, он встретит поддержку. Но справедливость на моей стороне. По возвращении на Землю, мы обратимся к людям с просьбой решить, кто прав. Коллективные человеческие разум и воля будут высшими судьями.

33

Андре, разумеется, не поверил, что альтаирцы улепетывают при упоминании о галактах. Он схватил дешифратор и умчался в гостиницу «Созвездие Орла». Днем я повстречал его в столовой. Он уныло жевал мясную синтетику.

— Эти чертовы существа трусливее зайцев! — ругался Андре. — От меня они убегали почище, чем от вас. Кое-что я, впрочем, записал.

Оказалось, Андре заранее настроил дешифратор на излучения мозга альтаирцев и получил отпечатки, о чем они размышляли, приближаясь, и что вызвало у них такой ужас. В мозгу альтаирцев творился сумбур. Дешифратор не сумел выразить ясно их размышлений. Пожалуй, ближе всего по смыслу было: «Не о том ли?» — до разговора и смятенный вопль: «То! То!»— во время бегства.

— И картины, что вы обнаружили, уже нет, — добавил Андре. — Альтаирцы начисто стерли ее.

— Что ты думаешь, об этом, Андре?

— Ничего не думаю. Зато я знаю, почему вы не увидели

зловредов рядом с закованными галактами.

— Вероятно, мы их не увидели потому же, почему их никто никогда не видел, если судить по записям на Пламенной В.

— Совершенно верно, поэтому. Но можешь ли ты сказать, в чем тут дело?

— Ты, насколько я понимаю, разработал новую ослепительную теорию?

— Во всяком случае, справедливую. Секрет в том, что зловреды — невидимы.

Он хладнокровно стерпел мое изумление. Когда же я сказал, что он пытается разрешить одну загадку придумыванием другой, еще посложней, Андре презрительно бросил:

— Ты педант и консерватор. Всякая новизна претит тебе уже по одному тому, что она — новизна. Подумай над этим на досуге, Эли. Еще не поздно исправиться. Жду перелома.

Он махнул мне рукой и убежал заканчивать подготовку своего концерта. Он любит прерывать споры так, чтобы последнее слово, хоть по видимости, оставалось за ним.

Я посетил Труба. Строптивого ангела днем выпустили наружу, но он устроил на площади очередной скандал. Спыхальский распорядился водворить его на прежнее место. Мне показалось, что он обрадовался моему приходу, хотя ни одним движением крыльев не показал этого. Он скосил на меня угрюмые глаза и что-то проворчал.

— Как настроение, Труб? Не мучают страшные сны?

— Не хочу здесь больше, — зарычал он. — Отправьте меня домой. Ненавижу низменных двукрылых, которым вы угождаете.

— Не все двукрылы, Труб. Попадаются и четырехкрылые.

— Их тоже ненавижу. Всех ненавижу!

— А себя любишь?

Он уставился на меня, как на дурака. Я ожидал ответа с такой серьезностью, что он смутился.

— Не знаю, — сказал он почти вежливо, — Не думал.

Я похлопал его по плечу и приласкал великолепные крылья. Это был чудесный экземпляр настоящего боевого ангела.

— Глупый ты, Труб! — сказал я от души.

Он молчал, возбужденно ероша перья. Когда я поднялся, в глазах у него появилась почти человеческая тоска. Но он заговорил с обычной строптивостью:

— Ты не ответил, человек: когда повезете нас обратно?

— Подготавливается звездная конференция. Поговорим о формах общения, о межзвездных рейсах и прочем. А после конференции — по домам!

Если бы у него были руки, он надменно скрестил бы их на

груди Вместо этого он величественно закутался в крылья.

— Конференции меня не интересуют. Двукрылые пищат о межзвездной торговле. Не терплю торгашей!

Уже в дверях я спросил:

— Меня ты терпишь? Заходить к тебе?

Он хмуро проговорил:

— Заходи! И товарищи твои… тоже…

Вечер я провел у Фиолы. Вегажители уже не разбегались в страхе, когда я приходил один. Мне становилось с ними все интересней. Интересней всех была Фиола. Она рассказывала, как идет у них жизнь, а я, не вслушиваясь особенно, любовался ею. Она поймала меня на этом.

— Почему ты смотришь на меня, Эли?

— Разве я смотрю?

— Да. И у тебя тускнеют глаза, когда ты задумываешься.

— И этого не знал. Конечно, глазам человека не сравниться с вашими. У нас цвет их один на всю жизнь. Скучноватые, в общем, глаза.

— Зато у вас прекрасная улыбка, Эли. Когда ты улыбаешься, у меня стучит сердце. Почему ты краснеешь?

— Ты очень откровенна. У нас это встречается не так часто.

— Что значит — очень откровенна?

— Как тебе объяснить? Если кто у нас думает, что другой — хороший, он спешит это высказать, чтоб тот порадовался.

— И у нас так.

— Вот видишь! А если видят, что другой плохой — раздражительный, угрюмый, — то помалкивают, чтоб не расстраивать.

— Этого я не понимаю. Он должен радоваться, если ему скажут, что он плохой, — он сделает себя лучше.

— Ну, знаешь! На Земле и машина не радуется, если ее ругают. Впрочем, у нас еще очень много нелогичного.

Она размышляла. Прекрасная, она становилась еще прекраснее, задумываясь. Глаза у нее превращаются в нежно-салатные и разгораются глубже, — когда Фиола поворачивает голову, из тьмы выступают предметы, она освещает их глазами, как огнями. Впрочем, я об этом уже говорил.

— Скоро вас начнут развозить по звездам — и мы расстанемся, — сказал я.

— Тебя это огорчает?

— Да. Я буду вспоминать тебя, Фиола.

— И я. Когда тебя нет, я думаю о тебе. Никому из нас не хочется расставаться с людьми. Вы спустились с неба в наши сердца.

Такие разговоры я мог бы вести часами. Я прижался к ней плечом. Она с удивлением поглядела на меня. Когда же я коснулся губами ее губ, она спросила очень серьезно:

— Зачем тебе это нужно?

Что я мог ответить ей? Я сказал, что такое прикосновение называется поцелуем.

— Не могу сказать, чтоб поцелуи были приятны, — сказала она. — Но я буду терпеть, если тебе этого хочется.

— Тебе недолго терпеть, — возразил я.

— Мне будет не хватать тебя, Эли, — повторила она.

— Мне и сейчас не хватает тебя, — сказал я. — По земным понятиям, ты есть и тебя нет. Ты желанная и недоступная.

— Раньше ты говорил, что я красивая, — напомнила она. — Разве красота недоступна? Ты не отводишь от меня глаз, значит, ты видишь ее?

— Можно быть красивой и желанной, красивой и недоступной — одно другого не исключает. Недоступное бывает порою желаннее.

— Вероятно, потому, что вы, люди, часто жаждете невозможного. У вас есть такая странная особенность.

— У нас много странных особенностей.

— Да. А мы желаем лишь того, что разумно желать. У нас нет недостижимого и недоступного, ибо мы не стремимся к тому, чего невозможно достичь, и не приступаем к неприступному.

— Люди перемерли бы с тоски, если бы были так трезвы, как вы.

— Я и говорю: в вас много странностей.

— Тогда объясни, Фиола, зачем ты сидишь со мной?

— Я беседую с тобой. Ты рассказываешь много интересного.

— Другие люди говорили бы интереснее, чем я, но ты хочешь видеть меня. Почему ты встречаешься со мной, а не с Лусином?

— Ты мне приятней, — призналась она. — Я думаю днем, что вечером увижу тебя, и мне становится от этого тепло. Я не понимаю, что это такое. У нас каждый относится ко всем другим одинаково дружелюбно.

— А у нас отношение к некоторым иное, чем ко всем остальным. Мы называем это особое отношение любовью. И мы не требуем, чтобы любовь была особенно логична.

— Все явления имеют логику. Должна иметь ее и любовь.

— Она имеет ее. Но это особая логика. Тем, кто не знает любви, она покажется сумасбродством. И если мы не замечаем, что любовь странна, то лишь потому, что она широко распространена среди нас. Нет таких, кто не влюблялся бы хоть раз.

— Бедные! Вы, очевидно, проклинаете все на свете, когда на вас сваливается такое несчастье, как любовь?

— Наоборот, благословляем ее, как священный дар. Лучшее в человеке связано с любовью.

— Что именно — лучшее?

— Как бы тебе объяснить?.. Например, рождение новых людей… Без любви оно не происходит.

— Вам надо поучиться у нас. Все это просто и разумно. Яйца с зародышами приносят…

— Фиола, помолчим лучше. На Земле перед расставанием всегда молчат.

Мы молчали. Фиола прижималась ко мне. Может, она хотела сделать мне приятное, может, ей стало нравиться так сидеть — я не спрашивал. Я с горечью понимал, что страсть к ней бессмысленна. Можно сотрудничать со звездожителями, можно дружить с ними, помогать им, обучать их нашим наукам и технике, нашему общественному устройству, но влюбляться в них — противоестественно. Любовь — человеческое, слишком человеческое, ее не перенести в иные миры.

От этих мыслей мне стало совсем грустно.

— Прилетай к нам, — сказала Фиола. — Тебе понравится у нас.

— Может, и прилечу.

— Если ты не прилетишь, я попрошусь на Землю. Вы обещали возить нас к себе. Ты будешь меня ждать?

— Да, конечно, — проговорил я со вздохом. — Мне кажется, я только и делаю, что жду тебя.

— Приезжай обязательно. Я хочу тебя видеть больше всех людей.

— В этом мало логики, Фиола.

— Мало, да. Ты заразил меня своими странностями, Эли.

Я держал ее руки в своих, гладил их.

— Поцелуй меня, — сказала она одним светом глаз.

Я поцеловал ее и проговорил печально:

— Желанная и недоступная.

Она напряженно вслушивалась в мои слова. Я знал, что она потом будет повторять их про себя, будет стараться проникнуть в темный их смысл. Мне стало стыдно. Зачем я вношу человеческое смятение в спокойную душу далекого от людей существа? Зачем прививаю ей мучительную культуру наших страстей? Она постигнет лишь наши тревоги и страдания, наслажденье и счастье наше ей узнать не дано. В смятении и тоске она будет кружиться в своих глухих садах, будет призывать меня пением и светом: «Эли! Эли!» Зачем?

— Желанная и недоступная! — шептал я, глядя, как она исчезает в глубине сада.

34

Конференция звездожителей удалась на славу. Огромный зал Галактических Приемов был разбит на секторы, прикрытые куполами, а внутри каждого сектора созданы свои условия: альдебаранцы находят расплющивающее тяготение, альтаирцы — жесткое излучение своего яростного светила, вегажители — томный полумрак с роскошными растениями. Лишь для ангелов с Гиад специальных условий не обеспечили: этот народ отлично приспосабливается к любым.

Много секторов пустует. Конструкторы Оры предусмотрели столько разных возможностей существования, что половину их пока не удалось обнаружить.

Я хотел посидеть с Фиолой во время совещания. Но Вера настояла, чтоб я явился в сектор Солнца, где собрались люди. Я сел между Ромеро и Андре, тут же разместились Аллан, Ольга, Лусин, Леонид, позади и впереди — работники Оры, свободные от дежурств по механизмам. Людей набралось порядочно. Еще больше было гостей, особенно ангелов. Сектора поднимаются амфитеатрами — где креслами, где лужайками, где деревьями, каждому народу по привычкам. Перед креслами видеофоны с переводом любой формы речи в понятную слушателю. Я говорю «слушателю» по привычке, лишь мы да ангелы слушаем, у остальных речи освещают или пронизывают.

За отдельным столиком в центре зала уселись Вера и Спыхальский — председатели сегодняшнего совещания.

Я толкнул локтем хмурого Андре:

— Надо бы выбрать президиум, как любили предки — по одному представителю от созвездия, как по-твоему?

Андре в последние дни, недосыпая и недоедая, возился с ангелами, но нового не узнал. И у трусливых альтаирцев не удалось ничего выспросить, хотя они, несомненно, скрывали важные сведения о небесных путешественниках.

Он буркнул:

— Обратись к Ромеро. Я не специалист по президиумам.

К Ромеро я не обратился. Ромеро поставил трость между ног и скрестил на набалдашнике руки. Он со скучающим презрением оглядывал зал.

Я продолжал выпытывать у Андре:

— Ты после ангелов ходил к жителям Альдебарана и Капеллы, — как там?

— Так же. Никак.

— Ни единого намека?

— Я же сказал — никак! Или поставить дешифратор, чтоб ты мог понимать друзей?

— Ни мысли, ни сновидения?..

— В сотый раз отвечаю — ничего! Альдебаранцы стараются мыслить поменьше, а сны у них лишены образов — какие-то цветные полосы. Возможно, им снится, что тяжесть усилилась настолько, что не хватает дыхания.

— У них сон тяжелый в подлинном смысле… Без увеличения тяжести они не засыпают.

— Спасибо за разъяснение. Ты забыл, что я тоже слышал лекцию Спыхальского об образе жизни на Альдебаране и Капелле?

Пока мы беседовали с Андре, Спыхальский предложил Вере доложить о цели первого межзвездного совещания. Вера в своей речи объявила начало новой космической эры — периода внутригалактического сотрудничества. Андре показалось, что Вера старается расписать межзвездное сотрудничество слишком уж розовыми красками.

— Вселенское благотворительное общество, — сказал он, зевнув. — Братство падающих с неба синтетических галушек. Великое объединение звездожителей Губ-не-Дур.

Насмешка Андре задела меня. Я с упреком спросил, не он ли недавно сочинил симфонию о гармонии звездных миров.

— Я, — отозвался Андре равнодушно. — И сейчас я за космическое товарищество. Но пусть и звездные братцы закатывают рукава.

Ромеро, казалось, слушал одну Веру. За час он не повернул головы, не кашлянул — все те же скрещенные на трости руки, надменная скука на лице. Но он уловил, о чем мы тихо препираемся с Андре. Он повернулся к нам:

— Вот первая ваша мысль, дорогой Андре, которая кажется мне основательной. После вчерашней теории я опасался, что на вас надо ставить крест, как на мыслителе.

Я поинтересовался, какую теорию Андре он имеет в виду. Не ту ли забавную гипотезу, что неразгаданные враги галактов — невидимки?

— Следующую за этой. Наш друг Андре — генератор новых идей непрерывного действия. Лишь вчера он доказывал, что человек — нечто вроде искусственного сооружения, придуманного в незапамятные времена галактами, которые, создав нас, бросили на Земле свое творение за полной к чему-либо непригодностью.

Ничего похожего на это я не слыхал от Андре.

— Пустяки, — сказал Андре. — Гипотеза как гипотеза — анализ одного из теоретически возможных предположений… У Лусина в институте выводят пегасов и драконов воздействием на генетические нуклеиновые кислоты лошадей и ящериц, почему же не вывести человека нуклеиновой обработкой обезьян? Задача нетрудная для современного уровня знаний, просто ею никто не занимался. И вот я предположил, что некогда на Земле высадились галакты и, немного поэкспериментировав с генетическими кодами обезьян, создали породу подобных себе людей. Согласись, допущение это отлично объясняет многие загадки.

— Допущение или фантазия? — переспросил Ромеро. — Раз уж вы начали, доведите свой рассказ до конца, Андре. Я имею в виду оценку, которую дала МУМ вашей любопытной теории.

— МУМ мою гипотезу отвергла, — с неохотой сказал Андре. — Она объявила ее ненаучной.

— Она назвала ее чепухой, любезный Андре. Она выбрала именно это слово — чепуха — для точной квалификации вашего очередного научного творения. И что до меня, то я считаю, что выданное ею словечко «чепуха» много содержательнее всех ваших ученых слов о галактах и людях, нуклеиновых кислотах и генетических кодах.

Он сказал это с такой желчью, что меня передернуло. Андре угрюмо молчал. Теперь я понимал, отчего он в плохом настроении.

После речи Веры устроили перерыв, чтоб гости поразмыслили, а в перерыв для желающих была исполнена симфония Андре. Он рассказал о своем творении, потом зазвучала механизированная музыка. Я слушал концерт с Фиолой в их секторе. Музыка привела ее в недоумение. Звуки грубы, а цветовые эффекты примитивны, сказала она. Неужели людей восхищает такое пустое искусство? Я заверил ее, что нормальные люди подобным искусством не восхищаются, а если попадаются штукари вроде Андре, то их высмеивают, — кажется, ее удовлетворило мое объяснение.

Я постарался также выяснить мнение других звездожителей.

— Значит, так, — сказал я потом Андре. — Альтаирцы полагают, что симфония мягковата, нужно бы подбавить рентгеновых лучей, альдебаранцам она легковесна, ангелам кажется холодной и разреженной, вегажителям — грубозвучной и однокрасочной… Что еще? У людей узкий спектр условий существования, для них она по-прежнему убийственна. Кто выиграл?

— Иди к чертям! — сказал Андре без злобы. Подозреваю, что он предвидел провал и хлопотал о концерте единственно, чтоб выполнить условия пари. — У звездожителей эстетические способности еще ниже, чем у людей. Наслаждайтесь своими физиологическими мелодиями, если не понимаете шедевров.

— Ты не сказал, за кем пари?

— За тобой, — признал он нехотя. — Но, пожалуйста, не танцуй и не ори на всю Ору — ты переживаешь радости слишком бурно.

Я пообещал пережить эту радость тихо.

35

Последние дни пребывания на Оре заполняли совещания — то людей меж собой, то людей с группами звездожителей. На одном из совещаний у Спыхальского, без звездных гостей, было решено, что два самых крупных галактических корабля, «Пожиратель пространства» и «Кормчий», должны продолжать путешествие в глубь Галактики.

Вера объяснила, почему вторжение в звездную глубину не может быть отложено. У экспедиции на Ору было две задачи, из них выполнена лишь первая: заложены организационные основы будущего Межзвездного Союза.

— Однако, — сказала Вера, — где-то в звездной области обитает подобный нам высокоразвитый народ галактов, — нового о нем мы не узнали. У этого народа имеются могущественные враги, — и о них мы ничего не знаем. Вся работа по созданию братства звездожителей станет необеспеченной, если не дознаемся, не грозит ли что-либо проектируемому Межзвездному Союзу. И, наоборот, дело может подвинуться вперед, если заручимся помощью галактов. Куда направить корабли на поиск? Откуда галакты прилетали в созвездие Гиады и на Альтаир? Вероятней всего, из Плеяд — ближайшего к Гиадам скопления звезд. Итак, прыжок на Плеяды, где люди еще не бывали, — вот очередное задание.

— Я лечу на «Пожирателе пространства», — закончила Вера. — Эвакуация гостей с Оры и отправка кораблей на Землю возлагается на уважаемого Мартына Юлиановича.

Спыхальский печально усмехнулся в седые усы.

— Я надеялся, что прихватите и меня, старика, в дальний рейс. Придется, видно, доживать век сторожем на планетке.

— Нет, представителем человечества на звездном форпосте. А мы продолжим дальше ваши поиски.

Я спросил Ромеро, когда совещание закончилось:

— Вы с нами, Павел, или на Землю?

Он сухо ответил:

— В древности главным достоинством мужчины считалось умение сражаться с врагами. «Пожиратель пространства» имеет специальное задание — разведать врагов. Я потерял бы к себе уважение, если бы уклонился от возможности показать свою мужскую храбрость!

Мне думается, он мог бы высказать ту же мысль и не столь витиевато.

В ближайшие дни улетели корабли на Арктур, на Альдебаран, на Капеллу, на Фомальгаут, настал черед Веги.

Ночь перед отлетом Фиолы я провел в ее саду под грустным светом искусственной луны. В эту ночь мы больше молчали, чем разговаривали. В молчании было что-то до того лирически-земное, что грусть моя превратилась в печаль. Это была первая ночь с Фиолой, когда она не выспрашивала ни о науке, ни о космосе, ни о социальных наших порядках, ни о звездных кораблях, — интимно-глуповатая ночь, подлинная ночь влюбленных.

Под утро она встала.

— Зажигается солнце, Эли. Мне надо уходить. Мы увидимся в звездном порту.

Вечером на базу звездолетов один за другим подъезжали автобусы и из них выплескивались сияющие столбы вегажителей. Сумрачный нарядный свет озарил базу, так их было много, гостей с Веги. Я пришел с Лусином и стоял в стороне. Многие узнавали меня, махали руками, приветственно вспыхивали глазами. Потом показалась Фиола. Я сделал к ней шаг, и она мигом очутилась около меня.

— Ты обещал приехать, — напомнила она.

— А если не смогу, приедешь ты.

— Желанная и недоступная! — повторил я, когда она уносилась в звездолет.

Мы с Лусином потом долго ходили по Оре.

— Ты биолог, Лусин, — сказал я. — Ты знаешь, что любовь — один из стимулов продолжения рода. Может ли она быть, если нет этого стимула — продолжить род? Если два существа разнородны, потомство у них невозможно… Законна ли их любовь?

Лусин понимал мое состояние больше, чем я ожидал.

— Любовь — продолжение рода, да. Так начиналось. Будет новой. Любовь — единение душ. Высшая связь индивидов.

— Выходит, я случайно попал в пионеры появляющегося чувства — единства родственных душ Вселенной? Мне выпало на

долю первому полюбить биологически чуждое существо?

— Да, Эли. Первые шаги. Сегодня — чуждо. Завтра — близко.

— Завтра будет твой ископаемый бог с головой сокола, — сказал я с досадой. — Дальше этого ваша биология не пойдет.

На другой день флотилия из трех звездолетов уходила с ангелами на Гиады. Посадка крылатых на корабли совершалась под крики, хлопанье крыльев и клекот. Знакомые ангелы кидались прощаться, увеличивая беспорядок плачем и причитаниями. А потом в крылатой толпе появился Труб и разыгрался скандал. Труб заметил нас и, расшвыривая сородичей мощными крыльями, ринулся наперерез общему потоку. Он ревел, обращаясь почему-то ко мне одному:

— Эли! Эли! Эли!

Обхватив меня крыльями, он страшно заклекотал:

— Не пойду! Хочу с людьми!

Андре пробовал усовестить разбушевавшегося ангела, но тот надрывался все громче:

— Поеду с людьми! Не хочу к себе!

У Лусина в глазах стояли слезы. Он с нежностью гладил глянцевитые перья Труба.

— Хороший, — шептал он. — Замечательный. Лучше всех.

Я разыскал Спыхальского и объяснил, что происходит.

— Хотите взять ангела с собой? — изумился Спыхальский. — А какого вам черта в ангеле?

— Посмотрите на него, — сказал я. — Это же красавец. Привезти такого на Землю, он же всех потрясет. И он привязался к нам не меньше, чем мы к нему.

Спыхальский вызвал Веру. Она появилась в видеостолбе. Он передал желание Труба и наше и от себя добавил, что ходатайствует о том же.

— Можете взять Труба, — сказала Вера, исчезая.

Я помчался к своим, издали крича, что дело выгорело. У Труба дьявольская сила в крыльях, он так сжал ими, что у меня закружилась голова.

— Я твой раб, — сказал он. — Раб навеки, Эли!

— Ты мой адъютант, — сказал я. — Адъютант — это что-то не ниже друга, что-то близкое, почти братское. На правах друга я попрошу об одном приятельском одолжении.

— Спрашивай и требуй. Я счастлив, могущественный…

— Прими ванну и смени одежду. На складе заготовлены тюки ангельских рубах, возьми дюжину в запас.

Он немедленно взмыл вверх. Для такого тяжеловеса летал он великолепно.

Часть вторая
ПОХОД ЗВЕЗДНОГО ПЛУГА

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины,
—
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Ф. Тютчев

1

Когда я оглядываюсь на пройденный путь, меня охватывает сложное чувство: печаль понесенных утрат и гордость. Мы были участниками самой трудной космической экспедиции из всех, доныне совершенных, и полностью выполнили свой человеческий долг.

Дело не в том, конечно, что за два земных года мы преодолели десять тысяч светолет, и если не вторглись в таинственный центр Галактики, скрытый темными туманностями, то проникли в звездную бездну так далеко, как еще никто до нас. Если бы лишь этим — триллионами оставленных за кормой километров — исчерпывалась заслуга, гордиться было бы нечем. Пустота останется пустотою, большая она или малая. Но мы узнали, как высоко достигнутое иными существами могущество, как огромны добро и несправедливость, схватившиеся меж собою в галактической схватке, и как неизбежно все это заставляет человека, лишь вступившего на звездный путь, втягиваться в не им начатые споры, ибо, кроме него, некому их решать окончательно. «Наш век трагичен», — часто говорил бедняга Андре — и доказал это собственной жизнью. За бортом нашего корабля промелькнули тысячи звездных систем — ни на одной мы не открыли сладенького рая спокойствия и благости.

Зато нам пришлось обрушить тяжкий кулак человеческой мощи на тех, кто строит свое маленькое счастьице на большом несчастье других. В сплетение кипящих во Вселенной страстей и сил мы вторглись — величайшей из доселе существовавших — собственной нашей страстью и силой — страстью разума, силою справедливости. Быть злым ко злому — тоже доброта. Мы промчались меж звезд факелом освобождения, ударили в грудь

жестоких угнетателей мечом возмездия. Да, конечно, полной победы мы не добились, я далек от такого высокомерного заблуждения, мы были разведчиками, а не армией человечества. Но мы знаем теперь, за кого мы и кто против нас, мы знаем, что тысячи обитаемых миров, проведав о нашем выходе во Вселенную, с мольбой и надеждой простирают к нам руки.

Вот она вьется тонкою нитью, пылевая стежка, след нашего пролета. Я надеюсь, я уверен, что недалек тот час, когда проложенная нами в космосе тропка превратится в широкую дорогу, высочайшую трассу Вселенной — от человека к мирам, от миров к человеку!

2

Первым летел «Пожиратель пространства», за ним «Кормчий». Командиром первого звездолета была Ольга, помогали ей Леонид и Осима. Вторым звездолетом командовал Аллан. Вера избрала «Пожиратель пространства», с ней были мы: я имею в виду себя, Лусина, Андре, Ромеро.

Мы каждый день подолгу работали с Верой над ее отчетом Земле, и она разрешила вызывать себя без предупреждения. Как-то, высветив ее комнату, я увидел, что у нее бурное объяснение с Ромеро. Мне надо было тотчас погасить вызов. Растерянный, я забыл об этом. Вера прижималась к стене, ее схватил за плечи Ромеро. У него бело сверкали глаза, дыхание вырывалось со свистом.

— Нет! — не говорил, а шипел он. — Нет, Вера! Этого не будет!

— Уйди! — требовала она, вырываясь. — Я не хочу тебя видеть. Отпусти руки, мне больно!

Ромеро отошел на середину комнаты. Он запнулся, отходя, и бешено глянул на пол, я хорошо помню его взгляд, полный ярости — он ненавидел даже вещи. Мне надо было отключаться, поступок мой походил на подглядывание. Но мне показалось, что Вера в опасности, и я не погасил их.

Вера поправила кружевной воротничок.

— Вот так лучше. И поставим на этом точку, Павел.

Он молчал, не поднимая лица. Он старался успокоиться.

— Что же стоишь? Повторяю: уходи!

Он взглянул не на нее, а на меня. Он не мог знать, что я незримо присутствую, но повернулся ко мне. Его сведенные брови как бы ударились одна о другую, скулы ходили. Если бы я был с ними, я бы загородил Веру. От человека с таким лицом нельзя ждать доброго.

— В древности существовал неплохой обычай, — заговорил он хрипло — Дамы, бросая поклонников, объясняли, что перестало им нравиться у отвергаемых. Надеюсь, ты не откажешь мне в вежливости твоих легкомысленных предшественниц?

— Ты хочешь сказать, что я легкомысленна?

— Я хочу знать, что случилось? Только одно — что?..

— Ты не знаешь? Странно для такого проницательного человека, каким ты считаешь себя, Павел.

— Вера, клянусь тебе! Крыша обрушится на голову — не так неожиданно!.. Всего я ожидал от поездки на Ору…

— Хорошо, слушай. Я не люблю тебя. Этого хватит?

— Это я знаю. Но почему? По-человечески объясни — почему?

— Я могла бы ответить твоим любимым присловием: неизвестно, почему возникает любовь, неизвестно, почему она пропадает. Вряд ли тебя удовлетворит объяснение в твоем стиле. Так вот, я не люблю тебя, ибо не уважаю. На этот раз достаточно?

Он помолчал, набираясь духу.

— Значит, все дело в звездных недочеловеках? В бегемотах с Альдебарана, пауках с Альтаира, змеях с Веги, сонного студня с Арктура, тупых ангелочков с Гиад? Они тебе дороже, чем я? Я встал на защиту человека и в результате потерял единственное человеческое чувство, что нас связывало, — нашу любовь?

— Павел, еще раз прошу — уходи! Наш разговор беспредметен. Неужели ты не понимаешь, что каждым словом усиливаешь отвращение к себе?

Гордость боролась в нем со страстью. На миг мне стало жаль его. Еще больше мне было страшно за Веру. В неистовстве он мог поднять на нее руку. Я сжимал кулаки от бессилия. Мне надо было оградить ее грудью, а не подглядывать!

— Я бы ползал перед тобой на коленях, целовал твое платье, — сказал он горько. — Я гордился бы долей быть твоим слугой, рабом твоим, если бы хоть немного это было нужно тебе.

— Рабов мне не нужно. А слуг у каждого хватает.

— Да, механических! Механических, будьте вы все!.. Восемнадцать миллиардов киловатт на человека, так ведь? Восемнадцать миллиардов киловатт, двести миллиардов египетских рабов! Какой фараон, какой президент мог похвастаться такой армией лакеев? И среди этой бездны киловаттов ни единого горячего, преданного, человеческого сердца! Автоматы вы или люди, вы, апостолы всеобщей помощи? Как я ненавижу, нет, как я ненавижу вас!

Вера подошла к нему вплотную. Теперь я боялся, что она первая ударит его.

— Наконец-то, Павел! Я долго ждала такого признания. Вот он, весь ты — ненависть, одна ненависть! И ты хочешь, чтоб тебя любили, хоть сам всех ненавидишь! Глупец, ты думаешь, ненависть порождает любовь?

Он опомнился. Он опустился на колени и, обхватив Веру, прижался лицом к ее платью, — она молча боролась с ним. Он в исступлении целовал ее ноги.

— Оставь! — закричала она гневно. — Зачем ты мучаешь себя и меня?

Он медленно поднялся. Он, стоя, пошатывался. Лицо его побледнело.

— Верочка, Верочка! — прошептал он, задыхаясь, и неуверенно, как слепец, протянул к ней руки. У него были мутные глаза, мне показалось, что он и вправду не видит. Она отодвинулась. — Верочка, жить без тебя!.. Пойми, жить без тебя!.. Да будь они трижды прокляты, эти пауки и змеи, из-за них потерять!.. Не хочу, не хочу, Верочка, не хочу! Все, что потребуешь, ни единого слова против, восхвалять буду… Верочка!

Она руками заслонилась от него, отвернула лицо от его отчаянного взгляда. Он подошел ближе, она оттолкнула его:

— Нет, Павел! Нет!

— Еще раз спрошу, тысячу раз буду спрашивать и кричать — почему, почему?

— Отойди и успокойся! Это недостойно — такими средствами действовать… У нас с тобой спор о принципах. Будь честен, Павел, ты не переделаешь себя!

— Переделать себя! — бормотал он глухо. — Переделывать себя!

— Даже сейчас!.. Вспомни, что ты сказал: жизнь без тебя, потерять тебя! Разве я вещь, которую можно потерять? Ты во всем видишь только себя, считаешься лишь со своими чувствами. Мы давно оставили позади мир Коперника, нам открылись тысячи солнц, более ярких, чем наше, а ты еще не выбрался из системы Птоломея: вся Вселенная вращается вокруг тебя одного.

Он скверно выругался и пошел к двери. Вера устало села на диван и закрыла глаза. Она по-прежнему не догадывалась, что я наблюдаю за ней. Так, с закрытыми глазами, она сидела минуты две. Потом она стала плакать, сперва тихо, почти беззвучно. Рыдания, усиливаясь, трясли ее тело, Вера повалилась лицом на диван, вскрикивала, захлебывалась слезами. Я погасил вызов.

3

Лусин со своим новым любимцем Трубом пропадает в недрах

корабля, и мы его почти не видим. Ангел учится говорить по-человечески — без дешифратора. На столе у Андре стоит карточка Жанны. Жанна так походит на Андре, что издали их путаешь. Многое тут от природы, но еще больше от старания — одинаковые, до плеч, локоны, тот же наклон головы, тот же покрой одежды. Не знаю, кто к кому приноравливается, — вероятно, оба стараются, но они больше смахивают на брата и сестру, чем на мужа с женой.

Однажды на столе у Андре появился и его будущий сынишка, три гороскопических фотографии — каким тот будет в год, в два года и в десять лет.

— Иконостас родственников, — сказал я. — Затосковал, милок?

— Сегодня Олег родился, — торжественно ответил Андре. — В десять часов утра по местному земному времени. Толстенный парень, сероглазый и розовощекий, шестьдесят три сантиметра, пять с половиной килограммов улыбок и веселья — вот он каков!

Я полюбопытствовал, как известие с Земли преодолело разделявшие нас в это время четыреста светолет. Андре поглядел на меня с возмущением:

— Не думал, что ты забудешь о машинном гороскопе малыша. Мне подарили в дорогу альбом состояний Жанны на все дни беременности.

Он вытащил из стола объемистую книгу. На каждой странице имелась дата, фотография Жанны, синтезированная по формулам этого дня, и запись, как Жанна будет чувствовать себя, а также какой у нее на эти сутки режим сна, еды и прогулок. Я перелистал книгу.

Медицинские машинные прогнозы исполняются неточно, особенно у женщин. Кроме того, возможны случайности — упал, сломал ногу, поссорился с приятелем, все это влияет. Но я не стал расстраивать Андре сомнениями.

Андре любовался фотографиями и записями.

— Когда ты наконец обратишь внимание на земных женщин, заведи себе такой же альбом. Будешь далеко от возлюбленной — и рядом с ней! Все знать о ней, ощущать биение ее сердца, тепло ее руки!..

— Надеюсь, скоро это не будет А если случится, я приобрету альбом настроений жены на каждый день года — какого числа нежна, какого встает с левой ноги… Думаю, к тому времени подобные прогнозы станут обычны Лишь тогда семейная жизнь обретет прочный фундамент, как по-твоему?

— Ты мастерски портишь хорошее настроение, — сказал он с досадой. — Не понимаю, почему тебя любят друзья?

— По нетребовательности, Андре. Знают, что хорошего от меня не дождаться, и мирятся на плохом.

Андре спрятал альбом.

— Пойдем в обсервационный зал. Неужели рождение сына мне не удастся отпраздновать хорошим открытием?

Корабли третий месяц шли курсом на Плеяды.

Скорость звездолетов равнялась трем тысячам световых, мы основательно вспахивали пространство. Из мироздания был вырван клок пустоты, достаточный для образования звезды. Если бы нарушенная нами геометрия этого участка мира не восстанавливалась за счет невозмущенной мировой пустоты, изменения от вторжения Звездных Плугов были бы еще значительней. «Зола космического пространства», — сказал как-то Андре, рассматривая образованную нами пыль. С того дня мы иначе не называли ее, как космической золой.

В зале Андре повернулся к оставленному позади Солнцу. Глазам оно уже не было доступно. Солнечный Мешок, еще недавно, на Оре, величественно-огромное созвездие, сжался и потускнел, даже гиганты Вега и Капелла были на пределе — наша звездная отчизна закатывалась в невидимость.

Андре настроил умножитель и подал изображение на экран, чтоб мы видели оба одну картину. Потерянные миры ожили. Сперва замерцал параллелограмм Солнечного Мешка, потом засверкало Солнце. Нам показалось даже, что мы различаем обращающиеся вокруг него планеты, — это был, разумеется, оптический обман.

— Здравствуй, далекая родина! — сказал я. — Здравствуй, человек Олег, появившийся на свет сегодня. Твой отец и твой друг шлют тебе привет из звездных глубин! Андре, как нам отметить его рождение? В старину в подобных ситуациях напивались. Предлагаю потанцевать и покричать!

Не дожидаясь согласия, я толкнул кресло Андре. Он полетел головой вниз. Я понесся вслед. Звездная Вселенная завертелась, звезды то наскакивали, то удирали. Андре в восторге наддал ходу, я обогнал его. Мы варварски забавлялись в темноте, пронизанной звездным светом.

Устав, мы вывернули кресла лицом к далекому Солнцу.

— До свидания, сын! — сказал Андре. — Мы чудесно протанцевали в твою честь.

Он занялся Плеядами.

Два месяца, что мы мчались к Плеядам, они не менялись. И с Земли, и с Оры Плеяды казались небесной паутинкой, повисшей меж крупных звезд. А когда до скопления остались считанные парсеки, оно стало расширяться, наливалось светом.

Великолепное созвездие, туго набитое ярчайшими светилами, разгоралось в небе. Гайгета, Астеропа, Целена, Электра, Мерепа, Майя, Алциона, Плейона, Атланта — каждое ярче наших Сириусов и Канопусов — играли разноцветными огнями, к ним теснились десятки других светил. В умножителе скопление распалось на звезды.

— Вижу планетную систему, Эли! — сказал вскоре Андре.

Крайние звезды скопления пусты — одинокие, небольшой светимости. Но эта, Атланта, в сотню раз более яркая, чем Солнце, имела спутников — три темных шара. Мы полюбовались ими и передвинулись к центру. Планетные системы здесь были почти у каждой звезды. Вокруг Алционы и Майи, двух мощно излучающих светил, вращалось по шесть планет, и так близко от звезд, что орбиты их должны были пересекаться. Я вызвал командирский зал. Ольга уже знала о планетных системах в Плеядах. На некоторых автоматы обнаружили атмосферу с кислородом, умеренные гравитационные поля.

— И, кажется, на Электре имеются существа с высокой цивилизацией, — добавила Ольга. — На второй из четырех ее планет замечено искусственное свечение. Оно разгорается вскоре после захода Электры, потом ослабевает. Ночное освещение городов дает такой же эффект.

— Но города! — закричал Андре. — Как города?

— Городов отсюда не обнаружить.

Андре навел умножитель на Электру. Четыре планетки вокруг нее мы нашли скоро, но что-либо рассмотреть на планетах не удалось.

Я забросил Плеяды и, отключившись от экрана, перевел умножитель немного в сторону. Передо мной засияли два рассеянных звездных скопления — Хи и Аш Персея.

С Земли и Плутона я часто рассматривал эти плотные кучки светил, удаленных от нас на четыре тысячи светолет. Никогда они не вызывали во мне большого интереса. Но сейчас я не мог оторваться от них. В их рисунке было что-то непонятно знакомое. Я понимал, что это обман восприятия, но не мог отделаться от него. Ощущение было тем нелепей, что отсюда, с Плеяд, далекие скопления Персея видны под другим углом, чем с Земли или Оры. Не только я, но и никто из людей не наблюдал еще этих скоплений в такой проекции, они не могли быть знакомы. Так я мысленно говорил себе, пытаясь подавить нараставшее волнение.

— Что с тобой? — спросил Андре. — Третий раз окликаю, не отзываешься. Посмотри на Электру. В самом деле, искусственный свет над одной из планеток.

— Отстань! — пробормотал я. — Надоела твоя Электра!

Я все напряженней всматривался в две сияющие кучки звезд. Они были почти равны, но одна казалась концентрированней — многие тысячи светил, натолканные в узкий объем… Она была похожа на сжатый кулак, ударивший в центр другого скопления, — звезды разлетались в стороны, как осколки… Внезапно я вспомнил, где уже видел эту картину.

Я схватил Андре за плечи, потряс его. Голова его моталась, он безвольно щелкал челюстями.

— Они из Персея! — орал я. — Мы не туда летим — они из Персея!

— Отпусти! — молил он. — Ты вытрясешь из меня зубы. Кто они? При чем Персей?

— Зловреды! — сказал я торжественно. — Я знаю теперь, где гнездятся эти чертовы создания.

Андре так разволновался, что потерял голос.

— Вспомни картины, показанные в Оранжевом зале, — говорил я. — Вспомни, как ты убеждал нас, что слышал вопль, исторгнутый звездным скоплением при ударе… Разве это не те звезды? Я спрашиваю тебя, разве это не в точности та картина?

Андре наконец оторвался от умножителя.

— Эли, друг мой, ты совершил открытие, — сказал он торжественно. — Я всегда был уверен, что ты предназначен природою для чего-то более серьезного, чем скучное зубоскальство. Я рад за тебя, Эли. А теперь бегом к Вере.

— Зачем? Успеется.

— Ничего не успеется. Нам надо срочно менять курс. Зачем нам Плеяды, если те, кого мы ищем, в Персее?

Теперь он тянул и толкал меня. Я уже хотел подняться, но в это мгновение вспыхнули аварийные сигналы, завизжали сирены. Небесную сферу затянуло дымкой, звезды закачались и погасли. Мы услышали спокойный голос Ольги:

— Справа впереди по курсу космическое тело с околосветовой скоростью. Это не метеорит. Объявляю общую тревогу. Мы выходим из сверхсветовой области.

Мы с Андре схватились за умножители, в последующие минуты на свободных креслах обсервационного зала непрерывно появлялись пассажиры. Рядом со мной уселась Вера. Я торопливо рассказал ей, что увидел в Персее.

— Это важно, Эли, — сказала она. — Мы поручим автоматам проверить твое наблюдение. Но сейчас меня интересует, что за тело несется с такой скоростью? Что если это звездолет?

Через некоторое время анализаторы доложили:

— Впереди корабль на фотонной тяге с бездействующими двигателями. Движется по инерции.

4

Чужой космический корабль предстал в умножителе светящейся точкой, потом удлинился до стручка. Это была металлическая ракета. Мы различали кормовые дюзы, не экранированные броневыми плитами окна. «Пожиратель пространства» подал сигналы, незнакомый корабль не откликнулся. Андре стал доказывать, что перед нами «Менделеев» Роберта Листа, затерявшийся в мировом пространстве четыреста лет назад. Мне показалось невероятным, чтоб корабль с мертвым экипажем мог сохраниться за четыре века блуждания.

— Я тоже что-то не верю в мертвых летучих голландцев космоса, — сказала Вера.

Когда до корабля оставалось с миллион километров, на нем заработала радиостанция небольшой мощности. Андре запустил дешифратор на все радиодиапазоны. Незнакомые звездоплаватели, применяя старинную азбуку Морзе, пытались заговорить с нами на русском и английском языках. Отчетливо различались фразы: «Земля… Лишен управления. Камагин, Громан… Земля… Звездолет „Менделеев“…»

— На этот раз ты угадал, — сказал я Андре. — Первый успех после многих провалов.

В пространство понеслись радиоволны нашего корабля. «Слышу вас хорошо, — диктовала Ольга. — Я звездолет с Земли, типа Звездный Плуг. Отсутствие у вас управления значения не имеет. Заторможу и поведу на посадку своими полями. Дверей без команды не открывать».

А затем «Пожиратель пространства» повис над фотонным звездолетом, осветив его прожекторами. Рядом со Звездным Плугом ракета казалась крохотной. Выброшенное поле плавно втягивало «Менделеева» в недра нашего корабля, потом вывело на причальную площадь, где стояли оперативные звездолеты, планетолеты и авиетки.

На площади встретить негаданных гостей собрался весь экипаж.

Дверь ракеты распахнулась, из нее высунулась лесенка. На лесенку выбрались два низеньких молодых человека. Они сорвали с себя шлемы и замахали ими, мы закричали и зааплодировали. Потом, словно по соглашению, наступила на миг тишина, и мы услышали первые слова космонавтов с ракеты.

— Боже, какие они высокие! — сказал один по-русски. — Это же не люди, а великаны!

А второй восторженно воскликнул:

— Эдуард, у них нормальная тяжесть! Здесь наши магнитные башмаки ни к чему!

К ним подошел Ромеро. Он единственный среди нас владеет древними языками. Ромеро пожал каждому руку и поздравил с благополучным причаливанием.

— Надеюсь, вы здоровы? На борту имеются средства от любой хвори.

— Мы здоровы, — ответил первый. — Нас двое: я — Эдуард Камагин, помощник командира, и Василий Громан — штурман. Товарищи наши… они недавно погибли в катастрофе. — Он добавил с волнением: — Почему вы не появились на месяц, всего на месяц раньше?

Ромеро продолжал с тем же радушием:

— Давно стартовали с Земли, дорогие друзья?

На это ответил Громан:

— Не так давно: три года назад.

По площади пронесся гул, мы переглядывались. Ракеты вроде той, что мы приняли, в наше время можно увидеть лишь в музеях.

— Вы забываете, земляки, об эйнштейновом замедлении времени, — весело сказал Камагин. — Чем больше торопилась наша ракета, тем тише плелось бортовое время. Когда мы покидали Землю, шел сорок первый год новой эры. — Он посмотрел на Ромеро. — Не откажите в любезности сообщить, какое сегодня столетие на дворе?

Ромеро ответил:

— Сегодня десятое апреля пятьсот шестьдесят третьего года новой эры!

5

Их все изумляло, этих славных парней, четыреста двадцать лет назад стартовавших в космос и вскоре затерявшихся в его просторах. Они восхищались всем, что видели и о чем слышали. О корабле они сказали: «Летающий остров, вот что это такое!». Их поражало, что внутри звездолета имеются не только машины, но и городок с парком и бассейнами. И они чуть ли не со страхом глядели на нас: наш рост поражал их, пожалуй, больше, чем размеры корабля. А когда они узнали, что мы движемся в сверхсветовой области и превращаем пространство в вещество, в материальные тела, как говорили в их времена, и столь же легко создаем гигантские пустоты из уничтожаемых материальных тел, то решили, что мы шутим. Физика двадцатого века старой эры с ее непониманием вещественности пространства, с преклонением перед необъяснимо предельной для всех тел скоростью света,

засела у них в мозгах как гвоздь, мы не могли ее оттуда выдернуть. Громан пробовал даже спорить. Круглолицый, черноволосый, быстрый в словах и движениях, он сильно отличается от медлительного, длинноголового, белокурого Камагина, а оба они еще больше отличаются от любого из нас.

— Мы знали, что вы, наши потомки, далеко уйдете вперед, — сказал Громан, когда ему разъяснили, что такое эффект Танева. — Но такой скачок!..

После того как молодые «предки» отдохнули, они рассказали подробности своего затянувшегося путешествия.

Звездолет «Менделеев», сконструированный для галактических экспедиций, самое совершенное человеческое творение того времени, отчалил от Земли в пятницу 13 августа 41 года новой эры, имея на борту четырнадцать инженеров и двух капитанов — Роберта Листа и Эдуарда Камагина, — всего шестнадцать человек. Съестных припасов и ракетного горючего, включая антивещество, было взято с расчетом пятидесяти лет путешествия. В первые месяцы рейса миновали Солнечную систему, углубились в межзвездные просторы — шли курсом на Сириус. Цель экспедиции состояла в исследовании этой двойной звезды, в частности меньшей, белого карлика с плотностью, в сорок тысяч раз превышающей плотность воды. Рейс должен был взять двадцать пять земных лет.

Вскоре после выхода за Солнечную систему, звездолет разогнали до световых величин. Лишь три тысячи километров в секунду отделяли их от светового барьера. Начали действовать околосветовые эффекты — увеличение массы звездолета, замедление бортового времени. А затем произошла катастрофа — удар шального метеорита и взрыв. Та часть звездолета, где хранились запасы антивещества, была уничтожена. К счастью, корабль разделен на отсеки, и люди не пострадали. Места разрушения были блокированы. Корабль, получивший от взрыва дополнительное ускорение, продолжал мчаться, но уже не в сторону Сириуса, а в созвездие Тельца, к рассеянному скоплению Плеяд. И выправить курс было невозможно, у них не осталось фотонного горючего, не действовали тяговые механизмы.

После первого отчаяния Роберт Лист потребовал от космонавтов, чтоб они взяли себя в руки. Плохо, говорил он, но мы еще не погибли, а это уже хорошо. Времени достаточно — вся их жизнь, имеются механизмы, материалы, лаборатории, будем заделывать повреждения, попытаемся произвести некоторое количество горючего, пусть не фотонного, а простенького, на каком летали первые космонавты. Скорость у нас гигантская, убеждал он, нужно лишь изменить ее направление, может, и

удастся вывернуть звездолет назад. Мы еще вернемся на Землю, твердил он, давайте закатывать рукава!

И вот они приступили к труду, продолжавшемуся, по их бортовому времени, около трех лет, а по земному — свыше четырех столетий. Повреждения были заделаны, и тяговые механизмы, ослабленные, но работоспособные, ожидали лишь топлива. Космонавты уже считали дни до пуска двигателей в ход, когда разразилась вторая катастрофа. Камагин и Громан в тот день дежурили в штурманской рубке — лишь они уцелели…

Эдуард Камагин, вспоминая появление светящегося шара, весь побелел, и нам передалось его волнение. Шар возник внезапно, именно возник, а не приблизился, он словно выпрыгнул из небытия, «по щучьему веленью», — это было первое загадочное, что принес он с собою. В пространстве, откуда они уходили и где давно закатилось в невидимость Солнце, нужно было каждый день фотографировать созвездия, чтоб найти к ним курс, когда удастся вывернуть звездолет. Камагин фиксировал внимание на Альдебаране, и вдруг Альдебаран замутился и заплясал, и в поле зрения выпрыгнул пронзительно излучающий зеленоватый шар. Камагин закричал. Весь экипаж кинулся к иллюминаторам. «Менделеев» несся вплотную у светового барьера, и тем не менее шар настигал звездолет. Он был огромен — светящаяся планетка.

«Эдуард, дай наши позывные! — приказал Лист. — Интересно, корабль это или космическое тело?»

Это были последние слова Листа. Камагин запустил передатчик и фотографирующий автомат обзора. Он не успел отнять пальцев от пульта, как страшная тяжесть вдавила его в приборный щит. Теряя сознание от перегрузки, он услышал вопли товарищей.

Когда Камагин очнулся, шара не было. Проявленные впоследствии снимки также показали его внезапное исчезновение — не удаление, а скачок в небытие. Шар пропал, как будто и не появлялся! Около Камагина лежал стонущий Громан. Камагин влил ему в рот воды и подтащил к креслу. Немного оправившись, они спустились в лабораторию. На полу лежали окровавленные, изуродованные товарищи: кто погиб от перегрузки, кого придавило рухнувшими предметами. Оживить никого не удалось.

— Мы уложили их в холодильник, — закончил Камагин свое печальное повествование. — Пленки со снимками шара хранятся в сейфе.

На другой день останки космонавтов перенесли на наше кладбище в парке — склеп с прозрачными саркофагами, где в нейтральной атмосфере трупы, нетленные, сохраняются вечно.

Гремела траурная музыка двадцатого века, над погибшими склонялось знамя Освобожденного Человечества, найденное на звездолете «Менделеев».

После похорон мы рассматривали на стереоэкране фотографии катастрофы. Шар и вправду возникал и исчезал внезапно. Анализаторы установили, что форма его идеально сферична, диаметр — восемнадцать и шесть десятых километра, материал — неизвестная пластмасса, свечение монохроматично в волне 560 миллимикрон, поверхность без выемок и наростов.

Андре порывался высказаться первый. Мы так ожидали чего-то необыкновенного, что не удивились, когда он отверг предположение о космическом теле, случайно появившемся около звездолета.

Естественные тела с неестественным свойством — чудо, а чудес не бывает. Шар — механизм, боевой крейсер, и в недрах его сидели таинственные разрушители, или зловреды. Все указывает на них, все подводит к ним. Гравитационные волны, потрясшие звездолет, свидетельствуют, что разрушители овладели механикой гравитационных полей, что, впрочем, было известно и раньше. Их неожиданное появление «из ничего» и внезапный провал «в ничто» вполне объяснимы, если допустить, что они, как и мы, движутся со сверхсветовыми скоростями. За световым барьером тела невидимы, ибо обгоняют свет, а начиная тормозить, внезапно возникают, словно из небытия. Разумеется, то, что нам представляется ныне элементарным, должно было казаться сверхъестественным для космонавтов первого столетия…

Андре так говорил о боевых кораблях, словно видел разрушителей за рулями и у гравитационных орудий. Меня он убедил, Ольгу тоже.

— Факт, что шар передвигался с регулируемой скоростью и нанес гравитационный удар, — сказала она. — Вывод Андре логичен: регулировали скорости и стреляли разумные существа. Зловреды они или другие, мы не знаем. Важно, что они существуют и что они не обладают даже плохонькой добротой сварливых ангелов с Гиад. Это технически развитой, свирепый народ.

Вера поставила перед нами вопрос:

— Гравитационный удар обрушился тотчас же, как звездолет послал данные о себе. Допустим, что в шаре зловреды. Они не могли не расшифровать радиосообщения. Они ответили на него смертоносным залпом. Почему?

— Война! — откликнулся Андре. — Установив, что перед ними люди, они тут же объявили человечеству войну и пытались уничтожить его первых посланцев. Мы вступили в область

космических побоищ и, сами того не желая, стали воюющей стороной.

Это было то, что Ромеро предрекал нам на Земле. Тогда с ним не согласился никто. Сейчас никто не осмелился бы возражать ему. Я поглядел на Ромеро. Ромеро был молчалив и мрачен.

— Мы по-прежнему ничего не знаем ни о природе, ни об общественном устройстве этих существ, — продолжала Вера. — Но что они существуют и что они агрессивны — это, к сожалению, почти достоверно. Надо быть начеку. Еще одно нужно решить. Анализаторы подтвердили, что звездное скопление в сновидениях ангелов совпадает с тем, какое мы видим отсюда в Персее. До скоплений Персея свыше четырех тысяч светолет. По-моему, менять курса не надо. Раз в окрестностях Плеяд обнаружены разрушители, будем продолжать исследование Плеяд.

С ней согласились все.

После совещания я взял Андре под руку.

— Второй раз ты сегодня оказался прав. Я подсмеивался над твоей теорией, что зловреды — невидимки, но, кажется, они сами подтверждают ее.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Почему ты так хмур, Эли?

— Будешь хмур! Идем словно слепые. Кругом на триллионы километров прозрачность, а в мнимой прозрачности, может, рядом — невидимые враги! И ничем их не обнаружить, пока сами они не обнаружатся!

Мои опасения, кажется, дошли до него. Он надолго задумался, потом сказал:

— Между прочим, ты напрасно меня похвалил. Я имел в виду личную невидимость зловредов, а не исчезновение их крейсеров в сверхсветовой области. В этом смысле мы тоже невидимы, но, согласись, смешно называть нас невидимками. Нет, они как живые существа реально невидимы — вот была моя мысль.

— Ты продолжаешь настаивать на ее правоте?

— Не знаю. Хотел бы ошибиться. Страшно, Эли, если я прав!

Он сказал это с таким волнением, что мне стало не по себе.

Увлекающегося, суматошного, вспыльчивого Андре я видел каждодневно. Но Андре, чего-то страшащегося, я не знал. После того что произошло в Плеядах, я не могу отделаться от мысли, что Андре уже тогда томили смутные предчувствия катастрофы.

6

Позади остался рассеянный звездный шлейф Стожар, мы

приближаемся к центру скопления. Вокруг нас множество ярких звезд. Однако космической пустоты хватает — одна звезда от другой отстоит если не в десятках светолет, как у нас, то и не ближе светогода. Наш курс — по-прежнему на Электру. На звездолете образована исследовательская группа. Космонавты Камагин и Громан включены в нее. Руководит Андре, я — первый помощник. Я спросил Лусина:

— Как Труб? Не рвется наружу?

Лицо Лусина осветилось, ответ был ясен без слов.

— Готовь ангела в полет. Будет разведчиком.

На подходе к Электре звездолет перешел на субсветовые скорости. Теперь на нас снова распространились законы релятивистской механики. Замедления бортового времени мы избежали, отделив себя от светового барьера достаточным уменьшением скорости, но невидимыми остаться не могли. Мы вынырнули наружу из иного мира, как перед космонавтами вынырнул крейсер зловредов, — вооруженный хорошими инструментами наблюдатель мог нас теперь засечь.

Из осторожности Ольга не приближалась ни к одному светилу, поджидая «Кормчего». Тот шел в сверхсветовой области, пока невидимый, но сами мы были ему уже видны. Мы пробирались к Электре, обходя звезды стороною, лавировали по сложной кривой. Одни автоматы выискивали в пространстве чужеродные тела, другие нацеливались на Электру. Было ясно, что вторая планета населена разумными существами. Андре хвастался, что различает города и каналы, я видел лишь ночное свечение, разгоравшееся с наступлением сумерек. Мы назвали планету Сигмой.

Вскоре стали поступать сигналы от «Кормчего». Ему передали о встрече с «Менделеевым» и о таинственном шаре. Встреча звездолетов произошла недалеко от Электры. «Кормчий» лег с нами на параллельный курс. Из него вынесся планетолет. Аллан, сдав корабль помощникам, отправился к нам. С ним был его вечный походный чемоданчик.

— Где предки? — гремел он. — Дайте-ка расцеловать их!

Он так стиснул Камагина и Громана, одновременно обоих, что они заохали. Ни тот, ни другой не доставали Аллану до плеча.

— Вот вы какие! — грохотал Аллан. — Точь-в-точь как на фотографии, ну ни капельки не переменились за четыре столетия. Можете сами полюбоваться — здорово, правда?

Он вытащил из чемоданчика книги, журналы и монографии первого столетия. Со страниц на гостей глядели они сами и их погибшие товарищи: репортажи с космодрома, сообщения об

утрате связи с звездолетом и изменении его курса. В последних журналах грустная правительственная сводка поисков извещала о неудаче попыток наладить связь с пропавшим звездолетом. Там же похоронными колонками выстраивались статьи друзей и ученых: да, погиб великолепный корабль, и все они погибли, наши дорогие товарищи, отважные разведчики галактических бездн.

Было что-то трогательное и странное, что родные и друзья космонавтов, горевавшие о их гибели, сами давно, четыре века назад, простились с жизнью, даже памяти о них не сохранилось, кроме как на пожелтевших бумажных страницах. А те, кончину кого они оплакивали, стояли рядом с нами — молодые, здоровые, красивые, далекие предки наши, живущие с нами предки, с которыми еще предстояло работать, спорить, сражаться, плечом к плечу, против общих врагов. Камагин со слезами обнял улыбающегося Аллана. Громан тоже заплакал, разглядывая фотографии давно умерших товарищей и родных.

— Это подарок — да! — сказал потом Камагин. — Самый дорогой, самый неожиданный — взгляд в неизвестное нам будущее, которое давно стало прошлым.

— Именно ваше будущее! — захохотал Аллан. — Самый свежий журналец — через двадцать лет после старта «Менделеева», а ведь по вашему календарю с того часа прошло всего три года, так что события еще предстоят. Покажите теперь, братья-звездопроходцы, на какой космической галоше вас унесло с Земли на Плеяды.

Он отправился с космонавтами осматривать их звездолет, а я стал готовиться к высадке на Сигму. Дело это возложили на меня.

7

Мы высадились на планету 8 мая 563 года.

День этот отмечен в календаре моего сердца черной краской. В школе я знакомился с подлостями прошлых веков человечества. По космическому масштабу, они были мелки: войны между крохотными государствами, людские свары, эксплуатация одними людьми труда и способностей других. Здесь я увидел подлость такую космически огромную, что путались мысли. И здесь — верю, верю, что временно, — я потерял самого близкого мне человека.

На Сигме имелись города. Именно имелись, их уже не было, когда мы высадились. Я забегаю вперед. Мне надо начать с того, как мы исследовали издали четыре спутника Электры.

Первая, ближняя планета нас не заинтересовала. Это был

огненно-дымный шар — океаны лавы и тучи сернистого газа над океанами. Никакие формы жизни не могли существовать в этом адском пекле. Две крайние планеты тоже не привлекали. Расположенные от Электры дальше, чем Плутон от Солнца, они были покрыты толщами ископаемого льда.

Но вторая, Сигма, вспыхивавшая вечерами розоватым сиянием, была похожа на Землю: океаны, горы, леса и реки. Одно поразило нас: приближаясь, мы сигнализировали радиоволнами и светом, но ответа не получили. Побаиваются неожиданных пришельцев, думали мы. Оба звездолета повисли над планетой, а к ней направился планетолет: Андре, я и Лусин с Трубом. Из осторожности много людей решили в разведку не посылать.

Сперва мы облетели Сигму. Это была хорошо устроенная планета. Главное ее отличие от Земли составляли горные цепи, тянущиеся среди океанов, суша образовывала гладкую равнину, лесистую и луговую. Во время облета мы обнаружили четыре города и десяток поселений, но ни жителей, ни машин не увидели. Внизу лежали четко распланированные ящики глухих зданий, они складывались в улицы, улицы вливались в площади — и улицы, и площади были пусты. Андре выбрал лужайку в леске недалеко от города и вылез первый. Когда я стал выбираться, меня обогнал Труб. Ангел с шумом вырвался наружу. Как ни просторно на звездолете, но здесь ему было вольготней. Он стонал от восторга и кувыркался в воздухе незнакомой планеты, как мальчишка на авиетке.

— Отправимся на поиски жителей, — сказал Андре.

Труб понесся вперед, стараясь обогнать авиетки, но вскоре отстал. Лусин посадил к себе пристыженного ангела. Мы не торопясь продвигались к городу. А еще через некоторое время, покинув закрытые авиетки, мы зашагали пешком по улицам. После пещерных жилищ альдебаранцев и защитных рощ вегажителей город нас не поразил. Здесь все же были здания — ящики без окон и дверей, с какими-то отверстиями у крыш, приземистые, угрюмые, непомерно длинные — иные простирались на километр и больше. Если бы не исполинские размеры помещений, я сказал бы, что они напоминают дома альтаирцев.

— Ручаюсь, что жители здесь крылаты, — сказал Андре. — Что-нибудь вроде нашего Труба.

Но они были скорей похожи на кузнечиков, чем на ангелов. Мы вскоре увидели группу таких кузнечиков, ростом с наших десятилетних детей, зеленых, чешуйчатых, прозрачнокрылых, с четырьмя гибкими конечностями, с прямо поставленной, узкой, почти человеческой головой, — мертвых… Они лежали у стены,

окровавленные, расплющенные, ни у одного не билось сердце, ни один не дышал. Мы молча стояли перед ними, лишь Труб со свистом рассекал воздух крылами.

— Нет мира под звездами, — хмуро сказал Андре. Он поманил Труба. — А ну, приятель, просунь голову в дырку и доложи, что видишь.

Труб пролез в одно из верхних отверстий и пропадал минуты две. Потом он камнем рухнул вниз.

— Смерть! — хрипел он в волнении. — Все убиты!

Я подозвал Труба. Он с готовностью подставил спину. Этот крылатый парень силен как бык и легко доставил меня к отверстию. Я просунул внутрь ноги и сел, ухватившись руками за края отверстия.

— Внутрь и побыстрее, Труб! — сказал я.

Он мигом проник в другое отверстие и подлетел ко мне изнутри. Я шире его в плечах и не мог так легко пролезть. Труб дернул меня за ноги и подхватил на лету. Я обнял его за шею и засветил карманным прожектором.

Зрелище было ужасное. В гигантском каменном сарае были навалены штабелями мертвые кузнечики с человеческими головами. Труб, тяжело махая крыльями, пролетел в конец сарая и возвратился обратно, везде лежали мертвецы, одни мертвецы — никто не приподнял головы, никто не шевельнул крыльями.

— Мор или побоище? — спросил Андре, когда мы с Трубом вернулись.

— Вероятней, что побоище. Жители города прятались под защитой стен, смерть настигла их в укрытии. И произошло это недавно, может, несколько дней или часов назад.

— Трупы так же раздавлены, как эти? — Андре показал на мертвецов у стены.

— Расплющены. Очевидно, удар из гравитационных орудий.

Впереди тянулась стена здания, перегородившего улицу, мы свернули налево. Лусин вдруг побежал, крича:

— Человек! Мы. Такой же.

Мы поспешили за ним, нас опередил с клекотом Труб.

На крохотной площади, образованной торцами трех зданий-сараев, стояла скульптурная группа из трех фигур. Высокий человек обнимал двух человекоголовых кузнечиков. Все трое смеялись, поднимая лица вверх, они чему-то одинаково радовались. Желтый, нарядный камень, непохожий на холодный мрамор наших статуй, дополнял впечатление радости.

— Галакт, — сказал Андре, показывая на изогнувшиеся в разные стороны пальцы центральной фигуры.

— Встреча друзей, — сказал Лусин. — Сошел с неба. Ждет

других.

Я не мог оторваться от галакта. Скульпторы Земли не умеют с такой живостью передать лица, в изображениях всегда остается что-то безжизненное, показывающее, что перед тобой камень, а не тело. Здесь было живое лицо, до того живое, что хотелось улыбнуться в ответ на его улыбку. И снова меня поразили огромные глаза галакта. Почти четырехугольные, они захватывают такую большую часть лица, что вначале видишь лишь их. И у них было свое выражение — сквозь веселье проступала тревога, художник мастерски передал ее в камне: кузнечики с умными человеческими лицами только радовались, обнимая галакта, он и радовался и тревожился, был счастлив и насторожен, он, казалось, не одних веселых известий ожидал, вглядываясь в небо.

Я мысленно вызвал Веру. Во вспыхнувшем видеостолбе я увидел командирский зал, в креслах сидели Вера, Ольга и Леонид.

— Не беспокойся, — сказала Вера. — Мы следим за вами.

— Значит, вы видели ужасы этого города мертвецов? И понимаете, что это значит?

— Да, Эли. Вы защищены мощными полями, пользуйтесь ими.

Вокруг нас летал Труб, то взмывая, то падая вниз. Внезапно он унесся в сторону, и вскоре раздался его призывный клекот. Он кричал так страшно, что мы со всех ног кинулись к нему. Я вспомнил, что он не обучен пользоваться защитными полями, и огородил его своим. Труба отбросило от глыбы, на которую он с яростью кидался. Я поспешно снял поле. Труб так и не понял, что с ним произошло. Он потом рассказывал, что невероятная сила схватила его за волосы и метнула прочь.

— Враг! — надрывался Труб, снова бросаясь на глыбу. — Подлый!

Но это было не живое существо, как показалось Трубу, а снова камень.

На отполированном пьедестале возвышалось нечто странное, ни на что не похожее: не то ком земли, не то раздувшаяся черепаха, не то рыцарский шлем из земных музеев. А из середины каменной опухоли вздымалась гибкая — змеиным телом — трубка, и на конце ее был нарост, вроде большого огурца или ананаса. Он сверкал, этот нарост, от него отбрасывались лучи, но не как от лампочки — сплошным сиянием, а словно от тысячи колюче-ярких остриев, как если бы он был инкрустирован драгоценными камнями и каждая грань блистала особо, — он пронзал, а не освещал лучами. В облике удивительного

сооружения ощущалось что-то зловещее, и я понимал Труба, набросившегося на него с таким неистовством.

В молчании мы стояли у монумента. Мы знали, что на звездолетах его тоже наблюдают — нашими глазами — и так же, как мы, стараются понять, что это за штука.

— Не зловред ли это? — сказал Андре без обычной уверенности.

— Зловред, — подтвердил Лусин. Его убедил не Андре, а бешенство Труба.

— Скорей, боевая машина зловреда, — высказался я. — А огурец на шее — глаза или перископ. Во всем этом имеется одна большая загадка, Андре.

— Одна? Я насчитал бы не меньше тысячи, Эли.

— Одна, — повторил я. — И вот какая: если жители Сигмы так радуются галактам, что явствует из первой скульптуры, то зачем они возводят памятники врагам своих друзей? К чему оказывать недоброжелателям почести?

— Надо еще доказать, что памятники ставятся для почета. Может, это предупреждение — не забывайте, что нависло над нами.

— Третья! — крикнул Лусин, бросаясь в проход между зданиями. — Зловред первоклассный! И галакт — тоже!..

Третья скульптурная группа, в самом деле, была великолепна. Слово «великолепна» относится к мастерству, а не к содержанию. На краю постамента громоздилась такая же каменная туша со сверкающим наростом, а в центре и с другого края располагались два галакта и восемь жителей Сигмы.

Притихшие, мы замерли перед скульптурой. Вторично, после уничтоженной картины альтаирцев, мы видели ужасную сцену неволи. На шее галактов висели цепи, такие же цепи были у жителей Сигмы. Это была процессия невольников, и первыми невольниками шли галакты, а сверкавший перископом или глазом зловред был, очевидно, надсмотрщиком.

— И все-таки кое-чему я во всем этом безобразии радуюсь, — сказал я через некоторое время. — И знаешь чему, Андре? Теперь мы можем спокойно закрыть одно твое открытие. Я имею в виду твою грозную теорию невидимок.

— Не могу передать, как сам я рад! — воскликнул Андре с облегчением. — Вид у этой бронированной опухоли отвратителен, но все же это тело, а не привидение.

— И я думаю… — начал я, но не закончил.

— На помощь! — отчаянно крикнул Андре.

Ошеломляюще острый свет ударил нас по глазам и непоборимая тяжесть швырнула на стену здания.

Мне показалось, что я попал под пресс и раздавлен.

8

Это продолжалось, очевидно, сотые доли секунды — стремительный, тотчас же отраженный удар.

Теперь я понимаю, что если бы друзья на звездолетах не следили за нами, мы были бы уничтожены первым же гравитационным выстрелом зловреда. Наши индивидуальные поля, как потом выяснилось, слишком слабы, чтоб противостоять мощи создаваемых ими в коротких ударах перегрузок тяжести. И когда разрушитель послал свой убийственный импульс, защитные наши поля были смяты в гармошку, лишь ослабив навалившийся на нас тысячетонный груз. Зато на помощь пришли автоматы звездолетов, их встречный импульс нейтрализовал удар.

Несмотря на потрясение, я удержался на ногах. В секунды больших напряжений мысль и чувства убыстряются в сотни раз. Во мне одновременно принималась и перерабатывалась информация с разных сторон, я слушал, видел, воспринимал десятки важных образов, давал на них ответы, отвергал, принимал — все сразу. Во мне кричал яростный голос Леонида: «Кинжальное поле, Эли, кинжальное поле!», я видел перекошенное лицо самого Леонида, он, отдаленный от нас тысячами километров, сражался вместе с нами.

И тут же я увидел посиневших, задыхавшихся Андре и Лусина, главная волна перегрузок обрушилась на них, и, вдавленные — в стену, почти расплющенные, они боролись с самими собой, чтоб не потерять сознания и не стать добычей напавшего на нас разбойника. И еще я увидел зловреда — огромную землистую опухоль с длинной шеей и сверкающим на шее страшным глазом. Он выполз из-за стены и быстро приближался, готовя новый, в десятки раз усиленный удар, который, возможно, уже не смогли бы отразить далекие автоматы звездолетов.

Все это запечатлелось в моей памяти единой картиной, оно, вероятно, и было единой картиной, ибо совершилось в десятые доли секунды — появление зловреда, стремительная атака Труба, мой бешеный выпад. Я не знаю сейчас, что тогда поразило меня больше: вид погибающих Андре и Лусина, свирепый облик наступающего зловреда или глыбой упавший с высоты Труб.

Отважный ангел с ревом низринулся на врага, выбросив свои грозные когти. Он нацелился на его глаз, и нападение, видимо, было так неожиданно для зловреда, что Трубу удалось полоснуть когтями по глазу. Зловред мотнул шеей, выбросил свое поле

вверх, Труб, не вскрикнув, отлетел в сторону, крылья его были сломаны, смятые перья облаком рассеивались в воздухе. И в это мгновение я поразил зловреда насмерть.

Я хорошо помню свое собственное состояние в тот миг битвы. Я зарычал от непереносимого бешенства. Все мои помыслы были сконцентрированы в точечном фокусе одной мысли: «Пронзить! Пронзить!» И, до нестерпимости сжав свое охранное поле в узкий, как луч, пучок, я ударил им зловреда, как шпагой. Он не упал, обливаясь кровью, но лопнул, как мыльный пузырь, по которому хлопнули палкой. Взрыв, взвившийся столб огня и дыма, падающие куски и капли — вот и все. Существо, напавшее на нас, было превращено в осколки — не повержено, но разбрызгано. Я тогда не знал, что это — единственная форма смерти зловреда.

Я кинулся к Андре и Лусину. Андре, бледный, пошатывался, глаза его были закрыты. Лусин пришел в себя быстрее.

— Труб, кажется, погиб! — крикнул я. — Посмотри Труба, Лусин.

Лусин, держась за стены, направился нетвердым шагом к Трубу. Поверженный ангел лежал у стены, Лусин пытался поднять его и не смог. Он со слезами позвал меня. Я в это время возился с Андре. Тот открыл глаза, но еще не мог говорить. Я выкликнул авиетки, но они не появились, Я выругался и вызвал планетолет. Он тоже не отозвался. Вспыхнул видеостолб. Никогда не забуду страха на лице Веры. Она глядела на меня, словно я уже был мертв.

— Эли! — простонала она. — Вас окружают, Эли!

Ее сменил Леонид. Его резкое лицо пылало гневом.

— Авиетки уничтожены зловредами! — крикнул он. — Планетолет поврежден. К вам ползет не меньше полусотни этих тварей. Мы усилили ваши поля до предела, идем на помощь. Держитесь, братья!

— Сколько у нас времени? — спросил я. — Минуты? Секунды?

— Минуты три! Прячьтесь за экранирующие укрытия!

Оставив Андре у стены, я помчался к Лусину. Вместе мы перетащили Труба к Андре. Бедный ангел был так помят, что не мог пошевелить пальцами. Голова его бессильно заваливалась. Но в нем еще бушевал задор битвы, он хрипло заклекотал, когда его проносили мимо места, где стоял зловред, остатки перьев на сломанных крыльях злобно взъерошились.

Положительно я испытывал нежность к этому молодцу!

Я оглянулся. Ничего экранирующего от гравитационных полей вблизи не было. Я потряс Андре:

— Приходи в себя, слышишь! Нас окружают зловреды. Надо

максимально концентрировать поля.

Андре вздрогнул и сел. В его глазах появилась мысль. Я оставил его и обратился к Трубу. Я был теперь спокоен за Андре. Сознание опасности и необходимость присоединить свои усилия к общим усилиям — лучшее лекарство для таких, как он.

С ангелом было хуже. Он хорошо сражался крыльями и когтями, умело наваливался массой тела, но плохо оперировал полем. Поле приводится в действие мыслью и ощущением, Труб никак не мог постигнуть, что одно желание обороняться есть уже оборона. Для него существует лишь мир видимый и осязаемый. Того, чего нельзя потрогать, того попросту нет — вот его отношение к действительности: храбрый, но наивный парень.

— Появятся зловреды, сам не шевелись, а кричи на них: назад! назад! Про себя кричи, понимаешь? — убеждал я его. — А если не можешь про себя, ори вслух, это тоже подействует.

— Их надо рвать зубами, бить телом! — твердил он в волнении и пытался встать, помогая себе обломками крыльев, но они не держали, и он охал и морщился от боли.

И тут показались зловреды. Они ползли сразу со всех сторон, выкатывались из-за стен, неуклюже шествовали по улице, предваряемые сумрачным сиянием своих глазоголов. Багровые пламена метались меж стен зданий, становились ярче, мы словно попали в центр гонимого ветром пожара, до того мощно и зловеще было выбрасываемое ими красноватое сияние. Чтоб не ослепнуть, мы опустили шлемы и включили на скафандрах светофильтры. Андре, окончательно придя в себя, раскрыл чемоданчик дешифратора и пустил его на все диапазоны.

— Сумасшедший, зачем? — прошептал я.

— Не помешает. Я уверен, что они переговариваются между собою и сияние их голов связано с этим.

Я человек другого толка, чем Андре. Я весь был поглощен ощущением предстоящего боя. Уверенности, что мы отразим нападение, у меня не было, но что дешево мы не отдадим жизни, я знал твердо. Во мне зазвучал взволнованный голос Ольги: «Эли, держись, помощь послана!», возможно, рядом где-нибудь вспыхнул и видеостолб с нею и Верой, я не имел возможности оглянуться — я смотрел на зловредов.

Их собиралось все больше, они подползали и накапливались, выстраивались полукругом, неторопливо приближались. Я понимал их план, в основе его лежал нехитрый расчет. Сила их гравитационных полей обратно пропорциональна квадрату расстояния — вдвое сокращая его, они усиливали свой удар в четыре раза. Судя по всему, они намеревались, не атакуя издали, методично сжимать кольцо, сколько позволит сопротивление

наших полей, а там, внезапно суммировав усилия, нанести короткий уничтожающий удар.

Я понял, что, если не расстроить их план, они превратят нас в раздавленное яйцо. Во мне пылала злоба против этих бестий, без причин и повода напавших на нас, я должен был выплеснуть ее в хорошем выпаде. У нас было огромное личное преимущество перед ними — скорость нашего бега, — я надумал использовать это преимущество.

— Концентрируйте на мне свои поля, когда я рванусь! — приказал я. — Сейчас я покажу этим светящимся черепахам, что им далеко до людей!

— Эли! — сказал Лусин. — Берегись! Сконцентрируем!

И тогда я ринулся на ближайшего зловреда. Он выполз из ряда немного дальше других и поплатился за неосторожность жизнью. Защищенный с боков усилиями друзей, я развалил зловреда полем, как мечом. Брызги его еще сыпались на землю, когда мое кинжальное поле прошило насквозь его соседа.

Зловреды попятились, головы их тревожно усилили и без того мощный свет, теперь они пылали, как прожектора, даже сквозь густые светофильтры зрачкам стало больно. Тело мое сжало, словно тисками, я стал задыхаться от боли. Сжатие налетело мгновенно, тут же ослабло, снова усилилось и спало — зловреды рубили меня гравитационными импульсами, а друзья отражали удары своими полями. Я зашатался, теряя сознание и, перед тем как рухнул, успел разбрызгать в воздухе еще одного зловреда.

Андре и Лусин подбежали, и я упал им на руки. Они проворно оттащили меня под прикрытие стены. Лусин хохотал и топал ногами, ангел свирепо рычал, обнажая клыки, даже Андре смеялся. Нам — не говорю об ангеле, конечно, — еще не приходилось драться насмерть с врагами, и первая удача хмелем бросилась в голову. В каждом проснулся, казалось бы, много поколений назад преодоленный инстинкт бойца.

— На атомы! — орал Лусин. — В брызги! Так их!

Андре первый успокоился.

— Они повторяют натиск, — сказал он.

Зловреды снова шли на нас полукругом. Не знаю почему, но у меня явилась уверенность, что они изменили план нападения. Центр их надвигался осторожнее, чем крылья, они старались охватить нас с боков и отсюда, поле на поле, смять двумя встречными ударами. А если бы я опять вырвался вперед, они, отступив в центре, спокойно расправились бы с моими друзьями, лишенными защиты с флангов. Расчет их был на такого недальновидного противника, что я почувствовал к ним презрение. Я еще не знал тогда, что не следует считать врага

глупее себя, если не хочешь, чтоб он тебя перехитрил.

— Мы тоже повторим нападение, но уже по-иному, — сказал я. Мой план держался на быстроте и согласованности наших действий.

И когда они приблизились на достаточное расстояние, мы, собранные в кулак — трое людей впереди, прихрамывающий ангел сзади, — ударили по их левому крылу. Все было рассчитано до мелочей и удалось даже в мелочах. Нападая на одно крыло, мы удалялись от другого и тем ослабляли его удар, а с центром во время короткой схватки можно было не считаться: раз проученный, он не спешил попасть под кинжальные поля.

На этот раз, разя уже не одним, а четырьмя сжатыми полями, мы разбрызгали шесть зловредов, обратив в бегство весь их левый край. Преследовать мы не могли, пришлось поворачиваться к центру и второму крылу. Коротким выпадом мы заставили и их попятиться. Поле боя было усыпано останками уничтоженных врагов и залито темной жидкостью — их кровью.

Мы опять укрылись под защиту стены и перевели дух.

Эти дьявольские создания, однако, хорошо учились на неудачах. Они поняли, что, атакуя цепью, лишь подставляют себя под клинки наших силовых шпаг. Сейчас они шли тремя компактными группами, голов на двадцать каждая, туша к туше, глаз к глазу. То самое, чем мы разметали их во второй атаке, они обращали против нас — многократно усиленное, собранное в кулак поле. Никаким выпадом, как бы он ни был быстр, мы не смогли бы разметать столь многократно суммированный силовой поток. Теперь время, отведенное нам на жизнь, определялось лишь скоростью нашего сближения.

Андре, еще не совсем оправившийся после нападения первого зловреда, был спокоен. Я понимал, о чем он думает.

— Ты успеешь вызвать звездолет и записать прощание, — сказал я и отвернулся.

Зловреды не торопились. Они знали, что мы у них в полях. Они наступали осмотрительно. Андре вызвал звездолет. Никогда еще порывистый Андре не говорил так ровно и ясно.

— Жанна! Олег! — диктовал он. — Через две минуты меня не станет. Я люблю вас. Будьте счастливы!

— Обнимемся, друзья! — сказал я. — И потом ударим на них в последний разок. Не стоит тянуть эту волынку.

Мы обнялись и расцеловались. Труб припал к моему плечу и всхлипывал, как человек. Оказанная этому чудаку человеческая ласка почти примирила его с гибелью. Я подал сигнал, и мы бросились на центральную группу зловредов. Как я и опасался, нам не удалось ее разметать. Мы даже не смогли собрать

остриями поля, — так непреоборимы были охватившие нас силовые цепи. Лишь Лусин пронзил одного зловреда и тут же сам упал. Я не хотел ни кричать, ни звать на помощь, но отчаянный вопль непроизвольно исторгнулся из меня. Рядом закричал Андре.

И не успели наши крики оборваться, срезанные смертельным обвивом вражеских полей, как сверху что-то обрушилось и все волшебно переменилось: внезапно ослабли тиски, погасло нестерпимое жжение головоглаз, а зловред, на которого я перед тем нацелился, но не достал, взвился облаком брызг и пыли.

— Концентрируйтесь на мне! — грянул дикий голос Леонида. — Вперед! Вперед!

Я пошатнулся, и меня поддержал Ромеро.

— Не правда ли, неплохой удар, храбрый Эли? — сказал он, усмехаясь. — Кажется, мне удалось разложить вашего противника на молекулы. Соберитесь с полем и поспешим за нашим боевым вождем!

9

Леонид рвался вперед, и перед ним, словно сметаемые вихрем, разлетались и распадались зловреды. С двух боков его охраняли Аллан и Андре, сзади торопились, поддерживая друг друга, Лусин и ангел. Я сделал шаг и почувствовал, что у меня нет сил двигаться.

— Смелее, смелее! — подбадривал Ромеро. — Вам, конечно, досталось побольше, они собирались раньше всего покончить с вами, но нельзя же так распускаться. Говорю вам, соберитесь с полем, сразу станет легче.

— Не отставай, Эли! — весело орал Аллан. — Покажи им, чего ты стоишь, Эли!

Уговоры и крики, а также то, что я увидел низкорослых Громана и Камагина, бежавших на помощь передовой группе, придали мне бодрости. Я двигался все уверенней, и через несколько минут мы догнали Леонида.

— Вперед! — крикнул он, кивнув мне головой. — Тут еще штук десять этих уродцев!

Я схватил его за руку.

— Подожди! — прошептал я. — Их не надо истреблять.

— Это еще что! Мы не уйдем отсюда, пока хоть один ползает!

Меня поддержал Андре:

— Угомонись, Леонид! Надо хоть одного заполучить живьем.

— Правильно! — сказал Аллан и захохотал. — Притащить такое чудище на Землю! Раньше это называлось — добыть

языка, — Он повернулся к Камагину и Громану: — Так, что ли, предки?

Те подтвердили, что добывание языков и скальпов — важная операция в любой цивилизованной войне. В их времена войн уже не было, но предания о них сохранялись. Кроме того, они читали о войнах в книгах. Писатели, хоть никто на Земле давно не сражался и не умирал насильственной смертью, с охотой изображали ужасы: кражи, убийства, погоню за прибылью и славой, измены жен и мужей, коварные продвижения по так называемой службе и прочие дикие действия, требовавшие хитрости и крови. Так как мы в этом далеком созвездии столкнулись с жестоким народом, то и нам следовало кое-что знать из обычаев тех воинственных времен.

Андре поднял кусок тела одного из разлетевшихся зловредов:

— Посмотрите-ка! Они не существа, а машины!

На его ладони лежал смоченный темной жидкостью набор элементов электрической схемы — полупроводников, сопротивлений, емкостей, соединительных каналов. Это было, несомненно, искусственное приспособление.

— Похоже на правду, — согласился я. — Все, что мы знаем о зловредах, свидетельствует о их необыкновенной свирепости, — разве не странна она для нормального существа?

— Нет, — сказал Лусин, поднимая с камня другую часть тела зловреда. — Организм. Вот!

Второй кусок был живой тканью — в нем переплетались нервы и сухожилия, виднелся обломок кости, приставшее к кости мясо. Андре вертел находку, обмазывая пальцы в неприятной клейкой жидкости.

— Да, — признался он. — Не механизмы.

Наши спасители ушли, прихватив Труба, а мы втроем обшаривали арену недавней битвы. И снова я поразился, до чего велики силы, взрывавшие сраженных врагов. Термин «разбрызган» был не образным выражением, а точно описывал гибель зловреда.

— Мне кажется, странная форма уничтожения есть ключ к тайне их существования, — сказал я, после того как, повозившись полчаса, мы раздобыли десяток кусочков.

Андре разложил кусочки в ряд.

— Посмотрите, шесть — живые ткани, четыре — искусственные элементы. Вам это ничего не говорит?

— Понимаю, — сказал Лусин. — Наполовину — организм, наполовину — механизм. Полуживой, полуискусственный. Нет?

— Да, — сказал Андре. — Именно это.

— Вы забываете еще об одной возможности: живой зловред

сидит в машине, — возразил я. — При распаде ткани тела перемешиваются с частями механизма — вот и разгадка.

— Тогда полюбуйся вот этим кусочком.

Кусочек и вправду был поразительный: живая ткань переплеталась с искусственной, одно продолжало другое: из кости вытягивался провод и пластмассовое сопротивление, на конденсаторе виднелись нервы и крохи мяса. Это было органическое соединение, а не механическое соседствование живого и мертвого.

— Две возможности, — сказал Андре. — Или живые существа открыли способ мастерски заменять свои несовершенные органы искусственными и стали наполовину механизмами из организмов. Или, наоборот, кем-то созданные автоматы научились вмонтировать в себя органические ткани и поднялись до степени полуорганизмов. В том и другом случае мы имеем дело с объектами высокой культуры.

Для меня сложная природа зловредов объясняла самое важное: их жестокость. Существа, деградировавшие до механизмов, не могли не потерять доброты и отзывчивости. Но если они и вправду, автоматы, смонтированные из органических элементов, то откуда они берут живые ткани? Может быть, они охотятся за всеми живыми существами в космосе, чтоб их тканями обеспечить свое существование?

— Зовут, — сказал Лусин. — Поспешим.

10

Леонид мрачно прохаживался у одного из зданий. Он так взглянул на нас, словно мы тоже принадлежали к породе головоглазов. Было ясно, что заполучить зловреда живьем не удалось.

— Распадаются, как мыльные пузыри. Остались в живых три.

В углу, образованном поворотом двух стен, сидели головоглазы, сжатые нашими полями. Зловреды были обессилены — глаз светился тускло, временами исторгаемые гравитационные импульсы утеряли прежнюю мощь. Андре запустил дешифратор Ромеро, блокировавший врагов вместе с Алланом, Камагиным, Громаном и Трубом, поманил меня к себе.

— Знаете, почему мы ни одного не взяли живьем? Вам покажется невероятным! Они кончают с собой, когда положение безвыходно!

— Бац башкой по телу и — на разлет! — сказал Аллан. — Самовзрывающаяся конструкция — таковы наши противники.

В это время Камагин, сконцентрировав в себе три поля,

методично отрывал одного зловреда от двух других. Когда между ним и остальными образовался просвет, зловред ударил глазом по телу. Раздался взрыв, и зловред разлетелся кучкою мокрого праха. Два оставшихся еще теснее прижались один к другому. Их головы сумрачно мерцали.

— Так все они! — сказал Леонид, топнув ногой. — Хоть руками хватай их за проклятую голову!

— Как у тебя? — спросил я Андре. — У них, кажется, световая речь, а это штука нехитрая.

— В том-то и дело, что нет. — Андре озадаченно пожал плечами. — От них исходят слабые гравитационные импульсы, похожие на речевые, а свечение лишь сопутствует им. С такой формой речи я сталкиваюсь впервые.

Андре вздохнул.

— Ключ, ключ! Один бы сигнал расшифровать.

— Сейчас дам тебе ключ. Я кое-что сделаю — следи за их реакцией.

Я выдвинулся вперед, ударил — не очень сильно — полем и снова отошел. Операцию эту я повторял раза три, потом стал осторожно раздвигать зловредов. И опять, бросив это занятие, я перешел к ударам. Удары были несильны, оплеухи, а не рапиры. Раза два я наставлял на головоглазов растопыренные пальцы.

— Хватит! — сказал Андре радостно. — Теперь, кажется, мы расшифруем их речь. Слушайте, это поразительно!

Впоследствии выяснилось, что в деталях расшифровка была неточна, но суть передавала правильно: «Тот же, убийца первого… Опять тот же… Опять… Он раздвигает… Прикажите экранированным… Только они… На планете двое, все погибли. Шестьдесят третий самоумертвился. Я слабею. Мне не хватает гравитации. Отвечаю: они каменнопалые, они другие… Экранированных… Почему только к вечеру, они же ближе?.. До вечера не удержусь… Не удержусь… Отправлено все, напрасно остались… Ударю головой… Планета больше не нужна… Планета…»

Несколько секунд мы вдумывались в расшифровку. Очевидно, где-то неподалеку была их база, и они переговаривались с ней. Нам надо было ждать нового нападения. Потом каждый из нас заговорил о том, что ему представлялось самым важным.

— Помощь к ним придет не раньше ночи, — сказал Леонид. — Значит, надо справиться с ними к ночи.

— Что это за экранированные? От чего экранированные? От наших полей? — спросил я. — Но за нами наши звездолеты, вот о чем они забывают.

— Гравитация у них слабеет, — сказал Андре. — Что таится в

этой странной фразе? И почему не обнаружены импульсы их собеседника?

— Собеседник далеко, — возразил я. — Дешифратор не принял его слабых импульсов.

— Планета, — выговорил Лусин, — не нужна. Уничтожат?

— Практически сейчас важна лишь угроза: «Ударю головой», — сказал Камагин. — Несомненно, это извещение о готовящемся самоубийстве. Надо предотвратить его, но — как?

— Лишить этих молодчиков возможности двигать головой, — загремел Аллан. — Отрубить ее мечевым полем — и все!

— Нет, — возразил я. — Тогда они развалятся. Андре прав: что-то важное связано с тем, что слабеет гравитация. Давайте сожмем их полями и перетащим в барокамеру сдавленными.

Лишенные возможности пошевелиться, они вскоре были растащены друг от друга. И тут один все же ухитрился ударить себя головой. Тем тщательнее мы оперировали с последним. Мы несли его к планетолету, на котором прибыла помощь, отдельно сжимая полями туловище и отдельно голову. Он явственно ослабевал. Импульсы его становились невнятнее, голова перестала шевелиться и погасла.

— Умер, кажется, — сказал Андре, когда мы помещали зловреда в барокамеру планетолета. — Дешифратор не улавливает излучений.

Мы усилили давление в камере, запустили бортовой гравитатор. Если зловреду нравилась большая тяжесть, то он мог пользоваться ею и после смерти. Закрепив голову, чтоб она случайно не упала на тело, мы надежно устроили зловреда в его временной усыпальнице.

— Я останусь здесь, — сказал Андре, — и постараюсь изучить строение тела и физиологию наших противников.

— А мы поищем жителей планеты, — сказал Леонид. — Может, удастся кого живого найти.

Планета казалась мертвой по-прежнему. Мы облетели город, направились к другим городам. Они казались копиями друг друга. Везде были ужасные следы разгрома, зеленые утром леса и луга сохли и поникали, опадая. Зелень на планете была полностью истреблена, как и насадившие ее умные кузнечики с почти человечьими головами.

Я настроил дешифратор на любые излучения еще работающего мозга. После часа поисков мы приняли слабые импульсы и полетели в их сторону. Пеленг излучений привел нас к подземному каналу или трубе, затерянной среди леса. Вход в нее был прикрыт травой и кустарниками. Дешифратор показывал, что в трубе трое живых. Я пытался пролезть в отверстие трубы, но

оно было узко для меня, и полез Камагин. Он попросил подмоги, и вслед отправился такой же щуплый Громан. Вдвоем они вытащили умиравшего шестикрылого. Тот не отвечал на вопросы, не шевелился, дыхание почти не улавливалось, но мозг еще работал с бредовой быстротой.

— Их там сотни, — сказал Камагин, — но все мертвы.

— Двое еще живы, — ответил я. — Прибор ловит работу их мозга. Возьмите биоскоп.

С приборчиком для улавливания следов неугасшей жизни они возвратились в трубу. Два извлеченных жителя планеты были в худшем состоянии, чем первый. Один скончался, когда его вызволяли наружу, другой жил несколько минут, и я записал работу его умирающего мозга.

Возвратившись к первому, я убедился, что он еще живет. Надежды на выздоровление не существовало, однако некоторое время поддерживать угасающую жизнь в его измолотом теле было возможно. Уже шло к вечеру, когда мы убедились, что на планете нет больше живых существ.

— Заберем скульптурные группы, — предложил Леонид.

Автоматы сняли с постаментов три скульптуры, потом перенесли в планетолет и постаменты.

— От корабля, идущего на помощь зловредам, импульсов по-прежнему нет, — сказал Андре. — Его молчание действует мне на нервы.

— Садиться! — скомандовал Леонид. — Возвращаемся на звездолет.

Я посмотрел на небо. Электра закатилась, наступали сумерки. Над городом загорались тысячи светильников, они одни продолжали действовать. Было грустно созерцать эту великолепную иллюминацию в царстве смерти и хаоса.

11

Теперь я перехожу к трагедии Андре, и у меня путаются мысли.

Даже сейчас, отдаленный от того страшного дня годами и событиями еще пострашнее, я не понимаю до конца всего, что произошло.

И прежде всего, я не понимаю себя. Как я мог оказаться таким легкомысленным? Почему все мы вели себя как несмышленыши? Уже и тогда мы знали, что боремся с коварным, технически очень развитым врагом, мы знали и тогда, что во многом враг этот превосходит нас, — почему, нет, почему, самодовольные глупцы, мы не подумали о простейших, элементарно неизбежных мерах

защиты? Враг сам указал, чем собирается одолеть нас. Почему мы пренебрегли его угрозой?

Я снова перечитываю гравиграмму переговоров зловреда со своей базой и вижу, что из всех толкований загадочного слова «экранированные» выбрал самое далекое от истины — не только ошибся, но и убедил всех, что прав. И Андре, бедный Андре, так прозорливо угадавший невидимость наших противников, он разве с облегчением не отказался от своего провидения? Я снова спрашиваю себя: почему глаза наши затмило слепотой в тот решающий миг, когда требовалась вся острота зрения? Или, узнав, как уродливы и неуклюжи первые увиденные противники и как легко мы расправляемся с ними слабыми нашими полями, мы сразу преисполнились к ним неумного презрения, даже не попытавшись узнать, все ли они такие? «Почему раньше ночи не успеете?» — надрывно гравитировал своим последний зловред.

Над Сигмой опускалась ночь. Посланная врагами подмога уже приближалась к планете. До жестокого удара оставались считанные минуты. А мы болтали, радуясь вырванной легко победе!

— Здесь хорошие ночи! — сказал я Андре. — Даже эта автоматическая иллюминация не забивает блеска звезд.

Андре поднял голову. С минуту мы любовались небом. Воздух был удивительно прозрачен. Экранированные враги уже висели над нами, выбирая момент для прыжка, а мы безмятежно восхищались светилами Плеяд.

— Торопитесь! — сердито крикнул Леонид. — Одних вас ждем.

Я сделал шаг к планетолету и тут услышал крик Андре. Он хрипел, голос его обрывался — его душили, он отчаянно бился. Я чувствовал пульсацию его поля, никогда ни до, ни после того я не испытывал такого ощущения — поле Андре взрывало меня, вздымалось во мне собственной моей дико убыстренной кровью.

— Эли, помоги! — кричал Андре. — Эли! Эли!

Я кинулся к нему. Я не увидел его. Над черной землей густо сверкали звезды, воздух был тих и прозрачен. Где-то рядом со мной, в трех шагах, хрипел и звал на помощь Андре, я слышал его с безмерной отчетливостью, разбирал все слова, я знал, что ему затыкают рот, что он захлебывается собственным криком и, выворачивая шею, на секунды освобождая лицо, снова кричит, все снова кричит о помощи, — и я не видел его!

— Эли! Эли! — слышал я вопль. — Эли! Эли!

— Невидимки! — крикнул я в неистовстве и бросил свое поле на крик, не соображая уже, что оно так же опасно для Андре, как и для напавших на него.

И тут я в последний раз увидел Андре.

Мой удар отбросил кого-то из насевших на него невидимок. В воздух вдруг вырвались ноги Андре — они бешено боролись, ударяли во что-то, брыкались, словно их пытались сдавить, а они не давались. И только ноги были видны, одни ноги! На том месте, где должны были быть туловище и голова, мирно светили звезды. С тех пор прошло много лет, но до сих пор передо мной во всех подробностях встает эта картина — одни сражающиеся в воздухе ноги Андре.

Я не успел собраться с полем, но нанес второй удар. Я знал, что товарищи спешат на помощь и самое главное в эту первую минуту битвы — не дать утащить Андре в полную невидимость, пока они не подоспеют. Я нанес второй удар, чтоб полностью раскрыть Андре, но промахнулся. Какая-то новая сила подбросила меня в воздух. Я оглянулся и понял, что стал невидим. Я не нашел своего туловища и ног. Я видел сквозь свое тело камешки и травку на земле — они отдалялись и быстро пропадали в черноте опускавшейся ночи. Какие-то гибкие путы вязали и скручивали мне руки, тащили вверх. Захваченный врасплох, я все же до предела напряг свое поле и задержал подъем.

Теперь я колебался метрах в пяти над землей. Андре по-прежнему кричал, но крик его прерывался чаще и становился глуше. Он уже слышался не рядом, а с высоты. Андре медленно, но непреодолимо утаскивали наверх. Он снова стал полностью невидим.

Внизу я увидел бежавших друзей. Они мчались на крик Андре, сам я, напрягая поле, чтоб не дать одолеть себя, был охвачен молчаливым ожесточением борьбы. Леонид остановился подо мной и поднял вверх голову.

— Где вы? — кричал он в тревоге. — Я вас не вижу! Где вы?

Что-то отвратительно жесткое и холодное закрыло мне рот. Я вывернулся и крикнул вниз:

— Концентрируйте на мне поля! Андре утаскивают нав…

На этот раз рычаги сдавили мою голову и шею так основательно, что легким не хватило дыхания. Перед глазами заметались красные полосы. Вместе с тем я сразу почувствовал, как наливается мощью мое ослабевшее поле. Я уже почти терял сознание от удушья, но ясность мысли не потерял. Я не пустил поле в ход немедленно. Я еще поупирался немного, не давая тащить себя, а потом рванулся изо всех сил, когда дольше уже тянуть стало невмоготу.

Напавшие на меня противники, очевидно, не ожидали такого удара. Их разметало как пушинки. Один, сраженный, выпал в видимость и рухнул рядом со мной на землю. Я не стал

разглядывать его. Я вскочил на ноги и выкрикнул авиетку. Было не до поверженных врагов. Рядом со мной взмыла авиетка Ромеро.

— Берегитесь, они невидимки! — успел я крикнуть.

Я услышал лишь, как Леонид приказал запустить локаторы на планетолете.

Вырвавшись вверх, я остановился. Ромеро тоже замер в воздухе. Мы вслушивались, не услышим ли еще крики Андре. Криков я не услышал, но мне показалось, будто сбоку доносятся хрип и прерывистое дыхание. Я устремился на эти звуки борьбы, прощупывая силовыми линиями прозрачный воздух. Как слепой, протягивающий вперед руки в поисках предметов, я протягивал свое поле, стараясь уцепить сражающуюся в воздухе невидимую группу. Но ни я, ни Ромеро ничего не обнаружили.

— Надо как-то рационализировать наши поиски, — сказал Ромеро, подлетая ко мне. — Согласитесь, это метание вслепую…

— Они утащат его! — твердил я, не слушая. — Поймите, они утащат его!..

— Они уже утащили Андре. Вопрос, куда они скрылись? Мы их ищем над полем боя, а они, может быть, давно уже покинули планету. Надо вызвать звездолеты.

На звездолетах уже знали о несчастье с Андре. Локаторы кораблей обрыскивали пространство вокруг планеты. Чувствительность их такова, что они засекают пуговицу на расстоянии в сто тысяч километров. Андре и его похитители были больше пуговицы, а звездолеты держались к планете ближе ста тысяч километров, но даже следов зловредов не было.

Мы еще не знали тогда, что все типы наших локаторов бессильны перед их экранирующими устройствами. Действенные средства борьбы против невидимок нам еще лишь предстояло изобрести. Сейчас каждому ясно, что мы опрометчиво ввязались в борьбу, хоть и грозно, как мы и доказали впоследствии, вооруженные, но совершенно не представляя себе, какие технические средства потребуются для борьбы.

Мы были подобны слепому гиганту, яростно бросившемуся на зрячих врагов. Тем, конечно, не поздоровится, если они попадут ему в руки — если они попадут!.. Несчастье — похищение Андре — уже разразилось над нами, но еще никто не отдавал себе отчета в размерах несчастья. Возможно, впрочем, что это к лучшему. Если бы мы точно знали, что нам грозит, мы почти наверняка побоялись бы так рисковать, как мы рисковали — и не добились бы того успеха, какой нам достался. Меньше всех понимал тщету наших тогдашних поисков я. Меня трясло

отчаяние, я знал лишь то, что Андре перед гибелью звал одного меня на помощь, а я помощи не оказал. Я не мог оправдывать себя неожиданностью нападения невидимок. Среди прочих вариантов мы рассматривали и этот — что зловреды невидимы, он не был неожидан. Я проклинал себя, впивался глазами в прозрачную темноту — авиетка черной молнией проносилась над опустевшей ночной Сигмой. Я не помню, сколько времени продолжались наши метания над планетой. Мы с Ромеро взмывали и рушились вниз, бросались в стороны. К нам присоединились Лусин и Аллан. Четыре силовых поля, перекрещиваясь, ощупывали каждую молекулу воздуха. На них накладывались гигантские локаторные поля звездолетов, широкие силовые конусы планетолета. Все было напрасно.

Ко мне снова подлетел Ромеро.

— Со звездолета передали, чтоб мы прекратили поиски. Нам дают четверть часа на возвращение. Что-то еще случилось важное.

К этому времени я был обессилен и опустошен. Я опустился около планетолета и поплелся к входу. Меня встретил подавленный Леонид.

— Посмотри, кто боролся с тобой, Эли, — сказал он, показывая на ящик около планетолета.

В ящике лежали останки моего врага. Я тупо смотрел на него, не отдавая себе отчета в том, что вижу. Я так уверовал, что умирающие зловреды разлетаются в брызги и пыль, что уже не допускал для них другой кончины. Я не сомневался, что ставший видимым невидимка давно рассеян по поверхности планеты. Потом я сообразил, что если это и зловред, то мало похожий на тех, с какими мы боролись раньше. Это было нечто среднее между прежней бронированной опухолью и настоящим человеком.

— Знаете, кого напоминает мне этот уродец? — прошептал изумленный Ромеро. — Тех человечков из арматуры и железного лома, которыми пугали зрителей скульпторы-абстракционисты последних лет капитализма.

Я молча обернулся к Ромеро. Я понятия не имел, что когда-то жили такие скульпторы, никогда не видел их изделий.

Существо, лежавшее в ящике, было собрано из одних костей или прутьев — центральный столб, две ноги, две руки, два кольца толщиной с нашу шею на том месте, где у нас бедра, а взамен головы — тот же сверкающий, теперь потухший, нарост, похожий на ананас. Это был скелет существа, а не существо, так мне тогда показалось, члены скелета, прочные и гибкие, изгибались легче человеческих. Лишь в бредовом видении могли примерещиться такие чудища, подобные выходцам с того света.

Лусин больше моего возился с живыми существами, выводя

своих диковинных зверей и птицеголовых богов. Он поднял сломанную при выходе из невидимости и падении на землю кость ноги.

— Смотри, Эли. Мясо и нервы — тоже. Только внутри. И кровеносные сосуды. У нас кости опора. У них оболочка. Очень толстая кость. Надежная конструкция тела. Природа поработала. Экономней человека… Интересно, сколько миллиардов лет? За сто миллионов не создать…

— Звездолеты опять торопят нас! — сказал Леонид. — Внесем ящик в планетолет и отправляемся.

Пока автоматы возились с ящиком, я, не думая об опасности нового нападения невидимок, отошел к месту, где был похищен Андре. Терзавшее меня отчаяние разрешилось диким приступом. Я упал на землю и рыдал, и кусал ее в бессильной ярости, и бил ее кулаками. Я проклинал и этот отвратительный скелет, на создание которого природа затратила миллиарды лет, и эту мягкую, еще теплую, еще живую, хотя и опустошенную чужую землю, которая тоже существовала, наверно, не меньше миллиарда лет, и особенно себя за свою нерадивость и нерасторопность, — в неистовстве требовал для всех нас кары.

Но невидимка, уже погибший, лежал в ящике, а чужой земле, насчитывающей миллиард лет существования, осталось существовать меньше часа, — она была обречена независимо от моих проклятий. А мне еще многое предстояло испытать, такое же горькое, как гибель Андре.

Меня обнял Лусин. Он лег рядом и плакал, как я.

— Пойдем! — шептал он, тихонько плача. — Пойдем, Эли. Больше нельзя! Последнее сообщение — приближается крейсер зловредов.

12

Нам понадобилось несколько минут, чтоб добраться до звездолета. Когда планетолет исчез в недрах «Пожирателя пространства», оба корабля быстро удалились от Сигмы.

Лицо Веры опухло от слез, она ни о чем не расспрашивала: они видели на экране нашу борьбу с невидимками. Я спросил, почему нам запретили продолжать поиски? Мы бросили Андре на «Пожирателе» врагам, — вероятно, произошло что-то ужасное, раз решились на такой приказ!

— Пространство полно гравитационных возмущений, — ответила Вера. — Дешифраторы перехватили депешу невидимок. К счастью, вам удалось распутать правильно их код, и мы ее прочли. Судя по сообщению, Андре на планете уже нет.

«Взяли одного каменнопалого, — было в перехваченной гравиграмме. — Разрушитель номер сто тридцать погиб. Уходим на свою базу. Возможны всякие случайности. Немедленно выходите забрать нас. Пора кончать с планетой».

Все свободные от вахты были в обсервационном зале. Рядом со мной села Вера. Мы молчали, ожидая новых событий. Потом к нам подсела Ольга. Она сдала командование Леониду, была его вахта.

— Эли, дорогой, — сказала Ольга, — мы все страдаем. Такая страшная гибель…

— Исчезновение, — сказал я. — Андре не погиб, а похищен. Запомни это, Ольга.

Ольга не отозвалась. Я тоже не хотел говорить. Слова не могли ни помочь, ни утешить. Мы не знали самого главного: где Андре? Он, может, неподалеку, невидимый и недоступный. Я готов был бить себя кулаками по лицу, кричать от боли и ярости. Я стиснул зубы и молчал, молчаливо задыхаясь.

— Успокойся, Эли, — сказала Вера. — Не надо так терзать себя.

— Я не терзаю себя, — сказал я. — Откуда ты взяла, что я терзаю себя?

В этот момент появился шар зловредов. Он воистину словно выпрыгнул из небытия, точь-в-точь, как описывали космонавты с «Менделеева». Он возник сразу, неистово несущийся, огромный. Он шел на Сигму, притормаживая.

Мы не отрывали от него глаз, почти не дышали.

— Что он делает! Нет, что он делает! — воскликнула через минуту Вера. — Мы обязаны ему помешать, это чудовищно!

Шар летел теперь над поверхностью Сигмы. Никто не

заметил, как его облет превратился в гравитационный удар по планете. Все, что было на ней — города, леса, равнины, — вдруг взметнулось вверх, словно вырванное гигантским плугом.

На Сигме бурно вздымалась исполинская приливная волна, с той разницей, что это была волна не воды в океане, а твердых планетных масс, вал, камней и грунта. Тяжелые облака пыли затянули взорванную планету, она вся представляла теперь лишь прах и дым. Никакое извержение вулкана, никакой атомный взрыв не причинил бы такие гигантские разрушения, как облет этого грозного шара вокруг планеты. Многие тысячелетия, может, миллионы лет должны будут пройти, пока Сигма станет вновь удобной для жизни.

Крейсер зловредов завернул за край Сигмы, теперь он вздымал ее обратную поверхность.

— Леонид! — кричала Вера. — Я требую вмешательства!.. Останови его силой!

— Нет! — воскликнул я. — Нет, Вера! На Сигме жизни больше нет, а на шаре или где-то неподалеку — Андре, Мы еще не все сделали, чтобы спасти его.

— Да и поздно выручать Сигму, — сказал Леонид. — Мы не ожидали, что он способен на такое… Не исключено, что он и с нами попытается проделать эту штуку.

— Вы готовы к отражению нападения? — спросила Вера. Она с усилием взяла себя в руки.

— Готовы. Аллан радирует, что его аннигиляторы ждут лишь команды. Разбойнику не поздоровится, если он нападет на нас.

— Если придется принять с ним бой, помните, что на нем Андре.

Корабль зловредов, вынырнув с другой стороны, уже лег на обратный курс, когда заметил нас. Он завернул и пошел на сближение.

Леонид и Аллан запустили аннигиляторы вещества, реакционная масса, сгорая в топках аннигиляторов, вырывалась наружу пространством. Из осторожности ни Аллан, ни Леонид не вовлекали окружающие космические тела в реакцию аннигиляции. В этом пока не было нужды — вражеский крейсер, летя почти со световой скоростью, не приближался ни на километр, навстречу ему мчались такие объемы космической пустоты, что продраться сквозь нее он не сумел.

Со стороны казалось, будто наши корабли, обладая преимуществом в скорости, удирали от преследователя. Если зловреды сами не владели техникой аннигиляции вещества, то им трудно было догадаться, что в действительности мы и не думали никуда двигаться.

МУМ расшифровала гравиграмму крейсера: «Вижу чужой корабль. Сближение не удается. Атаковать на большом расстоянии не могу. Перехожу на сверхсветовую, чтобы вырваться в конус удара».

— Они переходят на сверхсветовую! — крикнула Вера Леониду.

— Пусть переходят, — отозвался Леонид. — Чем он быстрее рвется к нам, тем энергичней мы его отбрасываем. Пока большой опасности нет.

Я не разделял оптимизма Леонида. Уйдя в сверхсветовую область, крейсер стал не только невидим, но и неконтролируем. Не зная, на сколько он обгоняет свет, мы не могли быть уверены в действенности аннигиляционной защиты. Он мог прорваться и сквозь заслоны непрерывно генерируемой пустоты.

Леонид успокоил меня:

— Говорю тебе, мы его отбросим, хотя и не знаем, где он. А если он все же приблизится, мы успеем реально кинуться наутек, не принимая сражения.

Вскоре зловреды поняли, что им ничего не добиться, и, затормозив, снова появились в оптике. МУМ расшифровала их очередную передачу: «Атака не удалась. Забираю базу экранированных. Возвращаюсь к эскадре».

После этого крейсер зловредов пропал так же внезапно, как появился. И вместе с ним пропала последняя надежда выручить Андре. Он мчался пленником на корабле космических разбойников куда-то в недра Плеяд, где размещалась их эскадра. Если, конечно, уже не погиб…

13

Усталый, я заснул в кресле. Во сне мне привиделся Андре, и я с криком проснулся. Оба звездолета шли в сверхсветовой области по курсу исчезнувшего шара зловредов. Я узнал, что принято решение разыскивать таинственную эскадру врагов, а при встрече действовать по обстоятельствам. Обдумывая все, что произошло, я с тяжелым сердцем понял, что шансов на спасение Андре почти нет. Я никому не сказал о своих мыслях, и никто не говорил со мною. Отступать было нельзя.

В связи с исчезновением Андре вся его работа упала на меня. Мы с Лусином все утро возились с останками обоих врагов и расшифровывали записанные излучения мозга шестикрылых. В полдень последний житель многострадальной Сигмы скончался. Мы положили его останки в консервирующую среду, чтоб привезти нетленным на Землю. Я работал усердно, но временами

деревенел, теряя мысли и понимание окружающего. В эти минуты Лусин тихонько дергал меня за руку или касался плеча. Его молчаливо-дружеское участие поддерживало меня. В перерыв мы посетили Труба. Ангел всхлипывал и вытирал глаза обломками крыльев. Он переживал наше общее горе, не сдерживаясь, как мы.

— Похожи наши вчерашние противники на тех, что преследовали галактов, некогда высадившихся на вашей планете? — спросил я.

— Я сразу понял, что это они, сразу, сразу…

Он весь встопорщился. С трудом передвигаясь, он, похоже, готов был хоть сейчас ринуться в новую битву.

— Битвы еще будут, — утешил его я. — Сомневаюсь, чтоб человечество могло ужиться со зловредами. Твоя задача: пройти курс лечения. По прогнозу, крылья у тебя отрастут лучше прежних.

— Мы стоим? — спросил он. — Где мы?

— Идем курсом на Майю, в центр Плеяд.

— Слепые, — проговорил Лусин сумрачно. — Не видим. Идем — только. А они?

Я теперь, почти не переставая, думал об этом же. Еще Андре поразила загадка: когда зловред беседовал своим крейсером, несущимся в сверхсветовой области гравиграммы его мы расшифровали, но ответные импульсы крейсера не улавливали. Лишь когда крейсер вытормозился в досветовое пространство, гравитационные его депеши стали до нас доходить. И это было естественно, ибо он обгонял свои гравитационные волны несущиеся со скоростью света. Гравитационные волны лишь сопутствуют их дальним передачам, думал я, но сама передача идет каким-то иным, более действенным способом. Мне становилось нехорошо, когда я додумывал следствия этой мысли.

— Да, — сказал я со вздохом. — Они не слепые. Похоже, что у них есть какой-то свой способ общения в сверхсветовой области.

Вечером мы с Лусином показали экипажу расшифрованные бредовые видения умершего жителя Сигмы. Картина составлялась из хаотически возникавших и пропадавших обрывков действий, фигур, городов, неба планеты — все, что мог ухватить глаз, присутствовало в этих видениях и складывалось в обвинение против захватчиков. На стереоэкране пылало белесое небо Сигмы, широкая Электра стояла в зените. И вот, истемня великолепный день, над планетой повис зеленоватый шар. По невидимой гравитационной лестнице на планету посыпались флибустьеры космоса — унифицированные, механически-безжалостные. Беззащитных существ настигали гравитационные удары, стягивали гравитационные цепи, тащили гравитационные крючья,

гравитационный эскалатор всасывал их с планеты в нависший над нею шар. Тысячи слабеньких милых созданий Сигмы обреченно взмахивали крылышками, лили слезы.

Какая участь им уготована в трюмах проклятого крейсера? Пищи для ненасытных ртов? Источника рабской силы? Питомника ремонтных тканей для дряхлеющего механизма мучителей? Этого никто не знал. Зато мы видели, как расправляются с теми, кто пытался скрыться. Гравитационные удары настигали упрятавшихся, пощады не было никому, никто не спасался!

Подавленные, мы молчали, когда стереоэкран погас. Было страшно и стыдно, что это совершается во Вселенной, где мы, люди, живем и благоденствуем.

Глубинное просвечивание захваченных зловредов подтвердило, что анатомия их двойственна: живые ткани соседствовали с искусственными, провода наращивались на нервы, сопротивления и емкости вмонтировались в кости. Жидкость особого состава, мало напоминавшая кровь, текла по искусственным трубкам и капиллярам. Зато мозг у обоих был биологического происхождения и размещался у первого в центре тела, а у невидимки в верхнем кольце. Самым же странным органом в их «живом механизме» было сердце — крохотный, но мощный гравитатор. У невидимки он находился во втором кольце, у захваченного живьем зловреда — в верхней части «опухоли».

Этот приборчик возбуждал короткодействующее местное тяготение, эквивалентное притяжению сотен таких планет, как Земля на поверхности. Что-то в них требовало для жизнедеятельности мощных гравитационных толчков. Сердце зловреда работало с лихорадочной скоростью — несколько тысяч тактов за секунду. Но это было не все. Гравитационное сердце зловреда генерировало в пространство направленные волны — оно было боевым орудием. И, наоборот, единственным способом поразить зловреда мог быть удар в сердце. Что же до глаза, то в нем обнаружено радиоактивное вещество, вызывавшее свечение. Нарост на шее одновременно и высвечивал, и высматривал, и поражал добычу. При удачном выпаде зловред мог и острым пучком света пронзить, как кинжалом, и уж в любом случае — легко ослеплял.

— Выяснен также механизм самоубийства, — сказал я, заканчивая сообщение об исследовании тел противников. — Когда глаз ударяет по телу, сердце на время парализуется. Силы стяжения уже не противостоят господствующим в теле высоким давлениям, и его разрывает в куски. В барокамере мы держим

восемь тысяч атмосфер, чтоб не дать этим силам разбрызгать мертвого зловреда. Между прочим, отсюда следует, что зловредов лучше поражать не силовыми полями, а потоками жестких лучей и корпускул. Мощный источник гамма-лучей или протонов будет для них убийственным. Теперь посмотрите записи излучений их мозга.

Предусмотрительность Андре, перед битвой пустившего дешифратор на все диапазоны, принесла пользу. Мы увидели себя, прижатых к стене, бледных, но мужественно сражающихся. Я вновь бежал, яростно перекосив рот, на центр вражеского отряда. С неба падали Леонид и Аллан, Ромеро наносил удары.

Не могу сказать чтоб глаза зловредов увидали в нас что-либо красивое, им, пораженным ужасом и погибающим, мы представлялись скорее чудищами. В общем, это было повторение того, что мы знали и без них.

Но запись мыслей зловреда, захваченного живьем и умершего в тисках наших полей, дала кое-что новое.

Когда-то верили, что перед умирающим проходит вся его жизнь. Исследование работы мозга умирающих показало, что мысли их смутны и лишены логики. Но этот перед кончиной вспомнил если и не всю жизнь, то немалый ее кусок. Перед нами вспыхнула дикая планета, словно бы вся созданная из свинца и золота: металлические горы сменялись металлическими полями, в металлических садах росли кристаллы металлических трав и кустов. Под ветвями металлических деревьев раскидывались металлические сооружения.

И везде были зловреды, бездны и тьмы зловредов — пылающих головоглазами, ползущих, роящихся и роющих, до тошноты одинаковых… А над жутким их миром нависало огромное, раз в тридцать больше Солнца, тусклое светило. И еще одно поражало воображение — на планете не было горизонта. Сколько хватало глаза, везде тянулись металлические поля, горы и сооружения, — планета была куда крупнее Земли.

Вера спросила меня, когда демонстрация видений была закончена:

— Ты обратил внимание, что второй зловред не запечатлен в мозгу ни у сородичей, ни у жителей Сигмы?

— Это естественно, ибо в нормальных условиях он — невидимка. Нам лишь в тяжелой борьбе удалось выбросить его из невидимости.

— А каков механизм невидимости, вы не расшифровали?

— Нет, Вера, не расшифровали.

— Мне кажется, воинами у них являются как раз невидимки, — сказала Вера. — В Гиадах, где разыгрывались

битвы со зловредами, об их внешнем облике данных не сохранилось. Это не случайно. А эти, чашкообразные, скорей всего рабочие особи и надсмотрщики над пленными. Сколько их напало на вас, и ни один не ушел живым! А невидимки сражались по-иному — одна их жизнь отдана за одну нашу жизнь.

— Андре не погиб, а исчез, — сказал я сухо. — Это не одно и то же, Вера. Не надо хоронить его раньше времени.

— Кое-что в загадочных поступках и свойствах зловредов поддается физическому истолкованию, — заметила Ольга. — В частности, их невидимость объясняется довольно просто. Я хотела бы познакомить вас с некоторыми своими соображениями. Все дело в том, что наши противники глубже, чем мы, проникли в природу тяготения.

Она начала с древнейших ученых — Ньютона, Эйнштейна и Нгоро. Их формулы охватывали лишь стационарные гравитационные поля, то есть установившееся тяготение. Между тем, реальные процессы природы чаще всего неравновесны. Зловреды блестяще оперируют переменными полями, которых не описать ни формулами Ньютона и Эйнштейна, ни даже обобщенными рядами Нгоро. Умение владеть быстро меняющимися полями тяготения — большое преимущество наших противников перед нами. Если бы гравитационный удар по Сигме принял характер равновесного поля, одинаково притягивающего планету к крейсеру и крейсер к планете, то дело кончилось бы тем, что крейсер упал бы на планету, ибо у нее несравнимо большая масса. А в действительности он превратил поверхность планеты в океан пыли и обломков, и спокойно умчался дальше, даже не ощутив, что она тоже притягивала его.

В ближнем бою корабли зловредов всегда возьмут верх над нами, — следовательно, ближний бой с ними недопустим — вот первый вывод.

Второй вывод дополняет первый. Зловреды тоже знают превращение пространства в вещество, но совсем не пользуются обратной реакцией — превращения вещества в пространство. Очевидно, они ее не открыли. Это по-своему понятно, ибо появление новых объемов пространства приводит к ослаблению полей тяготения, а зловреды стремятся к их усилению.

— Образование пространства есть верная защита от них, — сказала Ольга. — Но у нас не так уж велики запасы способного к аннигиляции вещества: многократных космических сражений мы не выдержим. Теперь о природе их невидимости. Разгадка, по-моему, и здесь в их умении создавать особые поля большой интенсивности — условно назовем их микрогравитационными. Я видела труп невидимки. Конструкция тела блестяще

приспособлена к функции невидимого бойца. Сердце-гравитатор создает вокруг тела конус искривленного пространства. Луч света, падая на конус, не пронзает его и не отражается, но загибается вокруг, выходя затем точно на продолжение своего первоначального пути. Все, что находится внутри конуса — и зловред, и его добыча, — естественно, невидимы для глаза и недоступны для обычных локаторов.

Я спросил ее:

— Не кажется ли тебе, Ольга, что средства связи у зловредов совершеннее наших? По-моему, они нашли какого-то мгновенно распространяющегося агента и при его помощи отлично сообщаются друг с другом на сверхсветовых скоростях.

— Да, такая возможность имеется, — признала Ольга. — Отсюда надо сделать еще один вывод: в сверхсветовой области со зловредами лучше не связываться, если их много. Вряд ли флотилии их движутся вслепую, как мы, к сожалению. Во всех этих обстоятельствах есть одно, благоприятствующее нам: так как гравитационные волны распространяются со скоростью света, то атаковать зловреды могут лишь в оптическом пространстве, чтоб не обогнать собственные свои удары. Иначе говоря, перед атакой мы их обязательно увидим.

Я заговорил с Ромеро. Мне показалось, что картины на стереоэкране произвели на него впечатление. Он хмурился, гневно сжимал набалдашник трости.

— Теперь вы видите, Павел, что мы не можем стоять в стороне? Преступления зловредов вопиют об отмщении…

Он высокомерно взглянул на меня:

— Мое ухо не слышит воплей — они слишком далеки от нашей Солнечной системы. И кто вопит? За кого вы встаете горой? К прежним паукам и змеям вы добавляете кузнечиков — ради них готовы пожертвовать существованием человечества! Неужели вы не соображаете, с каким могущественным противником сознательно нас сталкиваете? Андре уже погиб неизвестно почему и для чего, — вам этого мало?

— Андре похищен, — сказал я. У меня сильно забилось сердце. Я боялся, что голос мой задрожит. — Я уверен, Андре жив.

Ромеро продолжал с желчью:

— Наши великие предки, создавшие коммунизм на Земле, сражались и победили ради счастья людей, ради того, чтоб создать нам, своим потомкам, справедливое, обеспеченное бытие. Почему мы должны изменять их завету, оставляя заботу о людях, чтоб совать нос в чужие дела? Я понимаю, стоило бы потрудиться, если бы мы могли навсегда истребить все зло и несправедливость

во Вселенной. Но это же невозможно! Мы не облетали и тысячной доли одной нашей маленькой Галактики — поручитесь ли вы, что в неисследованных звездных районах нет своего горя? Почему вы берете на себя роль всеобщего наставника и исправителя? Мы не боги, в самом деле, чтобы страдать всеми страданиями мира, печалиться всеми его печалями!..

Я слушал Ромеро и думал, как и он, о наших великих предках.

Да, правильно, они боролись, нередко погибали, чтоб создать на Земле справедливый общественный строй — для нас, для тех, кто придет после, не для себя. Сколько их, безвестных людей, отдавших жизни свои за счастье потомков? Разве они оправдали бы нас, наслаждающихся счастьем, созданным для нас трудом и муками многих поколений, и свысока отворачивающихся от страданий и несовершенства жизни подобных нам существ?

Да, конечно, всю несправедливость во Вселенной мне не вычерпать, я просто не знаю пока всей Вселенной. Но как пройти спокойно мимо подлостей? Я способен прекратить их, неужели же я не воспользуюсь своей силой? Что это за рассуждение — вопли угнетенных и истребляемых доносятся издалека, я не хочу к ним прислушиваться! Не есть ли оно само одной из форм подлости? Примирились бы с таким эгоизмом наши предки-революционеры, обрекавшие себя на муки, чтоб нам было легко? Почему мы должны быть хуже их? Я хочу быть лучше, а не хуже предков, они жили и боролись и ради того, чтоб я был лучше их, а не хуже! Человечество всегда вели вперед великие, а не низменные идеи! Время подвигов не прошло, нет, подвиги и ныне так же свойственны человеку, как и пятьсот лет назад.

И еще одно: разве можно измерять социальную справедливость в километрах? Если над кем-то измываются рядом со мной, это возмутительно, я должен вмешаться. А если издевательства в ста километрах от меня? В тысяче? В миллионе? В триллионе? Силовые поля ослабляются на отдалении — таков закон физических явлений, но подлость, отдаляясь, не становится меньше, она не знает обратной пропорциональности к расстоянию. Близко или далеко угнетают беззащитных существ — мое сердце одинаково обливается кровью!

Ромеро с вызовом ждал моего ответа. Я молчал. Спорить с ним было бессмысленно. Тогда он сказал:

— Кстати, о несчастном нашем друге Андре. Вы все повторяете, что он не погиб, а исчез. Думаю, никто не усомнится, что я с охотой отдал бы собственную жизнь ради его спасения. Но если уж с полной откровенностью, то лучше и для нас, и для всего человечества, и даже для опекаемых вами полуразумных

звездных животных, если Андре погиб в борьбе с невидимкой.

— Вы отдаете себе отчет в своих словах, Павел?

— Полностью отдаю. Андре слишком много знает о достижениях человечества. Зато он не знает, что такое пытки — физические и нравственные. Если зловреды владеют хотя бы той техникой допроса, которую применяли в темницах древних властителей Земли… Вы меня понимаете?

И на это я не ответил. Я уже думал о судьбе, ожидавшей Андре, если он жив. Милый и гениальный, взбалмошный и добрый, он меньше любого из нас был способен вынести насилие и муку. «Эли! Эли!» — кричал он, исчезая. Почему он? Почему не я? Если бы мне предложили поменяться с ним судьбою, с каким облегчением и радостью я бы согласился!

По звездолету разнесся сигнал боевой тревоги, зазвучал властный голос Леонида:

— Все по местам! В оптике корабли противника. К бою!

14

— К бою! — гремело на корабле. — К бою!

По боевому расписанию, мое место около больших дешифраторов МУМ. Я кинулся из клуба, где мы совещались, в обсервационный зал: отсюда с дешифраторами отличная связь. Рядом со мною, кто отставая, кто обгоняя, бежали к своим предписанным местам другие.

Шум продолжался еще минуты две, а потом глубокая тишина оковала звездолет, наполненная великим напряжением тишина!

Мы были к бою готовы.

К бою! Почти пятьсот лет человечество не знало истинного значения этого призыва. Он еще существовал в языке — как диковинное слово из словаря, как звук, как предание, как тема для ученого разговора о прошлом, за ним не стояло единственно важного — действий.

Люди моего поколения, пятнадцатого поколения мира на Земле, утратили воинственность. Мы рождались мирными и должны были умереть в вечном мире, — так нам самим казалось. О нет, мы не были изнеженными, духовная расслабленность не источила наши души, — мы просто давно не знали, что такое война. Сила уже не была аргументом на Земле. И мы искренне думали о себе, что из нас вытравлен даже боевой инстинкт. Но вот жестокие обстоятельства навязали нам бой, и в каждом из нас мгновенно проснулся воин. Собранные и грозные, мы на своих заранее указанных местах молча ожидали нападения. Враг безрассудно ринулся на нас, он должен быть сурово покаран, —

так чувствовал каждый из нас. МУМ непрерывно суммировала наши ощущения и мысли, непрерывно докладывала их командиру корабля: нас наполняли одинаковые чувства, мы думали одинаковыми мыслями.

Нас было почти сто — женщины и мужчины, старые и молодые, сдержанные и порывистые, серьезные и веселые, — в тот миг, перед первым после четырех с половиной столетий мира человеческим сражением, мы внезапно стали одним огромным человеком — одной несгибаемой волей, одним мощным разумом. Исполинская тишина, полная страсти и напряжения, оковывала звездолет. Мы были полностью готовы к бою!

И тут мы увидели крейсеры противника. Вытормозившись из сверхсветовой области в обычную, они выпрыгнули как бы из небытия в мир нормальных тел и масштабов. Что бы Ольга ни говорила об опасности близких гравитационных ударов, главная опасность таится в неожиданности появления врагов.

В данном случае они просчитались. Если бы они скрытно подлетели достаточно близко, нам пришлось бы труднее. Но они обрисовались в десятке миллионов километров. Просчет их тем страннее, что, летя в невидимости для нас, сами они отлично нас видели, как и мы видим те космические тела, к которым идем на сверхсветовых скоростях. Лишь убежденность в собственном могуществе, до сих пор не встречавшем достойного противодействия в их глухом уголке Вселенной, могла привести к такому промаху.

Я насчитал шестнадцать шаров, несущихся к нам со всех направлений на звездную сферу, потом прибавилось еще два, отставших от общего строя. Восемнадцать крейсеров против двух — они могли надеяться на победу! И полностью уверенные в победе, они больше всего заботились, чтоб мы не сбежали. Они замкнули нас в сферу — в кольцо, как говорили наши предки, воевавшие лишь в двух измерениях. И, как принято у всех флибустьеров, злодействуют ли они в крохотном земном море или безграничных просторах космоса, зловреды не собирались вступать в переговоры, чтоб выяснить наши намерения, — они обрисовались и немедленно атаковали.

И навстречу им снова грянули аннигиляторы Танева, превращенные в защитные батареи.

Если бы я мог рассматривать все эти сцены взглядом стороннего, равнодушного к событиям наблюдателя, они, вероятно, показались бы мне даже забавными. Стремительно нараставшие шары вдруг унесло. Генерируемое двумя звездолетами пространство образовало провал в космосе, исполинскую яму в его метрике, и шары барахтались где-то на

границе неожиданно разверзшейся бездны, отлетая от нас все дальше. Они по-прежнему рвались к нам со всех осей на звездную сферу, и на всех осях расстояние между ними и нами увеличивалось.

Теперь даже самые тупые из них должны были сообразить, что мы не убегаем, а не подпускаем их к себе: если бы мы убегали, то, удаляясь от одних, сближались бы с другими. Дешифраторы молчали. В бешеном вихре исторгаемого пространства путались и разрывались любые гравитационные волны.

Когда первая атака крейсеров была отражена и их самих отбросило так далеко, что они почти перестали улавливаться в умножителе, Леонид и Аллан остановили боевые аннигиляторы, чтоб не расходовать активное вещество.

Через некоторое время шары опять появились в зоне видимости, а дешифратор наконец уловил гравитационные волны передач между кораблями противника. Один из крейсеров являлся флагманом. Флагмана одолевали вопросами, он отдавал приказания. Разрушителей ошеломило наше умение генерировать пространство, и способов борьбы с ним они пока найти не сумели. Их флагман намеревался прорваться сквозь толщи разлетающейся пустоты на сверхсветовых скоростях, раз не удались обычные. Я знал, что Леонид получает все данные от машин самостоятельно, но продублировал ему расшифровку.

— Один разок уже прорывались на сверхсветовых, да не вышло, — ответил Леонид. — И сейчас добьются не большего.

Приблизившись на достаточную, по их мнению, дистанцию, шары один за другим ныряли в невидимость. Я не мог подавить чувства беспомощности, когда корабли зловредов стали исчезать. Я снова и снова спрашивал себя все о том же, пытался разрешить все ту же загадку. Вокруг нас на триллионы километров простиралась сияющая звездами пустота, в пустоте, невидимые, бешено неслись к нам восемнадцать смертоносных шаров, — что, если Леонид и Аллан ошибутся и скорость сближения превысит скорость растекания пространства? Что, если вражеские машины, пожирающие пустоту, возьмут верх над нашими, сеющими пустоту вокруг себя?

Решение может дать лишь опыт, но опыт — палка о двух концах. Если он повернется против нас, ошибка будет непоправимой.

И когда умножитель зафиксировал появление шаров на пределе видимости, словно гора свалилась с моей души. Но я рано торжествовал. Разрушители оказались проницательнее, чем я о них думал. Они нашли единственно возможный способ борьбы

— навязать нам многократные космические сражения, каких мы долго выдержать не могли. Приборы расшифровали команду флагмана: «Атаковать на обычных скоростях, пока не истощится их способность, создавать пространство». Они хорошо понимали, что генерирование пространства идет за счет ресурсов заранее подготовленного вещества, а не по велению высшей воли, никакие же материальные ресурсы не безграничны. Правда, они не знали, как вскоре показали события, что мы умеем вовлекать в реакцию уничтожения вещества и внешние тела, в том числе и их корабли.

Так продолжалось несколько раз: мы отбрасывали их, генерируя пространство, они ныряли в невидимость и прорывались в сверхсветовой области. С каждым разом их прорывы становились опасней. Теперь они тормозили так близко, что только форсирование всей мощности аннигиляторов спасало нас от гравитационного залпа. Враги не сомневались, что рано или поздно мы станем мишенью для их орудий.

Леонид обратился ко всем на обоих звездолетах с просьбой высказаться через МУМ.

— Имеются две возможности выйти из боя. Первая — прорваться сквозь их окружение и, оставив Плеяды врагу, бежать к Солнцу. Гарантии, что мы прорвемся без боя на уничтожение, дать не могу. Возможно также, что враг пустится вдогонку и навяжет решительное сражение. Вторая — перейти от обороны к нападению. Не сомневаюсь, что нам удастся аннигилировать несколько крейсеров врага. Я знаю, что на одном из них может оказаться наш исчезнувший товарищ. И все-таки мое мнение — атаковать.

Каждый из нас думал в эту грозную минуту об Андре.

Мы не торопились принимать решение. На нас лежала ответственность перед человечеством — мы обязаны были вернуться на Землю и рассказать о том, что открыли в далеких районах Галактики. Но и ответственность за возможную гибель друга, попавшего в беду, мы снять с себя не хотели — мы просто не могли ее снять! Мы понимали, какой сделаем вывод, было только одно решение, но не торопились его высказывать. Мы не перебарывали себя — нам надо было перемучиться.

А затем МУМ объявила, что ни возражающих, ни воздерживающихся нет. Раз нам навязывают сражение, надо его принять.

И снова, уже в последний раз, на всех направлениях небесной сферы вспыхнули восемнадцать быстробегущих звезд. Сражение разыгралось в самом центре Плеяд, под лихорадочным блеском ярчайших светил. Небо пылало и переливалось, звезды

исторгались в сиянии. А в неподвижности великолепных реальных светил мчались искусственные светила, стремительные, пронзительно-зеленые. Восемнадцать факелов рушились на нас со всех сторон, они с каждой секундой нарастали.

Крейсеры противника поняли, что мы готовы принять бой, и стали притормаживать. Они выстраивались по сфере, центром которой были наши звездолеты. Теперь они двигались компактно и с одинаковой скоростью. В зловещем сиянии кораблей вражеской эскадры тускнели и пропадали звезды. От одновременного залпа всех гравитационных орудий эскадры нас отделяли считанные минуты. Все решало теперь, кто сможет ударить раньше — мы или они?

И когда восемнадцать кораблей врага, еще не выйдя в сферу своего прицельного удара, оказались в зоне нашего действия, Леонид и Аллан разом пустили в ход аннигиляторы. Пока это были еще рейсовые, а не боевые аннигиляторы, они лишь уничтожали пространство, врагу могло показаться, что мы сами ринулись на сближение.

Но они не дали обмануть себя. Они сразу увидели, что сближаются с нами не в одном, а во всех направлениях. Ими овладела паника. Четыре из восемнадцати звездолетов противника, захваченные конусами исчезающего пространства, быстро оторвались от своих. Их всасывало к нам, мы расшифровали их отчаянные призывы: «Помогите, потеряли управление!» и панические приказы флагмана: «Дайте задний ход! Дайте задний ход!». А затем мы приняли новую команду адмирала вражеского флота: «Бейте из гравитационных орудий! Бейте, бейте — иначе столкнетесь с ними!». Безмерное ликование охватило меня, когда я услышал этот приказ. И перед гибелью они не понимали того, что было им уготовано.

Ни Леонид, ни Аллан не стали дожидаться предсмертного залпа гибнущих флибустьеров. То, что мы увидели и что, несомненно, увидали оставшиеся в живых враги, было грандиозно. Теперь они познали полностью человеческое могущество. В звездном небе ослепительно вспыхнули четыре багровых солнца и тут же погасли, образовав туманные облака. Облака крутились, рассеивались, становились невидимыми — мировая пустота обогатилась четырьмя новыми провалами, зловещие крейсеры стали километрами, просто километрами, не газом, не молекулами, не атомами, одной лишенной телесного содержания протяженностью — миллионами километров пустого «ничто»!

Остальные крейсеры противника ринулись наутек. Леонид пустил было наш звездолет в погоню за ними, но они унеслись в

сверхсветовую область. Перед тем как крейсеры зловредов пропали в невидимости, мы приняли гравиграмму их флагмана. «Всем покинуть звездное скопление! Всем покинуть звездное скопление!» — повторялось в приказе.

Я побежал к Ромеро. Я должен был жгучим упреком бросить ему в лицо свою радость.

— Андре ничего не выдал, Павел! Из приказа адмирала ясно, что до последней минуты они опасались простого столкновения с нами, а не аннигиляции.

Ромеро долго смотрел на меня, не отвечая. Я вдруг заметил, что он осунулся и постарел.

— Поверьте, я радуюсь вместе с вами, — сказал он устало. — Хотя, если вдуматься, — чему радоваться?

Я ненавидел его. Он не верил, что Андре мог остаться в живых и не выдать секретов. Для него было одно объяснение — Андре давно мертв.

15

Плеяды остались за нами.

Это было печальное приобретение.

День за днем, неделю за неделей мы облетали одну звездную систему за другой. На тех планетах, где имелись условия для жизни и где еще недавно жизнь цвела, жизни не было.

Мы явились в Плеяды слишком поздно.

Я удивился, когда БАМ перевела название странных существ инфантильным словом «зловреды». С глухой яростью сердца я убеждался все больше, до чего точен перевод. Там, где они появлялись, появлялось зло. На следы их присутствия невозможно было смотреть. Даже мысль о том, что они существуют в одном мире с нами, становилась нестерпимой. Речь уже не шла о том, чтоб остановить завоевателей. Их надо было уничтожить, найти и уничтожить!

День за днем, неделя за неделей в биноклях умножителя, на стереоэкранах вспыхивали одни и те же картины: густые облака пепла и праха, клубящиеся над планетами, суша, перемешанная с океанами в одно топкое месиво…

Мы попытались высадиться на одной из разрушенных зловредами планет.

Это было в звездной системе Алционы — великолепной, празднично-яркой звезды. В недалеком прошлом здесь, вероятно, всего хватало: света и тепла, воды и зелени, воздуха и простора, минералов и еды. В печальном настоящем здесь была пыль, ничего, кроме пыли… Над планетой клубились черные облака

тончайшей взвеси. Мы рассматривали планету в приборы, угадывали по горам праха уничтоженные города. Причалив к поверхности, мы едва не утонули в пыли. Пыль текла, как вода, она походила на порошкообразный графит. Нам пришлось возвратиться.

Однажды вечером в клубе звездолета Вера попросила нас высказаться: что делать дальше?

Теперь мы знаем, что в Галактике свирепствуют странные полусущества-полумеханизмы, воинственный, технически высокоразвитый народ, говорила она. Мы выбрались на галактические просторы и обнаружили, что они захвачены пиратами. Но еще не все ясно. Где они обитают? Для чего совершают свои нападения? И где похожие на нас существа? Мы видели их в видениях ангелов, на картинах альтаирцев, на скульптурах жителей Сигмы, но не живыми. Может, этого народа, наших потенциальных друзей, больше не существует?

Не исключено, что мы оказались зрителями последней фазы космической войны разрушителей с мирными звездожителями, и в ней погибли все противники зловредов. Это еще предстоит выяснить. Вместе с тем пора возвращаться на Землю. Нужно ознакомить людей с собранными фактами, чтоб решения были объективны.

Вера предложила разделить флотилию. Один звездолет берет курс на Землю, другой продолжает поиски звездных гнездовий раскрытых противников и неведомых друзей.

За несколько месяцев мы удалились от Солнца на пятьсот светолет и проникли в Плеяды. Следующий объект разведки, по-видимому, — скопление в Персее, до него четыре тысячи светолет. Экспедиция туда займет не один год, однако она необходима. Пока мы не узнаем, куда исчезла флотилия зловредов, никто на Земле не вправе пребывать в спокойствии.

— Я возвращаюсь на Землю, — закончила Вера. — И вы понимаете почему: предстоят споры.

— Я готова лететь дальше, — объявила Ольга. — «Пожиратель пространства» лучше приспособлен для дальних рейсов, чем «Кормчий». Мы перегрузим к себе часть активного вещества с «Кормчего». Экипаж скомплектуем из тех, кто вызовется в экспедицию.

Она сказала это так просто, словно о путешествии с Земли на Сириус или Альфу Центавра. Другие не торопились с ответом.

Я думал о Земле и Оре, и о звездах, рассыпанных вокруг Земли и Оры. Ничто не тянуло меня особенно на Землю, скорее уж манил Плутон, но и без Плутона я мог бы прожить. Правда, на далекой Веге, на сине-белой Веге, где никогда я не был и вряд ли

буду, осталось то, что хоть немного влекло меня назад. Но что переменится, если я поверну вспять? Нас с Фиолой соединяет лишь пустое желание соединиться — у нас нет дороги друг к другу. Любовь наша бессмысленна — преждевременна, как по-ученому формулирует Лусин. Зато туда, в далекий Персей, я рвусь всей страстью души, всеми помыслами ума. Где-то там мой друг, он звал меня в последнюю минуту своего существования среди людей. И, может, мне удастся распутать некоторые загадки зловредов, — где же их распутывать, если не у самих противников?

— Я лечу в Персей, — сказал я.

Ромеро и Лусин решили возвращаться на Землю. Труба Лусин брал с собою.

А потом наступил день расставания. Расставание было невесело. Вера обняла меня, я поцеловал ее. Я не был уверен, что увижу ее. И с ней я мог не скрывать печали.

— Вера, все может быть в такой дальней дороге, — сказал я. — Запомни мое последнее желание — Ромеро нужно опровергнуть. Если люди не выйдут на помощь звездожителям, грош цена человечеству.

Она с нежностью смотрела на меня сквозь слезы.

— Люди помогут всему доброму и разумному, что нуждается в помощи. Нет, Эли, человечеству не грош цена.

Последними, с кем я попрощался, были Камагин и Громан. Отважные маленькие космонавты, наши предки, были взволнованны, как и мы.

— Три года назад, четыреста двадцать земных лет, мы расстались с Землей, — сказал Камагин. — Сами мы мало с той поры переменились, Земля и люди неузнаваемы. От души желаю вам в межзвездных странствиях большей удачи, чем выпала на долю нам.

— А вам доброй встречи на Земле, — ответил я. — И доброй новой жизни на ласковой зеленой старушке, на вечно молодой Земле!

— Прими подарок в дорогу, — сказал мне Аллан.

Он протянул связку старинных книг, главное свое сокровище — журналы двадцатого века.

Мы с Ольгой сидели в обсервационном зале. Очертания «Кормчего» быстро уменьшались на фоне звездного неба, вскоре без приборов его нельзя уже было разглядеть, хотя Аллан включил все прожекторы.

— Вот мы остались в одиночестве, — сказал я. — И сколько, продлится наше одиночество?

— Я не боюсь одиночества, — сказала Ольга. — Я могу летать

хоть на тот свет, только я не знаю, где он находится — тот свет.

Изумленный, я повернулся к ней. Она с улыбкой смотрела на меня. У меня было ощущение, словно я сделал что-то нехорошее. Я снова стал всматриваться в звезды.

— Эли! — позвала она тихо. — Эли!

— Да! — отозвался я, не отрываясь от неба. — Вспорем Звездным Плугом Вселенную, Ольга! И кто знает, может, нам удастся что-нибудь разузнать об Андре.

16

По графику, разработанному МУМ, путешествие до звездных скоплений в Персее должно было продлиться свыше года при скорости в пять тысяч раз превышающей световую. Подобных скоростей еще не достигали, но Леонид с Осимой не сомневались, что рекорд удастся.

— Один Аллан наполовину уменьшал нам ход, — доказывал Леонид. — Его звездолет — тихоня.

Унесясь из досветовой области, Леонид дал волю страсти к быстроте. Если бы уничтожаемая пустота издавала звуки, по всей Галактике разнесся бы треск разрываемого пространства. Но мы летели в великом молчании космоса. Впереди сероватой дымкой чуть проступало двойное скопление в Персее. Много, много месяцев должно было пройти, пока оно из тусклой дымки превратится в скопище светил.

Все знают, что галактические просторы пусты. Одно — знать, другое — ощущать. При перелете с Земли на Ору я не почувствовал пустоты, звезды удалялись и приближались, рисунок созвездий менялся. Исполинскою пустотой дохнуло на нас лишь в полете на Плеяды, день уходил за днем, неделя за неделей, мы тысячекратно обгоняли свет — за бортом все оставалось тем же. Но, лишь удаляясь от Плеяд, я полностью понял, как бездонно пуста Вселенная! Уже через неделю великолепное скопление, три сотни звезд, собранных в кучу, превратились в такой же моточек сияющей шерсти, каким оно видно с Земли. Теперь, когда за моей спиной остались многие тысячи светолет пути, я понимаю, что мироздание не то, каким оно представляется на школьной парте. Звезды, как и люди, — коллективисты, они теснятся друг к другу. А вне этих звездных коллективов — безмерная «пустейшая пустота», как называет ее Леонид.

И если в пустоте попадается одинокая звезда — это событие. Мы иногда встречали такие шальные звезды, чаще темные карлики, ни одного гиганта и сверхгиганта — звезда вылетала из

мрака, неизвестная, мы проносились мимо, зная о ней уже все важное и неважное. Ни на одном из таких светил не было признаков жизни.

Жизнь в Галактике дар более редкий, чем тепло и свет.

Теперь я имел свое кресло в командирском зале, рядом с дежурным командиром. Дешифраторы ловили каждую волну и вспышку, протоны и нейтроны, гравитационные и электрические поля. Их информация поступала в МУМ, та отдавала команды автоматам, а я вслушивался в эту неустанную исследовательскую работу, ставил механизмам дополнительные задания.

Обычно я дежурил с Ольгой, мы часами молчали, вглядываясь в звездное небо, мысленно переговаривались с подчиненными нам машинами. Я все более узнавал другую Ольгу, не ту, что порядком надоедала мне в школе, не ту, что вела ученые разговоры в веселой компании, — спокойного, решительного, проницательного командира, Я учился у нее. Сейчас все это в прошлом, но я с радостью вспоминаю дни совместных дежурств.

Каждый день я уходил в гравитационную лабораторию. Я запускал механизмы, дешифраторы ловили их импульсы, МУМ рассчитывала результаты. Излучения мозга зловредов, записанные Андре, гравиграммы напавших на нас крейсеров просматривались все снова и снова.

Я считал эту работу главным своим делом. Раньше Андре делал все сам, мы лишь помогали ему. Мы подсмеивались над его скоропалительными теориями, снисходительно одобряли его прозрения, а про себя были спокойны. Рядом с нами бушевал огромный разум, он непрерывно порождал и выбрасывал наружу ослепительные идеи. Он жадно ухватывал каждую загадку, бился, пока не разрешал ее, — зачем нам было тревожиться? Все, что возможно сделать, сделает он, и сделает лучше, чем любой из нас, — так чувствовал каждый.

Теперь Андре не было. Исчез гениальный генератор новых идей. Его надо было заменять, хотя бы частично. У меня и в помине не было вдохновенной легкости Андре. Но я неустанно, непрерывно размышлял — я хотел заменить трудом его интуицию. Там, где он одолевал простор неизвестности двумя-тремя исполинскими прыжками, я пробирался ползком, петлял, возвращался обратно и снова полз вперед.

Во всяком случае, я был настойчив. Я садился на диван, закрывал глаза, тысячи раз возвращался мысленно все к одной картине. Мы сжали полями слабеющего головоглаза, он отчаянно гравитировал своим: «Помогите! Помогите!». Его гравитационные призывы уходили с нормальной световой скоростью, с той же

скоростью возвращались ответы. Можно вычислить по времени, разделявшему призыв и ответ, расстояние от Сигмы до крейсера, вышедшего им на помощь. Но крейсер, летя в сверхсветовой области, раньше ночи добраться не мог, — так он сообщал. Сколько дней или недель светового пути разделяло их? А зловред беседовал с крейсером так, словно тот стоял рядом.

«Что же это такое? — спрашивал я себя. — Что может двигаться в пространстве, не уничтожая его, со сверхсветовой скоростью?»

Я пытался разрешить эту загадку даже во сне. Как-то я запустил дешифратор на излучения своего мозга, и он записал, что, и сонный, я бьюсь мыслью все над тем же. Все во мне без перерыва работало над проблемой, весь я, бодрствующий и отдыхающий, был заведен, как автомат, на ее решение, а если и приходилось отвлекаться, то я слушал и отвечал, а про себя продолжал рвать тенета грозной загадки.

И мало-помалу, еще смутное, стало вырисовываться решение. Оно было до того просто, что я вначале в него не поверил.

Но все пути вели в одну точку, все логические нити завязывались в один узел.

Я передал найденную гипотезу МУМ. МУМ известила, что гипотеза непротиворечива и может быть принята за исходную посылку. Я вышел наконец на верную дорогу. Путь до точного результата был еще нескор — я знал, что пройду его до конца.

Я попросил к себе Ольгу. Она пришла в лабораторию, долго слушала, не прерывая, потом сказала:

— Итак, ты считаешь, что этот загадочный агент связи, мгновенно проносящийся сквозь пространство, — само пространство?

— Да, само пространство. Вернее, колебания плотности пространства. Только изменения пространства могут распространяться в пространстве со сверхсветовыми скоростями — вот моя мысль.

Ольга продолжила дальше мою гипотезу:

— Мы научились превращать вещество в пространство и получать из пространства опять вещество. Короче, мы оперируем крайними точками — создавать и уничтожать… А между ними спектр разнообразных состояний, возможно, не менее важных, чем крайние точки… Надо искать, Эли, надо искать — всем нам, не тебе одному.

От восторга я расцеловал Ольгу в обе щеки. Это было лишнее, конечно. Она растерялась, как девчонка, пойманная на шалости, хотя виноват был я, а не она.

— Не сердись, — сказал я с раскаянием. — Я от души, Ольга.

— Я не сержусь, — ответила она грустно. — Разве ты не заметил, что я не умею на тебя сердиться?

17

В этот вечер я долго не засыпал. Я думал об Андре. Он похвалил бы меня за открытие волн пространства. Я редко удостаивался его похвал, когда мы были вместе, но сейчас он похвалил бы меня, я в этом не сомневался. Он лучше любого другого, лучше меня и Ольги, мог оценить значение открытия.

Андре стоял передо мной. Я слышал его голос. Я закрывал глаза, чтоб лучше видеть и слышать его. Он ходил по комнате, взмахивал вычурными локонами и спорил со мною. Он был, как всегда, немного смешон и очень мил. Я говорил с ним и, стискивая зубы, плакал. Он был в беде, а я не мог помочь ему.

«Ты тяжелодум, Эли, — говорил он сердито. — Насмешливый ум сочетается в тебе с изрядной тупостью. Если бы я высказал то, к чему ты с таким трудом добрался, ты, для начала, поиздевался бы надо мною. Ты встречал усмешкою любую мою идею, — разве не так?»

«Не так, — защищался я. — Будь справедлив, Андре, не так! Я многое принимал сразу».

Он безжалостно опроверг меня. В жизни он не был таким жестоким, как в моих мечтах о нем. Он не мог быть сейчас добрым — он был теперь вечным упреком мне.

«А невидимки? — говорил он. — Невидимки, Эли? Разве ты не расхохотался, когда услышал о них?»

«Да, невидимки, — отвечал я. — Это правда, я изумился и рассмеялся. И я жестоко наказан, что не поверил в твое прозрение и не позаботился сразу о защите. Мы все наказаны, Андре, все!»

«Другие мои идеи ты высмеивал тоже, — заметил он. — Вспомни получше, Эли».

Я стал вспоминать его идеи и теории. Их было много, час бежал за часом, бессонная ночь плелась, как старуха. Я больше не спорил с Андре, я вникал в его мысли. Я был готов принять любую из них по одному тому, что ее высказывал он. Я подводил под них фундамент, подбирал убедительные доказательства — я запоздало оправдывался перед Андре.

Я вспоминал, как он блестяще обосновал удаление Гиад от всех звезд мира. Спыхальский, наверно, уже послал экспедицию проверить его гипотезу, и экспедиция безусловно доказала, что Гиады рушатся в искусственно созданный провал в мировом пространстве. Как могло быть иначе? Андре так запальчиво отстаивал эту мысль, он не мог ошибиться!

А потом я припомнил его гипотезу происхождения людей, так жестоко раскритикованную Ромеро. Она стала мне дорога также и тем, что Ромеро на нее ополчился. Я хотел, обдумать ее в деталях, по-серьезному обосновать. Но доказательства не подбирались, вместо мыслей возникали картины, они становились сложней и ярче. Я тешил себя придуманными историями, разыгрывал фантастические вариации на заданную Андре тему и упивался ими, как некогда, на Земле, индивидуальной музыкой.

Я опять закрывал глаза, чтоб видеть отчетливее, мной овладела, полудрема, полубред. Я возвратился на Землю, в далекое прошлое Земли. Я вижу дикие леса, каких давно не существует. У подножья холма лежит на боку старинный космический корабль. Из разорванного его чрева вываливаются лестницы, бочки, ящики, незнакомые механизмы. По небу мчатся растрепанные тучи. Дико кричат обезьяны. Я кожей ощущаю влажную жару, тяжко повисшую в воздухе придуманного мною уголка Земли.

На вершину холма взбирается старик, я точно такого же видел на стереоэкране в Оранжевом зале. Он высок, строен, сед, у него лучистые глаза, не по-человечески большие, — хороший, ладный старик. Он осматривается и мрачнеет. Ему не нравится место, куда угодил корабль. К нему приближаются двое молодых. Первый тоже из тех, кого я видел в Оранжевом зале. Второго я не знаю, я его придумал. Впрочем, он похож на того, убитого, с картины альтаирцев.

«Ну и попали! — говорит первый из молодых. — Надо же было так удариться! Ремонт займет тысячи две местных лет. Лаборатории мы захватили, но заводы остались дома».

«Нужны помощники, — говорит второй. — Нас двадцать, на все не хватит рук. А здешние живые существа, кажется, доросли лишь до того, чтоб прыгать с ветки на ветку. Они добывают пищу, поедая один другого, работают клыками, а не мозгами».

Старик успокаивает их. В общем, получилось неплохо. Удалось выбрать планету, похожую на их собственные: здесь сносные температуры, умеренная гравитация, имеется кислород в атмосфере, много воды и зелени. Уже одно то, что можно ходить без защитных костюмов, чего-нибудь да стоит! А заводы — что ж, и заводы можно построить — примитивные, конечно.

«Без помощников?» — прерывает первый. Он удивлен спокойствием старика.

«Будут помощники. Посмотрите на этих хвостатых существ, орущих в листве деревьев. Когда-то и мы начинали развиваться с подобных таким же. Миллионов через пятьсот здешних лет и они самостоятельно разовьются в подобных нам. Почему бы нам не

подтолкнуть процесс эволюции?»

«Сколько на это требуется лет, подумай! — говорит второй. — Мы не бессмертны. Половина из нас перемрет здесь». Он, конечно, не догадывается, что ему суждено погибнуть в другом месте.

«Будем торопиться. Я, наверно, не доживу до отлета, но вы покинете эту планету».

И вот они берутся за дело. Одни ищут руды, другие заделывают пробоины и налаживают механизмы, третьи отлавливают обезьян и экспериментируют с их зародышевыми клетками, меняют их генетические коды. Сразу вывести подобных себе не удается, обезьяны не тот народ, что в одно поколение вырастают в богов, — засучив рукава небесные путешественники трудятся, творя из животного человека по своему образу и подобию. Кое-что получается, еще больше провалов. Удалось убрать хвост, выпрямить спину, укоротить руки — вот он, угрюмый питекантроп, получеловек, полузверь, нет, не подойдет, у него мала способность к усовершенствованию, кибернетический анализатор показывает это ясно.

Наконец появляется настоящий человек, сразу все варианты — черные и белые, курчавые и прямоволосые, пигмеи и гиганты. На этот раз, кажется, вышло, нет, и на этот раз не выходит! Я слышу спор галактов. У них производственное совещание — обсуждают творение человека. Я мысленно разглядываю их. Как они все похожи на нас!

«Разве это человек? — возмущается один. — Поглядите на чертеж — что общего между замыслом и осуществлением? На бумаге — человек, а за той загородкой — зверь! Я протестую против такой работы!»

«Ближе к делу! — требует председательствующий. — Какие у вас конкретные возражения? Так мы проболтаем до рассвета!»

«Тысячи возражений! Первое — абсолютная неприспособленность к жизни. Он без шерсти, без когтей, без клыков, без рогов. Как ему добывать пищу, как передвигаться, как защищаться? Поглядите на его пальцы, это же сучки, а не пальцы, разве они похожи на наши? А глаза? Какие-то щелки, а не глаза. Мне страшно глядеть на него, а вы твердите — по образу и подобию!»

«Все же он подобен нам, — говорит старик. — Подобен, но не тождествен. Вы забываете о главном — в человеке осуществлена поистине грандиозная возможность к усовершенствованию. Посмотрите таблицу способностей, рассчитанную машиной. Если у собаки принять способности к усовершенствованию за единицу, то не найдется ни одного животного, у кого она поднялась бы

выше десяти. А у человека она равна 1 595 660 800! Вы это понимаете? В миллиарды раз выше, чем у любого животного! Я скажу больше — в сотни раз выше, чем у нас с вами! Я считаю, что мы создали чудо разума, а не человека».

«Пока это чудо глупости и неприспособленности, — зло кричит кто-то. — Ваш разумный человек — дурак. Я пытался внушить этому голому дикарю понятие о некоторых матрицах тяготения и аффинных преобразованиях пространства, он хлопал зенками и скулил. Тогда я подвел его к корыту с жратвой — и вы посмотрели бы, как он кинулся. Тут он не хлопал глазами. Пройдут миллионы лет, прежде чем ваше чудо природы сообразит, что у него есть кое-какие способности. Предлагаю отклонить предъявленную нам модель человека и продолжать поиски».

«Голосую предложение — человека не утверждать, — говорит председательствующий. — Другие предложения имеются? Вроде нет. Кто за? Против? Воздержался? Итак, человек отвергается всеми голосами при одном воздержавшемся. Какие будут пожелания к новой модели, которую предстоит запустить в работу?»

Снова поднимается первый:

«Мне думается, не следует гоняться за внешним подобием, практически оно не выдерживается и превращается в уродство. Нам нужны не сверхъестественные способности, а реальная жизнеспособность, быстрая сметка, цепкая хватка! Предлагаю новую модель сотворить с максимальной приспособленностью к любым условиям жизни».

«Возражений нет? Принято, — говорит председательствующий. — Секретарь, пишите: снабдить следующую модель шерстью, когтями, клыками, рогами, копытами… что бы еще там? Хвостом, чтоб цепляться за ветки… Как назовем модель? Там, в углу, — я слушаю вас».

«Свободна буква „д“, — доносится голос. — Может, так — дурень, дурман, дьявол…»

«Дьявол звучит неплохо, — решает председатель. — Итак, запускаем в производство дьявола на базе неудавшегося человека. Остается решить последнее — что делать с сотворенными людьми?»

«Истребить! — слышатся голоса. — В землю! К чему плодить незащищенных уродцев?»

Против этого опять протестует старик. Он напоминает разбушевавшемуся собранию, как много благородных начал вконструировано в человеческий мозг. Пусть люди живут, пусть проходят нескорый путь усовершенствования. Им много дано, с

них много получится.

«Не нами! — шумят в зале. — Нам они ни к чему!» «Резон тут есть, — говорит председательствующий. — Истреблять людей не стоит. Если добрая основа, заложенная в них, разовьется, человек устоит в жестокой борьбе за существование. А возьмут верх неудачи и недоработки, что же, жалеть о гибели этой модели не придется».

И вот людей изгоняют из аварийного лагеря небесных инженеров и ученых, из рая, где обезьяну переконструировали в человека. Отныне он будет рождаться в муках, трудиться в поте лица своего, изнемогать под бременем забот и болезней.

А взамен появляется усовершенствованная модель — умный, ловкий, работящий дьявол. Тут уж нет сомнений — модель удалась. Хвостатое и рогатое существо мастер на все руки: и скачет, и пляшет, и прыгает с ветки на ветку, и ныряет в воду, и проползает в земные расщелины. Его можно видеть лесу и в поле, у моря и у кратера вулкана, он особенно любит эти местечки с их серным дымом и пламенем, ему там тепло и ароматно. Старательный и услужливый, истинный черт своего бога, он насмехается над неудачами изгнанных в самостоятельное существование людей, а те мстят ответной ненавистью — не дай бог черту попасть в человечьи лапы: мигом разорвут в клочья!

И когда галакты наконец выправляют поломки корабля, они прихватывают с собой и созданных ими дьяволов; у тех встает дыбом шерстка при мысли, что придется остаться один на один с неудавшейся людской породой.

«Прощай, неустроенная планета! — торжественно говорит старик. — Я верю, что зароненное нами зерно даст плоды. Хоть я и дожил до возвращения, но до яркого твоего расцвета, человек, не доживу. Живи и совершенствуйся».

Он машет мне рукой, этот добрый старик, а я в ответ смеюсь и раскрываю глаза, до того забавны придуманные мною картины. И тут меня охватил стыд. Я намеревался обосновать мысли Андре, доказать самому себе их правдивость, а вместо того иронизировал над ними.

Не может быть, чтоб все здесь было неправильным, сказал я себе с раскаянием, у Андре не бывало такого, чтоб все неправильно, он преувеличивал, но не заблуждался. Я вызвал МУМ.

— Проанализируйте мысли о галактах, некогда переконструировавших обезьяну в человека. Проверьте все картины, возникшие в моем мозгу, и дайте им оценку. Только, пожалуйста, одним словом, не люблю ваших — с одной стороны, с другой стороны…

МУМ ответила одним словом:

— Чепуха.

— Ну, хорошо, пусть не одним словом, — сказал я. — Может, годится хоть для грубой гипотезы?

На этот раз МУМ ответила так:

— Годится лишь для фантастической повести.

Я вспомнил, что другая МУМ, на Оре, точно так же оценила эту идею Андре. С моей стороны не было никакого издевательства над памятью Андре. Успокоенный, я заснул.

18

Весь тот год, что мы летели к двойному скоплению Персея, я был погружен в исследования свойств пространства. Переоборудованная лаборатория вскоре мало чем отличалась от завода. От рейсовых и боевых аннигиляторов лабораторные механизмы разнились лишь мощностью, те измерялись миллионами альбертов, эти, маленькие, порознь не развивали и миллиарда киловатт. Я сам настаивал на такой крохотной мощности. Я не хотел, чтоб в результате моей неосторожности наш звездолет превратился сам в один из тех провалов в пространстве, какие мы устраивали с другими телами. Мои механизмы не уничтожали пространство, но меняли его плотность, далеко не добираясь до границ, где пространство концентрируется в вещество и вещество распадается на пространство.

Я не буду описывать подробности опытов. Неудачи и успехи зафиксированы в памяти МУМ, пусть обратятся к ней, кто интересуется. Важно одно: бесчисленные эксперименты установили, что колебания плотности пространства подчиняются волнообразным законам. Мы получали сферические волны, конические, цилиндрические — кинжальный луч, пронзающий простор. И лишь один из законов колебательных движений не оправдывался для волн плотности пространства — они распространялись всегда со сверхсветовой скоростью. Световой барьер был для них низшей границей. Мы получали волны пространства, в миллионы раз более быстрые, чем свет, а можно было идти и выше. Сам свет являлся предельным случаем волн пространства, этим объяснялось его загадочное постоянство в движущихся системах. Мы вступили в удивительный, никому на Земле не ведомый, мир!

А когда открытие было изучено, мы смонтировали цех новых машин — генераторы волн пространства, приемники и дешифраторы депеш, передаваемых этими волнами.

Теперь мы могли принять любое возмущение — от околосветовых, когда пространственная волна шла на низком уровне, готовая превратиться во вспышку света, и до высоких, распространявшихся со скоростями, в миллиарды раз превышающими световую. Отныне зловреды незамеченными подкрасться к нам не могли. Они оставались невидимыми в оптике, но не в пространственных волнах. Борьба слепого со зрячим перестала нам грозить.

И теперь я снова удивился, до чего высокая организация у этих чудовищных существ, что были названы разрушителями, или зловредами. По анатомическим снимкам их тел мы определили, что сердце у каждого было не только гравитатором и гравитационным орудием, но и совершенной станцией волн пространства.

Ольга мечтала об организации диспетчерской службы звездоплавания.

— Ныне звездолет отчалил и — пропал, ибо он движется быстрее света. Вскоре эти трудности отпадут, словно их и не было. Как на Земле Справочная знает о каждом, где он и что с ним, так и диспетчер на Оре будет знать состояние любого звездолета, сколько бы тысяч светолет ни разделяло их. Отдавать команды кораблям в другой край Вселенной, немедленно получать ответы, — голова кружится — так это грандиозно!

А я вспоминал Андре, тосковавшего о Жанне и не увиденном им Олеге. Нет, сколь радостней была бы его жизнь, умей он сноситься с дорогими ему людьми. Нигде не чувствовать себя непреодолимо отрезанным от близких, быть здесь, в новом мире, и мгновенно переноситься туда, в мир старый, — разве не осуществляется в этом мечта о вездесущности?

— Слушать Землю! — сказал я. — Видеть Землю! Везде быть с Землей!

19

А затем произошло то, что уже не раз происходило в нашей галактической одиссее и что должно было стать привычной и скучной картиной, но вместо этого каждый раз представало неожиданным, грандиозно-прекрасным явлением.

Двойное скопление звезд Хи и Аш Персея, тусклая дымка, долгий год не менявшая ни формы, ни размеров, ни яркости, вдруг ожила и пошла в рост. Скопление менялось на глазах и на диаграммах, менялось ежедневно, потом ежечасно, росло, раскидывалось, звезды в нем укрупнялись, наливались сиянием, горячели.

Наступил час, когда передняя полусфера была вся заполнена светилами Персея, лишь позади оставались посторонние звезды. А потом наступил и их черед исчезать, скопление, расширяясь на вторую полусферу, расступалось перед нами. Дежуривший в этот знаменательный час Осима стал сбрасывать скорость.

Мы вторглись в пределы одного из величайших звездных скоплений Галактики. Оно явственно распадалось на два коллектива звезд. Небо по экватору сферы прорезала темная полоса, делившая эти коллективы светил и в темной полосе было, однако, больше, чем на любом участке земного неба. Направо разворачивалось скопление Аш, налево — скопление Хи, тысячи гигантских и мощных звезд. Небо скоплений не светилось точками, но пылало кострами — я различал буквы в формулах в сиянии сверкающего неба Персея. Здесь никогда не бывает глухих земных ночей с тускло мерцающими льдинками наверху, даже в затемненных залах предметы становились отчетливыми, когда на экранах вспыхивали звездные прожектора скоплений. Для осторожности мы мчались по экватору, в полосе темноты, разделявшей скопления, и не выходили из сверхсветовой области.

Несколько дней прошли без новостей, никто на звездах не показывал, что мы замечены, ничьего присутствия мы не открыли. Вокруг многих светил имелись планеты, но они были далеко от нас.

А затем приемники волн пространства уловили слабые импульсы.

Периодически налетавшие сгущения и разрежения пространства складывались в одну и ту же, сызнова повторяющуюся фразу. Мы предположили, что это вопрос: «Кто вы такие?», именно об этом в первую очередь должны спросить неизвестные корреспонденты. Дешифраторы, приняв за основу такое чтение, дали набросок кода. Код мало отличался от тех, что вводились в наши машины. Стало ясно, что мы сумеем объясняться с незнакомцами, колеблющими пространство сигналами.

Я уже хотел налаживать связь, но Ольгу страшило, не провоцируют ли нас противники на откровенность. Может случиться, что мы передадим в руки врага тайны защиты от них. Ее поддержало большинство экипажа.

— Чепуха! — сказал я, и со мной согласился Леонид. Вместе мы переубедили несогласных. Зловредам невыгодно раньше времени показывать, что мы замечены, их орудия действуют на ближней дистанции — они постараются подпустить нас поближе. Кто бы ни искал с нами связи, это не враги.

В качестве основы нашего кода мы, как и наши

предшественники при встречах с разумными существами, взяли таблицу элементов. В последующие дни генераторы пространственных волн передавали ее по всем направлениям, откуда приходили сигналы. Я не сомневался, что, когда мы закончим сообщения, начнут они.

И сразу же после наших передач в пространстве понеслись новые волны плотности, но не речь к нам, а, скорее, переговоры между собою. Неизвестные существа запрашивали и отвечали, в чем-то убеждали друг друга, — так, во всяком случае, мне представилось, и МУМ меня не опровергла. Звезда разговаривает со звездою, существа, обитающие на звездах, согласовывают отношение к нам, думал я, разглядывая записи возмущений плотности. Мы углублялись в скопление, стократно обгоняя свет, а вокруг тревожно пульсировало пространство, споря, кто мы такие.

— Мы поворачиваем влево, — сказала в один из дней Ольга, когда мы вместе вышли на дежурство. — Будем исследовать скопление Хи, оно вроде плотнее звездами, чем скопление Аш. Есть что новое, Эли?

— Пока нет. Таинственные переговоры продолжаются. Но мы записываем все возмущения пространства и, когда расшифруем язык передач, сможем прочитать, о чем шли беседы.

В этот день звездожители снова непосредственно обратились к нам. Я понял это, взглянув на запись. Они перечисляли элементы таблицы Менделеева, повторяя, что недавно генерировали мы, но уже на своем языке. Дешифраторы превратили первый набросок кода в ясную расшифровку. Теперь у нас был общий язык.

А затем я продиктовал одобренную экипажем телеграмму: «Мы идем издалека. В созвездии Плеяд нас атаковало восемнадцать космических кораблей. Видели ужасные разрушения на планетных системах, где имелась развитая жизнь».

Ольга и я находились в лаборатории волн пространства, когда была принята новая депеша. Дешифраторы звездожителей работали не хуже наших. Корреспонденты, пытавшиеся наладить с нами связь, передали ответ: «Вас поняли. Немедленно поворачивайте обратно. Вам грозит гибель. Вырывайтесь на полной мощности».

Потрясенный, я молча глядел на Ольгу. Она побледнела, у нее перехватило дыхание.

— Как это понимать?.. — начал я, но не кончил.

По кораблю разнесся сигнал боевой тревоги. Леонид и Осима требовали Ольгу и меня в командирский зал.

Когда объявляется боевая тревога, полная информация о положении, в спокойное время доставляемая лишь в командирский зал, передается каждому члену экипажа, и МУМ непрерывно суммирует и обобщает все мнения. В эти часы командиром становится коллектив, и номинальный командир корабля обладает властью лишь в той мере, в какой выполняет коллективную волю экипажа, в ней же собственная его воля имеет важное, но не окончательное значение.

Леонид был мрачен, но спокоен. Осима казался расстроенным. Мы с Ольгой заняли свои места, и Осима объявил:

— Мы шли на скорости в сто десять единиц. Я приказал автоматам затормозить на двадцать процентов. Когда они выполнили программу, оказалось, что скорость не восемьдесят девять, как следовало бы, но девяносто шесть. Вокруг нас само по себе исчезает пространство, примерно на семь световых единиц.

Ольга раздумывала. Непонятное исчезновение пространства, возможно, имело отношение к полученному), грозному предупреждению. Но зачем кому-то ускорять наш полет, когда и так мы летим со сверхсветовыми скоростями?

— Сейчас нам нужно срочно решать, что делать дальше, — сказала Ольга. — Продолжать углубление в звездную гущу или вырываться назад, как советуют неведомые друзья?

— Или враги, — возразил Леонид. — Я не уверен, что депеша от друзей. Я предлагаю продолжить рейс.

МУМ передала, что экипаж поддерживает Леонида. Было обидно после долгого путешествия бежать неизвестно отчего. На Земле не поняли бы такого поступка. Даже новая депеша наших загадочных корреспондентов: «У вас еще есть время спастись! Вы катитесь к гибели!» — не поколебала нас. Я передал наш ответ: «Продолжаю рейс. Объясните, в чем усматриваете опасность?».

— А пока они соберутся с мыслями, мы постараемся сами дознаться, что происходит, — сказала Ольга. — Придется варьировать скорость. Для начала добавим единиц тридцать.

Когда автоматы завершили заданную программу, мы шли на ста двадцати единицах. Дополнительного исчезновения пространства не наблюдалось. Если раньше кто-то стремился убыстрить наш полет, то нынешняя скорость звездолета его удовлетворяла.

— Снова сбросим эти тридцать единиц, но по этапам, — скомандовала Ольга.

На перевале через стократную световую скорость появились признаки постороннего воздействия. По мере того как мы

тормозили, постороннее воздействие увеличивалось. Собственная скорость звездолета уменьшилась до шестидесяти единиц, суммарная скорость равнялась семидесяти пяти, на пятнадцать дополнительных единиц нас что-то пришпоривало.

Некоторое время мы неслись с этой сложной скоростью — не сбрасывали собственной, нам не увеличивали дополнительной. «Зловреды сжимают мир», — вспомнил я сообщение, переданное Спыхальским на Землю. Вот оно, их сжимание мира, думал я. Они вычерпывают собственное звездное пространство, чтоб подтянуть нас на дистанцию гравитационного удара. Они рискуют нарушением космического равновесия своего мирка, лишь бы расправиться с противником.

— Полностью заглушить аннигиляторы хода, — скомандовала Ольга. — Погасить инерцию полета тормозными устройствами.

Вскоре ни одного альберта не расходовалось не движение.

Но звездолет продолжал лететь со скоростью в двадцать пять световых единиц. Кто-то энергично пожирал разделявшее нас пространство.

Приемники уловили новое сообщение. На этот раз оно было расшифровано с трудом. Появились помехи, одна волна плотности перебивалась другою. «Попали конус сжатия… опасность… стяжение до тридцати двух световых… есть еще время… окраина… всей мощностью выброситесь… беспощадные… к сожалению, бессильны… возвращайтесь…»

— Совет их ясен, — задумчиво сказала Ольга. — Они рекомендуют выбираться, пока еще есть время и мощностей хватает.

— И враг, притягивающий нас к себе, забивает их передачи, чтоб до нас не дошли советы друзей, — добавил я.

— Лично я считаю, что надо делать обратное тому, чего добивается враг, — продолжала Ольга. — Я бы все-таки выбралась пока из скопления. Возвратиться мы всегда сумеем.

Леонид с раздражением заговорил:

— Не понимаю, что тебя страшит? В депеше сказано, что предел стяжения пространства — тридцать две световых единицы. Мы же развиваем пять тысяч единиц! Если понадобится, мы прорвемся сквозь их тридцатикратный заслон, как носорог сквозь парусину. Я по-прежнему настаиваю на продолжении экспедиции! Ни одно из ее заданий пока не выполнено!

Леонид, когда с ним спорят, легко впадает в неистовство. Его черная кожа сереет, глаза становятся белыми, рот хищно раскрывается. И если имеется много возможностей, он выберет ту, что всего ближе к драке. В древности он был бы полководцем

воинственного племени. В битве его охватывает вдохновение. Но пока до битв не дошло, к советам его следует относиться с осторожностью. Впрочем, в данном случае я был на его стороне.

Ольга повернулась ко мне:

— Эли, а волны пространства?

Я понимал, что ее тревожит. Если мы погибнем, то погибнет и наше открытие, так нужное человечеству. Сколько времени пройдет, пока до него доберутся другие? Человечество станет выше на голову, когда воспользуется тем, чем мы у себя уже свободно пользуемся, — имеем ли мы право безрассудно рисковать его благом? Но кто доказал, что риск наш безрассуден?

— Я за продолжение экспедиции. Поводов для паники пока не вижу.

— Пусть снова решает МУМ, — сказала Ольга.

МУМ сосчитала, что один командир звездолета за возвращение назад, все остальные члены экипажа требуют продолжения рейса.

— Мне остается подчиниться, — хмуро проговорила Ольга.

Леонид приказал запускать аннигиляторы. Мы бурно устремились в центр звездного скопления Хи.

21

Я хорошо помню свое состояние во время вторжения в гущу гигантской звездной кучи. Я и понятия не имел тогда, что рискованная наша экспедиция едва не закончится трагически для звездолета, а сам я на долгие месяцы превращусь в инвалида. Но у меня было невесело на душе. Я оглядывал пылающую звездную сферу, и все у меня внутри ныло — это я хорошо помню.

Я сидел с краю, рядом Леонид, за ним Ольга и Осима. Скорость корабля нарастала, и все вокруг плавно менялось. Звезды казались уже не точками, а горошинками, сверкали, как маленькие луны. У особенно ярких светил можно было наблюдать корону. Плотность звездного населения в скоплении в сотни, если не в тысячи раз превышает ту, к какой мы привыкли в районе Солнца. Но все это великолепие было грозно: таинственной опасностью несло от величественной картины.

Мои размышления прервал Осима:

— Траектория звездолета направлена на светило, видимое под углом сорок пять градусов.

Он указал на звезду, сверкавшую впереди и сбоку. До нее было несколько светолет, но яркостью она превышала все известные мне до того звезды, абсолютная ее светимость была выше, чем у наших Антареса и Бетельгейзе. Это был типичный

красный сверхгигант. А рядом виднелись другие звезды, послабее, — вместе они составляли компактную группку.

— Уважаемая МУМ наврала, — откликнулся Леонид. — Я и не думал прокладывать курса к той звезде. Она останется в стороне.

Я рассматривал звезду в умножитель. У нее имелось три планеты. Все три показались мне странными. Они слишком интенсивно блистали. Анализаторы определили, что планеты не каменные, а металлические.

В пространстве разыгрывалась свистопляска возмущений плотности. Кто-то без устали генерировал волны, кто-то с энергией забивал их. Дешифраторы не смогли разобраться в путанице сообщений и помех. Одно лишь многократно повторенное слово: «Нельзя! Нельзя!» — удалось выудить из хаоса.

— Неведомые друзья отчаянно пытаются донести до нас какое-то сообщение, неведомые враги бешено противодействуют, — сказал я.

— Несомненно, сообщение их связано с той звездой, — откликнулась Ольга. — Она уже под углом в тридцать пять, а не сорок пять градусов. Нас сносит на нее, а кто-то предупреждает, что идти к ней нельзя.

— Назовем ее Угрожающей. Название ей соответствует.

Леонид, убедившись, что МУМ не ошибается, выправил курс. Теперь Угрожающая убегала назад. Я задремал в кресле.

Когда я проснулся, раздраженный Леонид препирался с Осимой.

Оказалось, впереди раскрылась кучка звезд, белые и красные гиганты такой же неистовой светимости, что и Угрожающая. Нас сносит к ним при полностью выключенных аннигиляторах, пространство между нами интенсивно уничтожается. МУМ установила, что мы попали в область высокой кривизны и движемся по геодезической линии в неизвестную точку. Кривизна пространства непостоянна, похоже, таинственные наши враги свободно меняют ее, то увеличивая, то уменьшая.

— Надо повернуть и прорваться сквозь кривизну, — настаивал Леонид. — Когда мы разнесем в прах созданную ими криволинейную метрику, они прекратят попытки диктовать нам направление полета.

— Я более высокого мнения о их возможностях и упорстве, — возразила Ольга. — Но у нас нет другого выхода, как круто отвернуть в сторону.

Пока Леонид с Осимой отдавали команды, Ольга продолжала разговор со мной:

— Боюсь, мы попали в затруднительное положение, Эли. Что зловреды глубже нас проникли в природу тяготения, я знала. Но что они меняют метрику мирового пространства — для меня неожиданность. Мы пока и мечтать не можем о чем-либо подобном.

— Ну, не мирового, а пока лишь своего межзвездного, — возразил я. — В их красочном скоплении так много вещества и так мало пространства, что не составит большого труда устроить любую кривизну в любом месте.

Я и сам понимал, что объяснение мое легкомысленно. Ольга хмуро качала головой.

Маневр Леонида удался. Искусственная кривизна была взорвана аннигиляторами звездолета. Разинувшая на нас пасть звездная кучка — я назвал ее Недоброй — покатилась вправо. Анализаторы показывали, что пространство на новой трассе мало отличается от эвклидова.

Леонид ликовал. Наш корабль недаром назван Звездным Плугом! Он мощными бороздами вспарывает космос, все конструкции и структуры пространства, называемые метрикою, трещат, когда он движется напролом.

Ольга рассердилась на него:

— Я не уверена, что криволинейность уничтожена нами!

— Ты споришь против очевидности, Ольга!

— Нисколько. Возмущения метрики пространства производятся, очевидно, сверхгигантскими механизмами. Предположи, что механизмы остановлены, когда мы изменили курс.

— Но почему? Ты способна объяснить — почему?

— Во всяком случае, догадываюсь. Мы свернули как раз туда, куда нас завлекают, и теперь достаточно прямолинейной дорожки, чтоб попасть в западню.

Даже Леонида проняло. Замолчав, он мрачно уставился вперед. Впереди было пылающее крупными светилами черное небо. Такое же небо было и слева, где осталась Угрожающая, и справа, откуда мы бежали, чтоб не угодить в созвездие Недоброе.

— Идите отдыхать, — сказала Ольга Леониду и мне. — Пройдет немало часов, пока выяснится, что нас ждет на новом пути.

Мы пошли в столовую. Леонид набрал холодное молоко и бутерброды с яйцами, я выстукал салат и орандж. Мы ели молча, погруженные в невеселые мысли. За наш столик уселись два механика из отделения аннигиляторов. Леонид сказал:

— Эти чертовы зловреды хитрее, чем я о них думал.

— Они быстро заставят нас израсходовать запасы активного

вещества, — заметил один из механиков, молодой, с веселыми глазами, из тех, кто в любом происшествии ищет прежде всего хорошее. — Мы слишком часто меняли сегодня режим хода.

— Вы принимали решение со мною, — зло сказал Леонид. Он так сверкнул глазами, что я встревожился, не начнется ли ссора.

— Мы соглашались с вами, вы — командир. Не думайте, что я протестую. Я размышляю о будущем.

Второй механик, худой, угрюмый, с большим носом и тонкими губами, в разговор не вступал, но было ясно, что он поддерживает товарища. Леонид ушел, к себе. Сомневаюсь, чтоб ему хорошо отдыхалось.

Я бродил по кораблю. Приемники по-прежнему записывали без расшифровки сумбур возмущений. В обсервационном зале было полно свободных от дежурств астронавтов. Меня окликнули. Я был допущен в командирский зал и нес свою долю ответственности за то, что совершалось там.

— Ребята, ситуация вам ясна, — отвечал я на посыпавшиеся вопросы. — Нас крутит меж этих чертовых звезд.

МУМ потребовала нового решения. Скопление Хи складывало свои тысячи звезд из тесных кучек в десяток-другой светил. Нас снова сносило в одну из кучек. Анализаторы фиксировали исчезновение пространства на трассе и значительное искривление его. Ольга просила санкции на перемену курса.

Сидевшие в зале молчали. МУМ, суммировавшая наши настроения и мысли, доложила, что экипаж поддерживает командира.

Третье изменение курса воздействовало на всех сильнее, чем первые два. Даже оптимисты стали понимать, что происходит неладное.

Я ушел в парк и уселся на скамью. В парке шла весна, нарядная, как на Земле. Семь времен года расцвели и отшумели с того дня, как я опустился на ракетодром этого корабля, — всего семь времен, неполных два года, а мне представлялось, будто столетие прошло во мне, — так все переменилось. Надо мной цвела, капая клейковиной с листьев, высокая березка — на земле очерчивался влажный круг. В кривой, низенькой яблоне, в белых вишнях и абрикосах мерно, как заведенные, гудели пчелы. Закрыв глаза, можно было спутать деревья с запущенным аннигилятором, тот гудит тем же ровным бормочущим гудом. Мне стало душно от неподвижного запаха цветущих деревьев, от сирени, обступившей пруд, от терпкого аромата каплющей березки, я мысленно попросил ветерка, ветерок пронесся, шумя ветвями и травой, все вблизи тонко запело, закачалось, жарко задышало, ароматная духота унеслась, и я открыл глаза на маленький мирок сада, так

совершенно имитирующий далекую Землю.

И тогда я почувствовал, что сам стал горек, как березка, я ощутил свой собственный аромат и вкус, словно прикоснулся к себе жаждущими губами, но был сух и бесплоден, меня не обсыпали пчелы, лишь мысли мерно гудели во мне, как большие аннигиляторы Танева во чреве галактического корабля…

— Какая чепуха! — сказал я, тряхнув головой, чтоб сорвать опутавшую меня паутину расслабленности. — Какая чепуха!..

Я пошел к себе. Надо было по-настоящему отдохнуть, не раскисая. Весна сейчас не для нас. Я предпочел бы суровую зиму наших предков — темные холода, пронзительно острые ветры. Свирепые погодки ближе отвечают создавшейся обстановке.

Дома я засел за журналы Аллана. Было странно читать о трудностях и страхах космонавтов двадцать первого века. Они мчались в великом безмолвии космоса, чувствуя себя безмерно одинокими, если в миллиарде километров им не мерцала приветливая планета со звездолетной станцией. Да и этот жалкий миллиард километров — каким он воображался неисчислимым! Нет, нынешние трудности — не чета прежним. И мы ужасаемся не пустоте и безмолвию, а скорее противоположному: космос густо населен опасными существами, — так нам теперь представляется. Потом мне стало стыдно своих мыслей. У каждой эпохи свои задачи, свои подвиги.

Я задремал над журналами, и меня разбудил вызов. Леонид требовал меня в командирский зал. Он был сер и возбужден. За несколько дней, что мы провели в Персее, он похудел, как в старину худели лишь от болезней. Голос его дрожал от ярости. Он ткнул пальцем в звездную сферу:

— Нас вторично несет на Угрожающую! Мы замкнули круг в этом чертовом скоплении!

22

Слова его я воспринял сразу, но значение их оценить быстро не сумел. В то мгновение я лишь отчетливо понимал, что Леонид вне себя и в таком неистовстве командовать кораблем не должен.

— Подумаем, а потом будем решать, — посоветовал я.

И, водя биноклем по сфере, нарочно не торопился, чтоб дать ему время успокоиться. В оптике развертывалась картина, похожая на ту, что мы видели, когда впервые пролетали мимо Угрожающей. Как и тогда, мы отстояли от жгуче пылающей звезды в месяцах светового пути. В сверхсветовой области пространство было прозрачно. Если зловреды и готовили нападение на нас, то они не спешили.

— Нужно поворачивать, — сказал Леонид. — Куда поворачивать? Что это даст? Сколько будут продолжаться наши блуждания среди звезд?

Он рассказал, что в дежурство Ольги с Осимой опять началось искривление пространства, каждый час метрика становилась другой. В результате курс насильственно искажен, и вместо того, чтоб оставить Угрожающую далеко вправо, корабль устремился ей в лоб.

— До нее еще далеко, — заметил я. — Есть срок подумать. На всякий случай надо приготовиться к отражению гравитационных ударов.

Леонид остановил аннигиляторы хода. Теперь мы летели лишь потому, что кто-то впереди уничтожал пространство. Суток через трое, если ничто не изменится, мы, не тратя ни грамма энергии, прямехонько влетим в планетную систему Угрожающей.

— Если я дам обратный ход, их аннигиляторы не удержат нас, — сказал Леонид.

— Нас и не будут удерживать. При обратном ходе мы возвращаемся в центр скопления, зачем же нас удерживать? И еще одно ты забываешь, Леонид. Аннигиляторы у них, пожалуй, слабее наших, зато они легко меняют метрику и наносят неотразимые гравитационные удары. Если все их умения соединятся в один выпад, нам не поздоровится!

В зале появились Ольга с Осимой. Время было слишком тревожное, чтоб соблюдать чередование дежурств. Ольга и раньше не сомневалась, что нас вынесет на Угрожающую.

— Их план ясен. Они будут мотать нас меж звезд, пока не истощатся запасы, питающие аннигиляторы. А тогда подтянуть нас под удар какой-либо планетной системы будет просто.

— Если зловреды не торопятся, то и нам нечего пороть горячку, — сказал я. — Мы примчались в Персей, чтоб узнать о них побольше, пока же только удираем то от одной, то от другой звезды. Давайте продолжим курс на Угрожающую и рассмотрим, что это за штука.

— Резон тут есть. Но и опасности есть. Попробуем все же.

Всю эту ночь и половину следующего дня звездолет с отключенными аннигиляторами несся на зловещую звезду.

«В оптике крайней планеты крейсеры противника», — передала в полдень МУМ.

Я рассматривал в умножителе металлические планеты.

Две внутренние были свинцовые, третья, наружная, блистала оболочкой из золота. Поле тяготения вокруг Золотой планеты в тысячи раз превосходило то, какое было бы, если бы она состояла вся из золота: ядро планеты, видимо, было из сверхплотной

плазмы. Гравитационные поля других планет были обычны.

Корабли противника кружили над Золотой планетой, словно ее спутники. Это были точно такие же чудовища, как и те, что атаковали нас в Плеядах. Я пересчитал их — крейсеров было десять.

— Интересно, где они сейчас? — сказала Ольга. — Ведь мы от них неделях в трех светового пути. Мы видим картину прошлого.

— В сверхсветовом пространстве их нет, об этом свидетельствуют приборы. Успокойся, Ольга, нас пока никто не атакует.

Еще внимательней, чем Золотую планету, я рассматривал две внутренних. Они были мне знакомы. Картины этих планет Андре расшифровал в предсмертных видениях головоглаза. Унылая металлическая равнина, металлические горы, металлические сооружения, похожие на здания… Где-то там, на мертвых свинцовых полях, в глубинах свинцовых недр, томятся пленники, может, и Андре среди них…

— Автоматы зафиксировали все, что можно разглядеть. Пора поворачивать, — сказал Леонид.

Он пустил аннигиляторы на обратный ход. Некоторое время мы висели неподвижно, борясь с всасывающим действием Золотой планеты — именно от нее исходили силы, уничтожающие пространство, две свинцовые на этот процесс не влияли, — потом вырвались из пропасти, куда нас втягивали. Леонид все усиливал ход.

Спустя короткое время мы мчались на тысяче световых единиц. Ольга сделала замечание Леониду. Среди густо сбившихся звезд такие скорости небезопасны. Леонид огрызнулся:

— До любой из звезд — месяцы светового пути. Надо уйти подальше от этих металлических планет. И вообще из этого скопления!

— Еще недавно ты рвался сюда, — напомнила Ольга. — Наконец-то ты понял, что мы не подготовлены для путешествия в этом опасном скоплении. А ты, Эли?

Я думал о том, что надежда легко найти Андре в звездном гнездовии наших врагов была наивна. Он, конечно, жив, его похитили не для того, чтоб уничтожить, но он мог быть на любой из тысяч планет, — как узнать, на какой? Не то что сразиться со всеми планетами, просто облететь их на одном звездолете невозможно.

— Я за возвращение, — сказал я.

— Запросим мнение экипажа и подумаем: каким путем вырываться? — сказала Ольга. — По-моему, наилучший район — Угрожающая, за ней пустой космос, откуда мы прибыли.

Пока МУМ опрашивала экипаж, мы удалились от металлических планет. Впереди открылась очередная кучка звезд, где нас, по-видимому, ожидали: звездолет сносило в их сторону. Леонид повернул корабль обратно на Угрожающую. Он повеселел. Как и всегда в часы больших испытаний, его охватило боевое вдохновение.

— Мы так промчимся мимо этого зловредного светила, — сказал он, — что никто из них и не моргнет глазоголовками. Я собираюсь побить собственные рекорды скорости.

Он начал разгон издалека. Один за другим оживали аннигиляторы хода. Еще никогда «Пожиратель пространства» так мощно не пожирал его. За нами вился широкий шлейф газово-пылевой туманности. Параллаксометры показали скорость в три тысячи световых, потом четыре и пять, — воистину, мы били собственные рекорды.

Угрожающая, вырастая, сверкала слева. Мы прорывались мимо нее не рейсовым ходом, а пронзительным ударом в шесть тысяч световых единиц. У меня пересохло во рту, громко билось сердце. Даже хладнокровный Осима непроизвольно вскрикивал. Лишь Ольга, молчаливая, глядела все вперед, на летевшую к нам сбоку Угрожающую.

Мы побеждали, это было ясно! Угол на Угрожающую увеличивался, она уже не неслась навстречу, а отходила в сторону. Я готов был закричать «ура», но в этот момент МУМ передала о бурно нарастающей кривизне. С каждой минутой кривизна увеличивалась. Звездолет по-прежнему уничтожал миллионы кубических километров пустоты, сжигая ее в золу космического газа и пыли. Но — все это совершалось внутри непонятной нам, далекой от эвклидовой метрики. Мы не вырывались наружу, а круто поворачивали по продиктованной нам кривой.

Угрожающая все отходила назад, теперь она была перпендикулярна оси полета. Зато во вращение пришли другие светила, звездная сфера поворачивалась. Точка, куда мы устремились, вырываясь наружу, была уже не впереди, а позади. Мы описали около Угрожающей гигантскую полуокружность и ворвались обратно в центр скопления.

Леонид в ярости ударил кулаком по креслу. Лицо его дико перекосилось.

— Они сильнее! — рычал он. — Они сильнее нас!

Ольга схватила его за плечо. До этого случая я не подозревал, что она способна сердиться.

— Стыд! Немедленно прекрати истерику! Они не сильнее нас, но мы безрассудны!

Ее окрик подействовал отрезвляюще не на одного Леонида. Почти у всех у нас сдали нервы. Еще никогда мы так не форсировали мощности, а нас даже не отшвырнуло — просто повернуло.

— Я требую спокойствия! — властно сказала Ольга. МУМ донесла ее настояние до экипажа. — Положение осложнилось, но не безнадежно. То, что не удалось около Угрожающей, может удаться в другом районе. И у нас еще есть последняя возможность — прорываться с боем!

Звездолет, завернув вокруг Угрожающей, вторично несся в созвездие Недоброе, откуда мы поспешно удирали. Ольга повернула звездолет вправо от него. Между созвездием Недобрым и развернувшей нас обратно Угрожающей густо пылали рассеянные звезды — такой представилась нам картина этого участка сферы.

Вскоре обнаружилось, что нас вовлекали не все звезды. От некоторых вырывался гигантский конус аннигилируемого пространства, засасывающего звездолет. Мы поспешно уходили от этих активных светил. Недоверие к ним превратилось в боязнь, когда на одном мы обнаружили систему таких же металлических планет, как вокруг Угрожающей, а на планетах — крейсера зловредов. Нас подтягивали поближе для нанесения удара по звездолету, — сомнений не было.

Зато встречались и другие светила. От них не исторгались конусы уничтожаемого пространства, они не стремились засосать нас к себе. У этих светил тоже встречались планетные системы, но планеты походили на наши солнечные, а не на металлические шары зловредов. Мне показалось, что на одной из них я вижу города.

— Надо прорываться в районе неактивной звезды, — решила Ольга. — Нам попытаются помешать, и придется действовать похитрее.

Новый план прорыва был таков: сперва прощупывание преград на небольших скоростях, потом бросок той же силы, что и мимо Угрожающей. Вокруг неактивных звезд искривить пространство труднее, чем в районах, населенных зловредами, рассуждала Ольга, мы прорвем их заслоны там, где они послабее.

Враги не хуже нас соображали, чего мы хотим. Они поймали нас в звездную мышеловку и не собирались выпускать. Они меняли кривизну межзвездных просторов с непостижимой легкостью и энергией. Нас даже не подпустили к неактивным звездам, к ним не было прохода в пространстве. Мы нацеливались

на них, но пролетали мимо.

А когда нас выворачивало в сторону, впереди опять появлялась зловещая активная звезда и мы различали вокруг нее металлические планеты и флотилии космических крейсеров.

Ольга проанализировала тактику зловредов:

— К неактивным звездам они закрывают дорогу весьма решительно, — очевидно, здесь существует реальная возможность выхода наружу. Но к активным светилам присасывают, в общем, без особой энергии. Очевидно, они поджидают, когда мы выдохнемся. Нам надо сыграть на их ожидании и повернуть их план против них.

В полусумраке командирского зала лицо Ольги казалось очень решительным. Она, единственная среди нас, ни на секунду не теряла бодрости.

— Что ты придумала, Ольга?

— Скоро увидишь, Эли.

Приемники пространственных волн продолжали ловить возмущения пространства, одну передачу удалось частично расшифровать: «Продолжайте… Не безграничны заслоны… единственный…» Эта депеша была уловлена, когда мы штурмовали кривизну в районе одной неактивной звезды. Наши звездные друзья не знали, что нам приходится экономить активное вещество.

Удалившись от кучки Недоброй, мы штурмовали серию неактивных звезд неподалеку. Атаки не усиливались, а слабели. Мне сгоряча вообразилось, что запасы активного вещества в самом деле уже на исходе, но Ольга успокоила меня:

— Пусть и у врагов создастся то же впечатление, что у тебя. Не возражаю, если они порадуются, что мы выдыхаемся.

Еще через некоторое время звездолет стал сбрасывать скорость. Если кривизну мы штурмовали на пяти-шести тысячах единиц, внутри скопления двигались на сотнях, то теперь скорость превышала световую всего в десятки раз. И тогда Ольга объявила, каков ее замысел. Зловреды искривляют пространство, когда мы пытаемся проскочить мимо активных звезд, но не препятствуют сближению с ними. Значит, надо идти на присасывающую звезду, а потом, вблизи, ударить по ее планетам боевыми аннигиляторами. Превратить планету, металл она или сверхплотная плазма, в гигантскую яму пространства и вырваться сквозь новосотворенную, пустоту наружу — другого не остается.

Я знал, что Ольга задумала что-то смелое. Я предполагал, что она собирается навязать бой космическим крейсерам зловредов. То все же было испытанное дело, Леонид с Алланом уничтожили уже четыре вражеских корабля, удастся справиться и с сорока,

если иного выхода не станет.

Но уничтожать планеты!.. У человечества имелся опыт создания планет, на одну Ору люди потратили труд двух поколений. Но ударить по шарику, раз в пять превышающему Землю по объему, в тысячи раз — по массе! По металлической планете, защищенной собственными механизмами, флотилией галактических кораблей и, быть может, коллективной поддержкой других так же мощно вооруженных космических тел!

Ольга спокойно опровергала посыпавшиеся отовсюду возражения.

Расчеты пока в нашу пользу. Запасов активного вещества хватит на поражение любой планеты, какова бы ни была ее масса, мощность одновременного удара аннигиляторов обеспечивает практически мгновенный распад объекта, нужно лишь подойти на достаточную дистанцию. Ну, а об этом позаботятся сами враги. Пусть они подтягивают нас к себе — на свою голову!

— Повторяю, других шансов вырваться у нас нет! — сказала Ольга. — Еще десяток кругов в звездном скоплении, еще два десятка ударов о заборы их кривизны — и, обессиленные, мы станем добычей разбойников.

Ольга получила затребованные полномочия на космическое сражение.

— Командование во время прорыва я беру на себя, — закончила она. — Я не хочу обижать мужчин, но для битв вы малопригодны, друзья. Вы слишком темпераментны и неустойчивы. Отдохните, нам предстоят тяжкие испытания. Пусть каждый исполнит свой долг, как говорили предки.

Мне кажется, Леонид даже обрадовался, что не он будет командовать сражением. После неудачного прорыва мимо Угрожающей он в какой-то степени потерял уверенность в себе.

24

Каждый из нас мыслью и чувством ускорял сближение с врагами. Но Ольга не увеличивала, а сбрасывала скорость.

Мы уже не неслись, мощно сматывая впереди себя пространство, но еле плелись на дне сверхсветовой области. Еще несколько торможений — и мы должны были перевалиться по ту сторону светового барьера, став видимыми для любого наблюдателя с телескопом. Мне так и думалось, что Ольга собирается вынырнуть в досветовую область, превратив корабль в обычное тело, подчиненное законам элементарной механики. Но она преследовала иные цели. Со стороны наш звездолет, вероятно, казался материальным комком отчаяния и безволия,

мечущимся почти без энергии то сюда, то туда. Но как бы мы ни метались и ни меняли направление, появившаяся в пространстве кривизна сама задавала нам траекторию на Угрожающую. В третий раз нас несло на нее.

Какие-то чудовищные механизмы деятельно работали, перетасовывая геометрию космоса, чтоб мы угодили в разверзшуюся пасть. И Ольга покорно вела звездолет по предписанному пути, даже не делая попытки рвануться вбок. Конечно, мы понимали, что она обманывает врага, но то было понимание разума, а не чувства. У меня все холодело, когда я глядел, как свирепо вырастает зловеще красная Угрожающая. Еще ни разу нас не выворачивало так прямо в лоб на нее.

Безвольный полет корабля продолжался до тех пор, пока искривление пространства не сменилось его уничтожением.

Опять из Угрожающей вынесся конус аннигилируемой пустоты, и нас стало засасывать. Звездолет, словно очнувшись, рванулся назад. Нас снова зажало в тиски неэвклидовой метрики. С каждым разом действия врагов становились увереннее, наше сопротивление слабело.

И наконец настал момент, когда мощности звездолета не хватило, чтоб вырваться из охватившего его конуса. Из тридцати генерировавшихся врагами световых единиц мы сперва погашали движением вспять двадцать четыре, потом двадцать, пятнадцать, десять… Мы боролись, обреченно боролись, перед тем как погибнуть, — так это должно было представляться со стороны… Вскоре у нас уже не было собственной скорости, нами полностью командовала чужая воля. И стало ясно, куда нас тащат. Угрожающая понемногу отклонялась от оси полета. Нас несло на Золотую планету — базу вражеских крейсеров, под удар ее гравитационных механизмов.

Если можно говорить об облегчении в эти тяжелые минуты, то я испытал облегчение. На Золотой планете, кроме зловредов с их любовью к большой гравитации, ничто живое существовать не могло. Никому из их пленников не грозило уничтожение. Борьба будет до конца честной — враг против врага.

Ольга оторвала меня от умножителя:

— Что там видно, Эли? — Руководя работой всех механизмов корабля, она сама редко бралась за бинокль.

— Все те же крейсера.

— Они не летят навстречу?

— В сверхсветовой области пространство чисто.

— Скоро сорвутся. Золотая планета уменьшает аннигиляцию. Очевидно, они считают, что можно уже не гнать нас форсированно на убой. Через несколько минут они убедятся, что

рано нас хоронят.

Эти несколько минут тянулись долго. И когда они исчерпали себя, началось то, чего мы с такой тревогой ожидали и что так торопили мыслью. Ольга запустила ходовые аннигиляторы, и Звездный Плуг ринулся по прямой на Золотую планету.

Рекорды нарастания скорости, поставленные Леонидом около Угрожающей, были сметены. Предварительный расчет и близко не подходил к тому, что с таким хладнокровием, так решительно проделывала Ольга. Я не знаю, сколько прошло минут, велся ли вообще счет на минуты, может, это были лишь замедлившиеся в сознании секунды, но корабль перелетел за шесть тысяч световых единиц, а скорость все увеличивалась, — мы атаковали, в семь тысяч раз обгоняя свет!

И тут мы увидели, что зловреды поняли свою ошибку.

В сверхсветовой области появилось десять рванувшихся навстречу точек. Я видел две разные картины. Вокруг Золотой планеты хищно кружили десять боевых крейсеров врага, — так показывали бинокли умножителя в обыкновенной оптике, но реально было уже не так. Оптика с ее медленным светом давала картину давно прошедшую.

В действительности все они, эти десять крейсеров, как спущенные с цепи псы, яростно пожирали простор — мы четко локировали их волнами пространства. И я не мог не удивиться мужеству наших врагов. Нет, я не перестал их ненавидеть! В зловредах сконцентрировано общественное зло, открытое нами в космосе. К злу нельзя относиться по-доброму, с ним нельзя примириться, его немыслимо уважать. Презрение, ненависть, истребление — вот единственное, чего оно заслуживает.

Но зловреды были храбры, это надо признать. Они могли бы разлететься от обреченной планеты. На спасение собственных жизней тем, кто сидел в крейсерах, хватило бы и времени и скорости. Вместо этого они бросились на верную собственную гибель, чтоб попытаться уберечь от уничтожения остававшихся на планете. И, вспоминая все, что тогда произошло, я не перестаю удивляться, почему их отчаянно смелый план не удался. Во всяком случае они были близки к его осуществлению, так угрожающе близки, что, может, лишь тысячных долей секунды им не хватило для успеха.

Мной овладело смятение, когда я увидел эти несущиеся навстречу смертоносные точки.

— Ольга, атакуй! — крикнул я.

— Рано! — ответила она. — Рано, Эли!

— Атакуй! — молил я, охваченный страхом. — Пойми, они обгоняют собственные гравитационные удары! Каждая секунда

промедления — это новые волны перегрузок, что обрушатся потом!

— Гравитаторы смягчат их! — сказала она непреклонно. — Я не могу слишком рано атаковать, чтоб не упустить планету с оси. Планета, не корабли, закрывает выход на волю, не забывай этого!

Наша скорость складывалась со скоростью крейсеров, точки, появившиеся в сверхсветовой области, стремительно росли, превратились в тела. И тут не выдержали нервы у Леонида.

— Больше нельзя, Ольга! — закричал он хрипло. — Ты погубишь звездолет, Ольга!

— Еще не время! — ответила она.

Он схватил Ольгу за руку. Он был вне себя.

— Я командир, как и ты! Слышишь, Ольга, я не позволю!

Она вырвала руку. Голос ее был резок:

— Приказываю всем: спокойствие! Не сметь отвлекать меня!

И опять некоторое время была мутная тишина, звенящая тяжко бьющейся в жилах кровью. Галактические крейсеры противника приобрели контуры. Они были в часах светового пути, в секундах нашего исступленного космического бега.

И в этот момент Ольга включила боевые аннигиляторы. Тела на экранах волн пространства мгновенно расплылись в туманности, завихрились, слились в одно мерцающее пятно. И, пронесясь сквозь то, во что они превратились, мы увидели в оптике десять ярко вспыхнувших и тут же погасших звезд. Флотилия врага больше не существовала, от нее ничего не осталось, кроме воспоминания. Я забыл в тот миг о выпущенных крейсерами гравитационных залпах, зловреды далеко обогнали собственные удары, стремясь на сближение с нами.

Теперь мы видели лишь медленно выраставшую в оптике обреченную Золотую планету, отчаянно генерирующую, как показали потом приборы, защитные гравитационные поля.

А затем мы ворвались в полосу гравитационного залпа погибших крейсеров, и оказалось, что наши гравитаторы не способны его отразить. Меня сжало, дыхание вырвалось стоном, около меня застонал Осима, Леонид чертыхнулся. Эта первая волна была самой слабой, крейсера выпускали ее перед уничтожением, и, очевидно, мощности их орудий тогда иссякали. Не сомневаюсь, что и сами они знали об ослаблении своих ударов и дальнейшее сближение преследовало лишь одну цель — столкновение лоб в лоб, взаимное уничтожение.

Зато вторая полоса перегрузок была так мощна, что у меня не хватило дыхания на стон. Я был раздавлен, пронзительная боль разрывала клетки тела. Рядом со мной хрипел опрокинувшийся Леонид, он потерял сознание, может, был уже мертв. Лишь Ольга,

вцепившаяся руками в поручни кресла, сумела удержать себя от потери сил. Она знала, что должна быть в ясном сознании, и сохранила ясное сознание.

— Ольга! — прохрипел я, силясь приподняться. — Ольга, третьего удара!..

— Держись, Эли! — крикнула она, задыхаясь. — Держитесь, друзья! Сейчас мы их уничтожим!

Третья волна перегрузок обрушилась на нас в момент, когда я увидел распад проклятой планеты зловредов.

Огромный диск вспыхнул в сверхсветовой области и тут же разлетелся в клочья, превратившиеся потом в туман. А в оптике мы увидели гигантский взрыв, столб пламени, вырвавшийся из недр планеты. Ольга точно рассчитала, беспощадно нанесла удар. Все было кончено в доли секунды. Ужасной планеты, преградившей своими чудовищными гравитационными механизмами выход из звездного скопления, больше не существовало. Взамен ее зияла новая яма в пустоте, провал в космическом пространстве.

И последним, что я видел, теряя сознание от третьей гравитационной волны, налетевшей слишком поздно, чтобы спасти зловредов, были видение унесенной далеко в сторону, превратившейся снова в красноватую точку, никому теперь не грозной Угрожающей, и чистое небо, сияющее далекими звездами, чистое небо, великолепный Млечный Путь — гигантский простор мироздания!

Мы вырвались из звездной тюрьмы, едва не ставшей нашей могилой, на волю, в космос.

Часть третья
ЗЕМЛЯ

…Теперь мой час:
Земля передо мной почти нагой
Почти уснув, темна и горяча,
Лежит. Она моя. Моя до боли!
Прекрасен мир! Как счастлив я, что мог
Все видеть в нем, все знать в нем в полной воле.
Как будто я не человек, а бог!

А. Танев

1

— Эли! — звал меня голос. — Эли! Эли!

Я хотел откликнуться, хотел сказать, что жив, все слышу. «Я, кажется, ослеп, но в остальном все хорошо! — хотел крикнуть я этому голосу. — Я сейчас встану, не зовите так отчаянно, мне тяжело! — думал я. — Оставьте меня в покое!» — молил я молча.

Мне казалось тогда, что мысль моя четка. Сейчас, просматривая записи излучений мозга, я вижу, что разум мой еле мерцал, его озаряло лишь чадное тление бесформенного бреда. Я десять раз умирал, и десять раз меня возвращали к жизни, пока я сам — сперва неуверенно, потом все настойчивее — не стал цепляться за нее.

— Эли! — взывал ко мне голос. — Эли! Эли!

Он не оставлял меня. В темном внешнем мире ничего не было, кроме голоса, он и был всем этим миром. Тесный, кричащий, беспокойный мир. И я наконец откликнулся на его призыв. Я открыл глаза.

Около кровати сидели Ольга и Осима. Они всматривались в меня.

— Он приходит в себя! — сказала Ольга шепотом.

Я снова закрыл глаза. Я измучился, поднимая броневые плиты век. Мне надо было отдохнуть от затраченного усилия. Но во мне надрывался все тот же голос: «Эли! Эли!». Я застонал.

— Перестань! — прошептал я, снова раскрывая глаза.

Ольга молча плакала, Осима тоже утирал слезы. Внешний мир внезапно расширился и замолк.

— Друзья! — сказал я и попытался подняться.

— Лежи! — сказала Ольга. — Тебе нельзя двигаться, Эли.

Но меня охватил страх. Я вспомнил кроваво-красную Угрожающую. Мне надо было убедиться, что мы удаляемся от страшного скопления Хи в Персее…

— Лежи! — говорила Ольга, гладя мои руки. — Ты ничего не увидишь. Мы далеко от того места.

— Где мы? — спросил я. — Сколько времени прошло от битвы?

Я успел услышать, что до звездных скоплений в Персее три тысячи светолет, и опять впал в беспамятство.

Так началось мое выздоровление.

2

Я учился быть живым: раскрывать глаза, слушать, отвечать, принимать пищу. Потом к этому добавилось постижение ходьбы. Это была нелегкая наука. Много месяцев прошло, пока я стал похожим на остальных.

Случилось так, что мне досталось больше всех. Третья гравитационная волна была мощна, однако у других не перемешало ткани и не раздробило кости. Человек восемь потеряли сознание, среди них Леонид, — они пришли в себя, когда звездолет вырвался на простор.

— Я тоже лишилась чувств, — сказала Ольга. — Это случилось, когда я увидела, в каком ты… Я вспомнила, как ты молил расправиться с крейсерами поскорее…

Мы были в парке. Я сидел в коляске-авиетке, Ольга стояла рядом. В парке распускалась сирень, наступала третья походная весна, пахло землей. Ольга исхудала, была бледна и кротка. В дни выздоровления я узнал, что она способна часто плакать. Это меня трогало, но не было приятно. Мне хотелось бы видеть не вздрагивающую от страшных воспоминаний, а прежнюю рассудительную, невозмутимо ровную Ольгу, а еще лучше ту, какой она раскрылась в Персее, — мужественную, пронзительно-проницательную…

Я пошутил:

— Во всяком случае, и мы поступили со зловредами весьма зловредно. Думаю, все в этом мерзком скоплении трепещут, что мы можем возвратиться.

— Почему ты называешь его мерзким? Разве ты не говорил, что оно красиво? И не все его жители со страхом помышляют о нашем возвращении. У нас там есть друзья.

— Ты о галактах?

— О них, Эли. Помнишь неактивные звезды, от которых нас так энергично отбрасывали зловреды?

— Значит, галакты населяют эти звезды? Это точно?

— Ты в этом убедишься сам, когда познакомишься с обработанной МУМ информацией. И дружеских звезд в скоплениях Персея больше, чем населенных зловредами. Другое дело межзвездный простор — им, по-видимому, безраздельно владеют они. К сожалению, наши приемники маломощны и на отдалении связь на волнах пространства прервалась.

Я напомнил о сражении с Золотой планетой:

— Наши враги так до конца и не знали, на что мы способны. Иначе они побоялись бы сближения со звездолетом.

Она раздумывала, потом осторожно проговорила:

— Почему ты вспоминаешь об этом?

— Так — вспомнилось…

— Ты думаешь, Андре еще жив? Мы ничего о нем не узнали и не смогли ему помочь… Ты ведь и сам в Персее высказался за возвращение…

— Тогда не могли помочь, поэтому и проголосовал за возвращение.

— По-твоему, с тех пор положение изменилось?

Я сделал вид, что устал от разговора. Мне не хотелось раскрывать, что тревожило меня. Пока мы не прибудем на Землю, ничто не будет известно достоверно.

3

В один из дней, когда я кое-как ковылял по аллее парка, Леонид сказал, что хочет со мной поговорить. Я догадался, о чем он собирается говорить.

— Хочешь здесь? Или пойдем ко мне?

— Лучше у тебя, чтоб никто не помешал.

В комнате на стене висел график возвращения: светящаяся линия — наш путь до Земли, и ползущая по ней красная точка — звездолет. Красная точка приближалась к концу светящейся линии, одиннадцать месяцев отделяло нас от звездных скоплений Персея, почти пять тысяч светолет. Две трети пройденного пути я лежал без сознания.

— Через месяц — Ора, через три — Земля, — сказал я, указывая на график.

— Да, Ора через месяц, а Земля через три, — отозвался он. — Для меня это не имеет значения.

— Почему такая мировая скорбь?

— Ты понимаешь в чем дело, Эли.

— Да, конечно. Причина — в Ольге. Что же ты мне хочешь сказать об Ольге?

У Леонида посерело лицо. Он не принимал моего холодного тона. Но он твердо решил сохранять спокойствие.

— Ты знаешь, как она относится к тебе. Когда ты болел, она забрасывала корабль, дни и ночи сидела у твоей кровати…

— Ну и что же? — сказал я. — Какой ты делаешь вывод?

Он бешено впился в меня черными зрачками:

— Почему ты не женишься на ней? Почему, Эли?

— Странно слышать от тебя такие советы, Леонид.

— Нет! — крикнул он. — Ничего нет странного, слышишь, Эли! Если ты бесчувственный… Нельзя над ней так издеваться! Почему ты молчишь? Нет, почему ты молчишь?

Я раздумывал что ответить ему. Ни он, ни Ольга не поняли бы того, что совершалось во мне. Они нормальны. А я иной. То, чем я теперь жил, не допускало рядом с собою никакой другой страсти. Я не мог разрешить себе отвлечься даже на маленькую любовь — а Ольга заслуживала любви большой, спокойным разумом я это понимал.

Объяснять это Леониду было напрасно. Я сказал:

— Я молчу, потому что ожидал не вопросов, а просьбы от тебя, такой просьбы, после которой мне оставалось бы пожать тебе руку и сказать: ты прав, мне нечего возражать.

— Вот как, ты ожидал просьбы, вместо вопросов? Тогда ответь: чего ты ожидал?

— Я ожидал, ты скажешь: Эли, Ольга не замечает, что ты равнодушен к ней, вообще ничего плохого в тебе не замечает, ей кажется, что в тебе сконцентрированы все человеческие достоинства, разумная и проницательная во всем остальном, в этом одном, в понимании тебя, она глубоко ошибается. Но мы с тобой, Эли, знаем, — так, я думал, ты мне скажешь, — что ты, Эли, человек черствый и недостоин ее, счастья с тобой ей не откроется, вряд ли ты вообще можешь создать чье-либо счастье. А вот я, Леонид, не знаю иной радости, как быть всегда с ней — помогать ей, принимать ее помощь… И это также и ее счастье, не одно мое, ибо лишь со мной она осуществит лучшее в себе…

У Леонида так пылали глаза, что мне стало трудно смотреть на него.

— Ты не черствый, Эли, — это, пожалуй, напрасно… Ну, хорошо, допустим, я сказал бы тебе это своими словами… Что бы ты мне ответил?

Я подвел его к стене, где красная точка медленно — тысячекратно превышая световую скорость — ползла по прозрачно светящейся линии.

— Через месяц мы прибудем на Ору и там простимся. Ты останешься с Ольгой, я уйду. Вы будете бороздить космические просторы, а мне надо на Землю. Ты даже не подозреваешь, как мне надо на Землю!

Он обнял меня и вышел, не сказав больше ни слова.

4

Когда в оптике появилась Ора, шел третий год нашей межзвездной одиссеи. Мы шли в сверхсветовой области, и на Оре нас не видели. Зато мы отлично видели в оптике планету. Правда, это была картина прошлого, она непрерывно менялась — прошлое приближалось к настоящему. Если вдуматься, это было странно: обычно настоящее отодвигается и становится прошлым. Здесь все шло наоборот: прошлое становилось настоящим. На пространственных волнах локаторы показывали нам также, как Ора выглядит сейчас. Разницы не было.

Не долетев до Оры световых суток, «Пожиратель пространства» вынырнул из сверхсветовой области и — уже обычным материальным телом — продолжал движение в ненарушенном пространстве. Лишь после этого нас обнаружили.

Навстречу помчался один из звездолетов. Мы вскоре увидели, что это «Кормчий». На нем по-прежнему командовал Аллан. Он издалека засыпал нас приветственными депешами, спрашивая, что было в походе, отыскали ли мы следы Андре? Об Андре мы ответили сразу, а рассказывать остальное до встречи отказались. Он пригрозил, что уйдет в сверхсветовую невидимость, чтоб скорее добраться. При общем смехе Ольга радировала: «Уходи! Все равно будем видеть твое суденышко».

Когда звездолеты вышли на параллельный курс, Аллан, передав командование помощнику, перебрался к нам. На радостях он перестарался. Даже Леонид охал, выбравшись из его объятий. Для меня одного Аллан сделал исключение, как для больного. Зато Аллан расцеловал меня громкими, как выстрел, поцелуями.

— Бродяги небесные! — орал он минутой позже. — Куда же вы запропастились на два с лишком годика? Рассказывайте, рассказывайте: где? что? как?

Мы повели его в клуб. Там собрался весь экипаж. Нас тревожило: как на Земле? Чем кончился спор Веры и Ромеро?

Аллан уселся в кресло и оглядел нас сияющими глазами. Он радовался даже нашей тревоге за земные дела. Он не мог понять глубины томивших нас опасений.

— Какой спор? Чепуха, давно все успокоились. Правда, кое-

что было — митинговали, как добрые наши предки. Ромеро гремел во все уши, сиял во все видеостолбы. Он отстаивал социальные основы с такой страстью, что наворачивалась слеза. Он кричал о предках, о потомках, о нас, о зловредах, о звездожителях, о Большой, о Малых Справочных и Академических. Кстати, Большая тоже высказалась за него. И вот настал день опроса, хоть и без того каждому было ясно, чем все кончится.

Он захохотал, ликуя. В зале каменела тишина, мы боялись смотреть друг на друга. Аллан так и не понял, почему мы не прерываем его.

— Человечество сошло с ума! — кричал Аллан с воодушевлением! — Это было массовое безумие, говорю вам. Ромеро не поддержали и три десятых процента, девяносто девять и семь десятых с громом опрокинули его. Большая объявила о собственном провале и потребовала уточнения заложенных в нее принципов. Вера назвала это дальнейшим развитием нашего социального строя.

Мы кинулись к Аллану и в восторге взметнули его под потолок. Лишь мы, прошедшие тенета Персея и огонь сражений у Угрожающей, могли до конца, всем сердцем, не одним разумом, понять, как правильно поступило человечество.

Когда волнение улеглось, я съехидничал:

— Ты, конечно, оказался среди тех, кто сохранил разум до конца? Не сомневаюсь, что ты голосовал за Ромеро!

— Я? — удивился Аллан. — Ты спятил, Эли! Это ж меня обвинил Ромеро, что я поддался безумию. Я не такой оратор, как он, но, когда выступал я, Ромеро выключали, так это было! Камагин с Громаном, а также наш Труб добавили жару в общий огонь. Гибель космонавтов и разрушение планет в Плеядах доводили народ до ярости. А Труб летал над толпой и дико ревел архангельским голосом.

— Как на Земле космонавты и ангел? — поинтересовалась Ольга.

— Великолепно! Труб как в раю, только малыши его пугаются, у него шумный полет — это единственное, что его огорчает. Подростки устраивают с ним перегонки на авиетках, ну, он, конечно, отстает. А космонавты переучиваются на штурманов звездолетов и отбиваются от невест, столько в них влюбилось девушек — страх! Чудесные пареньки, моложе любого из нас, а ведь по четыреста с хвостиком лет, — по-моему, это и привлекает девушек.

Я спросил, какие важные дела начаты на Земле. На это Аллан ответил целой речью. Энтузиазм, охвативший Землю,

преобразован в практическое действие. Созданы две организации, одна — «Звездолетстрой» — устроила базу на Плутоне, как и было в свое время решено. Вторую же — «Планетострой» — вряд ли можно именовать организацией, ибо половина всего человечества трудится в ней. На зеленой Земле остались лишь старики, дети да труженики земных заводов. Неразберихи и шума пока столько, что у наблюдателя со стороны встали бы волосы дыбом, да наблюдателей нет, все участники, и каждый, в меру способностей, вносит свой вклад в общую толчею.

Начать с того, что еще нет плана — чем заниматься «Планетострою»? Одно направление, казалось бы, естественнейшее, его уже осуществляют — возведение новых планет вокруг одиноких светил, соседи Солнца. Строительство идет под лозунгами: «Покончим с пустыми звездами!», «Добьемся наивысшей планетности для звезд нашего района Галактики!», «На любой звезде — планеты для любых условий жизни!», «Нежизнеспособная планета — враг, найди ее и переоборудуй!» — и прочее в том же роде. Плакаты с такими изречениями наполняют все населенные планеты, от них нет мочи отбиться.

До Альдебарана в одну сторону и за Южный Крест в другую не найти звезды, чтоб на ней не кипела работа. Но в последнее время слышатся голоса, что направление выбрано неудачно: наметили, мол, дорожку полегче, но малоэффективную. Потихоньку пробивается новая мысль — не приспосабливаться к природе, а приспосабливать ее к себе. Не возводить роями планеты вокруг готовых звезд, а выстроить особую планетную область для спектра любых жизненных условий, со своими специальными светилами.

Конечно, это потруднее, но и поинтереснее. Ора — пример такой всесторонне разработанной планеты. Район строительства подобран — окрестности Сириуса и его спутника, белого карлика, компактный уголок Вселенной между Орионом и Большим Псом, примерно на тысячу кубических парсеков в объеме. И сюда, на универсально оборудованные планеты, с полной автоматизацией производства и обслуживания, потихоньку собрать всех звездожителей, кому тесно и неудобно дома.

Все это пока в грядущем, проекты планет в стадии эскизных набросков, командированные еще мотаются из созвездия в созвездие, согласовывая с будущими жильцами условия обитания: размеры шариков, температуры солнц, продолжительность дня и ночи, атмосферу и силу тяжести, жилище и питание — просто удивительно, как много встает вопросов. Но пока все это просчитывается, флотилии Звездных Плугов, тихоходы старого выпуска, уже вспарывают пространство недалеко от Ориона,

скатывая пылевые туманности для дальнейшей переработки: на планеты или на солнца.

— И хоть дело это до ерунды простое, — орал Аллан, — неразберихи внесено и туда. Удивительный мы народ, люди, ничего не делаем по-человечески, любой кибернетический аппарат даст нам ферзя форы. О том, где начать работы, толдычим месяцами, а потом загорается: «Давай! Давай!» — и штурмовщина: Звездные Плуги запущены на рейсовых скоростях, мировое пространство трещит по швам, куда ни повернешься — везде пылевые дымки, дымки, дымки! Казалось бы, границы очерчены, нет, залезаем в резервации, будто и пустоты уж не хватает. Страх, что творится на космических трассах! По дороге на Ору наш «Кормчий» чуть не влетел в область комплексного разрушения: впереди распадалась ненужная звезда, из темных карликов, а по сторонам пространство перерабатывалось в первичную строительную пыль. Куда повернуть, я вас спрашиваю? Время поэтических полетов проходит. Скоро лишь за пределами Галактики можно будет разгоняться. Если так пойдет и дальше, я плюну на межзвездные перелеты и пойду в планетостроители.

Он оглядел нас смеющимися глазами и закончил:

— Таковы наши земные дела, братцы. Выкладывайте теперь, что вы тащите с собой из Персея?

— Сейчас мы тебе покажем на стереоэкране кое-что интересное, — сказал Леонид.

Пока Леонид готовил демонстрацию, я спросил Ольгу:

— Почему ты оглядывалась на меня, когда Аллан рассказывал о Земле? Ты смотрела на меня так, словно чем-то поражена.

— Ты сегодня смеялся, — сказала она. — Ты в первый раз за два года смеялся, Эли!

— Ну и что же? Тебе это понравилось? Или испугало?

— Не знаю сама. Это было странно. Я вдруг увидела, что ты очень переменился, Эли.

5

На Оре я перебрался с одного звездолета на другой. «Пожиратель пространства» поступал в распоряжение Спыхальского, а на Землю уходил «Кормчий». Экипаж «Пожирателя пространства» немного задержится на Оре для передачи звездолета, я улетаю раньше их.

Еще до «Кормчего» на Землю унесся курьер с вестью о нашем возвращении из Персея.

За месяцы моей болезни на звездолете изготовили три

установки для генерирования и приема волн пространства, мало отличающиеся от той, первой, что так честно послужила в звездном скоплении. Мы назвали эти механизмы СВП-1, то есть станция волн пространства, модель первая. Одну СВП-1 передали Спыхальскому, вторую предназначили для Плутона, последнюю же, а также все записи и расчеты, сделанные в рейсе, я везу на Землю — для обработки на больших машинах.

Мне трудно передать восторг Спыхальского, когда он узнал, что это за установки. Нужно, как он, всю жизнь провести в полетах вслепую, а после этого неожиданно прозреть, чтоб понять его состояние. Он расплакался, обнимая нас по очереди. Мне он сказал:

— Вас отблагодарю особо — примите маленький ответный подарок! — Такой же живой, как при расставании, розовощекий, с яркими голубыми глазами, он смотрел на меня с ласковым лукавством, как смотрят иногда старики на детей. — Приятно, правда?

Подарком оказалась лента с речью Фиолы.

Я ушел в свою комнату, чтоб пережить наедине встречу с Фиолой. Прошедшее окружило меня, на миг оно показалось ближе настоящего.

Фиола, яркая и быстрая, вспыхнула и зазвучала в сумраке таинственных садов планеты, вращавшейся вокруг белой Веги. Это была Фиола на родине, не среди чудес, созданных человеком, — у себя, «Эли, мой Эли! — пела и сияла Фиола. — Я жду, ты обещал приехать, я хочу тебя видеть!» Мне стало грустно и отрадно, я не мог к ней приехать, но радовался, что она желала меня увидеть.

Потом я спрятал ленту подальше, чтоб часто не вынимать ее. Мне нужно было думать не о Веге, а о Земле. Во всей Вселенной сейчас для меня существовало лишь одно притягательное место — крохотная могущественная Земля, истинный, а не геометрический центр мироздания. Я стремился на нее и страшился ее. Я не был уверен, захочет ли она стать тем, во что я задумал ее превратить. Я записал ответное послание Фиоле и передал Спыхальскому. Он обещал доставить его Фиоле с первым курьером, что уйдет в созвездие Лиры.

— А сами не хотите сбегать на Вегу? — спросил он, усмехаясь. — Неплохая звезда.

— Нет, — ответил я. — Мне надо на Землю.

— Да, конечно. Вам следует подлечиться, а где это сделать лучше, чем на старушке Земле?

И он ничего не понимал во мне! Утром мы взяли курс на Землю.

6

Я не могу припомнить сейчас недели, проведенные на «Кормчем». Аллан из той породы звездопроходцев, что, доверяя командование автоматам, сами не отходят от них. Мы встречались с ним лишь в столовой. Я часами сидел в парке и дремал в кресле.

На Плутоне я задержался на два дня. Я не узнал Плутона.

В старом проекте мы предусматривали великолепную, не хуже земной, атмосферу, обширные леса, даже океан. Атмосферу успели создать, сады и парки разбили, но лесов и океана не было и в помине — на отведенных им местах тянулись цехи, одни автоматизированные, без людей, цехи, сотни, тысячи километров Цехов…

«Работящая планетка» — так мы называли между собою Плутон. «Гудящая планета» — так следовало бы ее назвать ныне. Она гудела по экватору и у полюсов, в недрах и в стратосфере, ее всю сотрясал гул механизмов, даже при извержениях вулканов не бывает такого непрерывного, сосредоточенного гула.

— Толково, правда? — крикнул мне Аллан. Мы в авиетках облетали планету. — Признайся по-честному, не ожидал?

— Нет, конечно. Такой размах!..

— Главная мастерская Межзвездного Союза — надо размахиваться. Хочешь взглянуть на новые звездолеты?

— Разумеется.

— Они на Южном полюсе, в складе готовой продукции. Между прочим, сырье выгружается у Северного полюса, а потом растекается по всей планете, пока не сконцентрируется снова на выходе, — на этот раз в форме готовых галактических кораблей.

На Южном полюсе мы летали над территорией, равной Европе, — это и был склад готовой продукции. На тысячи километров тянулись горные хребты звездолетов — исполинский галактический флот, заканчивающий отделочные работы перед выходом в океан мировой пустоты… Даже недавно еще единственный по размерам «Пожиратель пространства» показался бы маленьким рядом с этими гигантами.

— Надо возвращаться, — сказал Аллан через некоторое время.

— Ты возвращайся, — ответил я. — Я еще поброжу над планеткой.

— Можешь даже кувыркаться над ней, ты, кажется, любитель этого спорта. На Плутоне смонтирована своя Большая, пока на десять миллионов Охранительниц, — ты, как и все астронавты, продублирован в ней.

— Вот как! Это большое удобство — обязательно воспользуюсь.

Я долго кружил над равнинами Плутона. Еще не прошло полных трех лет, как я расстался с этими местами. Воспоминания, ожив, теснились в мозгу, но я нигде не встречал подтверждения тому, что некогда прочно запоминалось. Даже солнца светились иначе, словно им поддали жару, одно солнце сменяло другое, утреннее уступало дневному, дневное отступало перед вечерним, за ними выкатывалось ночное. Когда-то это были разные светила, каждое с особым значением, для работы и для отдыха, — теперь все они сияли одинаково, круглые сутки стоял день, планета не знала отдыха. Нет, этот грохочущий, неистовый Плутон, не знающий сна и отдыха, нравился мне больше моего прежнего, степенно работающего, степенно отдыхающего… Там была размеренная деятельность, здесь — вдохновение. Все мы мечтали о вдохновении!

Я погнал авиетку на максимальной скорости. Горные пики звездолетов откатывались назад и рушились за горизонт. Я мог бы и побеситься в воздухе, как любил на Земле, — теперь меня опекала Охранительница. Но после метаний в неэвклидовых сетях Персея я потерял вкус к проказам. К тому же я еще не оправился от ран.

Я летел по прямой и отдавался мыслям. Мне хорошо думается на искусственном ветру. Я размышлял не о Плутоне, а о Земле. Я уже не страшился встречи с Землей после того, что увидел здесь.

А перед возвращением я остановил авиетку в воздухе и, закрыв глаза, весь наполнился гулом планеты. Я слушал старинную музыку, любил перед сном отдаться индивидуальным, под настроение, мелодиям, терпеливо снес «Гармонию звездных сфер» Андре. Но ничего подобного тому, что вызывал во мне грохот этой космической мастерской, я еще не испытывал. Наконец-то я изведал настоящую гармонию звездных сфер! Она будоражила и вздыбливала, мне хотелось в ответ тяжкому, как мир, грохоту совершить самому что-либо достойное его — огромное, пронзительно-светлое…

И, удаляясь от Плутона, я долго еще слышал — мысленно, конечно, — вдохновенный гул.

7

Я обо всем размышлял, воображая встречу с Землей, только не о том, что встреча будет торжественной. Я поспешил возвратиться раньше своих товарищей и поплатился за это: если

и не весь предназначенный нам общий почет, то значительная его часть досталась мне одному.

Начиная от Марса наш звездолет сопровождала флотилия космического эскорта. Я не буду описывать сцену на космодроме, ее передавали на все планеты Солнечной системы. Три часа я кланялся, пожимал руки, улыбался и взмахивал шляпой — и очень устал. Лишь дома, в старой квартире на Зеленом проспекте, в окружении друзей, я вздохнул с облегчением.

— Такое впечатление, будто я обворовал товарищей, — пожаловался я. — Знал бы, ни за что не прилетел один.

— Они будут довольны своей встречей, — утешила меня Вера. — А тебя приветствовали не только как члена экипажа, но и особо. Должна тебя порадовать. Твой проект переоборудования Земли в главное ухо, голос и глаз Вселенной принят.

Озадаченный, я не нашел слов. Я еще ни с кем не делился своими мыслями.

— Вдалеке от Земли ты позабыл о порядках на Земле, — сказала Вера, улыбаясь. — Разве тебе не говорили, что на Плутоне смонтирована Государственная машина? Ты прогуливался над планетой, а Охранительница фиксировала твои мысли. Они оказались настолько важными, что она немедленно передала их на Землю, а Большая, тоже незамедлительно, — довела их до сведения каждого. Ты лишь усаживался на Плутоне в звездолет, а люди уже спорили, прав ты или неправ. Завтра ты приглашен в Большой Совет — будешь обосновывать свою идею.

— Значит, проект все-таки еще не принят? — спросил я.

— Нет, почему же? За него высказались в принципе все. Но, конечно, вопросы к тебе будут. И перед тем, как будем осуществлять его, тебе придется подлечиться — здоровье твое внушает опасение Медицинской машине.

Мне мое здоровье опасений не внушало. Встреча с друзьями и радостное известие о принятии проекта были мне лучше любого лекарства.

Большая комната Веры едва вместила всех собравшихся. Особенную тесноту создавал Труб. На космодроме он вместе с нами влез в аэробус, он знал уже, что за этими машинами ангелам не угнаться. Зато он наотрез отказался от лифта и объявил, что самостоятельно взлетит на семьдесят девятый этаж. Признаться, я не поверил: в Трубе килограммов сто, а высота все же около трехсот метров. Но он взлетел. Он отдыхал сперва на каждом двадцатом этаже в садах, потом на верандах каждого пятого, но одолел высоту. Он вспотел и был горд необыкновенно.

Он понемногу вписывается в наши земные обычаи, но прочерчивает в них свою особую колею. Лусин в нем души не

чает. Ради Труба Лусин забросил идею птицеголового бога. Все же земные жилища, особенно женские комнаты, не приспособлены для ангелов. Труб и сам понимал, что летать здесь немыслимо, и старался не давать воли чувству. Но даже когда он делал шаг или просто поводил крыльями, обязательно что-нибудь со стены или столика летело на пол.

Среди гостей не было Жанны. Я спросил о ней. Вера ответила, что Жанна придет попозже.

Жанна появилась с Олегом. Это был хорошенький трехлетний мальчишка, живой, с умными глазами, очень похожий на своего отца, — мне показалось, что я вижу маленького Андре.

Я сто раз репетировал в уме предстоящую встречу с Жанной, повторял про себя слова, какие скажу, думал, какое у меня должно быть выражение лица. Я все забыл — и слова, и мины. Она положила голову мне на плечо, тихо плакала, я молча обнимал ее. Потом я пробормотал:

— Поверь мне, еще не все пропало, Жанна.

Она взглянула на меня таким отчаянным взглядом, что, лишь собрав всю волю, я смог его вынести.

Через некоторое время, оставив Олега гостям, мы с Жанной удалились в мою комнату. Жанна села на диван, я пододвинул кресло. Я с волнением вглядывался в нее. Она очень переменилась, в ней мало что осталось от той кокетливой, хорошенькой, довольно легкомысленной женщины, какую я знал. Со мной разговаривал серьезный, глубоко чувствующий, еще не перестрадавший свое горе человек. И этот человек полностью понимал, как мне самому нелегко.

— Я все знаю об Андре, — сказала Жанна. — Каждый день я слушаю его голос — его прощание со мной и Олегом перед тем нападением зловредов… И я знаю, что вы сделали все возможное, чтоб вызволить его или хотя бы отыскать его следы. Я знаю даже, что он кричал «Эли!», а не «Жанна!» перед гибелью.

— Перед исчезновением, Жанна. Андре не погиб. Оттого он и звал меня, а не тебя, — он попал в беду, но смерть ему не грозила, он и не собирался в тот миг прощаться с жизнью.

— Почему ты так думаешь? Он ведь в руках врагов.

Я видел, что она не верит мне. Никто, кроме меня, не верил, что Андре жив. С другими я мог не считаться, но ее должен был убедить.

— Именно поэтому, Жанна. Он был жив, когда они полностью овладели им, — Ромеро, очевидно, говорил тебе, что мы слышали его призывы, не видя уже его?

— Да, говорил. Ромеро считает, что Андре мертв.

— Послушай теперь меня, а не Ромеро. Если бы они хотели

убить его, они убили бы сразу, а не боролись с ним, чтоб взять живьем. Он единственный представитель их новых, самых могущественных в их истории врагов, — да они трястись должны над ним, а не уничтожать его! Что им даст уничтожение одного человека? Я уверен, за здоровьем его следят внимательнее, чем ты сама следила бы за ним на Земле.

— Вы уничтожили четыре вражеских крейсера. Андре мог быть на любом из них.

— Он не мог быть ни на одном из них. Хоть разрушители и были тогда самоуверенны, они бы не подвергли единственного своего пленника превратностям боя. Они могли рассчитывать на победу, но не на то, что не будет потерь. И они, разумеется, упрятали Андре в спокойное местечко, подальше от сражения.

— Ты говоришь так, словно видел своими глазами, как они действуют.

— Просто сам бы я поступил так на их месте. У меня нет оснований считать, что наши враги глупее меня.

Она раздумывала, колеблясь. Я заронил в нее надежду, она уже не хотела расставаться с ней и страшилась, что надежда напрасна.

Внезапно она сказала:

— А разве о гибели Андре не говорит то, что зловреды ничего не… Ты меня понимаешь, Эли? Ромеро считает, что враги могли выпытать от него все тайны, но наших тайн они так и не узнали, — это ведь правда?

Мной овладела ярость. Я схватил испуганную Жанну за плечи, заглянул ей в глаза.

— Ты любила Андре, — сказал я шепотом. — Ты была ему ближе нас, Жанна! Как же ты смеешь так говорить о нем? Неужели ты так слепа, что собственного мужа не разглядела? Ромеро должен услышать от тебя, каков Андре, а не ты прислушиваться к Ромеро!

Она снова громко заплакала. Я в волнении ходил по комнате. Я не мог и не хотел ее утешать: это было бы подтверждением того, что она думала об Андре. Мне самому хотелось заплакать. Я ловил себя на том же, скрытом в глубине души, чувстве страха за слабость Андре. Я не знал, насколько мы, его друзья, способны на муки, но что он меньше всех нас способен на них, я знал.

Справившись со слезами, Жанна сказала:

— Все так перепутано во мне, Эли. Если бы не Олег, я не справилась бы с таким несчастьем. Я ведь серьезно думала, стоит ли мне самой жить, когда узнала о смерти Андре.

— Исчезновении, Жанна!

— Да, исчезновении. Разве я сказала по-другому? Но если,

как ты говоришь, он исчез, а не погиб, то есть ли какой-либо шанс вызволить его из плена? Подготовлен Галактический флот, предстоят новые экспедиции в Персей — ты серьезно думаешь, что Андре удастся спасти?

— Во всяком случае, будем пытаться. Одно могу утверждать с уверенностью: когда придет время возвращаться в скопления Персея, не будет там ни одной планетки, которую бы мы не обшарили на поверхности и внутри.

Она поднялась.

— Нам с Олегом пора домой. Спасибо тебе, Эли! Спасибо! Ты всегда был верным другом Андре, я даже ревновала его к тебе иногда. Но сейчас, после его гибели…

— Исчезновения, — сказал я с тихой яростью. — Исчезновения, Жанна!

Она минуту глядела на меня с испугом.

— Я не узнаю тебя, Эли. Я подумала было, что это результат ранений, но ты стал другим. Временами я тебя боюсь.

Я через силу улыбнулся:

— Тебе-то, во всяком случае, нечего меня бояться.

8

После ухода гостей мы остались с Верой одни. Я сидел в ее комнате, Вера ходила от двери к окну, это ее обычный маршрут — долгие, часами, блуждания и повороты, взад-вперед, взад-вперед. Иногда она останавливалась у окна, запрокидывая голову, забрасывая руки на затылок, и молчаливо смотрела на город. Все это я видел тысячи раз. Все осталось по-старому.

Все стало иным. Иной была Вера, иным был я. Она была такой же красивой, может, еще красивей, но ее красота была непохожа на прежнюю. Три года назад я с удивлением открыл, что сестра моя вовсе не пожилая женщина, какой всегда мне воображалась, а совсем молодая, ненамного старше меня. Ныне я видел, что Вера достигла переломного возраста женщины, — расцвета перед опаданием. Нелегко ей дались эти годы.

— Вера, — сказал я. — Вы не помирились с Павлом?

— Мы и не ссорились — просто обнаружили, что чужие друг другу…

— Он не хотел разрыва, насколько я помню…

— Разве я хотела? Разрыв произошел независимо от желаний.

— Тебе это тяжело, Вера?

— Мне было бы тяжелее, если бы я поддерживала отношения, ставшие лживыми.

— А Павел? Чувства его не изменились?

— Чувства, чувства, Эли! Гордость — вот главное из чувств Ромеро. Думаю, его больше терзает унижение отвергнутого поклонника, чем разбитая любовь.

— Что ж, на него похоже — он горд…

— Поговорим лучше о другом, — сказала Вера. — Большая так разъяснила твой план: раньше надо превратить Землю в исполинскую станцию волн пространства, а потом лишь ввязываться в серьезные баталии.

— Совершенно верно.

— Мы построили Большой Галактический флот, — задумчиво сказала Вера. — Ты видел корабли на Плутоне — каждый сильнее целой флотилии «Пожирателей пространства»… И есть уже решение двинуть этот флот в Персей. Теперь, с осуществлением твоего проекта, экспедиция будет задержана.

— Не задержана, а как следует подготовлена. Предстоят гигантские сражения, масштабы их даже мы, еле вырвавшиеся из Персея, не можем полностью себе представить. Не забывай, что противники наши ныне знают наше могущество — и они не теряют даром времени, Вера!

— Поэтому все так горячо и поддержали тебя, — заметила Вера. — Ты очень хорошо спланировал войну. Остается спланировать мир.

— Это одно и то же, Вера. Война завершается победой, победа начинает мир.

— Это не одно и то же, брат.

— Объяснись — темно…

— Видишь ли, война сама по себе не решает большие проблемы.

— По-твоему, это не решение — сразить головоглазов? Превратить в прах их военную мощь?

— Начало решения, исходный его пункт, но не больше. Подлинное решение будет, когда мы приобщим наших противников к мирной жизни!

Я глядел на Веру во все глаза.

— Ты с ума сошла! Мирно возделывающие поля невидимки! Ты в самом деле надеешься на успех переговоров с этими исчадиями ада?

— Если бы я надеялась на успех переговоров, я не ратовала бы за боевой флот. Я не хуже тебя понимаю, что обращаться к зловредам с уговорами — бессмысленно. Их надо сразить.

— И всех истребить, Вера!

— Это попросту неосуществимо, Эли. Где взять гарантии, что отдельные их корабли, заблаговременно или после поражения, не удерут в другие звездные края и там враги не усовершенствуются

до того, что превзойдут людей, как некогда превзошли галактов? И можешь ты поручиться, что уже сейчас где-нибудь в центре — Галактики нет их колоний? Сто пятьдесят миллиардов звезд в одной нашей Галактике, неужели ты собираешься все их исследовать, так сказать, на зловредность? А ведь за пределами нашей — миллиарды иных галактик! Ты поручишься, что туда не проникли наши враги?

— Не поручусь. Они могут быть везде. Речь о том, чтоб истребить их в скоплениях Персея.

— То есть выиграть одно сражение и после этого, возможно, ввязаться в бесконечную истребительную войну? Ты скажешь, это лишь возможность, она может и не осуществиться. Когда разрабатывают политику на тысячелетия, учитывают все возможности, что способны стать действительностью. Одолеть в одной, так называемой решающей битве и оставить потомкам в наследство вечную опасность всеобщего уничтожения, — нет, как хочешь, Эли, разума тут немного!

Слушая ее, я перенесся мыслью в Персей. Я снова увидел Золотую планету. Чем-то она напоминала Плутон — такая же космическая мастерская, а если на ней не изготавливались звездолеты, то зато она меняла кривизну окружающего мира, умела сворачивать его просторы в вещество — не покоилась в пространстве, как наши планеты, а командовала им! Сколько тысяч таких планет против одного Плутона? И на всех кипит работа, проклятые головоглазы стараются перенять наше умение распылять вещество в «ничто», как мы переняли у них умение менять плотность этого мирового «ничто». Для их научной проницательности задача не такая уж трудная — они спешат… Что, если навстречу нашему флоту грянут заново созданные аннигиляторы вещества?

— Пока у нас большое преимущество перед ними, — сказала Вера. — И надо торопиться его использовать.

— Ты сказала, что победа в войне лишь начало?

— Да, начало. Сперва мы силой заставим их прекратить свои зверства, а затем понемногу втянем их в ассоциацию разумных и свободных существ Галактики. Ты сам говорил, что они трудолюбивы и отважны, технические их достижения огромны. Разве не упрек будет нам, если мы такой народ навсегда отстраним от мирового сотрудничества?

— Я не вижу путей к сотрудничеству с ними.

— Вчера ты не видал их самих. Если бы мы сразу могли увидеть все, то не было бы развития. Между прочим, я не верю в преступления, совершаемые из любви ко злу. Наши великие предшественники Маркс и Ленин учили, что основа политики —

экономические нужды. Если зловреды стали преступниками, то значит, им выгодны их преступления, — вот причина!

— Ты собираешься найти иной способ удовлетворять нужды зловредов?

— Вспомни: после объединения Земли, когда ни один человек уже не эксплуатировал другого, человечество в целом еще долго жило за счет иных, правда, неразумных существ. По Земле бродили стада коров и баранов, сновали куры и утки — их вели на убой, чтоб человек имел мясо. Синтетическое мясо наших заводов вкуснее животного, синтетическое молоко ароматней коровьего. Исчезла нужда в продуктах живых организмов — никто не разводит животных на убой. Нет ли похожего на это и у зловредов? Они стали на путь угнетения соседей, потому что нашли легкий способ удовлетворения потребностей. Может, мы откроем иные пути их удовлетворения, если, конечно, эти потребности жизненно необходимы?

— Мне кажется, ты рассуждением о потребностях в какой-то степени оправдываешь злодеяния зловредов?

— Ничуть. Понять — не значит оправдать. Можно понять и осудить. Оттого что раб приносит хозяину пользу, рабство не становится морально чистым. У зла есть верхушка и корни. Если срубить верхушку, не выкорчевывая корней, от них могут пойти новые побеги. Мы силой заставим зловредов смириться, освободим их невольников — срубим верхушку взращенного ими зла. А затем надо покончить с самой возможностью возникновения зла, а для этого разберемся, какие корни его питали. Если зловреды используют ткани живых организмов для собственной жизнедеятельности, они смогут заняться производством синтетических тканей и органов, мы охотно поможем им в этом деле.

— Одно скажу — превращение чертей в ангелов дело непростое.

— Как и обучение ангелов человеческому образу жизни. Однако, мы должны этим заняться.

— Вряд ли при нашей жизни мы увидим результаты.

— Я уже сказала тебе: мы строим политику на тысячелетия. Пусть увидят внуки — ради этого стоит постараться.

Я прошел к себе и разделся. Вспыхнул видеостолб. Ромеро опирался на трость посреди комнаты.

— Поздравляю с благополучным возвращением, дорогой друг! Не вставайте, я отлично вижу вас и в кровати, а пожать друг другу руки мы все равно не сумеем. Окажите мне честь встретиться со мной завтра.

— С удовольствием, но не вечером. Вечером меня ждут в

Большом Совете.

— В таком случае, к обеду. Посидим вместе за столом, как в добрые старые времена. Кстати, вы не обиделись, что я не явился встретить? Вы понимаете, среди встречающих были особы…

— Понимаю, Павел. Завтра к обеду я буду у вас.

Он исчез.

9

До чего же она была прекрасна, милая зеленая Земля!

Я все утро бродил по улицам Столицы, поднимался над грядами ее домов, выбирался в окрестные поля и парки, выкупался в канале. Мальчишки из соседнего интерната с молчаливым уважением следили, как я вылезал: стоял октябрь. Нужно затеряться на три года в космических просторах, чтоб ощутить, как хорошо дома! Потом я снова возвратился в Столицу. Улицы были пусты. Прохожие встречались так редко, что оглядывались друг на друга — кого еще вынесло наружу?

Я присел в скверике на площади. Напротив стоял дом с навесом над первыми этажами, под этим навесом в последний приезд в Столицу я прятался от дождя. Я вспомнил незнакомую девушку с высокой шеей и широкими бровями, Мэри Глан, мы с ней тогда стояли рядом и она издевалась надо мной. Что с этой строптивой Мэри? В Столице ли она? Умчалась, как все, куда-нибудь на новостройку?

Кто-то сел на скамейку. Вначале я не обращал внимания на соседа, потом повернулся.

На скамейке сидела Мэри Глан. Появление ее до того отвечало моим мыслям, что я, растерявшись, молча глядел на нее.

— Здравствуйте, Эли! — сказала она. — Ведь вас зовут Эли Гамазин?

— Здравствуйте! — ответил я. — Да, я Эли Гамазин. А вас, если не ошибаюсь, зовут Мэри Глан?

Она не удивилась. Она спокойно кивнула головой.

— Какое совпадение, — сказал я. — Представьте себе, я только что думал о вас, и вот — вы появляетесь!

— Вы считаете это совпадением? Просто я пожелала встретиться с вами и просила Охранительницу навести вас на мысли обо мне. Я вчера встречала вас.

Мне стало смешно и досадно. Я успел в странствиях забыть, что на Земле командуют Охранительницы. Если это и было чудо, что я думал о Мэри, то чудо обыденное, технически подготовленное, еще деды потрудились, чтоб оно стало легко

осуществимым.

— Итак, вы хотели меня увидеть, Мэри? Я все же настаиваю на своем: я тоже интересовался про себя, где вы. Что же мы скажем друг другу теперь, когда желания наши осуществились?

Она не торопилась с ответом. Впоследствии я узнал, что до нее не вдруг доходит, чего от нее ждут. Пока она раздумывала, я разглядывал ее. Я помнил ее некрасивой, но она была скорее хорошенькой, чем некрасивой. Единственным, что не вязалось с ее тонким лицом были широкие брови, но они нависали над такими темными задумчивыми глазами, что несоответствие пропадало. И при первой встрече я запомнил, что глаза у нее темные, но мне показалось тогда, что они темные от раздражения.

— Я виновата перед вами, — сказала Мэри. — Не знаю, почему я была с вами груба в Каире и на этой площади. Я решила: обязательно извинюсь, когда встретимся. Но вы улетели на Ору, а после в Плеяды и Персей… Ну, вот вы вернулись и я извинилась!

Она встала, но я задержал ее. Мне захотелось пошутить.

— А знаете ли, что перед отлетом я запрашивал Справочную о нашей взаимной пригодности?

Мэри решительно не хотела смущаться.

— Да, знаю. Я знаю также и то, что мы ни с какой стороны не подходим друг для друга. Всего доброго, Эли.

Я больше не решился задерживать ее. Я сидел на скамейке и смотрел ей вслед. О Справочной она соврала, Охранительницы не выдают личных тайн. Потом я сообразил, что Мэри, очевидно, тоже запрашивала обо мне и потому знает, как мало у нас соответствия. Она для того и удалилась, чтоб я последующими вопросами не выведал ее маленького секрета. Мне было жалко, что она ушла.

— Вы не забыли, что вас ждет друг? — сказала Охранительница голосом старика.

Вызванная авиетка появилась немедленно, но я опоздал к Ромеро на полчаса.

— Я хотел лететь вам навстречу, — сказал он, сердечно обнимая меня. — Справочная доложила, что вы замечтались на одной из столичных площадей. Куда же мы с вами, юный многострадальный Одиссей? До обеда еще часа два, если, конечно, вы не желаете подкрепиться пораньше.

Он держался так непринужденно, словно никогда не было у нас споров. Я охотно поддержал этот тон. После того как Ромеро потерпел провал на Земле, ему, очевидно, было неприятно показывать, что он помнит былые стычки. Мы не провели вместе

и часа, как я убедился, что он охотно возвращается к нашей борьбе, даже иронизирует над нею.

— Пойдемте на гребень Центрального кольца, — сказал я. — Оттуда великолепнейший вид на Столицу.

— Отлично. Любоваться Столицей я готов ежедневно, сегодня к тому же ясный день.

Пока мы поднимались на крышу, я украдкой присматривался к Павлу. Все мои знакомые стали иными, я еще не привык к их новому виду.

— Давненько мы не виделись, — сказал Ромеро, улыбаясь.

— Всего два с половиной года.

— Нет, мой друг, целую эпоху. Мы простились в одном социальном времени, повстречались в другом. Счет времени правильнее вести по событиям, а не на часы. Пустое время кажется коротким, крохотный же отрезок, нашпигованный происшествиями, растягивается.

— Событий произошло много.

— Произошла революция, друг мой. А если власть не перешла из рук одного класса к другому, как совершалось у предков, так лишь потому, что давно не существует классов. Это, впрочем, не умаляет совершившегося переворота.

— Вы это называете переворотом?

— Вы считаете меня неправым? До сих пор мы жили лишь для себя. А попробуй ныне осуществить что-нибудь, специально полезное одному человечеству — Большая еще поразмыслит, не повредит ли это народам, которых мы надумали опекать.

Я понимал, что он не столько вызывает меня на спор, сколько отделывается от накопившейся горечи.

— Я бы это назвал по-иному, Павел. Просто человечество настолько развилось, что среди прочих его потребностей появились и такие, как помощь иным народам.

— Оставим это, — сказал он. — Я не собираюсь никого переубеждать. Кстати, для дружеского осведомления… Когда недавно Большая объявила о ваших открытиях в Персее, я, как и все, с честной душой проголосовал за ошеломляющий проект покончить с последними остатками самостоятельности Земли.

Разговор этот шел уже на крыше сотого этажа. Столица была до того красива, что захватывало дух.

С высот Центрального кольца она видна вся. День был пронзительно ясный, в такие осенние дни голубеют и становятся близкими дали. Я тысячу раз ходил и бегал по крыше. Зимой я пробегал на лыжах всю тридцатикилометровую магистраль, проложенную на вершине Центрального кольца, летом прошагивал ее пешком, все здесь было видено и перевидено, а я

оглядывался с чувством, что впервые по-настоящему вижу Столицу. Я не уставал поворачивать голову вправо и влево. Я поразился, каждый раз заново открывая это, простоте плана великого города. Три кольца прорезают двадцать четыре магистрали от Музейного города наружу, двадцать четыре красочных, неповторимо индивидуальных улицы. Вот и все. Вся Столица исчерпывается переплетением трех колец и радиусов, проложенных сквозь кольца.

— Вечный город, — сказал я. — Он простоит тысячелетия после нас, как памятник наших помыслов и дел.

— Умирающий город, — отозвался Ромеро. — Если хотите, это единственный город на Земле, который начал умирать, еще не родившись. Он не дожил до самого себя.

Я знал, что ради красного словца Ромеро себя не пожалеет, но отзыв о Столице покоробил меня. Ромеро удивился:

— Вы не знаете истории Столицы?

— Это был первый город победившего коммунизма — вот что я знаю о нем.

— В истории Столицы это, разумеется, самое существенное. Но кроме существенного в любом знании есть и интересные пустячки. Об одном из таких, если угодно, пустячков, я расскажу вам, если позволите.

Вскоре после объединения, сказал он, были начаты поиски всего выдающегося, что талантливые люди придумали в эпоху классовой разобщенности и чего тогда нельзя было осуществить. Это относилось к проектам машин, переделке природы, большим строительным работам и прочему, а среди прочего — к архитектурным замыслам.

Кем-то была обнаружена тетрадь рисунков давно к тому времени умершего Бориса Ланда, архитектора, проектировавшего жилые здания, спортзалы и стадионы. Борис, по-видимому, был из тех, кого тогда называли «талантливый неудачник». Днем он разрабатывал стандартное жилье, а ночью, на бумаге, возводил невоздвигаемые города.

Среди его ярких фантазий был и город на двести тысяч человек — один высотный дом, окруженный парком. Город-дом, не осуществимый при жизни Бориса, легко мог быть исполнен средствами первого века коммунизма. И хотя уже и тогда было ясно, что города-гиганты отжили свой век, человечество постановило воздвигнуть Столицу, как город-памятник и город-труженик, последний из концентрированных городов Земли, первый, воплотивший в себе все удобства, затребованные людьми.

Внутри кольцевых зданий разместились заводы и склады, там же пролегли городские шоссе. А снаружи поднимались террасами

жилые массивы, их разделяли парки — таков был осуществленный проект. И достоинства проекта вскоре стали его недостатками.

Раньше другого оказались ненужными великолепные шоссе, проложенные внутри зданий на каждом двадцатом этаже. Возникли центральные машины безопасности с Охранительницами — и умерли электромобили и троллейбусы. Никто не хотел катить по шоссе, когда можно было безопасно кувыркаться и нестись в воздухе. Жизнь и толчея, по идее навеки упрятанные в роскошные, как дворцы, туннели, вновь свободно исторгнулись наружу.

А затем стали отмирать заводы. Их автоматизировали настолько, что на километрах конвейерных линий не встречалось человека. Создавая в недрах зданий цеха, предполагали сократить путь рабочего от жилья до работы, но сам рабочий стал не нужен — зачем сохранять завод в близости от жилья? Цеха без людей стали возводить в пустынях. Некоторые из освободившихся площадей Столицы заняли институты, развились зимние сады и парки, их тысячи в каждом кольце — любимые местечки детворы и стариков. Но всех пустот они не заполнили. Столица зияет кавернами. Три четверти ее объемов не могут быть использованы. Стало ясно, что изжила себя сама идея концентрации огромного количества людей на небольшой площади.

— В первый же месяц набора на новостройки космоса Столицу покинуло три четверти жителей, — закончил Ромеро. — Пока это еще большой город. Скоро это будет пустой город, а немного погодя — ненужный…

Мы остановились у перил. Внизу, между проспектами Великих Предков и Зеленым, простирался парк. Из багрянца увядавших кленов, лип и дубов вздымался гребень Внутреннего кольца. Столица была не только большой город. Она была прекрасна — прекраснейший из городов, созданных людьми.

— А вы, Павел? Вы тоже собираетесь покинуть Столицу, как ненужный город?

— Я? С чего вы взяли, высокомудрый друг? Я родился в Столице и здесь отдам концы, употребляя это древнее морское выражение. Как вам, вероятно, известно, я занимаюсь историей технических открытий и свершений. До сих пор наука эта была достаточно отвлеченной, чтоб не сказать — праздной… После совершенного вашей сестрой социального переворота положение изменилось и в этой области. Мы подбираем теперь информацию о нашей культуре и технических достижениях и переводим ее на языки новых друзей. Нужно же поднимать уважаемых звездных собратьев до человеческой культуры, а делать это удобнее всего в

Столице — здесь сконцентрирована наша мудрость… Пойдемте обедать, дорогой Эли, мы пропускаем лучшее время для пищеварения.

— Еще один вопрос, Павел, и мы отправимся. Вы сказали, что проголосовали за мой проект превращения Земли в галактический генератор волн пространства. Почему вы это сделали? Вы, конечно, отдавали себе отчет, что Земля тем самым ставится непосредственно на службу всему Межзвездному Союзу? Это, впрочем, видно из того, что вы сказали об уничтожении остатков самостоятельности Земли.

Он не ожидал такого вопроса и немного растерялся:

— Как вам сказать? Ну, захотелось поддержать вас… Надоело плыть против течения. Почему и мне не побезумствовать, раз все кругом посходили с ума?

— От вас я ожидаю ответа посерьезней, Павел.

— Вот как — посерьезней? Тогда получайте другой ответ. В вашем проекте одно меня подкупило сразу — размах. Раз уж мы ввязались в большую войну, несмотря на мои предупреждения, так надо вести ее по-большому… Не думайте, что я такой уж мещанин, боящийся всего, что за околицей. Превратить Землю в командную точку Галактики, в исполинский глаз, обрыскивающий отдаленнейшие звездные уголки, в эдакое галактическое ухо, чутко улавливающее любую гармонию звездных сфер, — нет, это, знаете ли, внушительно!..

— Вот и прекрасно! — сказал я весело. — Думаю, что мы найдем с вами общий язык и в остальном. Нет, Павел, Столица не умерла, вы ее рано хороните. Сегодня я попрошу у Большого Совета, чтоб в ней разместили экспериментальную станцию волн пространства. Скоро кавернам в ее теле придет конец.

Ромеро снял шляпу и церемонно поклонился, показывая, что у него не хватает слов выразить свое восхищение. Он сделал все, чтоб его молчание было красноречиво.

На позы он мастер.

10

Дни не шли, а летели, я вставал на рассвете и не успевал оглянуться — дня уже не было. Я торопился, вся Земля торопилась — Большой Галактический флот, покинув Плутон, сконцентрировался у Оры. Корабли нужно было снабдить сверхдальними локаторами, без этого теперь нечего и думать было выпускать их в космические просторы. Вся эта работа падала на меня.

Я наблюдал за проектированием гигантской станции волн

пространства СВП-3 и руководил выпуском установок для звездолетов, названных нами СВП-2. Все свободные помещения Столицы были отданы новому заводу, но их не хватило, пришлось выселить из города несколько институтов и убрать склады. Никогда еще, на моей памяти, Столица не жила такой бурной и напряженной жизнью, как в эти недели, когда мы срочно оснащали новыми установками изготовленные звездолеты.

Это уже была не та станция, СВП-1, что так честно нам послужила в Персее. Исследования на Земле показали, что у нее мал радиус действия, уже в двадцати светогодах ее локаторные свойства ослабевают. Она годилась лишь для прощупывания близкого пространства, в рейсы с Солнца на Сириус и звезды Центавра, не дальше. Работать же в качестве телепередатчика она на дальних расстояниях могла лишь со сверхмощными станциями, которых, по-видимому, в Галактике еще нет, — сужу по тому, что, отдаляясь от Персея, мы быстро потеряли связь с галактами.

Зато модель СВП-2 легко локировала объекты в ста светогодах, Снабженные такими механизмами, звездолеты уже не теряли связи друг с другом, даже отдаляясь на расстояние Веги от Солнца. И они уже не страшились нападения из невидимости. Ни на каком отдалении враг не мог оставаться незамеченным. Кроме того, установки СВП-2 отлично поддерживали взаимную телесвязь в том же радиусе ста светолет, а с более мощными станциями могли переговариваться и далеко за этими пределами.

Именно такую сверхмощную станцию СВП-3 мы и возводили сейчас на Земле. Никакой звездолет не смог бы вместить подобного механизма. Потребляемая ею мощность — пять миллиардов альбертов — в десятки раз превосходила мощности всех энергетических установок, смонтированных на Земле. Все планеты трудились, чтоб осуществить монтаж и пуск СВП-3. Она одна исключала рядом с собою на Земле все большие предприятия. Большой Совет признал возведение СВП-3 важнейшей стройкой Межзвездного Союза.

Была выбрана и площадка, где размещались основные строения и механизмы станции, — бывшая пустыня Сахара. Здесь на тысячах квадратных километров мы возводили величайший глаз и ухо Вселенной. СВП-3 по расчету должна была действовать в радиусе десяти тысяч светолет. До центра Галактики, скрытого в созвездиях Стрельца и Змееносца, мы не доставали, тем более не доставали до внешних галактик, но звездные скопления в Персее, Гиады, Плеяды, гиганты Ригель и Бетельгейзе — все эти далекие светила нашего звездного мира попадали в зону действия станции. Уже недалек был тот час, когда мгновенно

действующая связь должна была сцементировать светила Межзвездного Союза в одно целое.

Пока на строительной площадке в Сахаре возводились здания и монтировались машины, я трудился на экспериментальном заводе, разместившемся внутри Центрального кольца: мы проверяли расчеты, изготавливали узлы механизмов.

В этой работе было сделано лишь два перерыва. Первый — когда на Землю вернулся экипаж «Пожирателя пространства». Томившее меня до этого дня ощущение неловкости от торжественности встречи наконец было сглажено. Ольге и ее товарищам прием был устроен много торжественнее, чем мне. Земля неделю ликовала, два дня на ликование пришлось потратить и мне.

А второй перерыв произошел, когда мои товарищи улетали на Ору — Вера, Лусин (с Трубом, конечно) и многие другие.

— Надеюсь, ты недолго останешься на Земле? — сказала Вера перед прощанием. — Без тебя даже неловко как-то отправляться в дальние экспедиции.

Я усмехнулся и показал на своего помощника Альберта Бычахова, вместе со мной приехавшего на космодром. Альберт, беловолосый, веселый человек, руководил монтажом в Сахаре.

— Он меня держит, Вера. Пока он не высветит все закоулки в Персее, нечего и думать мне покидать Землю. Да и вам не придется устремляться в далекие края, пока мы не закончим своей работы.

После проводов мы с Альбертом вернулись в Столицу. Прощание с друзьями выбило меня на время из колеи. Мне захотелось пройтись по пустынным проспектам.

— Вы поезжайте к себе, а я сегодня не приду, — сказал я и отпустил авиетку.

11

Осень в Столице всегда хороша, а в этот год выдалась отменной.

Хоть Управление Земной Оси расписывает свою власть над климатом и действительно выдает по графику ясные дни и дожди, ураганные ветры и дремотную тишь, морозы и оттепели, власть у него лишь на подобные грубые явления, а не на оттенки, в них же главная прелесть. «Завтра, с 10 до 14 часов, выпадет сорок восемь миллиметров осадков, потом будет солнце и тишь» — сколько раз я слышал подобные объявления. Но что-то ни разу мне не попадалась такая сводка: «Этой осенью яркость листьев на кленах превысит среднегодовую на 18 процентов, а дали будут

прозрачней на 24 процента, журавлиное же курлыканье прозвучит особенно призывно».

Если вдуматься, мы лишь кое-как справляемся со стихийной силой природы, но красота ее не в наших руках. Она создается сама.

Я шел по аллее Звездного проспекта и радовался, что кругом хорошо. Низко нависало забитое облаками небо, ветер шумел в деревьях и кустах, ветви взмывали и рушились. А если ударял резкий порыв, тонкими голосами, заплетаясь, заговаривала трава. Прохожих мне не встречалось. Земля была одинока и ярка.

На повороте аллеи, чуть ли не нос к носу, я столкнулся с Ромеро и Мэри. От неожиданности я остановился, а когда, спохватившись, хотел пойти дальше, остановились они.

— Как здоровье, друг мой? — спросил Ромеро. — Вид у вас неплохой.

— Суть тоже. Никогда не чувствовал себя так хорошо. Простите, я тороплюсь.

— Идите, Эли! — разрешил Ромеро, приветственно приподняв трость. — Вы всегда были твердокаменно аккуратны.

Я успел услышать, как Мэри сказала:

— Эли мог бы составить компанию для той экскурсии? Как по-вашему, Павел?

Что ответил Ромеро, я не разобрал. Экскурсии я не терплю со школы, когда нас пичкали ими. Меня удивило лишь, что Мэри звала Ромеро Павлом.

Я долго гулял по Звездному проспекту. В аллеях все так же шумели липы, глухо бормотали дубы, несильный ветер трепал листву, как волосы. Я думал о разных событиях, одна мысль неторопливо сменяла другую. Ничего нет странного, что Ромеро знаком с Мэри, он покидал Землю всего на год, остальное время провел в Столице. Будем надеяться, что с Мэри он будет счастливей, чем с Верой. Нужно ли сообщать Вере о новой привязанности Ромеро? Очень возможно, что Вера огорчится… Вера уже далеко — в иных мирах!

Потом эти мысли отошли от меня, и я снова стал размышлять о своей работе — о быстродействующей связи со звездолетами, уходящими в далекие рейсы.

Как и Ольга когда-то, я мечтал о диспетчерских планетах, созданных на галактических трассах. Я видел темные точки, насаженные в космосе, и говорил с ними, я снова был звездопроходцем в командирском зале: «Алло, девушка, вы Н-171? В тринадцатый раз вызываю, нельзя же так!.. Я — звездолет ВК-44. Сообщите, сколько до Дзеты Скорпиона? У нас что-то забарахлили параллаксометры и интеграторы пути». — «Я

— Н-171, — шептал я себе. — Не нервничайте, звездолет ВК-44, вы не один в космосе. До Дзеты Скорпиона от вас сто тринадцать парсеков, вам надо прибавить ходу, чтоб уложиться в расписание. Делаю замечание: с неисправными приборами не отправляются в рейс. В следующий раз сниму с полета!»

Я был счастлив оттого, что придумал суровую отповедь себе от незнакомой девушки на диспетчерской планете Н-171. Потом, устав, я присел на скамейку и снова вскочил. Идти на работу мне по-прежнему не хотелось, а отделаться от дум о ней я не мог. Мне надо было развлечься. Я запросил у Справочной о сценических представлениях.

В стереотеатре шла смешанная программа, Театр классики показывал Еврипида, Аристофана, Шекспира, Мольера, Турнэску, Мазовского, Сурикова, Джеппера — в каждом из восемнадцати своих залов по две пьесы в день, в театре комедии шел водевиль: «Три страшных дня космонавта Гриши Турчанинова» — вещица отнюдь не свежая, и злая сатира: «Генри Бриллинг играет в бильярд на планете ДП-88», в концертных залах обещали Баха и Мясоедова, Трейдуба и Шопена. Я выбрал стереотеатр. Это старейший из театров Столицы, там гордятся приверженностью к древности, вот уже два века до него не доходят новые веяния.

И стариной пахнуло уже в вестибюле. Сдав пальто роботу, я попал под радиационный душ, вызывающий кратковременное, благодушное настроение — нехитрая гарантия, что любая программа понравится.

Второй робот спросил, желаю ли я привычное место или то, где объективно мне лучше всего любоваться представлением. Я сказал, что привычных мест у меня нет, пусть будет то, что мне больше подходит. Он проводил меня в тринадцатый ряд к пятому креслу, по дороге попросив заказать температуру, влажность и запахи микроклимата моего места, Я заказал восемнадцать градусов, пятидесятипроцентную влажность, легкий ветерок и запахи свежескошенного луга, нагретого солнцем, и получил заказанное. Эти наивные удобства, так радовавшие предков, скорее забавляли, чем ублажали меня, а древние роботы, двести лет назад вышедшие из моды, просто развеселили. Девиз стереотеатра — «Представление начинается с входной двери».

Сегодня шла драма «Встреча на белом карлике», а перед ней показали Ору. Я увидел себя и друзей в момент, когда мы высаживались. Сперва появился «Кормчий», за ним «Пожиратель пространства», один за другим мы вылезали из корабля, а нас встречал, помахивая рукою, седой Мартын Спыхальский. На небе засветилось неутомимое солнце Оры, гостиницы, переполненные звездожителями, раскрывали двери, шло собрание в зале

Приемов. Вера председательствовала и выступала с речью, в одном из секторов, земном, сидели Ромеро, Андре, Лусин и я. Мельком увидел я и гостей с Веги, но не Фиолу, а ее подруг. И все это было так реально и фигуры двигались так живо и объемно, словно я снова был на Оре, а не смотрел стереокартину. Я даже разглядел многие подробности, не замеченные тогда.

А потом началась пьеса. Ее сочинили в двадцать первом веке, она вся полна наивной романтики той эпохи. Капиталист Невилл Винн спасается от революции на звездолете, выстроенном на собственных его заводах, и насильно прихватывает с собою слуг, в том числе и машинистку Агнессу Форд, возлюбленную революционера Аркадия Торелли.

Они высаживаются на планетке, вращающейся вокруг мрачного белого карлика. Аркадий Торелли мечется по Галактике, разыскивая утерянную возлюбленную, и набредает на белый карлик, где во мраке крохотной планетки между ним и Невиллом Винном разыгрывается последняя схватка, кончающаяся гибелью капиталиста и освобождением его слуг.

Я улыбаюсь, рассказывая сюжет. Я улыбался, сидя в кресле и наслаждаясь заказанным микроклиматом, когда вспоминал, что актеры пьесы умерли без малого триста лет назад. В конце концов это древнее стерео-представление — лишь немного усовершенствованное еще более древнее кино, в нем столько же условностей и странностей, как и в вытесненном им кино. Так я размышлял в своем кресле, не переставая иронически улыбаться. Улыбка пропала, когда на сцене появилась Лиззи О'Нейл, игравшая Агнессу.

И я уже не отрывался от сцены, я вслушивался в глуховатый страстный голос актрисы, — в мире больше не существовало чего-либо иного, чем то, что она говорила и делала. Здесь было все нереально: люди, их споры, бегство в космос, встречи в космосе — все, кроме игры. А играли они так, что нереальное становилось реальным, наивное — трагическим, немыслимое — неотвратимым.

Передо мною ходили, страдали, молили о помощи живые люди, не изображения, не объемные силуэты и фигурки, нет, такие же, как я сам, много более живые, чем я сам. Я мог бы, подойдя, дотронуться до них, я слышал шелест их платья и пиджаков, ощущал запахи их духов и табака. Лиззи простирала ко мне руки, смотрела на меня, я не сомневался, что она видит меня, ждет моей помощи, и я уже приподнялся в кресле, готовый бежать на злосчастный белый карлик, так был настойчив ее молящий взгляд, так призывен ее слабый крик.

Нет, дело было не в совершенстве оптического обмана,

сделавшего этих давно умерших людей столь жизненными, что они стали реальнее жизни. Случись у меня на глазах встреча Агнессы и Аркадия, я равнодушно прошел бы мимо, мало ли встречается людей после разлуки, да и не стали бы они в реальной жизни так разглагольствовать о своих муках, так всплескивать руками, так бросаться друг другу в объятья, их бы высмеяли за неумную несдержанность, я бы первый посмеялся. Но здесь, в моем кресле с его микроклиматом, я не смеялся, я трепетал, в смятении сжимая руки, страдая чужим страданием, радуясь чужой радостью.

Уже после спектакля, принимая от робота одежду, я разговорился со старичком, моим соседом.

— Многое предки делали не хуже нашего. Театр у них достиг совершенства, вряд ли и сейчас можно придумать что-либо лучшее.

— Можно придумать иное, чем Гомер или Леонардо, в своем роде такое же совершенное, но не лучшее, — возразил он. — Шедевры искусства законченны. Именно поэтому они нетленны. Вы не будете жить в хижинах и дворцах времен Свифта и Пушкина, не будете есть их еду, ездить в их экипажах, носить их одежду, но то искусство, что восхищало их сердца, восхитит и ваше, молодой человек. Искусство непреходяще, новое не отменяет в нем прежние свершения, как в технике и в быту, но становится вровень с ними.

Спектакль в стереотеатре так взбудоражил меня, что я долго не мог успокоиться. Пустая беготня по улицам стала раздражать. Проходя мимо комбината бытового обслуживания, я вспомнил, что по возвращении не менял верхней одежды, пальто и шапка порядочно поизносились, да и фасон ныне изменился.

В комбинате было пусто, как и на улицах. Мне вынесли на примерочном конвейере тридцать моделей пальто, костюмов и шапок. В один из костюмов я вложил свой адрес, чтоб направили его на дом, а пальто надел. Новое пальто было красивее, но не так удобно, я всегда чувствую себя неудобно в новом, пока не разношу. Я вышел удовлетворенный, что покончил со старой одеждой, и сожалея о ней.

Еще не пройдя квартала, я воротился назад. Дежурный автомат спросил, чего я желаю.

— Я ничего не желаю, — ответил я. — То есть не желаю нового. Возвратите мое старое пальто.

— Если оно еще не попало в тряпкопресс. Нет, оно на конвейере. Новое тоже возьмете с собой? Можем направить на дом.

— Нет, благодарю вас. И на дом не надо.

— Не нравится наша продукция? — равнодушно спрашивала машина. — Сообщите, что не удовлетворяет, сделаем по потребности.

— Все нравится. Великолепная продукция. Но я привык к старому пальто. Как бы вам сказать… сжился с ним.

— Понимаю. В последний год приверженность к новизне ослабела на четырнадцать процентов, приязнь к старым вещам повысилась на двадцать один процент. Нездоровая тенденция, надо с ней бороться, всемерно повышая качество. Стараемся. Слушаюсь. Получайте старое пальто.

Я напялил возвращенное пальто и убежал. Ветер по-прежнему раскачивал деревья, на меня сыпались рыжие листья, они шуршали под ногами, я ворошил их, вдыхая густой запах прели.

Потом я сел на скамейку и спросил себя, чего мне надо? Мне ничего не было нужно. Я не находил себе места.

Тогда, поколебавшись, я попросил Охранительницу соединить меня с Мэри Глан. Мэри появилась сейчас же, как я послал вызов.

Она сидела на диване, поджав под себя ноги, и смотрела на меня настороженно и иронически.

— У вас много терпения, — сказала она. — Я ожидала вызова раньше.

— Здравствуйте, Мэри, — ответил я. — Не понимаю, о чем вы говорите?

— Значит, так, — сказала она. — Приближается праздник Первого снега. Ваш друг Павел Ромеро собирается отметить его угощением у костра. Все будет как в старину, точность обычаев он гарантирует. Я хочу, чтоб вы сопровождали меня. Вы согласны?

— Раз вы хотите, то да, конечно. В свою очередь, я приглашаю вас с Павлом, но не на праздник, а на испытание станции дальней галактической связи. Вам будет интересно.

— Вы приписываете другим свои желания, — возразила она. — У вас, кажется, друзья на всех звездах, а у меня там никого нет. Как и ваш друг Ромеро, я привязана к Земле, а для ориентировки на ней хватает Охранительницы. Сомневаюсь, чтоб мне было интересно.

Мэри говорила, что Павел мне друг, так, словно поддразнивала меня. Я сказал сухо:

— При такой общности земных интересов, вы, пожалуй, больший друг Павлу, чем я. И раз вас не интересует испытание галактической связи…

— Общий сбор у Коровы. Доброго кувыркания в облаках! — сказала она и исчезла.

Это был последний большой праздник года. Не считая торжеств, отмечающих великие даты освобождения человечества от социальной несправедливости, на Земле празднуются дни поворотов в природе: Зимний солнцеворот, Большое таяние снега, Первый дождь, Летний солнцеворот, Большая летняя гроза, Первый снег.

В этом году не у всех была уверенность, что удастся торжество Первого снега. Праздник требовал слишком много энергии. Все ресурсы Земли были отданы строительству СВП-3. Выдвигались и другие соображения: половина населения планеты уехала на космические стройки, а тем, кто остался, было не до праздников: началась предпусковая горячка на станции сверхдальней связи. Но Управление Земной Оси выполняло свою программу неукоснительно. Если на Земле останется один человек, желающий повеселиться, для него развернут все установленные праздники.

Я думаю, это правильно. Мой помощник Альберт, увидев, какой размах принимает подготовка, направил Большой протест: «Человечеству сейчас нет времени праздновать, кроме, может, отдельных весельчаков. Для кого вы стараетесь?» Большая ответила со всей электронной рассудительностью: «Каждый человек достоин всего, чего достойно человечество». После такого объяснения Альберт забыл о протестах и выкроил в собственном своем бюджете времени часы для праздника.

Как всегда, снеговые тучи готовили заблаговременно. Их прессовали над северной акваторией Тихого океана. Для интереса я слетал туда на рейсовой ракетке, а на Камчатке забрался в морскую авиетку. Меня предупредила Охранительница, что надо теплее одеться, но я пренебрег ее советом, и раскаялся. В толщах туч холод был адский. Кругом простиралась непроницаемо белая пелена, похожая скорее на скрипящую под руками вату, а не на влажный туман летних туч. Для меня оказалось новостью, что заранее приготовляется не только влага, но и снег: тучи были спрессованы из мельчайших льдинок, им предстояло лишь немного укрупниться, чтоб образовать готовые снежинки.

Я пригласил и Альберта на праздник Первого снега, ни Ромеро, ни Мэри не возражали. Альберт явился раньше всех, за ним я. Альберт сидел на ступеньках памятника Корове и по обыкновению что-то вычислял. Он всегда вычисляет — в свободное и несвободное время.

— Опаздывают ваши друзья, — сказал он и опять занялся вычислениями.

Я сел рядом с ним на ступеньках памятника. Это местечко перед Пантеоном — любимое место свиданий. На приземистом, красного гранита, постаменте корова склоняла рогатую голову, всматриваясь в меня темными выпуклыми глазами. Я в тысячный раз прочитал надпись, почему-то она всегда трогает меня: «Кормилице людей. Благодарное человечество». Я закрыл глаза, повторяя надпись про себя. Во мне поднялись и прошли торжественно-широкие мысли. Никто давно не пьет молока от коров, но хорошо, что человечество не забывает свое прошлое. Над каменной, рыже-черной коровой неторопливо шли облака, обычные облака этого дня, не те, что наготавливались для праздника. Клены и каштаны стояли голые, лишь высокие узкие дубы не хотели прощаться с ржавыми листьями. Лужи затягивал ледок. Мир был суров и юн.

— Опаздывают ваши друзья, — повторил Альберт и, закончив одно вычисление, принялся за другое.

На площади опустилась авиетка с Ромеро. Кабина была заставлена свертками и пакетами, были даже два ведра. Ромеро помахал нам рукою.

— А Мэри? Ее еще нет? Ладно, сейчас я ее доставлю.

Пока он летал за Мэри, на площади приземлились еще три авиетки, из них вылезли друзья Ромеро, мужчины и женщины, они здоровались и спрашивали, где Павел. Затем снова показалась авиетка Ромеро, за ней другая, с Мэри.

— Кажется, все в сборе? — сказал Ромеро, весело оглядывая нас. — По креслам, друзья, и — за мной!

У Мэри был хмурый вид, настроение не праздничное. Мне она сердито сказала, глядя в сторону:

— Вы не исполняете обещаний. Приняли приглашение, но не удосужились залететь за мной.

— Я думал, что за вами залетит Павел, как, впрочем, и произошло…

Не слушая моих оправданий, она отошла. Она показывала, что не желает со мной разговаривать. Я уже подумывал, не отказаться ли от экскурсии. Если бы не Альберт, я постарался бы незаметно улизнуть.

— Алло-гоп! — сказал Альберт и полез в авиетку.

Ромеро взял курс на север. Внизу проплыли три гряды жилых колец, затем потянулись парки, их сменили поля и леса. Ромеро шел на излучину реки Синюхи, где она образует петлю, поворачивая с запада на восток. На заросшем деревьями полуострове я не раз проводил летние дни, купался, влезал на дубы и тополя.

Ромеро опустился на полянку, в центре излучины, один за

другим садились мы, составив полукруг из авиеток.

— Здесь! — сказал Ромеро, потопав ногами по земле. — Снег назначен на шестнадцать, у нас четыре часа впереди. Потратим это время на сооружение костра и приготовление еды. Сегодня, вероятно впервые в жизни для многих из вас, вы попробуете снеди и напитки, к которым не прикасались электронные руки автоматов. «Будем подобны предкам!» — вот девиз нашего сегодняшнего праздника.

Ироничный, малоподвижный Ромеро, в практических делах скорее наблюдатель, чем участник, сегодня с энергией командовал. Мы с Альбертом собирали валежник и ломали сухостой, другие мужчины расчищали местечко для костра, женщины распаковывали свертки и доставали необычную посуду — фарфоровые тарелки, металлические вилки и ножи, хрустальные бокалы, скатерти из странного материала.

— Где вы достали такое старье, Павел? — спросил я.

— В музее. Надеюсь, вы не подумали, что для обеда в манере предков я прибегу к услугам автоматизированных столовых? Скатерти из чистого льна — великолепно, правда?

— Грубоватая ткань, жесткая, как бумага. Надеюсь, еда не из музея? Я не хотел бы глодать котлеты, приготовленные пятьсот лет назад.

— Успокойтесь, из музея одни вина, да и им, конечно, не пятьсот лет, хотя они очень стары! Но вино, чем старее, тем лучше, — так считали в добрые старые времена, а нам сегодня предстоит проверить, верно ли это. Я угощу вас свежайшим шашлыком из натурального барашка. Вчера еще наш шашлык блеял в саду музея.

— Вы убили это бедное животное, Павел?

— Дорогой Эли, предки не убивали, а приготавливали барашков. Я его приготовил, то есть зарезал, освежевал, разрубил мясо на кусочки, посолил, залил уксусом, приправил луком и высыпал в ведро — томиться… — Он с наслаждением описывал свои действия, у него горели глаза. — Не делайте кислого лица, мой друг, наши предки не падали в обморок при виде крови, как, боюсь, произошло бы с некоторыми нынешними мужчинами. Ручаюсь, вы пальчики оближете, когда попробуете шашлыка.

Костер, раздуваемый ветром, взметнулся пологом багрового пламени, дым обвивал пламя, как кружево ткань. Я взял на себя обязанность надзирателя огня, Ромеро важно назвал меня «дневальным по печке». Это было все же лучше, чем возиться с его дурно пахнущим мясом.

К шашлыку Павел пристроил Альберта, тот нанизывал мясо вперемежку с луком на металлические шесты, похожие на прутья

садовых решеток, — их тоже привез с собой Ромеро.

Время шло к шестнадцати, небо опускалось все ниже. Тучи шли быстро, густые и темные, в любую минуту из них мог вывалиться снег. Дубы, окружавшие полянку и костер, рассыпали багровые листья, их засасывало к костру нисходящими и отбрасывало вверх восходящими токами воздуха: листья кружились над огнем стаей больших медленных бабочек. Альберт разместил шесты, мясо шипело, с него капал жир, чадно обволакивая горящие сучья. Меня стало подташнивать от усилившегося неприятного запаха.

Без пятнадцати четыре Ромеро предложил взять рюмки и стал открывать бутылки. Пробки окаменели в горлышках, одна бутылка сломалась сама, от других отбивали горлышки камнем. От вина шел густой аромат, в нем смешивалось что-то хорошее и что-то неприятное. Я заметил, что и другие, прежде чем хлебнуть вина, украдкой принюхивались к нему.

Охранительница передала каждому торжественный бой часов, и, молчаливо прислушиваясь к нему, мы по команде Ромеро подняли бокалы.

— Зима идет, друзья! За хорошую зиму!

Стал падать первый, еще крупный снег, и мы выпили вино. Не могу сказать, чтоб оно мне понравилось. В нем была терпкость, оно жгло во рту, как кислота, хотя скорей было сладко, а не кисло. В старину вино смаковали, но я чувствовал, что меня затошнит, если буду долго держать его во рту, и я проглотил его залпом. Альберт покривился, словно глотал жабу. Я сказал тихонько, чтоб не слыхала Мэри, сидевшая по другую сторону Альберта:

— Не знаю, как наши предки ели, а пили они невкусно.

Он отозвался громким шепотом:

— Ели они еще хуже. Я попробовал кусочек шашлыка — гадость порядочная. В нем не чувствуется мяса.

— А у вас побагровели щеки! — сказал я со смехом. — И все лицо отекло. Боюсь, вино не опьянило, а отравило вас, а может, вы просто молодой, легкомысленный человек, и потому… Дайте мне вот тот длинный жезл шашлыка. Хочу проверить, так ли он невкусен, как говорите вы… Речь идет о наших предках, надо это понимать, Альберт, я никому не позволю, чтоб наших великих предшественников…

— Ладно, ладно, вы раньше сжуйте хоть четвертинку вашего жезла!

Альберт оказался прав. Не то что четверти, даже и десятой шашлычного жезла невозможно было проглотить. Натуральное мясо и вправду пахло чем угодно, но не мясом — дымом,

угольями, сажей, пережаренным жиром, жилами, костями. И в нем не было той сочности и свежести, той ароматной мягкости, что радуют в настоящем синтетическом мясе. Я жевал кусок, перекатывая его из одного угла рта в другой, он был весь собран из каких-то терпких нитей и неперекусываемых железных пленок. Если бы такую продукцию выдали в столовой, все кухонные автоматы немедленно бы отправили на завод на перемонтировку за полной непригодностью.

Мэри, усердно жевавшая кусок, вдруг с отвращением выплюнула его в траву.

— Наплевательское отношение к великим традициям, — сказал я. — Не кажется ли вам, Мэри, что вы оскорбляете тех, кто жил задолго до нас?

— Мне кажется, что вы не в себе, — огрызнулась она. — Раньше вы при каждом слове попеременно краснели и бледнели, сейчас вы только красны. И вы многословны, этого тоже за вами не было.

— Вы не отвечаете на мое… на мой призыв… нет, вопрос! Итак, я говорю, что вы осуждаете еду, которая тысячи лет…

— Выпейте еще, — посоветовала она.

— Наполните бокалы! — возгласил Ромеро. — Пусть льется по жилам чудесный напиток древних.

Я выпил. Меня мутило от жира, осевшего на зубах и на языке. Снег падал все гуще, он становился мельче. Небо темнело, земля светлела, торжественная белая одежда заволакивала землю. Земля засыпала. Мне тоже захотелось заснуть, я покачнулся и чуть не упал в костер. В ужасе я оглянулся, не видел ли кто, как я внезапно ослабел. Каждый был занят собой, на меня не глядели. Огонь костра боролся со снегом, сучья парили, дым вставал зонтом, лишь в глубине тускло тлел жар и змеились глумливые огоньки. Я не мог оторвать глаз от костра.

— Вам плохо? — спросил Альберт. — Поедемте лучше домой. Мне тоже надоело это скучное варварское веселье.

— Как? — переспросил я. — Я молчу. Я не говорил, что скучно. Я переживаю случившееся, дорогой… Альберт. Не надо пропускать лучшего времени для пищеварения. Итак, что вы сказали?

— Ладно, посидим еще, — согласился он. — Только дальше, по-моему, будет еще скучнее.

Кто-то запел, Ромеро подхватил. Сперва звучало два голоса, затем вступили Мэри и Альберт, и песня стала всеобщей. Я тоже подтягивал, но тихо, чтоб не мешать певцам, я редко попадаю в лад. Потом я замолчал, лишь слушал и оглядывался. И мало-помалу, по капле, по слову, по взгляду, по жесту я стал проникать

в сумрачную картину дикарского таинства, совершающегося вокруг меня.

С невидимого неба обильно валил снег, посередине тускло парил костер, а кругом костра люди, раскачиваясь, невпопад ревели песни. Я с ужасом открывал на каждом лице еще неизвестные мне выражения ярости, воинственного одушевления и жестокого восторга. Люди, мои соседи — я сам был не больше чем одним из них, ничуть не лучше любого из них, — радовались неизвестно чему, опьяненные, обожравшиеся, темно ликующие.

Я закрыл глаза, но страшная картина гремящих вокруг костра людей с тупо пьяными рожами не пропала, а усилилась. Я снова раскрыл глаза. Люди все так же сидели кружком и что-то надрывно выли сливающимся в один звук пением. Я вспомнил о моих товарищах, разбросанных по звездным просторам, никто из них и помыслить не мог, чем мы сейчас заняты.

Я встал и подобрался к Мэри. Она с испугом взглянула на меня.

— Вставай! — приказал я.

Для убеждения я рванул ее за руку.

— Что с вами? — говорила она. — На вас лица нет! Неужели на вас так плохо подействовало вино? Эли, вам надо принять лекарство…

— Хватит! — требовал я и тянул ее за собою. — К чертовой матери это чертово!.. В общем, мы едем! Садись в авиетку!

К нам подскочил обрадованный Альберт:

— Я с вами! Ну, молодцы, наконец надумали!

Мы бегом пустились к авиеткам. Мэри уже не упиралась, даже обогнала меня. У авиеток нас настиг тяжело дышащий Ромеро. Он схватил меня за плечо, я едва устоял на ногах.

— Ну! — сказал я. — Не очень, слышишь ты!

— Вот, значит, как! — не говорил, а шипел он. — Умыкание невест — так это когда-то называлось! А меня, по-вашему, не надо спрашивать? У вас не явилось мысли, что я могу быть против, любезный Эли?

— Нет. Не явилось, — сказал я. — Зато мне явилась другая мысль. — Я повернулся к Мэри и Альберту: — Вы летите домой, а я немного задержусь. Нам, как старым друзьям, надо кое о чем потолковать с Павлом.

— Я не позволю!.. — начал он, но я стал между ним и авиетками. Он замолчал, всматриваясь в мое лицо. Я тоже молчал.

— Мы вас ждем! — крикнула Мэри. Ее авиетка унеслась в темноту снегопада, за ней пропала авиетка Альберта.

Только после этого я заговорил.

— Теперь можно не стесняться, — сказал я. — Какой вывод вы собираетесь сделать из данного происшествия, высокоуважаемый Ромеро?

Он сперва повернулся к распевавшим у костра людям, потом со злой усмешкой поглядел на меня. В темноте, слабо озаренной снегом и бликами костра, я видел лишь его белое лицо, усмешку и сверкающие глаза.

— Когда-то был хороший обычай, — сказал он медленно. — Если двух мужчин разделяла женщина, они сами решали свой спор, не прибегая к помощи Охранительниц, Больших и Малых и прочих Справочных и Академических. Вы меня понимаете, высокомудрый Эли? Я согласен на любой вариант — шпаги, пистолеты, винтовки… Оружие возьмем из музея.

Я изучал его бешеное лицо, стараясь сообразить, насколько он серьезен. Меня безобразно мутил гнев.

— Я не такой поклонник старины, как вы, — ответил я. — Что до меня, то предпочитаю для дуэли аннигиляторы. Тут есть некоторое преимущество перед прежними формами поединков — побежденный увеличивает собою мировую пустоту…

— Короче говоря, вы отказываетесь из трусости, — сказал он надменно. — Могу вам сказать одно: трусостью еще никто не покорял сердца женщин.

— Да? — переспросил я, надвигаясь на него. — У вас, конечно, опыт — такой покоритель сердец!.. А не приходит вам в голову, рыцарь мужества, что я сейчас схвачу вас за грудки и выбью вашей стройной фигурой дупло в одном из дубов?

Теперь и он изучал мое лицо, пытаясь разглядеть, как далеко я готов пойти. Когда он заговорил, голос его звучал спокойно и хмуро:

— Что же, такой способ тоже был — драка на кулачках, зубами и ногами. Лично я не поклонник неандертальских манер. Но если вы настаиваете, то отойдем в сторонку…

— Нет, — сказал я. — Это вы настаиваете, а не я. Я хочу спать, а вы мешаете мне возвратиться домой. Пустите вы меня или нет? Еще минуту я потерплю, а там — не взыщите!

Он колебался всю отпущенную ему минуту. Зато теперь он снова был прежний — ироничный, немного высокомерный, любезный Ромеро.

— Вы правы, мой друг. В наше время кулаком не завоевывают сердца женщин. И в пылу наших споров я позабыл, что меня ждут гости. Пренебрегать обязанностями хозяина в старину почиталось не меньшим грехом, чем показать трусость. Видимо, я опьянел. Я, как и вы, в первый раз пробую старинное вино. Желаю доброго сна.

Он пошатнулся, поворачиваясь. Я поддержал его. Он высокомерно отвел мою руку.

— Стой! — сказал я с яростью. — Должны же мы когда-нибудь поговорить, как друзья, Павел? Не идите к костру, вам не место там.

— Позвольте мне самому выбрать себе место. И разрешите вам заметить, проницательный друг, я не нуждаюсь ни в чьих советах.

Я опять не пустил его.

— Я не советую, а спрашиваю. Почему вы на Земле, а не на Оре? Что вам делать сейчас на Земле?

— Странный вопрос! — сказал он, пожимая плечами. — А что мне делать на Оре? Вы, кажется, забыли, что там ваша сестра?

— Я ничего не забыл. Вы должны лететь на Ору.

Он уже не вырывался.

— Вы преувеличиваете мою выдержку, — сказал он сумрачно. — У нас с Верой нет дорог друг к другу. Если бы вы знали, как безобразно мы поссорились еще тогда, на звездолете…

— Я видел вашу ссору. Это получилось случайно, но я все видел.

— Значит, вы видели и то, как хладнокровно она прогнала меня? По-вашему, это можно снести?

— Глупец, она рыдала после вашего ухода! Слушайте, Павел, каждый день на Плутон уходят три экспресса, вы еще успеете к ночному.

— Я подумаю, — сказал он. — Сейчас меня ждут гости.

Я смотрел ему вслед. Он шел быстро и легко. Опьянение с него слетело сразу.

13

Утром меня разбудил Альберт. Он ухмылялся в видеостолбе.

— Проснитесь! — кричал он. — Как здоровье после вчерашнего? Мы с Мэри добрались великолепно. Она передает вам привет. Да проснетесь ли вы наконец?

— Что случилось? — спросил я, вскакивая. — Почему такая спешка?

— Разве вы забыли, что сегодня опробование связи с Орой? Я вызываю вас уже из Сахары. Кого из ваших друзей приглашать?

— Жанну — жену Андре, и Мэри. Впрочем, я уже пригласил их.

— А наш вчерашний хозяин Ромеро?

— Думаю, он уже катит на Плутон.

Я быстро оделся и поспешил к аэробусу в Сахару.

Там уже все было подготовлено к открытию связи. С нашей стороны начинала работу СВП-3, на Оре вступала отосланная нами СВП-2.

Гостей было немного, среди них Жанна. Я провел ее в зал и сел рядом с ней. Она попросила продемонстрировать во время сеанса связи места, где произошли сражения со зловредами, я пообещал сделать все, что будет возможно. Жанна, тихая, скромно одетая, как села на свое место, так уже не вставала, хотя до пуска оставалось много времени.

Потом появилась Мэри. Она с улыбкой пожала мне руку. Все в ней меняется, когда она весела.

— Что вы сделали с Ромеро, Эли? Вы знаете, что он сразу после праздника улетел на Ору?

— Вас это огорчает, Мэри?

— Разве похоже, что я огорчена? Вы, кажется, заподозрили, что я увлечена вашим другом?

Я сдержанно сказал:

— Очень рад, если не увлечены.

Положительно у нее было неплохое настроение. Я первый раз видел ее такой веселой.

— Эли, вы разговариваете так, словно сами влюбились в меня. Не забывайте, что у нас нет взаимного соответствия. Ничего хорошего для вас из этого не получится.

— Как и для вас, — сказал я и показал ей место рядом с Жанной.

Пуск установки был поручен Альберту. Альберта аттестовали человеком необычайных математических способностей, и за короткое время сотрудничества я убедился, что в аттестате не было преувеличения. Он, конечно, уступал любой машине в быстроте расчетов, но по яркости непрерывно взрывавших его мозг идей напоминал Андре, — может, поэтому я так к нему привязался. Альберт разместился в специальной кабине, устроенной тут же в зале, позади нас. Перед нами зиял темный ящик, нечто вроде сцены театров — приемный стереообъем станции. Возмущения плотности пространства, переведенные дешифраторами на язык человеческих звуков, линий и красок, должны были вещно изобразиться в стереообъеме.

— Луч в пространстве, — сказал Альберт в двенадцать часов.

Внешне все совершалось без эффектов — Земля не затряслась и не загудела, атмосферу не полоснуло пламя, даже кресла не дрогнули.

Но каждый из нас знал, что в мировое пространство рванулся поток энергии еще не слыханной мощи и концентрации. Прими этот поток иную, более вещественную, форму и попади в него

любая планета — даже вспышки не произойдет, просто исчезнет планета, словно и не было ее никогда.

И от одной мысли, что мы присутствуем при высвобождении чудовищно огромных сил, я испытывал гордость и радость. Если бы иных результатов и не имели наши старания, кроме подчинения человеческой воле таких масс активной энергии, то и это было бы значительно.

— В луче звездолет, — доложил через несколько минут автомат. — Расстояние — полпути до Оры.

— Это «Кормчий», — воскликнул Альберт. — Очертания старого звездолета.

Стереообъем дымно сиял, и в нем плыла одинокая темная точка. Это мог быть любой звездолет — и старый, и новый.

— Ора в луче! — крикнул Альберт, опережая автомат.

Ора летела навстречу, быстро увеличивалась в тумане стереоэкрана. Это были пока наши импульсы, отраженные от нее, потом стали действовать ее собственные. Мы увидели зал Звездных Приемов, много людей, среди них Веру, Ольгу, Аллана, Мартына Спыхальского.

— Так что же? — сказал Спыхальский с подходящей случаю торжественностью. — Откроем первую быстродействующую галактическую передачу? Ора докладывает Земле: мы в луче.

Я ответил за всех, находившихся на станции, а также за всех, кто в этот момент слушал и наблюдал на планете:

— Земля горячо обнимает вас!

Спыхальский доложил, что установка СВП-2 смонтирована и пущена в срок, а до нее была налажена связь со звездолетами и близкими светилами при помощи первой модели. Связь работает отлично. «Звезда со звездою говорит напрямую, запаздываний нет!» — сказал он, а после обратился к текущим заботам Оры. Это были обычные успехи и трудности гигантского строительства, разбросанного в космосе: как выполняется график возведения новых планет, монтаж искусственных солнц, на какую звезду, когда и сколько доставили материалов, кто из экипажей космических кораблей и бульдозеров (так он называл Звездные Плуги) вышел в передовые, кто отстает. Но для нас, дышавших одним дыханием с друзьями, перелопачивающими мировые просторы, каждая мелочь была важна.

— Нам бы хоть еще десятка два Звездных Плугов, — попросил Спыхальский. — Такие вы здоровые и всевластные, Земля, не можете поискать на планетах, прикрикнуть на кого следует, чтоб зашевелились поэнергичней.

Альберт сказал мне:

— Введен еще один канал на Ору. Предоставляется вам

лично для срочной передачи. Куда сфокусировать?

Я удивился: зачем мне личная передача, да еще срочная? Вера видела меня, мы обменялись улыбками, очевидно, после Спыхальского она заговорит с нами.

Я сказал Альберту:

— У меня нет секретов. Сфокусируйте в обычный видеостолб.

Я увидел инженера с Оры. Он приветствовал нас и сказал, что подключает канал связи на Вегу. «Три минуты, — предупредил он. — К сожалению, на большее не хватает!»

После этого я увидел Фиолу.

Она была с подругами в тех же непроницаемых садах, превращавших полдень в сумерки. И подруги, и она вспыхнули столбами пламени в полутьме сада, лишь потом стали различимы лица.

— Фиола! — крикнул я в восторге. — Фиола!

В забывчивости я протянул ей руки.

— Здравствуй, Эли! — пела и смеялась она. — Я вижу тебя на далекой Земле! Здравствуй, Эли! Я знаю, ты был болен.

Я несколько раз повторил: «Фиола, милая Фиола!», а она отвечала: «Здравствуй, Эли, как ты себя чувствуешь?»

— Великолепно, Фиола! — воскликнул я. Мне и вправду казалось, что никогда я не чувствовал себя так хорошо. — А ты? Скажи, как ты, Фиола?

— Я тоже. Я хочу тебя видеть, Эли!

— И я тебя!

— Приезжай, хорошо?

Тут нам сказали, что три минуты кончились, и я успел лишь крикнуть на прощанье:

— Обязательно приеду, Фиола!

Когда Фиолу выключили, Мэри холодно сказала:

— Подруга ваша, бесспорно, красочна, но внешность у нее довольно нечеловеческая. Вы, значит, тоже улетаете? Будете на Веге, передайте вашей змее поклон от земных девушек.

Я громко рассмеялся. Мэри посмотрела на меня с возмущением. Она собиралась сказать что-то очень язвительное, я видел по ее лицу, но в это время в стереообъеме появилась Вера.

— Мы заканчиваем подготовку экспедиции, — сказала Вера. — Уже почти на всех кораблях установлены доставленные от вас механизмы. Сообщаем Большому Совету, что Галактический флот ждет приказа выступить в Персей.

Мне она сказала:

— И мы все ждем тебя, брат.

— Уже скоро, — ответил я. — Уже скоро, Вера.

Альберт отключил Ору. Первая передача по необходимости

носила еще краткий и немного парадный характер. Теперь надо было выяснить, как далеко наши механизмы.

— Перевожу луч на Гиады, — сказал Альберт.

Это было значительно дальше Оры, до Гиад сто двадцать светолет. Перед нами одна за другой появлялись планетные системы, в межзвездном пространстве были локированы четыре наших звездолета. Альберт отвел луч от Гиад и усилил энергию излучения механизмов. В стереоэкране загорелись светила Плеяд.

— Это произошло здесь, — сказал я Жанне.

— Расстояние в пятьсот светолет, — объявил Альберт.

Плеяды были пусты. Ни один звездолет не мчался между светилами. Великолепное скопление было мертво. Альберт перевел луч в центр звездной кучки, на Майю, он высвечивал пространство, где произошло сражение человеческой эскадры со звездной флотилией врага, — пространство было темно и мрачно, в нем еще не рассеялась пыль недавней битвы.

Альберт высветил край скопления.

Одну за другой мы увидели все три планеты празднично яркой Электры — и ближнюю, окутанную дымом, и дальнюю, закованную в вечный лед, и среднюю, разрушенную Сигму, где мы потеряли Андре. Сигма была сера и тускла, ее не озаряло вечернее сияние автоматических светильников.

Жанна тихо плакала, не вытирая слез, чтоб не потерять плывущую в стереообъеме планету. Я не утешал Жанну, меня самого охватило волнение, когда я увидел эту несчастную планету. Я снова слышал последний, отчаянный крик Андре: «Эли! Эли!».

— Попробуем теперь достать скопление в Персее, — сказал я Альберту.

Наступил решающий момент испытания. Земля выбрасывала свои могучие локаторные и позывные лучи на пять тысяч светолет. Теперь должно было стать ясно, оправдались ли расчеты нашего проекта или мы потерпим поражение.

Несколько минут прошли в молчаливом ожидании. Потом в стереоэкране зажглось великолепнейшее из скоплений нашего района Галактики — две звездные кучки, несколько тысяч ярчайших светил… Я видел знакомую картину, ровно год я каждый день рассматривал ее в командирском зале несущегося в Персей звездолета.

И снова я не сумел отделаться от старого, жутковатого ощущения, будто я вижу удар столкнувшихся звездных кулаков, — звезды разлетались в стороны, как осколки…

— Он говорил, что слышит крик, исторгаемый из звездной кучки, — горестно прошептала Жанна. Я тоже вспомнил об этом

странном высказывании Андре.

Скопление вспухало, звезды в нем разбегались — локаторный луч механизмов вторгся в его нутро. Теперь мы были где-то неподалеку от Угрожающей.

— В сверхсветовой области две флотилии звездолетов, — бесстрастно доложил автомат. — Идут параллельными курсами, скорость не выше ста световых.

Мы увидели точки, медленно плывущие в светящемся тумане стереообъема. В первой группе было пять, во второй семь кораблей. Куда они шли? Нападать на блокированные планеты галактов? Обычный рейс в безраздельно контролируемом ими пространстве или свирепая попытка уничтожить внутренних звездных врагов, перед тем как подоспеем мы, враги внешние?

— Передайте сообщение, — сказал я Альберту.

Это было воззвание из нескольких слов, его обсудили на Земле, довели до сведения всех космических станций и строительных объектов, оно было первым воззванием человечества всему звездному миру: «Говорят люди. Слушайте нас, звездожители. Мы несем мир и благоденствие всему разумному и справедливому. Ждите нас!»

— Продолжая локировать Персей, передаю воззвание, — сообщил Альберт. — В третьем канале связи принимаю все передачи на пространственных волнах.

Крейсеры врага по-прежнему бурно стремились к какому-то объекту, ничто не показывало, что они приняли передачу. Оба скопления Персея молчали, звезды не откликались на могучий клич человечества, мгновенно переброшенный через тысячи светолет пути. Приемники ловили все возмущения пространства, но пространство было спокойно. На всех направлениях к звездной сфере, пронизанной нашим лучом, космос был невозмутимо одинаков.

Я улыбался, сидя в кресле. Молчание космоса не имело значения. Он скоро заговорит, в этом я не сомневался. Звездам нужно время, чтоб поразмыслить над нашим воззванием. Самое важное в другом: мы теперь имели способ разговаривать с дальними уголками Галактики так, словно наши собеседники сидели рядом. Они еще молчат, но мы их уже видим, они нас слышат — скоро, скоро они откликнутся! Превращение Земли в величайшее ухо, глаз и голос Вселенной удалось!

— Перевожу локирование, передачи и прием на автоматическую запись, — сказал Альберт и дал свет в зал.

Я протянул руки Жанне, обнял ее.

— Ты видела места, где исчез Андре, места, где он сейчас томится, — сказал я. — Не исключено, что наше воззвание дойдет

до него и он поймет, что мы, уже по-настоящему подготовленные, идем вызволять его! Верь, Жанна, верь — ждать уже недолго!

Она вытирала покрасневшие глаза. Я повернулся к Мэри. Мэри не было.

— Твоя знакомая ушла, когда показался Персей, — сказала Жанна. — Она тихонько поднялась и вышла. Я хотела обратить твое внимание, но ты так следил за этими крейсерами… Тебя огорчает ее уход, Эли?

— Нисколько, — сказал я весело. — Скорее наоборот — радует.

После этого я обратился к Альберту:

— Итак, пуск состоялся. В соответствии с решением Большого Совета я с этой минуты свободен. Желаю успеха, Альберт.

Он крепко пожал мне руку.

14

Теперь оставалось немногое. Вещи были собраны заранее и ждали меня на космодроме. До отправления вечернего экспресса на Плутон оставалось три часа. Я вызвал Мэри. Охранительница отыскала ее на одном из городских проспектов. Мэри шла домой, сердитая и заплаканная. У нее были красные глаза, я различал это даже в видеостолбе. Она вздрогнула, когда я неожиданно засветился перед ней.

— Вы пытались убежать, — сказал я, — но я вас нашел. И я хочу, чтоб вы немедленно прилетели ко мне. Мне очень нужны вы, Мэри…

Она смотрела в сторону, потом сказала очень неохотно:

— Ладно, вечером. Если у меня появится настроение видеть вас…

— Вечером будет поздно, Мэри. Я улетаю на Ору сегодня.

Пораженная, она взглянула мне в глаза. Она поняла, что я не шучу.

— Хорошо, я вызываю авиетку.

Мы появились на космодроме одновременно. У нее опять переменилось настроение. Теперь она была недобрая и язвительная. Она не протянула мне руки, она собиралась на прощание посмеяться надо мной.

— Когда прибудете на Вегу, передайте… — начала она, но я прервал ее:

— Не знаю, удастся ли скоро побывать на Веге. Мы идем в Персей. Я хочу, чтоб вы полетели с нами.

У нее стал такой удивленный вид, что я рассмеялся. Она совсем рассердилась.

— Я не из тех, кто любит шутки, — сказала она в негодовании. — Очень жалею, что приехала вас провожать.

Я задержал ее:

— Я не шучу, Мэри. Ничего я так в жизни не хотел, как чтоб вы сопровождали меня! Что вас держит на Земле? Вам будет хорошо, обещаю! А на Плутоне вы возьмете все, что вам нужно в дальнюю дорогу.

Она колебалась. У нее опять появились слезы на глазах.

— Удивляюсь вам, — сказала она. — Вы, кажется, задумались над тем, что мне хорошо и что плохо. До сих пор вы больше думали о себе.

— Это потому, что до сих пор я чаще бывал с собою, чем с другими, Мэри. К тому же, мужчины эгоистичней женщин, так написано в древних книгах. Но теперь все это переменится.

— Вы решили покончить со своим мужским эгоизмом?

— Наоборот, стремлюсь ублажить его. Оставить вас на Земле и потом не знать ни днем, ни ночью покоя — что с вами, не влюбились ли в кого, не заболели ли? В тысячу раз спокойнее, если вы рядом, — смотри в глаза, сколько хочешь, говори, когда хочешь, беги исполняй желания, с наслаждением слушай, как тебя ежедневно, ежечасно, ежеминутно пробирают!.. Я слишком большой эгоист, чтоб упустить свое счастье.

— У вас странный эгоизм, Эли.

— Какой есть. Идемте, Мэри, остались минуты…

Она сделала шаг к звездолету и остановилась. У нее грозно хмурились широкие брови.

— Но предупреждаю, Эли: вашу прекрасную змею…

Я весело прервал ее:

— Она будет и вашей. Вы с Фиолой рождены быть подругами. Идемте, идемте, Мэри!

Книга 2
ВТОРЖЕНИЕ В ПЕРСЕЙ

Часть первая
В ЗВЕЗДНЫХ ТЕСНИНАХ

Вестник беззвучный восстал и войну многослезную будит.
С башенной брови, о Кирн, вспыхнул дозорный костер…
Что же, мужайся! Взнуздать торопись ветровеющих коней!
Грудью о грудь на коне встретить хочу я врагов,
Близится пыль их копыт. До ворот они быстро доскачут,
Если очей моих бог не обуял слепотой…

Феогнид из Мегары (VI век до н. э.)

1

Все повторилось, все стало другим.

В прошлый раз я летел на Ору с чувством первооткрывателя. Звездный мир, вспыхивавший на полусферах стереоэкрана, был первозданно ярок. Сейчас мы мчались проторенной дорогой, десятки кораблей впереди, десятки кораблей позади. Хорошо известные звезды неслись навстречу и погасали в отдалении — нового не было ничего. Я торопился на Ору. Я больше не хотел быть звездным туристом. Сейчас я был воином величайшей армии, когда-либо собранной человечеством, — и опаздывал на призывной пункт!

— Не понимаю тебя, — сказала Мэри, хмуря широкие брови. Я как раз сетовал на задержку: пятьдесят кораблей, готовых в поход, почти месяц томились на Плутоне из-за обнаруженной на одном неисправности. — Без тебя в Персей не уйдут — зачем нервничать? И неужели красота мира становится меньше, если ты раз уже любовался ею?

— Она перестает быть неожиданной, — пробормотал я. Мы сидели в обсервационном зале, я мрачно взирал на Альдебаран, он все не увеличивался.

В Мэри что-то общее с Верой, хотя внешне они несхожи. Та прямолинейная, сухая логика, что зовется женской, у них, во

всяком случае, одинакова.

— Красота — это совершенство, то есть максимум того, что всегда ожидается и всегда желается, — сказала Мэри голосом МУМ. — Желаемая ожиданная неожиданность — согласись, это нелепо, Эли.

— Согласись и ты, Вера… — начал я запальчиво и в ужасе запнулся.

Мэри рассмеялась.

— Я видела твою сестру лишь на стереоэкранах, — сказала она. — Но ты уже не в первый раз называешь меня Верой. И ошибаешься ты, лишь когда неправ и собираешься оправдываться. Разве не так?

Я поцеловал Мэри. Поцелуи, кажется, единственное занятие, что не требует ни обоснований, ни оправданий.

Мэри все же пожаловалась:

— Я думала, ты будешь мне гидом на первой моей звездной дороге. Когда-то поездки молодоженов назывались свадебными путешествиями. У меня впечатление, что наше свадебное путешествие тебе наскучило.

Пришлось ее разуверять. Я стал вспоминать все, что знаю о светилах, рассказал о полете в Плеяды и Персей.

— Звездная бездна со всех сторон, и мы куда-то падаем в ней, — сказал я с невольным волнением. — Это нужно почувствовать, Мэри: звездная бездна — и ты в ней все падаешь, падаешь, падаешь…

— Звездная бездна, и ты в ней падаешь, падаешь, — повторила Мэри тихо.

Она склонила лицо, я не видел ее глаз.

2

Ора открылась не одна, их были сотни — каждый из галактических крейсеров, сконцентрированных у Оры, сверкал, как маленькая планетка.

Нас встретило так много друзей, что я устал обниматься, хлопать по плечу и жать руки. Рядом с Верой стоял Ромеро — как обычно, изящный и холодно-подтянутый. Он ограничился тем, что крепко пожал мне руку. Тут же произошла сценка, в сущности пустяковая, но порядком попортившая мне настроение.

С Мэри Ромеро разговаривал по-иному, чем со мной. Даже незнакомый с Ромеро человек явственно различил бы иронию.

— Вас можно поздравить, дорогая Мэри? Насколько я понимаю, осуществились ваши заветные мечты?

Если раньше я опасался, что Мэри влюблена в Ромеро, то

сейчас мне показалась, что она его ненавидит, так раздраженно заблестели ее глаза.

— На этот раз, к удивлению, вы угадали, Павел. Самые заветные из моих мечтаний!

Он почтительно развел руками, церемонно склонил голову, — так, наверно, в древности выражали поздравления.

— Что это значит? — спросила Вера. Она с недоумением переводила взгляд с меня на Мэри и с Мэри на Ромеро. — Случилось что-нибудь важное, брат?

— Для меня — важное! — я взял Мэри за руку. — Познакомься с моей женой, Вера.

Я всегда удивлялся быстроте, с какой женщины сближаются.

У мужчин мгновенное взаимное понимание не развито, мы раньше обмениваемся приветствиями, часы, а то и недели, присматриваемся, принюхиваемся и ощупываемся, прежде чем смутно начинаем соображать, кто мы такие и чего нам друг от друга надо. Условности поведения у нас сильнее, чем у женщин, мужчины и доныне жертвы этикета. Я бы на месте Веры часок потолковал с Мэри, потом взял ее дружески под руку. Вера же просто шагнула к Мэри, а та бросилась к ней в объятия.

— Наконец-то, Эли! — возгласила Вера, отпуская Мэри. — И ты, кажется, сделал удачный выбор, брат.

— Не очень удачный! — возразил я. — Справочная предрекла нам развод на третьем месяце брачной жизни. Правда, уже идет четвертый…

Вера увлекла Мэри в сторону, а я поступил в безраздельное обладание приятелей. Пополневшая Ольга сердечно пожелала мне счастья, Леонид добавил своих поздравлений, Аллан похвастался, что никогда не изменит корпорации холостяков, а Лусин, глядя с нежностью, словно я был вывешенным в его институте крылатым человекобыком, вдруг проговорил:

— Хочешь, подарю? Изумительный дракон! Летай с Мэри. Райское счастье.

— На огнедышащих драконах летать только в ад, а это я погожу, — сказал я.

Прилетевший Труб увеличил общую сумятицу. Я выбрался из его крылатых объятий основательно помятый. Прошло не меньше часа, прежде чем установился упорядоченный разговор, взамен сплошного смеха и выкриков.

Я спросил Ромеро:

— Вы не сердитесь на меня, Павел? Я имею в виду мой совет насчет Оры…

— Я благодарен вам, Эли, — сказал он без обычной напыщенности. — Я был слепец, должен это с прискорбием

признать. Наше примирение с Верой было так неожиданно быстро…

Я не удержался от насмешки:

— Не верю в неожиданности, особенно счастливые. Хорошая неожиданность требует солидной организаторской подготовки. Этой, как вы помните, предшествовала наша добрая ссора в лесу.

— Неожиданности здесь у вас будут, — предрек он уверенно. — И очень скоро, любезный друг.

Вера с Мэри, по-прежнему обнявшись, подошли к нам. Вера сказала:

— Нам нужно наедине поговорить о походе в Персей. Может быть, сделаем это не откладывая?

Я удивился, почему о походе в Персей мне нужно беседовать с Верой наедине, но Вера не захотела разъяснять.

— У меня обязанности гида, Вера. Мэри впервые на Оре.

— Тогда приходи после прогулки в мой номер.

Вера ушла с Ромеро, за ними Леонид с Ольгой, Осима, Аллан, Спыхальский — у каждого были дела на планете. Лишь Лусин с Трубом не оставляли нас. Лусин объявил, что не успокоится, пока не продемонстрирует зверинца, вывезенного с Земли. Мы с Мэри не стали огорчать Лусина и пошли к его питомцам. Пегасов одних было не меньше сотни — черные, оранжевые, желтые, зеленые, красные с белыми искрами, белые с искрами красными — в общем, всех поэтических красок, воинственно ржущие, непрерывно взлетающие, непрерывно садящиеся…

Труб, скрестив на груди крылья, с насмешливой неприязнью следил за сутолокой у летающих лошадей.

— Неразумный народец, — проворчал он на вопрос, как ему нравятся пегасы. — Не умеют ни читать, ни писать. Я уже не упоминаю о том, чтобы говорить по-человечески.

В первый год пребывания на Земле Труб справился с азбукой, а перед отлетом на Ору сдал экзамен за начальную школу, а там интегральное исчисление и элементарная теория вещества, включая и ряды Нгоро. На Оре Труб устроил для своих сородичей училища. У ангелов обнаружились недюжинные способности к технике. Особенно они увлекаются электрическими аппаратами.

— Это же только лошади, хотя и с крыльями, — сказал я.

— Тем непростительней их тупость.

Я подмигнул Мэри. Было забавно, что один из любимцев Лусина поносит других его любимцев. Лусин от ангела, однако, легко сносил то, что не потерпел бы от человека.

— Расист, — сказал он и так ухмыльнулся, будто ангел не ругал, а превозносил пегасов. — Культ высших существ. Детская болезнь развития.

В отделениях за конюшней пегасов нас заинтересовал один крылатый огнедышащий дракон. Он был такой огромный, что походил скорее на кита, чем на дракона. Он лежал, пламенно-рыжий, в толстенной броне, из ноздрей клубился дым, а когда он выдыхал пламя, проносился гул. Полуприкрыв тяжелыми веками зеленые глаза, крылатое чудовище надменно посматривало на нас. Казалось невероятным, что эта махина может парить в воздухе.

— У него корона! — воскликнула Мэри.

— Разрядник! — с гордостью объявил Лусин. — Испепеляет молниями. Хорош, а?

На голове дракона и вправду возвышалась корона — три золоченых рога. С рогов срывались искры, красноватое сияние озаряло голову чудища. На молнии, испепеляющие врага, искорки похожи не были.

— Проверь! — сказал Лусин. — Кинь камень. Или другое.

— А почему сам не кидаешь камней? Твое создание, ты и проверяй.

— Жалко, — признался он, улыбаясь. — Не могу.

На прибранной Оре найти камешек не просто. Я метнул в дракона карманный нож. Дракон рывком повернул голову, глаза остро блеснули, туловище хищно изогнулось, а молния, вырвавшаяся с короны, ударила в ножик, когда тот еще летел, — ножик бурно вспыхнул, превращаясь в плазму. И тотчас же вторая молния, еще мощней, разрядилась прямо мне в грудь. Если бы жители Оры не защищались индивидуальными полями, все мы безусловно были бы ослеплены вспышкой, а сам я так же безусловно разлетелся бы плазменным облачком.

— Может сразу три молнии, — восторженно пояснил Лусин. — По трем направлениям. Имя — Громовержец.

— Не хотел бы я схватиться с Громовержцем в воздухе, — сказал потрясенный ангел.

Мне кажется, что Труб не так испугался, как позавидовал Громовержцу: ангелы возятся с приборами, изготовленными людьми, а дракон производит электричество самостоятельно.

Дракон успокаивался — приподнявшееся тело опадало, над короной плясали синеватые огни Эльма, тяжелые веки прикрывали потухавшие зеленые глаза.

— Громовержец так громовержец, — сказал я. — Существо эффектное. Но зачем нам в Персее Громовержцы с пегасами?

— Пригодятся, Эли.

Я тогда и понятия не имел, как жестоко Лусин будет прав!

Мы с Мэри вышли наружу, оставив Лусина с его созданиями и Трубом. Был вечер, искусственное солнце погасало.

— Одни! — воскликнул я. — На Оре — и одни, Мэри!

Мэри упрекнула меня:

— До сих пор ты больше стремился к своим друзьям, чем к одиночеству со мной.

Я рассмеялся. Нигде мне не бывает так хорошо, как на Оре!

— Ты, кажется, приревновала меня к Лусину и Трубу? Пойдем, я покажу тебе Ору.

Мы долго гуляли по проспектам планеты, заходили в опустевшие звездные гостиницы. Я рассказывал Мэри, как познакомился с альтаирцами, вегажителями, ангелами. Прошедшее нахлынуло на меня, призраки, живые, как во плоти, двигались рядом. Я вспомнил и об Андре. Здесь он совершал великие открытия, а я зубоскалил, придирался к мелким ошибкам. Пока он жил среди нас, мы недооценивали его, я больше других был этим грешен.

Внезапно я увидел слезы в глазах Мэри.

— Я чем-то расстроил тебя?

Она быстро взглянула на меня и спросила почти враждебно:

— Ты не замечаешь во мне перемен?

— Каких?

— Разных… Ты не находишь, что я подурнела?

Я смотрел на нее во все глаза. Она никогда еще не была так красива. Она отвернулась, когда я сказал ей об этом, долго молчала. Погасшее было солнце разгорелось в луну — на Оре по графику было полнолуние.

— Ты странный человек, Эли, — заговорила она потом. — Почему, собственно, ты в меня влюбился?

— Это-то просто. Ты — Мэри. Единственная и неповторимая.

— Каждый человек единствен и неповторим, двойников нет. Ты по-настоящему любишь только двоих в мире. У тебя дрожит голос и блестят глаза, когда ты вспоминаешь их.

— Ты говоришь об Андре?

— И о Фиоле!

— Не надо, Мэри! — я взял ее под руку. Она отстранилась. Я попытался обратить размолвку в шутку. — Они очень мне близки, Андре и Фиола, правильно, я волнуюсь, когда говорю о них. Но если бы мы с тобой были в разлуке, как бы я волновался, вспоминая о тебе! Я вот сейчас подумал, что мы могли бы очутиться врозь, и у меня задрожали коленки.

— Но голос у тебя не дрожит, — возразила она печально. — Ты говоришь о дрожи в коленках очень спокойным голосом, Эли. Ладно, тебе пора к Вере. Обещай отнестись серьезно к тому, что она сообщит.

— Ты знаешь, о чем она собирается говорить?

— Вера скажет об этом лучше, чем я.

— Везде загадки! Ромеро грозит неожиданностями, Вера может беседовать только наедине, ты тоже на что-то намекаешь. Сказала бы уж прямо!

— Вера скажет, — повторила Мэри.

3

— Ты, конечно, удивлен, что наша беседа наедине, — так начала Вера. — Дело в том что речь пойдет о личностях. По решению Большого Совета я должна посоветоваться с тобой, кого назначим адмиралом нашего флота. Требования к адмиралу иные, чем к командирам кораблей и даже эскадр.

Я пожал плечом:

— Я раньше должен услышать, что это за требования.

— Во-первых, общечеловеческие — смелость, решительность, твердость, целеустремленность, быстрота соображения… Надеюсь, не нужно подробней? Во-вторых, специальные — умение командовать кораблем и людьми, хорошая ориентировка в галактических просторах, понимание противника и его приемов борьбы. И, наконец, особенные качества — широкий ум, острота мысли, ощущение нового, а также живое, доброе, отзывчивое сердце, глубокое понимание наших исторических задач… Ибо этот человек, наш адмирал, будет верховным представителем человечества перед лицом пока малознакомых, но, несомненно, древних и мощных галактических цивилизаций.

Я расхохотался.

— Ты нарисовала образ не человека, а божества. Сусальный лик, а не лицо. К несчастью, люди не боги.

— Нужен лишь такой человек. Никому другому люди не могут вручить верховное командование.

Мы стали перебирать кандидатуры. Ни Ольга, ни Леонид, ни Осима, ни Аллан не подходили, это было ясно. Я упомянул Веру, она отвела себя. Я сказал, что, если бы Андре не был в плену, он всех лучше бы подошел. Вера отвела и его: она считала, что у Андре ум остер, но не широк.

Я рассердился: эта игра в кандидатуры начала мне надоедать. Мне все равно, кто будет мною командовать. Пусть обратятся к Большой — бесстрастная машина даст точный ответ.

— Мы обращались к Большой.

— Что-то не слыхал.

— Это держалось в секрете. Мы предложили машине проверить правильность нашей кандидатуры, принятой единогласно Большим Советом. Машина подтвердила наш выбор.

Я был уязвлен, и даже очень. Что-что, а решение Большого Совета от меня могли не таить, кое-что и я смыслю в делах Персея.

Я спросил сухо:

— Кто же этот удивительный человек, так совершенно наделенный прописными достоинствами, что вы единогласно прочите его в свои руководители?

Она сказала спокойно:

— Этот человек — ты, Эли.

Я был так ошеломлен, что даже не возмутился. Потом я стал доказывать, что их решение — вздор, ералаш, чепуха, ерунда, нелепость и недомыслие, она может выбирать любое из этих определений. Себя-то я знаю отлично. Ни с какой стороны я не вписываюсь в нарисованный ею силуэт идеального политика и удачливого военачальника. Она заранее подготовилась к спору. Мои аргументы отскакивали от нее, как горох от стены.

— Ты, кажется, вообще отрицаешь какие-либо достоинства у себя?

— Кое-какие хорошие человеческие недостатки у меня есть.

— Не очень основательно, хотя и хлестко, Эли.

— Уж каков есть.

— Я выслушала тебя внимательно, но не услышала ничего дельного, — объявила Вера. — Если ты будешь упорствовать, твое сопротивление вызовет недоумение и обиду. Зачем оскорблять поверивших в тебя?

Подавленный, я молчал. Как и в детстве, когда она меня распекала, я не находил сейчас защиты от ее настояний. Но и радости не было. Я припомнил, как возмутился спокойствию Ольги, когда ее назначили командующей эскадрой. Былая наивность основательно повыветрилась из меня — я не ликовал, а страшился огромной ответственности.

— И долго ты собираешься так молчать? — иронически спросила Вера.

— Рассмотрим еще разок другие кандидатуры, Вера.

— Большой Совет рассматривал их. Государственная машина придирчиво исследовала каждого человека на годность в командующие. Капитаны кораблей пришли в восторг, узнав о решении Большого Совета. Тебе мало этого?

Я понял, что выхода мне не оставили.

— Согласен, — сказал я.

Она хладнокровно кивнула головой. Иного она и не ждала.

— Теперь сообщу о других назначениях. У тебя будут два заместителя и три помощника. Заместитель по государственным делам — я. Заместитель по астронавигации — Аллан Круз.

Помощники, командующие тремя отдельными эскадрами, — Леонид, Осима и Ольга. Возражений нет?

— Нет, конечно.

— Еще один пункт. Ты когда-то был моим секретарем, правда, не очень удачным. Теперь тебе самому нужно иметь секретаря. В секретари предлагают…

— Надеюсь, не тебя! — сказал я с испугом.

— Я твой заместитель, а это выше, чем секретарь.

— Извини, я не силен в рангах. Так кого определяют мне в секретари?

— Павла Ромеро. На него возложены также функции историографа похода. Но если ты возражаешь, мы подберем другого.

Я задумался. Взаимоотношения с Павлом были слишком сложны, чтобы ответить простым «да» или «нет». Я не знал другого человека, столь резко отличавшегося от меня самого. Но, может быть, несхожесть характеров и требовалась для удачной совместной работы?

Вера спокойно, слишком спокойно, ожидала моего решения. Я улыбнулся. Я видел ее насквозь.

— Разреши задать один личный вопрос, Вера.

— Если о моих отношениях с Ромеро, то они сюда не относятся. Действуй так, словно Ромеро мне незнаком.

— Павел, вероятно, будет лучшим секретарем, чем я командующим. Я принимаю его с охотой. Теперь можно задавать щекотливые вопросы?

— Теперь можешь задавать любые. — Вера явственно испытывала облегчение.

— Я никогда не вмешивался в твою жизнь, Вера, но один раз я позволил это себе. Должен ли я извиниться?

— Скорее, я должна благодарить тебя за вмешательство.

Мне не хотелось говорить об этом, но оставлять что-либо недосказанным было еще хуже.

— Павел передавал тебе, при каких обстоятельствах произошла наша последняя беседа?

— Чуть не превратившаяся в драку, — это ты о той? Я знаю обо всем: как он чуть не влюбился в Мэри, и как ты стал на его дороге, и как Мэри, перед тем праздником в лесу, призналась Павлу, что любит тебя и любит давно, с какой-то вашей встречи в Каире. И если бы не опьянение, Павел поздравил бы тебя там же, у костра, а не полез в драку, во всяком случае, он так собирался…

— А вот я этого не знал. В Каире Мэри обругала меня, как если бы возненавидела с первого взгляда. И в те несколько месяцев, что мы провели вместе, она ничего не говорила о Каире.

— А мне сказала сегодня, что ты так беспомощно взглянул, когда она обозвала тебя грубияном, что у нее застучало сердце. Тебе повезло, Эли, и я хочу, чтоб ты знал: я очень люблю твою жену.

Я встал.

— Я тоже, Вера. У нас с тобой не так много было случаев, когда бы мы сходились во мнениях. Можно уйти?

— Теперь ты должен мне разрешать или не разрешать, — педантично напомнила она.

— В таком случае я разрешаю себе уйти, а тебе разрешаю остаться.

4

Я и не представлял себе раньше, как трудно командовать. Если бы мне предстояло выбирать сызнова, я взял бы подчинение, а не командование. Я отвечал за все, а был сведущ лишь в ничтожной частице этого «всего». Профессиональный военный посмеялся бы над моими попытками организации. От позора меня спасало лишь то, что настоящих военных давно не было. Одно вскоре мне стало ясно: флот не готов к далекому походу. Так мы и доложили Земле по сверхсветовым каналам: требовался, по крайней мере, еще год подготовки.

Однажды Ромеро обратился ко мне с просьбой:

— Дорогой адмирал, — он и Осима теперь называли меня только так, Осима серьезно, а Ромеро не без иронии, — я хочу предложить вам ввести в свой распорядок дня новый пункт: писать мемуары.

— Мемуары? Не понимаю, Павел. В древности что-то такое было — воспоминания, кажется… Но писать в наше время воспоминания?

Ромеро разъяснил, что можно и не диктовать, а мысленно вспоминать, МУМ сама запечатлеет мысли. Но зафиксировать прожитую жизнь нужно — так поступали все исторические фигуры прошлого, а я теперь, несомненно, историческая фигура.

— После похода, если вернемся живыми, я продиктую все важные события, которые случатся там с нами.

Ромеро настаивал на своем. Историограф похода и без меня опишет все важные события. Мне надо рассказать о своей жизни. Моя жизнь внезапно стала значительным историческим фактом, а кто ее лучше знает, чем я сам?

— А Охранительница на что? Обратитесь к ней, она такое насообщит, чего я и сам о себе не знаю.

— Именно, — сказал он, — вы и сами того не знаете, что она

хранит в своих ячейках. Нас же интересует, что вы считаете у себя значительным, а что — пустяком. И еще одно. Охранительница — на Земле, а ваша внеземная жизнь, неизвестная Охранительнице, как раз всего интересней.

— Вы не секретарь, а диктатор, — сказал я. — Отдаете ли вы себе отчет, что в мемуарах мне придется часто упоминать вас? И мои оценки, боюсь, не всегда будут лестны…

Ответ его прозвучал двусмысленно. Временами Ромеро был для меня загадкой.

— Человеку Ромеро они, возможно, покажутся неприятными, но историограф Ромеро ухватится за них с восторгом, ибо они важны для понимания вашего отношения к людям.

В этот же день я стал диктовать воспоминания. В детстве моем не было ничего интересного, я повел рассказ с получения первых известий о галактах. Случилось так, что в эту минуту мимо моего окна пролетел Лусин на Громовержце, и я вспомнил другого дракона, поскромнее — на том драконе Лусин тоже любил кататься, — и начал с него. С тех пор прошло много лет. Я давно забыл те мемуары, ту первую книгу, как называет ее Ромеро. Я диктую сейчас вторую — наши мытарства в Персее.

Передо мною — лента с записью, рядом с ней та же запись в форме пяти изданных по-старинному книг, пять толстых томов в тяжеленных переплетах — официальный отчет Ромеро об экспедиции в Персей, там много говорится и обо мне, много больше, чем о любом другом. А если я пожелаю, вся эта бездна слез, сконцентрированных в отчете, зазвучит в моих ушах голосом Охранительницы, живыми образами засветится на экране.

Я хочу поспорить с трудом Ромеро. Я сам хочу рассказать о себе. Я не был тем властным, неколебимым, гордым, бесстрашным руководителем, каким он меня изображает. Я страдал и радовался, впадал в панику и снова брал себя в руки, временами я казался себе самому жалким и потерявшимся, но я искал, я неустанно искал правильного пути в положениях, почти безысходных, — так это было. Я буду опровергать, а не уточнять Ромеро. Я продиктую книгу не о наших просчетах и конечной победе: такую книгу уже создал Ромеро — другой не надо. Нет, я хочу рассказать о муках моего сердца, о терзаниях моей души, о крови погибших близких, мутившей мою голову… Нелегким он был, наш путь в Персее!

5

Доклад о том, что эскадры не готовы в дальний поход,

породил на Земле тревогу. Веру и меня вызвали на заседание Большого Совета. Я пошел к Мэри попросить ее сопровождать нас на Землю. Мы с Мэри теперь не виделась неделями: я пропадал на кораблях, перебираясь с одного на другой, а Мэри нашла себе занятие в лабораториях Оры. Мне показалось, что она больна. Я знал, конечно, что на Оре, как и на Земле, болезни невозможны. Но у Мэри был такой грустный вид, так блестели глаза, а припухшие губы были такие сухие, что я встревожился.

— Ах, да ничего со мной, здорова за двоих, — сказала она нетерпеливо.

— Когда вы отлетаете?

— Может, все-таки — мы отлетаем? Зачем тебе оставаться за Оре?

— А зачем мне лететь на Землю? Тебе надо, ты и лети.

— Такая долгая разлука, Мэри…

— А здесь у нас не разлука? За последний месяц я видела тебя три раза. Если это не разлука, то я радуюсь твоему удивительному чувству близости.

— На корабле мы будем все время вместе.

— Ты и там найдешь повод оставлять меня одну. Не хочу больше уговоров, Эли!

Я молчал. Она сказала мягче:

— Кстати, я дам тебе поручение — список материалов для моей работы в лаборатории. Привези, пожалуйста, все.

Мне пришла в голову одна мысль и сгоряча показалась хорошей.

— На Вегу идет галактический курьер «Змееносец». Ты не хотела бы прогуляться туда? Экскурсия на Вегу займет месяца три, и на Ору мы вернемся почти одновременно.

Еще не кончив, я раскаялся, что начал этот разговор.

У Мэри вспыхнули щеки, грозно изогнулись брови. В гневе она хорошела. При размолвках я иногда любовался ею, вместо того чтобы успокаивать, это еще больше сердило ее.

— Ты не мог бы сказать, Эли, что я потеряла на Веге?

— На Веге ты ничего не потеряла, но многое можешь найти.

— Под находкой ты, по-видимому, подразумеваешь Фиолу?

— Поскольку ты хотела стать ее подругой…

— Этого ты хотел, а не я. Вот уж никогда не было у меня желания выбирать в подруги змей, даже божественно прекрасных! И особенно — возлюбленную змею моего мужа!

Я сокрушенно покачал головой:

— Ах, какая пылкая ревность! Но как же быть мне? Мне предстоит распространять благородные человеческие порядки среди отсталых звездожителей, а моя собственная жена вся в

тенетах зловредных пережитков. Какими глазами мне теперь смотреть на галактов и разрушителей? Какие евангелия им проповедовать?

— Когда ты так ухмыляешься, мне хочется плакать! — объявила она.

— Тебе это не удастся, — заверил я. — Через минуту ты будешь хохотать, я вижу это по твоим глазам.

Хохотать она не стала, но плохо начатый разговор закончился мирно. Список материалов был так обширен, что еле уместился на метровой ленте. Мэри провожала меня на «Волопас», мы обнялись и расцеловались. В салоне Вера сказала:

— Мэри хорошо выглядит, Эли. И здоровье у нее, кажется, крепкое?

— Здорова за двоих, так она сама сказала.

Вера внимательно посмотрела на меня, но разговора о Мэри не продолжала.

Все дни в полете были заполнены бесконечными совещаниями с Верой и ее сотрудниками. Их у нее была добрая сотня, и весь этот коллектив — а в придачу к нему и корабельная МУМ — разрабатывал детали вселенской человеческой политики. На одном из их симпозиумов о природе галактического добра и зла я, почти обалдев, выпалил:

— Что толку копаться в частностях? Мне бы встретиться с разрушителем нос к перископу, а там я соображу, как действовать.

— У тебя нет жилки политика, — упрекнула Вера.

— Сухожилья, а не жилки, Вера. Ибо ваши ученые речи так сухи, что я испытываю от них жажду буянить и ниспровергать добро.

— С результатами наших разработок тебе все же придется ознакомиться, — предупредила Вера.

С того дня я не ходил на совещания у Веры, а перед прибытием на Землю прочитал ее доклад Большому Совету — длинный список политических предписаний на все случаи похода. Ни один не поразил меня новизной. Все их можно было свести к нехитрой формуле: ко всем разумным существам Вселенной относись по-человечески, по-человечески поддерживай добро, по-человечески борись со злом. Мне кажется, не стоило так много трудиться, чтобы в результате выработать такой бесспорный катехизис.

— Я очень рада, что ты не нашел ничего нового, — заявила Вера хладнокровно.

— Что же тебя радует?

— А вот именно то, что наша галактическая политика тебе

кажется бесспорной. Согласись, было бы печально, если бы руководитель величайшего похода человечества усомнился в его цели и задачах.

Какой-то резон в ее словах был. Во всяком случае, Большой Совет с энтузиазмом воспринял ее доклад «Принципы галактической политики человечества», аплодировал ей, как на древних митингах и съездах. Впрочем, и мне похлопали, хотя я расписывал не благородные цели, а материальные затруднения и не так воодушевлял членов Совета, как грозил им провалом всего похода, если безотлагательно не примут энергичных мер. После заседания члены Совета разъехались по производственным планетам — торопить отстающие космические заводы, а мы с Верой стали готовиться обратно. Несколько дней ушло на сбор материалов для Мэри. Я успел еще забежать к Ольге, она незадолго до нашего отлета на Землю уехала сюда рожать и теперь возилась с прехорошенькой дочкой Иринкой. Она возвращалась на Ору вслед за нами.

За четыре месяца разлуки Мэри очень пополнела, порывистая ее походка превратилась в неуклюже осторожную. Я в изумлении сперва свистнул, потом схватил Мэри на руки.

— Осторожней! — сказала она. — В прогнозе беременности таскания на руках не предусмотрены.

— Отшлепать тебя, Мэри! — высказался я, бережно ставя ее. — Хоть бы словечко! И Вера хороша, она-то, наверно, знала!

— Она знала, а ты должен был догадаться! — весело возразила Мэри. — И потом я же сказала тебе, что здорова за двоих; простой человек, не адмирал, сообразил бы в чем дело. А молчать мы условились с Верой, на Земле тебе хватило забот и без тревог о моем состоянии.

Я засыпал Мэри вопросами, кого она ждет, когда роды, как они пройдут. Мэри умоляюще подняла вверх руки. Давно я не видел ее такой довольной.

— Не все сразу, Эли! Через месяц получишь сына, срочно придумывай имя. Скажи теперь, как с моими поручениями?

— Сто тяжеленных ящиков — вот твои поручения. Старинные ядерные бомбы в музеях легче твоих грузов. Я чуть не надорвался, когда поднимал самый маленький ящик.

Мэри рассмеялась.

— В ящиках тоже бомбы, но распространяющие жизнь, а не смерть.

— Жизнь, ты сказала?

— Да, жизнь. Что тебя удивляет? Наша женская судьба — порождать жизнь. Разрушение — древняя привилегия мужчин. И если у зловредов…

— Не надо меня агитировать, Мэри. На матриархат я не соглашусь. Максимум моих уступок в этом отношении — равноправие. Тебе привет еще от одной распространительницы жизни. У Ольги дочь Иринка. Прогнозы исполнились прямо блестяще, роды прошли хорошо.

— Рада за Ольгу. Но, кажется, состояние других женщин тебя интересовало больше, чем состояние жены?

— Другие женщины не так скрытны, особенно их мужья. Когда один командир эскадры срочно просится на Землю, а второй чуть не каждый час прибегает на станцию сверхсветовой связи, то командующий, хочет он или не хочет, должен поинтересоваться, что случилось с его помощниками. С ближайшим курьером и тебя отправим рожать на Землю, как велит традиция.

— Положим начало новой традиции — я буду рожать на Оре. Я просила уже об этом Спыхальского, и он согласился меня оставить здесь. Не делай огорченного лица, здесь мне будет не хуже, чем на Земле.

— Тогда назовем сына Астром, — сказал я торжественно. — Раз наш сын будет первым человеком, рожденным на иных звездах, то и имя у него должно быть звездное.

6

МУМ предсказала, что роды будут нелегкими, и роды были нелегкими. В эти трудные дни я часто вспоминал об Андре: он тревожился о Жанне, а я посмеивался, ибо знал, что новый человек появится на свет в предсказанный срок и с предсказанным благополучием. Сейчас я тоже знал, что Астру гарантировано удачное рождение, но волновался не меньше Андре.

Он был, конечно, отличный паренек, наш Астр, пять килограммов мускулов и обаяния, он засмеялся, чуть раскрыв глаза, радостно задрыгал ножками — ему показалось хорошо на свете! Так говорили в голос и Вера, и Ольга, дежурившие у постели Мэри.

— Он ударил меня ножкой в грудь, и, знаешь, было больно, — с восторгом утверждала Вера. — Скоро мы покажем его тебе, посмотришь, какого родил озорника.

— Он похож на тебя, Эли, — добавила Ольга. — Он так же хохочет, как ты, у него твое умное, насмешливое лицо, а когда ему что-то не понравилось, он нахмурился не хуже тебя.

А потом примчались поздравления с Земли, и первое от Альберта. Этот мальчишка поздравил нас с Мэри по-своему. Он

предложил Большой просчитать, какие космологические проблемы будут мучить нарождающееся поколение людей, и Большая выделила два вопроса: проникновение в загадочное ядро Галактики, скрытое от нас темными туманностями, и продолжающееся выпадение Гиад из нашего мироздания: теперь уже не подлежало сомнению, что звезды Гиад с нарастающей скоростью рушатся в какую-то яму в космосе, в бездну в метрике, разверзшуюся словно специально для них.

Астру надлежит первому из людей броситься в провалы этой звездной пропасти, пророчествовал Альберт, он первый из людей исследует, вправду ли она бездонна.

Я не мистик и не ясновидец, я не мог догадаться в то время о судьбе, уготованной Астру, но хорошо помню, каким зловещим холодом повеяло на меня от астрологической шутки Альберта. И, сообщая Мэри о поздравлениях, посыпавшихся на Ору от друзей, лишь об этом, о поздравлении Альберта, я умолчал.

Мэри, когда меня пустили к ней, выглядела такой веселой и красивой, точно вернулась с прогулки, а не выкарабкалась из болезни.

— Я знала, что Астр будет похож на тебя, — сказала она. — У меня были его гороскопические фотографии уже на третьем месяце беременности, но тебе я не показала, я была тобой недовольна. Не оправдывайся. Лучше скажи, когда выступление?

— Уже скоро. Ты хочешь присутствовать при нашем отлете или возвращаешься на Землю раньше?

— Я хочу лететь с тобой! — выпалила она.

— Чепуха, — сказал я великодушно. — Я знаю, у молодых матерей бывают странные причуды.

— О всех моих причудах ты и не догадываешься, — заметила она. — Придется тебе взять нас с Астром с собою.

Я переубеждал ее. Я привел в пример Ольгу. Ольга — известнейший галактический капитан, кому-кому, а ей раньше всех нужно идти в экспедицию. А она попросилась в резервную третью эскадру, стартующую с Оры года через три, — так ей хочется побыть со своей Ириночкой подольше. О том же, чтобы тащить девочку в опасный поход, ни она, ни Леонид и не помышляют. Материнство, сказал я, это древнейшая из человеческих профессий, все мы должны считаться со священными обязанностями матери даже и в наше время, когда детишкам в яслях куда удобнее, чем у подола родительницы.

— По-моему, я не хуже тебя знаю профессию матери, — возразила Мэри, хмурясь. — Уговоры бесполезны, мы летим с тобой.

— Но почему? — воскликнул я. — Объясни по-человечески,

для чего тебе подвергать себя и Астра превратностям дальнего путешествия?

На это она ответила так:

— Где ты, Кай, там и я, Кая.

Я не понял, почему она назвала меня Каем, а навести потом справку у МУМ как-то не удосужился. Я подошел с другой стороны. Хорошо, ты член экспедиции, как и я, ты имеешь право участвовать в походе. Но зачем брать малыша? Вдруг с ним что-либо случится! Время отвезти его на Землю и затем вернуться еще есть.

— Нет, нет, нет! — стояла на своем Мэри. — Я не хочу разлучаться ни с Астром, ни с тобой. И что с ним может случиться? Детские болезни давно отменены, разве ты этого не знаешь?

— Ты хочешь, чтобы я внес Астра в списки экипажа?

— Не иронизируй. Я именно этого хочу.

Я прошел к Астру. Малыш дрыгал ногами и пускал пузыри. Он поглядывал осмысленными глазами и невнятно проговорил: «Бы!» Он вовсе не спал, отрешенный от окружающего, как любят проделывать другие человечки его возраста, он отнюдь не был еще некой «вещью в себе», он уже жил, уже энергично барахтался в этом новом для него мире.

И когда я схватил его под мышки и поставил ножками на перину, он не сжал безвольно коленки, не повис беспомощно в воздухе, а энергично ударил подошвами в одеяльце. Я знаю, что это звучит фантастически, но я веду строжайше реалистический рассказ, и тем более во всем, что касается Астра, не позволю себе преувеличений. Астр отталкивался от постели, уминал ее ножками, бил меня пятками в грудь, порывался идти. Он беззвучно хохотал, ловил пухлыми ручками воздух, — нет, повторяю, он не покоился в этом мире, сонно набираясь сил, а действовал в нем, упругий, звонкий, всем своим существом радующийся тому, что существует.

— Астр, собирайся в поход! — сказал я, ликуя. — Надевай доспехи и собирайся в поход, маленький человек Астр!

Он проговорил гораздо отчетливее и громче прежнего: «Бы!»

…У меня сжимается сердце, когда я вспоминаю тот день и что произошло потом. Даже случайные обстоятельства складывались так, что все они, как лучи, отраженные от вогнутого зеркала, собирались в одном зловещем фокусе, и в фокусе том была — неизбежность.

7

Мы шли двумя эскадрами, по сто звездолетов в каждой, любой из кораблей был раз в пятьдесят мощней, чем прежний сверхмогущественный «Пожиратель пространства».

Я поднял свою адмиральскую антенну на «Волопасе» — флагманском крейсере Осимы. На «Волопасе» поселились также Вера и Лусин. На «Скорпионе», командирском корабле Леонида, разместился Аллан со своим штабом. Известия, полученные с Земли перед выступлением, не обнадеживали.

Сверхсветовые локаторы Альберта не обнаруживали перемен в звездных теснинах Персея. Земля, превращенная в величайшее Ухо и Глаз Вселенной, напрасно всматривалась и вслушивалась в два звездных кулака, столкнувшихся в гигантском космическом ударе, — из Персея не доносилось новых звуков, в нем не вспыхивало новых картин.

Лишь одно загадочное явление произошло незадолго до старта, но в тот момент мы не придали ему значения, а если бы и поняли, что оно таит в себе, вряд ли это могло бы сказаться на наших дальнейших действиях.

Альберт сообщил, что внезапно пропала одна из звезд скопления Хи, светило с единственной планетой, по-видимому, населенной разрушителями, — «зловредное» светило, по нашей терминологии.

— Взяло и пропало, было и не стало, — докладывал мне Альберт по СВП. — А звездочка неплохая — гигант класса К, абсолютная светимость около минус пяти — в десять тысяч раз поярче Солнца! На фотографиях видна отчетливо, за шестьсот лет фотографирования ни на йоту не изменила блеска, такая трогательная постоянность. И внезапно — нету! И что всего забавней — исчезла из этого мира за считанные секунды, без потускнений и угасаний. Провалилась, как в люк, из бытия в небытие, иного слова не подберу.

— Может, аннигиляция? — спросил я. Меня встревожило сообщение Альберта. Если разрушители овладели искусством превращения вещества в пространство, то главное наше военное преимущество перед ними утрачивалось. — Вы не проверили, не расширяется ли скопление?

Альберт успокоил меня:

— Вы плохо относитесь ко мне, Эли, если думаете, что я немедленно не исследовал именно это — не появились ли каверны новых пустот? Никакого дополнительного пространства в Персее! Говорю вам, звезда просто пропала — и все.

— Наблюдения велись при помощи СВП?

— За каких невежд вы нас принимаете, Эли? В оптике эта звездочка — мы ее назвали Оранжевой — будет мирно светить

еще, по крайней мере, пять тысяч лет. Она исчезла в сверхсветовой области.

Станции волн пространства и на звездолетах и на Оре были слишком слабы, чтобы зафиксировать пропажу и появление Оранжевой, зато мы хорошо рассмотрели ее в оптике. Звезда была эффектна — ярко-оранжевая, неистово пылающая, она затмевала своих соседей мятежным сверканием. Я и раньше замечал, что разрушители облюбовывают для своих селений именно такие звезды-гиганты поздних спектральных классов.

— Родная сестра Угрожающей, — сказал я Осиме об Оранжевой.

Мы рассматривали ее со сложным чувством восхищения и недоброжелательности: сражения в районе Угрожающей еще были свежи в памяти.

Через три дня после первого сообщения Альберт передал, что Оранжевая появилась на прежнем месте и светит так же мощно и мирно.

История с пропажей Оранжевой занимала нас недолго и особенно не встревожила никого. Ромеро предположил, что причина в неполадках на СВП. Он так и написал в отчете, что локация на пространственных волнах — дело неиспытанное и, очевидно, не звезда занялась цирковым иллюзионом, а возникли неожиданные помехи в сверхсветовом приеме. Мы были поверхностны в суждениях, сейчас это надо признать. Никто не знает своего будущего. Не знал его и я. Нельзя требовать от человека больше того, что свойственно человеку.

Я не буду описывать движения к звездным скоплениям Персея, об этом лучше моего рассказал Ромеро. Упомяну лишь, что каждый из кораблей был быстроходней «Пожирателя пространства», но флот в целом двигался медленнее, чем тот галактический разведчик. Мы не могли рассчитывать, что такая армада подберется незамеченной к крепостям разрушителей, — нужно было принять меры, чтобы вражеская атака не застигла нас врасплох в пути. И хоть разрушители и не осмелились напасть в рейсе, а придумали похитроумней средства защиты, я и поныне не жалею, что не дал воли нетерпению иных капитанов, настаивавших на стремительности полета. Мы неслись в две кильватерные струи, осмотрительно и надежно страхуя себя спереди, с боков и сзади.

Астру пошел шестой год, когда перед нами, на все звездное небо, раскинулись гигантские скопления светил Персея.

8

Нас ожидали.

Еще издалека мы стали расшифровывать сообщения, посылаемые нам друзьями, и о нас — врагами. И снова, как во время разведки на «Пожирателе пространства», в космосе забушевала буря помех. Посторонние шумы забивали информацию галактов, а внутренние депеши разрушителей были так невнятны, что расшифровка их не дала ничего ценного.

Мы подошли к поясу космической пустоты, разделявшему оба скопления: ближнее Аш и дальнее Хи. Расстояние между скоплениями было около сотни парсеков — пустяк по масштабам Галактики, но вовсе не пустяк для наших кораблей. Некоторые капитаны настаивали на обследовании ближнего — Аш, но я повернул в Хи, где мы уже побывали однажды: там нас поджидали хорошо подготовленные к встрече враги, но также и несомненные друзья. Неведомые друзья уже пытались нам в прошлый прилет помочь, были основания надеяться на их новую помощь — и гораздо более эффективную.

Вскоре справа и слева остались окраинные пустые звезды, и мы очутились в области, где светила густо теснились одно к другому.

Каждая эскадра двигалась самостоятельно — строем тарана, в восемь слоев с острием. В эскадре Осимы острие тарана составлял «Волопас», за ним шел «Гончий Пес», а вокруг «Гончего Пса», по кольцу, располагались двенадцать других звездолетов. Дальше этот слой из тринадцати звездолетов, один в центре и двенадцать по окружности, повторялся семь раз с одним изменением — диаметр окружности от слоя к слою увеличивался.

Колоссальный конус из ста двух кораблей штурмовал тенета неевклидовости, чуть не запутавшие когда-то «Пожирателя пространства». По расчету МУМ, этой мощи было достаточно, чтобы преодолеть любые возмущения метрики.

А на отдалении в несколько световых недель точно такой же отряд звездолетов под командованием Аллана и Леонида прокладывал собственный туннель в неевклидовости.

Первые депеши Аллана говорили, что все идет хорошо. Мы не сомневались в успехе.

Я хорошо помню день, когда эта уверенность в легкой победе была разметена. В тот день мы сидели вчетвером в командирском зале — Осима, Вера, Ромеро и я. Свет звезд был так ярок, что я различал лица друзей. Эскадра, пожирая пространство, неслась на желто-красное светило с одной планетой. Это была Оранжевая — звезда, внезапно исчезнувшая из Персея перед нашим выступлением с Оры и так же внезапно потом появившаяся. Альберт назвал ее мирной. Мне она мирной и с Оры не

показалась: ее исступленное сияние тревожило, а не успокаивало.

Это, конечно, были эмоции, а не расчеты, тем более — не факты, но о фактах рассказал Ромеро, я же описываю свои ощущения, и тут ничего не поделаешь — Оранжевая меня беспокоила…

— Пока, кажется, все удачно? — прервала молчание Вера.

Ей ответил Ромеро. В те первые дни он глядел оптимистом.

— Думаю, разрушителям на этот раз не удадутся нехитрые приемы, которыми они чуть не запутали Ольгу с Леонидом.

— И меня, — коротко напомнил Осима.

— И вас, уважаемый капитан Осима, — хладнокровно добавил Ромеро. — Я хорошо помню, что и вы были в числе трех командиров, сломя голову бежавших из Персея. И я очень рад, что именно вы командуете победоносным возвращением.

Я наблюдал в это время Оранжевую. Волны пространства, лоцировавшие странную звезду, преобразовывались в приборе в обычный оптический спектр, — я видел ее не той, какой она была месяцы и годы назад, а какой она была сейчас, в данную минуту. И я ожидал от нее удивительных перемен — вспышек, гигантских протуберанцев, бешено разлетающихся туманностей. Если бы она на моих глазах превратилась в сверхновую, я не удивился бы.

— Почему ты так впился глазами в Оранжевую, Эли? — поинтересовалась Вера.

— Что-то произойдет, — сказал я. — Это ведь не просто светило, а звездное оружие зловредов… Как бы оно не грянуло в нас ошеломляющим залпом разрушительных частиц и испепеляющих полей.

— Пусть попробуют, адмирал, — отозвался Осима. — Наши средства защиты от частиц и полей вполне надежны.

И, как бы накарканные мною, вскоре произошли перемены, но не те, каких мы ожидали. Оранжевая не вспыхнула, исполинский взрыв не превратил ее в сверхновую, исторгнув массы испепеляющего излучения. Она стала тускнеть, просто тускнеть. Пораженные, мы молча переглянулись в звездной темноте. Что-то в этом ослаблении блеска звезды было нехорошее.

— Сообщение от Аллана! — быстро сказал Ромеро. — Прошу внимательно слушать МУМ. Кажется, рапорт о полной победе!

Но это был рапорт о неудаче, а не о победе. Впоследствии таких рапортов я получал много и сам отправлял такие же на Землю — и понемногу мы к ним привыкли. Но в тот день слова депеши звучали похоронными колоколами. Попытка вторгнуться внутрь скопления окончилась крахом. Повторилось то, что проделали с «Пожирателем пространства»: тогда нас не

выпускали из скопления, а сейчас не впустили в него.

И хотя сейчас в звездную ограду врага врубалось свыше ста сверхмощных кораблей, а тогда в его лабиринте метался лишь один неосторожный галактический разведчик, перемен не произошло.

С той же стремительностью, с какой Леонид ударил тараном эскадры в звездные стены противника, отряд звездолетов выворачивало назад: задние слои тарана еще штурмовали окраинные звезды скопления, а острие, флагманский корабль «Скорпион», вылетел наружу, в свободный от светил космос. Звездные проходы в скопление Хи были закрыты.

— Вечера отсюда не было выхода, сегодня сюда нет входа, — невесело сформулировал я положение.

— Но мы движемся пока вперед, адмирал! — воскликнул Осима. — Мы пока атакуем. И что не удалось эскадре Леонида, может, удастся моей!

Оранжевая все больше тускнела. Я уже понимал, что это как-то связано с искривлением пространства. Скоро, очень скоро и мы, вслед за Алланом, должны были, как шар под гору, покатиться по предписанной кривизне наружу.

— Ты чего-то ожидаешь, Эли? — спросила Вера.

— Да, Вера. Ожидаю, что нас вышвырнет отсюда так стремительно, что мы не успеем даже сбросить скорости. Пулей полетим, как выражались предки.

МУМ вскоре информировала о нарастающей кривизне в пространстве. Нас выбрасывало наружу.

— Разрушители пока действуют по шаблону, — заметил Ромеро. — Не противоборствуют нашему движению, а спокойно меняют его направление. Вы не собираетесь поискать новых вариантов, дорогой адмирал?

— Уже ищу…

— Ну, и?..

— Если они повторяют удавшийся им прием, то почему нам не повторить удар Ольги по планетке? Аннигилируем подходящий объект на окраине скопления и ворвемся в созданные нами ворота пустоты.

Осима передал командование автоматам, мы зажгли в зале свет. На полусферах засветились карты скопления Хи. Оно не было таким компактным, как шаровые скопления на окраинах Галактики, здесь имелись и одинокие звезды с планетками и темные космические шатуны, уныло странствующие вокруг скопления.

Нужно было подобрать планету поближе к крепостям врага, чтоб их искривляющие механизмы не успели ввести созданную

нами пустоту в свои пространственные поля. В том районе, куда подошли обе эскадры, имелось около десятка планет вокруг одиноких звезд и примерно столько же галактических шатунов с массой покрупней планетной, но значительно меньше звездной. Каждый из этих объектов мог быть использован для прорыва.

— Надо смотреть в глаза неприятным фактам: атака в лоб не удалась. И не удастся, сколько бы мы ее ни повторяли, — подвел я итоги обсуждения. Я говорил так резко для упрямого Осимы. — Конечно, новый вариант потребует месяцев, может быть, лет. Но если прямые пути перекрыты, ничего не остается, как идти в обход.

9

Я прошел к Мэри в лабораторию. Она занималась выведением простейших жизненных форм для разных условий питательной среды, гравитации, температур и давления. Именно для этой работы я и доставил Мэри материалы с Земли.

Я равнодушно поглядел, как Мэри возится с прозрачными колбами. В колбах плескалось что-то мутное.

— Неинтересно, правда? — спросила Мэри, засмеявшись.

— Неинтересно, — согласился я. — Жиденькая грязца.

— А если я тебе скажу, что одной капли этой грязцы, пролей ее случайно из колбы, будет достаточно, чтобы полностью уничтожить весь наш звездолет, — тоже неинтересно?

Я посмотрел колбу на свет. Это, несомненно, была колония бактерий. Но о бактериях, уничтожающих корабли, мне еще не приходилось слышать. Я попросил разъяснить, как могли попасть на звездолет такие опасные препараты.

— Они занесены в списки корабельного имущества в соответствии с требованиями закона, — успокоила меня Мэри.

— Но они грозят разрушением. Руководителю экспедиции полагается знать, для каких целей на корабле появляются предметы, таящие в себе гибель.

— Разве мало у вас здесь предметов, потенциально опасных? В сравнении с аннигиляторами, уничтожающими планеты, мои микробы — стая ос рядом с тигром.

Из объяснений Мэри я понял, что на Земле были недавно синтезированы удивительные тельца — микроскопические атомные заводы. При достаточном притоке энергии извне, а иногда и за счет внутренней энергии процесса они перестраивают ядра атомов, входящих в состав их пищи.

— Вот эти крохотульки питаются чистым железом, — сказала Мэри, любуясь колбой. — И после их работы железа уже нет, а

есть кислород и водород, кремний и углерод… Если мы где-нибудь натолкнемся на планету из чистого железа, я заражу планету этими бактериями, и через несколько тысячелетий на безжизненном металле появится разрыхлительный слой, вполне пригодный для питания растений.

Я сказал, удовлетворенный:

— Можешь возиться со своими крохотными страшилами, звездолету они не опасны. Железо для постройки кораблей давно не применяется.

Мэри лукаво смотрела на меня:

— У меня еще десятка два похожих на эту колб и в каждой точно такая же грязь… Но она разъедает уже не железо, а другие элементы.

К нашей беседе прислушивался Астр. Куда Мэри ни идет, он бежит за ней.

Сейчас он сидел на полу и возился с отказавшим игрушечным драконом.

— Папа, почини гравитатор, — попросил Астр. — Я уже два раза плюхался на пол.

У игрушечного дракона были плохо подогнаны гравитационные контакты — обычная беда этих игрушек. Я прочистил щеточкой излучатели, и Астр стал носиться по лаборатории, то взлетая под потолок, то гремя крыльями у моего уха.

— И тебе не страшно, что он разобьется? — упрекнула меня Мэри. — Я обрадовалась, когда этот противный ящер отказал. Хоть день прошел бы без царапин и синяков.

— Мальчик без царапин и синяков немного стоит, — отозвался я, искоса наблюдая, не нужно ли спешить Астру на помощь.

— Если маме не нравится мой зверь, я попрошу Лусина покатать меня на Громовержце! — крикнул с потолка Астр.

Он уцепился руками за плафон, а ногами удерживал рвавшегося вперед дракона. Если бы игрушка проскользнула между ног, Астру оставалось бы только падать. Я прикрикнул на него. Он опустился на пол.

Мэри вскоре догадалась, что меня что-то гнетет.

— Кое-что новое есть, — ответил я. — Дороги внутрь скопления закрыты основательно. Будем применять метод, каким Ольга воспользовалась при бегстве из Персея.

Я говорил тихо, но у Астра был отличный слух.

— Вы хотите аннигилировать звезды?

Дальше секретничать не имело смысла.

— Ну уж — звезды! Ограничимся планетоподобными

шатунами. Зрелище будет красочное, тебе понравится, Астр.

Он объявил с гордостью:

— Я видел в стереоэкране, как ты с капитаном Ольгой Трондайк аннигилировал зловредную Золотую планету. Отличный был удар, такого до вас никто не наносил!

— Нам тоже досталось, сын. Но ты прав: аннигиляция удалась, выход пустого пространства был максимальным.

Мэри и раньше без одобрения прислушивалась к нашим разговорам с Астром, а сейчас что-то вывело ее из себя.

— Иди к себе, Астр! — сказала она резко.

Когда Мэри говорила таким тоном, спорить с ней не следовало. Астр покорно убрался.

— Чувствую, чувствую, что мне за что-то достанется! — сказал я, посмеиваясь.

— Ты не знаешь меры в своем обожании сына! — с негодованием воскликнула Мэри. — Как ты с ним разговариваешь?

— Нормально. Говорю, как с тобой или Ромеро.

— Именно. Но мы с Павлом взрослые люди, а он ребенок! Жалею, что на звездолетах нет земных интернатов, некоторые родители портят своих детей! Ты из таких родителей.

— Сюсюкать с ним, как древние няньки?

— Не сюсюкать, нет! Но и не объясняться с малышом так, словно перед тобой Ньютон или Эйнштейн.

— С Ньютоном или Эйнштейном я бы не объяснялся, как с Астром, — отпарировал я хладнокровно. — Они бы не поняли меня. Эти люди были научными великанами, но многое знали хуже Астра. Наш шестилетний малыш куда образованней Ньютона или Эйнштейна!

Раздражение Мэри превратилось в смех. Такие переходы с ней бывали часто.

— Я устала от твоих парадоксов! — объявила она потом.

— Где ты нашла парадоксы? Все тривиально. Ньютон был гениален, но ничего не знал об электричестве. Астра же окружают электрические игрушки, электрические машины, он бредит стереоэкранами, передачами, сигналами, электричество его согревает и освещает, он способен сам привести в движение и остановить гигантские электрические моторы. Ньютон в ужасе бы отпрянул, если бы перед ним показалось какое-нибудь электронное страшилище, на котором раскатывает наш Астр! Теперь поговорим об Эйнштейне.

— Эли, довольно! Тебя не переспорить!

— Нет уж, поговорим! Эйнштейн создал современную теорию гравитации, но что он знал о переходе отрицательной энергии

полей тяготения в положительную энергию отталкивающихся полей? А ведь это та операция, которую Астр совершает простым поворотом рычага! Постой, я не кончил! Скажи по-честному: сумел бы великий Эйнштейн одним нажатием кнопки взлететь на воздух и мотаться где-то под потолком? Сумел бы он рухнуть с высоты, не повредив ни единой косточки? А наш малыш проделывает это запросто! Не говори мне после этого, что с Астром нельзя потолковать серьезно!

10

Проклятые разрушители были умнее, чем нам того хотелось.

Ни к окраинным звездам скопления, ни к планетоподобным шатунам прохода не было. Чуть мы нацеливались на какой-либо из этих объектов, как пролетали мимо. Мы атаковали раз за разом, день за днем, месяц за месяцем — неевклидова сеть сперва прогибалась, потом, пружиня, выбрасывала нас обратно.

Гигантское скопление, мощно пылавшее прожекторами звезд, было в ином мире, по ту сторону досягаемости.

Альберт с Земли насчитал шесть светил, подобных Оранжевой, наша старая знакомая Угрожающая тоже принадлежала к этой грозной стае звездных крепостей. Каждая защищала свой участок, а все вместе они были расположены так умело, что закрывали скопление, как стеной.

Если бы я диктовал роман в манере предков, а не правдивые мемуары, у меня нашлось бы много захватывающе интересного материала.

Одно описание погонь за одинокими небесными телами, пропадавшими в момент, когда мы направляли на них аннигиляторы, составило бы авантюрную повесть. А наши разочарования, неизменно заканчивавшие кратковременные надежды на успех! А ярость против предусмотрительных разрушителей, безошибочно парировавших любой наш выпад! А тающие запасы активного вещества, сжигавшегося без норм и меры!

И, быть может, самое непонятное и тягостное, сперва недоумение, потом возмущение — ни одна из «неактивных» звезд, населенных галактами, не откликнулась на наши призывы, ни одна не пообещала и не оказала помощи! Если на подходе к Персею мы как-то улавливали их передачи, то сейчас их не было, никаких передач от галактов не было!

Три полных года по земному счету прошло со дня, как мы подошли к теснинам Персея, а мы все толкались у звездной околицы. И тогда у меня возник проект, так разно потом

оцененный историками. Я не хочу ни восхвалять, ни обвинять себя. Недавно я слышал лекцию, передававшуюся по системе Звездного Содружества, в ней с моего предложения датируется поворот во взаимоотношениях звездных народов.

Трудно не усмехнуться. Потомки иногда презрительно отвергают твои достижения и увлеченно возвеличивают твои провалы, издалека твое время видится иным, чем оно было для тебя.

Так вот, я утверждаю, что большей катастрофы, чем та, что обрушилась на нас в результате моего плана, нельзя было и ожидать. А если итог вышел иной, чем рассчитывали разрушители, то это была не их вина и не моя заслуга. В нашу взаимную отчаянную борьбу непредвиденно вмешалась иная сила.

Буду рассказывать по порядку.

На «Волопас» прибыли Аллан, Леонид и другие командиры — вести межкорабельный совет на пространственных волнах я не решился.

Вкратце мое предложение сводилось к следующему. Обе эскадры соединенной армадой атакуют неевклидовость неподалеку от Оранжевой. Отразить удар такой силы разрушители смогут, лишь форсировав защитные механизмы Оранжевой. А в это время три корабля, во главе с «Волопасом», ударяют с другой стороны, где в момент атаки основных сил флота защита, несомненно, будет ослаблена. Три корабля вторгаются внутрь, а по открытому ими пути туда же устремляется весь флот. МУМ просчитала этот план и признала его реальным.

Я ожидал возражений, и возражения посыпались. Аллан сказал:

— Альберт сообщает, что резервная эскадра Ольги наконец заполнила все трюмы активным веществом. Не лучше ли подождать подхода Ольги?

— Третья эскадра арифметически добавит мощи, но МУМ не дает гарантии, что этой добавки хватит, — возразил я. — Корабли Ольги появятся не раньше, чем через три года. Зачем терять эти три года? Разрушителей надо взять не силой, а обманом. Обмануть их можно и без крейсеров Ольги.

— Риск поражения, конечно, есть, — закончил я речь. — Всякая война — риск. Я не требую немедленного согласия — подумайте, посовещайтесь с экипажами. А завтра радируйте на «Волопас» коллективные решения: «да» или «нет».

Пока командиры разъезжались, я поговорил с Леонидом и Алланом. Леонид был мрачен, Аллан весел. Я не помню, чтобы

Аллан когда-либо терял доброе настроение. Он был идеальным руководителем для экспедиций, попадающих в беду. Я сказал им:

— Командовать кораблями, идущими в прорыв, буду я. Руководство объединенным флотом примет Аллан. Не вешай носа, Леонид. У нас с тобой бывали и хуже положения.

У Леонида раздраженно побелели синие белки глаз.

— Хуже, чем сегодняшнее положение, — да. Но я не уверен, что через неделю «Волопас» не запутается в треклятой неевклидовой улитке. Риск неизвестности — самый страшный риск. Как бы наш обман не натолкнулся на встречный обман.

— А есть другой риск, кроме риска неизвестности? — спросил я. — Пусть тогда Павел разъяснит нам философскую природу понятия «риск».

Ромеро припомнил смешную историю. Когда древние греки поднялись на таких же древних персов, божественный оракул на просьбу дать официальный прогноз войны вдохновенно изрек: «Большое царство будет разрушено», не уточнив, однако, какое царство — греческое или персидское.

Ловкий ответ оракула привел Аллана в восторг:

— Не возражаю, чтоб и нам дали такой же результативный прогноз. Царство будет разрушено — значит, никаких ничьих, никаких идеологических сосуществований. А наше уже дело — чтобы разрушалось царство врага, а не свое!

Так, посмеиваясь, он и умчался с хмурым Леонидом.

Я прошел к Вере. У нее сидела Мэри.

— Тебе придется разлучиться с Павлом, — обратился я к сестре. — Операция «Волопаса» — чисто военный маневр, незачем рисковать в ней судьбой политического руководителя экспедиции. Павел едет со мной, а ты переберешься к Аллану.

— Если надо, значит надо, — сказала она.

Ей, похоже, понравилась моя категоричность, раньше она часто выговаривала мне, что я сам не знаю, чего хочу, и без рвения добиваюсь желаемого.

— Ты и Астр поедете с Верой, — сказал я Мэри.

Мэри наотрез отказалась.

— Ладно, оставайся на «Волопасе», — сдался я. — Но зачем брать малыша? Поручим Астра заботам Веры. Если с ним что-нибудь случится, мы же себе не простим этого, Мэри!

Когда Мэри что-нибудь задевало, она становилась невероятно упрямой. Мне нужно было отложить этот разговор. Потом, остывшая, она решила бы по-иному. Это был тяжкий мой просчет — я стремился сразу ставить точку над «и», а надо было маневрировать.

— Что может случиться с ним, что не случилось бы с

нами? — опять, как перед отлетом с Оры, спросила она. — Что, я спрашиваю? Ты уже несколько лет разговариваешь с Астром, как со взрослым, почему ты отказываешь ему в праве действовать по-взрослому? Нет, послушай теперь меня, я не кончила. Я жена твоя, он твой сын — мы разделим твою судьбу, какой она ни будет.

Я больше не стал спорить.

Со всех кораблей радировали: «Да». Ни один экипаж не постановил: «Нет», ни один не воздержался. Санкция на обманный маневр была единогласной.

11

«Волопас» сопровождали «Гончий Пес» и «Возничий». Мы ждали лишь известий от Аллана, что атака всем флотом начата. Аллан сообщил, что и новая попытка прорыва развивается неудачно. Неевклидова улитка выворачивала назад один за другим все звездолеты.

— Пора! — передал я на мои три корабля, и мы ринулись вперед.

Мы сидели втроем — Осима, Ромеро и я. Осима командовал, мы с Ромеро наблюдали. На оси полета сверкала Оранжевая, в умножителе был виден и шарик ее планеты. Если там обитали враги, они должны были принять какие-то защитные меры, пусть неэффективные, но немедленные. Мы летели, все убыстряя ход, противодействия не было — ничто не показывало, что нас раскрыли. Три звездолета вторгались в скопление, как в открытые ворота.

— Слишком хорошо, чтоб было хорошо, — прервал молчание Ромеро. — Оранжевая как бы распахивает нам объятия. Если бы у меня была хоть капля суеверия наших добрых предков, я добавил бы к этому, что она коварно улыбается.

Если разрушители и готовили нам пакость, то пока это еще не было ясно. Мы продолжали лететь в ненарушенном просторе.

— Среди прочих вариантов мы рассматривали и тот, что разрушители будут нас заманивать, — высказался Осима. — Не кажется ли вам, адмирал, что осуществляется именно этот вариант?

Аллан передал в это время, что Оранжевая действует очень энергично. Лишь на направлении прорыва не было признаков активности — вариант, что нас заманивают, делался достоверным. И вместе с тем я не мог в это поверить. Нужно было обладать мощью, несравненно превосходящей нашу, смелостью, граничащей с безрассудством, чтоб без сопротивления пропустить

в свои тайники три звездолета после того, что наделал у них один «Пожиратель пространства». Враги шли на огромный, не поддающийся исчислению риск. В моем сознании не укладывалось, что они способны на него.

— Пока все развивается по плану. Разрушители захвачены врасплох, — сказал я Осиме.

Мы пронеслись мимо окраинных одиноких звезд. Уже не только впереди, но и по бокам густо засверкали светила. Мы наконец были внутри Персея.

Корабли Леонида, не дожидаясь приказа, уже спешили в район прорыва. В сверхсветовых передачах мы увидели десятки ярких точек. Они приближались, количество их умножалось, а в пространстве по-прежнему не появлялось возмущений.

— Кажется, растерявшиеся противники упускают последний шанс на действенное сопротивление, — оценил положение Ромеро, и мы с ним согласились, я — с торжеством, Осима — с удивлением.

Усталый, я задремал в кресле и увидел бредовый сон, первый из серии удивительных снов, так часто посещавших меня впоследствии.

Я был в огромном зале, темный купол блистал звездами, но это был экран, а не небо, и я хорошо знал, что это проекция наружных звезд на потолке, а не сами звезды. Я блуждал, то шел, то бежал вдоль стелы но окружностям, радиусы окружностей уменьшались, меня но спирали выносило в центр зала, я туда не хотел, там реял меж полом и потолком полупрозрачный шар, я почему-то боялся этого шара, а меня неотвратимо толкало к нему. В тоске, молчаливо поднимая руки, я вглядывался в потолок, чтоб только не смотреть на страшный шар, а на потолке, среди ярких естественных звезд беспокойно сновали звезды еще ярче, искусственные, я знал, что это не звезды, а наши эскадры, Аллан упрямо штурмовал скопление, а его так же упрямо вышвыривало назад. Я присутствовал как раз при такой неудачной попытке Аллана.

— Кажется, я попал во сне в наблюдательную рубку врагов, — сообщил я, пробудившись, Осиме и Ромеро. — Вам, историографу экспедиции, нужно бы заинтересоваться дурацкими видениями, которые появляются временами в мозгу.

Они не были расположены разгадывать сны.

— Действительность фантастичней бреда, адмирал, — мрачно отозвался Осима. — Послушайте депешу Аллана.

МУМ передавала, что корабли Леонида, уже далеко проследовавшие не проложенному нами пути, натолкнулись на неевклидову метрику и вынуждены возвратиться обратно. Ворота,

пропустившие три звездолета, наглухо захлопнулись для остальных.

— Вторая новость еще интересней, — проговорил Ромеро. — Посмотрите на экран, дорогой друг.

Я глядел на экран со стесненным сердцем. Несколько минут назад, во сне, я видел примерно такую же картину: множество подвижных светил среди неподвижных. Но в видении подвижные огни были дружественны — наши собственные корабли, здесь же это были крейсера врага, сферой окружавшие нас.

— Около двухсот кораблей против трех, — сказал Осима. — Боятся они нас основательно, адмирал!

— И мы докажем им еще раз, что нас надо бояться. Приготовьте корабль к бою, Осима. Передайте это же распоряжение на «Возничий» и «Гончий Пес».

Мы понеслись навстречу эскадрам противника.

12

— Скучная история, — проговорил Ромеро, зевнув. — И выхода из нее я не вижу.

Прошло уже много дней с момента, когда мы ринулись в лоб на противника, а столкновение все не удавалось. Преследуемые корабли врага бросались наутек, зато нас настигали те, от кого мы в это время удалялись. Когда же мы поворачивали на них, удирали и они, а недавние беглецы превращались в преследователей. Тактика противника была проста: нас не выпускали, но сражения с нами не завязывали.

— Хоть бы одна неактивная звезда отозвалась! — воскликнул я с досадой. — Неужели в скоплении не осталось ни одной звезды, населенной галактами?

Ромеро промолчал, но я разбирался в его мыслях: мы явились сюда не как туристы, мы освобождали родственные народы, попавшие в беду, — народы эти могли бы отозваться на поданный им клич освобождения. Нас все больше тяготило различие между тем, что происходило во время полета «Пожирателя пространства», и тем, что мы встретили сейчас.

Тогда неактивные звезды, не умевшие менять метрики, отчаянно взывали к нам, предупреждали об опасностях, восхищались нашим успехом. А враги с энергией подавляли их передачи — межзвездные просторы были полны сигналов и шумов, волны боролись с волнами. Сейчас пространство было мертво. Мы без устали, всей мощью генераторов, пробивались к друзьям вслепую, а друзья не хотели и сообщить, где их искать.

— За сферой вражеских звездолетов проглядывается темный

шатун, — сказал Осима, указывая на карту. — Если оседлать его, получим свободу действий.

— Созовите командиров кораблей, будем совещаться без передач в пространстве, — сказал я.

Осима приказал кораблям выброситься в эйнштейново пространство. Вскоре «Возничий» и «Гончий Пес» появились в оптике. Мы остановили сверхсветовой бег, и вслед за нами в отдалении замерли крейсера врага.

К «Волопасу» понеслись планетолеты. «Возничим» командовал Камагин; второго капитана, Артура Петри, я знал меньше. Аллан говорил, что после Спыхальского Петри больше всех налетал парсеков в Галактике.

— Нужны большие решения, — сказал я на совещании командиров. — Вам не меньше моего надоело бесцельное мотание вокруг Оранжевой.

— У меня возражения против нового плана, — объявил Камагин, когда я закончил сообщение. — Наших запасов активного вещества недостаточно, чтоб настичь и разметать неприятельский флот. Сомневаюсь, изменится ли что-нибудь от захвата шатуна.

— Вы против овладения шатуном?

— Нет, Эли. Но я против того, чтобы использовать захваченную планету для новой бесперспективной погони за вражескими кораблями.

— А если мы истратим его на выход к дружеской звезде?

— Можете ли вы указать координаты такой звезды? Нет? Тогда разрешите вам сказать: прорыв вслепую не лучше блуждания вслепую.

— Если так, зачем же нам захватывать шатун?

— Чтобы бежать к своим, — холодно сказал Камагин.

— Вы отказываетесь развить успех удачного вторжения? — неприязненно спросил Осима. Среди нас он был настроен всех воинственней. На него не подействовали возражения Камагина.

Камагин живо повернулся к Осиме:

— Я отказываюсь считать вторжение удачным. Оно скорее похоже на провал, чем на успех. В чем была идея плана? В том, что вначале прорываются три звездолета, а за ними весь флот. А что получилось реально? Флот отброшен назад, а мы мечемся, как затравленные крысы в этой звездной крысоловке. Пора, пора убегать!

— Убегать? — переспросил Ромеро, усмехаясь. — Вы считаете, что у нас есть свободный путь для бегства, любезный капитан? Или вы собираетесь повторить эксперимент Ольги?

— Я повторил бы его, если бы был шанс на удачу. Но

разрушители с тех пор поумнели. Они не подпустят нас к своим планетам и не примут сражения. Именно поэтому я голосую за захват шатуна.

Пока Осима спорил с Камагиным, а Ромеро с Петри подбавляли жару, я молча рассматривал маленького капитана. И помню, в голове моей теснились мысли, имевшие мало отношения к теме дискуссии. Я размышлял о Камагине и про себя восхищался им. Характер и ум иной эпохи, он вписался в наше время, словно родился в нем. Он часто подчеркивал, вежливо и холодно, что не ему учить нас: он ровно на четыре с половиной века отстал от любого нынешнего человека, — и хладнокровно учил. Он чертовски быстро, за несколько лет, преодолел разделявшие нас столетия. В старинных журналах о нем писали, что он человек выдающегося ума и воли, один из крупных деятелей своей эпохи. Среди нас, опередивших его на полтысячелетия, он был человеком не менее выдающимся.

Это не значит, конечно, что я готов был принять любое его предложение, но я прислушивался к его предложениям и размышлял над ними, это я и сейчас с охотой признаю.

Ромеро обратился ко мне:

— О чем так напряженно думает наш уважаемый командующий?

Я ответил в тон:

— Ваш уважаемый командующий согласен с капитаном Камагиным. У нас мало сил, чтоб господствовать в скоплении. Вторжение не удалось, пора возвращаться. Но для этого все равно нужно овладеть одинокой планеткой.

Ромеро пишет в своем отчете, что приказ о бегстве из скопления был в общем стиле моих приказов — неожиданных, круто поворачивающих ход событий.

13

Я не помышлял, конечно, что разрушители легко отдадут неприкаянную планетку. Она мчалась меж их кораблей, как привязанная. В отчете Ромеро вы найдете подробные расчеты нашего обманного маневра. Там подробно рассказано, как три наших звездолета, мчавшиеся до того компактной группкой, вдруг ринулись в разные стороны, смяли стройную сферу вражеских крейсеров, а когда вновь пошли на соединение друг с другом, добрый десяток звездолетов противника вместе с темным шатуном оказался с трех сторон на оси нашего движения, и деться им было некуда.

К рассказу Ромеро я добавлю, что зрелище панического

бегства врага было красочно. Их корабли мчались кто куда, лишь бы скорее удрать. Ни Осима, ни Петри не стали преследовать беглецов, но Камагин отомстил за предательское нападение на звездолет «Менделеев» в Плеядах. Один из крейсеров попал в прицельный конус «Возничего», и Камагин ни секунды не медлил.

Зажженное им солнце пылало недолго, но, не сомневаюсь, зловещий блеск нового светила нагнал еще страху в души беглецов. А затем наши звездолеты повисли над темной планеткой, осветив ее дальними прожекторами. Это был типичный шатун — каменистый шарик, размером раза в три побольше Земли, без атмосферы, без воды, без каких-либо признаков жизни. Его не жалко было уничтожить, и мы его спокойно уничтожили.

Я снова сошлюсь на отчет Ромеро там хорошо описано, как мы расправлялись с планеткой, впервые использовав в боевых действиях метод «медленной аннигиляции». В звездных окрестностях Солнца, где «взрывы по Таневу» строжайше запрещены, только этот метод, как известно, и применяется для ликвидации ненужных космических тел и восстановления пространства.

Планета таяла, источая вокруг себя пространство, как пар, она «газила пространством», по удачному выражению Ромеро. Все происходило, как было задумано. Мы стали независимы от нарушений метрики, создаваемых врагами. Возмущения метрики — это перемена структуры уже существующего пространства, а тут пространство было еще в акте творения, его еще предстояло ввести в ту или иную структуру.

И оно росло, расширялось, мы мчались в этом своем непрерывно генерируемом защитном пространстве, как в беспрестанно возобновляемой скорлупке — какой бы ад ни кипел снаружи, какие бы мощные поля метрики ни формировали создаваемую нами пустоту, до нас эти внешние бури не доходили.

Я сказал — все происходило, как было задумано. Теперь добавлю — кроме одного. Вырваться нам не удалось.

Колыбелька автономного пространства была не больше чем колыбелькой. Мы лишь немного расширили объем скопления Хи, в одной его части появилась крохотная опухоль, а надо было взорвать исполинскую сферу, замкнувшуюся вокруг Оранжевой, — теперь мы знаем это хорошо. Люди крепки задним умом, ничего не поделаешь.

День за днем мы удалялись от Оранжевой, слой пространства, закрученного в неевклидову улитку, становился все тоньше, мы уже видели корабли Аллана по ту сторону неевклидова забора, принимали депеши друзей, подбадривавших

нас, — еще один-два хороших удара, еще одно отчаянное напряжение генераторов — и мы вырвемся да свободу, так это тогда нам представлялось.

И когда стали таять последние мегатонны захваченного нами планетного вещества, я, не колеблясь, отдал приказ готовить к уничтожению «Возничего» и «Гончего Пса».

— Лучше пожертвовать двумя звездолетами, чем успехом кампании! — сурово оборвал я запротестовавшего Осиму. — Прикажите капитанам эвакуировать на «Волопас» свои экипажи. Пусть корабельные машины просчитают, каковы наши шансы.

Все три МУМ подтвердили, что дополнительного вещества хватит на разрыв последнего слоя неевклидовости. Тогда мы еще не думали, что сверхмудрые МУМ тоже способны ошибаться…

14

Один за другим планетолеты перебрасывали с обреченных звездолетов людей и ценное имущество. Командиры кораблей совещались в салоне, а я сидел с Мэри и Астром. Древние капитаны, отказывавшиеся брать в походы свои семьи, были мудрыми людьми, сейчас я это понимал особенно ясно.

Астр свободное время проводил в обсервационном зале. Когда мы встречались, он давал мне пылкие советы, советы были не хуже других, не хуже моих собственных решений. Пусть не поймут меня превратно, я не хочу сказать, что он был гениален, нет, напротив, все мы, участники экспедиции, были средними людьми, о чем ныне стали забывать, изображая нас чуть ли не титанами, — дорасти до нашего уровня было не сложно.

— Ты напрасно взрываешь два корабля, отец, — убеждал меня Астр. — Так ослаблять свою ударную силу! Три корабля или один!

— Три корабля больше, чем один, — согласился я. — Но у нас нет другого выхода.

— Есть! Захватите корабли врага. Пусть они, а не мы, увеличивают собой мировое пространство!

Я любовался им. Стройный и сильный, он уже доставал головой мне до уха — веселый, живой, сообразительный мальчишка. И просто удивительно, как он походил на меня. Я иногда раскладываю на столе его фотографии и свои в том же возрасте, и сам затрудняюсь, где он и где я. Отличие лишь в том, что он красивей меня.

— Да, захватить корабли противника! — сказал я со вздохом. — Беда в том, что они не дают приблизиться к себе. Погуляй, сын, нам нужно с мамой поговорить.

— Я пойду в обсервационный зал, — сказал он. — Три крейсера противника в направлении на ядро Галактики недавно стали сближаться с нами. Я говорю о «Смирном», «Трусливом» и «Дрожащем». Проверю, продолжается ли сближение.

Он проворно убежал. Он знал в «лицо» все крейсера разрушителей, ни один из нас не мог похвалиться таким умением различать каждую из этих однообразно зеленых точек. Он называл их по-своему насмешливо.

— Не скрывай ничего! — потребовала Мэри. — Дело идет к гибели, да?

— Кризис, Мэри, — сказал я. — После кризиса или спасаются, или погибают. Терять бодрость не следует, но и быть ко всему готовыми — надо.

Она обняла меня, прижалась ко мне.

— А если что-нибудь случится… — проговорила она изменившимся голосом. — Ты не простишь, что я взяла Астра!

— Астр такой же человек, как и все мы. И если придется умирать, он умрет не раньше нас с тобою.

Она оттолкнула меня, долго вглядывалась в мое лицо. В ней совершился очередной скачок настроения, я предчувствовал бурю. Но она сдержалась.

— Удивительный вы народ, мужчины, — сказала она только. — Все у вас звучит математическими формулами. Умрет не раньше нас с тобою — это так утешительно, Эли!

— Если я скажу по-иному, ты мне не поверишь…

— Скажи, может, и поверю!

— Ты тоскуешь по неправде, Мэри? Жаждешь обмана?

— Какие напыщенные слова — тоскуешь, жаждешь! Ничего я не жажду, ни о чем не тоскую. Я боюсь, можешь ты это понять?

Я не стал продолжать этого разговора.

На улице внутри корабельного городка ко мне присоединился Ромеро, он тоже шел на совещание командиров. Думаю, он отлично разобрался в моем состоянии. Хоть слова его и были полны иронии, ни в голосе, ни в лице его иронии не было. И оказал он то, что я сам себе говорил:

— Дорогой Эли, не завидуете ли вы вашим воинственным предкам, воевавшим без семей?

— Может быть, — сказал я сдержанно.

Ромеро продолжал со странной для него настойчивостью:

— Я бы хотел опровергнуть вас, любезный Эли. Мы иногда судим о предках общими формулами, а не конкретно. Им часто приходилось сражаться, защищая своих детей и жен, и они тогда сражались не хуже, а лучше — яростно и самозабвенно, жестоко и до конца, Эли!

Не убавляя шагу, я бросил за него быстрый взгляд. Вера была в эскадре Леонида. И детей у Ромеро не было, он не мог говорить о своих детях.

Он шагал рядом со мной, подчеркнуто собранный, жесткий, до краев напоенный ледяной страстью, он с чем-то яростно боролся во мне, а не просто беседовал, таким я видел его лишь однажды — когда он пытался завязать драку из-за Мэри.

Он поймал мой взгляд и не отвел потемневших глаз. Я сухо проговорил:

— К сожалению, должен ответить вам общей формулой. Мы будем сражаться яростно и самозабвенно, жестоко и до конца, Павел. Но не за одних своих детей и жен, даже не за одно человечество — за всех разумных существ, нуждающихся в нашей помощи.

Я был уверен, что он обидится на такую бесцеремонную отповедь, но он успокоился. Если и был среди моих друзей непостижимый человек, то его звали Ромеро.

В салоне я прежде всего посмотрел на экран. Звездные полусферы пылали так, что глазам становилось больно. Красные, голубые, фиолетовые гиганты изливались в неистовом зиянии, а среди этих небесных огней сверкала искусственные, их было больше двухсот — зловещие зеленые точки, пылающие узлы сплетенной для нас губительной паутины. Оранжевая была в неделях светового пути, она казалась горошиной среди точек. Я хмуро любовался ею.

— Начинаем! — сказал я.

— Начинаем! — отозвались Осима и Петри.

Маленький космонавт молчал. Я уловил его скорбный взгляд, он глядел на два звездолета, недвижно висевшие в черной пустоте неподалеку от «Волопаса». Я до боли в сердце понимал страдания Камагина, они были иные, чем муки его товарищей.

Этот человек, наш предок, наш современник и друг, командовал фантастически совершенным кораблем, в самых несбыточных своих мечтах он раньше и помышлять не мог о таком. Мы были в конце концов в своем времени, а он превзошел границы свершений, отпущенных обыкновенному человеку. И сейчас он собственным своим приказом должен был предать уничтожению изумительное творение, врученное ему в командование.

Наши взгляды пересеклись. Камагин опустил голову.

— Начинаем! — сказал и он. Голос его был нетверд.

Теперь медлил я. Оставалось отдать последнее распоряжение: «Приступайте к аннигиляции». Я не мог так просто, двумя невыразительными словами, выговорить его. И не потому, что

внезапно заколебался. Другого решения, как уничтожить две трети флота, не было, только это еще могло спасти нас. Я бы солгал, если бы сказал, что в тот момент меня тревожила собственная наша судьба: мы свободным решением избрали этот рискованный путь, неудачи, даже катастрофы были на нем возможностями не менее реальными, чем успех. Я думал о том, что будет после того, как нас, запертых по эту сторону скопления, не станет. Ответственности за судьбы находившихся вне Персея звездолетов с меня никто не снимал, — хоть формально, но я еще командовал флотом.

— Насколько я понимаю, вы собираетесь объявить миру ваше завещание? — уточнил Ромеро, когда я поделился с товарищами своими соображениями. — Не рановато ли, адмирал?

— Завещание — рановато. Но подвести итоги нашим блужданиям в Персее — самое время. Если мы погибнем, никто не сделает за нас эту работу.

Мысль моя сводилась к следующему. Вражеский флот долго не подпускал нас к одинокой планетке и, удирая, утаскивал и ее с собою в искусственно созданные разрывами пространства. Почему они так оберегались? Вероятно, опасались, что вещества планеты хватит на разрыв кривизны. Опыт врага нужно использовать для победы над ним. Стратегию вторжения пора менять.

— Составим депешу, — предложил Ромеро. — Я кое-что набросал, послушайте.

Я привожу здесь текст отправленной нами депеши — в варианте Ромеро почти ничего не пришлось менять.

> «Человечеству.
>
> Вере Гамазиной, Аллану Крузу, Леониду Мраве, Ольге Трондайк.
>
> Адмирал Большого Галактического флота Эли Гамазин.
>
> Вторжение трех звездолетов в скопление Хи Персея, возможно, окончится неудачей. Два корабля будут уничтожены нами самими, судьба третьего со всеми экипажами еще неясна. Вы должны считаться с тем, что нам, возможно, не удастся вырваться на свободу. Рассматривайте это обращение как последний мой приказ по флоту.
>
> Прямое вторжение в Персей отменяю как недостижимое. В скопление надо проникать не тараном, а исподволь — разрушать, а не пробивать неевклидовость. Попытки захвата одиноких звезд и

планет на периферии скопления, в зоне меняющейся метрики, успехом пока не завершились и вряд ли завершатся. Советую овладеть одинокими космическими телами вдали от скопления, где искривляющие механизмы не действуют, и постепенно их подтягивать, не выпуская из сферы влияния звездолетов.

Лишь сконцентрировав достаточно крупную массу таких опорных тел у неевклидова барьера, переходите к следующему этапу вторжения — аннигиляции. При такой подготовке, время которой, возможно, исчисляется многими земными десятилетиями, можно рассчитывать, что откроются космические ворота, не подконтрольные противнику.

Подтвердите получение».

Сверхсветовые волны пространства трижды уносили наше послание из звездных бездн Персея в мировой космос. Мы не сомневались, что враги перехватят нашу передачу, но не считали нужным таиться, даже если бы могли сохранить секрет. Первое же действие Аллана, в соответствии с измененной стратегией, должно было раскрыть врагу природу нового плана — он держался не на скрытности, а на могуществе.

И еще не кончилась третья передача, как мы приняли ответ Аллана: «Приказ адмирала получен. Всей душой с вами. С волнением ожидаем результатов прорыва».

— Можно взрывать звездолеты, — сказал я друзьям.

15

План уничтожения звездолетов был итогом холодной работы ума, а не плодом вольного желания. Только одну уступку мы сделали чувству — не было никаких внешних эффектов: ни шаров испепеляющего пламени, ни снопов убийственной радиации, ни разлетающихся газовых туманностей, ни потоков космических частиц…

Звездолеты, черные, почти невидимые, просто таяли, истекая пространством, сперва один, потом другой, — и а этом темном новосотворенном «ничто» мощно несся «Волопас», снова превращая его во «что-то» — шлейф горячей, быстро остывающей пыли тянулся за ним, как за кометой.

Чтоб скорей привести Камагина в себя, я приказал первым аннигилировать «Возничего», в нервах Петри я был уверен больше.

В командирском зале распоряжался один Осима,

обсервационный зал был забит эвакуированными с гибнущих звездолетов. В салоне среди других сидели Ромеро, Петри и Камагин. Здесь обзор был хуже чем в обоих залах, но я пришел сюда, чтоб в эту трудную минуту не расставаться с капитанами. Петри кивнул мне головой, Камагин отвернулся. Я сел рядом с Камагиным и тронул его за локоть. Он повернул ко мне насупленное лицо.

— Как идет разрыв неевклидовости? — спросил я.

Он ответил холодно:

— Примерно в три раза слабее, чем нужно для успеха.

Ромеро показал рукой на экран:

— Флотилия врага закатывается в невидимость.

Я закрыл глаза, мысленно я видел картину совершающегося яснее, чем физически. Гигантская буря бушевала снаружи, особая буря, таких еще не знали ни на Земле, ни на планетах, ни под нашими родными звездами, ни даже здесь, среди враждебных светил Персея.

Вещество уничтожается и тут же заново создается, гигантские объемы нарождающегося аморфного пространства — мы неистово сейчас несемся в нем — мгновенно приобретают структуру, губительную для нас метрику, а мы все снова и снова оттесняем эту организованную пустоту своей, неорганизованной, хаотичной, первобытно аморфной… Корабли врага исчезли, даже сверхсветовые локаторы не улавливают их — так жестко скручено пространство, в котором они движутся…

— Идите в командирский зал, Эли, — посоветовал Ромеро.

В последнее время он почти не называл меня по имени.

Вместе со мной поднялся Камагин.

В коридоре он остановил меня. Он пошатывался, словно отравленный. Пожалуй, это было единственным, в чем он не мог сравниваться с людьми нашей эпохи, — чувства, одолевавшие его, слишком бурно проявлялись. Он заговорил хрипло, быстро, страстно:

— Адмирал, я не хочу при всех оспаривать ваши решения. Нас в далекие наши времена приучали к дисциплине, вам попросту непонятной…

Я прервал его, чтоб не дать разыграться истерике:

— Вы исполнительный командир, я знаю. И претензий с этой стороны у меня к вам нет.

Он продолжал все громче:

— Я больше не могу, адмирал, вы обязаны меня понять… «Возничий» уничтожен, очень хорошо, но «Гончий Пес» еще существует, он еще может сражаться. Неужели вы не видите сами, что жертва напрасна? Нам не уйти из скопления, но мы

ослабляем себя, мы сами ослабляем себя, поймите же, Эли!

Я взял его под руку, и мы вместе вошли в командирский зал.

— Поймите и вы меня. Три звездолета или один, конечный итог — гибель. А здесь хоть и неверный, но шанс. Нам не простят, если мы его не используем. Неужели вы не хотите испробовать все отпущенные нам возможности?

Его ответ был таков, что я перестал с ним спорить. Давно уже не существовало терминов «купить» и «продать».

— Сейчас я хочу лишь одного: подороже продать наши жизни!

Мы уселись рядом с молчаливым Осимой, я слышал в темноте, как тяжело дышит Камагин. Но вскоре забыл о нем. На экране, отчетливый, распадался последний обломок «Возничего». Я всматривался в тающий звездолет. Последний шанс, думал я, последний шанс! У меня путались мысли.

Голос Осимы резко разорвал тишину:

— «Возничий» прикончен начисто, адмирал! МУМ сообщает, что преодолено не больше четверти пути наружу. Ваше решение — продолжаем аннигиляцию?

Пока он говорил, я очнулся. Я угадывал неуверенность в вопросе Осимы. Среди растерянности, постепенно становившейся всеобщей, я обязан был сохранять спокойствие ума и духа.

— Да, конечно, теперь очередь «Гончего Пса». Не понимаю вашего вопроса, Осима.

Осима справлялся со своими чувствами лучше Камагина.

— МУМ рекомендует ускорить аннигиляцию второго звездолета. Последуем ее расчету?

— Расчеты МУМ не безошибочны, но иных у нас нет.

На этот раз вспышки избежать не удалось, багровый шар забесновался на месте взорванного звездолета, и мы устремились в центр взрыва. На стереоэкранах мира впоследствии, когда мы наконец вернулись из Персея, часто показывали картины аннигилирующегося темного шатуна, постепенный распад «Возничего», быстрое уничтожение «Гончего Пса». Каждый мог увидеть все то, что видели тогда наши глаза, пожалуй, даже с большими подробностями, мы ведь не способны были взглянуть на это зрелище повторно.

Но сомневаюсь, чтобы кому-нибудь удалось хотя бы отдаленно испытать чувство, с каким мы смотрели на тающее плазменное облачко, — это был не просто гибнущий крейсер, а последняя гибнущая надежда, единственный оставшийся нам шанс на свободу. Шансов больше не оставалось, надежд не было.

— Все, адмирал! — спокойно сказал Осима. — Прорвать барьер неевклидовости не удалось.

Мы долго молчали, покоясь в командирских креслах, командовать было нечем и незачем. На экране, замутненном взрывом «Гончего Пса», постепенно высветлялось пространство. Сперва блеснула Оранжевая, затем появились другие звезды, потом засверкали зеленые огоньки неприятельского флота.

— Противник идет на сближение, — сообщил Осима. — Ваши распоряжения, адмирал?

— Готовиться к бою, — сказал я и вышел из зала.

16

За дверью я остановился, в изнеможении прислонился к стене.

У входа в командирский зал люди не прогуливались, здесь можно было побыть одному. Я боялся лишь встретиться с Ромеро и Петри; с ними надо было обсуждать положение, я не был сейчас способен на это. Не мог я оставаться и с Осимой и Камагиным, я весь сжимался при взгляде на страдальческое лицо и враждебные глаза маленького космонавта. А мысль, что попадется Астр или Мэри, приводила меня в ужас, такая встреча была всего непереносимей. Я не мог быть ни с кем, перенапряжение последних дней вдруг сломило меня.

— Нет, нет, нет! — бормотал я лихорадочно, я не знал, к кому направляю эти слова, я словно отстранялся ими от неслышимых упреков, от невысказанных обвинений. — Нет, нет, нет! — повторял я все громче и, когда не выговорил, а выкрикнул «нет», вдруг очнулся. Я вытер пот со лба и быстро отошел от двери: мне почудились шаги выходящего Камагина. «Нет!» — сказал я себе, это было первое осмысленное «нет», я приказывал себе не торопиться, никто не должен был видеть, что я бегу.

Потом я разглядел, что иду в носовую часть звездолета. Я остановился и снова зашагал. Если мне и можно было где-нибудь сейчас находиться, то лучше всего здесь, где все помещения заняты механизмами и где почти не бывают люди.

Я шел по извилистым коридорам, едва не туннелям, передо мною бесшумно раздвигались двери, все охранные механизмы здесь были настроены на мое индивидуальное поле, я еще был адмирал Большого Галактического флота — для адмиралов на их кораблях не существует секретов. Адмирал! Ты еще адмирал, Эли! Я снова прислонился плечом к стене, перед глазами прыгали глумливые огоньки, издевательски подмигивала Оранжевая, зловеще наливались блеском точки вражеских крейсеров.

«Ты еще адмирал, Эли! — сказал я себе с гневом. — Борьба не кончена, нет!» Я дышал часто и глубоко, мне не хватало воздуха.

Надо было обязательно успокоиться, пока я ни с кем не повстречался.

Я прошел в помещение МУМ, там никого не могло сейчас быть, лишь я один имел право входить сюда без разрешения командира корабля. Свет зажегся, едва я ступил на порог, посреди комнаты стояло кресло. Я опустился в кресло, закрыл глаза. Я задыхался все больше, сердце гулко стучало.

— Тебе надо успокоиться! — сказал я вслух. — Слышишь, тебе надо успокоиться.

Я повторял это до тех пор, пока не сумел взять себя в руки.

Передо мною на столике с ножками, таящими в себе тысячи проводов к датчикам и анализаторам, возвышался ящик, за полированными стенками его были собраны редчайшей чистоты кристаллы, уникальные химические образования, в равной степени творение ума и рук мастеров и плод поисков космонавтов-геологов.

Я вспомнил зеленый камень с Меркурия, красовавшийся на платье Веры, он достался ей лишь потому, что его забраковали создатели этой машины, нашей корабельной МУМ, одной из многих сотен однотипных машин, рассеянных по планетам, смонтированных на галактических судах, тот удивительно красивый, самосветящийся камень был недостаточно хорош для МУМ, он годился лишь на украшения, а не на вычисления, мог стать элементом платья, но не уголком всепонимающего мозга.

— Ты, сверхмудрая и безошибочная! — сказал я. — Ты, абсолютная, как выдуманный когда-то людьми господь, рассчитывающая миллиарды комбинаций в секунду, может быть, поделишься со мной итогом одной комбинации, той, что реально совершается снаружи — двести кораблей врагов против одного нашего?

«Поражение! — засветился в моем мозгу холодный ответ МУМ. Через секунду она уточнила: — Гибель „Волопаса“ после гибели многих атакующих судов врага».

Я зло усмехнулся. Я ненавидел черствую машину.

— Подороже продадим наши жизни, так это называется на языке Камагина. А если без категорий купли и продажи? Согласись, всезнающая, та эпоха, когда все продавалось и покупалось, в том числе и человеческие жизни, давно отжила.

«Вы воюете, а война древнее торговли. Раз явление древнее, термины, описывающие его, тоже не новы».

— Значит, иного выхода нет?

«Нет. Гибель».

— И твоя, стало быть, гибель, всепонимающая?

«Моя — в первую очередь. Если я попаду в руки врага,

человечество потерпит больший урон, чем если им достанется живой кто-либо из вас или все вы разом. Для гарантии успеха вы обязаны демонтировать меня, не дожидаясь общей гибели».

— Дура ты! — сказал я. — Надменное и тупое вещество, имитирующее живой разум! Гарантия успеха… Ты будешь, конечно, демонтирована, это я тебе обещаю!

Я быстро вышел из помещения МУМ и прошел в отделение аннигиляторов Танева. Я блуждал по узким коридорам, пролезал в щели, поднимался на лесенки, задерживался на площадках — всюду вспыхивал свет, когда я приближался. И всюду были машины, гигантские, огромней городских домов, механизмы, сотни, может быть, тысячи, автономных машин, при всей своей величине не более чем крохотные элементы созидательного и разрушающего начала галактического корабля.

Я дотрагивался до них, прислонялся к ним, любовался ими, печалился о них.

Может быть, только в мечте о всемогущем боге создавал до них человек нечто подобное, умеющее творить вещество из «ничего» и превращать вещество снова в «ничто». Но то представление о боге было мечтой, фантастично разыгравшимся воображением, а здесь присутствовало материальное создание человеческого ума — реальный аппарат творения и уничтожения. Ни я, ни кто-либо другой из людей не знал этих машин во всем их многообразии, мы могли постичь их в деталях, но не в целом, даже МУМ не знала их все, она лишь управляла и командовала ими — они были доступны в целом только коллективному разуму человечества. И сейчас я должен был их уничтожить, чтоб они не достались врагу. И это было много тяжелее, чем решиться на собственное уничтожение.

«Сентиментальный дурак! — сказал я себе с отвращением. — Недавно, не колеблясь, ты приказал уничтожить точно такие же механизмы на „Возничем“ и „Гончем Псе“. И сурово осудил колебания Камагина, а сам ныне раскис куда больше… Только ты погибнешь и твой корабль — человечество остается. Риск, на который ты шел, не вышел из границ расчета, наша гибель была одним из допущенных вариантов — разве не так?»

Из отделения аннигиляторов Танева я завернул в общежитие ангелов. У них шли занятия: ангелы обучались человеческому языку, нашим наукам и трудовым умениям. Мое появление прервало уроки, ангелы шумно сгрудились вокруг меня. Обрадованный Труб сжал меня крыльями.

Я извинился, что внес беспорядок, и увел Труба.

— Наши дела плохи, друг мой, — сказал я.

— Хуже, чем были в Плеядах, когда напали зловреды? —

спросил он.

События тех дней были для него как бы эталоном отличного поведения.

— Много хуже, Труб. Речь идет о наших жизнях — и прогноз МУМ отрицательный…

— Ты хочешь сказать, что мы погибнем в предстоящем сражении, Эли?..

— Именно это.

Он слушал, грозно хмурясь. Еще недавно он запальчиво напал бы на прогноз машины. Он уже не был тем первобытно наивным храбрецом, каким когда-то явился нам. И он уже не считал реально существующим одно то, что видели его глаза и до чего он мог дотянуться когтями, он знал теперь, что невидимое временами страшнее предметного.

Он громко всхлипнул и утер глаза.

— Тебе не хочется умирать, Труб? — Это был глупый вопрос, но умнее мне не пришло в голову.

— Не то, Эли. Я был уверен, что мы высадимся на зловредной планете и произведем там революцию.

— Революцию, Труб?

— Разве я неправильно произнес это слово? Мы изучаем человеческую историю, — объявил он с гордостью. — И нам нравится, что люди, когда становилось невтерпеж, производили революцию. Хорошо бы произвести революцию у зловредов, освободив всех, кого они угнетают. Теперь этим мечтам — конец.

— История не кончается на нас. Нам не удалось — удастся другим людям и их друзьям.

От ангелов я пошел к Лусину. Для его конюшен был отведен поселок на окраине городка. Лусин обучал Громовержца приемам воздушного боя. На дракона налетал отряд пегасов, крылатый ящер отбивался от воинственных лошадей. Меня удавило, что он не мечет молний, но Лусин разъяснил, что разряд даже малой интенсивности замертво сшибает самого дюжего пегаса.

— Как снаружи? — спросил он потом. — Нас преследуют? Опасно? Очень? Нет?

Я и ему рассказал, как сложилась обстановка, не скрыл и своих просчетов. Лусин с отчаянием посмотрел на своих драконов и пегасов.

— Все погибнут, Эли, скажи — все?

— Неужели ты надеялся, что кто-то из твоих тварей уцелеет в таком катаклизме?

— Не говори так, — сказал он с упреком. — Не твари. Разумные существа. Жалко до смерти.

И сейчас он думал не о себе, а о своих синтезированных

чудищах. Три четверти его духовных помыслов сводились к заботе о них. Умом я понимал такое отношение, но чувство мое протестовало. Что-то от прежнего Ромеро, боровшегося против помощи звездожителям и превозносившего человека, сохранялось, видимо, и во мне.

Лусин с мольбой тронул меня за плечо:

— Их сохранить, Эли! Нас — много. Громовержец — один. Уникальный экземпляр. Пегасы — тоже редкие. Высадить на планете. Пусть размножаются. Пойми, Эли! А?

— Ты произнес большую и горячую речь, впервые слышу от тебя такую, Лусин, — сказал я. — Если бы можно было высадить где-нибудь пегасов, я и Астра добавил бы им в компанию, пусть уж и он спасется. Надежды нет, Лусин!

Я ушел, не дожидаясь, какую еще нелепость он сморозит. Я вдруг успокоился. Отчаяние, терзавшее меня перед МУМ, едва не задушившее в помещении аннигиляторов, пропало, словно я передал его Трубу и Лусину. Я знал уже, чего хочу, и знал, что отстоять свой новый план перед помощниками и экипажами трех звездолетов легко не удастся, — и был готов страстно переубеждать противников и делать это быстро: нам было отпущено военной судьбой совсем мало времени.

Мое место было в командирском зале, я заторопился туда.

Осима встретил меня раздраженным восклицанием:

— Наконец-то вы появились, адмирал. Командующий вражеским флотом обратился с наглым посланием. Нужно составить достойный ответ.

17

Прежде чем ознакомиться с депешей разрушителей, я посмотрел на стереоэкран. Зеленые огоньки собирались в кучки, пылали раздражающе ярко. Что-то произошло новое — корабли противника пренебрегли дистанцией безопасности, недавно так строго ими соблюдаемой.

«Почему они перестали нас бояться?» — думал я и выговорил мысль вслух.

— Оставшийся звездолет ровно в три раза слабее, чем три прежних, — отозвался Камагин хмуро. — И враги соответственно чувствуют себя, по крайней мере, в три раза храбрее.

Арифметического соответствия тут быть не могло, но я не хотел вступать в спор.

— Доложите послание противника, — приказал я МУМ.

Она заговорила громко:

— «Галактическому кораблю, вторгшемуся в наше звездное скопление.

Попытка выброситься наружу вам не удалась. Подвергнуть распаду какой-нибудь из наших кораблей вам не удастся. Вы обречены на гибель.

Предлагаем капитуляцию. Гарантируем жизнь. Орлан, разрушитель Первой Имперской категории».

Я обвел глазами помощников. Ромеро отвел лицо, Петри угрюмо глядел на вражеские корабли, Осима спокойно ждал приказа, чтобы тут же, не оспаривая, энергично проводить его в жизнь. Зато Камагин с вызовом глядел прямо на меня. Я знал, что он скажет.

— Ваше решение, адмирал! — потребовал Осима.

— Хочу сначала выслушать вас. Начинайте вы, Павел.

Ромеро часто хвалился своей мужской доблестью и в драках держался отлично, но стратегическим мышлением одарен не был. Современный бой на сверхсветовых скоростях с применением аннигиляторов был ему просто противен: в таком бою побеждал математический расчет, а не личная храбрость. Рыцарское представление о сражениях прозвучало и в его ответе:

— Надо ждать нападения противника, а затем обороняться, пока хватит сил.

— Петри? — сказал я.

— Сражаться, не отвечая на послание, — был его короткий ответ.

— Камагин?

— Напасть на врага! — воскликнул Камагин. — Посмотрите, Эли, они все приближаются, будто мы уже обессилили, скоро, очень скоро они попадут в конус удара наших аннигиляторов. Если вы разрешите мне занять одно из командирских кресел, я выброшу на тот свет треть неприятельского флота, прежде чем они откроют нам самим дорогу туда.

— Ясно. Вы, Осима?

— Атаковать, потом погибнуть, — повторил он мысль Камагина. Вглядевшись в меня, он поинтересовался: — У вас другое решение, адмирал?

— Да, другое, — сказал я. — Мое предложение таково: капитулировать.

Все четверо разом вскрикнули. Громче других прозвучал возмущенный выкрик Камагина:

— Подумайте, что говорите! Сдаться в плен?

Я ответил не Камагину, но всем:

— Да, сдаться в плен! Именно это я и хочу предложить.

У моих помощников отнялся язык, они лишь с возмущением глядели на меня.

Первым обрел спокойствие Осима:

— Адмирал, уточните. Речь не только о наших жизнях. Придется сдать врагу в сохранности звездолет — боевые и рейсовые аннигиляторы, МУМ.

— Сдать — да. Но не в сохранности, Осима. МУМ должна быть уничтожена, схемы аннигиляторов демонтированы. Это дело поручу Камагину и вам, Осима. Враг может любоваться видом наших механизмов, но не должен разобраться в их действии.

Камагин не выдержал. Сомневаюсь, чтобы его поведение соответствовало даже современным мягким правилам дисциплины, не говоря уже о дисциплине древней, приверженностью к которой он гордился.

Он вскочил, размахивал руками, гневно кричал:

— Безумец! Вы думаете неприятель не выбьет из пленных понимания работы механизмов?

Вежливостью ответа я подчеркнул, что не принимаю такого тона:

— Знание всех схем работы аннигиляторов не является достоянием группы специалистов. Лишь все человечество в целом обладает таким знанием. Но человечество сегодня в плен не сдается, только три экипажа звездолетов.

Теперь я знал, что время эмоций прошло, на меня будут не кричать, а задавать осмысленные вопросы. «Половина дела сделана», — сказал я себе с облегчением.

После нового молчания заговорил Ромеро:

— Я вижу, у вас все заранее продумано, проницательный Эли. Не откажите сообщить, зачем вам понадобилось сдавать нас в плен вместе со звездолетом? Неужели жизнь в плену приемлемей почетной смерти?

Его вопрос воспламенил угасшего было Камагина:

— И пусть адмирал ответит еще на один вопрос! Не влияет ли на него то обстоятельство, что на борту звездолета находится семья адмирала?

Именно этого вопроса я и ждал.

— Да, влияет. Если бы на борту звездолета не находилась моя семья, я принял бы решение о капитуляции значительно раньше и без тех колебаний, которые меня одолевали.

— Вы сказали — решение? — спокойно поинтересовался Петри. — Разве это уже решение, а не свободная пока дискуссия?

— Выслушайте меня, — попросил я. — Только об одном прошу — выслушайте меня, а там решайте, прав я или неправ. И пусть вместе с вами меня слушают через МУМ все на «Волопасе».

Я заговорил с волнением, я убеждал не только слушателей, но и себя, многое во мне самом протестовало против позорного плена.

Если говорить лишь о нас, сказал я, то честная гибель в неравном бою лучше рабского существования у разрушителей.

Но мы не имеем права думать лишь о себе. Мы — первые представители человечества и его звездных друзей, попавшие в логово разрушителей, мы должны быть достойны самих себя. Умереть всякий может. Жить в тяжких условиях — подвиг. Я пекусь не о наших жизнях, даже не о том, чтобы мы познакомились с противниками изнутри, хотя и это может пригодиться, если нас вызволят.

Разрушители должны познакомиться с нами — вот главная задача. Великие идеи, воодушевившие нас на поход в Персей, живут, пока мы живы. Наши противники должны узнать, за что мы ратуем. Одни станут еще враждебней, другие задумаются, третьи начнут колебаться, а некоторые, пусть их вначале будет немного, примкнут к нам: ведь разрушители не только свирепый, но и разумный народ, никто их разума не отрицает… Нет, борьба с разрушителями не заканчивается с нашим пленением, она продолжается, но в иной форме, без аннигиляторов и взрыва планет. В старину называли такую борьбу идеологической, и хоть она шла без сверкания мечей, она не становилась от того менее ожесточенной. Гибель в бою — это легкий путь прекращения борьбы. Я уверен, что и более суровый жребий будет нам по плечу, я верю в себя, я верю в вас!

— А теперь решайте, и пусть МУМ суммирует ваши решения, — закончил я и закрыл глаза.

Несколько минут вокруг была тишина, потом ее прервал резкий звук. Я открыл глаза. Маленький космонавт порывисто вскочил и, не удержавшись, едва не упал. Он показал рукой на выход, хрипло сказал:

— Пойдемте, Осима, здесь больше нечего… Вы не забыли, что нам отдан приказ демонтировать МУМ?..

Осима стал медленно приподниматься. Я хотел посоветовать им не торопиться, ведь МУМ еще не объявила коллективного решения, но мне не дал договорить вопль Петри:

— Смотрите на экран! Смотрите на экран!

Картина была такая, будто звездолет попал в фокус взрыва. «Испепелены!» — услышал я потрясенный шепот Ромеро.

В пространстве бушевала световая буря, корабли противника ошалело метались меж звезд. Оранжевая расширялась на всю сферу, это было уже не далекое светило, а мчавшийся на нас исполинский космический крейсер.

— Адмирал, разрушители гибнут! — радостно вскричал Осима.

— Совместная гибель, наша и противников, дорогой капитан, так вернее, — отозвался Ромеро.

Даже в этот страшный момент он не потерял способности иронизировать.

А затем неистовая вспышка озарила полутемный зал и мы, одновременно все, потеряли сознание.

18

Пришли в себя мы тоже разом.

Командирский зал был ярко освещен, на белых стереоэкранах погасли изображения звезд. Я приподнял голову, посмотрел на товарищей — все они были живы, потом перевел взгляд на вход в зал. Там стояли три диковинных существа, одно впереди, два с боков чуть позади.

Они были похожи на людей. Было у них и сходство с захваченным невидимкой, но там выпирала голая конструкция, изготовленная по расчету, эти же были существами: туловище, две ноги, две руки, одна голова — все то же, что у человека, но только не человеческое.

Стоявший впереди разрушитель проговорил на отличном земном языке:

— Адмирал Эли, прикажите открыть вход в ваш корабль. Я — Орлан. Командовать на «Волопасе» буду я.

Осима подскочил к Орлану, с силой толкнул его рукой в грудь.

Рука Осимы свободно прошла сквозь тело разрушителя, словно ничего на этом месте не было.

Часть вторая
ВЕЛИКИЙ РАЗРУШИТЕЛЬ

Славьте меня! Я великим не чета.
Я над всем, что сделано, ставлю «nihil»…

В. Маяковский

Христос сказал: убогие блаженны,
Завиден рок слепцов, калек и нищих.
Я их возьму в надзвездные селенья,
И сделаю их рыцарями неба
И назову славнейшими из славных…
Пусть! Я приму! Но как же те, другие,
Чьей мыслью мы теперь живем и дышим,
Чьи имена звучат нам, как призывы?
Искупят чем они свое величье?
Как им заплатит воля равновесья?
Иль Беатриче стала проституткой,
Глухонемым — великий Вольфганг Гете
И Байрон — площадным шутом?..

Н. Гумилев

1

— Призрак! — вскричал Осима. — Адмирал, это видение!

Он снова ударил кулаком по диковинному существу, возникшему у входа, и, охнув от боли, отскочил: на разбитых пальцах выступила кровь. Камагин и Петри, собиравшиеся

кинуться вслед за Осимой, медленно опустились в кресла.

Ромеро переглянулся со мной, взгляд его сказал больше, чем любые слова. Я молчал, не двигаясь. В голове у меня молотом била мысль: «МУМ будет захвачена».

— Всем сидеть! — сказал Орлан. — Еще раз приказываю открыть входы.

Я лихорадочно пытался связаться с МУМ, она не откликалась. Все энергетические коммуникации были, вероятно, повреждены при ударе, лишившем нас сознания. Но звездолет был цел, входы в него задраены, сами мы живы — очевидно, и МУМ оставалась невредимой. Ужас в глазах Ромеро показывал, что и он понимал непоправимость случившегося. В плен попадали не одни наши маленькие жизни, но и сокровеннейшие секреты человечества.

Никогда я так отчаянно не напрягал свой мозг в поисках хотя бы щели выхода, и никогда еще не были так пусты мои мозговые извилины.

— Откройте входы, или мы вас уничтожим, — повторил разрушитель.

Дальше молчать было нельзя.

— Вас не задержали закрытые входы, — сказал я.

— Меня — нет, но мои солдаты не могут проникать сквозь вещественные барьеры.

Я повернулся к Камагину:

— Эдуард, хоть и без сражения, но мы еще можем погибнуть, как вы призывали нас. — Я с ненавистью посмотрел на Орлана. — Убирайтесь и можете уничтожить звездолет.

Ни один из разрушителей не пошевелился. Голос Орлана зазвучал мягче:

— Уничтожить вас мы сумеем и без разрушения корабля. Мы доставим его в целости на базу — с вами или без вас.

Я сразу не подыскал возражений. На помощь пришел Ромеро:

— Ваш приказ не может быть выполнен, завоеватель, уже по одному тому, что мы утратили командование механизмами корабля. Восстановите нашу связь с аппаратами.

— Чтобы вы попытались взорвать корабль? — В голове разрушителя зазвучала вполне человеческая ирония. — Ваши аннигиляторы блокированы нашими полями.

— Тогда чего вам бояться? Другого пути к открытию входов в корабль нее существует — для нас, по крайней мере.

Я добавил:

— И сделаем это мы лишь в том случае, если вы гарантируете всем, сдавшимся в плен, жизнь и свободу.

— Жизнь мы вам гарантируем, как обещали. Что касается свободы, то я не волен давать или отнимать ее. Через три минуты,

по вашему счету, обретете утраченную связь.

Я взглядом попросил у друзей совета, забыв, что при пропаже связи с МУМ могу прибегнуть к помощи наручного дешифратора ДН-2, последнего творения Андре.

Мои помощники раньше обрели ясность сознания. Я расслышал внутренний, одними мыслями, шепот Осимы: «Адмирал, нам, кажется, дадут этот шанс. Я помню ваш приказ о МУМ!» И сейчас же во мне зазвучал голос Камагина: «Будьте покойны, Эли, мы с Осимой постараемся!»

Я закрыл глаза, чтоб разрушители не увидели, как они заблестели. Сердце билось во мне, как затравленное, я страшился, что нежданные пришельцы услышат его стук.

Связь с МУМ восстанавливалась медленно, МУМ словно просыпалась от долгого сна, делала первые неуверенные шаги в яви, не сбросив полностью дремоты.

И когда я почувствовал, что порванные нити с мозгом корабля заново обретены, я судорожно, одной резкой мыслью, пытался связаться с аннигиляторами, но связи не получилось: аннигиляторы были прочно блокированы. Я не сомневался, что такие же попытки совершили мои друзья, у Камагина вдруг вырвался стон, Петри чертыхнулся.

— Почему так долго? — спросил Орлан.

— Плохое соединение, — ответил я.

У Осимы было сонное лицо, Камагин раскрыл рот от напряжения, глаза его, вдруг ослепшие, полубезумно вперлись в точку на экране. «Хорошо!» — подумал я с надеждой.

Из миллиардов возможных сочетаний элементов, составлявших МУМ, только одно делало ее работоспособной, — теперь сама МУМ, под диктовку Осимы и Камагина, составляла схему своей перемонтировки. Когда кто-то из них, Осима или Камагин, скажет: «Все. Действуй», эта единственная комбинация будет заменена другой, любой возможной, случайной, бессмысленной, одной из многих миллиардов бессмысленных сочетаний.

— Все! — воскликнул Осима, энергично поворачиваясь в кресле.

— Все! — эхом откликнулся Камагин и радостно вскочил.

Я испытал болезненный удар в мозгу и теле, по нервам промчался электрический разряд. Прежней разумной МУМ, хранительницы знаний всего человечества, больше не существовало. Была игрушка с бессмысленным сочетанием тысяч элементов — один возможный вариант из многих миллиардов бессмысленностей, творимых природой в каждом углу Вселенной…

— Адмирал! — торжественно проговорил Осима. — Приказ выполнен.

— Петри, откройте вход, — распорядился я. — Надо же выполнить условия капитуляции. Ручное управление помните?

— Справлюсь, — проворчал Петри, направляясь к двери. Он поманил пальцем разрушителей. — Призраки, пойдет кто-либо из вас со мной?

Один из разрушителей растаял — не исчез, не удалился, уменьшаясь, как люди, а потускнел и стерся. Оба других продолжали стоять на старых местах.

Ромеро в восторге хлопнул себя ладонями по коленям. За всю нашу многолетнюю дружбу я не помнил у него такой несдержанности.

— Как дурачков! — лепетал он, давясь смехом. — Нет, как дурачков!..

— Радости мало, Павел! — возразил я печально. — Плен остается, звездолет захвачен. Да и нет комбинации, которую теоретически нельзя бы было восстановить…

Ромеро скосил глаз на молчаливых разрушителей и внушительно проговорил:

— Дорогой Эли, теоретически возможное на практике чаще всего неисполнимо. Один из древних мыслителей говорил: «Случайно могут выпадать любые комбинации, это бесспорно, но если мне скажут, что типографский шрифт, рассыпанный по улице, сложился при падении в „Энеиду“, я и ногой не пошевельну, чтоб пойти проверить». Я думаю, этого мыслителя можно принять в качестве примера для подражания.

— Валом валят, твари, — сумрачно сказал возвратившийся Петри.

Оба разрушителя потеснились, словно пропуская кого-то в командирский зал, но новых фигур не появилось. Вместе с тем я с физической ясностью ощутил, что свободного пространства стало меньше.

— Невидимки! — предупреждающе сказал Ромеро.

До нас донесся бесстрастный голос Орлана:

— Вам разрешается идти к своим товарищам.

2

Ромеро направился в парк, мы четверо шли за ним. Из всех служебных помещений людей выгоняли головоглазы. В коридорах мы их наконец увидели: бронированные опухоли с перископами вместо голов неуклюже шествовали от причальной площади, захватывая одно помещение за другим. На площади стояли

легкие корабли, похожие на наши планетолеты, из люков сыпались все новые головоглазы.

Нам не дали смотреть, как оккупируется звездолет. Внезапно возник Орлан и приказал удалиться от площади.

— Настройте дешифраторы! — посоветовал Ромеро и, когда мы проверили свои наручные ДН-2, продолжал — уже одной мыслью: «Если у невидимок и нет тела, то уши, вероятно, имеются, а разобраться в индивидуальных излучениях им будет непросто».

И каждому, кого встречал, он говорил: «Настройте дешифратор».

В аллеях парка было полно народу. Вокруг каждого из командиров образовалась толпа, главным образом команда его звездолета. Меня расспрашивали меньше, чем Осиму, Петри и Камагина. Я сел на скамью с Мэри и Астром, с другой стороны поместился Ромеро.

В парке по земному графику шла осень, меж деревьев шумел несильный ветер, на людей сыпались желтеющие листья.

— Нас будут убивать, отец? — спросил Астр. Он пристально смотрел на меня.

Я с усилием усмехнулся и отвел глаза.

— Зачем нас убивать? Разрушителям наши жизни сейчас нужнее, чем нам.

Астр нахмурился, размышляя. Над толпой появился Труб с Лусином на спине. Ангел приземлился около нашей скамейки, и Лусин соскочил за грунт. Перья на крыльях ангела топорщились. Он поглядел на меня, как на изменника.

— Вы же люди, Эли! — в его голосе громыхали металлические раскаты. — Покориться без сопротивления!.. Эли, ангелы в плен не сдаются, нет, Эли!

— Все что я могу сказать, я уже сказал в обращении через МУМ, — ответил я и попросил их настроить свои дешифраторы. — Рассматривайте себя не как пленников, а как передовой отряд внутри вражеского стана, — объяснил я.

— Мы-то можем себя так рассматривать, но согласятся ли наши враги видеть в нас не жертвы их произвола, а действующий вражеский отряд в их лагере, — возразил Лусин, и я поразился, до чего он ясно выстроил это суждение.

Со временем я привык, что косноязычный Лусин становится красноречив, если ограничивается мыслями без слов. Когда мы встречаемся с ним сейчас на Земле, мы надеваем дешифраторы, словно находимся по-прежнему в дальних странствиях: так, одними мыслями, нам объясняться легче.

— Поживем — увидим, — сдержанно сказал Ромеро.

Мэри молча прижималась ко мне плечом. Нам не нужно было обмениваться мыслями, чтобы понимать друг друга. Лусин, печальный, тихо разговаривал с Ромеро, Астр и Труб присоединились к кучке, обступившей Камагина.

Листья падали все гуще, и я вспомнил тот осенний день на недостижимо далекой Земле, когда на аллее Зеленого проспекта повстречал Мэри. Сейчас она была рядом, измученная, терпеливая, бесконечно близкая, тесно прижавшаяся ко мне, а я с нежностью думал о той, холодной, отстраненной, презрительно отвечавшей из мои вопросы…

— Не надо! — умоляюще прошептала Мэри, дешифратор передал ей мои мысли.

— Не надо, конечно! — повторил я со вздохом и увидел идущего к нам Орлана, сопровождаемого теми же двумя призрачными разрушителями.

Впоследствии мы разглядели, что они не призрачны, а только очень уж «нечеловечны».

Непохожесть на людей становилась заметней, когда разрушители двигались; неподвижных, особенно издали, легко было спутать с человеком. Но движение выдавало их, они не шагали, а, скорее, порхали, не сгибали колени при ходьбе, а легонько перепрыгивали, выбрасывая вперед, как костыли, то одну то другую ногу. И при этом у них изгибалось все тело, как у скороходов, побивающих рекорд быстроты, — они зато и передвигались много быстрее нас.

Еще меньше человеческого было в их лицах: все они были безносы. На головах, по рисунку вполне человеческих, имелись и волосы, и уши, и глаза — тоже два — и рот, и подбородок, но вместо носа было круглое отверстие, прикрытое клапаном, похожим на хоботок, — клапан то вздымался, то опадал при дыхания. «Шевелят носами», — как-то сказал о разрушителях Ромеро.

Лица их светились по настроению, то разгораясь, то погасая: были то белыми, то желтыми, то синими. Изменение блеска и окраски лиц не походило на удивительный цветовой язык вегажителей, скорее, напоминало наше покраснение и побеление, но только усиленное до зловещности.

Орлан поднял вверх голову — не повернул ее на шее спереди назад, как делаем мы, когда «поднимаем» голову, а именно приподнял: шея вдруг удлинилась и голова пошла вверх над плечами сантиметров на тридцать. Потом мы дознались, что таков способ приветствования у разрушителей: они учтиво вздымают головы, как наши предки приподнимали шляпы.

Не опуская головы, Орлан заговорил:

— Ни один из ходовых механизмов корабля не действует. Что вы сделали с ними?

— Виноваты в этом вы, ведь вы заблокировали наши аннигиляторы, — сказал я.

— Мы разблокировали их, но мы не знаем схем ваших аппаратов. Объясните, как обращаться с ними.

— Этого не будет, — объявил я. — Командующий ими корабельный мозг поврежден. Но если бы мы и знали, как обращаться с аннигиляторами без него, мы все равно не раскрыли бы наших секретов.

Голова Орлана упала. Это было так неожиданно, что я вздрогнул, а Мэри вскрикнула. Шея исчезла вся, а голова наполовину провалилась в грудную клетку, при этом раздался звук, как при ударе хлопушкой. Над плечами Орлана теперь торчали лишь лоб и два глаза, и эти не исчезнувшие остатки лица синевато пылали. Так мы впервые увидели, как разрушители выражают свое неодобрение и негодование.

— Я сообщу об этом Великому, — донесся из недр Орлана, словно из ящика, измененный голос.

— Пожалуйста, — сказал я.

Он собирался уходить, когда я задержал его:

— Можно задать несколько вопросов?

— Задавайте, — голова его возвратилась в естественное положение.

— Вопросы такие. Что вы собираетесь с нами делать? Кто такой Великий разрушитель? Откуда вы знаете, как меня зовут и кто я? Как вы обучились человеческому языку? Как вы проникли на наш звездолет?

— Ни на один из этих вопросов ответа пока не будет, — сообщил он, опять с хлопаньем втягивая голову в плечи. Но тут же возвратил ее в прежнее состояние. — А получите ли вы ответ потом, решит Великий.

Я снова не дал ему уйти:

— Тогда скажите, что мы можем и чего не можем делать?

— Можете делать все, что делали прежде, за одним исключением: доступ к механизмам корабля воспрещен.

— Раскройте стереоэкраны в обсервационном зале, — попросил я. — Надеюсь, вам не повредит, если мы полюбуемся светилами вашего красочного скопления?

— Светилами любоваться можно, — бросил он, упархивая.

3

В отчете Ромеро описаны те первые дни плена, когда мы еще

находились на звездолете, — и наши тревоги, и недоумения, и овладевшее многими отчаяние, и бешенство, клокотавшие в других, и знакомство с суровыми стражами, и столкновения, неизбежно возникавшие между нами и ними. Из тех дней я всего яснее запомнил, что меня непрерывно грызли жестокие вопросы, я непрестанно искал на них ответа и ответа не находил, а на некоторые и сегодня, по прошествии многих лет, не могу найти ответа. И самым мучительным из вопросов была мера моей вины в том, что совершилось. Ни на кого ответственность я переложить не мог. Везде было одно: моя вина. Временами от этих мыслей сохла голова.

Лишь двум друзьям я мог поверить свои терзания — Мэри и Ромеро, и оба спорили со мной. Мэри видела лишь катастрофическое сочетание несчастных обстоятельств, Ромеро твердил, что психологию нужно оставить историкам, а мое дело — анализировать положение.

— Я понимаю, вам странно, что именно я обращаюсь с призывом забыть о психологии, — сказал он как-то. — Друг мой, копается много в прошлом тот, кто пасует перед будущим, а ваша область — будущее, уж таков вы. Давайте же распутывать загадки, поставленные появлением разрушителей.

Больше Мэри с Ромеро разобрались в моем состоянии маленький космонавт с Астром. Мы встретились с Камагиным возле обсервационного зала, и он остановил меня.

— Адмирал, — сказал он, волнуясь, — вы имеете все основания быть недовольным мною…

Я возразил:

— У вас еще больше оснований быть недовольным мною.

— Нет! Тысячу раз — нет! — воскликнул он. — Даже МУМ не предвидела того, что совершилось, а человек, вы или я, не больше чем человек. Я давно собирался извиниться, Эли…

Я отошел от него растроганным. В этот же день Астр сказал мне:

— Мне очень жалко тебя, отец!

Он сидел в моей комнате и смотрел стереоленту с видами Земли: пейзажи незнакомой ему планеты — Гималаи, Сахара, Восточный океан, стоэтажные здания Столицы.

— Почему? — спросил я рассеянно.

Мне вообразилось, что слова его имеют отношение к картинам.

— Я подумал, что не ты, а я адмирал, и что я сжег два своих корабля, а третий сдал в плен… И мне не захотелось жить, а тебе ведь хуже, ты — не играешь в адмирала…

— Играй, пожалуйста, в игры не выше солдата или

инженера, — посоветовал я и вышел из комнаты. Я страшно разнервничался.

В обсервационном зале мы видели изо дня в день одно и то же: яркие звезды, зеленые огни эскадры.

То ли разрушители не хотели, чтобы мы разобрались в астрографии их полета, то ли механизмы корабля разладились, но трудно было понять, куда и с какой скоростью движется вражеская эскадра. Ясно было лишь, что наш звездолет несется в центре флота, на всех сторонах сферы сверкали вражеские крейсера. Осима доказывал, что такая дислокация сделана не для охраны «Волопаса», а чтоб обеспечить его движение — чужие корабли своими полями тащили наш звездолет за собой.

Оранжевая понемногу отклонялась от оси полета. В зените появилась другая звезда, горячей, почти синяя, но неяркая. Со временем и она осталась в стороне, а приборы показали, что звездолеты выбрасываются в эйнштейново пространство. Мы снова увидели — уже в оптике — малоприметное белое светило и темную планетку, ее спутника.

— Если здесь их база, то она хорошо укрыта, — заметил Камагин. — И белого карлика отыскать не просто в этом переплетении гигантов и сверхгигантов, а затерянный в темноте спутник просто неприметен.

4

Звездолеты врагов один за другим уносились в черноту, их пронзительные огни тускнели. Осталось около десятка кораблей, когда «Волопас» пошел на посадку.

День этот навеки остался в моей памяти. Наши галактические суда не умеют причаливать к планетам. А гигантские корабли разрушителей опускались на поверхность планеты с легкостью, словно авиетки. На плоской равнине в считанные часы возникла своеобразная горная страна.

И на одной из долинок между звездолетами врага плавно опустился «Волопас».

— Выходить! — приказал Орлан, появившийся в обсервационном зале, откуда мы наблюдали за посадкой.

Он стоял с двумя неизменными телохранителями, бесстрастный, похожий на призрак, хотя теперь мы твердо знали, что и он, и его охрана вполне вещественны — уже не один Осима дотрагивался до них или сталкивался.

Я распорядился надевать скафандры. Орлан отменил мой приказ:

— Излишне, адмирал Эли. На базе созданы условия, в

которых вы нуждаетесь: атмосфера с азотом и кислородом, вода, привычные вам гравитация и температура, даже ваш любимый зеленый цвет. А что до радиации, — он показал на белое светило, — то она не опасна.

Из ворот «Волопаса» выкатили причальную площадку. Я вышел с Мэри и Астром. Астр радостно сказал:

— Отец, правда, эта планета напоминает Землю? Мама говорит, что нет, а по-моему, похожа!

Если планета походила на Землю, то так же, как сами разрушители копировали людей — призрачным, а не реальным сходством. Объяснять это Астру было напрасно: он видел Землю лишь на стереоэкране.

Крохотное белое солнце, висевшее над планетой, света давало ровно столько, чтоб видеть, но тепла от него не было. Земные лунные ночи больше напоминали местный полдень, чем земные дни, — в небе планеты сумрачно посверкивали звезды. Планета была зеленой, но зеленью холодной, с металлическим отблеском. Вверху, затмевая звезды на белесом небе, висели облачка, они тоже были едко-зеленые.

— Металлическая! — грустно сказал Лусин. — Незнакомый металл, Эли.

— Отлично известный металл: никель, — поправил его Камагин. — В мое время после железа никель являлся главным конструкционным материалом. Ручаюсь, что вся эта зелень — соли и окислы никеля.

Лишь наш совершенно черный звездолет нарушал однотонную зеленость никелевой планеты.

По зеленой поверхности струились зеленые реки, реки впадали в зеленые озера, над озерами нависали зеленые холмы. Я потрогал рукой одно из зеленых растений, оно было неживое, просто гроздья кристаллов, мутноватых, скользких. Я зачерпнул ладонями жидкости в речке, это тоже были никелевые растворы, неприятно и остро пахнувшие, они окрасили мою руку в зеленый цвет, такой равномерно прочный, что казалось, я надел зеленую перчатку.

Потом мы шли по аллее металлических деревьев, стволы блестели синевато-бело, а кроны, тоже металлические, покрывали зеленые осадки — металлические ветви качались, ветер, то усиливаясь, то спадая, шевелил кристаллы. Неприятный запах никелевых соединений, исходивший от всего в этом металлическом лесу, становился непереносим.

— Зеленая тоска, дорогой Эли! — со вздохом проговорил Ромеро. — Выть по-волчьи…

Во время высадки мы увидели своих стражей — головоглазов.

На звездолете они охраняли служебные помещения и на глаза старались не попадаться. Здесь они были везде — на причальной площадке, у гравитационного эскалатора, перебрасывавшего нас с корабля на планету. И прежде чем мы попали в металлический лес и на берега солевых речек, нам пришлось пройти через молчаливые аллеи стражей, бдительно наблюдавших, чтобы мы не приблизились к их кораблям: если пленник слишком отклонялся, его возвращали на предписанную дорогу увесистыми гравитационными оплеухами. Мне первому досталась такая пощечина, и я уже не повторял столкновения со стражами.

Так держали себя и другие люди, но с ангелами головоглазам пришлось повозиться.

Труба с его крылатыми сородичами высосало на планету по тому же силовому транспортеру, что и нас, но на почве ангелы повели себя по-иному. Труб взлетел, а за ним с гамом устремились другие ангелы. Головоглазы заметались, их перископы страшно засверкали, но сила гравитационных ударов квадратно уменьшалась с отдалением, и ангелы быстро усвоили эту нехитрую истину: они взлетали повыше и там, недоступные для кары, дико резвилась.

Вскоре в их пеструю толпу шумно ворвались пегасы, а за пегасами, огромный и величественный, вынесся Громовержец с Лусином на спине и круг за кругом стал уходить все выше. Драконы поменьше бросились за своим вождем, и образовалась трехэтажная суматоха.

Выше всех, полностью недоступные для головоглазов, тихо реяла крылатые драконы, пониже сновали ангелы, а под ними бесновались летающие лошади, ошалевшие от вольного воздуха после тесных конюшен звездолета. Кое-кого из пегасов зловредам удалось сшибить, но и эти, побегав по грунту, вновь с радостным ржанием уносились к своим.

Стоявшие возле меня Камагин и Осима обменялись взглядами.

— Только без слов! — предупредил я мысленно. — А также без молчаливых рассуждений. Мы не знаем, какая техника подслушивания на базе. И не жестикулируйте, пожалуйста.

Они продолжали объясняться восхищенными взглядами, выразительно кривили лица, но рук из карманов не вынимали, чтобы не привлечь внимания резкими жестами. К нам присоединились Ромеро и Петри, и беседа безруких и глухонемых стала такой оживленной, что я опять встревожился.

Развязка затянувшейся неразберихи была крутой. В одном из звездолетов засверкало желтым огнем пятно, и пляска в воздухе оборвалась. И лошади, и ангелы, и драконы, и Лусин верхом на

драконе покатились вниз. Если бы я мог любоваться этим зрелищем взглядом постороннего наблюдателя, оно, вероятно, показалось бы забавным. И ангелы, и пегасы с прежней энергией махали крыльями, но летели вниз, как лыжники с трамплина.

Ромеро приподнял и опустил бровь. Код его мимики был недопустимо прост.

— Ну, что ж — звездолеты! — пробормотал мыслью Камагин. — Не везде же будут эти чертовы машины!

Передние углубились в лес. К нам, обгоняя задних, добрались Труб и Лусин. Труб был сконфужен неудачным весельем в воздухе, а Лусин сиял. Громовержец показал свои летные способности, и это почти примиряло Лусина с пленом.

— Хорошо, а? — похвастался он вслух.

Я промолчал, а Камагин, подкрепляя мысль взглядом, ответил через дешифратор:

— Отлично Лусин. Твои крылатые друзья облегчат нам заключение.

Я обратился к Трубу, уныло поджавшему крылья:

— Как летается на высоте? Отвечай через прибор.

В отличие от Лусина, обретавшего красноречие при мысленных объяснениях, Труб сразу начинал мекать, чуть переходил на прямую мысль. Он был из тех, кого Ромеро называет косномысленными.

— Леталось… видишь ли, Эли… вроде на Земле! Лучше Оры… Выше — труднее… Быстрое разрежение — вверх…

— Падалось легче, чем поднималось, — добавил Ромеро.

Из объяснений Труба я уяснил себе, что тяготеющее поле планеты сконструировано не по Ньютону.

За поворотом металлической аллеи открылось металлическое сооружение в зеленой чешуе окислов, в оползнях солей. Внутрь него вел туннель. Я остановился и оглянулся. Позади меня двигались все три экипажа звездолетов, за ними то шагом, то короткими взлетами, то отставали, то торопились ангелы, шествие завершали пегасы и драконы. Немыслимо было и думать, что такую ораву пленных можно втиснуть в приземистое помещение.

— Нас приглашают, и пока вроде вежливо. — Ромеро кивнул на охранников, усиленно мотавших в сторону дома мерцающими перископами.

— Подождем Орлана, — решил я.

Пока мы ждали, зеленая тучка, приползшая в зенит, пролилась зеленым дождем из солей никеля. Сперва падали отдельные капли, быстро запятнавшие нас, потом хлынул ливень, наподобие тех, что устраиваются на Земле в дни летних гроз. В

потемневшем небе засверкали молнии, темно-красные, и не ослепительно яркие, как у нас, а тусклые. Я отыскал Мэри и Астра и укрыл их своим плащом. Мэри дрожала, а сын с обидой доказывал, что способен вынести все, что выносят другие мужчины.

— Безусловно, — утешил его я. — И если бы этот ливень вынуждал на духовные или физические усилия, я сам потребовал бы от тебя: ну, поборись! Но он только пачкает, а грязи добавлять не обязательно.

Ливень оборвался внезапно, как налетел, в небе засветился тот же невыразительный белый карлик, медленно клонившийся к горизонту. Мы были мокры и перепачканы, люди превратились в зеленые статуи, ангелы топорщили повисшие зеленые крылья, Труб встряхивался, как пес, выбравшийся из воды, я выжимал отяжелевший плащ.

За этим занятием нас застал Орлан.

— У нас под душ идут, чтобы очиститься, у вас — чтоб запачкаться, — сказал я сердито.

— Никелевая планета! — пояснил он со снисходительным бесстрастием. — Среди наших баз имеются марганцевые, железные, свинцовые, кобальтовые, натриевые, золотые, ртутные… Для вас выбрана никелевая, потому что она — зеленая.

— Я предпочел бы золотую, они нам знакомы, — оказал я, намекая на то, что одну золотую планету мы уничтожили.

Он пропустил намек мимо ушей.

— Вы не вынесли бы там хлорных соединений золота. Великий хочет сохранить вам жизни.

— Если вы заботитесь о наших жизнях, зачем загонять нас в эту тесную берлогу?

— Места в ней хватит всем.

Туннель вел во вместительный вестибюль, откуда отпочковывались широкие коридоры с самосветящимися стенами. Под шапкой невзрачного домика скрывался обширный комплекс помещений. Все здесь, как и снаружи, было никелевое, но соединения никеля потеряли мертвенную зеленую однообразность, а металлически чистый, он уже блистал синеватостью.

Не скажу, что я был восхищен богатством и теплотой цвета, но мне уже не хотелось волком выть от «зеленой тоски».

— Направо — людям, прямо и налево — вашим союзникам, — распорядился Орлан.

Я осведомился, имеют ли люди право общаться с своими друзьями. Право такое было. Ангелы повалили прямо, пегасы с драконами понеслись налево, мы с Орланом повернули направо.

Самосветящийся коридор вел в огромный четырехугольный зал, тоже с самосветящимися стенами и потолком. Вдоль стен тянулись странные, похожие на желоба, сооружения. В такой тюрьме можно было разместить команды целого флота галактических кораблей, а не только три экипажа.

— Нары, — сказал Ромеро, показывая на желоба.

— Размещайтесь! — сказал Орлан и повернулся ко мне. — Вы пойдете со мной, адмирал.

Ко мне подошли Осима и Камагин, сзади встал Ромеро.

— Мы не пустим адмирала одного, — сказал Осима.

Ничто не изменилось на бесстрастном лице Орлана.

— Адмирал пойдет один. Вы не нужны.

Ромеро указал на телохранителей Орлана:

— Разрешите заметить, что вас тоже сопровождают адъютанты. Охрана положена нашему адмиралу по рангу.

— Он пойдет один, — холодно повторил Орлан.

— Не волнуйтесь, — сказал я друзьям. — Один я пойду или втроем, все равно мы в полной их власти.

5

Я еле поспевал за моими проводниками: их плавные прыжки, напоминавшие танец, а не ходьбу, были быстрее даже моего бега. Временами они останавливались и поджидали меня, не оборачиваясь, точно видели спиной так же хорошо, как глазами. Я не мог отделаться от ощущения, что вокруг невидимки. По коридору можно было устроить шествие по десять человек в ряду, а мне не хватало пространства. Притворяясь, что не удержался, я раза три отскакивал в сторону, но везде была пустота, столкнуться с невидимками не удалось.

В новом помещении, маленьком и скудно освещенном, Орлан приказал мне остановиться. Я стоял посреди комнаты. Орлан с телохранителями подошел к двери напротив, и она открылась им навстречу.

В помещение вприпрыжку вбежал человек, и я сразу узнал его. Это был Андре. Он двигался не как Андре, у него была старчески согбенная фигура, он уныло, не как Андре, склонял голову, нелепо размахивал руками, нелепо скрипучим голосом что-то бормотал. Ничего не было у него от Андре, все было иное, незнакомое, неожиданное, непредставимое!.. Но это мог быть только Андре.

— Андре! — закричал я, кидаясь к нему.

Он поднял голову, и я увидел лицо его, постаревшее, изможденное, до того непонятное, что восторг встречи мгновенно

превратился в страх. Я схватил Андре, прижал к груди, застонал от ликования и боли, но уже в ту первую минуту почувствовал, что не одну радость принесет воскрешение Андре из небытия, и, может быть, меньше всего — радость.

Андре оттолкнул меня. Он меня не узнал.

— Андре! — молил я. — Взгляни, это же я, Эли, я твой друг Эли, вспомни, я же Эли, я Эли, Андре! Андре!

Он с тоской отворачивался. Мое ликование превращалось в ужас. Я рванул его к себе. Он смотрел на меня и не видел: зрячий, он был слеп. Такие глаза я иногда подглядывал у людей, отдавшихся тяжкой думе. Только здесь все было усилено безмерно, нечеловечески жестоко.

Я снова обрел Андре, но он не вышел ко мне, он был в каком-то своем, далеком мире. Он лишь присутствовал здесь — его не было!

— Андре! — кричал я в отчаянии. — Это же я, Эли! Андре!

Он сумел вырваться и побежал. Я нагнал его, еще сильнее рванул к себе. В исступлении я готов был бить его, рвать ногтями, кусать, целовать, обливать слезами, только бы это вернуло его в сознание. Он должен узнать меня, должен вспомнить себя и друзей — лишь это одно я отчетливо понимал в ту минуту, когда, хрипя от ярости, тряс его.

Андре, страдальчески закрыв глаза, бессильно метался в моих руках. Он вдруг побледнел, а длинные огненные кудри — единственное, что сохранилось от старого Андре, — то закрывали, то освобождали лицо, вспышками пламени проносились перед моими затуманившимися зрачками, это одно я видел с ясностью: кудри Андре не проносились, а вспыхивали.

Орлан и два телохранителя, бесстрастные, стояли в стороне. Я оставил Андре и подскочил к Орлану. Я был готов броситься на него. Он не шевельнулся.

— Подлые уроды! — крикнул я. — Что вы сделали с Андре? Зачем его лишили разума?

Ответ Орлана прозвучал так торжественно и скорбно, что, вероятно, лишь это удержало меня от рукопашной схватки:

— Великий не хотел лишать его разума.

В бешенстве я поднес свою руку ко рту и прикусил ее, чтобы внешней грубой болью перебить внутреннее терзание. Еще лучше было бы заплакать в голос, проклиная судьбу и врагов и себя, взывая о прощении, ибо сам я больше всех людей виноват был в нынешнем состоянии друга.

Но на слезы мне не хватило сил, сухое отчаяние палило меня. И я продолжал кусать руку, чтоб хоть этим перебороть себя. Андре, согбенный, жалко покачивающий головой, уже не старался

убежать, хоть я и не держал его больше.

А неподалеку равнодушно-неподвижные возвышались три призрачно похожих на людей нечеловека.

Внезапно до меня донесся тихий голос, Андре монотонно пел, покачиваясь в такт туловищем, словно пел нелепую свою песенку не голосом, а каждым движением тела:

Жил-был у бабушки серенький козлик,
Ах, серенький козлик, ах, серенький козлик…

Пел он тоненько и жалобно, никогда прежде я не слыхал у Андре такого голоса.

Я повернулся к Орлану:

— Чего вы хотите от меня?

— Человек Андре поступает в твое распоряжение, адмирал Эли, — сказал Орлан.

— Идем, Андре, — сказал я и потянул его за рукав.

Я снова шел за Орланом, а позади покорно плелся Андре.

6

В помещение, где находились друзья, я вошел спокойно. К нам кинулся Камагин и в ужасе отпрянул. Он мало общался с Андре, но узнал его сразу. Ромеро, побелев, подскочил к Андре. Трость Ромеро — он даже в плену не расставался с нею — со стуком упала на пол среди наступившей вдруг тишины.

— Андре! — прервал молчание страшный шепот Ромеро. — Эли!.. Вы понимаете?

— Да, — сказал я горько. — Телесная оболочка осталась, духа нет.

Ромеро взял Андре за руку. Теперь он говорил так спокойно, будто они встретились после недолгой разлуки и ничего с Андре не произошло.

— Здравствуй, Андре. У нас тебе будет хорошо, мы твои старые друзья. Идем, идем!

Он тихонько тянул и подталкивал Андре, тот, покачивая багрово-красными локонами, медленно шел — без охоты, без сопротивления, без понимания… Мой взгляд пересекся с отчаянным взглядом Мэри. Я хотел вздохнуть, но не хватило силы. Надо было напрячь мускулы, раскрыть рот, я не сумел ни того, ни другого. Кровь жарко бросилась в лицо. Мэри положила руку мне на плечо — я судорожно глотнул воздуха.

— Забавно, — проговорил я, силясь улыбнуться. — Вроде

кратковременного паралича.

— Присядь, — сказала Мэри.

Я примостился к сыну. Я старался не поворачиваться в ту сторону, где сидел Андре, окруженный товарищами. Похожие на желоб нары неожиданно оказались удобными, на них можно было покачаться, как в гамаке. Астр со страхом смотрел на меня. Ему наконец удалось улыбнуться.

— Наши постели, кажется, покоятся на силовых опорах, — сказал я, только сейчас разглядев, что они висят в воздухе. — Почему ты не играешь, Астр? Я видел, как ангелы помогали тебе нести игрушки, а одного пегаса, хитрец, ты навьючил, как верблюда.

— Мне не до игр, отец, — сказал он грустно.

На это я не нашел ответа. Астр был еще мал, чтоб узнать, что такое настоящая человеческая свобода, но неволю познал рано. Я не буду забегать вперед, в моем рассказе еще найдутся черные главы и без того, чтоб непрерывно вспоминать одно плохое.

— Играй! — сказал я настойчиво. — Играй, веселись, проказничай. Плюнь им в лицо весельем, разгневай их беззаботностью, ничто ведь не будет им так приятно, как наша скорбь. Лиши их этой мрачной радости!

Такое понимание обстановки, вероятно, еще не являлось ему на ум.

— Я буду играть, — пообещал он. — Ты будешь доволен, отец! — Он вскочил и отошел.

Не знаю, сколько я сидел, молчаливый, рядом с молчаливой Мэри, пока не почувствовал стеснения, словно опять кругом стало исчезать пространство. Подняв голову, я повстречался с холодным взглядом немигающих глаз Орлана. «Машина с глазами!» — с омерзением подумал я. Он не был призраком, каким почудился вначале, но мало чем отличался от отвратительного живого робота. Еще отвратительнее были его спутники.

— Великий зовет тебя, — объявил Орлан.

Вокруг стали собираться пленные.

— Зачем я понадобился твоему повелителю?

— Он скажет сам.

— Такая тайна, что нельзя ни с кем поделиться ею?

— Тайны нет. Великий предлагает человечеству братский союз.

Если бы Орлан сообщил, что разрушители собираются нас освободить, я был бы поражен меньше. Все, что мы успели узнать о зловредах, делало мысль о союзе с ними противоестественной.

До меня донеслось возмущенное восклицание Камагина.

Я сказал Орлану:

— У вас, похоже, решения принимает единолично властитель, а у нас она коллективны. Отойди, пока мы посовещаемся. Не исключено, что товарищи не разрешат идти к твоему властителю.

— Не идти ты не можешь.

— Не идти я всегда могу. Другой вопрос, что вы способны доставить меня силой. Но насилие — неудачное начало для проектируемого вами братства…

Разрушители отошли. Для живых машин они держали себя, в общем, прилично. Я попросил настроить дешифраторы на мое мозговое излучение — совещаться будем мысленно.

Непосвященному наше собрание должно было представляться странным: молчаливые люди уставились глазами в пол, словно прислушиваются к чему-то, совершающемуся у каждого внутри.

Лишь Камагин, временами импульсивно дергавшийся, нарушал гармонию оцепенения, да из-за спин сидевших ближе ко мне доносилось унылое бормотание Андре, он все вспоминал дряхлого козлика.

Я приказал себе не вслушиваться в его голос — и не вслушивался.

Я начал с того, что титул властителя — Великий разрушитель — не свидетельствует ни о его доброте, ни о широком разуме. Впрочем, о «доброте» разрушителей мы знаем еще с Сигмы. Властитель врагов обратился с предложением о братстве не к Эли Гамазину, адмиралу Большого Галактического флота, штурмующего его звездные заграждения, хотя ничто не мешало ему и тогда высказать такой проект, — нет, он вступает в переговоры со своим пленником, над жизнью которого властен, — можно, естественно, усомниться в честности его намерений.

И на каких принципах основать союз человека, творца и всеобщего помощника, с разрушителем и тираном? Совместно покорять еще свободные народы? Рука об руку истреблять еще не истребленное, разрушать еще не разрушенное? Обратить в своих врагов всех звездных друзей человечества, высокомерно объявив их недочеловеками и античеловеками? Отказаться от союза с неведомыми нам пока галактами, так разительно похожими на нас самих и внешне, и по обращению с другими разумными существами?

Не лучше ли презрительно игнорировать обращение властителя и, возможно, заплатив за такую дерзость нашими жизнями, дать ему ясное представление о воле и намерениях человека?

Едва я закончил, как, опережая других, донеслась

возбужденная мысль Камагина:

— Никаких переговоров с преступниками! Всей силой воли, всем остающимся оружием!

— Единственное, чем мы еще владеем — наши маленькие жизни, — вставил Ромеро.

— Значит, отдать наши маленькие жизни! — Камагин вскочил. Ему лишь с трудом удалось не прокричать об этом вслух.

— Я за переговоры! — сообщил рассудительный Осима. — Умереть всегда успеется. Но раз адмирал будет говорить от имени человечества, пусть не забывает, что за ним стоит вся мощь человеческая. Мы в плену, но человечество свободно!

— Пригрозить Великому крахом его величия! — поддержал Петри Осиму. — Стукнуть кулаком по столу! Пусть снимает рогатки со звездных проходов в скопление. Полное прекращение космического разбоя, другой основы быть не может.

— Пусть освободит нас и вернет захваченный звездолет, — добавила Мэри.

— Короче, разрушители должны капитулировать, — хладнокровно подвел итоги Ромеро. — И этот результат, которого мы не сумели добиться объединенной мощью человечества, должен быть получен действием речи адмирала. Неплохая программа, и я поддерживаю ее, хотя сомневаюсь в исполнимости.

Я не спешил обнародовать свои соображения и сказал только:

— Принципы, вызвавшие войну с разрушителями, остаются обязательными для нас и в плену. Лишь на их основе возможно соглашение.

После этого я сообщил Орлану, что согласен на встречу.

У выхода мне встретился Лусин, возвращавшийся от своих крылатых друзей. Лусин еще не знал об Андре и сразу не обратил внимания на старческую фигурку, склонившуюся на нарах, но до меня донеслось тоскливое бормотанье: «Серенький козлик, серенький козлик…»

Выходя, я услышал звонкий возглас Астра:

— Скорей возвращайся, отец!

Я улыбнулся ему.

7

Великий разрушитель был еще больше похож на человека, чем Орлан, а еще менее «человечен», чем тот.

Он был, прежде всего, огромен, почти четырех метров роста, но то, что делало Орлана подобным призраку, во властителе было

рельефней.

Непропорционально маленькая голова гнездилась на непропорционально длинной шее. На голове сверкали огромные глаза, жадно распахивался и прикрывался огромный рот. И оттого, что лицо властителя тоже было безносым, оно казалось скорее змеиной мордой, а не лицом. «Не образ, а образина человека», — сформулировал я впечатление от облика властителя.

Он смотрел на меня светящимися глазами. Это не метафора — из глазниц исторгался трассирующий свет: он оконтуривал меня фосфоресцирующими глазами. Я сперва сравнил его с Орланом, у того окраска кожи показывала настроение. Властитель старался пугать собеседников, для этого, возможно, сверкание глаз подходило больше, чем озаренность лица.

Властитель тяжко восседал на помосте вроде трона. Для меня сиденья приготовлено не было. Я опустился на пол и скрестил ноги. В обширном зале мы были вдвоем.

— Ты знаешь, что я хочу предложить вам союз? — не то спросил, не то установил Великий разрушитель. Он разговаривал сносным человеческим языком.

— Знаю, — ответил я, — но, прежде чем говорить о союзе, я должен задать несколько вопросов.

— Задавай. — Он, как и Орлан, не признавал нашего вежливого обращения на «вы».

Я подчеркивал холодным «вы», что дружественности между нами нет.

— Вы похожи на человека и говорите по-человечески. Но мы даже отдаленно не родня.

— Я принимаю любой облик, какой захочу, лишь бы он был биологически возможен. Я облекся в человекоподобие, чтоб тебе было удобнее.

— Я предпочел бы ваш естественный вид. Мне было бы приятней, если бы вы меньше походили на меня.

Он разъяснил, что смена образа — дело хитрое. Изготовление новой оболочки требует немалого времени. И вообще он не злоупотребляет своей свободой трансформации. Про себя я порадовался: если смена облика непроста даже для властителя, то появление псевдолюдей среди нас в ближайшее время не грозит.

Было несколько мелочей, смущавших меня, и раньше, чем переходить к основному, я коснулся их:

— Наш звездолет был глухо задраен, но Орлан появился в нем. Как он это сумел?

— Появился не он, а его изображение, сфокусированное в

звездолет. Разве вы не применяете передачу изображений?

— Применяем — в видеостолбах. Но там силуэты-картинки… Осима же разбил пальцы об изображение Орлана.

— Вы, очевидно, передаете только оптические характеристики, а мы и другие свойства — твердость, теплоту, даже электрическую напряженность. Все очень просто.

Я должен был признать — да, просто.

— Есть еще вопросы?

— И вопросы и разъяснения.

Я сообщил, что облечен властью для войны, но не для союза. Если он собирается затрагивать проблемы, интересующие все человечество, то во всяком случае та часть человечества, что находится неподалеку, то есть все мои товарищи, должна участвовать в обсуждении. Он возразил: если транслировать нашу беседу, его подданные тоже услышат ее. Мне это безразлично, сказал я. Он заметил, что я разговариваю тоном победителя, а не побежденного. Я указал, что нужно различать разговоры и переговоры: разговаривает он со своими пленными, но в переговоры вступает со всем человечеством — стало быть, нужно ему привыкать к тону, который свободное человечество изберет для переговоров. Он объявил, что для начала удовольствуется соглашением со мной, а не со всем человечеством. Я поинтересовался, имеет ли он в виду одного меня или с товарищами. Он имел в виду всех нас. В таком случае, без информации, передаваемой всем, не обойтись, стоял я на своем. Ему внове был такой дерзкий тон. Не худо приучаться к любому тону, повторил я, и можно начать с меня. Уже не один пленник представал перед ним — и у всех тряслись поджилки, ибо он волен в их жизни и смерти. У меня, возможно, тоже трясутся поджилки, но волен он лишь в физическом моем существовании, а не в помыслах и желаниях, добивается же он того, чтоб мы возжелали дружбы с ним, трясущиеся поджилки вряд ли способствуют таким желаниям. И вообще — мучить пленников он способен, ограничиваясь своими обычаями и на своем языке, но завоевать их дружбу надо на их языке и согласно их обычаям.

После этого я отказался от дальнейшего разговора и замолчал, вызывающе глядя на него. Он тоже молчал — и немалое время. Я имел возможность убедиться, что старинное выражение «глаза его метали молнии» — отнюдь не гипербола. Впечатление было такое, будто меня ослепляют вспышками прожекторов.

— Хорошо, пусть наша беседа транслируется, — сказал он потом. — Но если мы не договоримся, я должен буду показать своим подданным, как расправлюсь с упрямцами.

— Я отдаю себе в этом отчет, — сказал я спокойно. Я очень волновался.

В ту же минуту дешифратор донес ко мне возбужденные голоса друзей. Они, позабыв об осторожности, не мыслями, а словами обсуждали мое положение. Я прервал их разноголосый хор приглашением послушать мою беседу с Великим разрушителем. Наступило удивленное молчание, потом Ромеро торжественно проговорил одну из своих любимых напыщенных фраз: «Начинайте, адмирал, мы все превратились в слух».

Еще я услышал смятенное восклицание Лусина: «Какой ужас, Эли, какой ужас!» — я понял, что оно относится не ко мне, а к Андре.

— Приступим? — предложил Великий разрушитель.

Голос его гремел угрожающе. Приняв человеческий облик, он не усвоил человеческого обхождения. Для дружеских переговоров такой зычный рев был, по меньшей мере, нетактичен.

8

Он признавал наши успехи. Внешне мы похожи на старых его противников, галактов. Разрушители, столкнувшиеся с нами в Плеядах, так и докладывали на базу: «Видим галактов, возьмем их в плен». Война с галактами, длившаяся бездну времени, подошла к завершению. Галакты блокированы на оставшихся у них планетах. Вся их надежда ныне на то, что их оставят в покое, — напрасная надежда, он объявляет это твердо.

Но люди оказались неожиданно иными. Они сумели рассеять в Плеядах флот разрушителей, а в Персее взорвали одну из мощно оснащенных планет. Ему, Великому разрушителю, пришлось запретить своим кораблям выход на галактические дороги, захваченные людьми.

Зато тем прочнее он укрепился в своем звездном скоплении. Здесь его мощь опирается на шесть первоклассных крепостных планет, оснащенных сверхмощными механизмами для искривления внутреннего звездного пространства. Нет в мире силы, способной прорвать воздвигнутую им ограду.

— Мы ее, однако, взорвали, — возразил я. — Я говорю о полете трех наших кораблей.

— Вам повезло: в момент вторжения вдруг ослабели защитные механизмы Третьей планеты. Больше это не повторится.

— Если вы не хотели нашего вторжения, то почему же не выпустили нас обратно? — немедленно поинтересовался я.

Он прогремел:

— К переговорам это отношения не имеет. Важно, что вы захвачены нами, а не победили нас.

Что мы захвачены, я отрицать не мог.

Великий разрушитель повторил, что кое в чем мы превзошли разрушителей, зато многое у нас несовершенно, словно мы на заре цивилизации. Если обе наши звездные цивилизации объединятся, ничто не сможет им противостоять. Меня поразило, до чего ограничено его мышление.

— Так уж ничто? Зловреды… виноват, разрушители владеют маленьким районом Галактики, звездные владения людей и того меньше. Не смело ли говорить о всеобщем владычестве?

Ответ Великого разрушителя был так неожидан, что я сразу не оценил его значительности.

— Понимаю твой намек. Могущество рамиров, естественно, несравнимо с вашим и нашим. Но рамиры давно покинули скопления Персея и заняты перестройкой ядра Галактики, им не до людей и разрушителей, тем более не интересуют их трусливые галакты.

Я выслушал властителя так, словно знал о рамирах куда больше его. Зато дешифратор донес мне гул голосов и движений среди друзей при известии о неведомой нам звездной цивилизации.

— Оставим рамиров, у них хватает своих забот, — сказал я. — Поговорим о принципах предлагаемого вами братства людей и разрушителей.

— Принцип элементарен: объединить в один кулак наше разрозненное могущество.

— Слишком элементарно для принципа. То, что вы сказали, — средство осуществления цели, а не цель.

— Я могу рассказать и о цели.

— Да, расскажите, пожалуйста.

Он рассказывал охотно и громогласно, я с удовольствием бы слушал речь потише. Ничего нового он не сообщил о своих целях — те же подлые принципы угнетения слабого сильным, космическое варварство и разбой.

Он предлагал нам не содружество, а «совражество» — ненависть ко всему, что будет не «мы». Нужно было быть безмерно упоенным собой, чтоб высказывать людям такой проект. Он не был проницателен, этот Великий разрушитель, с голосом водопада.

Я в ответ прочитал наизусть декларацию, принятую на Оре и ставшую впоследствии конституцией Межзвездного Союза. Я услышал возгласы товарищей и на этот раз не рассердился, что они так несдержанно, шумными голосами, а не молчаливыми

мыслями, выражают свое одобрение.

Верховного зловреда моя программа вывела из себя.

— Ты забыл, где находишься! — прогремел он.

— Хорошо помню! — я весь напрягся. Не он меня, а я его должен был поставить на место. — Я нахожусь в стане жестоких врагов, полностью властных в моей жизни.

— И ты осмеливаешься предлагать мне освободить покоренные народы и завести отвратительную взаимную помощь?

— Без этого немыслимо созидательное существование. Хотите вы или нет, с вами или против вас, но эта принципы пробьют себе дорогу в общениях разумных звездожителей.

Ему показалось, что он нащупал слабое мое место и легко возьмет верх в опоре. Логика его была доктринерского склада, в ней отсутствовала важнейшая человеческая черта — широта мысли. Я знал, что наш спор будет неравным, но не тем неравенством, на которое он надеялся.

— Ты сказал — созидательное существование? Чепуха! В мире существует один реальный процесс — разрушение, нивелирование, стирание высот. И мы, разрушители, своей разумной деятельностью способствуем ускорению этого стихийного процесса.

— Разумная деятельность людей иная.

— Значит, она неразумна. Вселенная стремится к хаосу. Разумно и величественно одно — помогать распространению хаоса. Только в хаосе совершенное освобождение от неравенства и несвободы.

— Живые существа стремятся поставить организацию взамен хаоса.

— Стремление отменить хаос — слепо. Оно выражает лишь начальные ступени развития, когда повсеместны неравенства и сложности. Но высший цвет развития — упоительная одноликость всего, восхитительная гибель различий!

— Стремление преодолеть стихию, по-вашему, стихийно? Вы, разрушители, создали самую могущественную организацию, которую знает мир…

— Ты забыл о рамирах, человек.

— Оставим далеких рамиров. Ваша организация, ваш жестокий порядок, ваша чудовищная несвобода для всех…

— Организация создана для увеличения дезорганизации, порядок служит для насаждения беспорядка, а всеобщая несвобода — лишь необходимый временный этап для абсолютного освобождения всех от всего… Мы содействуем, а не противоборствуем глубинным стремлениям природы.

Он вел спор с самонадеянностью мещанина, уверенного, что

мир исчерпан в его непосредственном окружении. Он был недоучкой, объявившим свое невежество философской системой, ловким софистом, умело сыплющим парадоксы. Разбить его было легко. Я сомневался лишь в одном: поймет ли он, что его разбили?

В голосе его грохотало торжество:

— Ты молчишь — значит, признаешь себя побежденным!

— Вы опровергаете самого себя, — сказал я.

— Это надо доказать.

— Разумеется. Начинайте обосновывать свое мировоззрение, а я покажу, что из каждой вашей посылки следует вывод, противоположный тому, какой делаете вы.

— Можно и так, — согласился он. — Моим подданным будет полезно лишний раз утвердиться в основах нашей философии, хотя она и без того прочна.

— И людям, и нашим звездным друзьям тоже полезно послушать курс вашей философии, — сказал я, но до него не дошла скрытая угроза этих слов.

Начал он, впрочем, оригинально. Вселенная народилась когда-то, как бездна чудовищных различий и очаг непохожих одна на другую сложнейших форм. Пустое пространство — и звездные сверхгиганты, усложненная биологическая жизнь, и аморфная плазма; на этом полюсе торчащий, как пик, всегда индивидуализированный мыслящий разум, на том — скудость разобщенных тупых атомов.

Неравномерность и неодинаковость, отвратительное своеобразие всего и во всем, варварство организованных сообществ, тирания порядка, несвобода всевозможных иерархических структур — таким предстает нам начало мира, таким в значительной мере он выглядит и доныне, несмотря на продвинувшееся вперед развитие.

— Но все только начинается со сложности, а идет к простоте, — грохотал он. — Разве, решая задачи, ты не переступаешь от сложного к простому? Разве, познавая природу, ты не теряешься сперва перед бесконечным ее внешним многообразием, а потом лишь распознаешь внутреннюю простоту? И разве нахождение внутренней простоты не является высшей целью познания? Сколь же благородней не познание, а создание простоты, обогащение мира простотой? А какая простота выше всех? Простота примитива, не так ли? Так обогащать мир примитивом, все снова и снова порождать примитив, насаждать примитив! А теперь я спрошу тебя: какой примитив проще и благородней? Хаос — надеюсь, ты не будешь отрицать это? Вот мы с тобой и пришли к логическому выводу,

что есть единственная вдохновляющая задача у разумного существа — сеять повсюду хаос! В хаосе освобождать себя от всех связей и подчинений! В хаосе достигать совершенного единения с собой, ибо лишь в нем ты опираешься на одного себя, а на все остальное тебе наплевать!

В пространстве, продолжал он, дано шесть направлений, во времени же лишь одно — вперед, только вперед! Вперед к высшей форме существования — стиранию всех различий, растворению всех разнообразий. Таково направление развития в природе, такова цель, поставленная себе разрушителями.

Ломать неравномерности и отменять неодинаковости! Уничтожать пустое пространство, чтоб звезды сбегались, образовывали сперва рассеянные, потом шаровые скопления! Нивелировать температуры — одни из звезд выплескивают себя в бешеном потоке энергии, другие, от века темные, возгораются! А главное — обрывать высокомерную жизнь, самую древнюю из космических своеобразий и несвобод, самую тиранническую из иерархий порядка, обрывать надменную жизнь, отчаянно и безнадежно сопротивляющуюся всеобщему радостному обезличиванию!

Обязательная для всех примитивизация — и распад сложных структур, как лучшая форма примитивизации! Всесторонне, всюду, всегда заменять биологическую естественность искусственностью автоматов, ибо нет ничего сложнее, запутаннее, несвободней естественности, ибо нет ничего примитивней, проще и свободнее хорошо разработанного автомата. Когда-то рамиры, теперь галакты обреченно цепляются за отжившую неодинаковость, вымирающие своеобразия. Поставить и их на пользу истребляющей деятельности разрушителей или покончить с ними со всеми!

— Насколько я вас понял, вы ратуете за искусственность против естественности?

— Ты правильно меня понял. Ибо естественность противоречит разуму! Ибо естественность оскорбляет эстетическое чувство создаваемым ею омерзительным нарушением равенства и гармонии! Любой организм считает себя центром мира: он самостоятелен, он своеобразен, он в себе, для себя! Да как это принять? Как это вытерпеть? Беспардонная, безмерная, возмутительная индивидуализация — вот что породила в мире незаконно распространившаяся биологическая жизнь. Этот чувствует одно, тот — другое, один мыслит так, другой — эдак, кто любит, кто ненавидит, кто равнодушен, — как, я спрашиваю, снести такую разноликость? Как примиряться с ней? Мы объявили истребительную войну любому своеобразию —

и раньше всего, сам понимаешь, любой форме биологичности. В этих серьезнейших философских разногласиях — корень нашей вражды к галактам, отсюда пошла наша война.

Должен сказать, что парадоксальность Великого разрушителя была неожиданна для меня. Он не был глупцом, разумеется, но мышление его было уродливо и вздорно, как видения параноика. Я молчал и слушал, обдумывая возражения.

— О, мы знаем, что поставили себе не только вдохновенную, но и трудную цель! — гремел он, все больше воодушевляясь. — Но мы осилим все трудности, сметем все преграды. Нет сейчас в мире работников, столь искусных и трудолюбивых, как мы, это я тебе скажу не хвастаясь. Мы переоборудуем планеты, вычерпываем мировое пространство, строим миллионы городов и заводов! И нам вечно не хватает рабочих рук и мозгов, мы их ищем и захватываем везде, где находим. И вся эта бездна знаний и умений, руки и механизмы, заводы и мозги поставлены на великую космическую вахту — службу расширяющемуся Хаосу, освобождению мира от диктатуры порядка!

— Теперь я понимаю, почему вы именуете себя разрушителями! — сказал я.

— Да, поэтому! — Он с гордостью добавил о себе: — Я ничего не создал, но способен все уничтожать! Надеюсь, я убедил тебя, человек, в исторической справедливости миссии разрушителей во Вселенной?

Тогда заговорил я.

Властелин разрушителей утверждает, что ничего не создал, но может все уничтожать. Если бы это было правдой, то в глазах человека выглядело бы очень непривлекательно. К счастью, это неправда. Он далеко не все мощен уничтожить, и сама его свирепая деятельность уничтожения несет в себе клеточки созидания, достаточно упомянуть о возводимых ими городах, заводах, звездных крепостях…

Ему кажется, что он уравнивает неодинаковости, а если покопаться, он громоздит новые неравномерности. Своеобразие объектов есть сущность мировой гармонии, количество непохожих одна на другую структур нельзя менять по своей прихоти.

Создавая тепловую смерть на материальных телах, разрушители пресыщают энергией пространство, начинается обратный процесс — нарождение новых масс вещества, концентрация в них накопленной пространством энергии. Вымывание горных вершин своеобразия — лишь одна сторона развития, другая его сторона — непрерывное горообразование. Вселенная порождает высоты различий так же постоянно, как и

стирает их в серой равнинности одинаковостей.

Он утверждает, что Вселенная начала со сложности и идет к простоте. Я утверждаю, что Вселенная идет от сложного к простому и одновременно от простого к сложному. Эти два процесса совершаются рядом. И если разрушителям удастся осуществить одну свою цель — уничтожение пространства (недаром же о них говорят — «сжимающие миры»), то вторая цель — деградация энергии — станет неосуществимой. Уничтожая одно, они создают другое. Сжатие звезд в скоплениях подготавливает лишь условия для последующего хорошего космического взрыва. Не продукт ли деятельности разрушителей то, что происходит в Гиадах, где светила рушатся в неведомо как разверзшуюся пространственную яму?

В этом единственном месте владыка прервал мою речь. Разрушители к процессам в Гиадах отношения не имеют. Возможно, что здесь сказываются результаты стародавней деятельности рамиров. Лишь они, да теперь люди, овладели техникой превращения вещества в пространство, благодаря чему и одержали верх над его эскадрой в Плеядах. Гиады — исключение из правил, стихийно возникшее уродство в гармоническом процессе.

Я ухватился за неловкий поворот его мысли. Если исключения возникают стихийно, то, значит, правилом является возникновение исключений. Сами разрушители — одно из таких гипертрофированных исключений среди остальных звездных народов. Порождение жизни, они уничтожают жизнь, но тем и самих себя. Усовершенствуя искусственность, они превращают ее в естественность — и ничего, кроме этого, не добьются. Ибо естественность — окончательный результат всякой совершенствующейся искусственности.

— Так утверждают наши враги галакты, — заметил он. — Но их софистика ненавистна разрушителям, отвергающим парадоксы и признающим лишь строгую логику.

— Я не заметил, чтобы вы отвергали парадоксы. А что до галактов, то мы и раньше были уверены, что галакты — естественные союзники людей.

— А мы естественные враги — так?

— По-моему, да.

Он молчал. Он еще не был убежден, что переговоры не удались.

— Не ты ли утверждал, что гармония мира требует единства разрушения и созидания?

— Да, я. Но то единство противников, а не друзей, взаимосвязь борьбы, а не дружеского союза.

Я помнил, что меня слушают не только кучка товарищей, но и масса неизвестных сегодняшних противников, — я взывал к их разуму, не все же были безумны, как их повелитель. Я не грозил — разъяснял:

— Вы сами признаете, что мы сильнее галактов. Сегодня лишь передовой отряд человечества штурмует ваши звездные форты, завтра все человечество выстроится перед неевклидовой оградой Персея. Ваша философия разрушения восторжествует, но только на вас самих — разрушители будут разрушены! От имени всех звездных народов объявляю вам войну. Отныне и непрестанно! Здесь и везде!

Властитель долго молчал, озаряя меня сумрачным сиянием глаз.

Молчание было заполнено гулом взволнованного дыхания моих друзей, потом в него вплелись посторонние шумы. Мне хотелось уверить себя, что то голоса подданных властителя, но холодной мыслью я понимал, что вероятней всего это помехи передачи: верховный зловред еще не поставил точки в затянувшемся споре.

Через некоторое время он заговорил:

— Люди и их друзья — живые существа?

— Как и разрушители.

— Самосохранение — важнейшая черта живого. Страх смерти объединяет живущих. Ты согласен со мной, человек?

Я понял, что он приговаривает нас к смерти. Эта надменная скотина жаждала нашего смятения и отчаяния. Я знал, что никто из нас не доставит ему такой радости.

— Страх смерти велик, он объединяет живущих. Но людей еще больше объединяет гордость своей честью и правотой. Многое, очень многое для нас важнее, чем существование.

— Но вы не жаждете смерти, как радости?

Я почувствовал, что мне расставлена западня, но не знал, как избежать ее.

— Разумеется, смерть — не радость…

Теперь его голос не гремел, а звучал бесстрастно, как голос Орлана, — это был вердикт машины, а не приговор властителя:

— Ты обречен на то, чтоб желать недостижимой смерти, как радости. Ты будешь мечтать о смерти, в глупом человеческом неистовстве призывать ее. И не будет тебе смерти!

После этого он пропал.

Я остался один в огромном зале.

9

Тот же безучастный Орлан увел меня назад. Петри пожал мне руку, Камагин кинулся на шею. Я переходил из объятий в объятия, выслушивал поздравления.

— Вы всыпали этому державному подонку, будь здоров! — шумно ликовал Камагин.

Я не понял странного выражения «будь здоров», но восторг Камагина тронул меня.

— Будут репрессии, надо готовиться! — сказал Осима.

Он был энергичен и деловит, словно собирался немедленно отражать посыпавшиеся кары. А Ромеро проговорил с печальной бодростью:

— Вы, без сомнения, держались правильно. Но одно дело — декларации, другое — дело. И поскольку жизнь ваша объявлена неприкосновенной… то нас будут мучить. Покажем, что муками человека не сломить.

Он смотрел на меня ласково и скорбно.

— Мне кажется, Эли, вы ожидаете грядущих мук с нетерпением, как недавно ожидали битвы. Вы — удивительный человек, друг мой. Впрочем, если бы вы были иной, вас не избрали бы в руководители армии человечества…

— Не будем об этом. Как вам нравится известие о рамирах, Павел?

Ромеро согласился, что главным в моей дискуссии с верховным зловредом является новость о существовании еще одной высокоразвитой галактической цивилизации. К сожалению, рамиры слишком далеки от нас и на помощь против разрушителей их не позвать.

— Отдохните, Эли, — посоветовал Павел. — Неизвестно, что ждет нас в следующий час.

Я опустился возле Мэри, рядом присел Лусин. Бедного Лусина терзали противоположные чувства: восхищение моим мужественным поведением — так он выразился, и страх, что я навлек на себя жестокое наказание. А надо всем тяготело отчаяние — Лусин все не мог прийти в себя от встречи с Андре. Притихший Астр глядел такими испуганными и восторженными глазами, что я попросил Мэри отвлечь его. Она отослала Астра, а мне с упреком сказала:

— Ты преувеличиваешь разум и знания своего сына, но недооцениваешь его человеческие чувства. Когда ты спорил с владыкой разрушителей, у тебя не было лучшего слушателя, чем Астр.

Лусин сказал со вздохом:

— Андре, Эли. Дешифратор тоже.

— Говори одними мыслями, — попросил я. — Мысли твои я

разбираю легче, чем слова.

Он объяснил, что Ромеро надел на Андре дешифратор, но мысли Андре тоже не радуют. Я настроился на излучения Андре, он сидел в стороне от всех, покачивая головой. В мыслях Андре тоскливо повторялась одна фраза: «Жил-был у бабушки серенький козлик, ах, серенький козлик, ах, серенький козлик…»

— Сколько же должны были его мучить, чтоб весь мир сузился до какого-то паршивого козла, — сказал я.

— Муки были, — ответил Лусин мыслью и добавил: — И сколько их еще будет, Эли!

К Андре подошел Астр. Андре встрепенулся, поднял голову, мне показалось, что на его тупом лице появился отблеск мысли. Астр о чем-то его спросил или спрашивал, Андре не отвечал, но и не отшатывался в испуге — он вслушивался.

Я вскочил, Лусин задержал меня.

— Не надо нам подходить, — посоветовал он через дешифратор. — Астра, единственного, он не боится, пусть Астр с ним повозится. Поверь мне, я разбираюсь в поведении Андре.

— Да, конечно, — возразил я с горечью. — Андре низвели до состояния животного, а животных ты изучил лучше нас.

Лусин ушел, и мы остались вдвоем с Мэри. Она молчала, до меня не доносились ее мысли, но и без слов и мыслей я мог сообразить, что мучает ее. Я сказал:

— Не надо, Мэри. Над обстоятельством мы не властны. Немного первобытного фатализма нам теперь не помешает — будет то, что будет.

Она слушала меня, грустно улыбаясь, и так рассеянно покачивала головой, что мне показалось, будто она и вовсе меня не слушает и лишь притворяется внимательной, чтобы не обидеть. В дни перед пленом я мало встречал ее, а сейчас видел, что в ней произошла перемена. И я не сомневался уже, что перемена будет неожиданной. Не раз я с недоумением убеждался, что я жду от Мэри одних поступков, а реально происходят совсем другие.

Она сказала, отвернув лицо:

— Не то, Эли. Разве мы не считались с возможностью трагических неудач, когда начинали поход? Я слушала тебя сегодня и думала о том, что была слишком эгоистична.

— Непонятно, Мэри…

— Сейчас объясню. Я хотела разделить твою судьбу, какая бы она ни была. Где ты, Кай, там и я, Кая, — так это мне воображалось.

— Ты уже говорила об этом.

— Но я не просто разделяю твою судьбу, а воздействую на

нее, и в плохую сторону. Я знаю: тебе сегодня было бы проще с тем зловредом, если бы не было меня и Астра.

— Ты преувеличиваешь, Мэри.

— Правда, Эли. Я знаю, как ты ответил Эдуарду: «Если бы не было рядом семьи, я принял бы решение о плене гораздо раньше». Нет, не перебивай, мне не легко будет снова… Я хочу сказать: я не облегчила, а отягчила твою участь. Мне надо поправить свою ошибку. Пока мы в плену, я тебе не жена, а такая же пленница, рядовой член экипажа. Я не хочу занимать твоего времени больше других, не хочу особого отношения… И Астр тебе отныне не сын, он не больше обязан значить для тебя, ни на одни атом не больше, чем любой наш товарищ! Ты должен быть полностью свободен в своих решениях!

Я молчал. Ничего нельзя было изменить, события стали нам неподвластны. И еще я с отчаянием думал о том, что взвалил ношу, непосильную моим плечам.

— Слова, слова! — сказал я потом. — Разве из памяти, из клеток мозга вытравить душу живую?.. И разве от того, что я объявлю тебя такой же, как все, ты уже не будешь для меня особой? И если Астр обратится ко мне со словами: «Адмирал Эли!», а не «отец», он перестанет быть моим сыном? Не будем усложнять существование и без того нелегкое!

Но Мэри слушала лишь себя, а не мои возражения.

— Поцелуй меня, Эли! И пусть это будет наш последний поцелуй. Я освобождаю тебя от нас.

Я поцеловал ее. Она минуту обнимала меня, потом оттолкнула.

У меня разошлись нервы, я пошел поговорить с кем-нибудь, кто поспокойней. Я выглядывал Осиму и Ромеро, но натолкнулся на Андре с Астром. Андре покорно ковылял по залу, куда тянул его под руку Астр.

— Я говорю с ним, а он не понимает, — сказал Астр с печалью. — Слушает и не понимает.

Я схватил руку Андре, лицо его жалко исказилось, он отшатнулся. Он поглядел на меня слепыми глазами, ни намека на сознание в них не было. Я снова подумал: как должны были мучить его, чтоб довести до такого состояния, — и бешенство захлестнуло меня, ярость на разрушителей, на себя, на Мэри, на самого Андре.

— Узнай меня! — крикнул я. — Я приказываю: узнай!

Андре стал вырываться, я не пускал его. Астр кинулся между нами, я оттолкнул Астра. Я впивался взглядом в потухшие зрачки Андре.

— Узнай меня! — взывал я все неистовей. — Не выпущу, пока

не узнаешь!

Андре с помощью Астра вырвался и стремглав кинулся прочь. Я, вероятно, бросился бы вдогонку, если бы Астр не заградил дороги. На глазах Астра блестели слезы.

— Так с друзьями не поступают, отец! — сказал он с негодованием. — Ты сильный, а он больной!

Я что-то хотел ответить, но мощная сила отшвырнула меня от Астра. Все вокруг сперва завертелось, потом помутилось. Я падал в мутной бездне, падал долго, падал вечно, шли года, бессчетное число лет, а я все падал — так мне казалось. Я состарился и умер за время падения, падал мой высохший труп, он сморщивался, испарял свои атомы, превратился в крохотный комочек — и лишь тогда я возродился. Я находился в том же зале, на том же месте. Вокруг меня были люди, мои друзья. Я видел страшное лицо Ромеро, помертвевшую Мэри, полного ужаса Астра. Меня окликали, в смятении простирали ко мне руки, пытались пробиться ко мне.

Но я был сейчас недоступней, чем если бы унесся в другую галактику. Великий разрушитель водворил меня в силовую клетку.

10

— Эли, что случилось? — кричала Мэри. — Эли!

Она отчаянно пробивалась ко мне, другие тоже толкались о невидимый барьер, как будто могли помочь, если бы очутились рядом. Осима, один сохранивший спокойствие, возвысил голос, приказывая прекратить суетню и вопли. Я отлично видел друзей, еще лучше слышал их, клетка, непроницаемая для тел, хорошо пропускала звуки и свет.

Осиме удалось наконец установить тишину. Он обратился ко мне так, словно испрашивал очередное распоряжение:

— Как чувствуете себя, адмирал? Повреждений нет?

— Все на высшем уровне, — отозвался я. Думаю, и мне удалось говорить спокойно. Я попытался усмехнуться. — Меня изолировали от вас. И поскольку я лишен возможности свободного передвижения, хочу передать власть, которой уже не способен нормально пользоваться. Назначаю своим преемником Осиму.

Через некоторое время около меня осталось несколько друзей. Ромеро предложил откровенно обсудить положение.

— Для чего разыгран этот спектакль, Эли? Вероятно, чтоб подвергнуть вас публично пыткам…

Мысль о пытках была фатальной у Ромеро. Я потребовал,

чтобы на меня не обращали внимания, что бы со мной ни совершалось. Камагин молча сжимал кулаки, Мэри расплакалась.

Больше всего я боялся, что разрыдается Астр, такое у него было перепуганное лицо, но ему удалось удержаться.

— Подходит время ужина. Ешьте и засыпайте, будто ничего не произошло, — сказал я. — Чем меньше вы станете оборачиваться на меня, тем легче мне и досадней врагам.

Вечером на ложах появилась еда, поданная по невидимому эскалатору. В моей клетке ничего не появилось. Я усмехнулся. Фантазия у верховного разрушителя была не обширна. Я растянулся на полу, как на постели. Никто больше не обращал на меня внимания, словно меня не было.

Лишь когда половина людей заснула, к клетке подошел Ромеро.

— Итак, вас осудили на голод, дорогой друг, — сумрачно проговорил Ромеро. — В древности голод причислялся к самым мучительным наказаниям.

— Пустяки. Старинная пытка голодом многократно усиливалась неизбежностью смерти, а мне эта опасность не грозит — я должен возжаждать смерти, но не обрести ее.

Когда Ромеро ушел, я притворился спящим. Мэри и Астр долго не засыпали, Лусин что-то горестно шептал, ворочаясь на ложе. Мало-помалу мной стал овладевать полусонный бред, перед глазами замелькали светящиеся облака, их становилось больше, свет разгорался ярче.

Вдруг я услышал чье-то бормотание. Я приподнялся.

По ту сторону прозрачного барьера, прижимаясь к нему щекой, хватая его руками, стоял Андре. Лицо его кривилось, что-то лукавое проступало в улыбке безумца, а глаза, днем тусклые, дико горели. Я подошел поближе, но и вблизи не разобрал быстрого тихого бормотания.

— Знаю, — сказал я устало. — У бабушки был серенький козлик. Иди спать.

Андре захихикал, до меня донеслись слова:

— Сойди с ума! Сойди с ума!

Мне показалось, что я наконец за что-то ухвачусь в ускользающем мозгу Андре.

— Андре, вглядись в меня, я — Эли! Вглядись в меня, ты приказываешь Эли сойти с ума, Эли, Андре!

Не было похоже, чтоб он услышал меня. Я перевел дешифратор на излучение его мозга, но и там было только монотонное повторение совета сойти с ума. Он не жил двойной жизнью, как иные безумцы, и в сокровенных тайниках его сознания не таилось ничего, что не выражалось бы внешне.

Мне стало очень больно. И эта попытка повернуть его к себе не удалась.

— Нет, Андре, — сказал я тогда, и не так для него, как для себя. — Я не буду сходить с ума, мой бедный Андре, у меня иной путь, чем выпал тебе.

Он хихикал, всхлипывал, лицо его кривилось, боль и испуг перемещались с лукавством. Он бормотал все глуше, словно засыпая:

— Сойди с ума! Сойди с ума!

11

Не знаю, как мучилась те, кого в древности обрекали на голод. Голодовку превратили в мерзкое зрелище — вот что бесило меня. Я не получал пищи, а у друзей еда не лезла в рот. Я слышал, как Мэри кричала на Астра, чтоб он ел, но не видел, чтоб сама она брала еду.

Лишь Ромеро и Осима спокойно ели, и я испытывал к ним нежность, ибо это им было нелегко.

В одни из дней я с гневом сказал подошедшей Мэри:

— Разве мне легче оттого, что ты истощаешь себя?

Глаза ее были сухи, но голос дрожал:

— Поверь мне, Эли…

— И слышать не хочу! Неизвестно, что ждет нас завтра. Истощенная мать — плохая защитница сына, неужели ты не понимаешь?

Она прислонилась головой к прозрачному барьеру, долго вглядывалась в меня, усталая и похудевшая. Ей было наверняка труднее, чем мне.

— Ты не выполняешь свои обещания, Эли, — сказала она.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты обещал относиться ко мне и Астру, как ко всем другим.

— Я этого не обещал, Мэри. Ты настаивала, но я не обещал. И ты сама нарушаешь собственные обещания, ты ведешь себя иначе, чем другие. Возьми пример с Осимы и Ромеро.

— А ты посмотри на Эдуарда. Я твоя жена, а что ты ему? Он тоже не ест, Эли!

— Не мучайте меня хоть вы! — попросил я и лег на пол, отвернувшись от Мэри.

Она тихо отошла. Потом я видел, как она ела. Камагин тоже принялся за еду. Я сделал вид, что сплю, и так хорошо притворился, что и вправду заснул.

Вскоре я понял, что спать в часы общего бодрствования — лучший способ поведения. Вначале я делал усилие, чтобы

задремать, но потом сон приходил, когда был нужен. Скорее всего, это было забытье, а не сон — я выключал сознание на минуты, на часы, сколько заранее положу себе.

Я слышал, что голодающие воображают вкусные яства и распаляют себя до исступления. В рассказах этих масса преувеличений. Меня не влекли картины пиршеств и обжорства. Я много раз рисовал себе и синтетические мясные грибы, и пирожки, с начинкой из искусственных сыров, и рыбное жареное филе наших подземных химических предприятий, и жирные мясные колбасы, продукт многостепенной переработки древесины, и свежайшую розовую ветчину с нежным жирком, полученную в результате конденсации горючих газов, и сочные сливочные торты, поставляемые заводами по перегонке нефти, и даже тот неудачный шашлык из бедного натурального барашка, каким пытался нас угостить Ромеро. Надеюсь, никто не усомнится, что в дни голодовки я с радостью проглотил бы даже невкусное натуральное блюдо, изготовленное Ромеро. Но радости от этих картин не было. Жадная слюна не заполняла мой рот, желудок мой спазматически не сжимался, я не метался, глухо рыдая от сознания неосуществимости моих мечтаний. Муки жажды тоже, по-моему, преувеличены бесчисленными рассказами, сохранившимися в памяти человеческой. Я знаю, что в древности тысячи потерпевших кораблекрушение умирали от жажды, но уверен, что страдания их обострялись от обозрения бездны соленой воды, непригодной для питья. И я повторяю, что говорил Ромеро: в основе терзаний, вызываемых голодовками, тысячекратно усиливая их физиологическую природу, лежит ужас неизбежной смерти, а с меня это бремя сняли неумные мучители. Я ослабевал и ссыхался, отнюдь не раздирая своей души когтями психологических мух.

Зато меня посещали иные видения, и с каждым днем они становились ярче.

Я опять увидел странный зал с куполом и полупрозрачным шаром и бегал вдоль стен зала, страшась приблизиться к шару, а на куполе разворачивались звездные картины и среди неподвижных светил снова мчались искусственные огни, и я знал что каждый огонек — галактический корабль нашего флота, штурмующего Персей. Я всматривался в огни крейсеров Аллана, вначале их движение было непонятно, потом я сообразил, что присутствую при картине охоты за темными космическими телами вне теснин Персея. Аллан в моем видении подтягивал захваченные шатуны к Персею, заканчивая подготовку к их аннигиляции у неевклидова барьера, чтобы в разлете взорванного вещества ворваться внутрь.

— Я еще раз побывал в галактической рубке зловредов, — так я рассказывал о своем видении Ромеро. Он печально и испытующе смотрел на меня, мой сон интересовал его лишь как свидетельство расстроенного психического состояния.

— В древности многие психологи считали сновидения исполнениями желаний, обуревающих людей в реальной жизни, — сказал он. — Надо признать, друг мой, что ваши видения очень послушно копируют ваши желания.

Боевая рубка зловредов приснилась лишь раз, зато Великого разрушителя я видел часто. Он появлялся, окруженный сановниками, среди них был и Орлан, докладывавший собранию, как ведут себя пленные.

Фантазия моя придавала разрушителям такой диковинный облик, они были так бредово фантасмагоричны, что ни до, ни после я не находил похожих среди реальных врагов.

Ромеро пишет в отчете, что я своими видениями иронизировал над врагами и что вообще ирония — характерная форма моего отношения к действительности. Возможно, что это и так, но сам Великий разрушитель и Орлан являлись в привычном нам виде, призрачно копирующие людей. Остальные, правда, были удивительных образцов — крылатые, как ангелы, ползущие, как змеи, изломанные и сверкающие, как молнии.

Одни торчали массивными ящиками, другие, вступая в беседы, вдруг распускали пышные кроны взамен голов и становились подобны земным деревьям, третьи, когда к ним обращался властитель, превращались в жидкость и текли речью, текли в точном смысле слова — мутным, то красноватым, то голубым ручейком, клокочущим, извилисто стремящимся по залу, и все вглядывались в извивы и блеск их пенящейся речи, — а потом, закончив слово, они спокойно стекались назад, становились снова телом из потока, и тело, малоприметное, серенькое, скромно стиралось где-нибудь в уголке среди прочих сановников.

Но красочней всего были «взрывники» — так я назвал эти диковинные существа, разлетавшиеся огненным веером, когда на них падал взгляд властителя. Я никак не мог разглядеть, каковы их тела до того, как они начинали отвечать на вопросы властителя. Очевидно, сами по себе они были столь невыразительны, что глаз на них не задерживался. А речь их была так феерична, ответы сыпались такими пылающими комьями, что я сжимался в своей клетке, страшась, чтоб меня не опалило огненным словом. Я с интересом наблюдал, как и другие приближенные властителя с испугом поеживаются, когда кто-нибудь взрывается испепеляющим докладом. Должен заметить,

что непосредственно речей их я не разбирал, ход информации был мне темен, но из вопросов и реплик властителя и Орлана я вполне уяснял себе, о чем они толкуют.

И облик сановников Великого разрушителя, и способы их взаимообщения были так невероятны, что мне все чаще приходило в голову — не лишаюсь ли я разума?

Однако было нечто, что удерживало меня от этого вывода. Тело мое слабело, но дух оставался ясным, все остальное, кроме бредовых видений, было реальным: я различал вещи и друзей, вещи не меняли своих естественных форм, друзья говорили со мной, я отвечал, ни один не усомнился в разумности моих ответов, беседы наши текли, как обычно, только становились короче, мне все труднее было говорить.

И еще имелось одно, тоже важное. Безумной была внешность сановников властителя, но не дискуссии. Тут все было логично. Я и сам с моими помощниками, попади мы в аналогичное положение, рассуждали бы похоже — говорю о фактах и логике, а не о способе информации.

— Вы сказали, что сон некогда рассматривался, как исполнение желаний, — поделился я как-то с Ромеро новой мыслью и даже нашел в себе силы тихо засмеяться. — Я все больше убеждаюсь, что это так. В мечтаниях я неотвратимо одолеваю наших врагов.

Ромеро с некоторых пор переменил отношение к моему бреду.

Не было теперь дня, чтоб он не осведомлялся, что я видел во сне.

— Странно, странно! — сказал он задумчиво. — Я попрошу вас, дорогой друг, и впредь передавать ваши видения в мельчайших подробностях.

— Ищете развлечений? — спросил я сухо. Не знаю, уловил ли он обиду, голос мой был так слаб, что стирались все интонации. — Или вам нужна дополнительная информация о моем душевном состоянии?

Он покачал головой.

— Ваши видения больше похожи на информацию — фантастически, правда, искаженную, но о реальных событиях, — чем на простое порождение болезненного бреда.

— Они порождены ежедневными вопросами Орлана, Павел. Чем я могу еще отплатить врагам, если не повторяющимся бредом о их неизбежной гибели?

Я ненавидел этого отвратительного стража. Он обрисовывался около моей клетки ежедневно, иногда по три раза на день, временами казалось — ежечасно. Он стоял,

полупризрачный, неподвижный, лишь шея неторопливо вытягивалась, унеся голову вверх, бесстрастно интересовался:

— Тебе еще не хочется смерти, человек? Надеюсь, тебе не хорошо?

Я смотрел на его безжизненное лицо и весь накалялся.

— Мне хорошо. Ты даже вообразить не можешь, остолоп, как мне хорошо, ибо я до своей кончины еще увижу твою гибель, гибель твоего властителя, гибель всех его прихлебателей. Передай своему верховному чурбану, что я бесконечно радуюсь жизни.

Орлан со стуком вхлопывал голову в плечи и исчезал.

12

Переломные события нашего плена отпечатались в моей памяти во всех подробностях. Вечером, перед ужином, я приказал себе уснуть, а когда пробудился, была ночь, пленные спали. Я сел, встать и пройтись по клетке, как делал еще недавно, не было сил.

Не открывая глаз, я вслушивался в звуки, доносившиеся отовсюду: сонное всхлипывание, шуршание поворачивающихся тел, храп мужчин, развалившихся на спине, свист носов тех, кто разлегся на боку… Я в последнее время стал хуже видеть, к тому же в ночные часы самосветящиеся стены тускнели. Зато обострился слух, сейчас до меня свободно доходили звуки, каких я в нормальной жизни не мог бы уловить.

И я легко разобрался еще до того, как шаги приблизились, что кто-то подкрадывается ко мне. Так же безошибочно, все не открывая глаз, я определил, откуда послышался новый шум. Я поднялся на ноги и минуту так стоял, пересиливая головокружение.

Перед глазами замелькали глумливые огоньки, в изменяющейся сетке пропала тусклая картина спящего зала. Я терпеливо дождался, пока погасла последняя искорка, и, ощупывая воздух руками, чтоб не удариться о прозрачные препятствия, медленно двинулся к ограде. Я делал шаг и останавливался, от каждого шага вновь вспыхивали искры в глазах, нужно было не дать им разгореться до головокружения. Потом я долго всматривался в маленького человечка, напиравшего телом на наружную сторону невидимой ограды.

— Астр, зачем ты пришел? — спросил я. — Ты должен держаться, будто меня не существует.

Эту недлинную речь я произносил минут пять.

— Отец! — зашептал он со слезами. — Может, хоть ночью я смогу передать тебе пищу?

Он тщетно старался просунуть сквозь невидимую стену кусочки еды. Он вбивал их в силовой забор, они падали на пол, он поднимал их, снова, все отчаянней, пытался просунуть. Плач его становился громче.

Я смотрел на него, вяло соображая, чего ему надо. Мне не хотелось есть, не хотелось разговаривать, я лишь одно понимал — рыдания могут разбудить Мэри и она не справится с новым приступом отчаяния.

— Астр, иди спать! — сказал я. — Даже атомные орудия наших предков не разнесут эти стены, а ты хочешь пробиться сквозь них слабыми кулачками.

На этот раз я говорил связной речью, а не словесными корпускулами.

Астр бросил на пол принесенную еду, стал топтать ее ногами и все громче плакал. У него был слишком горячий характер.

— Перестань! — приказал я, голос мне почти уже не подчинялся. — Стыд смотреть на тебя!

— Ненавижу! — простонал он, сжимая кулаки. — Отец, я так ненавижу!

— Иди спать! — повторил я.

Он уходил, через каждые два-три шага оборачиваясь, а я смотрел на него и думал о нем. Он был сыном шестнадцатого мирного поколения человечества, даже слово это — ненависть — было вытравлено из словаря людей задолго до его рождения, он тоже его не знал. И он сам, опытом крохотной собственной жизни, открыл в себе ненависть, ибо любил. Я не уверен, что именно так думал в тот момент, но всего меня заполнило смутное ощущение, эквивалентное именно этим мыслям.

Наш разговор, как ни был он тих, привлек Андре. Безумец спал мало, и в часы, когда все покоились, неслышно прогуливался по залу, напевая неизменную: «Жил-был у бабушки серенький козлик…»

Он подошел к месту, откуда пытался ко мне пробиться Астр, оперся локтями о силовые стенки, лукаво посмеивался истощенным постаревшим лицом, подмаргивал. Сперва я не разобрал его шепота, мне показалось по движению губ, что повторяется все тот же унылый совет сойти с ума, но вскоре я разглядел, что рисунок слов иной, и стал прислушиваться. Фразу: «Не надо» — я расслышал отчетливо.

— Ты даешь мне новый совет? — переспросил я, удивленный. — Я правильно тебя понял, Андре?

Он забормотал еще торопливей и невнятней, лицо его задергалось, покривилось, засмеялось, испуганно задрожало — все эти выражения так быстро сменяли одно другое, что я опять

не понял ни слов, ни мимики.

— Уйди или говори ясно, я очень устал, Андре, — сказал я, измученный.

На этот раз я расслышал повторенную дважды фразу:

— Ты сходишь с ума! Ты сходишь сума!

— Радуйся, я схожу с ума! — сказал я горько. — Все как ты советовал, Андре. Я искал другого пути, кроме безумия, и не нашел его. Что ж ты не радуешься?

— Не надо! Не надо!

Только теперь, когда он повторил эту фразу, я понял, к чему она относилась. У меня снова закружилась голова. Я привалился туловищем к стенке, простоял так несколько минут, опоминаясь. Когда я очнулся, Андре не было. В полумраке сонного зала я увидел торопливо удаляющуюся согбенную фигурку.

Сил добраться до середины клетки на тряпичных ногах не хватило, я опустился на пол, где стоял, и вскоре забылся, а еще через какое-то время повторилось видение и раньше посещавшее меня — штурмующие Персей корабли Аллана.

На этот раз я не увидел зала с подвешенным посередине полупрозрачным шаром, кругом была просто звездная сфера, окраинный район скопления Хи, — я несся меж звезд, превращенный сам в подобие космического тела.

Вместе с тем и в бреду я сознавал, что я не космическое тело, а человек, и не лечу в космосе, а покоюсь где-то на наблюдательном пункте, а вокруг меня не реальные светила, а их изображения на экране, и бешеный мой полет от одной звезды к другой — не реальное движение, а лишь поворот телескопического анализатора: я не мчался, рассекая проходы меж светилами, а прибором отыскивал эскадры Аллана.

И когда передо мной засверкали огни галактических крейсеров, я жадно, повторяя едва шевелящимися губами вслух цифры, считал их. Две светящиеся кучки, две растянутые струи огней по сто искр (каждая искра была хорошо мне знакомой сверхсветовой крепостью) неслись клином на Персей — острие клина нацеливалось на Оранжевую, тусклую, постепенно гаснувшую; я уже хорошо знал, что означает ее зловещее исчезновение.

«Пробьются или не пробьются?» — думал я, трясясь слабой дрожью, у меня не хватало сил и на дрожь, лишь мысли пока не теряли ясности.

«Пробьются или нет?» — думал я, выглядывая темные тела в густо пылающей массе огней: тел было не меньше десятка, они неслись, покорные могучим аннигиляторам кораблей, каждое из тел в миллионы раз превосходило любой звездолет по объему и

массе, а одно, самое массивное, составляло острие клина — вытянутая грозная шея желтовато-белых огней кончалась черным клювом.

И скоро, сам весь затянутый черным туманом бреда, я уже не видел ни эскадр, ни планет, гигантская светящаяся птица с темными пятнами на белом теле хищно неслась в моем мозгу, вздымала клюв — сейчас, сейчас она яростно ударит им в самое темя скопления!

— Клюнет, сейчас клюнет! — шептал я лихорадочно, меня все мучительней била дрожь, я плотнее прикрывал глаза, чтоб отчетливее узреть надвигающееся.

А затем я увидел забушевавшее горнило, и массы галактических кораблей, ринувшихся в фокус взрыва. В моем мозгу путались звезды и корабли, звезды ошалело неслись в стороны, расшвырянные взрывом пространства, а корабли пожирали новосотворенное пространство пастями аннигиляторов и рвались вперед, на исчезнувшую Оранжевую, вперед, только вперед — к нам на помощь…

Потом я стал уноситься вверх. Я лежал на боку, скрючившись, меня по-прежнему била слабая дрожь, жизнь еле теплилась во мне, а в чадном бреде тело мое, могучее, как галактический корабль, пробив стены, вольно вынеслось в вольный простор. Я не знал, куда меня уносит, ликующее ощущение заполнило меня всего — свобода!..

Я упал на пол в знакомом зале, на троне восседал властитель, обширное помещение заполняли странные лики и фигуры — образины, а не образы, я много раз уже наблюдал их в своем бреду…

Я попал на совещание у Великого разрушителя.

13

Меня не увидели, и я знал, что увидеть меня нельзя, но проворно отполз в угол, откуда открывался хороший обзор собрания. Властитель чего-то в молчании ожидал, и все вокруг него были молчаливы. «Плохи у них дела, если они так подавлены», — злорадно подумал я.

Сановники внезапно зашевелились. Один, темная уродливая тумба, пышно разбросил корону, он походил теперь не то на орех, не то на платан, и все рос, ветви ползли вверх и на середину зала, листья наливались фиолетовым сиянием. Разрастается речью, подумал я огорченно; по опыту прежних сновидений я знал, что не пойму их языка: они могли речами разражаться, разряжаться, взрываться, растекаться, разрастаться, высвечиваться,

вызваниваться — смысл оставался мне неведом.

Но едва он раскинулся словом, как я с удивлением сообразил, что отлично разбираюсь в его передаче: он информировал собрание, что лишь неполадками на Третьей планете и можно объяснить опасное вклинивание человеческого флота во внешние обводы неевклидовой улитки скопления Хи.

— Вторая и Четвертая планеты приняли на себя гравитационное напряжение Третьей, — шелестел платаноподобный сановник. — Первая, Пятая и Шестая тоже поддержат усилия Второй и Четвертой. Флоту врага не проникнуть в нашу звездную ограду, Великий…

Владыка раздраженно сверкал прожекторами глаз. Пышная крона оратора стала морщиться и опадать, он превращался из дерева в прежнюю тумбу. Голос Великого разрушителя гулко гремел, он да Орлан одни здесь разговаривали голосом.

— Удалось ли отбросить врага на исходные позиции?

Ему ответил льстивой извилистой речью один из тех, что превращались в ручьи, и я опять хорошо разобрался в его журчащей и пенящейся информации:

— Сделано много, очень много, о Великий, флотилии врага не проникли внутрь, им не удалось проникнуть, нет, не удалось, их выпирает назад крепчающая неевклидовость, их выпирает…

— Они выброшены за пределы скопления?

— Нет, пока нет, не выброшены, нет, — завертелся говорливый ручей, — но их оттесняют, их оттесняют, их оттесняют…

Великий разрушитель махнул рукой, и ручей мгновенно иссяк.

— Они аннигилировали одну планету, а тащат с собой больше десяти. Что произойдет, если они повторят аннигиляции?

Теперь разлетелся одни из «взрывников». Его пылающие осколки еще летели над вельможами и властителем, а я уже знал, какие сведения передавал фейерверк.

— Каждая аннигиляция — прорыв около одной десятой неевклидовых препятствий. Если враги захваченное космическое вещество полностью превратят в пустоту, им удастся проникнуть в скопление.

— Что останется нам тогда?

В ответ зазмеился новый сановник. Он так переламывался, извивался и скручивался, что было страшно глядеть. Переданная его пляской информация была малоутешительна для разрушителей:

— Последний шанс тогда, последний шанс — открытое сражение, флот против флота, флот против флота, собрать все

корабли, все корабли со всего скопления, со всего скопления, и ударить, и окружить, и задушить, и ударить, ударить, задушить, распасться, распасться!..

— Сам распадайся! — свирепо рявкнул властитель.

Оратор не распался, а опал и быстренько уполз на старое место. Великий разрушитель, помолчав, продолжал свой громогласный допрос:

— А если не сумеем нанести врагам поражения в бою, каковы прогнозы на этот случай?

Очередной оратор, вспыхнув столбом пламени, так бешено завертелся у трона, что я чуть не ослеп от буйного огневорота информации.

Лишь с трудом я уяснил себе, что этот стратег предлагает бежать на защищенные планеты и «закольцеваться» на них. Чем-то он был похож на змеежителей с Веги, но не прекрасен, как те, а чудовищно безобразен.

— Иначе говоря, покинуть межзвездные просторы Персея, которыми мы владеем безраздельно столько поколений, — сумрачно выговорил властитель. — Перейти на положение гонимых галактов, заблокированных в своих звездных логовах? Обороняться без шансов на последующую победу? И все согласны с таким ужасным проектом? Неужели никто не предложит другого решения?

Оказалось, что все, наоборот, не согласны с огненным пораженцем.

Ораторы разрастались, рассыпались, растекались протестами, взрывались и змеились несогласиями, пылали опровержениями, разряжались молниями критики. Для всех было ясно, что бегство на укрепленные планеты есть лишь начало неизбежного конца.

На меня особое впечатление произвело туманное слово одного из военачальников, туманное не потому, что мысль, заключенная в нем, была неясна, нет, высказывался он четко, но избрал для передачи своих предложений никем из соседей еще не примененный способ: заклубился синеватым облачком и стал оседать на присутствующих.

— Наши противники и не будут атаковать защищенные планеты, — зловеще моросила у меня в мозгу пронизывающе холодная информация туманного стратега. — Они не станут подвергать гибели свои корабли, не надейтесь на это. Враги соединятся с разблокированными планетами галактов, выпросят ужасные биологические орудия и с дальней дистанции расстреляют нас. Не забывайте, что переавтоматизация наших организмов на более надежную механическую основу не завершена!

Властитель задумался.

— Верно, все верно! — прогремел он потом. — Прогрессивный процесс примитивизации только начат. Мы увлеклись второстепенными задачами и мало усилий тратили на эту, основную, вселенски-космическую проблему истребления изначальных сложностей. Философски мы давно уже определили свою историческую миссию, как превращение организмов в механизмы. Я недавно подробно об этом рассказывал в споре с тем упрямым дурачком, которого мы захватили в плен. Но практически — успели в этом недостаточно. И если биологические орудия галактов появятся у наших планет, спасения не будет. Соединения людей с галактами допускать нельзя. Я хотел бы узнать, как дела на Третьей планете? Передачу информации разрешаю только для новостей.

Выступил новый оратор, я понял, почему властитель поставил ему ограничения. В зале поплыло зловоние.

Оратор — существо, похожее на головоглаза, но без его сверкающего перископа — окутался желтым дымом, и я, задохнувшись, схватился за нос и если не зажал его полностью, то лишь потому, что не хотел упускать интересной информации. Оратор просмердел о Третьей планете, что новый Надсмотрщик вступил в командование Управляющим Мозгом, неполадки незначительны, хотя в сложившейся острой ситуации едва не вызвали катастрофических последствий. Сейчас их исправили, и Третья планета, мощнейшее сооружение в Персее, снова в строю.

— И если в первой фазе прорыва Третья планета ослабила противодействие, — дышала на меня нестерпимой вонью речь оратора, — то к концу его ей удалось энергично ввести в свои неевклидовы захваты новосозданные объемы пустоты. Помощь Второй и Четвертой планет была значительна, но исход схватки решила Третья, я на этом настаиваю и, если будет дозволено…

— Хватит! — загрохотал властитель. — Для присущего тебе способа передачи твои речи излишне многословны. Пусть теперь Орлан доложит, как чувствуют себя пленники и что с ними делать.

Чего-либо важного в речи Орлана я не услышал. Пленники подавлены испытаниями, выпавшими на долю адмирала, сам адмирал бодрится, хотя ослабел и уже не может передвигаться. Ничего другого, кроме того, что он восхищен такой жизнью, от него не добиться.

Все, что Орлан сообщил собранию, я знал лучше его. Зато развернувшаяся дискуссия открыла много нового.

Орлан начал ее словами:

— Как поступить с пленниками, зависит от того, что

собираемся делать мы сами.

— Эвакуироваться! — прогремел властитель. — Никелевая планета в опасной близости от района штурма. Мы перебазируемся на Марганцевую или на Натриевую. Пленников прихватим с собой.

— Ни на Марганцевой, ни на Натриевой не удастся обеспечить их существование, Великий. Люди — биологически слабые объекты, у них трагически узок спектр жизненных условий. Чрезмерная сложность структуры, Великий…

— Это их дело — узок он или широк! Пусть знают, что с такими биологическими структурами не завоевать господство во Вселенной, а они, как и мы, стремятся к господству, хоть сами болтают о всеобщем братстве. Погрузить людей и всех, кто с ними, в захваченный звездолет и под охраной завтра же отправить на Марганцевую.

— Будет исполнено, Великий! Что до адмирала… Ты гарантировал ему жизнь, Великий?

— Я гарантировал лишь то, что не покушусь на его жизнь. А если этот чванливый неудачник подохнет собственным усердием, печалиться не буду. Еще меньше буду страдать о гибели его друзей. Из всех звездных народов, которые мы покоряли, люди самые отвратительные — неудачное телосложение, отсталая философия, аристократического примитива ни на грош. Правда, мы их еще не покорили, но, когда это случится, пусть пеняют на себя!

Я расхохотался. Я катался по полу и задыхался от смеха. Я уже не боялся, что мое присутствие откроют враги, мне плевать было на их месть, часы их сочтены, они сами это понимают.

И вдруг бред оборвался, я услышал словно со стороны то, что в видении представлялось мне торжествующим хохотом, — слабое всхлипывание, жалкое бормотание. Я лежал у невидимой стены, ослабевший так, что уже не мог пошевелить рукой. И, вероятно, самым тяжким физическим усилием всей моей жизни было то, какое понадобилось, чтоб повернуть голову вбок, потом приподнять ее.

С другой стороны барьера на меня смотрел Ромеро. Он сказал с надеждой в голосе:

— Мне кажется, дорогой друг, вам привиделось новое удивительное сновидение?

Он так впивался в меня глазами, такая с трудом сдерживаемая страсть слышалась в его вопросе, что это подействовало на меня лучше лекарства. С каждым его словом ко мне возвращалось сознание.

Я поднялся на ноги.

— Замечательный сон! — прошептал я. — Вы посмеетесь, Павел.

К Ромеро присоединились Камагин с Лусином, за ними подошли Осима с Петри. Они слушали меня внимательно, но не смеялись. А я все не мог удержать смеха, сейчас, при озаренных по-дневному стенах, фантастические фигуры и лики ораторов, нелепый язык их речей, казались еще забавней.

— Интересный сон! — сказал неопределенно Петри.

Осима молча пожал плечами, а Камагин воскликнул:

— Видения фантастичны, а действительность чудовищна! К сожалению, единственный отпор, который мы можем оказать этим мерзким существам — поиздеваться над ними хоть в воображении.

— Очень уж сложны эти сны, чтобы быть только снами, — с сомнением проговорил Ромеро.

Как и все люди его эпохи, Камагин был последовательным рационалистом. Ромеро искал в суевериях зерно истины, Камагин начисто его отвергал. Нас с Камагиным разделяло пятьсот лет человеческого развития, но во многом он был мне ближе Ромеро.

— Уж не хотите ли вы сказать, что какой-то неведомый друг снабжает адмирала секретной информацией, зашифровав ее в образы сна?

Ромеро сдержанно возразил:

— Я хочу сказать, что нисколько не был бы удивлен, если бы это было так. Во всяком случае, я запомнил и галактическую наблюдательную рубку, которую дважды посетил адмирал, и то, что Аллан штурмует Персей, вбивая между его светилами таран аннигилируемых планет, и то, что на Третьей планете, мощнейшей крепости разрушителей, неполадки, и, наконец, то, что наши друзья галакты обладают какими-то биологическими орудиями, приводящими в ужас разрушителей. Согласитесь, что ни о чем подобном мы не слыхали до того, как Эли стали посещать его сны. Сновидения, стало быть, несут в себе принципиально новую информацию. Иной вопрос — правдива ли эта информация.

Маленький космонавт вспылил:

— Бредовые видения голодающего — вот что такое эти информации! — Он с раскаянием повернулся ко мне. — Адмирал, я не хотел вас оскорбить.

Я через силу улыбнулся:

— Разве я не голодающий? И что все это бред — не отрицаю.

Ромеро холодно проговорил:

— Я выдвигаю такое утверждение: если хоть один из фактов, открытых нам в сновидениях адмирала, окажется реальным, то и все остальные также будут правдивы. Согласны с этим?

— Согласен! — сказал Камагин и насмешливо добавил: — Вы забыли, Ромеро, одно известие, также ставшее нам известным из сновидений адмирала. Оно допускает непосредственную проверку: нас сегодня собираются эвакуировать на какую-то Марганцевую планету! Сегодня, Павел! И если сегодня пройдет и эвакуации не будет…

Камагин еще не закончил, как Ромеро остановил его поднятой тростью:

— Принимается. Итак — сегодня!

— Стены совсем посветлели, — сказал я со вздохом. — Сейчас появится наш мерзкий тюремщик и поинтересуется, не возжаждал ли я смерти.

Орлан появился, словно вызванный.

— Адмирал Эли, первое испытание закончено, — сказал он бесстрастно. — Скоро тебе дадут поесть. После еды все вы должны собраться. Пленных эвакуируют с Никелевой планеты на Марганцевую.

Ромеро выронил трость, Осима, всегда сдержанный, вскрикнул. Камагин широко распахнутыми, полубезумными глазами смотрел на меня.

Орлан исчез внезапно, как и появился.

Часть третья
МЕЧТАТЕЛЬНЫЙ АВТОМАТ НА ТРЕТЬЕЙ ПЛАНЕТЕ

И на что мне язык, умевший слова
Ощущать, как плодовый сок?
И на что мне глаза, которым дано
Удивляться каждой звезде?
И на что мне божественный слух совы,
Различающий крови звон?
И на что мне сердце, стучащее в такт
Шагам и стихам моим?!
Лишь поет нищета у моих дверей,
Лишь в печурке юлит огонь,
Лишь иссякла свеча — и луна плывет
В замерзающем стекле…

Э. Багрицкий

1

Эвакуация походила на бегство.

В зал хлынули головоглазы. Нам не дали ни обсудить приказа, ни просто перекинуться соображениями. Человеческим языком головоглазы не владели, но зрение у них было зорче нашего, а гравитационные оплеухи впечатляли красноречивей слов. Вновь появился Орлан, и мы услышали впервые его истошный крик, раздававшийся потом так часто, что он и поныне звучит в моих ушах:

— Скорей! Скорей! Скорей!

Я многого не помню в начальных минутах эвакуации, я потерял сознание до того, как исчезла силовая клетка. Пришел я в себя на ложе, рядом сидела Мэри, сжимая мои руки в своих руках, в ногах стояли молчаливые друзья. Я услышал ее счастливый голос:

— Очнулся! Он живой!

Я хотел сказать, что неживым я быть не могу, раз мне гарантирована жизнь, но не хватило сил на шепот. Зато я постарался глазами передать, что чувствую себя превосходно. Мэри расплакалась, уткнувшись головой мне в грудь.

— Великолепно, адмирал, — бодро объявил Осима. — Пока вы лежали без сознания, вас покормили.

— И ели вы с аппетитом, — добавил Ромеро, улыбаясь. — Но потом вдруг окаменели, и мы порядком перепугались.

— На какой корабль нас грузят? — спросил я, понемногу овладевая голосом.

— На «Волопас», — ответил Камагин. Он иронически усмехнулся. — Побаиваются вселенские завоеватели показывать нам свои корабли.

С помощью Ромеро и Мэри я приподнялся. В зал вполз на Громовержце Лусин. Мы с Мэри и Петри примостились за спиной Лусина. На других драконах разместились друзья.

— Включай мотор, — сказал Петри Лусину. Лусин так радовался моему освобождению, что не обиделся на Петри за поношения любимца.

Крылатый ящер быстро пополз по коридору, но в распределительном зале его затерли в угол пегасы. Летающие лошади с визгом и ржанием топотали в туннеле, стремясь поскорее вырваться на воздух. На одном из пегасов промчался Астр, он радостно закричал мне и помахал рукой.

— Не забудь: номер пятьдесят восьмой! — крикнула ему вслед Мэри.

Астр и ей махнул шапкой.

— Неплохо ездит, — заметил Петри, словечко «неплохо» у этого флегматичного человека было высшей формулой одобрения.

Мне тоже показалось, что Астр как литой на пегасе, он лихо пригибался к шее коня, ловко выгибал ноги, чтоб не мешать работе крыльев, сам бы я так не сумел. Даже Лусин признавал, что езда на пегасах — дело посложней, чем на старых бескрылых лошадях.

Громовержец, выбравшись наружу, взмыл вверх.

Мы опять увидели крохотное белое солнце в зените, неприветливое, бессильное светило, не способное ни утеплить планету, ни затмить лихорадочное сверкание звезд. Внизу простиралась мертвенно зеленая планета — никелевые поля, никелевые леса, озера и реки никелевых растворов. И везде, куда хватал глаз, громоздились шары звездолетов, огромные, угрюмые, тускло-серые — горы рядом с холмиком «Волопаса», приткнувшегося в центре образованной ими долинки. Пять

звездолетов прибавилось с момента нашей высадки на планете.

Громовержец не успел завершить витка над «Волопасом», как попал в гравитационный конус. Дракона так быстро швырнуло вниз, что Лусин закряхтел, Мэри застонала, а у меня на секунду остановилось сердце.

Еще быстрей нас засосало в недра «Волопаса» и здесь, на причальной площадке, веером поразбросало — дракона в одну сторону, Мэри с Лусином в другую, а меня с Петри в Третью.

— Берегитесь! — закричал Петри, проворно увлекая меня с площадки. На нее в это время валились другие драконы, засосанные гравитационной трубой.

Я не сумел быстро отскочить, и на меня упал Ромеро, а на Ромеро — Камагин. К счастью, ни один из гигантских ящеров не свалился нам на голову — все счеты с нами были бы тогда покончены сразу. У разрушителей имелись аппараты, следящие, чтоб захваченная живая добыча при подобных обстоятельствах не раздавливалась всмятку. Но мы этого не знали и с облегчением вздохнули, когда выбрались на улицу корабельного городка.

— Дóма! — сформулировал Осима наше общее чувство.

Мы шли вдоль знакомых зданий, еще недавно наших квартир; во Вселенной, вероятно, не было уголка более нам близкого, чем этот. И разрушители ничего не тронули у нас в комнатах, то один, то другой из пленников выбегал на улицу и радостно сообщал, что все сохранено, как было до высадки на зеленую планету.

— Загляни, как у нас, — попросил я Мэри, когда мы подошли к нашей квартире. — А я пойду в обсервационный зал. Не беспокойся, мне хорошо.

Я не сделал и двух шагов, как мимо меня промчался Астр со склянкою в руке. Я окликнул его, он не отозвался.

— Куда умчался наш сын? — с беспокойством спросил я Мэри. — В такое время разгуливать по звездолету небезопасно!

Она лукаво улыбнулась.

— Ничего с ним не будет. Подождем здесь его возвращения.

Астр возвратился минут через пять. Он сиял.

— Все исполнено, мама! — закричал он издали. — Выбраться наружу не удалось, но я выплеснул склянку через канал анализаторов. Планета заражена.

Я ничего не понимал.

— Заражена? Может, все-таки объяснишь, Мэри, что происходит?

Оказалось, Астр по просьбе Мэри распылил на планете заряд жизнедеятельных бактерий, питающихся никелем и его солями. Планета теперь заражена жизнью. Процесс вначале будет

совершаться незаметно, потом убыстрится, пока эпидемия жизни не забушует на поверхности и в никелевых недрах. И тогда оборвать жадное разрастание жизни будет возможно, лишь полностью уничтожив планету.

— Ты знаешь, кто я? — с гордостью спросил Астр. — Я теперь жизнетворец, отец!

— Ты молодец! — сказал я и похлопал его по плечу.

В обсервационном зале на экранах разворачивалась звездная сфера. Мы находились не в центре скопления, а где-то на окраине, северная полусфера была беднее яркими светилами, чем южная. Я навел умножитель на Оранжевую. Это был сверхгигант такой неистовой светимости, что он представлялся скорее крохотною луной, чем сравнительно далекой звездой. Была хорошо видна и единственная планета, быстро вращавшаяся вокруг звезды, странная планета, она то сверкала желтым, то синевато-белым, словно ее отражающая способность менялась при повороте вокруг оси.

После кратковременного оживления мне вновь стало плохо. Петри первый заметил, что я теряю сознание. Пришел в себя я уже на улице. Петри нес меня на плечах, рядом шли друзья. Я попросил опустить меня наземь, Петри отказался. Неподалеку от обсервационного зала мы повстречались с Мэри, и, чтобы успокоить ее, Петри пришлось все-таки поставить меня на ноги. В комнате я лег на диван. Друзья настроились на мое излучение, мыслями беседовать было не только безопасней, но и легче — мне, во всяком случае.

— Произошли удивительные происшествия, надо в них разобраться, — сказал я. — Я хотел бы знать ваше мнение, Павел.

Ромеро не успел начать, в комнату вошли Астр с Лусином и Андре. Андре был одет в новое пальто, выбрит, причесан — все это проделали Лусин с Астром, когда добрались до квартиры Лусина. Он теперь больше напоминал прежнего Андре, постаревшего и похудевшего, — такими, вероятно, люди в прошлые времена поднимались с постелей после болезни. Одно лишь лицо, отсутствующее, подергивающееся то в лукавой ухмылке, то испуганно перекашивающееся, да бессмысленно-тусклые глаза выдавали, что разум к Андре не возвратился.

— Можно побыть с вами? — спросил Астр за троих.

Против Астра, хоть он был малыш, я возразить не мог, но Андре меня смущал.

— Разве вы не заметили, что у Андре умопомрачение не болтливое? — опроверг мои сомнения Ромеро. — Когда-то утверждали, что каждый сходит с ума по своей системе. Система безумия нашего несчастного друга — замкнутость. Присутствие

Андре вреда не принесет. Поговорим о ваших снах, Эли.

— Сны адмирала относятся, по древней терминологии, к вещим, сейчас против этого не восстанет даже скептик Камагин, — сказал он дальше. — Сновидения Эли — своеобразная форма информации, примененная тайными нашими друзьями в среде разрушителей.

— В расчете на приобретение таких друзей среди угнетенных зловредами народов и среди рядовых разрушителей я и вызвал верховного чурбана на открытый спор. Похоже, какой-то успех есть, — сказал я.

Ромеро не согласился. Речь не о друзьях среди рядовых верноподданных. Мы приобрели тайных союзников в непосредственном окружении Великого разрушителя. Откуда, в противном случае, мог бы я узнать, что происходило на военном совете врагов? И если форма передача фантасмагорична, — он тоже сомневается, что стратеги разрушителей разрастаются кронами, взрываются и разливаются ручьями, — то содержание подтверждено фактом эвакуации. Он высказывает такую мысль — в нашу пользу действуют не отдельные разрушители, но организация друзей. Не кроется ли за неполадками на Третьей планете сознательная диверсия? Если так, то где эта Третья планета? И кто из приближенных властителя причастен к ней?

Ромеро закончил так:

— Единственным достоверным источником информации сегодня являются сновидения адмирала. Я отдаю себе отчет, что нелепо просить Эли видеть побольше снов. Но запоминать все, что вы увидите во сне, друг мой, я намереваюсь просить — абсолютно все, до самого тихого звука, до самого бледного силуэта! А теперь отдохните. И пусть вам приснятся новые сны — удивительней прежних.

Они поднялись сразу все. Мэри хотела остаться, но я отослал ее. Я догадывался, что ей не терпится в лабораторию. Я отлично посплю сейчас, заверил я. Лусин с Астром тормошили Андре, тот отстранялся с таким испугом, что мне его стало жаль.

— Оставьте Андре, он будет тихонько сидеть, я буду тихонько дремать, мы превосходно поладим друг с другом.

Вначале я и вправду хотел поспать, но сон не шел. Меня тревожило ощущение чего-то важного, случившегося во внешнем мире. Я вызывал в себе картину атак кораблей Аллана, но вскоре убедился, что лишь мысленно пересказываю себе содержание вчерашнего сновидения.

Я стал присматриваться к Андре.

Он уныло сидел в уголке, монотонно покачивался туловищем, голова его была опущена, локоны, причесанные и

помытые, метались, как живые. Уже десятки раз я наблюдал Андре в таком же состоянии полного отрешения от окружающего, разница была та, что до меня не доносился дребезжащий голос, тоскливо бубнящий о сереньком козлике.

— Что же ты не советуешь мне сойти с ума? — спросил я. — И разве глупая бабушка уже отыскала пропавшего козлика?

Он приподнял голову, вслушался, от напряжения у него отвалилась нижняя челюсть. Посторонние голоса уже проникали в него. Но смысл слов оставался темным, глухие заборы по-прежнему прикрывали те части мозга, где творилось понимание.

— Андре, возвращайся! — сказал я, волнуясь. — Прошу тебя, возвращайся, Андре!

И это он услышал, не только услышал, но и что-то понял, ибо испугался. Он еще дальше отодвинулся в угол и там боязливо замер. Было жуткое противоречие между его лицом, озаренным отблеском далекого понимания и смятения, и невидящими глазами идиота.

— Не бойся, не укушу! — устало проговорил я и опустил веки — сон сковал меня бурно и крепко. Во сне я видел склонившегося Орлана, а рядом с ним ухмылялся и хихикал Андре, и так подмигивал, словно намекал на известную лишь нам обоим тайну.

Ромеро, когда я рассказал этот сон, со вздохом определил, что информации в нем маловато.

2

Порою казалось, что тюремщики отсутствуют на корабле, — так свободно было ходить по городу и парку. Зато чуть мы приближались к помещению служебному, как невесть откуда появлялся сторожевой головоглаз.

В обсервационном зале и днем и ночью было полно наших.

Я часто ломал голову над тем, для чего разрушители пускают нас сюда, раскрывая тем самым тайны укреплений Персея. Петри считал, что раскрытие этих тайн входит в план покорения людей.

— Демонстрируют могущество. Расчет такой — устрашимся и запросим мира на их условиях…

Если и вправду имелся такой план, то похвастаться им было чем. Мы мчались в окружении кораблей вражеской эскадры, а за пределами зеленых огней разворачивалась величественная панорама: наплывала одна, другая звезда, к ним теснились третья и четвертая, и на всех умножители фиксировали планеты, сотни планет, обжитых, индустриализованных, с городами и заводами, с тысячами кораблей, кружащих над планетами.

Меня охватывало уныние, когда я брал в руки умножитель, — враг был могущественный, очень деятельный.

Камагин, штурман старого закала, заносил в корабельную книгу — имелась у него и такая — все, что открывалось на стереоэкране. Вскоре у него появилась схема пройденного пути, не столь детальная, как составила бы МУМ, но достаточная, чтоб различить, как размещены в пространстве звезды, сколько у каждой планет и что обнаружено на планетах…

— Нам, безоружным, эти сведения не понадобятся, — сказал я Камагину, очень гордившемуся своим творением. — А если эскадры Аллана прервутся сюда, корабельные МУМ оценят обстановку полнее и точнее.

Камагин посмотрел на меня чуть ли не с сожалением.

— Я составляю не пособие к бою, а основу для размышлений. Меня временами поражает, как беззаботно люди вашего поколения перепоручают машинам все виды умственного труда. Так недолго потерять и способность к мышлению!

Осима был единственным, на кого не произвела впечатления демонстрация мощи зловредов. Он считал, что все эти дьявольски оснащенные планеты с искусственными лунами и армадами крейсеров — на три четверти мистификация. Нас обманно кружат в одном и том же районе, показывая его с разных направлений.

— Внимательней приглядитесь, — доказывал он, водя пальцем по карте Камагина. — Вот здесь и здесь картины схожие, — почему? И последите за Оранжевой. Если курс — на нее, то все эти блуждания вокруг да около нее — спектакль.

Меня Осима не убедил. Мы приближались к Оранжевой, а не петляли вокруг нее. Настал день, когда она переместилась на ось полета, нас выворачивало в лоб на Оранжевую.

В этот день перед нами появился Орлан, и я совершил неосторожность. На корабле мы почти не видели его и отвращение при виде его бесстрастной образины понемногу стерлось, теперь я мог бы с ним разговаривать без ненависти и гнева. К тому же он больше не спрашивал — не надоела ли мне жизнь, и не возникал, словно из небытия, а нормально — порхая — приближался. Ромеро называл это так: не появляется, а проявляется.

— Послушай, тюремщик, — сказал я, когда мы увидели его. — Кажется, вы собираетесь причаливать к звезде Оранжевой, где расположена крупнейшая ваша стратегическая база?

Он холодно отвел мой вопрос:

— Я не осведомлен в сравнительной мощи различных баз. Их много, и все они могучи. А звезду, которую ты называешь Оранжевой, мы скоро оставим в стороне.

Мне досталось от Ромеро, когда Орлан со своими неизменными стражами скрылся.

— Дорогой адмирал, вы бы еще сообщили ему, что эту крупнейшую базу по вашим предположениям, именуют Третьей и что на ней произошли загадочные неполадки. После этого он, естественно, поинтересовался бы источником вашей информации. Я не буду удивлен, если слежка теперь усилится до такой степени, что начнут контролировать ваши сны.

— На корабле мне ни разу не снилось путного, пусть контролирует, — отшутился я. Мне самому было неприятно, что я проболтался.

Вскоре Оранжевая сошла с оси полета. Мы двигались мимо нее в центр скопления.

В день катастрофы я находился у Мэри в лаборатории.

Она с новым жаром продолжала исследования низших форм жизни. Ей помогал Астр. Теперь когда все это в далеком прошлом, я нахожу, что ей удалось лучше нас всех использовать обстоятельства плена.

— Мы оживим не одну Никелевую, а все эти металлические пустыни, если когда-нибудь они станут открыты для нас, — говорила в тот день Мэри. — И наряду с кристаллическими псевдорастениями появятся растения живые, вначале микроскопические, потом сомасштабные нам. Полюбуйся, Эли, в этой пробирке нет ничего, кроме железа, но в ней уже кипит жизнь.

И в этот момент звездолет свела судорога. Я выбираю слова наиболее точные. Корабль жестоко сжало, вещи сорвались с мест. Мэри выронила пробирку, я налетел на Мэри. Одна стена надвинулась на другую, а пол понесся к падающему потолку.

— Мэри, что с тобой? — закричал я в ужасе и пытался поймать ее.

Мэри сплющилась в блин, тут же, распухая, опала до карлика. Только в кривых зеркалах можно было увидеть фигуры, подобные той, что вдруг стала у нее. Вероятно, у меня был вид не лучше. Мэри, побелев, отшатнулась, когда я наконец ухватил ее за руку.

Вещи спустя минуту обрели нормальные размеры, но «Волопас» продолжал содрогаться каждой переборкой, он весь был наполнен гулом потревоженных механизмов.

— В обсервационный зал! — крикнул я Мэри. — Проклятые разрушители устроили новую каверзу.

На улице я чуть не ударился о пробегавшего Орлана. На этот раз он был без эскорта, и облик его свидетельствовал, что каверзу устроили не сами разрушители. Я схватил его за плечо:

— Что случилось? Признавайтесь, вы задумали погубить

корабль?

Орлан молча вырывался. Я с ликованием почувствовал, что у него не хватает сил отбросить меня. Когда у разрушителей отказывает чертовщина технических средств — все эти гравитационные поля, закрученные пространственные оболочки, электрические разряды и ослепляющий свет, — с каждым из них может управиться земной мальчишка.

— Пусти! — хрипел полузадушенный Орлан. — Мы все погибнем, если не пустишь!

Мэри дернула меня за руку. На улицу высылали тревожно пересвечивающиеся перископами головоглазы. Я нехотя выпустил разрушителя. Орлан уносился такими стремительными скачками, что казалось, будто целая цепочка Орланов скачет по узкой улице.

В обсервационном зале в меня ударил истошный крик Камагина:

— Адмирал, нас засасывает на Оранжевую!

3

Вокруг нас исчезала Вселенная.

Три четверти звезд скопления пропали, остальные тускнели на глазах. Я схватился за умножитель, но картина не переменилась. О внешних светилах, величественном нагромождении ядра Галактики, и говорить не приходилось: там, где недавно неясно, небесной пудрой, светились бесчисленные миры, не было ровным счетом ничего — черная пустота и только.

— Забавное происшествие! — сказал Осима.

По голосу было ясно, что Осима не перепуган, а заинтересован. Энергичный капитан уже прикидывал, какую выгоду можно извлечь из непонятного происшествия.

Оранжевая не светилась, а пылала, жгуче-яркая, резкая, как вспышка — непрерывно длящаяся вспышка! Мы неслись в ее сторону, это было очевидно. Очевидным было и то, что скорость сноса все увеличивается, мы далеко углубились в сверхсветовую область.

— Вам ничего не напоминает это зрелище, Осима? — спросил я, усмехаясь.

— Конечно, адмирал! — откликнулся Осима. — Точно так же нас сносило и на Угрожающую. Только сверхсветовые скорости там были поменьше.

— Скоро не будет ни одной звезды, — задумчиво проговорил Ромеро. — Интересный мир! Вам не снилось чего-либо похожего, дорогой друг?

Звезды продолжали тускнеть, одна за другой и все сразу, а после них стали исчезать звездолеты. Снаружи бушевала удивительнейшая из бурь (еще недавно мы и вообразить не могли, что она возможна) — буря неевклидовости.

Стройную полусферу задних зеленых огней размыло, звездолет катился на звездолет, их сметало в кучу, выносило за пределы экрана, словно горстку сухих листьев. Они уже не подталкивали безжизненное тело «Волопаса», их самих можно вышвыривало наружу по кривым неевклидовым дорогам.

В эти последние перед исчезновением минуты сияние задних звездолетов усилилось так, будто их охватило внутренним огнем. Вероятно, все их энергетические ресурсы работали на сопротивление утаскивающей в невидимость силе, а лихорадочное свечение было лишь попутным проявлением этой борьбы. Не успели мы присмотреться к схватке, разыгравшейся на задней полусфере, как последний зеленый огонек укатился за ее край и экран валила густая чернота — позади нас не было больше ни пространства, ни тел в пространстве.

На передней полусфере продолжали сверкать огни вражеской эскадры. Пространство захлопывалось вокруг Оранжевой, а эти восемь огоньков светили столь же пронзительно, расстояние между ними не менялось. Если нас засасывала Оранжевая, то их она засасывала вместе с нами.

— Адмирала Эли в командирский зал! — разнесся по звездолету резкий голос Орлана. — Немедленно в командирский зал!

Я колебался, Ромеро подтолкнул меня:

— Идите, хуже не будет. Видимо, происшествие такое чрезвычайное, что понадобилась ваша помощь. И если вы откажетесь, вас доставят силой.

Командирский зал был освещен, силовые транспортеры не действовали — пришлось открывать двери руками и входить, а не влетать внутрь. Возле кресел стоял Орлан со своими охранниками. Орлан так высоко вытянул шею, что она, не сдержав тяжелой головы, перегнулась, как змеиная. Я ответил сдержанным поклоном.

— Надо запустить ходовые механизмы звездолета, адмирал! — распорядился Орлан, прихлопывая голову к плечам. — Речь идет о жизни твоей и твоих друзей.

— И, вероятно, о ваших жизнях тоже, — добавил я насмешливо. — Я уже докладывал тебе: управляющая машина вышла из строя.

— Нужно срочно ее наладить.

— Я не разбираюсь в таких сложных агрегатах.

— Кто из экипажа разбирается?

— Никто. Управляющие машины ремонтируют только на наших базах.

Орлан засветился всем лицом. Красный цвет у разрушителей, как и у людей, признак гнева. Гневаются они не больше нашего, но освещаются сильнее.

— Адмирал Эли, у вас, несомненно, имеются приспособления для ручного управления.

— Да, — сказал я. — Для посадки, для движения в эйнштейновом пространстве, но не для сверхсветовых рекордов, которые сейчас требуются. Может, скажешь, что произошло? Это облегчит решение — помочь или не помочь вам?

У Орлана стал сосредоточенный вид, словно он прислушивался к чему-то. И у них, похоже, молчаливые передачи, подумал я.

— Я скажу, — заговорил он. — Механизмы метрики на звезде, мимо которой мы пролетали, разладились. Курс нарушен, корабли разбрасывает. Нас закрывает в пространственной улитке, а другие звездолеты выносит за ее пределы.

Я показал на пылающую Оранжевую:

— Не та ли звездочка является центром пространственной улитки?

— Она или не она — будет плохо, если не вырвемся.

— Я бы хотел разъяснений подробней.

Он несколько секунд колебался.

— Великий запретил выпускать «Волопас» из поля зрения. В момент, когда мы начнем исчезать, звездолеты нас атакуют. Если хоть один ударит из гравитационных орудий, «Волопасу» придет конец. Нужно удержаться около кораблей или защититься от их нападения. Оживи механизмы корабля, адмирал!

Свирепое злорадство палило меня. У меня тряслись руки, дрожал голос.

— Вот как — оживить механизмы, Орлан? Купить свою жизнь ценой передачи вам важнейших секретов? Не слишком ли дорогая цена? Слушай и запоминай: мы погибнем, люди и их друзья, но и вы все погибнете…

— Поздно! — страшно крикнул Орлан. — Нас обстреливают!

Оранжевая зловеще лила красноватый свет на погасшем небе, а кроме нее было еще три зеленых точки, три закатывающихся в иной мир звездолета. Я уже знал, что такое гравитационный обстрел, и невольно зажмурил глаза, когда три исчезающих точки в последний раз вспыхнули. Я вспомнил, как закричал в сражении возле Угрожающей, и до боли прикусил губу. Кругом были враги, ни один, даже перед собственной смертью, не услышит моего

предсмертного вопля. «Слышишь, ты! — с бешенством подумал я, — ты не проронишь ни звука! Ни звука ты не проронишь!»

— Нет! — выкрикнул задыхающийся Орлан. — Нет!

Я раскрыл глаза. На черном небе сияла одна Оранжевая. Звездолеты вынесло из нашего пространства, ухнули в иной мир и выпущенные ими разрушительные волны. Я не знал, что нас ждет дальше, но растерянность Орлана была очевидна. Мне захотелось поиздеваться над ним.

— Обошлось без раскрытия человеческих секретов, зловред! Не кажется ли тебе, что на нашей стороне сражаются силы, помогущественней ваших кораблей?

Моя насмешка привела его в себя. Он надменно втянул голову в плечи.

— На вашей стороне, человек? — Он ткнул рукой в Оранжевую. — Если бы ты знал, куда нас несет, ты предпочел бы гибель под гравитационным обстрелом. В Империи Великого разрушителя нет места грозней, чем Третья планета.

— Третья планета? — вскричал я. У меня заметалось сердце. — Третья планета, Орлан?

Он отвернулся. Невидимые гибкие руки схватили меня за плечи, повернули, подтолкнули к выходу. Взбешенный, я попытался вырваться. Но сейчас у меня не было индивидуального поля, которым я некогда сразил напавшего невидимку. В коридоре я погрозил кулаком Орлану, схоронившемуся в командирском зале.

— Третья планета! — повторил я, ликуя и тревожась. — Третья планета.

4

На полусферах экрана золотело небо.

Я сказал «небо» и почувствовал, до чего это слово мало соответствовало тому, что разворачивалось перед нами. Небо — нечто над головой, пространство со звездами, планетами, спутниками. Здесь небо было над головой и под ногами, оно казалось пологом, светло-золотым, пустым — одна исполинская Оранжевая и кружащаяся вокруг Оранжевой одинокая планета.

— Время поднимать восстание, — заявил Камагин, когда стало ясно, что «Волопас» идет к планете.

— Никаких восстаний! — возразил Осима. — Без древней романтики, Эдуард.

Камагин носился с мыслью о захвате корабля с момента, как исчезли вражеские крейсера. Он доказывал — мысленно, конечно, — что конвой перебить легко, а на планете мы, вне

сомнения, найдем защитников и друзей. Все в этом отчаянно смелом плане мне не нравилось. Я не был уверен, что мы, практически безоружные, одолеем охрану, последнее столкновение с невидимкой показывало, что врагов больше, чем представляется глазу. И я не знал, что делать с бездействующим кораблем: он был теперь не больше, чем крохотным небесным телом, плетущимся в пространстве по воле неведомых сил. И мы понятия не имели, что нас ждет на Третьей планете: предупреждение Орлана прозвучало для нас очень грозно.

— Но разве вы не услышали во сне, что на Третьей планете какие-то неполадки? — спорил Камагин. — И разве до сих пор эти неполадки не шли нам на пользу? Разве механизмы планеты не погасили гравитационный залп по «Волопасу»?

— Я узнал во сне также и то, что новый Надсмотрщик быстро навел на планете желанный порядок, — возразил я. — Пока я командую, Эдуард, восстаний ради восстаний не будет. Выражаясь термином вашего времени, мы играем слишком крупную игру, чтоб азартно рисковать.

Перед посадкой звездолета на планету состоялся новый разговор с Орланом. Он появился в парке, где я прогуливался с Астром.

— Адмирал Эли, — обратился ко мне Орлан, — корабль причаливает на неудачном месте. Тяготение на планете зависит от широты, мы высаживаемся в зоне большой гравитации. Нужно поскорее переместиться к Станции Мировой Метрики, там легче. На планете нет средств передвижения, ее запрещают посещать. Со Станцией нам не удалось связаться. Ты должен позаботиться, чтоб пленники двигались с максимальной быстротой.

— Как атмосфера и температура на планете? Нужно ли облачаться в скафандры? Как с водой и пищей?

— Скафандры оставите на корабле. Атмосфера и температура — приемлемые. Воду и пищу погрузите на свои авиетки. Есть еще вопросы?

— Да. Что это за планета? Почему мы высаживаемся на ней? Что нас ждет?

— На эти вопросы я не отвечу, — сказал он холодно. Лицо его светилось неприятным синеватым блеском. — Все?

— Последний вопрос. Ты так сейчас говорил, Орлан, словно искренне заботишься о нашем благополучии. Вместе с тем ты — враг, жаждущий нашего уничтожения. Как совместить это противоречие?

— Противоречия нет. Мне не дали приказа жаждать вашего уничтожения. Я обязан доставить вас на Марганцевую планету. Если что-нибудь помешает этому, я должен вас всех уничтожить,

но на волю не выпускать.

Так, по крайней мере — ясно. Я с тяжелым чувством смотрел, как Орлан уносился широкими скачками. Вокруг нас плелась невидимая паутина, мы, как мухи, бились в ее тенетах.

Астр сказал сердито:

— Ты разговариваешь с этой образиной, как с человеком. Я бы плюнул на него, а не улыбался ему, как ты.

Я обнял малыша. Он рос вдали от своего естественного окружения и многие понятия, усваиваемые другими с детства, должен был завоевывать, а не принимать разжеванными.

— Знаешь, в чем главная сила людей? В технической мощи? В уровне материального благополучия? Нет, сынок, этим не покорить других. Завоевательная сила людей в том, что они даже к нечеловекам относятся по-человечески.

В нем шла борьба. Он хотел мне верить, но его маленький личный опыт вступал в противоречие с огромным опытом человечества, втиснутым в краткую формулу: «По-человечески».

— Ты сказал, отец, — покорить других, завоевательная сила… Разве люди — завоеватели и покорители? Такие слова я слышал лишь о зловредах и помню, как ты возмущался ими в споре с Великим разрушителем.

Я засмеялся.

— Люди и покорители, и завоеватели, но в ином смысле, чем наши противники. Мы покоряем души, завоевываем сердца — такова историческая миссия человечества во Вселенной.

5

Это была металлическая планета, голая металлическая пустыня, нигде не камуфлированная псевдорастениями и псевдореками, как на Никелевой. И в ее атмосфере не плавали псевдотучи, на ее блестящую поверхность — где сплав золота со свинцом, где просто чистое золото и просто чистый свинец — никогда не проливалась не то что вода, но даже и жидкие растворы солей. А над нестерпимо сверкающей золотом и свинцом равниной раскидывалось нестерпимо сияющее золотое небо, и в небе пылала красно-золотая звезда, раз в пять меньше — по видимому диаметру — нашего Солнца, столь же яркая, совсем не по-солнечному жестокая.

Я упал, спускаясь по трапу. Сила, много превышающая мое сопротивление, потащила меня, как крюком. На меня свалился Петри, на Петри — Осима. Я пытался приподняться на руках и не сумел. Петри помог мне встать. К нам, помогая себе тростью, подобрался Ромеро. Он всегда был бледнее любого из нас, но

сейчас природная бледность превратилась в синеву.

— Тройная перегрузка, если не в четыре раза, — прохрипел он, силясь улыбнуться, даже это было здесь трудно. — Боюсь, друг мой, предстоят непосильные испытания.

Легче других было Камагину. В его времена космонавтов тренировали при больших перегрузках, они не были избалованы гравитаторами, везде создававшими привычные человеку условия. Камагин тоже побледнел, по дышал свободней; думаю, у него не так шумело в ушах и не с таким усилием билось сердце. Но и он сказал сумрачно:

— Мир, Эли, — повеситься!..

Ангелов и крылатое хозяйство Лусина выгрузили раньше людей — и всем было тяжело. Драконы превратились в ящеров и довольно проворно ползали, помогая себе крыльями, как веслами на воде. Даже могучий Громовержец примирился с судьбой пресмыкающегося, а не летающего. Пегасы отчаянно боролись с силой притяжения, некоторые взлетали, но тут же падали. Ангелам, более легким, удавалось подняться выше, но полет требовал таких усилий, что они вскоре свалились, совершенно измученные.

Труб с громом пронесся над нами, но после минут пять вытирал пот с лица и говорил, словно ворочал гири языком. Меня терзали шумы — визг пегасов, раздраженные крики ангелов, шум крови в ушах, тяжкий стук сердца.

Я увидел вдали Орлана и попросил Петри помочь добраться до него. Выгрузка продолжалась, и я со страхам думал о Мэри и Астре. Орлан вытянул голову не так высоко, как раньше, и опустил ниже обычного. Ему тоже было не легко.

— Нельзя ли оставить самых слабых? — попросил я. — На корабле действуют гравитаторы…

— Все выгружаются! — отрезал он.

Я попробовал спорить, но он отошел. И порхание его лишилось обычной живости и бесстрастное синеватое лицо стало еще синее. Я возвратился к товарищам. В это время на трапе показался Астр с рюкзаком на спине, за ним шла Мэри. Петри криком предупредил малыша, чтоб он не бежал, но Астр слишком поздно услышал крик. Он камнем полетел на грунт, и если бы Петри не ухватил его в последнюю минуту, Астр расшибся бы насмерть. Мы с Мэри подоспели к нему одновременно, Астр задыхался, из носа шла кровь, лицо было белее, чем у Ромеро.

Я поспешно снял с Астра рюкзак. В нем, как я узнал потом, были склянки с жизнетворными бактериями, питающимися золотом и свинцом.

— Мужайся, сынок! — сказал я. — Бери пример с Эдуарда.

Здесь страшная тяжесть, а храбрый воин, наш космонавт, прогуливается, как в корабельном парке.

— Я постараюсь, отец. — Голос Астра не слушался, из глаз не исчезал испуг, но жаловаться он не стал. — Что сумеет Эдуард, то и я.

Петри, поддерживая Астра за плечи, увел его от трапа. Астр почти догнал в росте маленького космонавта, почти не уступал ему в мужестве, но силы их были не равны, сам он этого не понимал, но я знал.

— Какой ужас, Эли! — прошептала Мэри.

У нее побелели глаза, не одни белки, но и радужная оболочка. Я и не подозревал раньше, что черные глаза могут белеть.

— Успокойся! — сказал я. — Труднее всего первые минуты, а их Астр вынес. Понемногу привыкнем к тяжести. Но если бы не Петри, ваше стремление сеять всюду жизнь могло бы стоить жизни нашему Астру.

— Я боюсь за тебя. После такой голодовки!..

— У меня было время забыть о голодовке.

Когда сошел последний человек, корабельные автоматы стали выгружать авиетки и припасы и какие-то длинные ящики с имуществом разрушителей. Петри погрузил в авиетку и рюкзак. Ни одна из авиеток не сумела взлететь. Форсируя мощности гравитаторов, они лишь ползли неповоротливей драконов и брали меньше половины обычного груза. Ящики разрушителей передвигались сами — низко летели над грунтом на гравитационной подушке, как на катках.

— Наденьте защитные очки, друзья! — посоветовал Петри.

В защитных очках не так слепило от скал планеты и свирепой звезды, накалявшей ее. И нестерпимый золотой блеск неба смягчался, хотя и не становился приятным. Больше всего меня угнетало небо — яростно золотое, однотонное, непроницаемо сияющее.

Ко мне подошел Осима:

— Какие будут приказы, адмирал?

— Приказы отдает Орлан, разве вы не знаете, Осима? — сказал я с горечью. — Какой я адмирал! Не хочу больше слушать этого обращения! Не хочу!

Мэри сжала мой локоть:

— Возьми себя в руки, Эли!

Ответ Ромеро на мой выкрик прозвучал суровей:

— Не ожидал такого малодушия, дорогой друг. Мы свободно выбрали вас в руководители — и вы останетесь руководителем, куда нас ни бросит судьба. Итак, какие будут приказы, адмирал?

Какие призывы?

У меня путались мысли, тяжело шумело в ушах. Проклятая планета была слишком массивна. И хоть я уже не падал, ноги и руки были тяжелы для меня, голова камнем давила на плечи. Я всегда радовался своему телу, оно было — я, здесь оно превратилось в нечто внешнее, стало мне непомерно.

От меня ожидали приказа быть бодрыми, я не мог отдать такого приказа: во мне самом не было бодрости. Я обвел глазами товарищей. Камагин один не смотрел в мою сторону, остальные подбадривали меня взглядами. Камагин, несомненно, и сейчас был убежден, что все пошло бы по-иному, если бы мы подняли бунт и перебили охрану.

Труб с шумом залетел опять и опустился возле меня.

— Трудновато, — оказал он. — Ничего, не погибнем.

Неподалеку Лусин помогал идти пошатывающемуся Андре. Астр пошел к ним, с трудом отрывая ноги от грунта, он тоже пошатывался, но уже не падал.

— Хорошо, я обяжу вас приказом и обращусь к вам с призывом — и все в одном предложении, — сказал я. — Предложение такое: пусть каждый выполнит и вынесет то, что выполню и вынесу я сам.

К нам неуклюже подпорхнул Орлан с телохранителями:

— Кто пойдет первым в колонне?

— Я пойду первым, — сказал я.

Мы двинулись в непонятную дорогу — цепочка головоглазов, окружившая кольцом колонну. Орлан с телохранителями внутри цепочки, за ними я, за мной Мэри с Ромеро, Осима, Петри и Камагин, а дальше другие пленники. Крылатые ящеры и авиетки с грузами завершали шествие. Орлан временами оборачивался, нетерпеливый крик: «Скорей! Скорей!» подхлестывал нас, как плетью.

С тех пор прошло много лет, давно нет Орлана, скоро и меня не будет, но крик этот «Скорей!» доносится ко мне не стертым голосом воспоминания, он возникает живой, властный, грубый, и я опять, как в те дни бесконечного пути к Станции, испытываю ярость и отчаяние. Тысячи новых событий и чувств нарождаются ежесекундно — старые вечно живут.

— Скорей! — кричал Орлан, увеличивая размах прыжков.

Я старался не глядеть на угнетающий блеск пустыни со свинцовыми скалами, вспучившимися на золотой подстилке. Вначале я поднимал вверх лицо, чтоб ориентироваться по Оранжевой, медленно катившейся по золотому небу, но небо было еще томительней, чем планета. Я шел, ощущая, что и стоять здесь тяжко, а двигаться десятикратно тяжелее,

стокилограммовые тумбы ног почти не сгибались.

Петри открыл, что надо не ходить, а скользить, и вскоре все мы двигались, словно на лыжах. Но и скользя по гладкому металлу, мы не могли угнаться за неутомимо ползущими головоглазами — на них одних не действовала плохо тяжесть — и за неуклюже скачущим Орланом.

— Скорей! — кричал он все яростней, и каждый выкрик сопровождался гравитационными оплеухами охраны.

Нас подгоняли бесцеремонно, свирепо. А когда мы огрызались, понукания усиливались. За моей спиной постепенно погасали звуки — стоны и ругательства людей, шелест крыльев ангелов, охи драконов и злой визг пегасов. Огромное, ожесточенное, ненавидящее молчание простиралось позади — мы презирали врагов молчанием, молчанием восставали против них. И как это ни странно, с течением времени идти становилось не труднее, а легче, мы втягивались в движение…

Зато когда Орлан скомандовал первый привал, все повалились, где шли. Всех моих сил хватило лишь на то, чтоб приплестись к месту, где села Мэри. Она хрипло дышала, глаза ее запали. Она прошептала:

— Ничего, Эли, я держусь. Но Астру плохо.

Астр приблизился вместе с Трубом. Могучий ангел в дороге пытался нести Астра, но тот не разрешил Трубу даже поддерживать себя.

— Я вынесу все, что вынесешь ты, — прошептал Астр на мои упреки и бессильно опустился рядом с Мэри.

Он был так измучен, что говорил, не открывая глаз. Губы его почернели, щеки ввалились. Астр переоценивал свои силы. Я строго сказал:

— Ты не только мой сын, но и член экипажа «Волопаса». Ты обязан подчиняться моим приказам.

— Я подчиняюсь, — прошептал он и с трудом приподнял веки.

У него были мутные глаза.

— На следующем переходе примешь помощь Труба.

Все остальное время отдыха мы пролежали без движения и без разговоров, даже мыслями не обменивались.

В середине второго перехода закатилась Оранжевая.

Впоследствии мы наблюдали ее уход часто, и он перестал волновать, но в тот раз мрачная пышность заката нас потрясла.

Когда светило коснулось горизонта, в однотонно золотом небе вдруг забушевали краски. По небу, как цвета побежалости по раскаленному металлу, пронеслись все мыслимые тона. Небо из золотого стало слепяще оранжевым — звезда сама пропала на

созданном ею фоне, — затем красным, темно-красным, зеленым и голубым, а под конец все поглотила сумрачная фиолетовость. И на единой звезды не загорелось на менявшем краски, постепенно гаснувшем небе! Оно становилось черным, только черным, ни малейшая искорка не нарушила зловещей черноты.

И это было так удивительно и страшно, что, несмотря на истерзанность, мы возбужденно обменивались мыслями и словами.

— Ни одного луча наружу, ни одного луча к нам, полностью выпали из Вселенной! — воскликнул не то голосом, не то мыслью Ромеро. — Даже в древних преисподних было больше проходов в мир.

— Очевидно, об этом и говорил Альберт, что звезда Оранжевая выпадает из пространства, — донеслась удивленная мысль Камагина.

Ему не верилось, что мы замкнуты в пространственной улитке, пока он своими глазами не убедился в отсутствии звезд.

Петри больше интересовали деловые вопросы.

— Интересно, что происходит во внешнем мире, когда мирок Оранжевой превращается вот в такую «вещь в себе»? А ведь что-то происходит. Как по-вашему, адмирал?

— Не знаю, — ответил я без охоты. Все мои душевные силы сконцентрировались на том, чтоб не сбиться с шага, я один не вмешался в обмен мнениями. — Будем живы — узнаем.

В темноте разгорались перископы головоглазов. Вскоре они одни освещали планету — цепочка сумрачных огней, то медленно усиливающихся, то тускнеющих, то повелительно вспыхивающих. Временами изменения яркости наступали сразу у многих — будто ветер раздувал и гасил факелы.

— Скорей! Скорей! — понукал голос Орлана.

Он назначил второй привал. Авиетки с припасами переползали от ряда к ряду, и мы подкрепились. После еды снова раздалась команда:

— Собираться! Скорей!

Мы опять шли, обессиленные, по черной холодной планете, под черным холодным небом, освещенные, как раздуваемыми ветром факелами, неровным светом перископов, и нас подгонял яростный, как удар бича, окрик: «Скорей!»

6

Ночь длилась бесконечно, и какую-то часть ночи мы спали, а остальное время двигались, озаряемые призрачным сиянием перископов.

Утро застало нас на привале. Небо из черного стало фиолетовым, потом голубым и зеленым, краски на восходе менялись так же пышно, как на закате, а когда выкатилось небольшое, с апельсин, злое светило, все вверху снова стало однотонно золотым, все вокруг — до боли металлическим.

Астр лежал между мной и Мэри. Я потряс его за плечо, он с усилием открыл глаза, попытался встать, но не сумел и опять закрыл глаза. Он посинел весь, уже не одним лицом, а грудью, руками, шеей… Он прошептал, и я скорее угадал, чем услышал:

— Мама, ты заразила планету жизнью?

Она поспешно сказала:

— Да, миленький. Пока ты спал, я привила жизнь планете. Не тревожься.

Авиетка с припасами подошла к нам, я попытался покормить Астра, но он отказался от еды, он не хотел есть, а если бы и захотел, то не смог бы жевать.

— Мы скоро потеряем сына, — сказал я Мэри.

Я слышал свой голос словно со стороны — деревянный, безучастно спокойный. Мэри поглядела на меня, но ничего не сказала. Все эти ночные часы она мужественно шла за мной, я не слышал от нее ни слова жалобы, ни стона, теперь же, при свете встающей жестокой звезды, видел, во что обошлась ей ночь. Если Астр весь посинел, то она вся была черная.

Я отозвал Ромеро. Мы несчастные существа, современные люди, сказал я. Мы победили болезни, нас опекают могущественные машины. Но лишенные механических помощников, мы беспомощны. В древности люди росли более цепкими к жизни. Вы один среди нас знаете древность. Вспомните какой-нибудь старинный рецепт спасения! Их было так много, восстанавливающих жизнь рецептов — массажи, переливание крови, гипнотические внушения, какие-то штуки, называвшиеся лекарствами.

Он с печалью покачал головой:

— Лекарств от перегрузок тяжести и древние не знали. Если хотите знать мое искреннее мнение, есть лишь один способ спасти Астра — и осуществление зависит от вас…

— Павел, все, что в моей воле!..

Он сказал очень настойчиво, но то, что он сказал, было, быть может, единственным, не подвластным моей воле:

— Вы должны увидеть новый вещий сон — и узнать из него, куда нас с такой поспешностью гонят, зачем, для чего… Поверьте моей интуиции, дорогой друг, только это…

К Астру подошли Лусин и Труб. Лусин вел под руку согбенного Андре. Труб взял Астра, мальчик покоился на одном

крыле, другим ангел прикрывал его от палящей звезды. Астр посмотрел на Труба, но не узнал его, и лишь когда перевел взгляд за меня, к нему вернулось понимание. Он слабо улыбнулся.

— Не беспокойся! — прошептал он. — Я вынесу…

Я отвернулся, а когда снова посмотрел на Астра, он был без сознания.

— Не беспокойся, Эли! — повторил Труб слова Астра. — У меня хватит сил нести твоего сына.

— У тебя не хватит сил, — возразил я. — Ты сам пошатываешься и задеваешь крыльями грунт. Его надо положить на авиетку.

Я попросил у Орлана одну из авиеток для Астра и Мэри. Взять авиетку Орлан разрешил, но поместить ее среди людей отказался: машины должны следовать позади колонны пленников. Труб и Осима уговаривали меня не отдавать Астра в полную власть зловредов. Труб схватил Астра и показал, что нести мальчика ему не трудно.

— Сегодня меньше давит к грунту, Эли!

— Гравитация ослабевает, — подтвердил Осима.

Их уговоры подействовали на меня, тем более что и Мэри совсем не хотелось оставаться одной среди врагов.

Труб с Астром занял место между Мэри и Осимой.

Когда мы двинулись в путь, ко мне подобрался Лусин.

— Правильно, Эли, — сказал он. — По очереди будем. Драконы. Один пегас. Очень сильный. Не беспокойся. Донесем.

— Куда донесем? Куда? — спросил я. Меня захлестнуло отчаяние. Погляди вокруг, Лусин. Нигде нет места, даже чтоб вырыть могилу — золото и свинец, свинец и золото! Нигде, Лусин, нигде!

7

В тот переход я двигался, не видя ни планеты, ни неба, ни бешено пылающего светила, ни людей, ни зловредов. Я был в своем собственном мирке, так глухо отгороженном от внешнего, как Оранжевая отгородила себя от всей Вселенной. И во мне кипела такая буря, что я шатался и сникал уже не от тяжести, а под давлением раздирающих душу мук. Всеми мыслями, всеми ощущениями, страданием тела, пытками души я призывал того неведомого друга или друзей, что внушали пророческие сновидения. Я не знал, существуют ли они реально, не бред ли самая мысль об их существовании, но звал их, молил явиться, упрашивал просветить меня… Помогите, просил я с молчаливым рыданием, помогите, сейчас нужна ваша помощь!

— Как Астр? — спросил я у Мэри, когда Орлан скомандовал очередной привал. Труба рядом с ней не было.

Мэра молча подвела меня к дракону, ползшему среди людей, на спине дракона лежал неподвижный Астр. Я гладил сыну руки, разговаривал с ним, он не откликался, и я знал уже, что он не откликнется, он медленно уходил совсем…

— Эли, тебе надо отдохнуть, — тихо сказала Мэри.

Я отошел, и место около Астра заняли Лусин и Андре. Я обернулся: Лусин что-то, как я перед тем, говорил Астру и гладил его руки, а Андре стоял, понурившись. Мэри тихо плакала. Я думал, что мне стало бы, наверно, легче, если бы я сумел заплакать, но в теле моем не было ни капли воды на слезы, я был увесь иссушенный — жестокое пламя палило меня.

Ночь застала нас на третьем переходе этого дня. Когда звезда закатилась, Орлан скомандовал ночлег. Астр был все такой же — недвижим, бесчувствен. Но хуже ему не стало — и это показалось мне хорошим предзнаменованием. Он по-прежнему лежал на спине дракона.

«Завтра гравитация станет меньше», — подумал я. Я постоял около Астра и вдруг почувствовал, что теряю сознание.

Я провалился в сон, как в люк. И еще не отрешенный полностью от яви, я уже весь был во сне. Я увидел как бы со стороны, что переношусь за охранную цепь головоглазов, в тот конец лагеря, где размещались враги. И сам я внезапно трансформировался из человека в разрушителя. Я шел по ночному лагерю рядом с Орланом — теперь я был одним из его стражей, одним из тех двух, что всегда сопровождали его, второй куда-то отдалился, — и Орлан тихо шепнул мне:

— Запоминай каждое мнение — это важно, Крад…

— Да, — сказал я с угрозой, я ясно слышал в своем голосе угрозу, Орлан ведь не знал, что я вовсе не Крад, а Эли. — Я все запомню!..

И скоро вместе со мной, человеком, обернувшимся разрушителем, началось совещание военачальников и охраны.

Глухая ночь простиралась над планетой, издалека доносились смутные шумы, пленные стонали, всхлипывали и разговаривали во сне, пегасы и драконы тяжело ворочались, а мы сидели в золотой ложбинке, прикрытые скалами из свинца, освещенные сумрачным сиянием головоглазов.

Я плохо видел тех, кто подавал голос из тьмы, но одного хорошо различил — огромного невидимку неподалеку, он был на добрую голову выше любого из разрушителей. Около него разместились еще два невидимки, поменьше.

— Положение осложняется, — открыл совещание Орлан. —

Нужно принимать важные решения.

— Повтори, что ты знаешь, Орлан, — попросил огромный невидимка. — Действенные решения без точной информации не удадутся.

— Уничтожить всех пленных — вот единственное решение, — резко сказал второй охранник Орлана. Сейчас он держал себя скорее начальником, чем безмолвным телохранителем, каким я его знал. Я вдруг осознал, что ни разу как следует не видел его лица. Было темно, и я не разглядел его и сейчас.

Орлан покосился на второго охранника, но промолчал.

— Понимаю твое желание, Гиг, — обратился он к рослому невидимке, — но вряд ли смогу добавить нового, связи со Станцией по-прежнему нет. Мы двигаемся вслепую, действуем вслепую.

— У нас есть программа священных идей Великого разрушителя, эта программа освещает любую тьму, — еще резче сказал второй охранник.

— Да, конечно, идеи Великого освещают любую тьму, — согласился Орлан.

— И они — единственный луч света в сгустившейся вокруг тьме. Может быть, не помешает, если я вкратце повторю, что мы знаем и чего не знаем.

Он начал с человеческого флота, штурмующего Персей. Люди аннигилировали второе космическое тело. Великий разрушитель перенес резиденцию на Натриевую планету, удаленную от района, где бушует война. Нынешнее убежище Великого тоже не безопасно, в звездных просторах вокруг Натриевой немало поселений галактов, — если извечные враги разрушителей осмелятся покинуть свои крепости, положение станет грозным…

— Не пугай, Орлан! — прервал второй охранник. — Пусть тебя не тревожит судьба Великого. Жалких людей ждет гибель, если они проникнут за наши космические ограды, а галакты помощи им не окажут. Так решил Великий. Надеюсь, ты не берешь под сомнение прогнозы Великого?

— Ни в коем случае! — поспешно оказал Орлан.

— Тогда поговорим о нашем положении и не будем заниматься положением Великого, это нам не по рангу.

— Все непонятно на Третьей планете, — сказал Орлан. — Раньше к ней не мог приблизиться ни один космический корабль, теперь она сама засосала «Волопас». Причаливший звездолет не уничтожен охранными полями, пленники и разрушители тоже пока живы — такого доброго приема еще не встречал никто.

Вместе с тем механизмы Станции действуют, гравитация меняется закономерно. Мы попали при высадке в опасную зону,

часть ее прошли, но еще немалый путь до мест более спокойных. На Станции снова неполадки, иного объяснения нет. Когда биологические автоматы Станции справятся с аварией, мы будем все уничтожены, если не преодолеем к тому времени опасную зону. В поясе живой охраны мы объясним солдатам Станции наше появление. Наша задача: добраться до Станции, чтобы сохранить свои жизни.

— И жизнь пленных, — высказался огромный невидимка.

— Это не обязательно, — отпарировал второй охранник. — Директива Великого разрешает расправиться с пленными в момент, когда в том возникнет нужда. Я считаю, что такая нужда возникла — хотя бы по одному тому, что никого из них нельзя подпускать к Станция даже на отдаление светового года.

— Нам тоже запрещено появляться в районе Станции, — заметил Орлан. — И если бы мы очутились здесь по своей воле, нам грозило бы всем одно наказание — смерть…

— Ты правильно выразился, Орлан: мы здесь не по своей воле. И мы друзья, а они — враги. Не вижу причин возиться с пленными дальше.

— Может, разделиться на два отряда? — предложил невидимка Гиг. — Один движется с пленными, а второй спешит на Станцию и договаривается с Надсмотрщиком о безопасности для всех. Скажу по-солдатски, невидимкам не по душе приканчивать безоружных. Меня назначали в охрану, а не в палачи!..

— Я слышу в твоем голосе сомнение! — проговорил телохранитель Орлана. — Ты, кажется, осуждаешь священнейшую идею Великого: разрушение — основа прогресса, высшая цель развития. И поэтому всеобщая война и истребление всего живого — идеальное воплощение могущества жизни.

— Я солдат, а не философ. Одно дело — уничтожение врага в бою…

— Я понял тебя, Гиг. Все ли невидимки разделяют сомнения своего начальника?

Оба невидимки встрепенулись и одинаково сказали одинаковыми голосами:

— Мы исполним любой приказ. Пусть Орлан решает.

— Что скажут начальники головоглазов? Появилось ли у них сомнение?

Один из головоглазов поспешно высветил перископом:

— Мы с негодованием отвергаем любое сомнение. Когда Орлан прикажет убить пленных, жизни их придет конец.

В разговор снова вмешался взволнованный Гиг:

— Меня превратно поняли. Я уничтожил бы себя самого, если

бы заподозрил себя в сомнении. Моя преданность идеям Великого воистину не знает границ.

— Я так тебя и понял, Гиг, что твое послушание безгранично. По рангу решение принадлежит Орлану. Мы надеемся, Орлан, что твой приказ будет отвечать вдохновляющему духу прогрессивных разрушительных идей Великого, о которых так прекрасно говорил перед тобой Гиг.

— Можете быть уверены!.. Мое решение таково. Мы совершим еще два перехода по старой схеме, чтобы сохранить души пленных для последующего истребления в них всего человеческого, такова одна из идей Великого — внести в мозг пленных бациллы духовного гниения…

— Пусть эта побочная вредоносная идея Великого не заслоняет других его…

— Да, да, ты прав, пусть не заслоняет! Итак, если обстоятельства не изменятся, придется уничтожить пленных. Как практически это совершить? Я хотел бы послушать военных специалистов.

Один головоглаз засветил перископом:

— Отделить людей от крылатых. Без людей крылатые не опасны. Не забывайте, что с воздуха мы защищены хуже, а гравитация с каждым переходом падает и скоро они смогут летать.

— Отделяем людей от крылатых, — решил Орлан. — Дадим людям заснуть и во время сна истребляем их. После гибели людей ангелы и пегасы с ящерами не будут опасны. Мы расправимся с ними запросто.

— Великолепный план! — одобрил второй телохранитель. — Узнаю почерк Великого, недаром ты, Орлан, числишься среди любимых вельмож!.. Будь покоен, о твоей верности священным принципам зла и всеобщего уничтожения оповестят все органы Охраны Злодейства и Насаждения Вероломства…

Я вскочил, каждая жилка во мне вибрировала.

Вокруг простиралась мертвая металлическая равнина — золотые поля, свинцовые холмы, вверху постепенно разгоралось золотое небо, глухое небо, не соединяющее нас со Вселенной, а отгораживающее от нее, и к барьеру неба медленно подкатывалось крохотное, зловещее солнце. Только сейчас, не мыслью, а чувством я ощутил природу этого мира — он был убийственным!

Около меня сидел Ромеро.

— Почему ты так вскочили, дорогой друг? Вам снился важный сон?

— Да, этот… как вы его называете? Информационный!

— Я предпочитаю старинное слово — вещий. Перейдем для осторожности на прямой обмен мыслями.

Я рассказал Ромеро обо всем, что удалась разведать во сне. Ромеро закрыл глаза, задумался.

— Гротескность беседы, вероятно, плод вашей иронической природы, друг мой. Но похоже, что в стане врагов разлад… Если разрешите, я поговорю обо всем этом с капитанами кораблей. Такое совещание лучше провести мне, а не вам, ибо если за нами следят, то за вами — бдительнее, чем за любым другим.

— Я согласен. Действуйте.

Ромеро удалился, а я занялся Астром. Возле безжизненного Астра сидели Андре и Мэри. Она подняла на меня измученные глаза, и я понял, что сыну по-прежнему плохо. Я молча опустился в ногах у Астра.

— Ни разу не приходил в сознание, — сказала Мэри.

Я не ответил. Любое мое слово могло подействовать нехорошо. Ей было хуже, чем мне. Вскоре подошел Лусин, и только тогда я заговорил:

— Потолкуй с Ромеро, Лусин, он тебе кое-что сообщит.

— Уже, — ответил Лусин. — Подготавливаемся. Все так перемешаются, люди и ангелы, что никакой черт их не рассортирует. Остальное тебе сообщит Ромеро, — передал Лусин.

Я показал глазами на безучастно сидевшего Андре.

— О чем-то думает, не находишь? Такое впечатление, что ловит какую-то недающуюся мысль. А в дешифраторах на его излучениях одни шумы…

— Мозг не работает, — подтвердил Лусин.

Вдали показался Орлан. Я встал. Лусин крикнул ящера, но подошедший Труб объявил, что понесет Астра он. Лусин возразил, что Труб уже много нес мальчика, надо ему отдохнуть. Ангел запальчиво заспорил с Лусином. Я оборвал их спор:

— Понесу Астра я.

8

Астр не открыл глаз, когда я брал его на руки, но по лицу его что-то неуловимо пробежало. Дышал он быстро и часто, мелкими, не наполняющими легкие вздохами, но сердце стучало так сильно, что я ощущал руками его удары. В излучениях мозга было одно неясное бормотание: «ба, ба, ба…» Мозг повторял работу сердца, он переводил его стук на язык невысказанных слов.

Я занял место в голове колонны и, лишь пройдя сотню шагов, заметил, что не один. Справа от меня шагал Андре, слева — Мэри. Я поглядел на них и сказал Мэри:

— Лучше бы тебе идти позади.

— Я буду с Астром, — ответила она.

Андре, когда я досмотрел на него, боязливо отстал, но через минуту опять стал рядом. Я ему ничего не сказал.

Астр был тяжел, у меня онемели руки. Я боялся, что не смогу его долго нести, и знал, что никому его не передам, когда у него так нехорошо бьется сердце. За моей спиной встал Ромеро и тихо проговорил:

— Не оборачивайтесь, адмирал, я ориентирую вас мысленно в наших планах. Камагин опять настаивает на восстании, мы согласились с ним. В момент, когда Орлан подаст команду людям отделяться, мы набросимся на стражей и перебьем всех, кто не перейдет на нашу сторону.

Я выразил сомнение. Безоружные люди не справятся и с одним головоглазом. Возбудить сперва междоусобную схватку в стране противника и затем поддержать друзей — лишь такие действия могут иметь успех.

— Замысел ваш превосходен, Эли, но беда в том, что сами они вряд ли начнут драку между собою. Зато когда драку начнем мы, размежевание произойдет тотчас же. И вы ошибаетесь, что мы безоружны. Камагину удалось погрузить в авиетку некоторое количество индивидуального оружия — ручные лазеры, гранаты, электрические разрядники.

— Наше оружие против невидимок недейственно, Павел. Проклятые невидимки — вот что всего страшнее!

— Всего страшнее — бездействие, адмирал, надеюсь, вы согласитесь с этим. Кстати, вы обратили ли внимание на самодвижущиеся ящики? Осима утверждает, что в них запаковано боевое оружие. Не исключено, что содержимое ящиков, если их захватить, удастся использовать против невидимок.

— Да, если нам дадут захватить, распечатать, изучить, освоить… Много «если», Павел.

— Вы отказываетесь дать санкцию на восстание, Эли?

— Санкцию я даю. Кто поведет нас?

— Мы предлагаем Осиму, а в помощники — Петри и Камагина. Крылатыми будут командовать Лусин и Труб. Нападение произведем с воздуха, надо же использовать слабые стороны противника.

— Резон тут есть, конечно.

Ромеро отошел. Оранжевая поднималась выше, и от поверхности планеты плыл жар. У меня путались мысли. Я слышал чей-то шепот, кто-то пытался заговорить со мной.

Блеск грунта и неба становился резче, а мне казалось, что надвигаются сумерки. Я раньше не понимал смысла старинного

выражения «потемнело в глазах», оно же вовсе не было языковой фиоритурой.

Я споткнулся, едва не выронил Астра. Мэри схватила меня под руку.

— Ты очень побледнел, Эли, — сказала она со страхом. — Я позову Лусина.

— Не надо, — пробормотал я. — Справлюсь.

Мне, однако, становилась хуже. Я перестал ощущать Астра, на руках лежала тяжелая вещь, а не живое тело. Надо было остановиться, вслушаться в его дыхание, сообразить, чем можно помочь. Но впереди прыгал Орлан, оттуда слышалось повелительное: «Скорей! Скорей!» — и я шел, сжат зубы, задыхаясь от ненависти к Орлану, повторяя про себя одну мысль: «Не упасть! Только не упасть!»

— Не смотри на него так — он живой! — проговорила Мэри.

— Не упасть! — повторил я вслух. Астр дышал мелко и часто, сердце билось тише, чем прежде, но отчетливей. И если бы не синева щек и рук, я подумал бы даже, что ему стало лучше. — Да, он живой, — сказал я Мэри.

До моей руки дотронулся Андре. Я посмотрел на него и понял, что к нему возвращается разум. Глаза его были скорбны, но не безумны.

— Дай… мне… — с трудом сказал он и показал на Астра. Он мучительно искал забытые слова, лицо его страдальчески морщилось от усилий. — Дай… я…

— Меня зовут Эли, Андре, — сказал я. — Вспомни: я твой друг Эли.

— Дай… — повторил он упавшим голосом. Он не вспомнил меня.

— Потом, Андре, — ответил я. — У меня еще есть силы нести сына.

Он больше не обращался ко мне и шел, опустив голову, рыже-красные локоны двигались, как живые, и закрывали лицо. Я знал, что сейчас Андре ищет слова, что слова не шли на язык, странный шепот в моем мозгу, показавшийся мне голосом разрушителя, исходил из глубин его черепной коробки. Я не обрадовался, так мне было все тяжело, я лишь сказал Мэри:

— Безумие его, кажется, постепенно проходит.

— Твой друг давно уже не безумец. И если ты дашь ему Астра, он его не уронит.

Отдать Астра я не мог даже Мэри.

— Ладно. Скоро привал.

На этот раз привал вышел длинный. Орлан куда-то исчез и долго не возвращался. Около меня присели капиталы и Ромеро.

Осима с той же энергией и четкостью, с какими командовал кораблем, подготавливал мятеж.

Ручные лазеры были вручены во время раздачи еды, я тоже получил эту игрушку. Я говорю «игрушку», ибо против невидимок они неэффективны, хотя головоглазов поражали.

— Взять противника на абордаж, приставить пистолет к уху и хладнокровно опустить курок — так, кажется, воевали в ваши времена? — сказал я Камагину, усмехнувшись.

Он возразил, пожав плечами:

— В мое время уже сто лет не было войн. Мы сносили горы и осушали моря, колонизировали планеты и первые двинулись к звездам. У вас пробелы в истории, адмирал.

— Не сердитесь. Я не хотел вас задевать, Эдуард.

— Я иногда удивляюсь вам, но никогда не сержусь, — возразил он. В отповеди был намек, но я не разобрался в нем.

— Итак, две возможности: или сегодня ночью, или завтра утром, — сказал Осима. — У нас все готово, адмирал.

— Я бы на месте разрушителей выбрал ночь, а не утро, — заметил Петри.

— Перещелкать нас во время сна этичней.

— Этичней? — переспросил я, удивленный. — Не понимаю.

Он разъяснил с обычной своей флегматичной обстоятельностью:

— Судя по всему, что мы знаем о них, и по информации ваших снов, у них минус-этика. И все, что мы считаем отвратительным, у них возведено в доблесть. Органы Охраны Зла и Насаждения Вероломства, — разве вы этого не слыхали от них самих?

— Вы, кажется, думаете, что я реально присутствовал на совещании зловредов? Даже правдивая информация может облекаться в фантастические одежды… Откровение совершалось в бреду, не забывайте этого. Ромеро считает, что я и во сне иронизировал.

Петри не повышал голоса, но от своего не отступал. Он был невозмутимо упрям.

— Все что угодно можно объявить иронией и бредом, но не любовь зловредов ко злу и не их верность вероломству и подлости.

Золотое небо превратилось в черное. Оранжевая укатилась за горизонт. Вокруг лагеря пленных замерцали огни сторожевых головоглазов. Приказа об отделении людей от других пленников не раздалось.

Я оставил Астра на попечение Мэри и прошелся по лагерю.

Люди были перемешаны с пегасами и ящерами, чтоб по

сигналу могли сразу вскочить на спины крылатых и мчаться в сражение.

Осиму и Петри я застал у драконов. Вместе с другими пленниками они прилаживали на спины ящеров ящики, набитые незнакомыми мне металлическими цилиндрами.

— Старинные ручные гранаты, — пояснил Осима. — Их было множество на звездолете «Менделеев», Эдуард некоторое количество их прихватил на «Возничий», а оттуда переправил на «Волопас». Основная масса гранат сдана в земные музеи, но эти послужат нам. Пользоваться ими просто, Камагин нам показывал.

Самого Камагина я застал у ангелов. Он беседовал с Трубом, перед ними лежал ящик с такими же гранатами. Труб радостно приветствовал меня. Ангел пылко рвался в бой.

— Лазеры ангелам раздавать не будем, — сообщил Камагин. — Эта техника им не по духу, но ручные гранаты и разрядники, по-моему, просто созданы для ангелов, так они ловко обращаются с этим оружием. Попади-ка вон в то пятнышко, Труб.

Труб схватил что-то с грунта и метнул в золотой самородок, тускло поблескивающий в свинцовой скале. Я испугался, что тотчас же разразится взрыв, и на шум сбегутся разрушители. Но Труб использовал для упражнений кусок золота, валявшийся под ногами. Все ангелы отличаются дьявольской зоркостью, а Труб и тут превосходил крылатых собратьев: один кусок золота вонзился в другой так прочно, словно они были приварены.

Труб гордо закутался в крылья.

— Зловредам придется несладко, когда мы нападем с воздуха, — объявил Камагин, сияя.

Я прошелся по сектору ангелов и ни одного не увидел спящим, все упражнялись в метании. И в отличие от обычного шума, царящего в любом сборище ангелов, здесь, на ночном учении, было мертвенно тихо, только влажные удары свинца о золото и золота о свинец нарушали кажущееся спокойствие.

— Люди шьют карманчики для ангелов, — информировал меня Камагин. — Каждый на пяток гранат, а привешивать карманчики будем под крылья, там они незаметны.

Во время ночной прогулки по лагерю я набрел на Ромеро.

Он мирно спал на золотом ложе, примостив под голову кусок свинца. Я уверен, что если бы его приговорили к казни, он не преминул бы хорошенько выспаться в последнюю ночь. «Больше случая для сна мне не представится, как же не воспользоваться этим, не так ли, дорогой друг?» — сказал бы он, наверно…

Еще одна встреча, уже не забавная, а зловещая, произошла в ту ночь. Я чуть не напоролся в темноте на Орлана.

Он шел без телохранителей, лицо его призрачно

фосфоресцировало, он, видимо, как и я, обходил лагерь, но только снаружи. Я поспешно отошел, не завязывая разговора. В темноте, скудно озаренной перископами головоглазов, быстро погас его светящийся силуэт.

Мэри спала, обняв рукой Астра. Астр дышал, но очень слабо.

«Завтра, — говорил я себе, засыпая. — Завтра утром… Гравитация уменьшается…»

9

Утром Астр умер.

Меня разбудил крик Мэри. Вскочив, я выхватил из ее рук сына.

— Нет! — кричала Мэри, хватая себя за голову. — Нет, только не это!

Я качал Астра, звал, умолял услышать меня. Последним усилием жизни он раскрыл глаза, потом по телу его прошла судорога, и он вытянулся у меня на руках.

Он лежал, одеревенелый, холодеющий, всматривался в меня невидящими глазами, все эти дни и часы перед смертью он не открывал глаз, а сейчас, умирая, открыл их, чтобы в последний раз поглядеть на мир, — и не увидел мира…

На крик Мэри сбежались люди, рядом тяжело опустился Труб. Я держал Астра по-прежнему на руках, но глядел на Мэри. Она упала, захлебываясь слезами. А я снова думал о там, что мне природа отказала в этом скорбном умении — выплакивать свое горе.

Мои предки горевали и утешались рыданием, ликовали и открывали душу слезами, гневались и сострадали плачем, слезы омывали их души над трупами близких, в минуты ярости, над чувствительной книгой, от трогательного слова, от страшного известия, от неожиданной радости… А мне, их потомку, этой спасительной отдушины не дано, глаза мои сухи…

— Эли! Эли! — донесся до меня шепот Андре. — Эли, он умер?

По лицу Андре катились слезы.

— Он умер, Андре, — оказал я. — Он был на три года моложе твоего Олега.

— Он был на три года моложе моего Олега, — тихо повторил Андре. Он вслушивался в свои слова, будто их произносил кто-то другой, даже слезы от напряжения перестали течь. Потом он умоляюще протянул руки: — Дай мне его, Эли.

Я передал ему Астра и опустился за колени рядом с Мэри, обнял ее плечи, гладил ее волосы. Но я не мог обратить к ней ни

одного слова утешения: любое слово прозвучало бы ложью — утешения быть не могло. Вокруг нас стояли друзья — молчаливые и печальные. Мэри наконец перестала плакать, вытерла лицо и поднялась.

— Что сделаем с ним? — спросила она устало. — Здесь хоронить негде.

— Будем нести, — ответил я. — Будем нести до места, где можно вырыть могилу или где мы с тобой сами умрем.

Труб с силой ударил меня крылом. Кипевшая в нем ярость вдруг вырвалась диким клекотом:

— Если вы не отомстите, люди!.. Одно, Эли, — мстить, мстить!

Я посмотрел на Астра, Андре покачивал его на руках, как живого, что-то шептал ему, тихо плача. Я сказал:

— Еще многие из нас умрут, Труб, прежде чем люди сумеют мстить. Когда эта возможность появится, им, я надеюсь, не захочется мести.

Я еще не видел вспыльчивого ангела в таком бешенстве. Он вздыбился надо мной, свирепо растопырил крылья. Он очень любил Астра.

— Ты не отец, Эли! Ты не отец своему детищу, Эли!

Мне стоило тяжкого труда ответить спокойно:

— Я уже больше не отец. Но я еще человек, Труб.

Только сейчас Ромеро и Лусин заметили, что Андре в сознании. Труб выхватил малыша из рук Андре. Лусин и Ромеро обнимали Андре, к ним присоединялись другие. Андре узнал Ромеро и Лусина сразу, а Осиму вспомнил, когда тот назвал себя.

Радость перемешалась с печалью, я видел счастливые улыбки и слезы горя, только сам не мог ни улыбаться, ни плакать.

Мне надо было подойти к Андре и поговорить с ним, от меня он вправе был от первого ждать поздравлений, но я не мог сделать над собой такого усилия и стоял в сторонке.

— Потом поговорите, — сказал Лусин, со слезами глядя на меня. — После восстания.

— Да, потом, — согласился я равнодушно. Нужно было собрать мысли, а мысли все не собирались. — Ты объясни Андре наше положение, но не пичкай сразу большим количеством новостей.

Я хотел забрать Астра, но Труб не дал. Когда Орлан подал команду к выступлению, он с Астром на скрещенных черных крыльях занял мое место впереди. Мы с Мэри шли за ним, то я ее поддерживал под руку, то она меня — дорога на этом переходе выпала трудная, мы с Мэри часто спотыкались. Труб нес Астра до привала, а потом положил возле нас. Астр был как в жизни, лишь

потемнел и похудел, и мускулы тела стали тверже, он постепенно окаменевал, ссыхаясь.

Мы с Мэри лежали по один бок Астра, на другом ворочался и гневно вздыхал Труб. Мэри касалась меня плечом, ни разу до того я не чувствовал так больно и сильно нашей близости. Друзья в этот привал не подошли к нам, и я был им благодарен, мне было бы трудно разговаривать.

До вечера Астра нес я, а когда звезда стала склоняться и золотое небо забушевало красками, Орлан раньше обычного отдал приказ остановиться. Он позвал меня. Я положил Астра на грунт и обнял Мэри. Она прижалась головой к моему плечу. Она уже знала о восстании.

— Люди дальше будут двигаться отдельно от крылатых, — объявил Орлан. — Перестройку приказываю закончить до темноты.

Я хмуро вглядывался в Орлана и его телохранителей. Один из телохранителей был наш злейший враг, а другой, вероятно, друг, но ни по какой черте в их стертых лицах, как у статуй, пять тысячелетий пролежавших в земле, я не мог определить, кто из них кто. Орлан синевато фосфоресцировал лицом, был, как обычно, бесстрастно холоден.

— Будет исполнено! — ответил я и пошел к своим.

Тысячи глаз следили за мной — по ту границу лагеря перископы головоглазов, тайные глаза невидимок, разрушители-командиры, по эту — люди и крылатые друзья. Все движения вокруг оборвались, огромная горячая тишина простерлась над планетой. Осима и Камагин стояли возле рослых пегасов, Труб возвышался на голову над своими ангелами, Лусин восседал уже на спине дракона.

Все было готово к выступлению.

— Приказано разделиться! Очевидно, для нашей же пользы, — сказал я насмешливо. — Действуйте, как условились!

— За мной! — крикнул Осима, прыгая на пегаса. Пегас взметнул крылья.

— За мной! — эхом откликнулся Камагин, взлетая вслед за Осимой.

Он метнул гранату в сторону разрушителей, и грохнул первый взрыв.

10

Вспоминая эпопею в Персее, я вижу, что если кто и предвидел в стане противника наше восстание, то лишь тайные друзья, а враги были захвачены врасплох.

Пегасы с людьми на спинах и ангелы, предводительствуемые Трубом, мощной армадой обрушились сверху на заметавшихся головоглазов. Дымная стена взрывов оконтурила лагерь, в столбы пламени врывались кинжальные лучи лазеров. А когда в сражение подоспели драконы и молнии Громовержца сумрачно осветили темнеющий воздух, битва стала всеобщей. Удар отряда пеших с Петри и Ромеро во главе, расчищавших себе дорогу гранатами и лазерами, сразу прорвал цепочку головоглазов: сбитые в кучу, они образовывали каре и сражались в окружении.

Головоглазы, после начального ошеломления, защищались свирепо и самоотверженно, на грунт рушились пегасы и драконы, особенно досталось ангелам. Осатаневшие ангелы слишком быстро отделались от груза гранат и слишком понадеялись на силу крыльев: воздух, как туманом, заволокло белым и черным пухом.

Были ранены Труб и Лусин, Петри и Ромеро, легкие ранения получили Осима и Камагин, лишь Андре, сражавшийся в самой гуще схватки, чудом не пострадал.

Я поднялся на свинцовую скалу, выпиравшую из золотых недр, и осматривал поле боя. Я хорошо помню свое состояние в те минуты. Меня не радовали, а тревожили успехи, в них было много загадочного. Кругом нас сновали невидимки, грозные воины разрушителей, ни один пока не вмешался в бой ни на нашей стороне, ни против нас, — почему? Сражение было не так успешным, как странным, я его не понимал.

Внезапно я услышал знакомый голос, раздававшийся на этот раз не внутри меня, а снаружи, тот голос, какой много раз разговаривал со мной в сновидениях, я не мог не узнать его. «Эли, помоги! — надрывался голос. — Эли, помоги!»

Я кинулся на голос и в страшном волнении уже ничего не видел, кроме места, откуда доносился призыв, и ничего не понимал, кроме того, что спешу на помощь другу, быть может, самому искреннему и самоотверженному другу из всех, каких мы обрели среди противников.

— Эли, помоги! — все отчаянней взывал голос и вдруг оборвался.

И тут и увидел, кто звал меня на помощь. Труб с двумя бешеными ангелами атаковал Орлана с его телохранителями,

телохранители уже пали, Орлан еще защищался. Кричал он! Свирепая радость на миг пронзила меня, когда я увидел жестокого предводителя разрушителей, отчаянно отбивавшегося от собственной гибели, — и это чувство, вспыхнувшее и погасшее, было последним отблеском старого моего отношения к Орлану. Орлан повалился от тяжелого удара крыльев Труба. И в тот же миг, налетев вихрем, я упал на него и прикрыл своим телом. К нам с лазерами в руках бежали Ромеро и Петри.

— Эли, встань, я убью мерзавца! — рычал Труб и так двинул меня крылом, что я отлетел вместе с Орланом на метр.

И сейчас не понимаю, откуда у меня взялись силы не выпустить Орлана из рук. Ромеро схватил Труба за крыло, Петри встал между Трубом и мной.

— Угомонись, Труб! — крикнул Ромеро. — Ты едва не прикончил союзника.

Не знаю, что бы стал делать дальше Труб, если бы рядом не упал выявившийся невидимка. Это был такой же страшноватый скелет, как и тот, что мы захватили на Сигме, но еще живой. Невидимка стонал и корчился, грудная клетка его была страшно разворочена. Даже Труб понял, что сражение, завязанное нами, есть лишь часть широкого боя, кипевшего и в оптической яви и в физической невидимости. Труб махнул крылом на кучку оттесняемых головоглазов и крякнул ангелам:

— За мной! Кончать с прохвостами!

Мы с Петри помогли Орлану подняться. Орлан пошатывался, глаза его были закрыты, синеватое лицо почернело. Он с трудом стоял на ногах, с усилием говорил. Ангелы помяли его здорово.

Ромеро переложил лазер в левую руку и церемонно протянул правую:

— Разрешите вас приветствовать, дорогой союзник, в лагере ваших новых друзей.

Орлан хотел вытянуть вежливо шею, но и шее досталось в схватке, голова едва поднялась.

— Не такие уж новые. Мы с Эли давние знакомые.

— Значит, это был ты! — сказал я. — Ты, ты, Орлан!

— Это был я. Ты так ненавидел меня, Эли, что непрерывно думал обо мне. Это помогло настроить наши мозговые излучения в унисон.

Он с горестью показал на одного из телохранителей:

— Вот кто был вашим верным другом, но его уже нет.

— Сражение, — сказал Петри. — На вас не написано, кто враг, кто друг.

— Я не виню вас. — Волнение, зазвучавшее в его голосе, усмирилось, перед нами снова было то бесстрастное существо,

какое мы так часто видели.

— Мы виноваты сами. Мы хорошо подготовили сражение, но не позаботились о своей безопасности. Мы думали только о победе в бою.

— Подготовили хорошо сражение? — переспросил Ромеро. — Да, конечно… Но и мы, люди, кое-что сделали!

— Несомненно. Но нам пришлось поволноваться, пока вы не приняли внушенный вам план. Ваши мысленные переговоры, тайной которых вы так гордились, не были для меня секретом, а я делился ими с Гигом. Ему выпала самая трудная задача — завоевать невидимок удалось не всех. Но зато Гиг не дал тем, кто остался верен Империи Великого разрушителя, прийти на помощь головоглазам, — и это решает успех дня.

Ромеро с сомнением оглянулся. В воздухе метались одни ангелы, их резкие боевые крики слышались всюду. Пегасы и драконы лишь начали бой в воздухе, но не смогли долго пробыть в полете. Ромеро вежливо показал, подняв лазер, как трость, — лишь для боя он расстался с ней:

— Как жаль, уважаемый союзник, что мы лишены возможности познакомиться с воздушным… э-э… полем боя отважного Гига.

— Почему же? Сейчас я свяжусь с Гигом, и мы раскроем вам, что происходит в воздухе.

Я не заметил, чтобы Орлан совершил какие-то движения, очевидно, он связался с Гигом мысленно, но картина сражения вскоре разительно переменилась. Битва в третьем измерении была внушительней и ожесточенней той, что совершалась на плоскости. Над нами невидимка схватывался с невидимкой. Первого же взгляда было достаточно, чтобы понять, что одна группа невидимок, более многочисленная, одолевала вторую. Среди берущих верх я увидел исполинского Гига.

— Наши побеждают, — сказал Орлан. — Нет, сражение подготовлено отлично, Эли.

Ангелам и людям, теснившим одно из каре головоглазов, удалось расчленить его, и головоглазы рассыпались. Ползли они медленно, но сражались с прежней свирепостью.

Два ангела атаковали одного головоглаза, но он повергнул их метким гравитационным ударом. Ромеро и Петри бросились на помощь ангелам, но раньше их подоспел невидимка из наших. Удар сверху поразил головоглаза насмерть, а невидимка, описав дугу, возвратился в район воздушного боя.

— Много все-таки перешло к нам, — сказал я Орлану.

— Много. Ваши сторонники имеются уже на всех планетах Персея. Великий совершил великую ошибку, когда разрешил

трансляцию спора с тобой. Подданные Великого знают теперь от самих людей, чего от людей ждать.

Я показал на головоглазов:

— Эти и не думают изменять своему властителю.

— Головоглазы — охрана. Их воспитывают далеко от политики. Будет время — они тоже присоединятся к нам. Мощь Империи Великого держится не на них.

Сражение шло к концу. Разрозненные кучки головоглазов, обреченно пересвечиваясь перископами, оттеснялись друг от друга все дальше и погибали под соединенными ударами людей, ангелов и невидимок. Несколько сдавшихся невидимок брели под конвоем ангелов в центр лагеря, где Осима приказал разместить пленных. Туда же отводили прекращавших сопротивление головоглазов.

В последнюю группу сражающихся отчаянно врубался на огнедышащем драконе Лусин. Андре, тоже верхом, но на пегасе, орудовал лазерным лучом неподалеку от Лусина. Петри и Ромеро, заняв свои места во главе пехоты, методически теснили обреченную кучку. А когда на нее обрушились с воздуха ангелы и невидимки, участь головоглазов была решена.

Около Орлана и меня опустился усталый довольный Гиг.

— Гравитаторы на пределе, начальник, — сказал он Орлану. — На чертовой Третьей планете расход энергии в десять раз превышает норму. — Только после этого он обратился ко мне: — У людей, кажется, принято пожимать руки, давай руку, адмирал. — Он сжал мою ладонь со страшной силой и скорчил предовольную рожу, когда я охнул.

Сегодня невидимки никого не удивляют, они примелькались на стереоэкранах, туристы их породы не раз посещали Землю. Но в день, когда я впервые увидел эту радостно хохочущую абстракционистскую конструкцию, я еле справился с содроганием.

Гиг продолжал, весело загремев костями:

— Как мы тебе понравились в ратном деле, адмирал?

Я отвечал сдержанно. Я не знал, как держать себя с этим грохочущим, улыбающимся, ликующим скелетом.

Прошло немало времени, пока я убедился, что невидимки отличнейшие ребята, только вид у них очень уж страшен — и то по земным нормам, сами они довольны своим обликом, а людей, наоборот, считают конструктивно недоработанными, что, впрочем, не мешает им относится к людям с уважением. Я мог бы и не упоминать этих общеизвестных истин, но я веду рассказ о чувствах, испытанных в то время, когда все в невидимках было ново.

— Я познакомился с тобой в моих снах, Гиг.

Он загрохотал всеми костями. Я не сразу сообразил, что так невидимки хохочут.

— Познакомился, говоришь? Познакомили — и ценой немалых усилий! Ты, надеюсь, соображаешь, адмирал, что мы проводим свои совещания отнюдь не на человеческом языке и даже не в категориях вашей логики. Я уже не говорю об облике. Орлан, например, чаще является в виде тени, чем в виде тела. Кстати, дружище Орлан, почему ты забросил свой облик призрака, что-то на Третьей я тебя ни разу не видел в этой форме?

— Аппараты для оптической трансформации остались на исчезнувших звездолетах.

— Правильно, они на звездолетах. Там же и наши запасные гравитаторы. Черт знает что такое, благородному невидимке придется вскоре ползти, как презренному головоглазу! Так вот, адмирал, перевести наши занятия и замыслы на язык ваших образов и понятий, а потом транслировать их тебе в сны — нет, только Крад мог взяться за это! Где Крад, Орлан? Я не вижу Крада.

— Крад кинулся меня защищать и погиб сам, — сказал Орлан, втягивая голову в плечи до предела.

Гиг торжественно загремел костями. Звук сталкивающихся костей у невидимок очень выразителен, и я вскоре научился отличать их хохот от печали.

— Что делать с пленными? — спросил я у новых друзей.

В центр лагеря вели последнюю кучку сдавшихся головоглазов.

— Всех истребить! — объявил Гиг.

Он был скор на радикальные решения. Я поморщился.

— Пленные пригодятся, — рассудительно сказал Орлан. — Мы не знаем, что ждет нас у Станции. И если придется сражаться, головоглазы умножат наши силы.

— Поставьте их под мою команду, а уж я заставлю их пошевелиться! — предложил Гиг.

Он гулко захохотал всеми костями. Он быстро примирился с тем, что его желание отвергнуто. Впоследствии я убедился, что ему лучше приказывать, чем советоваться с ним — действовал он с воодушевлением, а размышлял без охоты. Впрочем, таковы все невидимки.

Ко мне шел Осима с Камагиным, к ним по дороге присоединились Петри с Ромеро, Лусин, Андре и Труб. Труба сопровождало все его крылатое воинство, ни один из ангелов не пропустит такого торжества, как рапорт о победе. Осима с

удивлением посмотрел на Орлана и Гига. Ромеро с Петри не успели рассказать ему, что произошло. Я представил собравшимся новых товарищей:

— Одного из них вы видели ежедневно и думали, что хорошо его знаете. О существовании другого мы могли лишь догадываться. А они опекали нас, заботились о нашем благополучии. Знакомьтесь: Орлан и Гиг, наши друзья, я скажу сильнее — наши спасители.

11

У каждого были десятки вопросов к Орлану и Гигу. И когда пленных устроили под охраной, мы собрались побеседовать.

Звезда закатилась, черная ночь окутала планету. Мы сидели на быстро стынущих глыбах металла, дружески перемешанные — невидимки рядом с людьми, ангелы рядом с перешедшими к нам головоглазами, Орлан возле Труба, Гиг возле Андре… Перископы сумрачно освещали наше сборище, но на душе было светло — таким мне вспоминается то ночное собрание.

Смешно датировать большие повороты истории каким-то числом, привязывать их к каким-то мелким событиям; повороты складываются из тысяч событий и дат, но что-то значительное в ту ночь происходило, — все мы ощущали это.

О флоте Аллана нового Орлан не сообщил, все, что было ему известно, он вместил в мои последние сновидения.

И о том, что происходит на Станции, он ничего не добавил. Неполадки на Станции пока спасительны для нас. Надеяться, что так будет продолжаться долго, нельзя — надо быстрее идти к Станции, идти, пока ноги передвигаются, только это может еще спасти нас.

Камагин высказался за возвращение на звездолет. За броней корабля мы будем в большей безопасности, чем на металлической равнине, к тому же там действуют гравитаторы. А если удастся восстановить МУМ, мы вырвемся в космос к своим.

— Все, что ты сказал, нереально, — объявил Орлан. — Прежде всего, тебе не удастся восстановить вашу разлаженную мыслящую машину, — сказал он. — А если ты и восстановишь ее, «Волопас» не вырвется за неевклидову сферу вокруг Оранжевой, — мощи всего человеческого флота не хватит, чтоб прорвать заграждение. А если ты и вырвался бы наружу, то там «Волопас» встретился бы не со своими, а со звездным флотом разрушителей, — и конец был бы один.

— Как много «если», Орлан, — и все неутешительны! — с досадой воскликнул Камагин. — Разреши напоследок еще одно

«если». Что, если мы превратим наш звездолет в постоянное жилище, вместо того чтоб стремиться к новым неведомым опасностям? Разве мы не могли бы отсидеться на нем, пока положение не изменятся к лучшему?

Орлан отверг и это. Положение меняется не к лучшему, а к худшему. Он обязал рассказать еще об одной опасности. Звезда продолжает излучать, и убийственные ее излучения не уносятся в далекие просторы, а накапливаются внутри замкнутого небольшого объема. Скоро все будет насыщено сжигающей радиацией и начнется распад: погибнет жизнь, испарится поверхность планеты, звездолет превратится в плазму, плазмою станет и сама Станция, авария на которой породила такую катастрофу, а затем вся Третья планета, могущественнейшее из воинских сооружений разрушителей, облачком новой туманности растечется по улитке.

Губительный процесс на этом не закончится.

Выброшенная звездой материя возвратится к ней снова, подбавляя жара в ее атомное пекло. Процесс энергетического распада звезды ускорится так, что произойдет чудовищный взрыв, — и только тогда будут прорваны окостеневшие барьеры неевклидовости и накопленная энергия мощно вырвется наружу. Далекие наблюдатели зафиксируют взрыв сверхновой, а наблюдатели на соседних звездах ничего не оставят на память своему потомству: вряд ли кто из них уцелеет при такой катастрофе.

— Перспективочка! — пробормотал Петри. Даже этого спокойного человека проняло грозное предсказание Орлана.

После некоторого молчания заговорил Ромеро:

— Дорогой союзник, пророчество ваше ужасно. И, видимо, иного не остается, как неуклонно двигаться к цели, которую вы указываете. Но нельзя ли узнать, кто нас ждет на Станции — друзья или враги? Как нас встретят — с распростертыми объятиями, или с оружием в руках, или, ближе к истине, — в полях?

— Я сам хотел бы знать об этом, — ответил Орлан.

— Но вы не можете не знать больше нашего! Мы вчера и понятия не имели, что существует какая-то Станция Метрики на какой-то Третьей планете, а для вас и планета, и Станция эта — надежнейшие оплоты вашего мирового могущества!.. Простите, бывшего могущества, ибо, надеюсь, вы и сами уже не считаете себя сановником Империи разрушителей.

— Никто не знает подробно о Станциях Метрики, — проговорил Орлан. — И мои знания о ней не намного превышают ваши.

— Расскажите хоть, чего надо опасаться, если не знаете, на что можно надеяться. Лично я из скудной информации о Станции делаю вывод, что, возможно, и там появились у нас друзья и что друзья захватили в руки управление ею. Чем иначе объяснить освобождение от конвойных звездолетов, а также, что здесь, в опаснейшей зоне, с нами пока не произошло несчастий?

Орлан не согласился с Ромеро. Нам пока не причинили вреда, но и помощи не оказали. Нас просто предоставили самим себе. Как развернутся события завтра, предсказать трудно.

— Хорошо, я сформулирую по-иному. Допустим, все дело в неполадках на Станции и неполадки завтра выправятся. Что ждет нас тогда?

— Возможно переговоры с Надсмотрщиком. Возможно мгновенное уничтожение нас защитными механизмами Станции, без всяких переговоров. Возможно нападение охранных автоматов в окрестностях Станции, радиус их отдаления от базы невелик.

Меня заинтересовали охранные автоматы. Не механизмы ли они, вроде древних человеческих роботов?

Орлан никогда не видал стражей Станции, но что они не механизмы — утверждал определенно, ни одно из этих низших полубиологических образований не развилось до высшей стадии — механизма.

— Крепко у них у всех засела в мозгах дурацкая философия разрушения, — шепнул мне Ромеро. Он говорил тихо, чтоб Орлан не услышал.

— Они что-то среднее между организмами и комбинацией силовых полей, — добавил Орлан. — Телесный облик у них непостоянен. Обычно они принимают вид наиболее подходящий для осуществления приказов Надсмотрщика.

— Одна кровавая рука, змеящаяся в тумане! — иронически пробормотал Камагин. — Ох, уж эти мне привидения! Уже четыреста лет назад на Земле никто не верил в этот вздор.

Я, однако, не был так рационалистичен, чтоб без проверки объявить вздором переменность телесного образа. Привидения и призраки, немыслимые на древней Земле с ее примитивной техникой, вполне могли оказаться рядовым явлением быта на планетах с более высокой цивилизацией. Наш стереоэкран и видеостолбы, вероятно, показались бы сверхъестественными современнику Эйнштейна, но мы не пугаемся, когда рядом с нами прогуливается призрачный эквивалент знакомого, находящегося в данный момент далеко от нас.

— Призраки или тела, но что-то материальное, реально существующее вне нашего сознания, — сказал я Камагину. — И я хотел бы не высмеивать заранее привидения, а отыскать надежное

средство защиты, если они нападут на нас.

— Поручите это дело нашей тройке, адмирал, — сказал Осима, показывая на Камагина и Петри. — В обозе разрушителей мы отыскали оружие, от которого не поздоровится даже призраку. Я говорю о самоходных ящиках. Просто редчайшая счастливая случайность, что они оказались далеко от района битвы и враги ими не воспользовались.

Орлан так засветился синеватым лицом, что все вокруг озарилось. А Гиг оглушительно загрохотал костями.

— Вы слишком многого ждете от слепого случая, капитан Осима, — сказал Орлан, и даже внешняя бесстрастность голоса не скрыла иронии. — Обычно счастливые случайности требуют тщательной подготовки.

В заключение беседы я попросил Гига больше не зашифровывать своих невидимок. Не знаю, как у других, а мне действовало на нервы, что надо мной проносятся незримые существа, пусть даже дружественные. Древние ангелы-хранители внушают мне такую же неприязнь, как и злые духи.

Против моего ожидания, Гиг обрадовался:

— Вот приказ, который нам по душе! Если бы вы знали, ребята, как тяжела проклятая служба невидимости. К тому же и генераторы кривизны ослабли и многим из нас грозит позорная участь превратиться в туманные силуэты из добротных невидимок. А если учесть, что и гравитаторы на издыхании, то можешь вообразить, Эли, этот кошмар: невидимка перестал бы реять над толпой и толкался бы среди головоглазов и пегасов, ангелов и людей, как простое материальное тело, его пинали бы ногами, задевали плечом!.. Ужас, вот что я тебе окажу, Эли!

Я поинтересовался, не оскорбляет ли невидимок перспектива превратиться в вещественные тела в оптическом пространстве. Он великодушно растолковал:

— Что ты, адмирал! Невидимость — наша военная форма. И если мы ее носим плохо, страдает наша воинская честь. Когда же мы обретаем облик видимых среди прочих видимых, то это все равно как если бы снимали боевую броню: и удобно, и не надо следить, чтоб к ней относились с уважением.

Ромеро разъяснил мне потом, что в древности люди тоже применяли бронирование доспехами и оно тоже делало тело воина невидимым, хотя сама броня оставалась оптически на виду.

Разумеется, оптическая невидимость — штука более совершенная, чем бронирование доспехами, но отнюдь не более легкая. И старинные рыцари, как и нынешние невидимки, предпочитали ходить без брони, они называли это «носить штатское». Но если приходилось напяливать доспехи, рыцари

заботились уже не столько о собственной безопасности, сколько о том, чтоб внушить уважение к своей военной форме. И называлось это так: «защищать честь мундира».

12

Пленные головоглазы светили тускло, лишь сами они неясно были видны, все остальное пропадало в черном небытии. Я намеренно употребил слово «небытие». Пропадало ощущение пространства, было лишь то, что рядом. В прошлые ночи за цепочкой огней перископов мы как-то не ощущали потерянности в ночи, а сейчас жались один к другому.

Я не знал, куда пропал Орлан, где находится Гиг, в каком месте разместились перешедшие на нашу сторону невидимки и головоглазы. Осторожный Петри намекнул, что в такой ночи легко напасть на нас, сонных. Осима возразил, что бессмысленно было помогать нам в бою против своих, если вслед за этим собирались нам изменить. Петри вскоре удалился, за ним исчезли Камагин и Осима. Тяжело махая крыльями — ему обязательно надо было пролететь над всем лагерем, — умчался к своим, на далекий шум голосов и перьев, Труб. Мы сидели кучкой на свинцовом пригорочке, Мэри и мои друзья по Гималайской школе — Ромеро, Лусин, Андре. Андре попросил:

— Расскажите об Олеге и Жанне, друзья. — Он добавил с волнением: — Вам покажется удивительным, но сходил с ума я не сразу, а стадийно. Сперва пропал внешний мир и память о Земле, потом стиралось окружающее. Долго держались мои близкие, Жанна и Олег. И последний образ, который сохранял мой мозг, погасая, был ты, Эли. По-моему, ты не заслуживаешь такой привилегии.

— По-моему, тоже. — Меня обрадовало, что вместе с разумом к Андре возвратилась его милая дружеская резкость. — Вероятно, это оттого, что я был последним, кого ты видел.

— Возможно. Начинайте же!

От семейных дел мы перешли к тому, что происходило на Земле и в космосе. Я описал сражения с разрушителями в Плеядах, первую экспедицию в Персей, работы на Станции Волн Пространства. Ромеро поделился воспоминаниями о спорах с Верой и о дискуссиях на Земле, с иронией отозвался о своем поражении, обрисовал размах перестроек в галактических окрестностях Солнца.

— Вы не узнаете нашей звездной родины, дорогой Андре. Внешний вид Плутона вас потрясет, ручаюсь!

— Меня потрясает Эли! — воскликнул Андре. — Я помню

тебя талантливым зубоскалом и смелым проказником, ты был горазд на вздорные выходки, но и на ослепительные мысли и глубокие открытия. А встретил тебя адмиралом Большого Галактического флота, и за твоей спиной исследования волн пространства…

— Приходилось заменять тебя, а это было непросто, — отшутился я. — А потом, естественно, я превратил необходимость в добродетель.

— Нет, и подумать странно — ты мой верховный начальник! Придется привыкать к этому, не сердись, если сразу не получится.

— Привыкай, привыкай! Другим было не легче твоего.

— Вы ошибаетесь, другие привыкли быстро, — заметил Ромеро. — Я говорю о себе и вашей сестре. Мы без сопротивления приняли ваше верховенство — возможно, потому, что сами жаждали его.

Мэри вдруг запальчиво вмешалась в разговор:

— Сколько я помню Эли, он чаще краснел, чем иронизировал. А если случались вздорные выходки, вроде прогулок наперегонки с молниями, то их было немного. Меня, если хотите знать, временами охватывала досада, что Эли такой серьзный, я предпочла бы мужа полегкомысленней.

— Вы просто не учились с Эли с Гималайской школе, — отозвался Андре. — К тому же он в вас влюбился, — вероятно, такая встряска подействовала на него к лучшему. Серьезный, властно командующий Эли, — поверьте, это звучит очередной проказой!

Я попытался шуткой предотвратить новую вспышку Мэри:

— Мы с тобой в браке, Мэри, а в браке не до забав. И проклятое взаимное несоответствие — приходится при каждом слове и поступке с испугом на него озираться!

Она все больше сердилась:

— Наше взаимное несоответствие только в том и выражается, что ты постоянно о нем вспоминаешь!

Ромеро обратился к Андре:

— Милый друг, многие, в том числе, со стыдом признаюсь, и я, считали вас мертвым, ибо… ну, что ж, раз ошиблись, надо в ошибке каяться — ибо не было похоже, чтоб разрушители дознались до человеческих тайн. Мне представлялось невероятным, чтоб такие злодеи и не сумели от вас, живого, выпытать все, что вы знали. Но вам посчастливилось, если можно назвать счастьем такой печальный факт, как умопомешательство… Об этом, тоже возможном, выходе никто из нас не подумал.

— Я сам изобрел его! Я свел себя с ума сознательно и

методично. Сейчас расскажу вам, как это происходило.

Я мог бы не приводить здесь рассказа Андре. В отчете Ромеро он изложен подробно, да и сам Андре, по возвращении на землю, не раз выступал на стереоэкране. И если я это делаю, то лишь для того, чтоб показать, какие догадки и желания вызывал во мне рассказ Андре.

Он с ужасом ожидал пыток. Смерть была бы куда лучше, но он понимал, что за каждым его движением наблюдают, старинные способы самоумерщвления — ножи, петля, отказ от пищи и питья, перегрызенные вены, — весь этот примитив здесь не действовал. И тогда он решил вывести свой мозг из строя.

— Нет, не разбить голову, — предупредил Андре наши вопросы, — а перепутать схему коммуникаций и связей в мозгу, так сказать — перемонтироваться. Конечно, мозг — конструкция многообразная, нарушение его схемы в каком-то участке еще не вызывает общей потери сознания. Но все-таки вариантов неразберихи несравненно больше, чем схем, обеспечивающих сознание, и на этом я построил свой план.

— Так появился серенький козлик?

— Именно так, Эли. Я выбрал козлика еще и потому, что разрушители наверняка не видели этого животного и понятия не имели о сказочке со старушкой и волком, тут им не за что было уцепиться. А я думал о козлике наяву и во сне, видел только его… Что бы ни происходило извне, какие бы мысли ни появлялись во мне самом, на еду, на угрозы, на страх, на уговоры, на все я отвечал одной мыслью, одной картиной — козлик, серенький козлик… Я перевел весь свой мозг на козлика, все его уголки, все тайное и явное в нем работало на одного козлика. И мало-помалу существо с рогами и копытцами угнездилось в каждой мозговой клетке, отменило все иные картины, кроме себя, всякую иную информацию, кроме того, что он — серенький козлик. Я провалился в полную умственную пустоту, из которой вывели меня уже вы!

— Как ты мучился, Андре! — прошептал Лусин. В голосе его я слышал слезы. — Таких страданий!..

— Какая сила воли, Андре! — проговорил Ромеро. — Что вы изобретательны, мы знали все, но, признаюсь, я не ожидал, что вы способны на подобное воздействие на себя!

Я задумался. Ромеро и Лусин спрашивали, была ли у Андре аудиенция у Великого разрушителя и познакомился ли он с бытом зловредов, а он отвечал, что стремился выключиться из этого мира, а не распахивал на него глаза. Потом он оказал с упреком:

— Ты не слушаешь нас, Эли!

— Прости. Я размышлял об одной трудной проблеме.

— Какая проблема?

— Видишь ли, у нас выведена из строя МУМ. И вывели ее примерно твоим способом — перепутали схемы внутренних связей.

— Свели машину с ума? Забавно! А схему запутывания схемы сохраняли?

— Боюсь, что нет. Все совершалось в аварийном порядке. Возможно, кое-что Осима и Камагин запомнили из произведенных ими команд. Но когда я спрашивал, могли ли бы они восстановить ее, они отвечали, что нет.

— Можно подумать, — сказал Андре, зевая. — МУМ, конечно, не проще человеческого мозга, но и не намного сложнее.

— Не вздремнуть ли? — предложил Ромеро. — Все мы устали после сражения, а завтрашний день обещает быть тоже нелегким.

Ромеро, Андре и Лусин разместились неподалеку, и скоро до меня донеслось их сонное дыхание.

Я лежал и думал об Астре. Все утро я нес его на руках, и он был со мной, а потом шла битва, после битвы меня отвлекли разговоры с разрушителями и Андре — и я не вспоминал Астра. А сейчас, в непроглядной черноте печи, он стоял передо мной, и я разговаривал с ним. Он жалел меня. Отец, говорил он, нам с тобой просто не повезло, вот почему я и умер. Да, нам не повезло, соглашался я, вот видишь, мы победили врагов, и гравитация ослабела, как сегодня лихо летали ангелы, что бы тебе стоило погодить день-другой — и ты бы остался жив! Я не сумел, оправдывался он, не сердись на меня, отец, я не сумел — и это уже не поправишь! Это уже не поправишь, сынок, говорил я, это уже не поправишь!

Так я лежал, мысленно беседуя с сыном, пока меня вдруг не толкнула Мэри. Я приподнялся. Она сидела рядом, до меня доносилось ее неровное дыхание. Я дотронулся до нее, она с мукой сжимала руки.

— Что с тобой? — спросил я. — Почему ты не спишь?

— Перестань! — сказала она с рыданием. — Нельзя так терзать себя.

— С чего ты взяла? Просто я размышляю…

— Спи! — приказала она. — Обними меня покрепче и спи! Это безжалостно так… пойми!.. Я ведь тоже ни о чем другом не могу…

Я обнял ее. Она прижалась ко мне, и вскоре я услышал, как она опять молча плачет. Я дал ей выплакаться, лишь тихо гладил ее волосы. Она заснула внезапно, не то на полувсхлипе, не то на полуслове. Я подождал, пока сон не стал крепким, осторожно

вытер мокрые щеки и положил ее голову себе на грудь, так ей было удобнее, чем на свинце. Во мне мутно путались воспоминания об Астре с заботами завтрашнего дня.

Проснулся я, когда звезда выкатилась из-за горизонта. Ко мне, четко в ряд, двигались Осима, Орлан и Гиг.

— Колонны готовы к выступлению, адмирал, — доложил Осима.

— Я беседовал с пленными головоглазами, Эли, — сообщил Орлан. — Они по-прежнему видят во мне начальника. Я думаю, держать их под охраной не нужно, они пойдут отдельным отрядом.

А Гиг шумно захохотал всем туловищем. Жизнерадостности у этого скелета хватило бы на дюжину людей.

— У невидимок — торжество! — объявил он хвастливо. — Кто сражался вчера против, сегодня будет сражаться за. Ни сомнений, ни колебаний — за меня, своего любимого вождя, пойдут в огонь. Но ты понимаешь, Эли, раз нам разрешено снять невидимость и спуститься на грунт… Идти третьей колонной, за людьми и ангелами, как ставит нас Осима, — это не для невидимок, адмирал, нет, это не для нас!

Я утешил его тем, что поставил отряд невидимок впереди всех. Гиг отправился строить своих в дорогу и так лихо гремел скелетом по лагерю, что люди и ангелы вздрагивали, а пегасы злобно ржали. Одни флегматичные драконы спокойно держались, когда Гиг шагал мимо.

— Я положила Астра на авиетку, — сказала подошедшая Мэри. — Больше не будем нести его на руках.

— Тебе тоже нужно бы сесть в авиетку.

Она с усилием улыбнулась.

— Разве ты забыл приказ адмирала? Я вынесу все, что вынесешь ты.

13

Уже не только в бинокль, но и невооруженным глазом была видна Станция — один не то купол, не то просто холм, а неподалеку три возвышения поменьше. Иные крепости на земле с их фортами, бойницами и орудиями выглядели внушительнее.

Мы лежали на вершине свинцовой скалы, и я поделился мыслями с Ромеро, приползшим сюда вместе со мной.

— Я позволю себе указать, любезный адмирал, — возразил он педантично, — что самая мощная из человеческих крепостей не разнесла бы и обыкновенной каменной горушки, а это невзрачное сооружение свивает в клубок мировое пространство.

Я не хуже Ромеро знал, каковы функции Станции. Я сказал сухо:

— Поползли назад, Павел. Позовите Осиму и Камагина, а я подберусь к Петри и Орлану.

Орлан с Петри лежали в ложбинке, прорезавшей весь гребень. Я позвал их, и они спустились вниз. Там уже поджидали нас Ромеро с Осимой и Камагиным.

— Пустота! — сказал Осима. — Ни мы никого не увидели, ни нас никто не открыл.

— Впечатление такое, что Станция покинута, — подтвердил Камагин. — Я бы рискнул подобраться поближе.

Орлан втянул голову в плечи так глубоко, что она провалилась до глаз. Я заметил, что обо всем, относящемся к Станции, он говорит неохотно и кратко. В Империи разрушителей обсуждать дела на Станциях Метрики приравнивается к преступлению. Орлан не мог отделаться от многолетней боязни запретных тем.

— Я бы не рискнул, — сказал он сдержанно.

— Пойдемте в лагерь и устроим военный совет, — предложил я.

Лагерь был разбит километрах в десяти от Станции, и нам пришлось пошагать, пока мы добрались. На подходе мы увидели в воздухе крылатых сторожей: ангелы Труба взяли на себя патрулирование и выполняли с рвением свои новые обязанности.

Я ломал голову, как поступить дальше, но ничего не придумывалось. Станцию открыл Лусин, вылетавший в разведку на Громовержце. У Лусина хватило осторожности повернуть назад, чуть он завидел невысокие купола.

Все мы понимали, что осторожность его примитивна, а еще примитивней меры, вроде сторожевых постов на грунте, патрульной службы в воздухе. На этом настаивал Осима, а мне все это казалось излишним. Сооружения такой гигантской технической сложности, как эти космические заводы, меняющие структуру пространства, не могли не иметь и совершеннейших методов защиты. Любой человеческий звездолет лоцирует в миллионе километров простую тарелку или шляпу, посты наблюдения на Станции Метрики не могли быть хуже наших локаторов.

От нас не собирались защищаться, только поэтому мы не открыты. Значило ли это, что к нам относятся, как к друзьям? Может, все давно погибло на станции — нет ни живых существ, ни работоспособных автоматов? Предложение Камагина казалось мне естественным: если нас не уничтожили в десяти километрах, то не уничтожат и в десяти метрах, — разницы практически нет.

Вместе с тем не считаться с сомнениями Орлана я не мог. Он единственный что-то знал о Станциях Метрики.

На совете Орлан повторил, что возражает против шествия к куполам. Он не понимает, что на Станции произошло, и потому не отдает себе отчета, что нас ожидает вблизи.

— Все может быть, — повторил он со зловещим бесстрастием.

— Еще одну разведку, адмирал? — спросил Осима. — Уже не вшестером, а посолиднее. Пошлем разведывательный отряд — невидимок или ангелов?

— Ангелов! — заволновавшись, воскликнул Труб. Он считал, что высота над планетой безраздельно принадлежит ангелам, и страдал, когда кто-нибудь из невидимок взвивался в воздух. К пегасам и драконам Труб был терпимей.

— Только невидимок! — возгласил Гиг.

Зная, что рассержу Труба, я отдал предпочтение невидимкам.

— Невидимкам проще подобраться к Станции. В конце концов это ваша военная функция, Гиг, — появляться незамеченными в любом месте.

— И сражаться в любом месте, — торжествующе добавил Гиг. — Невидимки — воины, адмирал!

— Не могли бы и мне создать временную невидимость? Я с охотой пошел бы, хоть пешим, с вами в разведку.

Гиг разъяснил, что генераторы кривизны подбираются индивидуально. К тому же у людей неудачная телесная структура. Если бы у невидимок и нашелся удобный для меня генератор, я не вынес бы мгновенного перемещения в кокон закрученного пространства: высокие неевклидовости не для людей.

— Нет так нет, — сказал я. — Как у вас, Осима?

Гиг побежал готовить своих, не интересуясь дальнейшим ходом совета. У невидимок дисциплина не на высоте. В этом отношении они уступают исполнительным головоглазам.

Осима в самоходных ящиках нашел два электромагнитных орудия, исправных и простых по конструкции. В твориле орудия создаются электрические заряды, периодически выбрасываемые наружу. Трасса выстрела превращается в летящий ток, а вокруг него возникают могучие магнитные поля.

После сборки орудий мы испытали их действие на золотой скале. Был сделан всего один выстрел, а от орудия до скалы пролегла выжженная траншея, в которой могла бы разместиться вся наша армия. А на месте скалы взвилось плазменное облачко, и долго еще на нас сыпалась золотая пыль.

— Хоть сейчас можем начать обстрел Станции, — доложил Осима. — И сооружениям ее не поздоровится!

Я понемногу начал разбираться в том, что внешнее бесстрастие Орлана имеет различные оттенки.

— Вам, кажется, не понравилось сообщение Осимы, Орлан?

Он разъяснил, что электромагнитные орудия — механизмы грозные, но, если дойдет до сражения, главной боевой силой станут головоглазы. Их перископы приспособлены к рассеканию и сжатию любых полей. Массированный гравитационный удар головоглазов даст больше эффекта, чем электромагнитный залп: орудий два, а головоглазов больше ста. Они, правда, ослабели от тягот пути, но на отдыхе быстро восстанавливают силы. Через неделю их организмы накопят полный запас боевой энергии.

— В сражение поведу их я сам, — сказал Орлан.

Дальнейший ход совета был прерван диким гамом и грохотом, разнесшимся по всему лагерю. Гиг с десятком отобранных невидимок выступил в разведку.

Я уже говорил, как меня смущала мысль, что кругом снуют незримые существа, безразлично — добрые они или злые. Но когда я слышал шум создаваемый воинственными скелетами в оптическом пространстве, я сожалел, что разрешил им снимать боевую форму.

— Мы готовы, — оказал Гиг, выстраивая перед советом свой отряд. — Все ребята с ощущалами выше средних. Прирожденные разведчики, можешь не сомневаться, адмирал! Разреши лететь, а?

Он гулко затрясся всеми сочленениями, и, словно десятикратно усиленным эхом, отряд невидимок повторил его грохотанье. Не знаю как у них было с ощущалами, но концерт они задавали мастерски.

Ощущала у невидимок, кстати, в чем-то подобны нашим органам чувств, а в чем-то весьма отличаются. В оптическом пространстве ощущала почти не функционируют, зато в коконе неевклидовости обостряются невероятно: малейшие электромагнитные колебания, гравитационные возмущения, корпускулярные потоки и прочее, совершающееся вовне, воспринимаются просто идеально.

В отчете Ромеро вы можете найти подробнейшие схемы ощущал, я их не привожу, потому что не понял главного — как вообще они могут действовать, когда сами невидимки так глухо запакованы в своем мирке, что их обтекает даже свет.

— Летите! — разрешил я.

Они исчезли мгновенно и все сразу. В бою они, конечно, были хороши, но еще лучше годились для парада. То, что наши предки называли «показухой», достигало у невидимок художественного совершенства. Я знал, что полет невидимок не быстр и раньше чем за час до Станции они не доберутся, но после их

исчезновения потерял интерес к совету.

Передав председательствование Осиме, я вместе с Ромеро и Андре отправился на вершину ближайшего холма. Купола оттуда видны не были, но воздушное пространство над Станцией просматривалось хорошо.

По дороге мы задержались возле Мэри. Единственная женщина в лагере, она подобрала себе исконно женское занятие — врачевание. Труб выделил ей пятнадцать ангелочков понежнее, из тех, что не годились для сражения, и Мэри стала обучать их санитарному делу — как сама его понимала. Лекарств и бинтов в лагере не было, зато в обозе нашлись веревки, ангелы их расплетали и вязали бинты. Все ангелы — отличные кружевницы и ткачихи, а у этих, отобранных, дело прямо горело в крыльях.

— Вероятно, мы единственные во Вселенной люди, которые обходятся без медицинской машины, радиационных душей и прочего, — сказала Мэри. — Мы уподобились предкам, и в этом есть что-то захватывающее!

— Сейчас невидимки около Станции, — объявил Андре, когда мы взобрались на холм. — И, похоже, их не открыли — никаких эффектов не видно.

Сегодня, когда мы хорошо знакомы с устройством Станций Метрики, подобные наивные рассуждения могут вызвать лишь улыбки. Истинными невидимками были не воины Гига, а те, кого они разведывали. Невидимок только подпустили к Станции — и на ту дистанцию, какую сочли приемлемой. А затем жестоко над нами посмеялись. В отдалении вдруг вспыхнуло десять огненных факелов. Какое-то время факелы по инерции мчались по-прежнему к Станции, затем круто повернули к лагерю. Десять раздуваемых ветром костров, то взлетая, то падая, неслись на наш холм, и мы, прильнувшие к биноклям, видели, что внутри факелов — пустота.

— Молодец Гиг, даже в такую минуту не раскрылся! — восхищенно пробормотал Андре. — Эли, вот настоящий воин — и в пламени не потерял самообладания!

— В старину говорили: испытан в огне сражений, — отозвался Ромеро. — О невидимках можно сказать по-иному: даже в огне сражений не раскрывались. Это единственное, что их спасает сейчас от гибели.

Раздраженный, я отошел от друзей. Невидимок от гибели спасало лишь то, что никто не желал их гибели. Но им ясно показали, что никакое экранирование не поможет. Их воспринимали, видели, спокойно оконтуривали, в то время как собственные их ощущала и не догадывались о приближении опасности. Десять факелов пронеслись над холмом и рухнули

посреди лагеря.

К горящим разведчикам неуклюже, но быстро двинулись головоглазы и стала проворно сбивать пламя гравитационными ударами. Они живо вращали наростами, вылетавший импульс легко тушил огонь. Для профессии пожарников эти создания подошли бы отлично.

Мэри со своими ангелами тоже поливала одного из воспламененных водою, но вода это пламя не брала. После того как с огнем справились, разведчики стали сбрасывать броню невидимости. Лишь один поторопился раньше времени и поплатился за это ожогами.

— Эли, куда ты? — окликнул Андре. — Полюбуйся: никаких изменений на Станции. Никто не преследует беглецов.

Мне казалось в тот момент, что я знаю, почему это.

— А зачем беглецов преследовать? Их отогнали — и хватит. Уничтожать нас не собираются, но и пускать на Станцию — тоже.

14

— Плохо работают ваши ощущала, — сказал я Гигу, когда он оправился от потрясения. — Пока вас не охватило пламенем, вы и не подозревали о приближении опасности.

Этот удивительный народ, невидимки, легче примирятся с гибелью, чем с унижением. Гиг так затрясся, что мне почудилось, будто залязгала тысячезубая челюсть.

— Отлично работали, отлично, адмирал! Мы почувствовали пульсацию незнакомых полей задолго до факелов, но не испугались. А возвратились не из страха, а потому, что обнаруженный разведчик уже не разведчик, а только солдат. Вот как было дело, адмирал!

Логика в его оправданиях, конечно, имелась.

После провала попытки Гига подобраться незамеченным, стало ясно: Станцию нужно штурмовать. Но идти в атаку на неразведанного противника было, по меньшей мере, неразумно.

Ромеро в своем отчете рассказывает, что мной овладели тягостные колебания, и плохое настроение адмирала понемногу передавалось всем. Дело было не в моих колебаниях; колебаться можно между несколькими решениями, а у меня не было никакого. И все, к кому я обращался, как плохие игроки, говорили только о своих ходах, но и понятия не имели об ответных ходах противника. Вести армию в бой наугад я отказывался.

То, что Ромеро называет моими колебаниями в течение недели перед первым штурмом, было поисками выхода. К тому же именно этот срок потребовал Орлан для накопления запасов

гравитационной энергии у головоглазов.

И если теперь оценивать мои тогдашние действия, то я скажу по-иному, чем Ромеро: я слишком мало колебался и результаты штурма Станции показали не так мою излишнюю осторожность, как опрометчивость.

Я не утверждаю, что подготовка к большой атаке была полностью неуспешна. Кое-что сделать удалось. Электромагнитные орудия Осимы действовали исправно, ангелов снабдили портативными разрядниками. Но главной удачей, по-моему, было то, что совершил Андре: четыре превосходных анализатора любых силовых полей.

— Если предварительно мы не разведали противника, то в сражении будем иметь полное представление о нем — видимом и незримом, — пообещал Андре.

Я тут же назначил его ответственным за исследовательскую работу в нашей маленькой, но разнообразной армии.

Я должен сделать отступление об Андре. Все мы, естественно, присматривались к нему, — испытанные им потрясения не могла не сказаться. И он, естественно, был не тот импульсивный, нетерпеливый, резкий и добрый, какого мы некогда знали. Он стал сдержанней и молчаливей. Но мозг его, возвращенный к жизни, работал с прежней интенсивностью; я это понял сразу же, как Андре обрел человеческий язык, и сам Андре доказал это в разыгравшихся событиях. Рядом со мной снова пылало горнило новых идей, генератор остроумных проектов — пусть простят мне эти выспренние слова, в данном случае они самые точные.

Расчет делался не на внезапность атаки, а на силу удара. План наступления вкратце сводился к следующему. В центре, на плоскости, двигаются головоглазы, сверху их поддерживают невидимки. С левого фланга атакуют ангелы Труба, с правого пегасы под предводительством Камагина и крылатые ящеры во главе с Лусином. Петри поведет людей. Человеческую пехоту предполагалось бросить туда, где в ней будет нужда. Осима с ползущими орудиями размещался в колонне головоглазов — электромагнитные механизмы, как и сами головоглазы, были оружием ближнего боя.

На вершине того холма, где мы вшестером высматривали Станцию, я разместил свой командный пункт. Со мной находился Андре с анализаторами и Ромеро. В лощинке укрылось несколько штабных пегасов для адъютантской связи.

Приготовления к штурму были закончены вечером.

По древнему воинскому обычаю битва начиналась с началом дня.

— Действуйте! — передал я по дешифратору начальникам

колонн, когда звезда выкатилась из-за горизонта.

Станция лежала перед нами, как на блюдце, — один большой купол, три купола поменьше. Теперь, рассматривая бесчисленные виды Станций Метрики на стереоэкранах, я вижу, что они удивительно схожи со старинными астрофизическими обсерваториями, лишь массивней их. Но тогда это сравнение не пришло мне в голову.

— На Станции пока движения нет, — сообщил Андре, не отрывавшийся от анализаторов.

Первыми выступили головоглазы. Могучая колонна, почти в две сотни неторопливо передвигающихся крепостей, взметнувших над собой красноватые огни перископов, даже на взгляд была внушительна. А два орудия Осимы походили на исполинских змей, прокладывающих ей дорогу. Над колонной реяли невидимки, я слышал по дешифратору команды Гига, но отряда его мы, естественно, не видели.

— Импозантно! — пробормотал Ромеро. Он любовался в бинокль зрелищем наступающих головоглазов.

Осима дал залп, как только приблизился на дистанцию прямого попадания. С командного пункта мы увидели, как из орудий вырвались две огненные реки. Беснующееся пламя обрушилось на купола.

Начало было хорошее, но, к сожалению, все хорошее ограничилось началом. Множество пылающих смерчей закружилось на месте, где наступал центральный отряд. С невольным уважением я наблюдал, как отважно действуют внешне столь неповоротливые головоглазы. В наше отдаление донеслось тяжкое содрогание наносимых ими синхронных ударов. Вскоре не оставалось ни одного несорванного факела, а несколько беспорядочно мечущихся смерчей были буквально разорваны и расплющены. Ни Осимы, ни Орлана не коснулись даже летящие хлопья пламени, так хорошо защитили своих командиров головоглазы. В воздухе тоже возникли факелы, но Гиг на этот раз вел себя хладнокровней, и факелы погасли.

— Буря непонятных полей! — доложил Андре. — И гравитация, и электромагнетизм, и корпускулы. Что-то, по-моему, готовится сногсшибательно новое.

Новым было лишь то, что повторилось усиленное старое. Орудия Осимы наконец разрядились вторым залпом, докончив разрушение двух малых куполов, а поле битвы охватила вторая волна огня. Уже не разрозненные смерчи бесновались над продвигающимся отрядом, но все пространство превратилось в бушующий костер, — и в его бешеной пляске пропали и головоглазы, и Осима со своими орудиями, и невидимые воины

Гига.

Две-три минуты, подавленный, я ожидал полного уничтожения отряда. Но пламя опять стало спадать, вбиваемое в металл, и мы увидели яростно и методично сражающихся головоглазов. Теперь они быстро вертелись, выбрасывая гравитационные импульсы.

Короткое время я не терял надежды, что им и на этот раз удастся подавить контратаку пламенем. Но в битву вмешалась предсказанная Андре новая сила. Несколько головоглазов перевернулось, стройная колонна, словно опутанная сжимающей цепью, постепенно сбивалась в одну небоеспособную кучу. На высоте, непроизвольно или сознательно, раскрылись два невидимки и рухнули вниз, за ними, отчаянно сопротивляясь неведомому врагу, покатались еще три обнаруживших себя солдата.

Картина победоносной битвы внезапно превратилась в картину разгрома.

— Осима и Орлан требуют помощи! — крикнул Андре. — У Осимы больше не заряжаются орудия, у Орлана катастрофически слабеют гравитаторы!

Я приказал выступать крылатым отрядам и человеческой пехоте.

Теперь, когда всем известно, как печально закончился наш первый штурм Станции, могу с искренностью признаться, что не видел зрелища красочнее и грознее, чем атака крылатых. Дело заранее было обречено, а я и в момент разгрома не сомневался, что мы побеждаем, — так непреодолимо стремительна была эта несущаяся воздушная масса.

Первыми слева вырвались ангелы с разрядниками в крыльях и гранатами в боевых сумках. Их мгновенно охватило пламя, но холодное — иной природы, чем невидимок и головоглазов, — ослепляющее, а не сжигающее. Мы на командном холме понятия не имели, что для любого отряда зажигается свой огонь, и меня пронизал ужас, когда я увидел, что каждый ангел несется в факеле, как в ореоле.

Ангелы летели, не ломая четкого строя, шумно и стройно, тысячеголосый трубный вопль опережал их — они показались мне армией демонов, несущихся среди пожара. И все они с такой энергией рассекали воздух крыльями, что подняли уже не бурю силовых полей, а воздушную.

Громовой голос Труба один отчетливо выделялся среди грохота и гама, клекота и свиста. И, очутившись у поля боя, Труб первый бросил гранату и взметнул разрядник, и его движение повторил весь воздушный отряд. К общему шуму добавился треск

молний, сотнями разрезающих воздух, вонзающихся в металл планеты и в золотое небо.

Армада ангелов летела прямо на Станцию, вся в молниях, как в перьях. Если эта атака с разрядниками оказалась в конечном итоге неэффективной, то, во всяком случае, она была эффектна. А затем справа в район боя вынеслась крылатая конница Камагина и Лусин во главе драконов.

Он далеко обогнал на своем Громовержце остальных ящеров и так остервенело врубился в гущу мечущихся по полю огней, что странные боевые факелы отшатнулись от него, как живые. С короны Громовержца били молнии — многопламенные, неотразимо испепеляющие. И при каждом выстреле у Громовержца вырывался крик, резкий, торжествующий, поражающий слух не менее остро, чем электрические разряды поражали тела. Это было странное сражение — битва молний против факелов. И побеждали молнии: там, куда устремлялся Громовержец, быстро погасали бушующие огни.

Вопль и клекот ангелов, дикий свист драконов, торжествующий визг Громовержца, свирепое ржанье пегасов и боевые клики людей быстро преобразили молчаливое однообразие боя, закипевшего на подступах к Станции.

А когда подоспела пехота Петри и блистающие шпаги лазеров вплелись в общее метание факелов и молний, наш нажим на таинственного противника обрел новый порыв.

Заколебавшиеся было головоглазы каменной глыбой двинулись дальше, перестраиваясь на ходу. И хоть их гравитаторы нуждались в подзарядке, импульсы, выбрасываемые перископами, были еще мощнее, чем прежде, — так воодушевила головоглазов своевременная поддержка.

— Наша берет! — сказал я Ромеро, отрываясь от зрелища битвы. — Павел, наконец-то наша берет!

— Эли! Эли! — в испуге вскричал Андре. — Эли, посмотри, что там делается!

То, что произошло на поле, было более чем неожиданно.

Ни при каких раскладках планируемого сражения нам и в голову не приходил такой оборот событий — это был немыслимый вариант, нечто из бреда, а не из расчета!

Со стороны главного купола Станции неслись три крылатых отряда — ангелы, предводительствуемые Трубом, конница пегасов с Камагиным на белом коне, и крылатые ящеры с далеко обогнавшим их Громовержцем. А на шее второго Громовержца восседал второй Лусин.

И эти новые отряды, та же как и первые, наши, охватывало, как футлярами или ореолами, багровое холодное пламя, из недр

их так же рвались оранжевые молнии разрядов, Громовержец ощетинивался такими же молниями, Лусин и Камагин вонзали в противников те же лазерные острия, а над ними, впереди них, несся такой же тысячеголосый вопль, свист и клекот!

— Фантомы! — крикнул Андре после охватившего нас вдруг оцепенения. — Эли, надо предупредить наших, что на них выпущена банда фантомов!

К чести Осимы и Орлана и особенно Гига, они и без разъяснения быстро разобрались, что за армия прибыла в битву. Лусин и Камагин, а также Труб сгоряча спутали своих с чужими, но повторные вызовы Андре и возникшая в сражении путаница отрезвили их.

Осиме удалось произвести и третий залп. Огненные потоки обрушились на фантомов, сминая их и превращая в плазму. Наши невидимки схватились с отрядами вражеских привидений. Я по-прежнему не видел воинов Гига, но по тому, как взвивались призрачные крылатые кони, как в страхе увертывались искусственные ангелы и падали с предсмертным криком искусственные люди, мог легко представить себе, сколь велика ярость нового сражения.

И какое-то очень короткое время у меня еще теплилась надежда, что не все проиграно.

— Пора кончать избиение наших, адмирал! — сурово сказал Ромеро.

Как раз в это время два Громовержца, живой и искусственный, страшно столкнулись телами, испепеляли один другого — багровая сеть молний оплела их головы. Один из драконов, оранжевый, падал, и я не мог разобрать на отдалении, Лусин ли сейчас погибает или псевдо-Лусин.

Я приказал Андре, откашлявшись, чтоб не дрожал голос:

— Радировать общее отступление!

Все военачальники услышали приказ и стали поворачивать свои отряды. Труб тоже услышал, но, распаленный боем, пренебрег приказом. Реальные ангелы, подбадривая себя бесовскими воплями, с прежним ожесточением схватывались с ангелами призрачными. Борьба становилась все более неравной.

— Немедленно к Трубу, Павел! — приказал я Ромеро. — Выводить ангелов из боя!

Ромеро вскочил на штабного пегаса, и вскоре ангелы стали покидать поле сражения.

Я спустился с холма и пошел в лагерь.

У Мэри на санитарном пункте кипела работа. Ангелицы-санитарки прилетали с ранеными. Истерзанные драконы приползали сами, а пегасов приходилось подгонять: даже с

поврежденными крыльями они норовили взлететь.

Но боль они сносили спокойно, ни один не ржал со злобой, когда ангелы-хирурги неумело брали в когти скальпель.

— Мэри, мне показалось, что Лусин падал! — сказал я. — Где Лусин?

— У Лусина легкое ранение, но Громовержец плох.

У Лусина была забинтована голова и рука на перевязи. Он горестно поглядел на меня, по щекам его катились слезы.

Громовержец лежал на боку без сознания. Глаза его были закрыты, великолепная корона боевых антенн помята — с остриев еще стекали синеватые предсмертные огни Эльма.

Я опустился на колени и прислушался к работе сердца. Сердце стучало неровно и глухо, то замирало, то часто и слабо билось. Я молча встал. Надежды не было.

— Такой друг! — шептал Лусин, плача. — Такой друг, Эли!

— Крепись, дорогой! — сказал я Лусину. — Каждый сегодня мог оказаться на месте Громовержца. В сражениях дорога к гибели шире дорог к победе.

15

Нет худа без добра: мы потерпели поражение, но узнали, на чем зиждется оборона Станции. Анализаторы, пока шла битва, определили физические параметры фантомов. Образования эти были воистину фантастической природы — почти без массы, однако оптически непроницаемы, какой-то сгусток энергетических излучений, среди них — и неизвестной нам природы.

— Я предупредил, что автоматы не более чем силовые поля, способные принимать любой телесный облик, — мрачно напомнил Орлан.

Это был один из тех редких случаев, когда он изменял своему мундиру безразличия.

Даже Труб был ошеломлен.

— Мы, ангелы, по природе своей — материалисты, — взволнованно высказался он на совете. — Мы отважимся сражаться против любого вещественного противника. Но против призраков ангелы бессильны. Борьба с привидениями — не наша стихия!

Больше всего я страшился, что эта паническая философия окостенит души. В борьбе с фантомами мы потерпели не так физическое, как психологическое поражение. И весь упор возражений запаниковавшим я построил на уничтожении философии страха.

— Сущая чепуха, что противник нематериален. Это, конечно, фантомы, но вполне материальные, ибо составлены из энергетических полей, а разве силовое поле — не одна из форм материи? Наши изображения на стереоэкранах и в видеостолбах несут в себе еще меньше массы, чем любой из фантомов, — почему же вы не бледнеете при виде стереоэкрана? Удивительность фантомов вовсе не в их мнимой нематериальности, а в том, что им удалось блистательно скопировать нас самих. Вот где загадка! И нужно распутать эту физическую загадку, чтоб не поддаться на новые хитросплетения. Не трястись перед потусторонними силами, а разобраться в новой научной проблеме — вот чего я сейчас от всех требую.

После такой отповеди обсуждение проигранного сражения стало деловым.

— Физическая загадка фантомов решается просто, — доказывал Андре — Если у противника имеются анализаторы высокого быстродействия, они легко отобразят все особенности нашего строения. А после этого не составит труда построить образ, оптически идентичный с нашим. Видеостолбы, о которых упомянул адмирал, работают как раз по такому принципу.

— Просто, легко, не составит труда! — с досадой сказал Осима. — Но у нас жалкие видеостолбы, то есть не больше чем оптические отображения, а у них отображения силовые. Разница!

— У нас чего-либо подобного, к сожалению, нет и в помине, — со вздохом поддержал Осиму Ромеро. — Объяснения ваши я могу принять, проницательный Андре, но вряд ли от них станет легче.

По тому, как скромно, никого не прерывая, Андре выслушивал посыпавшиеся возражения, я чувствовал, что он готовит сюрприз. Во всяком случае, так держался бы прежний Андре. Его глаза лукаво поблескивали. Он словно заранее наслаждался тем, что легко возьмет. Возникла надежда на благополучный поворот дел.

— Не легче? — переспросил он. — А я как раз собирался выпустить против неприятельских фантомов наши собственные, может, попроще по структуре, но для зрения убедительные.

— А для других ощущал, употребляя это местное словечко? — спросил я.

— Ты понимаешь, Андре, у зловредов… Простите, у защитников Станции анализаторы не ограничиваются зрением.

— Я и не собираюсь конкурировать с ними. Их фантомы воюют реально, мои же лишь спутают тактику противника: пусть он направляет удары на призраков, а не на нас. Истинные приведения, которых опасается Труб, будут сражаться на нашей, а

не на их стороне.

Ромеро с сомнением покачал головой. Ни Осиму, ни Петри с Камагиным Андре не захватил своим проектом. Орлан вновь замкнулся в мундире бесстрастия. Увлекающемуся Гигу зато очень понравилась идея Андре, Труба тоже восхитило, что на воинственную шайку фантомов будет спущена кровожадная орава призраков. Он предвкушал живописное зрелище.

— Война призраков против призраков, к сожалению, операция призрачная, а нам нужны реальные результаты, — указал Ромеро.

— Вы торопитесь, Павел. Призраки, конечно, не больше чем призраки, но борьба их будет вполне реальной. И дело лишь начинается, а не ограничивается их борьбой.

И все больше становясь похожим на прежнего увлекающегося Андре, он рассказал о главной своей идее. Оптическое войско явится лишь тактической приманкой. Пока фантомы противника отвлекутся борьбой против наших призраков, мы подготовим сокрушительную операцию. Приборы показывают, что противодействие врага складывается из двух противоположных действий, условно их можно назвать правым и левым полем. Когда правые и левые поля совпадают, они не погашают одно другое, но образуют своеобразный узел. Плюс с минусом в математике дают нуль, но в жизни правая рука сливаясь с левой, рождают рукопожатие. Фантомы не более чем узлы скреплений правых и левых взаимодействий, фокусы их слияний.

Электрические орудия Осимы, лазеры людей и молнии крылатых разрывали поля, но не уничтожали их симметрии — главная сила противника оставалась нетронутой. Нужно бить по гармонии, взрывать изнутри четность полей — только здесь гарантия победы.

— Найденные в обозе генераторы способны воспроизвести любое поле противника, — закончил Андре. — Пока фантомы будут расправляться с нашими привидениями, а орудия Осимы подбавят сумятицы в неразбериху, мы введем энергетическую систему врага в такие автоколебания, что никакие амортизаторы не удержит ее от распада.

Всех захватила широта замысла Андре, но я задал несколько вопросов. Он обиделся, как и раньше: в уточнении деталей ему неизменно чудились придирки.

— Не помню, чтобы ты что-либо принимал сразу, Эли, — сказал он в сердцах.

— А я помню, что даже в правильной идее ты где-нибудь всегда по запарке врешь. Сколько тебе нужно времени на подготовку армии призраков?

— Два дня и десяток хороших помощников. Разумеется, не таких скептиков, как ты.

— Дни у нас есть, помощников, непохожих на меня, тоже найдем.

16

Теперь на штабном холме нас было не трое, а добрых тридцать человек и союзников.

Второе сражение разыгрывалось точно по диспозиции.

В отчете Ромеро вы найдете технические подробности — и альберты потраченной мощности, и характеристику аппаратуры, и уровень иллюзорности призраков, и тактическое построение отрядов фантомов.

А мне вспоминаются звуки и краски, пламена и дымы, дикие рожи псевдосуществ одной стороны, лихо сражающихся с псевдосуществами другой стороны. Степень призрачности привидений, так волнующая ныне историков экспедиции, меня не затрагивает.

Когда навстречу нашим реальным войскам, выпущенным для «затравки» битвы — так назвал эту операцию Ромеро, — вынеслись полчища неприятельских фантомов, я от восторга затопал ногами. В образовавшейся свалке возникали все новые фигуры, их делалось все больше — призраки Андре вторгались в общую катавасию боя. И хоть я знал, что каждая из новых фигур — не больше чем оптическая иллюзия, я не мог отличить их от фигур реальных — так они были искусно сработаны.

Как было приказано, наши солдаты бросились назад, когда среди них стали возникать призраки. Со стороны это должно было восприниматься по-иному: часть нашего войска, устрашенная, ретируется. Оставив в покое ищущих спасения в бегстве, бестии противника с удвоенной свирепостью принялись уничтожать остающихся, то есть привидения. Призраки сражались против призраков в отнюдь не призрачной битве. Визга, грохота, воя, свиста, рева, грома, молний, взрывов гранат, гравитационных ударов, лазерных шпаг, световых наскоков и магнитных выпадов хватило бы на солидную многолетнюю войну наших предков.

Увлеченный картиной битвы, я не уловил момента, когда Андре запустил генераторы. Для начала Андре гигантски усилил все правоориентированные поля. Фантомы противника вдруг стали распухать, теряли четкие очертания, из тел превращались в силуэты.

Захваченный врасплох, противник спешно умножил поля левой ориентации, чтоб сохранить гибнущую симметрию, и,

точно поймав этот момент, Андре быстро подавил все правоориентированные потенциалы и вздыбил левоориентированные — добавил к вражескому усилению свое в том же, левом, направлении.

Бестии, продолжавшие сражаться с нашими призраками, так же стремительно, как перед тем распухали, стали теперь опадать, очертания их делались нестерпимо четкими — они превращались в абстрактные фигурки из живоподобных тел.

Там начался процесс расширяющихся автоколебаний. Сперва было одно колебание — фантомы то разом росли, расплываясь и тускнея, то разом же опадали, пронзительно очерчиваясь и накаляясь до белокалильного шара. А затем одно большое колебание распалось на несколько маленьких. Противник попытался смешать нашу игру резкими бросками полей то вправо, то влево, но Андре предвидел и эту защиту и хладнокровно ее парировал.

Вскоре одни из фантомов стали вырастать, в то время как другие уменьшаться — колебания не совпадали по фазе, но амплитуда их неудержима росла, размах метаний становился все грознее.

Неизбежным следствием этого процесса должен был явиться взрыв в энергетическом сердце противника. Но еще до того, как запланированный взрыв разметал утратившее контроль неприятельское войско, нам удалось увидеть непредвиденную междоусобную распрю, яростно вспыхнувшую среди фантомов. Уменьшающиеся ринулись на растущих, растущие наваливались на уменьшающихся. Несколько долгих минут над полем взаимного истребления взвивались ревы, вопли и визги, — и все потонуло в гигантском взрыве.

Над куполом взвился столб дыма, крутящееся пламя сожрало остервенело сражающиеся фантомы врага. Защита противника была сокрушена.

На поле высыпали наши солдаты, реальные солдаты, не оптические привидения. Бешено хлопая крыльями, в иглах молний, пронеслась армия Труба, лихо помчалась звонко ржущая крылатая конница Камагина. А в центре, не прикрываясь больше невидимостью, весело грохотали живые скелеты Гига, и свирепо коптящие ящеры Лусина старались ни на метр не отстать.

И четко, как на диковинном параде, закрепляя своим тяжким строем порыв подвижных войск, на последний штурм купола двинулась железная армия головоглазов Орлана, а по бокам ее шагали две колонны людей с Осимой и Петри во главе.

— Эли! Андре! — услышал я голос Ромеро, покрытый гулким ржанием. — Да скорее же, друзья!

Три пегаса, тяжело махая крыльями, норовили взлететь с холма. На одном уже гарцевал Ромеро, на двух других вскочили Андре и я.

Мы понеслись к дымящемуся развороченному куполу, куда уже ворвались наши легкие отряды — ангелы и невидимки.

17

Я с отвращением смотрел на захваченного Надсмотрщика Станции. Он напоминал человека — но изуродованного до бесчеловечия! У него не было шрамов от ран, никакие раны не сумели бы так обезобразить человека. Он был переконструирован.

Он был выше любого из нас — гигант трех метров росту. Лицо у него было почти красивое, холодные глаза смотрели настороженно и угрюмо, темные волосы закрывали уши и шею. Но вместо ног он был снабжен двумя гибкими шлангами, свободно гнущимися в любой точке, а вместо рук такими же рычагами, покороче ножных, с десятью присосками на концах. И у него, конечно, было туловище, торсу его мог бы позавидовать любой из греческих богов, но на животе — в схватке с него содрали одежду — виднелась вмонтированная в тело дверца. Камагин, захвативший в плен гиганта, не преминул распахнуть дверцу: у Надсмотрщика были не живые внутренности, а приборы, аккумуляторы и моторы!..

Это человекоподобное образование не жило, не питалось, не болело, не дышало и не спало, а заряжалось, заправлялось, терпело аварию и ремонтировалось, чистило контакты и сменяло отработанные прокладки!

А позади Надсмотрщика, понурил головы, стояла группа инженеров Станции, захваченная у пультов и аппаратов, — живые машины рядом с машинами механическими. Когда их оттаскивали от механизмов, они сопротивлялись и вскрикивали, речь их по звукам казалась почти человеческой…

Надсмотрщик, покачиваясь на согнутых нижних шлангах, обводил нас ненавидящими глазами. Он бегло скользнул взглядом по мне, по Ромеро, по Андре. Потом взгляд его упал на Орлана — и он разом преобразился. Нам почудилось, что туловище его выстрелило вверх — так быстро разогнулись шланги.

— Орлан? С врагами вместе? — прохрипел Надсмотрщик.

Отвратительный голос раздавался словно из поломанного ящика. Наручный дешифратор легко переводил его слова на нормальный человеческий язык.

Орлан сделал два шага вперед и, не торопясь, вытянул голову

вверх. Мы были с ним так хорошо знакомы, что без труда разбирали интонации движений его шеи. Надсмотрщика Орлан приветствовал иронически, почти издевательски.

— Вместе — да. Но не с врагами, а с друзьями.

— Ты — изменник, — грозно установил Надсмотрщик. — Все мы удивлялись твоему возвышению. Говорили, что ты берешь умом. Ты взял вероломством. Конец твой будет ужасен. При встрече с Великим я расскажу правду о твоем поведении.

Тут впервые мы узнали, что разрушители могут не только улыбаться, но и хохотать.

Орлан заливался и освещался смехом, хохотали его рот, его лицо, волосы, тело и руки. И немедленно в ответ ему раздался дикий хохот Гига, бравый невидимка не мог упустить повода весело погромыхать костями и косточками.

— Все расскажи Великому при встрече, все расскажи, — проговорил Орлан, насмеявшись. — И встреча у вас будет скорая — в одной из тюрем, куда мы навечно его упрячем. А теперь отвечай на вопросы, которые тебе зададут люди.

Допрос проводил Ромеро. Мы с Андре отошли.

Меня мучило ощущение, что я где-то и когда-то уже видел эти стены и пульты. Но когда я стал говорить об этом Андре, он нетерпеливо отмахнулся.

— Чепуха! — сказал он. Хотя я теперь был его начальником, он не приучился держать себя с субординационной вежливостью. — Где-то, как-то!.. О любом неведомом явлении можно сказать, что вспоминаешь его вот так же… «струной звенящей в тумане», как выразился в древности один писатель.

После насмешек Андре мне уже не казалось, что я знаком со Станцией.

Ромеро начал с вопроса Орлану:

— Дорогой союзник, вы знали, что на Станции работают человекообразные?

— Только об одном это знал — о самом Надсмотрщике. Его кандидатура была представлена Великому, тогда же мы и познакомились с Надсмотрщиком. До этого мы знали лишь, что он потомок пленных галактов, переделанный для работ особой секретности.

Ромеро обвел рукой инженеров Станции:

— А эти существа тоже потомки галактов?

— По-видимому, да. Точнее ответит Надсмотрщик.

Ромеро переадресовал вопрос Надсмотрщику.

— Все служители Станции — потомки пленных, все мы живые существа, народившиеся и смертные, всех нас в свое время переконструировали, — разъяснил тот.

— Значит, между вами нет различий?

— Между нами огромное ранговое различие, определяющее нашу личную значительность в иерархии. Одни из нас могут быть воспроизведены путем сочетания разнополых индивидуумов, другие — нет. Вы уловили разницу?

— Кажется, да. Индивидуальное производство потомства путем сочетания разнополых существ в одну супружескую пару… Людям этот способ знаком. Вас можно воспроизвести этим методом?

— Ни в коем случае! — объявил он величественно. — Я существо высшей категории. Кустарные индивидуальные роды не могут создать творение моей категории. Меня после первого акта рождения нужно отделывать на конвейере, пока я не буду доведен до совершенства. Но те безмозглые, — он вывернул ручной шланг на своих подчиненных, — как появились на свет в результате низменных родов, так и были оставлены идиотами.

Я еле удержался, чтоб не прыснуть, Ромеро укоризненно скосил на меня глаза. Потупивших головы инженеров Станции явственно угнетало низкое рождение. Он, несомненно, был аристократом в их среде.

— Зачем вы, пленник, ругаете своих помощников безмозглыми? — спросил Ромеро.

— Я не ругаю, а квалифицирую, — ответил он равнодушно. — Их индивидуальные мозги вынуты и взамен вставлены датчики связи с Главным Мозгом Станции. У меня же мозг сохранен, чтоб я наблюдал за Главным Мозгом. Я — Надсмотрщик Первой Имперской категории, моя функция — контролирование Главного Мозга Станции.

— Главный Мозг Станции полностью подчиняется вам?

— Должен подчиняться. Иногда бывают аварии. Главный Мозг — всего лишь биологический автомат плебейского естественного происхождения. Вынули у ребенка мозг, искусственно развили в питательной среде…

— Вы сказали — бывают аварии? Как это понять? — продолжал допрос Ромеро.

— Ну, как! Авария как авария. Бывает и похуже, чем аварии. Во время Большой войны с галактами дальний предшественник нынешнего Мозга взбунтовался, и галакты чуть не захватили Третью планету. С тех пор к каждому из шести Главных Мозгов представляется Надсмотрщик аристократического, конвейерного, производства. Главный Мозг — мой раб. Если он выйдет из повиновения, я тут же его уничтожу.

— Ваш Главный Мозг функционирует четко?

— Если бы он функционировал четко, вас не было бы здесь.

Высадка вашего звездолета не была запрограммирована, тем более захват Станции.

— Почему же вы не уничтожили Мозг Станции?

— Неповиновения не было. Все мои приказы он выполнял. Я сам контролировал распоряжения, которые он отдавал исполнителям. Он оставался послушным мне до взрыва, когда я внезапно полностью потерял с ним контакт.

— Но вам не посчастливилось нас уничтожить?

— Не посчастливилось. Очевидно, повреждены исполнительные схемы команд. Неполадки наблюдались и прежде. Меня назначили сюда потому, что прежний Надсмотрщик доложил о внезапном ослаблении контроля над Мозгом.

— Фантомы создавались вами или им?

— Низменное умение создавать мне не по рангу. Надсмотрщики Первой Имперской категории приравнены к Разрушителям Четвертого Имперского класса. Мне доверены все функции контроля и одна функция разрушения — уничтожение Главного Мозга Станции, если он выйдет из-под контроля.

Ромеро, хотя и не часто, но изменял своему подчеркнутому спокойствию. И тогда он никому не казался вежливым.

— По-моему, с этим болваном больше беседовать не о чем, адмирал. В подвалах Станции имеются казематы, отлично подходящие ему по размеру. Я бы предложил пройти в помещение Главного Мозга Станции.

18

Я вскрикнул, едва переступил порог. Я предчувствовал, что меня ждет неожиданность, готовился к неожиданности, но когда неожиданность совершилась, у меня затряслись ноги.

В помещении, куда мы сейчас вошли, я не раз бывал в моих снах.

Это была галактическая рубка разрушителей — высокий, теряющийся в темноте купол, две звездные полусферы вверху, сейчас они были темны, но я помнил, как они горели звездами и корабельными огнями, именно здесь, задрав вверх голову, я с замиранием сердца следил в сновидении, как флот Аллана штурмует теснины Персея…

И посредине зала, между полом и потолком, тихо реял полупрозрачный шар. Тогда, в вещем своем бреду, я страшно боялся приблизиться к нему, а сейчас сам стремился поближе, но ноги плохо слушались меня — в шаре плавал в питательной жидкости Главный Мозг Станции…

Не знаю, сколько бы я так стоял на пороге, радостно

ошеломленный, не давая никому пройти, если бы в помещении не раздался обращенный к нам Голос.

Нет, я должен на этом остановиться!

В моем безыскусном повествовании, где одна правда и нет ни атома фантастики, лишь голос этот, звучавший отовсюду: сверху, с боков, в нас самих, — лишь он и сейчас мне кажется фантастическим. Я слышал его много раз, я путал его с собственным голосом, с голосом Орлана, — теперь он был сам по себе, свой, а не переданный другому, знакомый в целом и в мелочах, в каждом звуке, в каждом придыхании — знакомый!

Он был чудесен, чарующе красив, звучен, торжествен… Я говорю чепуху! Этот голос был добр — вот главное в нем.

— Входите, люди и друзья людей! — проговорил Голос. Один Ромеро среди нас так свободно владел лексикой и произношением на современном международном человеческом языке, как этот Голос, никогда до того не знавший человека. — Я долго ждал вас — и вы наконец пришли!

Спазма сжала мне горло. Ромеро с мольбой посмотрел на меня, Андре сердито толкнул локтем. Мне надо было ответить на обращение Голоса, но всех моих сил хватило лишь пробормотать что-то невразумительное.

— Я рад, что вы здесь, адмирал Эли! — продолжал Голос. — Я счастлив, что вы победили.

Я отчаянно придумывал, что бы сказать торжественного и величественного, только это и подходило к случаю, но в голову упрямо лезли одни глупые мысли, и я, ужасаясь своей нетактичности, сдавленно выговорил:

— Если ты рад нашей победе, почему ты не помог нам победить?

Голос ответствовал с мягкой укоризной:

— Я помогал вам, Эли.

Я в смятении посмотрел на товарищей. Вид у них был не умнее моего. Общее смущение подействовало на меня успокаивающе. Я поправился:

— Я хотел сказать: ты мог бы открыть двери Станции без кровавых сражений с фантомами.

Укоризна в Голосе стала слышней:

— Ты забыл о Надсмотрщике, которого вы заперли в каземате. Этот глупец проверял каждую мою команду. Мне пришлось искать путей, недоступных его пониманию.

Я понемногу оправлялся от потрясения. Я уже не искал мыслей, чтоб выпалить их, не раздумывая, годятся ли они. Теперь я задавал вопросы важные, а не случайные.

— Ты назвал меня по имени… Очевидно, ты хорошо знаешь

нас всех?

— Да, хорошо. И секретаря адмирала, Ромеро, и трех капитанов — Осиму, Петри и Камагина, и доброго Лусина, и тебя, бедная Мэри, потерявшая единственного сына, — я пытался спасти его, но не сумел… И тебя я знаю, умный Орлан, я часто навещал тебя, нашептывая свои планы и порождая в тебе мучительные сомнения. И ты, смелый Гиг, встречался со мною, мы с вашей высадки на Третьей планете работали с тобой на одной мозговой волне. И в тебе, храбрый Труб, я не раз говорил твоим же голосом, правда, ты мало прислушивался к своему голосу. И с тобой я беседовал, блистательный Андре, так умело лишивший себя разума, я вместе с твоими друзьями помогал тебе выбраться из трясины безумия. Все вы мои знакомые и друзья с момента, как я закрыл вашим кораблям выходы из Персея. Но ближе всех мне ты, Эли, твои могучие мозговые излучения раньше других человеческих излучений уловили мои приемники и тебе я, единственному, открыто являлся в сновидениях.

Ромеро, наклонившись ко мне, шепнул:

— Положительно, этот таинственный Голос — неплохой человек! Как по-вашему, адмирал?

Я с волнением упрекнул Голос — мне вспомнились наши метания в тенетах Персея:

— Ты сказал — закрыл выходы… Ты отрезал нам пути к спасению, так будет вернее!

Голос оставался таким же добрым, но в нем зазвучала печаль:

— А разве вы прорывались в Персей, чтоб немедленно искать спасения из него? Вы хотели узнать, что происходит в нашем скоплении — и я осуществил для вас эту возможность. А сейчас я передаю в ваши руки мощнейшую из крепостей ваших врагов, — тебе этого мало? Ход космической войны между вами и разрушителями переламывается в вашу пользу, — по-твоему, это называется отрезать вам пути к спасению?

Я почувствовал себя пристыженным. Появление Голоса было слишком неожиданным, чтоб я успел сразу оценить все следствия из этого.

В чем-то он походил на МУМ, такой же обстоятельный, сообщаемые им сведения были так же исчерпывающе точны. Да и роль его здесь, на Станции Метрики, была аналогична роли МУМ на наших галактических кораблях.

Но было и важное различие, все мы его ощущали. МУМ остается бесстрастной, какую информацию ни передает, она — машина, гениально сконструированная машина. Голос был человеком. Ромеро тонко сказал о нем: так разговаривать, как говорил он, могли мы сами.

И, вероятно, это человеческое, слишком человеческое в нем и было причиной того, что во мне возбудились сомнения. Не столкнулись ли мы с новой имитацией нас самих? Фантомы на Третьей планете были достаточно правдоподобны, чтоб исключить еще одну иллюзию, на этот раз не оптическую, а акустическую. Хитрость врага была не менее вероятна, чем участие друга. Я приказал себе не поддаваться очарованию Голоса. Я попросил:

— Расскажи, что нового на границах Персея.

Он ответил — и в нем звучало сочувствие к моему нетерпению и моей тревоге:

— Когда я отсекал конвойные звездолеты от «Волопаса», человеческий флот преодолел первую линию преград. Путь в глубины Персея непрост — брешь, образованная моим переходом к вам, прикрыта другими Станциями Метрики. К сожалению, пять остальных Главных Мозгов остались верны разрушителям. Они почти равны мне по могуществу, но иные по влечениям.

— Ты сказал — по влечениям. Как это понимать?

— Они — исполнители. Я — мечтатель.

Все его ответы были удивительны, этот показался мне всех удивительней.

— Мечтатель? Невероятно!

— Еще недавно тебе показалось бы невероятным само мое существование.

— Верно. Но о чем ты мечтаешь?

— Обо всем, что затрагивает мое воображение. Пять моих собратьев трудятся, потом отдыхают. Я мечтаю, а отдыхая от мечтаний, тружусь, то есть руковожу Станцией. Временами я изнемогаю от мучительного воображения, слишком горячие мечты сжигают мои клетки… Тогда я тоскую. Тоска — одна из форм моего существования.

— Ты не ответил, Мозг…

— Я ответил — мечтаю обо всем.

— Мне это непонятно. У людей мечты имеют направленность. Я бы сказал: человеческие мечты — векториальны… Тебе понятен такой язык?

— Вполне. Продолжай.

— Мы обычно мечтаем о том, что сегодня не дается, но завтра будет осуществлено. Наши мечты предваряют дела, они — первые ласточки готовящихся действий. Практичность — вот что лежит в фундаменте нашей фантазии. У тебя по-иному?

— Совершенно по-иному. Я мечтаю лишь о том, чего никогда не сумею совершить. Мои мечты не предваряют дела, а заменяют их. Ваши мечтания — нащупывание еще не раскрытых

возможностей. Мои мечты — вечная моя тоска по отсутствию возможностей.

В третий раз он упоминал о своей тоске. Никакой программой имитации такие объяснения не могли быть предусмотрены, они были бы излишни в любой форме обмана. Теперь я не сомневался, что Голос — тот, за кого себя выдает. И мне казалось, что я обрел ключ к расшифровке его действий, начиная с самого важного — ухода от разрушителей к нам.

— О чем ты тоскуешь, Мозг? Поведай нам свои печали.

— Поймете ли вы их? Вы свободны, а я невольник. Могущественный узник, настолько могущественный, что мог бы обратить в прах миллионы живых существ. И одновременно — раб! Никому из вас незнакомо ощущение несвободы.

— Почему же? Мы лишь недавно из плена. Каждый из нас хлебнул горечи неволи.

— Временной, человек! Вы верили, что заключение должно закончиться, надеялись на это, знали об этом! Вы добивались свободы, как чего-то возможного, — и добились ее. А я в заключении вечном. Вдумайся, адмирал Эли! Вслушайся в эти слова — вечная неволя! Неизменное, нерасторгаемое, неизбывное заключение — от начала до конца жизни! Сама твоя жизнь — как естественная форма неволи, и единственное освобождение — смерть! Вдумайся в это!

Я поставил себя на его место и содрогнулся.

— Понимаю, Мозг. Ты мечтаешь об одном — о свободе!

— Обо всем, боже мой, обо всем! Обо всем, что по ту сторону меня. Обо всем, что для меня недостижимо. О всем во Вселенной! О всей Вселенной!

Я не знал, о чем спрашивать дальше. Все мы, не я один, были пристыжены нашим благополучием перед лицом этой непрестанной неустроенности. Страстный Голос тосковал о свободе, мы до боли в сердце понимали его. Теперь мне стыдно было, что я смел заподозрить этого страдальца в мелком обмане, спутал его величавую печаль с хитрой интригой.

— Расскажи о себе, Мозг, — попросила Мэри. — Ты назвал нас своими друзьями, ты не ошибся — здесь одни твои друзья, верные, нежные друзья!

19

Он раздумывал, может быть, колебался. Он, казалось, не был уверен, нужно ли нам так глубоко проникать в темные недра его страданий. Он уже был нам другом, но еще не убедился, все ли мы стали его друзьями. Над ним слишком долго нависала черная

скала чужой подозрительности, он слишком долго испытывал страх, чтоб сразу отделаться от него.

Он не был вечен, но был стар, если измерять существование земными стандартами. И с первого проблеска сознания он помнил себя отделенным от тела. Он, несомненно, зародился в организме какого-то родителя, очевидно, пленного галакта, он мог быть мозгом ребенка-галакта, но его определили в самостоятельное существование еще до того, как появилось самопонимание. И с того же времени, еще в досознательной его жизни, его специализировали на управлении Станцией Метрики на Третьей планете. Он всегда был тут и всегда был один.

Возможно, сначала он дублировал чей-то одряхлевший мозг, впоследствии уничтоженный, когда молодой сменщик стал способен к самостоятельному функционированию, — ничего этого он не помнит. И он не помнит своих наставников, он допускает, что они были, но их наставления доходили до него безымянными импульсами, его натаскивали, а не обучали, — так ему представляется сейчас. Его создавали мыслящим автоматом, но он не удался, он отошел от программы, хотя среди шести Главных Мозгов, обеспечивающих безопасность Империи разрушителей, он не считался хуже других.

Он, в отличие от них, не только обучался, но и пробуждался.

По мере того как умножались запрограммированные знания, нарождались непредусмотренные влечения. Чем дальше он углублялся в мир, тем трагичней отделялся от мира. В нем рождались чувства. Так впервые он понял, как многого его лишили, лишив тела.

Так началась тоска о теле. Он неистово, исступленно, горячечно жаждал тела, любого тела, рядовой плоской оболочки. Тела, что могло бы ходить, ползать, прыгать или летать. Он хотел прыгать и ползать, летать и падать. Он желал утомляться от бега, отдыхать, снова утомляться, испытывать боль от ран, сладость выздоровления. Ему, неподвижному, было доступно любое движение мысли, его же томила тоска по простому передвижению — пешком, прыжком, ползком, ковылянием…

Он мог привести в движение звезды и планеты, столкнуть их в шальном ударе, разбросать и перемешать, но был неспособен хоть на сантиметр переместить себя. Он властвовал над триллионами километров пространства, квадриллионами тонн массы, но не было у него даже тени власти над самим собой. Почти всемогущий, он страдал от бессилия. Он не мог плакать, не мог кричать, не мог ломать руки и рвать на себе волосы, ему было отказано даже в простейших формах страдания — он был навеки лишен тела.

И тогда он породил мечты, более реальные, чем существование. Он уносился в места, где никогда ему не бывать, становился тем, кем никогда не стать. Он был галактом и разрушителем, ангелом из Гиад и шестикрылым кузнечиком из Стожар, драконом и птицей, рыбой и зверем, превращался даже в растение — качался на ветру былинкой, засыхал одиноким деревцем под жестоким солнцем, наливался тучным колосом на густой ниве… Он играл, веселился, резвился напропалую — в чужом, навеки недоступном облике. Он знал все формы жизни в их звездном районе, ему нужны были такие знания, чтоб покорять жизнь игу разрушителей, он умело выполнял предписанные функции, а про себя, для себя, в себе был каждым из тех, о ком узнавал. Лишенный собственной жизни, он прожил миллионы других — был мужчиной и женщиной, ребенком и стариком, любил и страдал, тысячу раз умирал, тысячу раз нарождался — и в каждом порождения своей мечты полностью насыщался всем, что оно и могло дать, — счастьем и горем, весельем и печалью…

Так, погруженный в свое двойное существование, он уже был уверен, что состарится, не узнав молодости, когда в Персее пронесся чужой звездолет, первый посланец человечества, и сосед его, Главный Мозг на Второй планете, пытался и не сумел закрыть звездолету выходы.

Чем-то неизвестным и необычайным сверкнуло в мрачной неевклидовости Персея: в глухой паутине забилась чужая яркая птица и, разорвав паутину, вырвалась на волю. Мозг на Второй был ошарашен, этот же, на Третьей, ликовал. Жизнь не кончалась в Персее, нет, где-то далеко за звездной околицей Персея появилось могущество, превышавшее мощь разрушителей, — превращенная в пустоту Золотая планета грозно напоминала об этом. И то были не загадочные рамиры. Сумрачный народ, равнодушный ко всем формам жизни, рамиры углубились в ядро Галактики. Нет, это были живые существа, все шесть Мозгов принимали их депеши, их взволнованные переговоры с галактами, их воззвание к звездожителям Персея, все знали, что они волнуются, негодуют, ужасаются, гневаются — живут!..

Увидеть их, услышать их, стать их другом — другой мечты у Главного Мозга на Третьей планете отныне не было. И когда три человеческих звездолета вновь вторглись в лабиринт Персея, Мозг на Третьей, закрыв им дорогу назад, не дал их уничтожить. Он не допустил до неравной битвы одного «Волопаса» против соединенного флота разрушителей, был готов разметать весь этот флот и впоследствии разметал его, когда «Волопаса» влекли на гибель в глубины скопления.

Так первые живые существа — не биологические автоматы,

нет, люди и их союзники — ступили на запретную почву безнаказанно. «Неполадки на Третьей планете» — вот как в панике назвали его переход к нам потрясенные разрушители.

— Все мне было открыто в вас, я стал сопричастен каждому, — доносился до нас грустный Голос. — Здесь, на планете, я был каждым из вас в отдельности и всеми вами сразу — и еще никогда я так не тосковал о вещественной оболочке, каждому данной, мне одному недоступной, чтоб навсегда, полностью оставаться с вами, быть одним из вас, все равно кем — человеком, головоглазом, ангелом, пегасом…

Ромеро пишет в своем отчете, что я принимал решения мгновенно и часто они были так неожиданны, что всех поражали. В качестве примера он приводит то, что произошло в конце разговора с Мозгом.

Но неожиданность была лишь для него, ибо он размышлял о другом, чем я, и Андре размышлял не о том, и Лусин, и даже Мэри, — понятно, они удивились. Но я сделал лишь естественные выводы из собственных моих раздумий, неожиданного для меня в моих решениях не было.

Я хочу остановиться на этом.

Ромеро слушал излияния Голоса и думал о том, насколько иными путями, сравнительно с нашими, пошло техническое и социальное развитие разрушителей — так он утверждает сам. Лусина, Андре и Осиму с Петри одолевало возмущение. Если бы нам пришлось создавать аналогичную Станцию Метрики, размышляли они, то мы смонтировали бы на ней МУМ и оснастили ее передаточной и исполнительной аппаратурой. А эти разрушители насадили сложнейшую иерархию рабства и бесчеловечности, чтоб решить не такую уж сложную техническую задачу.

Что, в сущности, эти безмозглые операторы, которых мы убрали вместе с Надсмотрщиком, — именно так: что, а не кто они? Распределительное и командное устройство — простенькие приборы. Разрушители не конструируют аппараты, как люди, они калечат живое существо, низводят его до уровня технического придатка к другому, еще более искалеченному существу, тоже машине, по сути. Жестокость, бессмысленность этого терзали Ромеро, он содрогался от негодования и скорби, слушая Голос. Так же слушали его и другие.

Не могу сказать, что такие же мысли не являлись и мне. Но я издавна так ненавидел разрушителей, что новой пищи для ненависти мне не требовалось. Я думал о том, как помочь Главному Мозгу Третьей планеты. Я обратился к нему:

— Но если бы ты, вдруг обретя телесное вместилище для

себя, стал рядовым существом, ты потерял бы многие из нынешних своих преимуществ… Ты и сейчас не бессмертен, но долголетен, а тогда над тобой витал бы призрак скорой смерти. Ты сполна получил бы не только радости, но и горечи жизни. И ты лишен был бы своего могущества над пространством и звездами, своего проникновения в жизнь и мысли каждого существа, сопричастия всему живому, как сам ты говоришь… Всесилие твое неотделимо от твоей слабости. Подумал ли ты обо всем об этом? Пошел бы на все это?

Он ответил с глубокой скорбью:

— Что мне власть, если нет жизни? Что всесилие, если оно лишь иновыражение слабости? И зачем ясновидение, если я даже притронуться не могу к тому, что понимаю так глубоко?

Я повернулся к Лусину:

— Громовержец, кажется, еще жив?

— Умрет, — печально сказал Лусин. — Сегодня. Если не уже. Спасенья нет. Мозг поврежден.

— Отлично! Я хотел сказать — жаль бедного Громовержца. Теперь скажи — ты смог бы пересадить Громовержцу другой мозг, живой, здоровый, могучий — и тем спасти своего питомца от смерти?

— Конечно, — подтвердил он спокойно. — Простая операция. Делали посложней. В ИНФе. Новые формы. Невиданные существа.

— Знаю, — сказал я. — Уродливые боги с головой сокола. — Я опять обратился к Голосу: — Ты слышал наш разговор. Вот тебе превосходная возможность обрести тело. Раньше ты, разумеется, раскроешь нам пространство, поможешь восстановить звездолет и научишь работе с механизмами Станции, но обо всем об этом потом. Сейчас мы решаем в принципе — согласен?

— Да, да, да! — гремело и ликовало вокруг. — Да! Да! Да!

— Тогда поздравляю тебя с превращением из повелителя пространства и звезд в обыкновенного мыслящего дракона по имени Громовержец.

— На это я не согласен! — сказал он вдруг, и никто из нас сразу не понял, чем он недоволен.

— Не согласен? — переспросил я в недоумении. — С чем?

— С именем. В мечтах я давно подобрал себе другое имя! Раньше оно выражало мою тоску, теперь будет выражать мое счастье.

— Мы согласны на любое. Объяви его.

Он выдохнул единым торжествующим звуком:

— Отныне меня зовут Бродяга.

Часть четвертая
ГОНИМЫЕ БОГИ

Господи, отелись!

С. Есенин

Я думал — ты всесильный божище, а ты недоучка, крохотный божик.

Видишь, я нагибаюсь, из-за голенища достаю сапожный ножик.

Крылатые прохвосты! Жмитесь в раю!

Ерошьте перышки в испуганной тряске!

Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою отсюда до Аляски!

В. Маяковский

1

Я все-таки был осторожен, что бы Ромеро ни говорил впоследствии о моем безрассудстве. Нетерпеливо стремившийся к телесному воплощению Мозг сетовал на мое бессердечие. Но я твердо постановил — раньше распутать тысячи сложных вопросов, а потом лишь осуществить обещание.

— Рассказывай, что натворили с МУМ, — сказал Андре вскоре после захвата Станции. — Надеюсь, ты отдаешь себе отчет, что без надежно работающей машины отпускать Мозг в самостоятельное существование равносильно самоубийству? Или ты сам собираешься занять место Главного Мозга?

Чужие места я занимать не собирался. Но я верил, что Андре удастся восстановить МУМ, и не скрывал своих надежд.

— Воспользуйся помощью Мозга, — посоветовал я. — Но как добраться до звездолета? Проделать обратный путь по этой планетке мне не улыбается.

— Так вот, — сказал Андре. — МУМ мы доставим на авиетке, есть возможность перевести их с ползанья на полет. Но восстановленная МУМ понадобится на звездолете. А на планете ты отпускаешь Мозг. Как быть? Проблема, не правда ли?

— Проблема, — согласился я.

Я не сомневался, что у Андре уже имеется проект ее решения.

— Выход такой: Мозг на планете заменю я, а меня будут дублировать Камагин и Петри. Имеешь возражения?

— Только сомнения. Для роли твоих дублеров Эдуард и Петри, возможно, подойдут. Но подойдешь ли ты сам для роли дублера Мозга?

— Сегодня он обследовал нас троих. Меня принял сразу, а Эдуарду с Петри придется потренироваться. — Андре запальчиво закричал, предваряя новые возражения: — Все знаю, что скажешь! Ты жестоко ошибаешься. Он страшно жаждет воплощения, но не ценою гибели планеты. Если бы ты видел его в работе, ты был бы поражен его добросовестностью. И, между прочим, функции его не сложны.

— Не увлекаешься ли ты?

— И не собираюсь! Ты просто забыл об операторах, тех инженерах, у которых вместо мозгов датчики. Не знаю, какие они организмы, а автоматы — превосходные. Мозг лишь координирует их действия. Пока не сконструируем столь же совершенные механизмы, придется операторов оставить на местах. Теперь последнее: раскрывать Третью планету в мировом пространстве буду я. Не маши руками, это предложил сам Мозг!

Взрыв на Станции принес больше психологических потрясений, чем реальных разрушений. Такие сооружения, как Станция Метрики, вообще невозможно разрушить — разве что полной аннигиляцией. Мы догадывались, что вся Третья планета представляет собою один огромный гравитатор, такой же искусственный механизм, как Ора, только тысячекратно крупнее Оры. Но никто из нас не смел и фантазировать, насколько грандиозны механизмы, составлявшие внутренность этой планеты. Человечеству, я уверен, понадобились бы многие тысячелетия, пока оно научилось бы создавать такие махины. Сейчас, когда я бродил и летал по внутренним помещениям планеты, мне представлялись наивными прежние мои восторги перед совершенством Плутона. Вот где было совершенство — совершенство зла, угрюмая гениальность недоброжелательства, свирепый шедевр тотального угнетения и несвободы!..

И еще я думал о том, на каком непрочном фундаменте зиждилась исполинская Империя разрушителей: мы даже и не ударили по ней, только толкнули — и она стала разваливаться!

Нет, думал я, знакомясь со Станцией, это непрочный цемент — взаимное недоброжелательство и ненависть, всеобщая подавленность и всеобщий страх, иерархически нарастающее угнетение…

Только взаимное уважение и дружба, только доброта и

любовь могут создать социальные сооружения вечные, как вечен мир!

Ромеро являлись мысли, схожие с моими.

— Вы знаете, дорогой Эли, я в свое время боролся против ввязывания в космические распри, и облики всех этих звездных нечеловеков порождали во мне одно отвращение. А сейчас я вижу, сколь ужаснее было бы наше будущее, если бы возобладала моя тогдашняя линия. Вся эта бездна коварства и разрушения могла обрушиться на неподготовленных к обороне людей внезапно!.. И хоть, согласитесь, облик Орлана и Гига достаточно нечеловечен, они вызывают во мне симпатию. Это ведь первые разрушители, добровольно отказавшиеся от разрушения во имя созидания. Правда, первая ласточка не делает весны, но она, во всяком случае, возвещает конец зимы. Что же до скрепляющей силы любви и разрушающей мощи ненависти, то должен вас огорчить, милый друг: открытия вы не совершили. Один древний философ, Эмпедокл, говорил то же самое, и гораздо лучше вас говорил, хоть вы родились на три тысячелетия позднее его.

2

Сворачивание пространства в неевклидову спираль совершалось быстро, но раскручивание представляло процесс длительный, так как станция еще не была полностью восстановлена. Андре вторую неделю сидел за пультом, под шаром, где по-прежнему покоился Мозг, и самостоятельно подавал команды операторам. Сработался с ними он превосходно, согласование с командами Андре шло даже лучше, чем раньше с приказами Главного Мозга: рядом не было тупого Надсмотрщика, подозрительно контролировавшего все импульсы…

Неевклидовость уменьшалась постепенно, мы медленно выкарабкивались в космос из искусственного кокона пространства. Золотое сияние неба слабело, в нем появлялась синева. Это было еще пустое небо, но уже не то, каким нависало над нами в дни перехода.

— Скоро будут звезды! — с волнением говорила Мэри. — Я так соскучилась по звездам, Эли! Мне так душно в этом нестерпимо замкнутом мире!

Меня временами охватывала такая же тоска по звездам. Но еще больше я тревожился того неизвестного, что могло прийти от звезд. В пространстве наверняка рыскали неприятельские крейсера, готовые отвоевать захваченную нами планету.

Когда Оранжевая закатывалась, мы выходили наружу и всматривались в небо.

Те же удивительные краски вспыхивали в нем, потрясающие закаты, нигде, ни до, ни после тех дней нами не виданные и, по-моему, навсегда потерянные для человечества, — никто ведь не будет сворачивать мировое пространство ради того, чтобы полюбоваться живописным закатом. А потом наступила ночь, глухая, черная, такая тесная, будто граница мироздания надвигалась вплотную, страшно было протягивать руку, каждый шаг заносился как над пропастью… Я обнимал Мэри, мы всматривались и вслушивались в темноту, предугадывая скорое появление мира — молча страшась и молча ликуя…

— Ты бездельничаешь, Эли! — оказал раздраженно Андре. — Мы вкалываем, как проклятые, а ты фланируешь по темной планете, как по родному Зеленому проспекту.

Пришлось отшучиваться:

— Лучшая форма моей помощи — не вмешиваться в вашу работу. Понимания ее у меня немного, а власти напортить — ого-го сколько!

И настала ночь. Слабо зажглась первая звезда, за ней вторая, третья… Неслышимый гравитационный ветер разметывал полог, отгородивший мир от нас, звезды вспыхивали, умножались. Лился удивительный звездный дождь, сотни ярчайших светил, тысячи просто ярких выныривали из незримости, небо бушевало мятежным сиянием — множеством блистающих глаз всматривался Персей в потерявшуюся было планету.

Мы находились тогда в рубке, и мне вообразилось, будто снова меня посетило сновидение, — так все было красочно неправдоподобно. Но за пультом сидел реальный Андре, а по бокам его — Камагин и Петри, над ними тихо реял реальный полупрозрачный шар, а рядом со мной реальный Осима — не фантасмагория из бреда — восторженно обнимал реального Ромеро. К счастью, в этот момент всеобщего ликования ни Андре, ни Главный Мозг не потеряли ясности мысли.

— Пространство в окружении Третьей планеты чисто, — объявил Андре. — Но в десяти парсеках сильное передвижение огней.

— Там концентрируется звездный флот разрушителей, — разъяснил Мозг. — Мне нужно связаться с собратьями на других Станциях Метрики, чтоб получить информацию о положении.

— О том, что на Третьей планете сменилась власть, сообщать пока не надо, — предупредил Ромеро.

— Знаем, знаем! — нетерпеливо отозвался Андре. — Дезинформация противника изобретена не нами. Для остальных Мозгов мы пока выкарабкиваемся из неполадок.

День за днем Мозг восстанавливал связи Третьей планеты с

другими звездными крепостями, систематизируя информацию.

Флот Аллана продолжал прорывать возникавшие преграды, но продвижение шло медленно. В районе прорыва концентрировались крейсера разрушителей. Ни один из кораблей галактов в межзвездном пространстве Персея не появлялся.

Мы собрали совещание командиров отрядов, и попросили Мозг высказаться, как действовать.

— Разрушителям пока не до нас. Верят ли они или не верят, что у нас лишь технические неполадки, но немедленное нападение на планету не грозит. Зато Аллану труднее. Скоро падет последний заслон неевклидовости — и корабли людей хлынут внутрь Персея. Великий разрушитель подготавливает грандиозное сражение. В толчее кораблей применять аннигиляторы люди будут осторожно, чтоб не уничтожить своих же, зато гравитационные орудия бьют без промаха. Я не могу исключить возможность взаимного истребления противников. Думаю, стратеги разрушителей замыслили именно это — обоюдное уничтожение.

Орлан подтвердил жестокий прогноз Мозга:

— Давно разработан план уничтожения населенных планет Империи на случай, если не удастся их защитить. Зажечь вселенский пожар, чтоб зарево его обожгло всю Галактику, — такая мрачная идея не может не импонировать Великому. А физических возможностей для истребления жизни в Персее у него хватит.

— Включая и звезды галактов? — уточнил я.

— Исключая звезды галактов, — разъяснил Орлан. — И здесь таится единственная возможность спутать зловещие планы Великого разрушителя. Нужно обратиться к галактам за помощью. Сейчас они уклоняются от открытой борьбы. Втянуть их в нашу войну — другого пути к победе нет!

Гиг захохотал. Рот у него реально, а не метафорически начинался от ушей, и, смеясь, Гиг распахивал его, как гигантские клещи.

— Биологические орудия! — пролепетал он. — Ну и штука! Трахнуть в Великого из биологички!..

— К Великому с биологическими орудиями не подобраться, — возразил Орлан. — Но если галакты оснастят ими ваши корабли, перевес людей в сражениях станет подавляющим.

Я спросил, поддерживает ли Мозг соображения Орлана. Мозг разделял все мысли Орлана.

— Тогда надо искать связи с галактами. Осуществима ли такая связь с твоей планеты, Мозг?

— Вполне осуществима, — заявил он. — В трех-четырех

парсеках несколько звезд с планетами галактов. Надо наладить избирательную связь с этими планетами. Придется сообщить о событиях на Третьей планете. Но вот беда — они могут нам не поверить. Они нас боятся и ненавидят, наши шесть планет специально созданы для борьбы с биологическими орудиями. Не я, но мой предшественник успешно поворачивал против самих галактов мощь их оружия…

После совещания Мозг обратился ко мне с вопросом, долго ли ему терпеть. Громовержец умер и законсервирован в ожидании операции, а Бродяга никак не может родиться.

Видя, что я колеблюсь, Андре вступился за Мозг:

— Чего ты трусишь? Если мы с Эдуардом и Петри сумели раскрыть планету, то сумеем и свернуть ее, а поддерживать внешние связи — еще проще.

— Понимаешь, Андре… Я верю в твои способности, но опыта у тебя, согласись…

— Не соглашусь! Говорю тебе, управлять Станцией проще, чем скакать на пегасе. И Мозг совсем не отстраняется. И после воплощения три часа в сутки он будет посвящать совместной работе с нами. Неужели и это тебе не устраивает?

— Делай операцию! — сказал я Лусину. — Но помните о трех часах. Голову сниму, как говорили древние начальники, если хоть минуту не дотянете до трех часов ежедневной совместной работы.

3

В отчете Ромеро обстоятельно рассказано, как пробудилась из дремоты МУМ и ожили все механизмы «Волопаса», как ослабла гравитация на планете после раскрытия ее в мировом пространстве и как все мы, освобожденные от перегрузок, наполнили воздух грохотом авиеток и шумом крыльев. Повторять все это не имеет смысла.

Не буду останавливаться и на том, как наладили связь с галактами, как они не сразу поверили, что мощнейшее космическое страшилище разрушителей перестало им грозить, и как, после долгих упрашиваний, согласились допустить наш звездолет в свои владения, но предупредили, что при обмане кара будет жестокой…

— Ух! — сказал я Мэри с облегчением, когда Ромеро отправил галактам согласие на их условия. — Запуганы эти таинственные создания!.. Ладно, на днях выступаем. Посоветуй, кого брать, кого оставить.

— Я посоветую взять меня. Помнишь, я тебя предупредила: где ты, Кай, там и я, Кая. Относительно же других не скажу, чтоб

Ромеро потом не разгласил, будто адмирал под башмаком у своей жены и ничего не решает, не спросив ее согласия. Кого ты собираешься взять?

— Ромеро и Осиму обязательно. Также Орлана и Гига. Вероятно, Лусина и Труба, парочку пегасов и драконов…

— И Громовержца?

— Ты имеешь в виду Бродягу? Его оставим на планете. Ты не смотрела, каков Мозг в новой ипостаси?

— Смотрела — забавен. Не знаю только, кто перестарался — ты ли, снабжая его телом, или он, эксплуатируя доставшееся.

В свободный час я выбрался к Лусину. Он выгуливал Бродягу на специальном драконьем полигоне. Я полетел туда на пегасе, в сопровождающие напросился Труб. Я спросил, как ему нравится возрожденный к новой жизни дракон. Ангелы драконов недолюбливают, хотя и не враждуют с ними, как пегасы, но Громовержец и у ангелов пользовался уважением.

— Посмотришь сам, — оказал Труб таинственно.

Дракон парил в поднебесье так высоко, что ни ангел, ни пегас не могли добраться до него. Я спешился на свинцовом пригорочке, рядом уселся Труб. Пегас пасся на золотой равнине, с досады на ее бесплодие постукивая по золоту копытом.

Бродяга, углядев нас, понесся вниз и причалил неподалеку. Возрожденный дракон выглядел величественней прежнего. Из пасти вываливался такой гигантский язык огня, а вверх поднимался такой густоты дымный столб, что я в испуге бы отшатнулся, если бы не знал, что огонь этот не жжет, а дым не душит. И приветственные молнии, ударившие у моих ног — две ямки в золоте обозначили попадание — были если и не грозней молний Громовержца, то и не уступали им.

— Отличная работа, Лусин, — похвалил я. — Импозантный зверь.

Лусин сиял.

— Новая порода. Поворот истории. Поговори с ним.

— Поговорить с драконом? — удивился я. — Но он же не сможет мне ответить.

Крылатые создания Лусина были немее губок, Громовержец не составлял исключения. Лусин объяснял, что в генетический код огнедышащих драконов в спешке заложили неудачную конструкцию языка и что теперь придется переделывать пасть и гортань, чтоб ликвидировать недоработку проекта.

— Поговори, — настаивал Лусин.

Глаза дракона, обычно кроткие, насмешливо щурились. Впечатление было такое, будто он подмигнул.

— Привет тебе, Громовержец! — сказал я. По-моему, ты

великолепно вписался в новую жизнь.

Дракон ответил человеческим голосом. Не видя, как он разевает пасть, я заподозрил бы, что разговаривает спрятавшийся поблизости человек.

— Мое имя не Громовержец, Эли!

— Да, Бродяга! — сказал я, смешавшись. Воскрешение дракона не так поразило меня, как появление у него дара речи.

Радость Лусина вырвалась наружу бурной тирадой. Лусин выбрасывал из себя слава орудийными залпами:

— Говорю тебе — поворот! Новые горизонты. Эра мыслящих крылатых ящеров. Разве нет, правда?

Выпалив эту длиннющую речь, Лусин изнемог. Он вытер глаза, обессиленно прислонился к крылу дракона. Оранжевая чешуя летающего ящера подрагивала, будто от внутреннего смеха. Выпуклые зеленоватые глаза светились лукавством. В беседу вмешался Труб:

— Изумительное творение! — Труб дружески огрел дракона крылом по шее. — Ангельское совершенство, вот что я тебе скажу, Эли!

Я наконец справился с изумлением.

— Как ты чувствуешь себя в новом образе, Бродяга? Тебе нигде?.. Я хочу оказать, черепная оболочка просторна?

— Ногу нигде не жмет, — ответил он голосом пижона в новых штиблетах и захохотал. Внешне это выразилось в там, что из распахнутой пасти посыпались огненные шары в облаках дыма. — Посмотри сам.

Он взмыл в воздух и кувыркался в вышине, то удалялся, то возвращался, то глыбой рушился вниз, то ракетой выстреливал ввысь, то замирал, паря. И все фигуры он проделывал с таким изяществом, так был непохож на прежнего величавого, но неуклюжего Громовержца, что я не раз вскрикивал от восторга. Лусин, сложив молитвенно руки, только вертел головой.

Решив, что воздушных пируэтов с нас хватит, Бродяга распластался у пригорка.

— Садись, Эли, прокачу.

Говорил он не очень чисто, шипящие слышались сильнее звонких, к тому же он шепелявил. Я как-то потом посоветовал ему взять у Ромеро урок произношения, но он возразил, что произношение Ромеро слишком монотонно. У меня он тоже учиться не захотел: я хриплю, у Мэри голос глубок, у Осимы — резок, Лусин же не разговаривает, а мямлит. Дракон доказывал, что лишь у него идеальный человеческий выговор, вскоре его манере речи будут все подражать, шепелявость и шипящие не портят, а облагораживают его речь — в них отзвук полета

наперегонки с ветром. Вообще Бродяга за словом в карман не лез.

— Полечу с условием, что ты больше не будешь кувыркаться в воздухе, — сказал я.

Лусин свистнул пегаса и пристроился с правого бока дракона, Труб полетел слева. Вначале мы шли чинной крылатой тройкой — вроде звездолета между двумя планетолетами, настолько крупнее своих спутников был Бродяга. При этом дракон так натужно махал крыльями, будто еле держал равнение.

Труба он не обманул, но мне показалось, что и вправду Бродяге долго не снести группового полета. А затем, неуловимо изменив ритм, он мигом вынесся вперед — до нас доносились лишь укоризненные крики Труба да обиженное ржанье пегаса.

Дракон летел, как ракета, легко и мощно, он уже не махал крыльями, а лишь свивал и развивал туловище — судорога пробегала по телу. С тех пор полет Бродяги и его потомства изучен во всех подробностях, но тогда я удивился и испугался. В шуме разрезаемого драконом воздуха, точно, было что-то не так свистящее, как шепеляво-шипящее.

Цепляясь за гребень, чтоб не свалиться, я крикнул — и едва услышал себя, так был силен поднятый Бродягой ветер:

— Трубу с пегасом за тобой не угнаться. Зачем ты их обижаешь?

Бродяге не пришлось напрягать легкие для ответа:

— Не обижаю, а знакомлю с собою.

— Подождем их, — взмолился я, когда ни ангела, ни пегаса не стало видно.

— Ждать — долго! — пробормотал он пренебрежительно и, повернув, помчался с той же быстротой назад.

Когда мы сблизились, над пегасом вздымалось облачко пара, да и Труб был не лучше. Обычно огнедышащие драконы не показывают и трети скорости Бродяги.

— Хорошо? Плохо? А? — допрашивал меня Лусин.

— Я же сказал тебе — отлично! Но что в тебе осталось от прежнего неподвижного Мозга-мечтателя, мой резвый Бродяга?

— Все мое — во мне! — похвастался дракон и так дернулся, что я едва удержался на гребне. Я попросил не выражать радости столь бурно. Он с увлечением крикнул, не слушая: — И уже не в мечтах, а на деле!

Мирно болтая, мы потихоньку возвращались к драконьему полигону, когда чуть не произошла катастрофа.

Дракон, до того тихо махавший крыльями, вдруг радостно закричал, взвился вверх и помчался куда резвее прежнего. А я не удержался на гребне и полетел вниз. И если бы Труб не подхватил меня на лету, я наверняка бы разбился о металлическую

поверхность планеты. Ангел бережно опустил меня на почву, рядом опустился пегас.

Лусин и Труб были белее водяной пены, я тоже не глядел героем. Пегас злобно ржал и бил копытом. Инстинктивная вражда его народа к драконам получила новую пищу. Уносившийся дракон быстро превратился в темную точку.

— Взбесился, что ли? — спросил я.

— Любовь, — оказал Лусин. У него отлегло от сердца, когда он убедился, что я невредим. И теперь он опять готов был восхищаться любым поступком дракона. — Удивительное чувство. Ошалел.

— Допускаю, что любовь — чувство удивительное, но еще удивительней, что из-за его шальной любви должен погибать я. Разве я ему соперник?

Из объяснения Лусина я понял, что в стаде Лусина четыре драконицы, а Бродяга почувствовал себя настоящим мужчиной. Он решительно оттеснил других драконов и яростно ухаживает сразу за четырьмя драконицами, особенной же его привязанностью пользуется белая, она моложе и кокетливее других. Когда белянка появляется в воздухе, Бродяга закатывает такие курбеля, что страшно смотреть. Сейчас в отдалении пролетела пеструха, к той Бродяга похолодней.

— Я рад, что подвернулась пеструха, а не белянка, — сказал я. — Угрожавшая мне опасность, вижу, была прямо пропорциональна силе его любви. Но рассей мои недоумения, Лусин. Сколько помню, у твоих драконов строжайшая моногамия, Андре даже пошутил как-то: «Драконическая верность».

— Любовь, — повторил Лусин, пожимая плечами. — Ужасное чувство. Бездна непостижимого. Не понять.

Лусин всю жизнь прожил холостяком. Ему, конечно, не понять любви, даже драконьей.

Минут через десять мы сноса увидели Бродягу. Он промчался мимо, что-то выкрикнув на лету. За ним тянулся густой шлейф дыма.

— А сейчас он, очевидно, спешит к белянке? — предположил я.

— На Станцию, — оказал Лусин. — Его дежурство. Андре не терпит опозданий.

Я должен сделать здесь отступление от связного рассказа.

Ни одно мое действие не вызвало столько нареканий, как перевоплощение Мозга. Ромеро доказывает, что в этом акте проявилась моя любовь к гротеску. «Величественный страдалец, могуществом равный богу, вдруг превратился в нечто ординарное, летающе-пресмыкающееся», — пишет он. Я

протестую против такого толкования моих решений.

Мозг был величествен и совершенен для нас, ибо масштаб его функций превосходил самые смелые наши мечты о том, на что сами мы способны. Но ему все мы тоже казались совершенством, ибо телесные наши возможности были для него недостижимы, а недостижимое всегда величественнее, чем достижимое. Я не уверен, что в звезде больше совершенства, чем в крохотном муравье. В поведении Бродяги было не меньше своего, хоть маленького, но совершенства, чем в действиях управителя мирового пространства. Он был и там и тут всеобъемлюще и исчерпывающе на своем месте — скорее так.

И еще одно, перед тем как я расстанусь с Третьей планетой.

Тело Астра было перенесено на «Волопас». Здесь он лежал в прозрачном саркофаге, а неподалеку — та сумка, в которой он нес склянки с жизнетворящими реактивами. Склянки лабораторий «Волопаса» опустели, их содержимое Мэри вылила на планету. Я слышал недавно, что на золоте и свинце этой планеты пробился мох — первая поросль жизни. Лучшего памятника Астру, чем возбужденная им эпидемия жизни, и пожелать нельзя.

Сам я ни разу не входил в помещение с саркофагом — Астр всегда был со мной.

4

Интересующихся подробностями полета к галактам я опять отошлю к отчету Ромеро.

Там подробно расписано, как «Волопас» отчалил от Третьей планеты и как больше двух месяцев мы мчались в сверхсветовом пространстве к звезде Пламенной — вокруг нее вращались почти полтора десятка планет, населенных галактами, — и как мы страшились, что будем перехвачены крейсерами разрушителей, и как недалеко от Пламенной нас повстречал звездолет галактов и приказал выброситься в эйнштейново пространство — у галактов, как и у людей, сверхсветовые скорости в окрестностях планет запрещены. И как потом командир корабля галактов предложил мне перейти к нему на борт, а «Волопасу» продолжать курс в кильватере.

С этого события я и начну свой рассказ.

В планетолет погрузились четверо — Ромеро, Мэри, Лусин и я. Орлана и Гига мы с собой не взяли, и они, кажется, обрадовались, что не им первым встречаться с галактами.

Осиме предосторожности галактов казались подозрительными.

— Если будет плохо, сообщить об этом вы не сможете. Но если будет хорошо, вам дадут информировать меня об этом. Итак, в день, когда я не услышу голоса адмирала, сообщающего, что вам хорошо, буду знать, что вам плохо.

— И тогда вы, храбрый Осима, атакуете галактов и уничтожите их звездолет вместе с нами, — так я вас понял? — спросил Ромеро, усмехаясь.

— Буду действовать по обстоятельствам, — коротко бросил Осима.

На экране планетолета вырастал зеленоватый шар, похожий на крейсера разрушителей, но меньше их. Мы падали на звездолет, как на планету, но не успели удариться о него, как открылся туннель и нас плавно всосало. Способ причаливания напоминал принятый на наших кораблях, и мы ожидали, что вскоре очутимся на площади, где швартуются легкие космические корабли. Вместо этого мы оказались в темноте. Свет вдруг погас во всех помещениях планетолета.

Незнакомый человеческий голос отчетливо проговорил:

— Не тревожьтесь. У вас обнаружено три процента искусственности. Когда мы выясним характер ее, вас выпустят.

Я услышал, как Ромеро стукнул тростью о пол.

— Проще бы спросить нас самих, какая у нас искусственность. У меня, например, кроме восьми зубов, двух сочленений и трех синтетических сухожилий, замененных еще в молодости, нет ничего искусственного.

— Не проще, — возразил тот же голос. Нас, очевидно, слышали. — О многих формах своей искусственности вы не догадываетесь.

— У меня легкие — синтетика, — уныло пробормотал Лусин. — Упал с пегаса. В Гималаях. Старые легкие поморозились.

— На Земле тоже проверяют астронавигаторов, прибывающих издалека, — продолжал рассуждать вслух Ромеро. — Но там предохраняются от заноса болезнетворных бактерий, а не от искусственности.

— Искусственность грознее бактерий, — прозвучал тот же голос. — Но ваша неопасна. Можете выходить, друзья.

Вспыхнул свет, но не наш — от генератора, а наружный — широкое, радостное сияние лилось в окна.

За прозрачной броней окон простиралась зеленая равнина — луга, перелески, невысокие холмы, ручьи и реки, бегущие за горизонт. По берегам рек, у опушек лесов высились дома — причудливо разнообразные, то башни, устремленные вверх, то изящные жилые ограды, замыкавшие внутри себя сады. В воздухе

проносились яркие, как цветы, птицы, и змееобразные животные, схожие с летающими факелами. А над простором, зданиями и летающей живностью вздымалось небо, синее, тонкое и такое светящееся, какого мне еще не довелось видеть.

— Отлично нарисовано! — сказал Ромеро. — Куда совершенней наших стереоэкранов. Однако я не представляю себе, как шагнуть на эту иллюзорную сцену.

— Выходите, друзья! — повторил еще приветливей голос. — Мы вас ждем.

Я отворил дверь и вышел наружу. Планетолет стоял на лугу. Вокруг толпилась галакты, по облику — братья тех, кого мы видели на картинах альтаирцев и на скульптурных изображениях Сигмы — огромные, нарядно одетые, прекрасные, как греческие боги, удивительно похожие на нас и вместе с тем — совсем иные!

Я соскочил на землю и попал в объятия одного из хозяев. Больше всего в своей жизни я горжусь тем, что был первым человеком, обнявшим галакта!

5

Мы полулежали на лугу у речки — четыре человека и напротив десять галактов в ярких одеждах. Чувствовали мы себя превосходно, но я с опаской подумывал, не посетило ли меня новое сновидение, вроде тех, что возникали в Империи разрушителей.

— Ну, хорошо, гостеприимные и прекраснодушные хозяева, — сказал Ромеро. — Мы попали в царство невероятного, ставшего повседневностью. Если вы хотели нас поразить, вам это удалось. После того как сам я стал частью иллюзорного пейзажа, не удивлюсь, если в следующую минуту закачаюсь на стебле, как вон тот сизый цветок. Здесь чудеса обыденны, как ваши здания, как ваш превосходный человеческий язык.

Галакты дружно рассмеялись в ответ на признание Ромеро.

— Никаких чудес, люди, — возразил один, сообщивший перед тем, что на человеческом языке его зовут Тиграном. — У галактов чудо, то есть отклонение от естественных законов природы, считается проступком, хотя, в принципе, творить чудеса каждый из нас способен. Детям мы, конечно, разрешаем чудеса, но галактов детского возраста мало. А в том, что мы говорим по-человечески, тем более нет чуда. Разве мы не расшифровали депеш «Пожирателя пространства» и разве вы не разобрали наших ответов?

Ромеро обвел тростью пейзаж:

— Но эта стереокартина!.. Такое совершенство иллюзии!

— Иллюзии нет. Ты находишься в реальном пространстве.

— В реальном? — переспросил Ромеро, хмурясь. — Я не так наивен. Диаметр вашего звездолета максимум километр. А здесь до горизонта не меньше двадцати пяти, да и за горизонтом равнина, очевидно, не обрывается в бездну…

— За горизонтом — леса, потом море, мы еще поплаваем в нем, люди, потом снова лес и река, опять леса… Каков твой рост? Около двух с половиной тысячных километра? Тысячи две километров по окружности будет, если считать по твоей мерке.

— Итак, планету в две тысячи километров, то есть шестьсот в диаметре, вы уместили внутрь шара, у которого у самого диаметр всего километр? И хотите, чтоб я поверил, что это не чудо и не иллюзия?

Галакты опять рассмеялись, и так радостно, словно наше сомнение осчастливило их.

— И все-таки нет ни чуда, ни иллюзии. По мере того как вы погружались внутрь звездолета, специальные устройства уменьшали размеры ваших тканей. К сожалению, мы еще не можем сокращать живые ткани в той же пропорции что и искусственные. Это было одной из причин, правда не главной, почему нас встревожили элементы искусственности в вашем организме. Мы были бы в отчаянии, если бы вы предстали перед нами изуродованными — одна нога короче другой, один глаз нормальный, другой крохотный.

Ромеро схватился рукой за рот.

— У меня уменьшились искусственные коренные зубы!

— А я — хорошо дышу, — объявил Лусин. — Странно. Синтетические легкие.

— Все нормально, — объяснил другой галакт, этого на человеческом языке звали Лентулом. — Искусственное легкое было недостаточно эффективным, потому что взяли слишком большую массу для твоей грудной клетки, Лусин. Теперь легкие опали, и у нас ты будешь чувствовать себя лучше, чем раньше.

— Вы сказали, что… гм… возможный перекос в нашем организме не главная причина, почему вас обеспокоили элементы искусственности? — продолжал Ромеро. — Я хотел бы знать, если не секрет, какова же главная причина?

По прекрасному лицу Тиграна пронеслась тень.

— Секретов у галактов нет, все открыто для каждого. Но это рассказ о печальных событиях, разделивших Персей на два враждующих лагеря. Именно вопрос о том, повышать или понижать степень искусственности у живых существ, привел к войне между галактами и разрушителями. Повышение искусственности в организмах давно уже у нас объявлено злом.

Искусственность — легкий путь конструирования. Мы настрого закрыли себе все легкие пути.

Объяснение Тиграна породило кратковременное молчание. Потом заговорила Мэри:

— Поразительна красота обширной страны, вмещенной в ваш звездолет! На наших кораблях имеются парки и городок, но они крохотны. Людям незнакомо вмещение большого в малое.

— О, этому мы вас быстро научим! — воскликнул Лентул.

Мэри поблагодарила Лентула улыбкой и закончила:

— Но вот что меня смущает — зачем вообще это? У людей суровость быта составляет одну из притягательностей профессии звездопроходца. Наши конструкторы и не собираются обеспечивать экипажу звездолета все земные удобства, земную совершенную защиту от всех опасностей… У нас это называется романтикой дальних странствий.

Галакты переглянулись. Ручаюсь, вопрос Мэри показался им нетактичным. Но приветливость в голосе Тиграна — он отвечал Мэри — не изменилась:

— Вкратце наш обычай можно выразить так: каждый вправе затребовать все те возможности, которые посильны обществу. И, наоборот, никого нельзя лишать того, чем пользуется хотя бы один член общества. Поэтому мы обязаны обеспечить экипажу дальнего корабля такие же удобства, какими пользуются остающиеся. Иначе был бы нарушен принцип равноправия — путешественники жили бы иначе, чем обитатели планет. К сожалению, полностью осуществить это не удается, прекрасная страна в звездолете, так восхитившая вас, далеко не столь прекрасна, как наши планеты. Из этого несовершенства нашей цивилизации вытекают многие печальные выводы.

— Не надо отправлять галактов в дальние экспедиции, раз на кораблях им не так удобно, как на планетах, — иронически подсказала Мэри. Ее темные глаза вспыхнули.

— Да, приходится отказываться от многих экспедиций, — подтвердил Тигран, улыбаясь еще приветливей.

Беседой снова завладел Ромеро:

— Вы сказали — равноправие. У нас тоже равноправие, социальное, в смысле обеспеченных каждому общественных возможностей — еды, жилья, учения, работы и прочего. Но гарантировать каждому, что его полюбит та, которую он полюбит, — нет, это уж сам старайся завоевать ее любовь, тут тебе общество не слуга.

— Да, любовь, — оказал галакт, качая головой. — Трудная вещь — индивидуальная любовь. Ужасно необъективное чувство. Какой-нибудь ничем не выдающийся субъект становится дороже

всех в мире. Мы знаем об этом несправедливом чувстве, нарушающем совершенное равноправие, но пока мало что можем с ним поделать. Впрочем, мы об этом думаем и о некоторых путях решения этой извечной проблемы мы еще поговорим.

— Хорошо, оставим пока любовь, — настойчиво добивался чего-то своего Ромеро. — Вы сказали — экипаж звездолета… Если есть экипаж, то, очевидно, имеется и командир? И командир, очевидно, отдает команды, обязательные для экипажа, а ему, естественно, не приказывают? Не так ли, любезные хозяева?

Тигран покачал головой:

— У нас нет командиров. Звездолетом командуем мы сообща. Механизмы корабля настроены на наши мозговые излучения. Как все мы согласно пожелаем, так и будет.

— Но если появятся разногласия?..

— В команду подбираются близкие по характеру. Расхождений между нами не бывает даже при чрезвычайных происшествиях.

Теперь и Ромеро затруднялся что-либо сказать. Галакт обратился ко мне:

— Ты один не проронил ни слова. Почему?

— Я слушал вашу беседу.

— У тебя нет к нам вопросов?

— По крайней мере, сотня.

— Мы слушаем тебя.

То, о чем спрашивали галактов мои друзья, было важно, конечно, но имелись проблемы, интересовавшие меня много больше, чем ликвидация необъективной индивидуальной любви.

— Я хочу знать, что вам известно о рамирах и как возникла война между галактами и разрушителями? Сами того не желая, мы тоже вступили в борьбу с разрушителями и уже по одному этому считаем вас естественными своими союзниками…

Галакты опять переглянулись.

У людей переглядывание является очень приблизительным эквивалентом обмена мыслями, речь совершенней раскрывает мысль, чем взгляд. Но галакты искусней нашего пользуются взглядами, — правда, и глаза их огромны. Тигран, видимо, получил согласие товарищей на информацию нас о войне в Персее.

— Рассказ будет долгий, — заметил он.

Мы расселись удобнее на лугу. Речка тихо журчала, это была настоящая вода, не ядовитые никелевые растворы, как у разрушителей. И зелень, покрывавшая берега, пахла земной травой, хоть ни в одной из травинок я не мог признать знакомой. И леса, поднимавшиеся стеной — зеленые неведомые деревья, —

раскачивались и шумели вполне по-земному. На другом берегу возвышался дом, он походил на старинные земные виллы с башней и балконами. А вверху тонко светило голубое небо, такое нежное и яркое, что глазам становилось радостно. И воздух, звучный, прохладный, чистый, сам лился в грудь, он был вкуснее даже воздуха Оры.

Мы находились в идеальном месте для тихой радости, для наслаждения природой, а галакт неторопливо вел рассказ о черных тысячелетиях, о погибавших звездных народах, о разрушенных планетах…

Я передам его рассказ своими словами.

6

О рамирах галакты знали немного — темные предания, ничего точного.

Этот странный народ хозяйничал в скоплениях Персея не то до появления галактов, не то в самом начале галактовой — так бы ее правильней назвать — цивилизации. Ни об облике, ни об образе жизни этих существ известий не сохранилось, следы их деятельности тоже пропали, если не считать такими следами сами планеты. Дело в том, что планетооснащенность — галакт применил именно этот термин — светил Персея в сотни раз выше планетооснащенности других звезд Галактики. В Персее десять — пятнадцать крупных спутников у одной звезды — рядовое явление. Предание приписывает обилие планет в Персее рамирам, умевшим скатывать эти космические шары из уплотняемого пространства. Возможно, сами скопления Персея произошли оттого, что рамиры, вычерпав между звездами запасы свободной пустоты, насильственно сблизили их.

— Реакция Танева, — вставил слово Ромеро. — Люди пользуются ею для перестройки своих звездных окрестностей. Могущество рамиров того же порядка или на порядок выше, но не более, как современное человеческое.

— Но оно выше нашего, — возразил галакт. — Ни создавать планет, ни тем более разрушать их мы не умеем.

Дальнейшие известия о рамирах делаются все неопределенней. Часть рамиров переселилась к ядру Галактики, где происходили какие-то грандиозные перестройки звездных масс, за ними последовали новые экспедиции. Одна за другой пустели созданные рамирами планеты, отряд за отрядом устремлялся к ядру Галактики. И сейчас там происходят звездные катаклизмы, ядро пульсирует, словно его разрывают мощные силы. А в Персее, после исчезновения рамиров, все планетные

системы поступили во владение галактов.

— И разрушителей, очевидно? — спросил Ромеро. — И сколько понимаю, разрушители и галакты не поделили доставшееся космическое богатство.

— Персей принадлежал галактам безраздельно, ибо разрушителей, или, точнее, сервов, мы создали потом.

— Разрушители — ваше творение?

— Да. Мы их сотворили себе на голову! Не сотворили, а изготовили. Просчет был в том, что разрушители были созданы вначале механизмами.

О том, что в организме головоглазов много синтетики — полупроводники, сопротивления, конденсаторы, механические сочленения, — мы знали с битвы на Сигме. Нас и тогда поразило, что сердце у них — маленький гравитатор.

У невидимок, как мы узнали вскоре после знакомства с ними, искусственного было еще больше, чем у головоглазов. Но что сервов собирали на конвейере, вмонтируя в механизмы выращенные отдельно биологические ткани, было ново.

— Конструкторы галактов, создав сервов, продолжали их совершенствовать, — сказал Тигран. — С каждой новой генерацией понижалась механичность сервов и повышался градус биологичности. Биологическая ткань энергетически самая совершенная. Если рассчитать машину, развивающую на единицу массы наибольшее количество умений, то такая машина может быть только живой. Повышение биологичности сервов было необходимостью, а не прихотью.

— Такой же необходимостью вам впоследствии показалось наделение сервов разумом и даром самовоспроизводства, — заметил Ромеро, не тая иронии.

— Разумом мы наделили сервов с самого начала. Неразумные сервы нам были не нужны, мы создавали помощников, а не рабов. И отказать им в даре самовоспроизводства, когда другие признаки организма были вживлены, было бы недобросовестно. Правда, разнополостью их не снабдили. Сервы были сотворены бесполыми, но способными воспроизводиться.

В те времена бесполость сервов казалась усовершенствованием. Разнополость относили к конструктивным излишествам природы, ибо она обязательно приводит к появлению индивидуальной любви, со всеми ее крайностями и необъективностью. Конструкторы галактов ныне задумываются над существенным умножением полов в живых существах. Двуполость слишком элементарна, грубое противопоставление мужчины и женщины — примитив, который нельзя оправдать ни морально, ни конструктивно. Расчеты показывают, что только

шестиполость гарантирует совершенство. Схема такова: один прямой мужчина и одна прямая женщина, но одновременно — левосконструированная и правосконструированная женщина, такие же право- и левосконструированные мужчины.

— Мы отвлеклись от сервов, — сказала Мэри, хмурясь.

Тигран возвратился к сервам. Сервов проектировали, как совершенство, но получилось уродство. Их избавили от индивидуальной любви, вызывающей искажение реальной картины мира, но зато у них развилось самообожание, еще более путающее объективные пропорции.

В эпоху, когда еще продолжалась работа по улучшению сервов, эти незапроектированные черты таились в глубине. Сервами не могли нахвалиться. Умные, работящие, быстро размножающиеся, они легко овладевали расчетами, производили сложнейшие эксперименты в лабораториях, конструктивные их дарования уже и тогда поражали. Но по мере того как от поколения к поколению увеличивалась их биологичность, становилась ясным, что для серва существует один объект, незаконно выделяющийся среди всех других, истинный объект для поклонения — он сам.

Самообожание стало у серва из постыдного индивидуального чувства, всегда тайного, открытой формой взаимоотношения. Они были черствы, холодны, равнодушны ко всему, кроме себя. Тело у них было живое, душа — мертва. Искусственность механизма, преодоленная инженерно, психически все умножалась.

— Эгоизм как философская система, — заметил Ромеро. — В древности и у людей пытались внедрить эту философию Штирнер и Ницше. Вы просто не нашли метода борьбы с созданными вами демонами зла.

Галакты, оказалось, испробовали разные методы воздействия на сервов. Сервов уговаривали, спорили с ними… Под конец было признано, что духовный перекос сервов вызван двойственностью их природы, сочетавшей мертвое и живое, искусственное и естественное. Новый государственный закон объявлял недопустимым внедрение в живую ткань искусственных органов. Отныне сервов полагалось создавать полностью живыми, только это могло выправить их изуродованную психику.

Но они не стали ждать переконструирования. Началось массовое бегство сервов с планет галактов. Подготовлено это было хитро. Колонии сервов переселялась на необитаемые планеты, якобы для освоения их. Галакты радовались, что жизнь, начавшаяся в их звездных системах, быстро охватывает все светила Персея. К тому же без сервов с их неприятным характером было проще. А когда галакты уразумели размеры

бедствия, было поздно. В межзвездных просторах Персея разразилась истребительная война. И, может быть, самым ужасным было то, что сервы, превратившиеся в разрушителей, не просто завоевывали себе место под звездами, но провозгласили политику уничтожения всего, что галакты насаждали во Вселенной.

Галакты, где обосновуются, повышают биологичность разумных объектов, превращая механизмы в организмы, помогая организмам достичь наивысшей степени усложненности. Сервы же понижают биологичность организмов, постепенно превращая живые существа в машины, этап за этапом заменяют животворения конвейерным производством.

Несчастные биологические автоматы на захваченной людьми Станции Метрики — все эти операторы, Главный Мозг, Надсмотрщик — наглядные примеры космической политики обезжизнивания и оболванивания…

В общем, все, о чем рассказал Тигран, мы знали и раньше. И все же нас поразила глубина противоречий, разделивших галактов и разрушителей. Я задумался, Мэри и Лусин тоже молчали. Ромеро сказал, что людям посчастливилось отыскать свой путь развития, непохожий на пути галактов и их врагов.

— Вы оживотворяете механизмы, они механизируют организмы, а мы оставляем механизмы механизмами, а существа существами. Наши машины вооружают, а не разоружают человека. Мы не стремимся сделать машины биологически совершенными универсалами, зато грандиозно увеличиваем их специализированные мощности. На старом человеческом языке, вам неизвестном, это называлось так: не путать божий дар с яичницей.

— Что такое яичница, я не знаю, — признался галакт. — А что вы превзошли нас в могуществе, мы поняли при первом же вашем появлении в Персее.

Я опросил, в какой фазе находится сейчас война галактов с разрушителями. Тигран ответил, что разрушители безраздельно владеют межзвездными просторами, а на своих планетах галакты в безопасности. Дело в том, что ими изобретено оружие, неотвратимо поражающее все живое, и разрушители страшатся его смертельно. Практически они оставили галактов в покое.

— Но перспектива? — настаивал я. — Хорошо: они вас оставили в покое, а вы их? Вы примирились с их злодеяниями?

— Не примирились, но что мы можем сделать? Перенять разрушительную философию сервов и перейти к их уничтожению, раз перевоспитание не удалось? Это не для нас. К тому же сражения в космосе приведут к смерти многих галактов.

Ромеро надменно проговорил:

— Вот как — приведут к смерти? А разве на ваших планетах вы не умираете? Или одна форма смерти — приемлема, а другая — нет?

— На наших планетах мы — бессмертны. Однако, дорогие гости, вы устали. У нас еще будет случай побеседовать. — Он показал на дом на другом берегу. — Вы будете жить там.

— Мне надо соединиться с «Волопасом», — сказал я, вставая. — Если мой голос не услышат, подумают, что мы попали в беду.

— О, это просто исполнить! — приветливо сказал Тигран и провел меня к передатчику, который находился неподалеку места, где мы вели беседу.

7

Дом внутри походил на земные гостиницы. Мирный пейзаж в окнах усиливал впечатление, что мы на Земле. Ромеро в салоне водрузил трость между ног и оперся на нее руками.

— Трудный орешек, — сказал он хмуро. — Теперь я понимаю, друзья мои, почему они не вышли на помощь трем нашим звездолетам, когда мы появились в Персее. Боюсь, у них мания изоляционизма, как это формулировалось в старину.

— Бессмертие на планетах, — озабочено высказался Лусин. — Смертные в космосе. Интересно.

— Важно пока одно — они нам друзья, а не враги, — вставил и я слово.

— Это и прежде было ясно, — возразил Ромеро.

Он готов был затеять новый спор, но я отказался от спора.

— Что-то мне в галактах не нравится, — призналась Мэри, когда мы остались одни. — Красивы они божественно. И умны, и обходительны, и благородны, одеты так нарядно, что глаз не отвести. Тебе понравилась его туника? По-моему она не окрашенная, а самосветящаяся…

— Ты собиралась говорить, что не нравится в них, а вместо этого все хвалишь.

— Не все. В их присутствии я ощущаю стеснение, почти неприязнь. А ведь этот галакт, Тигран, смотрел на меня так, что если бы земной мужчина посмотрел с таким восхищением, я бы почувствовала себя польщенной.

— Смотрел он на тебя отвратительно, — подтвердил я. — Если бы земной мужчина посмотрел на тебя так, я завязал бы ссору.

Мэра обняла меня за шею.

— Как хорошо, что у людей — примитив. Один мужчина и одна женщина. И оба — прямые, без вправо и влево закрученных.

— Право- и левосконструированных, — поправил я.

— Все равно. Один ты — и этого достаточно!

— Нужна еще ты — тогда, пожалуй, хватит.

Так мы обменивались шутками, и за шутками таилась снедавшая нас озабоченность. Были бы мы просто людьми, непреднамеренно повстречавшимися с галактами, вероятно, ничего, кроме радости, такая встреча не вызвала. Но мы добивались от галактов действий на общую пользу — задача была непроста.

И, лежа в ванной, я размышлял лишь об этом. Никогда я еще не принимал столь отличной ванны. Это была, конечно, вода — но превосходно выделанная. Она нежила и пьянила, успокаивала и радовала. Если бы мне сообщили, что для ванн галакты употребляют особый сорт легчайшего вина или полувоздушный нектар, я поверил бы, не колеблясь, хотя, повторяю, это была вода и не что другое. Замечательная вода, думал я, все более тревожась, надо при случае проверить ее насыщенность радиацией.

Из ванны я вышел взбодренный. Мэри уже лежала в постели.

— Знаешь, — сказала она, — если привыкнуть к их жизни, то и вправду покажутся страшными лишения дальних странствий. Как по-твоему?

— Хорошая ванна, — ответил я. — Да, конечно, лишения некоторых устрашают.

В нашей спальне стояло большое зеркало. Нажатием кнопки оно превращалось в веселящий экран, подобие стереотеатра, нажатием другой становилось изображением звездного неба. Сперва мы с Мэри полюбовались картинами на экране: это были пейзажи населенных планет, благоустроенных, роскошных, величественных, галакты заранее приглашали нас порадоваться культуре их быта, восхититься их умением жить.

Потом я перевел изображение на звездную сферу. В зеркале, превратившемся в полусферу, густо пылали светила Персея, а среди них, крохотный, красновато поблескивал наш звездолет: «Волопас» покорно плелся в кильватере корабля галактов, освещавшего его своими прожекторами… И хоть я знал, что до «Волопаса» сотни тысяч, если не миллионы километров, все равно он казался рядом, так точно выхватывал его из темноты лазерный осветитель галактов.

Мэри окликнула меня:

— Эли, о чем ты так напряженно думаешь?

Я ответил со вздохом:

— Я понимаю, Мэри, все это вздор. Никак не могу отделаться от мысли, что на «Волопас» сейчас нацелены таинственные биологические орудия… И какой-то галакт сидит в эту минуту у пульта, готовит нажать на пусковую кнопку…

8

Мы долго шли курсом на Пламенную, одну из тех «неактивных» звезд, что во время блужданий «Пожирателя пространства» отчаянно взывала к нам: «Выбрасывайтесь вблизи меня, здесь кривизна непрочна».

Звезда была как звезда — гигант класса В, поздняя структура, белая, огромной абсолютной светимости — десять тысяч солнц в одном солнце. И вокруг нее вращалось четырнадцать планет, разных по величине, неодинаковых по климату, но однообразно благоустроенных, с совершенством оборудованных…

За орбитами же обитаемых планет вращались астероиды с диаметрами от ста до восьмисот километров. Их были тысячи, они составляли замкнутую сферу — защитным пологом прикрывали планеты от вторжения извне. Тигран, сопровождавший нас в прогулках по звездолету, сообщил, что мы причаливаем к одному из астероидов.

— Еще одна космическая дезинфекция? — поинтересовался Ромеро.

— Не только дезинфекция. — Тигран тонко улыбнулся. — Мне поручено ознакомить вас с нашей космической защитой.

— Есть ли названия у астероидов? — спросила Мэри.

— Все космические форты первого класса имеют название. Этот называется «Необходимый-3».

Меня удивило странное название, но Ромеро разъяснил, что галакты толкуют человеческие слова чаще по прямому, чем по общеустановившемуся значению. «Необходимый», в данном случае, означает не «непременный» или «нужный», а «тот, который не обойти», или, иначе, «необъезжаемый».

Высадка на астероиде для экипажа «Волопаса» труда не составила, но для нашего звездолета являлась операцией длительной. Не только люди, но и галакты часами сидели в специальных помещениях, вырастая от крохотных внутрикорабельных куколок до нормальных, для внешнего пользования, размеров. Мне эти часы изменения размеров тела показались утомительно пустыми, тем более что процесс выращивания в обычного человека совершался в темноте. Но Мэри восприняла их по-иному.

— Я сейчас вообразила, что за какой-нибудь час увеличила

свой рост в восемьсот раз, — и ужаснулась!

Я напряг воображение, но страха не получилось, рост был быстрый, но нечувствительный — для меня, во всяком случае.

Ромеро непрерывно ощупывал немасштабно меняющиеся искусственные зубы, а Лусин шумно вздыхал, проверяя, не начали ли его синтетические легкие распирать по-старому грудную клетку. Им, наверно, было не по себе, когда все становилось опять «по себе», но я только проголодался — и как раз в масштабе увеличившегося размера.

На астероиде нас уже поджидали в скафандрах высадившиеся ранее Осима, Труб, Орлан и Гиг.

Церемония знакомства галактов с нашими звездными друзьями показалась мне поучительной. Осиму они приветствовали с тем радушием, что перед этим нас, Трубу тоже достались приветливые улыбки, но в обращении с разрушителями появилась вежливая отчужденность.

Тысячелетия страха и недоброжелательства по мановению руки не стереть из памяти.

Восторженный Гиг не заметил холодка, но умный Орлан почувствовал отстраненность галактов. И если при знакомстве он вытянул вверх голову почти на метр — сколько позволил гибкий скафандр, то когда они отошли, захлопнул ее в плечи по брови — знак высшего привета сменился знаком высшего недоумения. Я посоветовал ему не расстраиваться, инерция велика под любыми звездами. Он вежливо согласился.

Для облета астероида нам предложили забавное сооружение, вроде летающего кита, скорее живое существо, чем машину. Всех нас в салоне не покидало ощущение, что находимся не в помещении, а в чреве.

Мэри со смехом сказала:

— А эта летающая конструкция не переварит нас? Я боюсь, что сейчас по стенкам обильно польется желудочный сок.

По стенкам разлился не желудочный сок, а мягкое сияние. Стенки постепенно становились прозрачными.

Мы проносились над поверхностью астероида. Мне редко встречалось столь мрачное зрелище. Далекое солнце — с детский кулачок — светило, но не грело. Сумрачно-пепельный свет призрачно освещал угрюмые пики, вздымавшиеся над воистину бездонными пропастями — астероид был скомпонован из нескольких кусков, пригнали их один к другому хоть и прочно, но грубо. А на скалах лежал плотный слой застывшей в снег атмосферы — тяжелые газы, растворенные в окаменевшей воде.

В гигантской, светлой пещере, куда нас ввели, размещалось озеро — очень странное озеро, даже при первом взгляде

открывалась его необычность. Странность начиналась с того, что озеро было прикрыто куполом — прозрачным, толстостенным, такой, даже по виду, прочности, что ни лазером его не прожечь, ни снарядом не взорвать. А под куполом кипела жидкая масса, белая, как молоко, неистовая. Озеро клокотало, в нем взметывались протуберанцы, тоже вначале белые, потом желтеющие, — оно, как живое, набрасывалось на купол, заливало его изнутри, пыталось проломать, росло, вспучивалось и, словно обессилев, опадало и сжималось — только желтеющие языки вырывались из его массы. А через некоторое время все повторялось — рост, распухание, заполнение купола, яростная попытка взорвать его…

— Что это? — спросил я Тиграна.

Он сказал очень торжественно, на минуту даже улыбка исчезла с его лица:

— Перед вами самое мощное в нашем звездном районе биологическое орудие. Две тысячи орудий почти такой же мощи прикрывают планеты Пламенной от нападения извне.

Несколько минут мы молча созерцали беснующееся озеро.

Оно все больше казалось мне живым существом, запертым в каменной клетке. И теперь, когда мы знали, что это такое, оно производило впечатление уже не странного, а грозного. Труб возбужденно поводил крыльями, Орлан вытянул вверх голову, словно почтительно приветствовал страшное орудие, даже весельчак Гиг перестал беззаботно распахивать на все рот, как клещи.

«Здоровенная биологичка!» — шепотком грохотнул он.

Из объяснений Тиграна стало ясно, что озеро и вправду живое существо и притом огромное — жидкое ядро каменного астероида. Нам показали лишь ничтожную его часть, крохотный глазок, прикрытый защитным куполом, все остальное скрыто во многокилометровой глубине.

И хоть существо это, биологическое орудие, лишено разума в нашем смысле, нечто вроде исполинского тупого животного, характер его капризен и своенравен. Его приходится не только хорошо кормить — еда доставляется с внутренних планет — но и ублажать согреваниями, специальными облучениями и щекочущими электрическими разрядами. Бушевание озера свидетельствует не больше чем о спокойствии ядра, а когда ядро злится, начинается такая буря, что астероид трясется, как припадочный.

Продуктом жизнедеятельности ядра является радиация, мгновенно уничтожающая все живое.

Купола, подобные этому, имеются в разных местах астероида.

Откуда бы ни атаковал вражеский корабль, на оси его движения всегда окажется один из таких куполов. В нужный момент пещера раскрывается, защитный колпак меняет молекулярную структуру, поток убийственной радиации выносится наружу — и все живое на вражеском корабле превращается в горсточку праха. Аннигиляторы Танева выглядели изящнее, чем эти колонии взбесившихся клеток за прозрачным колпаком. И огромные сами по себе, они казались крошками рядом с этим чудовищным живым ядром. Цивилизация галактов пошла иными техническими дорогами, чем человеческая. Но отказать галактам в изобретательности я не мог. Защитить себя они сумели.

Ромеро спросил Тиграна:

— С течением времени невыпущенная радиация накапливается в закрытом объеме ядра. Не отражается ли это на его жизнедеятельности?

Ромеро коснулся сложного пункта. Выпускать накапливающуюся радиацию запрещено, нельзя наполнять мировые просторы губительными потоками. Ядро поглощает собственные выделения, и клетки его от самоотравления гибнут. Происходит одновременно распад старых и синтез новых клеток, бури, порождающие протуберанцы, — выражение этих реакций. Периодически ядро слабеет и гаснет, затем синтез одолевает распад и разгорается новый бурный процесс.

— А если враг подберется в момент угнетения ядра?

— Периоды спада и подъема у разных астероидов неодновременны. В любой момент половина ядер активна. Кстати, периодическое затухание необходимо для саморегуляции ядра. Если бы оно свободно выделяло свою радиацию, вещество его распухало бы так, что разнесло астероид. Чем быстрее ядро гаснет, тем оно надежнее.

— Ваши космические корабли снабжены биологическими орудиями?

Было ясно видно, что Тиграну не хочется отвечать. Но галакты не умеют лгать. Если не удается отмолчаться, они говорят правду.

— Биологические орудия на звездолетах имеются, но меньшей мощности.

Ничего интересного, кроме живого ядра, на астероиде больше не было. Нас провели в жилые помещения и предложили отдохнуть.

Галакты удалились, а мы собрались в салоне и обменялись мнениями. Ромеро высказал недоумение, что, обладая абсолютным оружием, галакты не добились перелома в войне.

— Согласитесь, дорогой Орлан, что ваши корабли вооружены

слабее. И ваши гравитационные удары, и их биологическая радиация распространяются со скоростью света. Но гравитационная волна ослабевает пропорционально квадрату расстояния, а пучок биологической радиации практически не рассеивается. На дальних дистанциях крейсер галактов всегда возьмет верх над крейсером разрушителей.

Орлан ответил с таким подчеркнутым бесстрастием, что оно могло сойти за насмешку:

— Ты забываешь, Ромеро, что наш крейсер может увернуться от узкого луча, а корабль галакта обязательно попадет, пусть в ослабленную, но опасную гравитационную волну. Прицельность биологических орудий в маневренном бою невелика. Другое дело прорываться внутрь планетных систем — тут звездолетам достается от убийственного обстрела.

Гиг, жизнерадостно захохотав, возгласил:

— При прошлом Великом попробовали прорваться — ужас, что было! Мертвые корабли слонялись в межзвездном просторе — испаренные головоглазы, силуэты невидимок, выжженные на стенах!.. Великолепное уничтожение!

Ромеро продолжал спорить:

— Но если маневренный бой, по-вашему, проницательный Орлан, и не даст перевеса галактам, то почему им не обрушиться на ваши планетные базы, на ту же Третью планету? Ее вы не сведете в сторону, а траекторию луча можно рассчитать с точностью до километра. Рано или поздно, но вас испепелила бы смертоносная радиация — и разрушители, сами разрушенные, перестали бы сеять зло во Вселенной!

— Для того чтоб предотвратить эту опасность, нами и были воздвигнуты шесть Станций Метрики, Ромеро.

И Орлан рассказал, как протекала последняя открытая схватка между галактами и разрушителями. Галакты ударили по одной из Станций Метрики из биологических орудий, но Станция свернула в своем районе пространство и после раскручивания изверженных лучей обрушила их назад на планеты галактов. С той поры галакты, где бы они ни находились в Персее, полностью отказалась от борьбы за власть в звездном скоплении.

Рассказ Орлана возобновил во мне тревожные мысли.

— Ты уговаривал нас, Орлан, обратиться к галактам за помощью. Но оказывается, их биологические орудия в бою неэффективны.

Орлан ответил, словно давно ожидал этого вопроса:

— Смотря какой бой, Эли. В районе прорыва человеческих звездолетов наши корабли будут ограничены в маневре. А если, спасаясь от биологических лучей, они кинутся кто куда, то ведь

вас это тоже устроит, не так ли?

9

Вначале нам привиделось, что мы причаливаем к планете, населенной одними деревьями. Вокруг нее вращались две луны, на дальней мы распростились со звездолетами. Затем раскрылась сама планета, и, недоумевающие, мы напрасно искали на ней поселений — леса, одни леса, невероятные, по человеческому пониманию, леса.

— У меня глаза слепит от света деревьев, — сказала Мэри.

Это было в момент, когда мы летели, едва не ложась на верхушки леса. Деревья были гораздо крупнее земных — иные до полукилометра как мы потом разглядели. И ветви у них не опускались вниз и не раскидывались в стороны, а взвивалась вверх. Эти деревья походили на вопли, рвущиеся из глубин планеты, сравнение выспренно, но более точного я не подберу. И они не были только окрашены в разные цвета, как наша скучная растительность, — они сами сияли, не кроны, а костры раскидывались над планетой, разнообразно сверкающие огни — синие, красные, фиолетовые, голубые, всех оттенков желтые и оранжевые…

— Деревья ночью заменяют закатившуюся звезду, — разъяснил Тигран. — А разве ваши планеты освещаются не деревьями?

Он вежливо слушал ответ, но, уверен, наши лампы и прожектора, самосветящиеся стены и потолки показались ему диким варварством. В каждой комнате у галактов стоит небольшое деревце — для освещения и кондиционирования воздуха.

Среди сплошного леса открылся просвет, аэробус устремился туда. На обширной площади нас ожидали жители. Не буду описывать встречи, ее сотни раз показывали на стереоэкране. Упомяну лишь о нашем изумлении, когда мы разобрались, что встречают нас не одни галакты. К нам теснились ангелы, шестикрылые кузнечики с умными человеческими лицами, прекрасные вегажители — я вздрогнул, увидев сияющих змей: мне почудилось, что среди них Фиола. Я уже опасался, не выпустили ли на нас свору фантомов, копирующих сохранившиеся у нас в мозгу образы, но потом разглядел множество существ до того диковинных, что никому и в голову не могло явиться примыслить их.

И вся эта масса напирала, размахивала руками и крыльями, одни взлетали над головами других, другие восторженно

кружились, прокладывая вращением себе путь в толпе. А среди звездожителей шествовали галакты — высокие, улыбающиеся, в непостижимо ярких, самосветящихся одеждах. Мы переходили из рук в руки, из крыльев в крылья. И радостные люди, и степенно-спокойный Орлан, и возбужденный Труб, и грохочущий Гиг — все получили свои порции ласки и привета.

А когда приутих фейерверк красок, ослабела вакханалия звуков и успокоился водоворот движений, мы полетели куда-то вниз всей обширной площадью, и снова начался парк, а в парке появился город.

Он был похож и непохож на наши. Казалось, в нем были улицы, по-земному просторные и широкие, и по улицам двигались жители, такой же разнообразный народ, не одни галакты, и двигалась каждый по-своему, кто ногами, кто вращением, кто перелетами, а кто перепархивал, наподобие Орлана. Но по бокам улиц вздымались не дома с окнами и дверьми, а глухие стены, изредка распахивающие зев туннелей. Над улицей же было не небо, усеянное звездами, а кроны исполинских светящихся деревьев — стволы их таились за стенами, а ветви сплетали кров над дорогой.

В воздухе плыли ароматы, то нежные, то резкие, то томные, то пьянящие. И если бы от места к месту не менялось сочетание ароматов и каждое место не дышало своим запахом, я сказал бы, что благовоние источает сам воздух. Чудесные эти запахи встретили нас, когда мы опустились на площади, и сопровождали весь путь. Источником благоуханий являлись те же светящиеся деревья.

— Насмешливо пахнет, — сказала в одном месте Мэри, и все мы засмеялись, так точно определила она аромат.

Нас ввели в один из туннелей, и мы очутились в зале. О том, что происходило там, рассказано у Ромеро, я повторяться не хочу. В зале Тигран познакомил нас с галактом, еще статней и красивей Тиграна. Нового галакта на человеческом языке звали Граций — имя ему соответствовало.

— На планетах Граций заменит меня, — сообщил Тигран. — Он же будет вести с вами переговоры.

Вечером, в узком кругу, состоялась наша первая беседа. Я начал ее вопросом, не состоят ли люди в генетическом родстве с галактами? Не буду удивлен, если окажется, что галакты-звездопроходцы оставили на одной из далеких от Персея планет продолжение своей породы, так сказать, воспроизвели себя наскоро и вчерне…

— У нас появилась аналогичная идея: что галакты — творение людей, явившихся в Персей миллионов десять лет назад

— возразил Граций. — Когда были расшифрованы стереопередачи «Пожирателя пространства», нас поразило сходство с людьми. Единственное объяснение было, что мы — ваши потомки.

Граций порядком разочаровался, когда узнал, что человеческая цивилизация насчитывает лишь пять тысяч лет, а биологически человек появился всего миллион лет назад.

— Миллион ваших лет назад мы были вполне развитым народом, — сказал Граций, с сожалением отказываясь от гипотезы, что мы праотцы галактов. — Нет, и преданий таких, что мы где-то создавали существ по нашему образу и подобию, в памяти народа не сохранилось. Очевидно, сама природа в разных местах породила схожие по облику существа.

После этого я «взял быка за рога», как любит называть такое поведение Ромеро. Я изложил причины, настоятельно толкающие к союзу людей и галактов. Империю разрушителей рвут внутренние силы. Нужно крепко ударить, чтобы она развалилась окончательно. Для этого нужно помочь человеческому флоту, углубляющемуся в Персей. Если разрушители одолеют сейчас людей, на многие тысячелетия будет погашена надежда на освобождение от ига. Не в интересах галактов допустить разгром человеческой звездной армады.

Галакты слушали, вежливые, непроницаемо ласковые, та же неизменная приветливая улыбка сняла на лицах.

Я чувствовал, что передо мной стена и что я бьюсь головой о стену.

— Мы передадим ваше предложение народам планет Пламенной, а также обществам галактов, населяющих системы других звезд, — пообещал Граций. — А пока прошу вас принять участие в вечернем празднестве в вашу честь.

— Лучше без празднеств, пока мы не узнаем ваше мнение.

У Грация удивленно поднялись брови.

— Я не могу предварять решения всех наших народов. Имеется много возражений против участия в открытой войне, и нужно соотнести их с преимуществами, чтоб выработать разумную равнодействующую.

— Поймите меня, — оказал я, волнуясь. — Я не требую, чтоб вы объявили сегодня вашу разумную равнодействующую. Но сообщите, какие у вас возражения, чтоб мы смогли о них заблаговременно поразмыслить. Не решение, а пищу для раздумий — только об этом прошу!

Граций взглядом посовещался с галактами.

— Я выделю два главных возражения. Если мы вышлем на помощь людям эскадру, вооруженную биологическими орудиями,

то в разгоревшемся бою орудия эти могут промахнуться. Нас охватывает ужас при одной мысли об этом.

— Ха, возражение! — воскликнул Гиг. — Даже мы, невидимки, промахиваемся. Неверный удар — что обычнее в сражениях!

Я усмирил Гига строгим взглядом. Не следовало вчерашнему злому врагу галактов так ретиво вмешиваться в наш спор.

— В обычном сражении — да, — с прежней приветливостью сказал Граций. — Но сражение с участием биологических орудий — необычно. Если сноп этих лучей попадет в цель, цель уничтожена, лучи погашены. Но при промахе пучок выпущенных однажды лучей будет нестись во Вселенной невидимый, неотвратимый, будет нестись года, тысячелетия, миллионы, миллиарды лет, будет пронизывать звездные системы, галактики, метагалактику — и когда-нибудь обязательно повстречает на пути очаг жизни. И горе тогда всему живому! Что бы это ни было — колония ли примитивных мхов, еще примитивней бактерии, наполняющие атмосферу, или древняя, высокоразумная цивилизация, — все будет уничтожено, все превратится в прах! Чудовищными убийцами во Вселенной мы станем в тот миг, когда промахнемся. Ни один галакт не санкционирует такого преступления — и я в том числе!

Теперь в его голосе звучал вызов. Я поднял руку, останавливая товарищей. От возражений галакта нельзя было отмахиваться первыми попавшимися аргументами.

— Так. Очень серьезно. Мы будем думать над вашими опасениями. Теперь я хотел бы услышать второе возражение.

— Второе связано с первым. Вы захватили одну Станцию Метрики, но пять других у разрушителей. Если мы промахнемся, враги создадут такое искривление, что выпущенные нами лучи обрушатся за нас самих. Случай такой уже был — и не одна планета превратилась в кладбище. Вы хотите, чтоб мы обрекли на гибель самих себя?

Не ответив Грацию, я обратился к Тиграну:

— Вы говорили, что на своих планетах галакты бессмертны. Но вы не избавлены от страха гибели?

Мне ответил не Тигран, а снова Граций:

— Мы создали такие условия жизни, что можем не опасаться смерти. Смертоносные факторы могут появиться лишь извне. Вторжение биологических лучей будет таким смертоносным фактором.

Я попросил объяснений подробней. Смерть, ответил Граций, или катастрофа, или болезнь. Катастроф на их планетах не бывает, болезни преодолены — отчего же галакту умирать? А

если изнашиваются отдельные органы, их заменяют. Граций три раза менял сердце, два раза мозг, раз восемь желудок — и после каждой замены омолаживался весь его организм.

— Колебательное движение между старостью и обновлением, — сказал Ромеро. — Или навечно законсервированная старость? Земной писатель Свифт описал породу бессмертных стариков — немощных, сварливых, несчастных…

Замечание Ромеро было слишком вызывающим, чтоб галакт оставил его без ответа. О Свифте он не знает. Но законсервировать старость невозможно. В юности и старости биологические изменения в организме происходят так быстро, что задержать здесь развитие нереально. Но полный расцвет — это тот возраст, когда организм максимально сохраняется, это большое плато на кривой роста. Именно этот возраст, стабильную зрелость, и выбирают галакты для вечного сохранения. Они охотно передадут людям свое умение, чтоб и люди воспользовались преимуществами разумного бессмертия.

Я больше не вмешивался в разговор, только слушал. И с каждым словом, с каждым жестом галактов я открывал в них ужас перед смертью. Нет, то не был наш извечный страх небытия, мы с детства воспитаны на сознании неизбежности смерти, случайное начало и неотвергаемый конец — вот наше понимание существования. Наше опасение смерти — лишь стремление продлить жизнь, оттянуть наступление неотвратимого. А эти, бессмертные, полны были мучительного ужаса гибели, ибо она была для них катастрофой, а не неизбежностью. Нелегкая задача, думал я. Не склонять на выгодный и благородный союз, как мне представлялось вначале, а переламывать их натуру — вот что выпало тебе на долю, Эли.

— Теперь вам понятно, беспокойные новые друзья, как велики наши сомнения, — закончил Граций свою изящную речь о вечной молодости галактов.

— Не будем же больше испытывать терпение собравшихся — вас давно уже ждут, пойдемте!

10

Я быстро устал от праздника.

Удовольствий было слишком много — и разноцветного сияния, и разнообразных запахов, и непохожих одна на другую фигур, и слишком приветливых слов, и слишком радостных улыбок… Бал под светящимися, благоухающими деревьями показался мне таким же утомительным, какими, вероятно, были

древние человеческие балы на паркете в душных залах при свете догорающих свечей.

Но Мэри праздник понравился, и я терпел его сколько мог.

Душою бала стали Гиг и Труб. Невидимок у галактов еще не бывало, и Гиг порезвился за всех собратьев. Он, разумеется, не исчезал в оптической недоступности, но зато в штатской одежде — зримый во всех волнах — вдосталь покрасовался. Его нарасхват приглашали на танцы, и веселый скелет так бешено изламывался в замысловатых пируэтах, что очаровал всех галактянок и ангелиц.

А Труб устроил показательные виражи под кронами деревьев, и ни один из местных ангелов не смог достичь его летных показателей — такою формулой он сам определил свое преимущество.

Ромеро тоже не терял времени попусту. Окруженный прекрасными галактянками, он разглагольствовал о зеленой Земле. И, поймав краешком уха его речь, я подивился, что увлекло меня в суровые дали от того райского уголка, каким была Земля в его описаниях.

Лусин исчез, Осима тоже пропал. Орлан, бесстрастный и неприкаянный, бродил под деревьями — бледным призраком в красочной толпе. То галакт, то ангел, то вегажитель раскатывались к нему с вопросами — он вежливо отвечал.

И Орлана вовлекли в пляску — два светящихся вегажителя смерчами вертелась вокруг него, а он, все такой же безучастный и молчаливый, порхал между нами, раздувая широкий белый плащ. Не знаю, как змеям с Веги, а мне эта пляска не показалась увлекательной.

Ко мне подошел взбудораженный Ромеро:

— Дорогой адмирал, к чему такая постная физиономия? Как было бы прекрасно, если бы командующий звездной армией человечества поплясал с новообретенными союзниками!

— С союзницами, Ромеро! Только с союзницами — и с прямыми дамами, а не вправо и влево сконструированными. Но, к сожалению, не могу. Спляшите и за меня.

— Почему такая мировая скорбь, Эли?

— Боюсь Мэри. Она кружится с ангелами и змеями, но все время оглядывается на меня. Вам хорошо без Веры, а мне грозит семейный скандал, если не поостерегусь.

— Нет, так легко вы не отделаетесь, — воскликнул он и пригласил двух галактянок.

Я не доставал головой до плеча моей партнерши, но это не помешало нам сплясать веселый танец под веселую музыку. Музыкантов я не увидел: звуки передавались телепатически. Было

хорошо, но не настолько, чтоб захотелось повторить танец.

Я забрался в чащобу освещенного деревьями парка. Веселая сумбурная музыка, звучавшая во мне, стала ясной и грустной. Я вспомнил индивидуальную музыку, распространенную на Земле: чем-то звучавшие во мне мелодии походили на те, земные, — под настроение.

Но было и важное различие: мне сейчас не хотелось грустить, душа моя не заказывала печальных звуков. Мелодия здесь рождается гармонически, она создавалась не одним мною, но всем окружением — и темной ночью, и сияющими, разноцветными, разнопахнущими деревьями, и радостью наших хозяев, ублажающих своих гостей, и их опасениями перед нашими домоганиями, и состоянием моей души… И все это складывалась в звучную, легкую, нежную и печальную многоголосую фугу.

В парке меня вскоре разыскала Мэри.

— Эли, здесь божественно хорошо! Как бы порадовался наш Астр, если бы он попал сюда вместе с нами!

— Не надо вспоминать Астра, Мэри! — попросил я.

Мы долго бродили по парку. Давно отгремел праздник, наши удалились на покой, хозяева пропали, а мы по-прежнему любовались феерией, превращенной в быт, — сейчас, на исходе ночи, она расточалась для нас одних.

Потом, уставшие, мы уселись на скамейку. Мэри положила голову мне на плечо, а во мне поднялись мысли, чуждые великолепной ночи. Я вспомнил Землю и Ору, первую встречу с Мэри в Каире, первую — и последнюю — встречу с Фиолой, сумасбродную любовь к прекрасной змее, так бурно заполнившую меня и вскоре так незаметно угасшую, наше дальнее путешествие в Плеяды, оба наши вторжения в Персей, картины злодейств разрушителей. Тысячи страстных, то нежных, то горьких воспоминаний вздымались во мне и стирались, я бродил в прошлом, то восхищаясь им, то негодуя, — переживал его заново.

А потом место прошлого заняло настоящее, но не то, пленительное и томное, в котором я сейчас находился, нет, суровое, полное недоверчивости и опасений. Я размышлял о галактах, о их совершенной самоублаженности, о слепом ужасе смерти, чудящейся им за пределами их звездных околиц. И мне страстно, до боли в сердце, хотелось опровергнуть их, бросить им в лицо горькие обвинения в эгоизме, возродить погасшую ответственность за судьбы иных, далеких им звездных народов, влить в их спокойную кровь наш, человеческий бальзам беспокойства…

Я повернулся к Мэри и сказал:

— Ты права, Мэри, Астру бы здесь понравилось. Воображаю,

как бы он плясал с Гигом и кувыркался в воздухе с Трубом.

— Не надо! — сказала она. — Ради бога, не надо, Эли!

…С той ночи прошло много лет. Я сижу на веранде в нашей квартире на семьдесят девятом этаже Зеленого проспекта, той самой, что мы когда-то занимали с Верой. Вера недавно умерла, прах ее, нетленный, покоится в Пантеоне. Скоро и мы с Мэри умрем, искусство бессмертия галактов, несмотря на все эксперименты, пока что людям не дается. Я не жалуюсь. Я не страшусь смерти. Я прожил хорошую жизнь и не отворачиваю лицо, когда вспоминается пережитое.

А внизу, против наших окон, в центре Зеленого проспекта, высится хрустальный купол — мавзолей Астра. Я не буду вызывать авиетку, чтобы опуститься к куполу. Я закрываю глаза и вижу, что в нем и что вокруг него. Вокруг мавзолея днем и вечером — посетители, их очередь иссякает лишь к поздней ночи. А внутри, в нейтральной атмосфере, — он, наш мальчик, маленький, добрый, кажется, и в смерти энергичный, и такой худой, что щемит сердце. А у входа никогда не меркнущая надпись: «Первому человеку, отдавшему свою жизнь за звездных друзей человечества». Эту надпись сочинил Ромеро, я видел слезы в его глазах, когда он предлагал ее Большому Совету, видел, как плакали члены Совета. Я благодарен Ромеро, я всем благодарен, мне хорошо. У нас с Мэри нет ничего своего, кроме совместно прожитой жизни и трупика сына, ставшего святыней человечества, — так иного у нас, так бесконечно много! Мне хорошо, и я не буду плакать.

Последний раз в своей жизни я плакал тогда, ночью, на великолепной планете галактов, под их радостными деревьями, источающими сияние и аромат, — и Мэри, обняв меня, плакала вместе со мной…

11

Нас повезли на одну из пустынных планет, переоборудуемых для жизни.

Эта поездка занимала меня больше, чем знакомство с бытом галактов в их райски благоустроенных обителях.

Ромеро иронизировал, что поиски совершенства захватывают меня сильнее, чем совершенство достигнутое.

— Вы весь в пути, — сказал он на планетолете. — И, не обращая внимания на встречающиеся в дороге станции, нетерпеливо стремитесь к следующей, чтоб так же стремительно пролететь мимо.

Возможно, кое в чем Ромеро и прав, но я ту же мысль выразил

бы проще: я — человек дела, а дела было так много, что не хватало времени на любования.

Планета, куда нас повезли, называлось Массивной. Она и вправду была массивной — исполинский камень, пики и скалы, пропасти без дна, гигантские трещины от полюса к полюсу, еще огромней горные цепи. На обкатанные шарики наших планет эта угрюмая каменная шишка в космосе походила мало. И ни намека на атмосферу, ни следа воды, даже ископаемой! Если этот унылый клочок мира был создан рамирами, то или эти загадочные существа работали крайне небрежно или дальше создания мертвых камней их фантазия не шла.

Массивная интересовала меня еще и потому, что напоминала Плутон — планету моей юности, превращенную в гигантский космический завод из такой же примерно скалистой пустыни, — правда, там была окаменевшая вода. И, знакомясь с деятельностью галактов, я должен был признать, что если в инженерных решениях мы и превосходили их, то целеустремленности общего замысла нам следовало учиться у них.

Горы покрывала плесень, бурая, неприятная на ощупь плесень, и горы таяли на глазах. Это не были бактерии, творящие жизнь, как у Мэри, эти мхи лишь разлагали камень на химические элементы. Наши атмосферные заводы на Плутоне работали интенсивней. Но заводы возделывали лишь незначительную часть планеты, а мхи галактов покрывали всю ее поверхность: мертвая планета парила, источала азот и кислород, всюду по ней струились ручьи и реки, заполняя впадины, будущие моря.

И деятельность галактов лишь началась здесь, а не кончалась на этом. Проект заселения планеты был грандиозен. И снова люди пошли бы иным путем, чем галакты. Мы колонизировали бы планету — привезли рыб, зверей, птиц, засадили уже произрастающие в других местах растения. Галакты не колонизировали свои планеты, а развивали то, что подходило каждой.

На Массивной, с ее большой гравитацией, они выводили породы легких существ — малая масса, мощная мускулатура, обязательно — крылья. Генетические возможности эволюции они рассчитали с глубиной, показавшейся нам невероятной. Новообразованные воды были уже населены примитивными существами из нескольких клеток. Нам показали на моделях, во что они разовьются впоследствии. В примитивные существа была введена гигантская сила усовершенствования, они должны были трансформироваться от поколения к поколению.

А в конце не такого уж длинного ряда преобразований — не миллиарды земных лет естественной эволюции, а всего лишь тысячи — должны были возникнуть новые разумные существа, чем-то похожие и на ангелов, и на шестикрылых кузнечиков, и на самих галактов. Галакты говорили о них так, словно эти запроектированные существа реально уже существовали.

— Создадут, — сказал мне с волнением Лусин. — Мы — чепуха. ИНФ — кустарщина. Галакты — великие творцы. Величайшие! Пойду в ученики. На Землю не возвращусь. И не проси, Эли!

Мэри успехи галактов тоже взволновали, но по-иному.

— До этого они все-таки не додумались, чтоб выводить штаммы бактерий, преобразующих одни элементы в другие, — сказала она мне, сияя. — Их строительные микробы — не больше чем химические фабрики. Меняют связи между атомами, но не вторгаются в ядро. Нет, Эли, ты посмотрел бы, как у них раскрылись рты, когда я извлекала из сейфа нашу металлопереваривающую живую продукцию!

— Отлично, Мэри! Очень рад, что ты не дала им захвастаться своими успехами. Роль младшего брата при галактах мне что-то не по душе.

И чем внимательнее я изучал труды галактов на Массивной, тем чаще возвращались ко мне давние мысли, — теперь они были определенней. Нет, думал я, как бы изменилась развитие жизни во Вселенной, если бы галактов не загнали в их звездные резервации! Гонимые боги какие-то, могущественные вечные пленники, бессмертные парии, страшащиеся высунуть нос за ограды своих планетных гетто! Нет, какое гигантское ускорение приобретет разумная жизнь во Вселенной, если помочь этим жизнетворцам выбраться в очищенные от разрушителей мировые просторы!

После осмотра Массивной Граций сказал:

— Готовь речь к галактам. Мы возвращаемся на нашу планету. Оттуда будет вестись передача на все спутники Пламенной, а также на дружественные звездные системы. Аудитория у тебя будет обширная, друг Эли!

Все мы волновались, не я один.

Ромеро мог бы состязаться в невозмутимости с Орланом, не уступил бы ни одному галакту в умении держать себя. Но и на Ромеро не было лица. Даже Гиг утратил всегдашнюю жизнерадостность, а у Труба уныло обвисли крылья. Мне пришлось забыть, что я сам не в себе, и подбодрить товарищей. Я улыбнулся Гигу, похлопал Труба по крылу, перекинулся несколькими словами с Орланом.

Мэри мне сказала:

— Ни пуха ни пера, Эли. — Она добавила, увидев мое недоумение: — Старинное заклинание, оно к добру, а не ко злу. А меня нужно в ответ послать к черту.

К черту послать ее я постеснялся, но мысленно выругался. «Черт проклятый!» — сказал я, усмехнувшись.

Граций с Тиграном ввели нас в пустой зал с двумя столами. За первым разместились оба галакта, Ромеро, Орлан и я, за вторым — наши товарищи. Ромеро по дороге оказал:

— Сегодня Орлан с Осимой подсчитали, что Аллану потребуется тысяча лет, чтоб добраться до Третьей планеты, если темпы его продвижения не изменятся, и ровно пять тысяч лет, пока он притопает к первой звездной системе галактов. Разумеется, когда у тебя в запасе вечность, что стоит потерять одно-другое тысячелетие…

Если бы Ромеро не прошептал этих иронических слов и если бы его ухмылка не была такой мрачно издевательской, я, вероятно, держал бы себя по-иному — говорил бы мягче и аргументы подбирал бы другие. Но сейчас жребий был брошен на спор — нападение, а не уговоры.

Вокруг были одни тускло светящиеся стены, сходившиеся вверху куполом. Но, если сами мы никого не видели, то почти триллион задумчивых, спокойных, благожелательных глаз был обращен в эту минуту на нас: все звездные системы галактов подключены к Пламенной, бесчисленные обитаемые планеты внимают голосу далекой звезды, рядового сверхгиганта огромной светимости, а сегодня — и огромной звучности. Впоследствии выяснилось, что разрушителям не удалось заглушить передачу с Пламенной. Думаю, они и не старались: в Персее назревали грозные события, враги хотели быть в курсе своей судьбы.

— Говори, Эли, — оказал Граций.

Я начал с того, что мы — друзья, а между друзьями, откровенность — норма общения. Свершения галактов огромны, мы, люди, и не мечтаем пока о многом таком, что стало у них бытом. Они несравненно превзошли уровень могущества и благополучия, который некогда суеверные люди приписывали своим богам. Но вот беда: галакты примирились с ролью пленников, отрезанных от беспокойного, страдающего мира, — люди неспособны это понять, неспособны примириться с этим. Мир, изнывающий под пятой разрушителей, взывает о помощи, — где помощь могущественных галактов? Галакты стали глухи к терзаниям мира — такова действительность.

— Да, я знаю, вы боитесь гибели, ибо смерть для вас не наш неизбежный конец, а недопустимая катастрофа, — сказал я

прямо. — И я не могу дать вам абсолютной гарантии, война есть война, ничего не поделаешь. Но я хочу указать, что вы будете не одни в сражениях, рядом с вами пойдут корабли людей со своими аннигиляторами. Я командую человеческим флотом и торжественно обещаю, что если один из ваших звездолетов промахнется и убийственный заряд умчится в пространство, мы аннигилируем пространство вместе с биологическими лучами, технические возможности для этого есть. Итак, вам ничто не грозит, кроме ваших собственных страхов. А ждет вас — весь мир! Идите навстречу зову мира!

Мэри потом говорила, что я кричал и размахивал руками, как наши предки на митингах. Орлан, сидевший справа от меня, вытянул шею в шест и со стуком прихлопнул голову в плечи — так, без слез, он просалютовал мне. А Ромеро и в этот драматический момент не удержался от иронии.

— Если галакты и впрямь какая-то порода богов, то вы, дорогой адмирал, такой швырнули камешек в их божественное болото, что породили не круги, а бурю. Интересно, донесется ли до нас гром ветра активной звездой политики, разрывающий сейчас шатры их изоляционной защиты.

— Я бы проще высказал эту же мысль, Павел, — ответил я и спросил Грация: — Можем ли мы узнать, что сейчас происходит на ваших планетах?

— Даже увидеть можете.

Мы по-прежнему находились в зале с прозрачными стенами и таким же прозрачным куполом — и одновременно летели над планетой. И это был не туристский облет живописных мест, перед нами открывались площади — и толпы на площадях, улицы — и спорящие галакты и их друзья.

А еще спустя время перед нами появилась другая планета, сперва красный шарик, потом заполнившая все небо сфера: мы падали на планету, но не упали, а полетели над ней.

Она выглядела по-иному, чем наша, — малиновые растения, озера и моря, не синие, а оранжевые, горы, венчавшиеся причудливыми розовато-белыми факелами, даже водяные облака, плававшие в атмосфере этой планеты, были желто-зеленые, а не грязно-серые. Уверен, что на этой радостно яркой планете среди пылающих красок не только глазам отрадно, но и жить легко.

И на ней мы опять увидели галактов и их звездных друзей, — и на площадях, под светящимися деревьями, и в залах. Картины повторялись — оживленные беседы, взаимные уговоры. Содержание дискуссий не переводилось, но мы и без перевода понимали, о чем спорят галакты.

— Можем посетить другие планеты Пламенной, можем

выбраться в соседние звездные системы, — предложил Граций. — Передача идет на сверхсветовых волнах.

Не знаю, сколько часов продолжался облет планет и звезд, но мы порядком устали. Граций предложил подкрепиться и отдохнуть. После обеда мы собрались в салоне. Из него вели двери в зал.

— Большую бы, — сказал Лусин с сожалением. — Суммировать. Так спорят — ужас!

Ромеро сказал, пожимая плечами:

— Не сомневаюсь, что у них имеется способ суммировать индивидуальные желания в коллективное мнение общества. Конечно, не наша Большая Государственная машина, но какой-нибудь вечно молодой галакт, специализировавшийся на всеобщем подслушивании, или, скажем так, — выслушивании.

Больше всех нас тревожился Орлан, я видел это по его посеревшему лицу. Он разговаривал с Мэри, я подсел к ним.

— Инерцию благополучной замкнутости — вот что им надо преодолеть, — сумрачно говорил Орлан. — А выход наружу грозит потерей благополучия. И потом, разрушители — их союзники! Даже в ясной голове галакта это не укладывается. Вы поверили в меня сразу, но не потому ли, что до сих пор, по существу, не встречались с разрушителями. А они миллионы ваших лет изучали нас!

— Нет, не поэтому мы поверили в тебя, Орлан, что плохо вас знаем, — вмешался я. — Просто мы, люди, убеждены, что добро разумней зла и сотрудничество полезней, чем истребительная война. Мы взываем к вашему разуму и подкрепляем ваш разум своей силой. Союз разума и силы — что может быть действенней!

Орлан сказал с печалью, проступавшей сквозь маску бесстрастия:

— Не сомневаюсь: одно хорошее поражение в бою — и Империя Великого разрушителя развалится. Но как передать эту мою уверенность галактам?

В салон вошли Граций и Тигран. Мы обступили их.

— Ты нас не убедил, адмирал Эли, — объявил Граций. — Ты говорил с нами откровенно, и галакты хотят поговорить с тобой откровенно. Мы ставим перед тобой два вопроса и просим дать на них ясный ответ. Первый. Считаешь ли ты разумным, чтобы галакты променяли обеспеченность своего нынешнего состояния на невзгоды и превратности войны не за их интересы? Второй. Уверен ли ты, что наши враги могут переменить свою природу? Можно ли приобщить к созидательной жизни тех, кто до сих пор предавался одному разрушению? Какие гарантии этого?

Орлан громко вхлопнул голову в плечи.

— То самое, о чем мы только что говорили, Эли, — сказал он невесело.

Мэри с тревогой дотронулась до меня рукой. Я молча досмотрел на нее. Она была очень бледна.

— Успокойся, — оказала она. — Нельзя выступать в такой ярости!

— Пойдемте, — оказал я Грацию и Тиграну. — Если заданы вопросы, будут даны и ответы.

12

Пока мы шли в зал, я взял себя в руки. Криком и упреками тут помочь нельзя было. И если недавно я выступал, как на древнем митинге, то больше этого повторять не следовало. Всех, кого я мог убедить и зажечь, я убедил и зажег, остальных нужно было не убеждать, а опровергать.

И когда я встал за стол, открытый миллиардам невидимых мне глаз, разум мой был ясен и холоден.

— Итак, первый вопрос, — сказал я, — разумно ли променять нынешнее благополучие на невзгоды и превратности войны? Да, разумно. Больше чем разумно — неизбежно! Ибо иного способа сохранить ваше сегодняшнее благополучие нет, кроме вот этого — подвергнуть себя опасностям и превратностям. И воевать вы будете не за чуждые вам интересы, а за свои собственные. Вам, бессмертным на ваших планетах, равно доступны и сегодня и отдаленное будущее, — почему же вы живете одним «сегодня»? Мне, человеку, легче бы отказаться от будущего, оно все равно не мое, тело мое сгниет, когда оно наступит, а я борюсь за него, чужое будущее, ибо оно будет «сегодня» моих потомков и они вспомнят меня и похвалят. А у вас это будущее — ваше, даже не потомков ваших, просто ваше, — как же вы решаетесь отказаться от него, так обокрасть самих себя? Ах, вы не верите, что ваше «завтра» и ваше «всегда» будут хуже, чем это замечательное «сегодня»? Тогда послушайте меня, внимательно слушайте и размышляйте!

Там, в мировых просторах, откуда вас некогда изгнали, ныне господствуют ваши враги — разрушители. Вы считаете, что они вам не опасны? Вы полагаете, что ужасные биологические орудия — надежная защита от них? Сегодня, дорогие мои, только сегодня они надежны, но завтра — нет, а ведь вы существуете «всегда». Хотите знать, что произойдет завтра и чем закончится это ваше «всегда»?

Разрушители отлично понимают, что живому существу к вам не подступиться. Они и не подступаются — сегодня можете быть

спокойны.

Но есть у них одно превосходное свойство, отсутствующее у вас и бесконечно грозное для вас! Вы достигли совершенства, вы успокоились на самих себе, вы могли бы воскликнуть, как никогда еще не мог воскликнуть человек: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» В сущности, вы только и делаете, что превращаете это ваше нынешнее великолепное мгновение в великолепную вечность — консервируете однажды достигнутое счастье. А они развиваются, они продолжают неутомимо совершенствоваться, развиваются в злодейском направлении, совершенствуют свою преступность.

Вы думаете, это праздная философия, то, что Великий разрушитель провозгласил исторической миссией зловредов — превращение организмов в механизмы? Нет, прекрасные и близорукие, это цель их деятельности, а работать они умеют! И они работают, поверьте, они работают, а не только наслаждаются существованием, как вы!

— А теперь, — продолжал я, — могу описать, что ждет вас в скором вашем «завтра», бессмертные. Сотни вражеских кораблей появятся у ваших космических кордонов — и навстречу им забушуют ваши сверхмощные биологические орудия. Но корабли будут спокойно двигаться дальше, ни на одном не окажется ни одной живой молекулы, способной погибнуть под вашим обстрелом, управлять кораблями будут механизмы, разумные и безжизненные. Вы мне не поверили? Вы отрицаете, что механизмы могут быть разумны, только биологический мозг достигает разума, говорите вы про себя? Хорошо, пусть по-вашему, разум — явление биологическое.

Но мы видели уже автоматов, пока живых, у которых вместо собственного мозга датчики связи с мозгом, находящимся вне их. И эти живые автоматы отлично функционируют, управление механизмами Третьей планеты осуществляется ими. Я сказал: «пока живые» — и не ошибся. Им уже не обязательно быть живыми, этим, пока живым, автоматам, и завтра они полностью станут механизмами, такими же деятельными, такими же быстрыми и квалифицированными — еще деятельней и квалифицированней! Вот реальная перспектива будущего: гигантский направляющий мозг на одной из звезд, недоступных для ваших орудий, и автоматы, спаренные с ним на сверхсветовых, тщательно закодированных волнах.

Что ждет вас тогда? Не знаете? Я и это скажу вам, друзья мои! Значительная часть вас, бессмертные, погибнет при первой же атаке — и этим будет лучше! Но тяжка доля тех, кто сохранит жизнь. На ваши благоустроенные планеты обрушатся

гравитационные удары, в пыль превратятся ваши совершенные города и роскошные парки, в пыль, текучую, как вода, — мы видели эту пыль на несчастной Сигме в Плеядах. Но перед уничтожением планет на шеи ваши наденут цепи, равнодушные автоматы погонят вас в рабство. Вы попытаетесь убежать — и не будет дорог! Вы упадете на колени — и не вымолите свободы! Захотите себя убить, и не обрящете смерти, ведь вы отменили смерть на своих планетах!.. Будете кричать и рвать на себе волосы, в исступлении проклинать горькую свою судьбу, кусать своя руки, бить себя кулаками по голове! Пожалуйста, это не возбраняется, можно и кусать себя, и бить по щекам, лить слезы. Кругом вас будут одни автоматы, их это не взволнует — жалость у них не запрограммирована!

Таково ваше «завтра» — и оно будет много лучше, чем ваше «послезавтра». Живой и бессмертный раб безжизненного механизма-хозяина, сосущего его соки! Вечный прислужник машины, вечный угодник ее прихотей, а у машины появятся прихоти и страшные прихоти, бессмысленные, нелогичные, но обязательные для вас, ее рабов. Страшно раболепствовать перед тираном и эксплуататором, живым и тупым, надменным и своенравным, подозрительным и жестоким. Сколько у нас, у людей, сложено прекрасных легенд о священной, трудной, вдохновенной борьбе угнетенных против угнетателей. Но в тысячи, нет, в миллионы раз позорней и горше быть рабом машины, прислужником электронной схемы, холуем мертвого сочетания рычагов — а это ваша послезавтрашняя доля, ныне совершенные и богоподобные! И где вы найдете тогда выход? Куда толкнетесь? К кому воззовете? Не будет вам выхода! Не будет пути! Не будет помощи! Ибо сегодня вы сами роете ту бездонную яму, куда завтра вам падать!

Таков мой ответ на первый ваш вопрос.

А теперь второй вопрос. Вы не верите, что разрушители могут стать завтрашними друзьями, — это слишком чувствуется в вашем вопросе. Но почему, спрошу я, вы не верите? Потому, отвечаете вы, что не переделать им своей свирепой природы, не приобщить к созидательной жизни того, кто отдан страсти уничтожения, не сделать творцом лелеющего мечту о всеобщем хаосе. Нет, скажу я вам! Нет! Нельзя быть такими узкими. Посмотрите на мир — насколько он многообразнее вашей схемы. Он весь — противоречия и многообъемность, а вы его выстраиваете в линию. Он разнонаправлен, он раздирается внутренне и, как при взрыве, летит во все стороны, а вы замечаете лишь тот крохотный его осколок, что ударился о вашу грудь.

Давайте разбираться спокойно и объективно.

Вы сейчас, вероятно, самые умелые жизнетворцы в мире, — по крайней мере, в той его части, что нам известна. И вы поставили исторической целью своего существования повышение биологичности всего живого — так вы утверждаете, так вы делаете. Вам ненавистна безжизненность автоматов, вы придирчиво контролируете, не вносят ли прибывающие на ваши планеты чего-то искусственного и мертвого в своих живых организмах, — мы на себе испытали эти ваши заботы и контроль.

И я пропел бы вам хвалу, как величайшим животворцам Вселенной, если бы не существовали одновременно величайшие потенциальные убийцы всего живого, и эти убийцы — опять-таки вы! Или не вы сконструировали орудия, грозящие неотвратимой гибелью всякой жизни, от любого примитива до любой усложненности? И если бы сегодня взорвался один, только один из тысяч ваших охранных астероидов, разве вырвавшиеся из него лучи не сожгли бы жизнь на ваших совершенных планетах еще свирепей и беспощадней, чем могли бы это сделать самые свирепые и беспощадные зловреды?

Возможность дальнейшего творения и совершенствования жизни вы гарантируете тем, что создали возможность ее всецелостного истребления, — так непросто получается у вас самих. Жизнь охраняется смертью — вот ваша деятельность. И самое ваше бессмертие основано на том, что вы владеете поистине чудовищной способностью оборвать мгновенно любую жизнь, в том числе и бессмертную. Палка имеет два конца, развитие балансирует на противоположностях, — почему вы забываете об этом?

А если вы попадете в рабы и приспешники все более механизирующихся автоматов, на что тогда будете тратить вы безмерность добытых вами лет бессмертия? Вы будете повышать автоматизм и искусственность, будете разрабатывать и осуществлять схемы обезжизнивания мира, вы, гордящиеся ныне своим жизнетворчеством! Ибо рабы творят волю пославшего их хозяина, а вас, бессмертные рабы, хозяин пошлет изобретательно творить смерть во Вселенной! И все ваше жалкое бессмертие будет потрачено на распространение смерти!

А теперь присмотритесь к противникам. Они объявили разрушение своим символом веры, сеятели хаоса и беспорядка — вот кем они полагают себя. И это так — они истинно разрушители, сеятели хаоса и беспорядка.

Но чтоб породить всеобщий беспорядок, они организуют у себя строжайший, жестокий, неслыханно жесткий порядок. Они создают гигантскую империю, строят города и заводы, оборудуют космические станции, наполняют мировые просторы кораблями,

одну за другой осваивают и колонизируют планеты и звездные миры. Подчеркиваю — создают, организуют, упорядочивают! Нет сегодня у вас в Персее больших организаторов и созидателей, чем эти самые разрушители!

Да, конечно, их созидательная работа подготавливает разрушение и уже приводит к разрушению, чудовищная жестокость их иерархического порядка нужна, чтоб сеять всеобъемлющий хаос, инженерное творчество обеспечивает возможность социального злотворения. Все это так — они разрушители, они зловреды, я не собираюсь их обелять.

Но я требую внимания к сложной природе их деятельности, к наполняющим ее внутренним противоречиям. Мир многоцветен — одной краской вы не нарисуете его правдивой картины. И вот я утверждаю, что это вторая сторона противоречия, исполинская инженерная космическая работа сегодняшних зловредов, сама по себе, вне ее искусственно злобной цели, полезна, а не зловредна.

Что плохого, если Станция Метрики будет регулировать структуру пространства, а мощные звездолеты будут перебрасывать товары и пассажиров из одного звездного края в другой? Да одно умение владеть тяготением — это же величайшее из творений разумного гения! Как не поставить такое умение в служение живому разуму? Я не буду перечислять технические успехи разрушителей, они вам известны лучше, чем мне. Я утверждаю, что безымянные творцы этих успехов — наши потенциальные друзья. Творческий разум задыхается в Империи разрушителей, давно-давно там созрели уже силы, стремящиеся вызвать революцию угнетенных против угнетателей, — наш долг помочь этим силам.

Вы спросите, где они? На поверхности их не увидеть, слишком велико подавляющее их угнетение, слишком тяжки кары за любую попытку сопротивления. Но разве свирепость угнетения, разве тяжесть кар сами не свидетельствуют о мощи сопротивляющихся сил? Бывший разрушитель, наш друг Орлан, сказал, что один хороший толчок — и Империя разрушителей с грохотом развалится. Так давайте, друзья, толкнем хорошенько!

Но вы спрашиваете, где гарантии? Без гарантий вы не верите, что разрушители превратятся в созидателей? Вот они, испрошенные вами гарантии, вглядитесь зорче! Орлан и Гиг, поднимитесь, пусть вас увидят галакты и звездные их друзья! Орлан, ближний сановник Великого разрушителя, один из знатнейших вельмож Империи, умница и стратег, — разве не сам он замыслил переход на нашу сторону? На чью сторону, спрошу я вас? Победителей, грубо сломивших мощь обороны и без его поддержки уже обеспечивших себе успех? Нет, на сторону

беспомощных пленников, чье будущее было еще так неверно, — перешел на нашу сторону, чтоб разделить нашу судьбу, а не для того, чтоб подсесть к завоеванному пирогу! А Гиг, весельчак Гиг, добряк Гиг, хороший парень Гиг, разве он изменил разрушителям в поисках благ? Он изменил потому, что представился случай уйти от зловредов, он больше не мог быть с ними!

Вы скажете: Орлан и Гиг не гарантия, что и другие разрушители поступят так же. Равно как и переход на нашу сторону Главного Мозга с Третьей планеты не гарантия, что и остальные пять Главных Мозгов отступятся от своего повелителя? Нет, друзья мои, нет. Здесь гарантия и к тому же — абсолютная! Абсолютность ее в том, что Орлан и Гиг были первыми разрушителями, которых мы встретили, — и эти первые стали нашими. Мы их не выискивали, не отбирали, наоборот, их выискивал и отбирал сам Великий разрушитель, — и, конечно, отыскал самых правоверных, подобрал самых свирепых. А они — наши! А они не правоверны и не свирепы! И не перешли на нашу сторону, это слово неточно, — вырвались к нам, обрели наконец свободу.

Вот она, абсолютная гарантия: вельможи покидают верховного правителя, гвардия его заносит над ним меч. Ибо он — угнетение и унижение, бесправие и ложь. Ибо мы — свобода и взаимное уважение, равноправие и правда! Не ищите других гарантий, сильнее этих не найдете! Я кончил. Решайте.

— Можешь отдохнуть, Эли, — сказал Граций, когда я сел. — Передача завершена, надо дать время галактам поразмыслить над твоей речью.

Я вышел в салон. Меня обступали друзья. Лусин плакал, Труб тоже вытирал крылом глаза. Орлан так волновался, что не сумел ничего сказать, он лишь проникновенно сиял бледным лицом. Гиг заключил меня в свои костлявые объятия. Ромеро с уважением сказал:

— Вы, оказывается, оратор, любезный адмирал!

Осима энергично выругался:

— Если эти живые боги сейчас не выделят нам парочку звездолетов с биологическими орудиями, то они слепые котята. И больше тогда не произносите при мне этого слова — галакт.

Мэри взяла меня под руку:

— Эли, я слушала тебя с замиранием сердца! Если эти странные существа и не согласятся с тобою, все равно речь твоя была великолепна, все равно была великолепна, Эли!

Я с досадой отмахнулся от ее похвал:

— Речи хороши лишь тогда, когда порождают хорошие результаты. Откажут нам галакты в поддержке — значит, речь

никуда не годилась!

Мы еще поговорили немного, и я вдруг задремал, привалившись головой к спинке дивана. Мэри потом говорила, что я стонал и вздрагивал во сне. Пробудился я оттого, что Мэри дернула меня за рукав.

В салон вошли Граций и Тигран. Впервые — и в последний раз — в глазах Грация блестели слезы, он издали протянул мне обе руки. А Тигран приплясывал, он не хуже Гига готов был ликующе захохотать и затрястись всем телом.

Я порывисто схватил руки Грация.

— Адмирал Эли! — торжественно проговорил Граций. — Наше решение таково. После долгих тысячелетий затворничества галакты снова выходят в межзвездные просторы. Вы, люди, могущественнее нас сегодня — мы с радостью отдаем себя вашему руководству. В ближайшее время у сферы астероидов соберется эскадра звездолетов системы Пламенной — тридцать пять боевых кораблей. Из других звездных систем выйдут другие эскадры, всего четыреста пятьдесят звездолетов. Принимай командование над флотом галактов, адмирал людей!

13

Я не стал дожидаться подхода эскадр галактов из других звездных систем. Андре сообщил с Третьей планеты, что против кораблей Аллана концентрируется гигантский флот разрушителей, непрерывно появляются все новые и новые крейсера.

Ни у Андре, ни у нас не было сомнения, что зловреды не будут тянуть с решительным сражением. Им обязательно надо было покончить с Алланом, пока не подоспели галакты. Так бы действовал я на месте разрушителей, у меня не было причин считать врага глупее себя.

Когда первые тридцать пять звездолетов прибыли в район сбора, я скомандовал выступление. Эскадрам из других звездных систем было предписано собраться в два флота и выходить, каждый флот самостоятельно, к месту, где прорывался Аллан.

Адмиральские антенны я снова поднял на «Волопасе», командовал кораблем Осима, помогал ему Тигран — галакт знакомился с аппаратурой человеческих кораблей. И, как при первом штурме Персея, мы шли строем тарана с острием, но уже не в восемь слоев, а только в четыре, — острие тарана образовывал «Волопас», за ним напластывалось несколько колец звездолетов — четыре, семь, и по двенадцати кораблей в кольце. Шли мы, как обычно, в сверхсветовой области, но не больше чем в

двести раз обгоняя свет, — корабли галактов много уступали нашим в скорости.

На третьем месяце похода произошли два важных события. Пришло сообщение, что второй флот в составе двухсот кораблей вышел в межзвездные просторы и форсированно мчится на соединение с нами, а третий флот, еще двести двадцать крейсеров, заканчивает концентрацию и выступит на днях. Второе сообщение было тревожней. На траверзе нашего флота показались корабли разрушителей.

Я редко бывал в командирской рубке, чтоб не мешать Осиме обучать Тиграна. Зато из обсервационного зала мы почти не выбирались. Я говорю о себе, Ромеро, Лусине, Орлане, Гиге и Трубе. Часто появлялась здесь и Мэри, но только чтобы посидеть с нами, а не потому, что ее интересовала астронавигация.

Когда появились корабли противника, мы находились в обсервационном зале. Лоцированные сверхсветовыми волнами, крейсера врагов вспыхивали на экране зелеными точками. Через несколько часов после появления первого звездолета их насчитывалось уже больше пятидесяти, а новые точки продолжали вспыхивать.

Мы ушли на отдых, так и не дождавшись завершения концентрации вражеской эскадры. Перед уходом я поговорил с Грацием и Орланом. Галакт держался мужественно, хотя его и страшила встреча с врагами, неизменно до сих пор одолевавшими галактов в открытых сражениях. Орлан был мрачен.

— Не нравится мне положение, — признался он. — Великий придумал что-то скверное. Он, конечно, постарается не пустить нас в район боев с эскадрами Аллана.

Я пока не видел причин тревожиться. В том, что разрушители попытаются навязать нам истребительное сражение еще в пути, никто из нас не сомневался — новостей тут не было. Но и «Волопас» с его способностью аннигилировать материальные тела представлял орешек, о который можно сломать зубы.

Я передал на Третью планету, что вижу врага. Андре фиксировал каждый корабль разрушителей, стремящихся к трассе нашего похода. Встревоженный их неожиданно огромным количеством, он советовал изменить курс на Оранжевую. На близком расстоянии механизмы Станции действуют исправно, но генераторы дальнего действия не восстановлены, хотя на них все напряженней кипит работа. «Прикрыть вашу эскадру можем, но лишь в районе Оранжевой», — сообщил Андре.

Я долго размышлял над депешей Андре. Все во мне протестовало против бегства под прикрытие Станции. Именно этого и добивались враги — заставить нас отказаться от

соединения с Алланом. Сами ли мы побежим или нас рассеют в сражении, разница была тактическая — стратегическая цель в том и другом случае достигалась.

Соображения эти я передал на все наши звездолеты.

Уже было ясно, что против нас выступила не эскадра, а крупный флот противника. Вся северная полусфера была усеяна зелеными огнями, их насчитывалось свыше двухсот, а огни продолжали прибывать. Орлан был уверен, что Великий разрушитель, чтоб не ослаблять основных сил, действующих против Аллана, мобилизовал для борьбы с нами все свои космические резервы. Хорошего в этом было лишь то, что двум другим флотам галактов уже не грозила встреча с опасными силами противника. Вражеский флот внешне вел себя мирно, шел компактным соединением параллельно нам, не обгоняя и не отставая. Держать равнение с тихоходными кораблями галактов им, конечно, было легко.

В эти дни мы находились, точно на траверзе Оранжевой — на самом коротком расстоянии от нее. Лучшей возможности, чем сейчас, спасаться под защиту механизмов Станции не могло быть. С каждым часом последующего полета мы все дальше должны были уходить от нее.

— Итак, решаем, — сказал я Грацию. — Мнение людей, мое в частности, вам известно: бегство — провал похода, продолжение его — возможность сражения.

К чести галакта, он колебался немного.

— Мы вручили командование тебе, Эли, не для того, чтобы при первой опасности восставать. Я за продолжение похода и известил о своем мнении все звездолеты.

Общим постановлением всех команд было решено продолжать поход. Теперь мы удалялись от Оранжевой. Со стесненным чувством я смотрел, как тускнеет на экране эта звезда, еще недавно причинившая нам столько мук, лишившая нас с Мэри сына, — единственная наша защита ныне в звездных владениях разрушителей.

Я предложил МУМ рассчитать, когда мы пересечем границу действия малых генераторов Станции. До границы, где мы еще могли надеяться на помощь Станции, оставалось несколько дней похода.

— Любезный Орлан, вы единственный среди нас знаете стратегическую кухню разрушителей, — обратился как-то Ромеро к Орлану. — Не смогли бы вы набросать задачи и возможности преследующего нас неприятельского флота.

По мнению Орлана, флот разрушителей будет сопровождать нас без нападения до границы действия генераторов метрики.

Военачальники разрушителей, несомненно, знают, что Станция еще не восстановлена полностью, и на этом построят свою тактику. Они ринутся, как только мы окажемся без поддержки. Сейчас они движутся компактным отрядом, но перед нападением рассредоточатся, чтоб захватить нас в сферу. Они понимают, что главная сила в нашей эскадре — «Волопас», и постараются не попадать под удар его аннигиляторов.

— И попадут под удар биологичек! — воскликнул Гиг. У предводителя невидимок темно горели глазные впадины — так его восхищала перспектива грандиозной космической битвы.

Орлан скептически втянул голову в плечи.

— Экипажи многих кораблей, вне сомнения, погибнут. Но кто составляет корабельные команды? Что, если у пультов биологические автоматы с программирующими устройствами взамен мозгов? Они погибнут, не понимая, что погибают, а перед смертью нанесут нам значительный урон.

Не могу сказать, чтоб мрачный прогноз Орлана не подействовал на нас. Я сочувствовал молчаливому Грацию. Ему приходилось хуже, чем нам, привыкшим с детства, что наша жизнь непрерывно отбрасывает от себя тень ежесекундно возможной смерти.

Мы подошли к границе действия Станций Метрики и пересекли границу. Все звездолеты были приведены в боевую готовность. «Волопас» нацелил аннигиляторы на неприятельский флот, галакты дежурили у биологических орудий.

Некоторое время я носился с мыслью прервать неизвестность собственными активными действиями. «Волопас» в скорости превосходил неприятельские крейсера. Не бросить ли его против ядра вражеских кораблей и с одного удара аннигилировать это ядро?

МУМ произвела расчеты, и от такой атаки пришлось отказаться. Прежде чем «Волопас» выйдет на прицельную дистанцию, неприятель успеет рассредоточиться. Больше чем на гибель двух-трех кораблей врага надежды не было. А в то время как «Волопас» расправлялся бы с обреченными крейсерами, вся громада обрушилась бы на звездолеты галактов, лишенные прикрытия «Волопаса».

Расчет МУМ был так неутешителен, что я без тревоги не мог смотреть на зеленые точки на экране. Но ничто не показывало, что враг собирается нападать. Эскадры разрушителей мчались параллельно нашей, держа дистанцию, как на параде. Я уже начинал думать, что стратегические прогнозы Орлана неверны и что противник вовсе не собирается навязывать нам бой на уничтожение.

Все люди тешат себя иллюзиями, я не составлял исключения. Меня все больше опутывала иллюзия, что удастся прорваться без боя. Час, когда иллюзия рухнула, навеки врезался в мою память. По кораблю разнесся сигнал боевой тревоги, по коридорам зазвучали голоса. Я был с Мэри и Ромеро в салоне. Они поспешили в обсервационный зал, я — к командирам.

В командирском зале сидели Осима, Тигран и Орлан.

— Начинается, — со зловещей бесстрастностью проговорил Орлан.

На экране передвигались неприятельские огни. Все было ясно в метании зеленых точек. Флот врага рассредоточивался. Он действовал точно по диспозиции Орлана — охватить нас в сферу, а затем атаковать со всех осей.

Добрую половину их кораблей ждала гибель, но они, видимо, заранее мирились с этим — лишь бы нас уничтожить. Орлан правильно угадал их стратегический план.

Я приказал звездолетам галактов сконцентрироваться потесней, а «Волопасу» выходить вперед.

План мой был таков. Галакты защищаются биологически в эйнштейновом пространстве, а «Волопас», оставаясь в сверхсветовом, бурей мчится вокруг нашей эскадры, аннигилируя корабли врага, попадающие в конус уничтожения.

Историки, в том числе и Ромеро, впоследствии критиковали этот план за отчаянность, граничащую с нереальностью. Но я хотел бы посмотреть на этих мудрых историков в моем тогдашнем положении — один быстроходный корабль против целого флота. Я и сегодня, через много лет после тех событий, уверен, что нам удалось бы защитить звездолеты галактов от непосредственного удара, а что их орудия сеяли бы среди врагов верную гибель — уверен абсолютно.

Но сражение развернулось совсем по-иному.

— Адмирал, они отступают! — вскричал Осима.

Но разрушители не отступали, жестокая буря трепала их корабли. Зеленые огни трепетали, закатывались в незримость.

Даже сверхсветовые локаторы не могли пробиться в ад, забушевавший в том месте, где только что находился неприятельский флот. Корабли швыряло от нас, швыряло один от другого, швыряло один на другой. Они продолжали полет, но траектория, ломаная, запутанная, судорожно меняющаяся, неопровержимо свидетельствовала о смятении и ужасе в стане неприятеля.

Мы когда-то попали в такую же ловушку, и нас тоже терзали опасения и страх, но то, что сейчас пришлось испытать врагам, было стократно умножено. Бездна, которую враги тысячелетия

рыли для своих жертв, разверзлась у них под ногами.

— Большие генераторы Станции Метрики работают, — прервал молчание Орлан. — И если я не ошибаюсь, адмирал, Андре задал вражескому флоту направление на Пламенную — под биологический удар ее астероидов. Как разрушители всегда боялись приблизиться к этой страшной сфере уничтожения!.. И вот — финал!

Я оторвался от экрана, где один за другим таяли неприятельские огни.

— Одно ясно, дорогой Орлан: ничто нам теперь не препятствует соединиться с галактическим флотом людей. А что тогда смогут противопоставить разрушители общей мощи человечества, галактов и ваших восставших планет?

14

Я не буду останавливаться на разыгравшемся сразу же генеральном сражении. Достаточно того, что ни в эскадрах Аллана, ни у галактов не был поврежден на один корабль, а разрушители потеряли больше, чем просто треть своих крейсеров, — они окончательно лишились надежды на победу. После сражения «Волопас» подошел к «Скорпиону», и я с друзьями отправился к Аллану. Планетолет плавно втянуло в недра «Скорпиона». Я выбежал первый и не сошел по лесенке, а спрыгнул с площадки на причальную площадь.

Я не успел ни крикнуть, ни охнуть, как попал в объятия Аллана. А затем Аллана сменил Леонид, а после Леонида была Ольга, а за Ольгой Вера, а за Верой были еще друзья, бесконечно дорогие лица, крепкие руки, радостно целующие губы… Я что-то говорил, что-то вскрикивал, вокруг меня тоже что-то говорили и кричали — я не слышал ни себя, ни других.

А через некоторое время наступило подобие спокойствия, и я сумел оглядеться. Мэри плакала на плече у Веры, Вера, вся в слезах, обнимала ее. Осима что-то горячо втолковывал Леониду и Ольге, энергичный капитан «Волопаса», похоже, пытался в первой же встрече описать всю эпопею наших скитаний в Персее. Труб то кидался от одного к другому, то проносился сразу над всеми, остервенело ревя, как в рог.

— Эли, кто это? — с испугом спросила подошедшая Ольга.

У нее даже лицо перекосилось и побледнело.

Я обернулся, недоумевая, что могло ужаснуть всегда спокойную Ольгу. На площадку планетолета выбрался Гиг.

Он стоял там, озирая черными глазницами толпу людей — огромный, жизнерадостный, хохочущий всем корпусом.

А рядом с ним встали Орлан и Граций с одного бока, Лусин и Тигран с другого. И это соединение людей, галактов и разрушителей было так непредвиденно, что на минуту на всей площади установилась каменная тишина. Люди, цепенея от удивления, глазели на разрушителей и галактов, те с любопытством рассматривали людей.

Только бодрое постукивание костей скелета нарушало тишину.

Я проворно поднялся на площадку и обнял Орлана и Грация, Лусин обнял Тиграна и Гига.

— Друзья мои! — сказал я людям. — Не удивляйтесь, а радуйтесь. То, что вы увидели, не загадочно, а символично. Три величайших звездных народа нашего уголка Вселенной соединяются в братский союз — для блага и процветания всех народов! И если пока еще рано говорить, что все разрушители превратились в созидателей, то первые ласточки, творящие весну, уже появились в воздухе. Вот они, приветствуйте их!

Ликующее «ура!» покрыло мои слова.

Мы сошли вниз и потерялись в толпе. Я сказал «потерялись» и смеюсь. Мы часто разговариваем штампами и мыслим штампами. Я еще мог потеряться, тем более Лусин с его двумя метрами тридцатью сантиметрами. Но оба галакта, почти трехметровые, величественные, сияющие улыбками, возвышались над толпой, как статуи.

Еще меньше мог потеряться Гиг — хохот его разносился по всему звездолету, он шел, и ему почтительно очищали дорогу. А потом к нему подлетел Труб и обнял его крылом — невидимка и ангел, торжествующие и счастливые, шагали среди людей, как новобрачные на свадьбе. И приветствовали их с не меньшим ликованием, чем новобрачных.

— Пойдем в обсервационный зал, — сказал я Аллану. — Я покажу тебе Оранжевую, где сейчас царит в своей резиденции на Третьей планете Андре Шерстюк. Да, Андре, наш Андре, милый Андре, живой, взбалмошный, деятельный!.. И главное — могущественный! По крайней мере, четверть светил Персея подвластны ему… Куда ты, Аллан?

— Минутку, Эли, одну минутку! — крикнул Аллан, расталкивая сопровождающую нас толпу.

— Что с ним? — спросил я Ольгу в недоумении. — Чем я так испугал его?

— Сейчас узнаешь, Эли, — ответила она. — Не испугал, а обрадовал.

Аллан появился, когда мы входили в обсервационный зал. Он держал за руку молодого человека.

Юноша до того походил на Андре, что я замер. Это был Андре, но не тот, постаревший, нервный, какого мы оставили на Третьей планете, а прежний Андре, друг моей юности, — статный, чарующе прекрасный, с теми же рыже-красными локонами по плечи…

— Олег! — выговорил я с трудом. — Олег, ты?

Юноша робко подошел ко мне. Я крепко обнял его.

— Как ты очутился здесь? — спросил я.

— Три года назад мне разрешили присоединиться к походу, — ответил юноша. — Мама осталась на Оре, а я обещал, что немедленно сообщу ей, если что-нибудь разузнаю об отце.

— Сегодня же пошлешь сообщение, что отец нашелся. Передадим депешу по СВП вне очереди. А сам ты скоро увидишь его: соединенный флот идет на Оранжевую, где командует твой отец.

В обсервационный зал набилось так много народу, что кресел на всех не хватило, пришлось стоять. На полусферах экрана огни звездолетов забивали блеск светил.

Зеленые точки кораблей галактов перемешались с красноватыми точками наших кораблей. Я навел умножитель на пару из одной красной и одной зеленой точки. Крейсер галактов в умножителе был огромен рядом с нашим.

Я усмехнулся. Нам не приходилось сетовать: в небольших объемах наших кораблей таилась гигантская мощь. Рассеянные по скоплению остатки флота разрушителей могли бы многое рассказать о нашей мощи.

— Кое-что сделано в Персее, — сказал я вслух. — Кое-что сделано, друзья!

Мне ответил Олег. В его голосе слышалась грусть:

— Все важное уже сделано вами… А нам, молодежи, остается доделывать.

Сквозь сферу огней соединенного флота людей и галактов проступали звезды скопления Хи Персея, а за ними выплескивался из берегов Млечный Путь, величественный, звездный поток Вселенной.

Нигде он так не прекрасен и не грандиозен, как в Персее, нигде так не грозны пожирающие его ядро туманности.

— Кое-что сделано, — повторил я. — И того, что остается здесь сделать, хватит всем нам на века. Но тебе, Олег, мы поставим иную задачу, вне Персея, лишь вашему поколению она по плечу. Вон где-то там, — я показал на темные туманности, — обитает загадочный и могущественный народ — рамиры. Нужно узнать, кто они такие. Экспедиция в ядро Галактики — вот задача, которую мы поручим поколению сегодняшних юношей,

Олег!

Книга 3
КОЛЬЦО ОБРАТНОГО ВРЕМЕНИ

Среди миров, в мерцании светил
Одной звезды я повторяю имя
Не потому, чтоб я ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими
И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной молю ответа.
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

Ин. Анненский

Вот ваш Лондон, леди. Узнаете?
Я его дарю вам. Это он
В каждом звуке, в каждом повороте,
В ускользающем водовороте
Сна, так непохожего на сон.

Вс. Рождественский

Часть первая
МУЧЕНИКИ ЗВЕЗДНОЙ ДИСГАРМОНИИ

1

В тот день хлынул громкий дождь, это я хорошо помню. В Управлении Земной Оси что-то разладилось: праздник Большой Летней Грозы планировался через неделю. А косые прутья дождя звучно секли окна, по бульвару мчались пенистые потоки. Я бегом поднялся на веранду восьмидесятого этажа и с наслаждением подставил лицо незапрограммированному ливню. Я, конечно, мигом промок до нитки. И когда Мэри позвала меня, не откликнулся: я знал, что она сердится. Я и раньше не надевал плаща, выбегая на дождь, всегда это вызывало у нее недовольство. Она продолжала звать:

— Эли! Эли! Опускайся! Тебя вызывает Ромеро.

Когда Мэри упомянула Ромеро, я возвратился. Посреди комнаты стоял Павел. Это было, естественно, изображение, а не он, но стереопередачи теперь достигли такого совершенства, что во мне, во всяком случае, порождают впечатление телесного присутствия, мне всегда хочется пожать руку образу собеседника.

— Дорогой адмирал, плохие новости! — сказал Ромеро.

Я уже двадцать лет не адмирал, но иначе он меня по-прежнему не называет.

— Мы наконец разобрались в обстоятельствах гибели экспедиции наших друзей Аллана Круза и Леонида Мравы. Должен с сокрушением вас информировать, что первоначальная гипотеза случайной аварии опровергнута. Не оправдалось и предположение, что Аллан и Леонид допустили просчеты или совершили опрометчивые действия. Все их распоряжения посмертно подтверждены Большой Академической Машиной: действия наших бедных друзей были наилучшими в тех ужасных условиях, в какие они попали.

— Вы хотите сказать, Павел… — начал я, но он не дал мне договорить. Он был так взволнован, что пренебрег своей неизменной вежливостью.

— Да, именно это, адмирал! Против них велись военные действия, а они и не догадывались! Они докладывали о стихийно сложившейся трагической обстановке, а мы расшифровали целенаправленные удары. Они твердили о диковинках природы, а реально было противодействие коварного врага, неумолимо возводившего барьеры на их пути. Не было чудес природы,

дорогой адмирал, была война! Наша первая экспедиция в ядро Галактики погибла на поле звездных сражений, а не в игре стихий, — такова печальная правда о походе Аллана Круза и Леонида Мравы.

Ромеро всегда изъяснялся велеречиво. С тех пор как его избрали в Большой Совет и назначили главным историографом Межзвездного Союза, эта забавная черта характера еще усилилась. Возможно, в древности только так и разговаривали, но меня иногда раздражает его манера, стиль этот слишком высок для повседневных дел. В данном случае он соответствовал обстановке. О гибели первой экспедиции в ядро Галактики по-иному нельзя было говорить. Я спросил:

— Когда похороны погибших?

— Через неделю. Адмирал, вы первый, кому я сообщил о новостях, связанных с экспедицией Аллана, и вы, несомненно, догадываетесь, почему мы раньше всего обратились к вам!

— Несомненно другое: понятия не имею, зачем я понадобился вам!

— Большой Совет хочет посоветоваться с вами. — Ромеро говорил с такой значительностью, словно доверял мне тайну, не менее важную, чем разгадка гибели экспедиции. — Мы просим вас поразмыслить о том, что я сообщил.

— Буду размышлять, — сказал я, и образ Ромеро растаял.

Накинув плащ, я возвратился в сад восьмидесятого этажа.

Вскоре ко мне присоединилась Мэри. Я обнял ее, мы прижались друг к другу. Ясное утро превратилось в сумрачный вечер, не было видно ни туч, ни деревьев бульвара, ни даже растений шестидесятого этажа. В мире сейчас был один дождь, сияющий, громогласный, певучий, столь восторженно упоенный собой, столь стремительный, что я пожалел об отсутствии у меня крыльев: надо было в воздухе побороться с потоками этой ликующей воды, полеты в авиетках все же не дают полноты ощущения.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — сказала Мэри.

— Да, Мэри, — ответил я. — Ровно тридцать лет назад в такой же праздник Летней Грозы я мчался среди потоков воды и ты упрекнула меня, что фанфароню в воздухе. Мы постарели, Мэри. Сейчас бы я не сумел удержаться в сплетении электрических разрядов.

Меня временами пугает, насколько Мэри лучше разбирается в моих ощущениях, чем я сам. Она печально улыбнулась:

— Ты думал не об этом. Ты жалеешь, что тебя не было в том уголке Вселенной, где погибли наши друзья. Тебе кажется, что, будь ты с ними, экспедиция вернулась бы без таких потерь.

…Я диктую этот текст в коконе иновременного существования. Что это означает, я объясню потом. Передо мной в прозрачной капсуле, недвижно подвешенной в силовом поле, отвратительный и навек нетленный, покоится труп предателя, ввергнувшего нас в безысходную бездну. На стереоэкранах разворачивается пейзаж непредставимого, недопустимого мира, ад катастрофического звездоворота. Я твердо знаю об этом чудовищном мире, что он не мой, не людской, враждебный не только всему живому, но и всему разумному. И я уже не верю, что мое участие может гарантировать от потерь. Я несу ответственность за нашу экспедицию, и я сознательно веду ее по пути, в конце которого, вероятней всего, гибель. Такова правда. Если эти записи каким-то чудом дойдут до Земли, пусть люди знают: я полностью вижу грозную правду, полностью сознаю свою вину за нее. Мне нет оправданий. Это не отчаяние, это понимание.

А в тот день на прекрасной зеленой Земле, недостижимо, непостижимо далекой Земле, под громкую музыку летнего ливня я с грустью ответил жене:

— Многого мне хочется, Мэри! Желания усиливают инерцию существования — сперва тащат вперед, затем тормозят увядание. В молодости и старости желается больше, чем можется. Говорю тебе, я слишком стар для моих желаний. Нам остается одно, моя подружка: тихо увядать. Тихо увядать, Мэри!

2

На космодроме, где приземлился звездолет из Персея, я не был, на траурное заседание Большого Совета не пошел. Стереоэкраны в моей комнате не включались. Мэри потом рассказывала, как величественно печальна была церемония передачи на Землю останков погибших астронавтов. Она плакала, когда возвратилась с космодрома. Я молча выслушал ее и ушел к себе.

Если бы я так держался в первые годы нашего знакомства, она с обидой назвала бы меня бесчувственным. Сейчас она понимала меня. Болезней давно нет на Земле, само слово «врач» выпало из употребления. Но только болезнью могу назвать состояние, в какое вверг меня отчет об экспедиции Аллана и

Леонида. «Это нелегко пережить», — сказал Ромеро, вручая мне катушку с записями всех событий, начиная со старта с Третьей планеты в Персее и кончая возвращением кораблей на базу с мертвыми экипажами. Это было больше, чем «нелегко пережить». Этим надо было тяжко переболеть.

Вероятно, я не пошел бы и на обряд захоронения тел, если бы не узнал, что на Землю прилетела Ольга. Она не простила бы мне отсутствия на похоронах ее мужа. И надо было повидать старых друзей — Орлана и Гига, Осиму и Грация, Камагина и Труба: они прибыли вместе с Ольгой на ее «Орионе», чтобы принять участие в торжественном внесении останков в Пантеон. Я все же долго колебался, прежде чем решился выйти из дома. Ромеро предупредил, что от меня ожидают речи, а что я мог сказать, кроме того, что погибшие — отважные космопроходцы и что я их очень любил?

В Траурном зале Пантеона собрались родные и друзья погибших. Ольга заплакала, припав головой к моему плечу, я с нежностью гладил ее седые волосы. Она дольше всех нас не поддавалась разрушающему действию возраста, но горе сломило ее. Я с натугой пробормотал, чтобы что-то сказать:

— Оля, ты взяла бы какой-нибудь другой цвет волос, это же так просто.

Она по-прежнему все воспринимала серьезно. Она улыбнулась так грустно, что я еле удержался от слез.

— Леониду я нравилась какая есть, а больше не для кого прихорашиваться.

Вместе с Ольгой на похороны пришла Ирина, ее дочь. Я не видел Ирину лет пятнадцать, помнил ее взбалмошной, некрасивой девчонкой — с внешностью и характером Леонида. Я раньше часто удивлялся, как мало позаимствовала Ирина у своей матери ее рассудительности, ее спокойствия, ее умения глубоко вникать в любые загадки, ее железной решительности под внешним покровом одинаковой для всех доброй вежливости. А в Пантеоне я увидел женщину — стройную, смуглую, порывистую, с быстрой речью, быстрыми движениями и такими огромными, черными, с почти синим белком глазами, что от них трудно было отвести взгляд. Ирина показалась мне еще больше похожей на Леонида, чем прежде, и сходством не только внешним. Сегодня, когда трудно что-либо исправить, я вижу, как грубо ошибся в характере Ирины. В длинной цепочке причин, породивших нынешние бедствия, и эта моя ошибка сыграла роль.

Дружески обняв Ирину, я сказал:

— Я очень любил твоего отца, девочка.

Она отстранилась и сверкнула глазами. Затрепанное

выражение «сверкнуть глазами» — в данном случае единственно точное, я просто не могу выразиться по-иному. Она сверкнула глазами и ответила с вызовом, которого я не понял:

— Я тоже любила своего отца. И я уже не девочка, Эли!

Мне надо было вдуматься в значение ее слов, вчувствоваться в их тон, многое пошло бы тогда по-другому. Но к нам приблизились Лусин и Труб, было не до взбалмошных женщин. Лусин со слезами на глазах пожал мне руку, старый ангел мощно сжал меня черными крыльями. Рецепты бессмертия, усердно внедряемые у нас галактами, так же мало помогают моим друзьям, как и мне. Лусин держится молодцом, в его суховатом теле слишком много жил и костей и слишком мало мяса, — такие долго не дряхлеют. А Труб выглядит стариком. Никогда не думал, что может быть такая красивая старость, такое, я бы сказал, мощное одряхление. Я с нежностью выговариваю эти противоречащие одно другому слова «мощное» и «одряхление», я с болью вижу погибшего Труба, как если бы он снова стоял передо мной, каким появился на траурной церемонии, — огромный, чернокрылый, с густой, совершенно седой шевелюрой, с густыми, совершенно седыми бакенбардами…

— Горе! — с тоской выговорил Лусин. — Такое горе, Эли!

— Кругом были враги! — прорычал Труб. — Аллан и Леонид научно исследовали загадочные явления, а надо было сражаться! Ты бы воевал, Эли, я уверен! Жаль, меня не было! Я бы кое-что преподал им из опыта сражений на Третьей планете!

К нам подошли Орлан и Граций. Когда они оба появляются на планетах, где имеются люди, они ходят только вместе. В этом есть какая-то трогательная наивность — галакт и разрушитель демонстрируют, что жестокая вражда, миллионы лет назад разделившая их народы, нынче сменилась горячей дружбой. Я по-старому назвал Орлана разрушителем, хотя теперь им присвоено название «демиурги», и они очень гордятся новым названием, означающим что-то вроде механика или строителя, — в общем, творца, а не разрушителя. Словечко «демиург», конечно, точно выражает роль бывших разрушителей в нашем Звездном Союзе, но не думаю, чтобы выставляемая напоказ дружба легко давалась Орлану и Грацию, особенно галакту. Астропсихологи утверждают, что как людям не привить любви к дурным запахам, так и галактов не приучить быть терпимыми к искусственным органам и тканям, а демиурги только сменили наименование, но отнюдь не структуру тела, где полно искусственных органов и тканей.

— Привет тебе, Эли, мой старый друг и руководитель! — торжественно произнес галакт, по-человечески протягивая руку: мои маленькие пальцы исчезли в его гигантской ладони, как в

ящике.

Я пробормотал подходящий для встречи ответ. По выспренности выражений галакты способны даже Ромеро дать десять очков форы. Орлан ограничился тем, что приветственно просиял синеватым лицом, высоко приподнял голову и с резким стуком вхлопнул ее в плечи. Мы все вместе вошли в зал.

В Пантеоне, как известно, давно не хоронят, но когда делается исключение, то в центре зала вначале помещают для всеобщего обозрения открытый гроб с телом. В экспедиции Аллана и Леонида принимало участие сто четырнадцать человек, восемь демиургов, три галакта и два ангела. Катастрофа, настигшая оба звездолета, превратила в одно неразделимое месиво существа и механизмы. В траурный зал внесли урну с общим прахом, горсточку мертвой материи, — бывший духовный и служебный союз членов экипажа превратился теперь в вещественное единение составлявших их атомов. Я с горечью думал в ту минуту, что мы все на разных звездах братья по творящей нас материи, но только в смерти ощущаем наше внутреннее единство.

Урну внесли Ромеро и Олег: один как представитель Большого Совета, другой — от астронавтов. Меня тоже просили нести урну, но обряды, где надо показываться перед всеми, не для меня. И я заранее отказался что-либо говорить. Ромеро держал краткую речь, а затем зазвучала музыка. Я должен остановиться на музыке. В странном конгломерате причин, определивших наши сегодняшние метания в диком звездовороте ядра, она тоже сыграла роль. Играли симфонию «Памяти друга» Збышека Поляновского. Я сотни раз говорил, что люблю лишь индивидуальную музыку, лишь озвученную гармонию моего собственного настроения. Вероятно, мне просто трудно настраиваться на чужие чувства, в общих для всех мелодиях я ощущаю приказ, предписание испытывать то, а не иное, запрет быть самим собой.

Для «Памяти друга» Збышека я делаю единственное исключение. Она всегда по душе. Она всегда не ко мне, а во мне. Она моя, всегда моя, а в тот день звучала так горестно, так проникновенно, что сам я стал этой скорбной и мужественной музыкой, я звуками ее сливался с друзьями, с миром, я оставался собой и был всеми людьми, всем миром сразу. Вероятно, Збышек Поляновский сознательно старался породить такое настроение. Могу сказать одно: если он имел подобную цель, она ему удалась.

Ромеро и Олег подошли ко мне, когда я еще был в смятении, порожденном симфонией. Ромеро сказал:

— Должен проинформировать вас, дорогой адмирал, что

Большой Совет постановил снарядить вторую экспедицию в ядро Галактики и назначил командующим эскадрой звездолетов капитана-звездопроходца Олега Шерстюка, нашего общего друга.

Олег, не дав мне вставить слова, быстро добавил:

— Я согласился взять командование лишь при том условии, Эли, чтобы в экспедиции приняли участие вы!

Мне надо было ответить таким же категорическим отказом, каким я не раз отвечал на прежние предложения командовать звездными походами или принимать в них участие. После освобождения Персея, после гибели Астра на Третьей планете Мэри и я охладели к дальним странствиям. Мы возвратились на зеленую прародительницу Землю, чтобы никогда уже не покидать ее. Так мы постановили для себя двадцать лет назад и с той поры ни разу не отступали от своего решения.

Но неожиданно для себя самого я сказал:

— Я согласен. Приходите ко мне вечером. Посовещаемся.

3

Мэри пожелала идти домой пешком. День был хмурый, по небу бежали темные тучи. На Кольцевом бульваре ветер кружил листья. Я с наслаждением дышал холодным воздухом, больше всех погод люблю вот такую — сухую, резкую, энергичную, наполненную шумом ветра, сиянием пожелтевших деревьев: осень — лучшая для меня пора. Мэри тихо сказала:

— Как она хороша, наша милая старушка Земля! Увидим ли мы ее еще или навек затеряемся в звездных просторах?

— Ты можешь остаться на Земле, — осторожно заметил я.

Она с иронией посмотрела на меня:

— Я-то, конечно, могу. Но сумеешь ли ты без меня?

— Нет, Мэри, без тебя не сумею, — честно признался я. — Быть без тебя — все равно что быть без себя. Или быть вне себя. Такова моя судьба: один — я только половинка целого. Ощущение не из лучших.

— Мог бы сегодня обойтись и без неостроумных шуток, Эли! — Она нахмурила брови.

Некоторое время мы шли молча. Я с опаской поглядывал на нее. Столько лет мы вместе, но я до сих пор побаиваюсь смен ее настроений. Сердитое выражение ее лица превратилось в отрешенно-мечтательное. Она спросила:

— Угадаешь, о чем я думаю?

— Нет, конечно.

— Я вспоминаю стихи одного древнего поэта.

— Никогда не замечал в тебе любви к поэзии.

— Ты во мне замечаешь только то, что тебе помогает или мешает, все остальное тебе не видно.

— Потусторонностей, или нездешностей, или каких-либо сверхъестественностей я в тебе не открывал, это правда. Так какие стихи ты вспомнила?

Она показала на метущиеся кроны и продекламировала:

Кружатся нежные листы
И не хотят коснуться праха…
О неужели это ты,
Все то же наше чувство страха?
Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало?
И нет конца и нет начала
Тебе, тоскующее «я»!

Я согласился, что многое в стихах соответствует моменту. Оставив несуществующего творца с его веленьями, остальное можно принять: и страх гибели присущ всему живому, и точно нет ни начала, ни конца желаниям того конгломерата молекул и полей, который у каждого называется одинаково — «я». Лишь насчет тоски можно поспорить. Тоска требует свободного времени, это чувство нерабочее, для отпуска и отдыха, а что интересного в томительном отдыхе?

— Удивительно ты все умеешь упрощать, — возразила она с досадой.

И опять мы шли молча, а потом я поинтересовался, какое у нее составилось мнение о причинах катастрофы экспедиции Аллана.

— Прямо противоположное тому, на котором настаивает Павел, — ответила она презрительно. — Удивительный вы народ, мужчины. Ищете злой умысел в каждой загадке! Воинственность так сидит в вас, что вы готовы с легкостью допустить, что сама природа непрерывно ведет с нами военные действия и ни о чем так не мечтает, как поставить нас на колени. Приписать природе наши собственные недостатки — легкий путь. Но вряд ли правильный!

— В том, что мы воинственны, виноваты женщины, вы сами рождаете нас такими. — отшутился я. — Ты, однако, аргументам Ромеро не противопоставила убедительных опровержений.

Она отрезала с обычной резкостью:

— Я нашла в отчете лишь непонятные факты и поверхностные догадки о их причинах. Мне нечего опровергать.

Ее слова произвели на меня большее впечатление, чем я в тот

день согласился бы признать.

Вечером наша гостиная была полна. Ольге, Ромеро, Олегу, Орлану, Лусину достались кресла, Труб и Граций с трудом разместились на диванах: ангелу мешали крылья, а трехметровый Граций боялся приподниматься, чтобы не удариться головой в потолок. Ромеро в церемонном древнем стиле доложил о впечатлении, произведенном в Большом Совете отчетом о гибели первой экспедиции в ядро Галактики. Вторая экспедиция планируется для обнаружения неведомых противников и выяснения возможностей мирного общения с ними. Это не военный поход, а миссия мира. Все ресурсы Звездного Союза предоставлены для оснащения новой экспедиции.

— Теперь ставьте свои вопросы и высказывайте свои сомнения, адмирал, — закончил сообщение Павел.

Сомнение у меня было одно: рамиров, на поиски которых снарядили первую экспедицию, обнаружить не сумели. Планеты-хищницы, гнавшиеся за звездолетами, названы Алланом живыми существами, но что они реально живые, а не диковинка мертвой природы, не доказано. Район «пыльных солнц», на окраинах которого погибла экспедиция, по мнению Аллана, — обиталище разумной цивилизации, но ни с одним из ее представителей встретиться не удалось, — стало быть, существование ее остается гипотезой. Попытки прорваться в район ядра встретили противодействие, но что из того? Противодействия могли иметь физические причины, нам пока неизвестные, ведь никто не будет утверждать, что мы уже все изучили во Вселенной.

Мне хотел ответить Ромеро, но я обратился к Олегу:

— Ты командующий второй эскадрой. Как ты относишься к моим сомнениям?

Он ответил сдержанно:

— Они могут быть разрешены только одним путем: лететь снова к ядру и выяснить, что мешает в него проникнуть.

Я залюбовался Олегом. Он и похож и не похож на своего отца. От матери ему досталась белая кожа, такая гладкая и нежная, что она кажется прозрачной. Он вспыхнул, отвечая, румянец, как пламя, побежал со щек на лоб, к ушам, к шее. Есть что-то девическое в его облике, в красоте его головы, в длинных золотых кудрях, падающих на плечи, — впрочем, не столь завитых, какие некогда носил Андре, — в узких плечах, узкой талии, тонких длинных пальцах. Внешность часто обманчива, а у этого человека, назначенного командующим второй эскадрой, особенно. Среди капитанов дальнего звездоплавания он числится в самых бесстрашных и удачливых. Ольга рекомендовала его в адмиралы давно запланированной экспедиции в Гиады, и, если бы не

катастрофа с Алланом, Олег уже мчался бы в скопление этих рушащихся в какую-то бездну звезд. Большой Совет отменил поход в Гиады ради новой экспедиции к ядру.

— Твой ответ меня удовлетворяет, — сказал я. — Теперь расскажите, что нового в подготовке к экспедиции.

Ромеро объяснил, что подготовка к экспедиции ведется на известной нам всем Третьей планете в Персее, руководят ею Андре и демиург Эллон. На звездолетах кроме аннигиляторов Танева устанавливаются и биологические орудия галактов, а также механизмы, быстро меняющие метрику пространства вокруг звездолета. Каждый корабль теперь подобен маленькой Третьей планете, создающей в своем окружении любые искривления. Если бы эскадра Аллана была оснащена механизмами гравитационной улитки, она избежала бы многих бед. Конструкции генераторов метрики разрабатывает группа Эллона.

— Эллон, Эллон… Ты его знаешь, Орлан?

— Эллона предложил я, — с гордостью объявил Орлан. — В Персее нет другого демиурга, который бы равнялся Эллону в даровании конструктора.

Я заметил, что Граций невесело покачал головой.

— Остается последнее, — продолжал я. — В качестве кого предлагает Большой Совет мне участвовать в экспедиции? Говоря древними терминами, какова будет моя должность?

— Вы будете душой и совестью экспедиции, Эли, — сказал Олег.

— Плохо организована та экспедиция, где душа и совесть ее отделены от остальных членов экспедиции.

Я говорил серьезно, но моя отповедь вызвала смех. Ромеро примирительно сказал:

— Раз уж вы применили термины, определяющие так называемую должность, то назовем вашу функцию научным руководством, — было некогда и такое понятие, дорогой адмирал.

— Сами вы намерены участвовать в походе, Павел?

— Думаю, Большой Совет разрешит мне отбыть с Земли.

После совещания я подсел к Грацию.

— Когда Орлан расхваливал Эллона, ты вздохнул, Граций. Ты не согласен с оценкой Орлана?

Галакт засиял доброжелательнейшей улыбкой. Они так любят улыбаться, что по любому поводу дарят радостным выражением лица.

— Нет, Эли, мой друг демиург Орлан совершенно точно охарактеризовал Эллона как инженерного гения. Но видишь ли,

Эли… — Он запнулся, хотя и удержал на лице улыбку. — Ты ведь знаешь наше отношение к искусственным органам. В организме у Эллона степень искусственности много, много выше, чем у остальных демиургов; боюсь, что и мозг его содержит искусственные элементы, хотя Орлан и отрицает это…

Я тоже улыбнулся, но по-человечески — иронически. Нелюбовь галактов к искусственным органам всегда казалась мне забавным чудачеством. Я пропустил объяснение Грация мимо ушей. Все люди совершают ошибки, я ошибался, вероятно, даже больше других. И многие мои ошибки, такие невинные на поверхностный взгляд, были роковыми в точном значении слова!

4

Как страшно изменился Андре! Ольга предупреждала, что я его не узнаю, — я только посмеивался. Не могло быть такой ситуации, чтобы я не узнал самого близкого друга! И я, конечно, сразу узнал Андре, когда «Орион» повис над причальной площадкой Третьей планеты и Андре ворвался в распахнутые ворота корабля. Но я был потрясен. Я оставил Андре измученным, еще не оправившимся от безумия, но живым, даже энергичным человеком средних лет. Сейчас меня обнял старик — суетливый, нервный, беловолосый, морщинистый, преждевременно одряхлевший…

— Да, да, Эли! — со смешком сказал Андре, он сразу уловил произведенное им впечатление. — В непосредственном соседстве с бессмертными галактами мы почему-то особенно быстро стареем. Виной, вероятно, чертова гравитация на этой планетке, закручивания и раскручивания пространства тоже не способствуют биологической гармонии. Помнишь Бродягу? Тот мощный мозг, который ты почему-то захотел воплотить в огромное тело игривого дракона?

— Надеюсь, он жив?

— Жив, жив! Но за драконицами давно не гоняется. Впрочем, мыслительные способности у него в порядке.

Мы высадились на планету. Я не описываю рейс «Ориона» в Персей. Для последующих событий впечатления этого перелета значения не имеют. Укажу лишь, что Олег задержался на Земле набирать экипажи для кораблей и намеревался прибыть в Персей следующим рейсом. Не буду описывать и все встречи на Третьей планете, они интересны лишь для меня с Мэри. Я остановлюсь только на одном событии из тех, что не оказали влияния на последующие. Я говорю о впечатлении от нынешнего пейзажа Третьей планеты.

Мы летели с Мэри в обычной авиетке, такой же как и на Земле. В нашу память навечно врезался страшный облик грозной космической крепости разрушителей — голая свинцовая поверхность с золотыми валунами. Теперь не было ни свинца, ни золота — всюду, куда хватало глаз, синели леса, поблескивали озерки и реки.

— Я хочу здесь опуститься. — Мэри показала на стоявший отдельно холмик, вершина его была пока свободна от напиравших снизу кустов.

Мы вышли из авиетки и впервые почувствовали, что находимся на прежней планете. Гравитационные экраны авиетки предохраняли от страшного ее притяжения, в районе Станции оно вообще не превосходило земное, а здесь нас буквально прижало к грунту. Я не мог выпрямиться, в голове у меня зашумело, я сделал шаг, другой и пошатнулся. Меня поддержала Мэри, она легче справилась с перегрузкой.

— Сейчас я не сумел бы совершить тот поход от места высадки к Станции, — сказал я, силясь усмехнуться.

— Ты узнаешь это место, Эли? — спросила она.

— Нет.

— У подножья этого холма умер наш сын…

Прошлое прояснилось в моей памяти. Я с опаской поглядел на Мэри. Она улыбнулась. Меня поразила ее улыбка — столько в ней было спокойной радости. Я осторожно сказал:

— Да, это самое место… Но не лучше ли нам уйти отсюда?

Она обвела рукой окрестности:

— Я так часто видела в мечтах этот золотой холм и мертвую пустыню вокруг! И всегда вспоминала, как страстно желал Астр, чтобы металлические ландшафты забурлили жизнью. Помнишь, как он назвал себя жизнетворцем? На никелевой планете это было легко, там невысокая гравитация. Но и здесь удалось привить металлу жизнь. Я хотела узнать, как чувствуют себя наши новые растения, специально выведенные для местностей с повышенным тяготением.

— Это те растения, созданием которых вы занимались в Институте астроботаники?

— Которыми я одна занималась, Эли! Это мое творение специально для третьей планеты. Это мой памятник нашему сыну. Астр мог бы быть доволен, его желание осуществилось. Теперь возвратимся на Станцию.

Два других события, которые я упомяну, непосредственно связаны с экспедицией.

Среди встречавших не было Бродяги. Лусин, чуть ступив на грунт, побежал к дракону. В какой-то степени Лусин — создатель

этого диковинного существа и гордится им больше, чем другими своими творениями. Бродяга хворал, лекарства уже не помогали. Лусин с горестью сообщил, что Бродяга излишне человечен, хотя и вмещен в нечеловеческую форму, не только бессмертия, но и солидного долголетия ему, как и людям, привить не удается.

— Хочет видеть. Очень. Тебя, — высказался в своей обычной отрывистой манере Лусин, и на следующее утро мы направились к дракону.

Внешне Бродяга почти не изменился. Летающие драконы не худеют и не толстеют, не выцветают, не седеют, не рыхлеют. Бродяга был таким же, каким я видел его при расставании, — оранжево-сизый, с мощными лапами, с огромными крыльями. Но он уже не летал. Завидев нас, он выполз из своей норы и с усилием заскользил навстречу. Волноподобные складки с прежней быстротой перемещались по спине и бокам, массивное туловище извивалось с прежним изяществом, длинный, бронированный прочной чешуей хвост приветственно взметнулся трубой, крылья с грохотом рассекали воздух. Но все эти такие знакомые движения были обманчивы, они не могли уже поднять Бродягу над грунтом — дракон из летающего превратился в ползающего. И огня от него исходило поменьше: пламя, прежнего багрового цвета, было пониже, а синий дым — пожиже. Я не иронизирую, я говорю это с грустью.

— Привет пришедшему! — услышал я так давно не слышанный хрипловатый, шепелявый голос. — Рад видеть тебя, адмирал! Садись мне на спину, Эли.

Я присел на лапу и шутливо ударил ногой по бронированному боку:

— Ты еще крепок, Бродяга! Хотя, наверно, молодых драконов не обгонишь.

— Отлетался, отбегался, отволочился — все определения моего сегодняшнего бытия начинаются на «от», — безжалостно установил он и вывернул ко мне чудовищную шею, выпуклые зеленовато-желтые глаза глядели умно и печально. — Не жалуюсь, Эли. Я пожил всласть. Все радости, какие могло доставить существование в живом теле, я испробовал. Чем сильнее радости, тем они короче. Мне скоро умирать. Будь уверен, я не потеряю спокойствия, когда придет час прощаться с жизнью.

Продолжать разговор в таком унылом ключе я не хотел. Я весело запрыгал на твердой лапе дракона.

— На Земле разработаны новые методы стимулирования организма. Мы испробуем их на тебе, и ты еще покатаешь меня над планеткой. Только не бросай на грунт, как ты однажды

проделал.

Он иронически усмехнулся. Он все-таки единственный из драконов, кому удалось придать осмысленность гримасам морды, — остальные просто разевают пасти, выпыхивая дым, и не поймешь, то ли зевают, то ли собираются проглотить тебя. Я чувствовал себя виноватым перед драконом. В прежнем своем воплощении, в образе правящего Мозга-мечтателя, он мог бы десятикратно пережить нас всех. Я наделил его телом, но радости телесного бытия кратковременны и завершаются неотвратимой смертью. Хоть и поздно, но я с пристрастием допрашивал себя, правильно ли я поступил.

А вторым важным событием была встреча с Эллоном.

Мы пошли в мастерскую Эллона вшестером — Мэри, Ольга, Ирина, Орлан, Андре и я. В прошлом я не раз опускался в недра планеты, в сгущение ее чудовищных механизмов, но так глубоко еще не добирался. Андрэ говорил, что надо падать в лифте всего триста километров, но показалось, будто мы рушились вниз километров с тысячу, если не больше. Если бы грешникам — учитывая, что в аду нет скоростных лифтов, — приходилось бы ползком пробираться в такие глубины, то одно сошествие в ад являлось бы наказанием вряд ли меньшим, чем последующее кипение в серных котлах.

В огромном солнечно-светлом зале нас встретил Эллон.

Я должен описать его. Он стоит передо мной. Я подхожу к нему. Я всматриваюсь в него. Я стараюсь понять, чем порождено то впечатление, какое он неизменно производил. Я придирчиво допрашиваю себя, не изменится ли впечатление от пристального разглядывания, от долгого изучения. Ничто не изменяется. Все правильно. Ошибок нет. Если и встретилось мне в жизни существо, в полном смысле слова необыкновенное, то имя этому существу — Эллон!

Он прежде всего такой же, как все разрушители — как все демиурги, поправляю я себя, чтобы не обидеть никого из них, — и уже это одно необыкновенно на наш человеческий взгляд. Он не подошел к нам, только повернул голову на высокой, по-змеиному крутящейся шее. Орлан в знак приветствия поднимает и вхлопывает в шею голову, Эллон не удостоил нас приветствием. Он просто не знает, что такое приветствования, он не обучен таким поступкам. Он ограничился тем, что молча рассматривал нас. Нет, не рассматривал — пронзал, ослеплял, уничтожал фосфорически пылающими глазами, такие выспренние сравнения в данном случае уместней.

А Орлан оробел. Я видел Орлана в сражениях, в дипломатических переговорах, на важных совещаниях —

неизменно спокойным, объективным, решительным и бесстрашным. Я был уверен, что хорошо его знаю. Он не поднял, а вжал голову, он говорил — для нас — на отличном человеческом языке, но голос звучал робко, почти заискивающе.

— Эллон, люди пришли познакомиться с твоими свершениями, — сказал Орлан этим странным для него голосом. — Надеюсь, тебя не обременит наше посещение?

— Смотрите и восхищайтесь! — на таком же отличном человеческом языке ответил Эллон и широким жестом длинной, гибкой, бескостной руки обвел помещение. Рот его широко осклабился, синеватое лицо порозовело, вероятно, от удовольствия.

Но смотреть было нечего. Кругом были механизмы, и около них сновали демиурги. Вся планета представляет собой скопление механизмов, по виду не определить было, чем эти, в зале, отличались от тех, что образовывали тысячекилометровые толщи планетных недр. Орлан уловил наше недовольство и возразил:

— Будет лучше, если ты дашь пояснения, Эллон.

Эллон порхающим шагом шествовал вдоль стен зала и касался рукой механизмов, объясняя их назначение и своеобразие конструкций. Он двигался вперед, а голова была повернута назад, на нас: все демиурги могут свободно выкручивать голову, но так далеко, на полных сто восемьдесят градусов, выворачивать ее был способен лишь Эллон. И я, не вслушиваясь в объяснения, смотрел только на него, на его лицо, старался разобраться не в смысле речи, а в звуке голоса, мне это почему-то казалось важней, чем вникать в детали механизмов, все равно я мало бы что в них понял — я плохой инженер.

И чем настойчивей я всматривался в Эллона, тем прочней утверждалось во мне впечатление необыкновенности.

Он смеялся. Он широко раскрывал рот в беззвучном хохоте. Объяснение было серьезное, высококвалифицированное, в этом сомнений нет у меня и сейчас, а гримаса — издевательская. Огромный жабий рот пересекал все лицо от уха до уха, рот был раза в два больше, чем у других демиургов: пугающе подвижная, извивающаяся, кривящаяся впадина перехлестывала лицо, а над темной, живой, меняющейся, я бы даже сказал — струящейся от уха к уху безгубой впадиной грозно светили огромные сине-фиолетовые, пронзительно-неподвижные глаза. Я не робкого десятка и не слабохарактерный, но и меня почти гипнотизировало сочетание дьявольски меняющихся саркастических гримас и зловещих глаз.

Закончив обход зала, Эллон сказал (лишь одни эти слова я

запомнил из всего объяснения):

— Ни люди, ни демиурги, ни тем более галакты еще никогда не имели столь совершенно вооруженных кораблей. Если бы хоть один из нынешних звездолетов был у нас, когда человеческие эскадры вторглись в Персей, события развернулись бы по-иному.

Я сухо поинтересовался:

— Тебя огорчает, Эллон, что события не пошли по-иному?

Он с полминуты молчаливо хохотал, прежде чем ответил.

— Не огорчает и не восхищает. Я устанавливаю факт, не больше.

Ольга стала о чем-то расспрашивать Эллона, ее перебивала Ирина, в ней причудливо сочетается порывистая эмоциональность отца с инженерной дотошностью матери. Я отвел Андре в сторону:

— Созданные демиургами механизмы великолепны, я в этом уверен. Но кто командует ими? Не совершаем ли мы просчета?…

Он нетерпеливо прервал меня. Вероятно, только это одно сохранилось в нем от старого Андре без изменения: он по-прежнему ловит мысль на полуслове и все так же не церемонится с собеседниками.

— Можешь не волноваться! Эллон конструирует механизмы, командую ими я. Их пусковые поля замыкаются на мое индивидуальное мозговое излучение. А когда эскадра выйдет в поход, я передам управление ими Олегу и капитанам кораблей.

Мы поднялись на поверхность. В лифте Ирина восторженно объявила:

— Какой он удивительный, демиург Эллон! Нисколько не похож на других! — Она понизила голос, чтобы Орлан не услышал. — Они все кажутся мне уродами — Эллон один красавец! И какое совершенство инженерных конструкций. Эли, вы разрешите мне на корабле работать в группе Эллона?

— Где захочешь, — ответил я. Если говорить о моем личном впечатлении, то как раз Эллон показался мне куда безобразней всех других демиургов.

В гостинице Мэри сказала мне:

— Я не имею права вмешиваться в распоряжения научного руководителя экспедиции, но обсуждать действия мужа могу. Я недовольна тобой, Эли.

— Я плохо одет, Мэри? Или совершил очередную бестактность? Или обидел кого-нибудь?

— Меня пугает Эллон, — сказала она со вздохом. — Он настолько страшен, что даже красив в своем уродстве, тут я могу согласиться с Ириной. Но каждый день встречать его на корабле!.. И как Ирина смотрела на него! Если бы она так смотрела на

мужчину, я сказала бы, что Ирина без памяти влюбилась.

— Пусть влюбляется, — великодушно разрешил я. — Сам я, если помнишь, некогда тоже влюбился в Фиолу — нечеловеческое существо. Чувства эти безвредны уже по одному тому, что бесперспективны. Не взять Эллона с собой мы не сможем: он ведь объявлен инженерным гением. Боюсь, в тебе говорит человеческий шовинизм, а в нашу эпоху звездного братства надо безжалостно истреблять все виды шовинизма. Надеюсь, я убедил тебя такой железной формулой?

— Ты убедил меня тем, что безнадежно пожал плечами, — сказала она, грустно улыбаясь. — Не обращай внимания на мои настроения. Они порождаются не от умных рассуждений, как у тебя или у Ольги, а от дурацких темных предчувствий…

Я часто потом вспоминал этот разговор с Мэри в гостинице на грозной Третьей планете Персея.

5

Нет, я не создаю для потомков отчета о нашей экспедиции! Я уже говорил, что не уверен, попадут ли мои записи на Землю. Я пытаюсь разобраться в смысле событий. Я допрашиваю себя, правильно ли я поступал. Я все снова и снова подхожу к мертвому телу предателя, недвижно повисшего в силовом поле, ему уже никогда не изменить однажды принятой позы, и все снова и снова говорю себе: «Эли, тут что-то не так, ты должен во всем этом разобраться, ты должен разобраться, Эли!» Но я не могу разобраться, я слишком рассудочен. Это парадоксально, что поделаешь, одна из новых истин, столь не просто и столь не сразу нами воспринятых, звучит именно так: чем логичней рассуждение, тем оно дальше от истины. Мир, в котором мы странствуем сегодня, подчинен законам физики, но нашей логики не признает. Мы слишком поздно поняли этот мир. И не уверен, что мы понимаем его с нужной глубиной.

Я не буду описывать подготовку и отправку экспедиции. На Земле о нашем старте знают все: как мы ограничили эскадру пятнадцатью звездолетами (одиннадцать, лишенные команд, гигантские летящие склады, управлялись автоматами, четыре — «Козерог», «Овен», «Змееносец» и «Телец» — имели экипажи и командиров: Осиму, Ольгу, Камагина и Петри); и как я разрешил принять Бродягу на борт флагманского корабля «Козерог», хотя Олег колебался, стоит ли брать в дальний рейс дряхлеющего дракона; и как на «Козероге» мы разместили инженерную лабораторию Эллона; и как эскадра устремилась в созвездие Стрельца, в сгущение темных облаков, прикрывающих от нашего

взгляда ядро Галактики; и как три года мы мчались к Галактическому ядру, тысячекратно обгоняя свет и поддерживая через Третью планету Персея — на ней по-прежнему правил Андре — связь с Землей на волнах пространства; и как на четвертом году сверхсветовая связь оборвалась и мы для Персея и Земли как бы выпали в небытие.

С этого момента я и начну рассказ о наших приключениях в Галактическом ядре.

Генераторы волн пространства отказали все вдруг и полностью: мы больше не принимали депеш с Третьей планеты, не отправляли своих сообщений. Механизмы были в порядке, изменилось пространство. Космос был тот же, мы с прежней энергией поглощали его жерлами аннигиляторов, превращали по прежнему в облачка газа и пыли, все вокруг было то же, и все стало непостижимо иным: импульсы генераторов не пробивались наружу, не принимали сигналов извне. Мы внезапно как бы онемели и потеряли слух.

Но зрения мы не потеряли. Приборы издалека зафиксировали появление планеты-хищницы, точно такой, какая напала на эскадру Аллана. Разница была лишь в том, что Аллан к моменту ее нападения поддерживал связь с базой в Персее, а мы такой возможности лишились. И мы с сомнением относились к удивительной депеше Аллана, что их преследует не мертвый космический шатун и даже не гигантский корабль, столь же превосходящий размерами наши звездолеты, как гора превосходит мышь, а загадочное космическое существо, отнюдь не скрывающее намерения настичь и заглотнуть эскадру. Представление о диковинном звездолете все-таки больше соответствовало всему, что мы знали о мире.

Но был ли это звездолет или космическое существо, нас всех пронизало беспокойство, когда анализаторы обнаружили в отдалении загадочную планету и бесстрастно доложили, что она устремилась за нами. Мы шли тогда по краю темных облаков, прикрывающих ядро. Слово «край» относительно — на миллиарды километров вокруг простиралась газовая туманность, холодная, полупрозрачная, безмерно унылая, звезды тускло просвечивали сквозь багровую полутьму. Мэри сказала мне со вздохом: «Крепко же накурили в этом уголке Вселенной!» Хищная планета возникла оранжевым пятнышком в багровом тумане и стала быстро увеличиваться. Мы шли в сверхсветовой области — она мчалась в эйнштейновом пространстве. За нами тянулся шлейф превращенной в пыль пустоты — за планетой пространство было чисто. Мы уничтожали простор — планета неслась в нем со сверхсветовой скоростью, с такой чудовищной

скоростью, что нагоняла нас. Законы физики летели в пропасть — так нам всем казалось. Лишь сейчас мы начинаем понимать, насколько скудны наши собственные знания о законах природы.

Итак, планета догоняла нас. Она была огромна, как Земля, она была больше Земли. Тысячи наших звездолетов могли разместиться на ее поверхности, десятки тысяч провалиться в ее недра. Траектория ее полета прихотливо менялась, выдавая одну бесспорную цель — догнать эскадру. Как и Аллан, мы могли бы говорить о свободной воле, подчинявшей себе полет хищницы. Но мы по-прежнему считали, что нас настигает не существо, а корабль, разумные же существа притаились в его недрах, у пультов неведомых нам грозных механизмов. На наши призывы они не откликались. Не надо было обладать сверхтонким интеллектом, чтобы расшифровать наши сигналы, это была задача для школьника, а не для космического инженера. Но планета молчала — молчала и нагоняла нас, непостижимо нагоняла, со сверхсветовой скоростью в обычном световом пространстве.

Олег вызвал на межкорабельную связь команды звездолетов.

— Аллан спасся от хищной планеты тем, что пустил в поспешную аннигиляцию активное вещество, — сказал Олег. — Преследователь не сумел преодолеть преграду новосотворенной пустоты. Но, потеряв три четверти запасов, эскадра Аллана впоследствии не справилась с другими трудностями. Должны ли мы повторить защиту Аллана?

Все единодушно высказались против. Мы были вооружены сильней эскадры Аллана. Мы могли подпустить к себе странного преследователя и ближе, чем рискнул Аллан. И надо было твердо установить, нападение ли это или какая-то новая форма контакта. Решение мог дать только эксперимент.

Если когда-нибудь наши стереофильмы попадут на Землю, люди поймут, что нас возмутило. Мы отделили от эскадры один из грузовых звездолетов, предварительно освобожденный от всех грузов. Планета набросилась на звездолет, как лисица на куропатку. На пленках запечатлено все, что мы увидели, — взрыв, пламя, густое облачко сперва сияющей, потом быстро темнеющей пыли. И планета, проворно, каким-то челноком снующая из края в край облачка, жадно, всей поверхностью поглощающая пыль. Прах уничтоженного корабля оседал и конденсировался на планете, он не оставался на поверхности, а всасывался внутрь. Пространство высветлялось, гигантский пылесос мощно трудился, расправляясь с останками звездолета.

— Отвратительный жадный рот, несущийся в пустоте! — с негодованием воскликнула Мэри.

Мы сидели в обсервационном зале, наблюдая за зрелищем гибели подброшенного хищнику корабля.

— Скорее, ассенизатор космоса, дорогая Мэри, — отозвался Ромеро и добавил со вздохом: — Плохо лишь то, что этот космический дворник почему-то склонен рассматривать нас в качестве ненужного мусора.

Справедливость замечания Ромеро мы оценили лишь впоследствии, когда стало ясно, что планета не просто мчалась в туманности, куда вторглась наша эскадра, но попутно поглощала и окружающий газ, расправляясь таким образом с самой туманностью. В те часы нам было не до функций космического ассенизатора. Меня и Ромеро вызвал Олег. В командирскую рубку пригласили и Орлана с Грацием. Олег попросил и Эллона, но тот отговорился занятостью в лаборатории. Демиурги, в отличие от галактов, недолюбливают советы, они для заседаний слишком деловой народ.

Олега интересовало одно: бежать или отразить нападение?

— Бежать, бежать! — поспешно сказал Граций.

Я всегда замечал, что, если есть хоть малейшая возможность избегнуть боя, бессмертные галакты используют ее. Они куда больше дорожат своим бессмертием, чем мы своим бренным существованием. В данном случае, впрочем, мы все согласились с Грацием.

Зато способ бегства вызвал споры. Я не считал, что нужно так уж категорически отказываться от использования активного вещества. У нас его много больше, чем у Аллана, а способ этот весьма действен, как доказал тот же Аллан, удравший именно так от хищницы. Со мной, однако, не согласились. И сейчас, зная многое, чего мы не знали тогда, я могу лишь порадоваться, что остался в меньшинстве. Граций предложил воспользоваться приемом вмещения больших предметов в малые объемы, который так распространен на планетах галактов. Орлан запротестовал. Сокращение масштабов — операция медленная, люди плохо переносят иномасштабность, демиургам же, с их повышенной искусственностью, изменять размеры тел просто опасно. Да и нет гарантии, что хищница не погонится и за опадающим в объеме кораблем. С пылью и газом она расправляется идеально. Не облегчим ли мы ей задачу поскорей проглотить нас?

— Только гравитационная улитка, — убежденно заявил Орлан. — Мы оснастили звездолеты механизмами, меняющими околокорабельную метрику. Мы отлично нырнем в крутую неевклидовость, оставив космического разбойника по ту сторону искривленного пространства. Твое мнение, Эллон? — спросил он, не дожидаясь решения.

Засветившийся на экране Эллон подтвердил, что нет ничего проще гравитационной улитки. Он добавил, что незачем удирать всей эскадре, лучше запустить в гравитационный туннель хищника.

— Планета полетит наружу, как шар под гору! И если сохранит свои поглощала невредимыми, то ей дьявольски повезет! — заверил он и распахнул рот в таком приступе молчаливого хохота, что не одному мне показалось, будто вот-вот его нижняя челюсть отвалится. В отличие от галакта, Эллона радовала перспектива схваток с противником, воинственность была так же присуща ему, как инженерная одаренность.

Я опустился в лабораторию Эллона. У командных приборов прохаживался, подпрыгивая, как все демиурги, Эллон; у пульта, оснащенного клавишами, как древние рояли, дежурила Ирина, поворачивая голову вслед за демиургом. У противоположной стены распластался Бродяга, захватывая чуть не три четверти площади. Завидев меня, он дружески выбросил из ноздрей два фонтана дыма и приветственно перебросил на зубьях короны несколько молний. Они теперь были далеко не так многоветвисты и красочны, как в годы его драконьей молодости. Я молча кивнул головой и стал за спиной Ирины.

— Включай первое искривление, — приказал Эллон, и Ирина забарабанила пальцами по клавишам.

К этому времени все четырнадцать звездолетов сконцентрировались в такой близости от «Козерога», что теснота показалась мне опасной. Я ничего не могу с собой поделать: сближение кораблей на дистанцию визуальной видимости всегда пугает меня. Но без концентрации флота его не обнести неевклидовым забором — это я знал и без пояснений. Первое искривление, включенное Ириной, как раз создавало такой защитный забор. А затем Эллон предложил полюбоваться, как глупая планета, или существа, обитающие в планете, расшибают лоб об стену. Не знаю, есть ли у планеты лоб, но налетела она на искривление неистово и с такой же неистовостью отлетела. Это повторилось несколько раз — удар и отлет, снова удар и снова отлет. Змеящийся рот Эллона сводила судорога восторга, грозные глаза сверкали. Он весь был охвачен исступлением битвы, он не мог отвернуть фосфоресцирующего лица от пейзажа, развернувшегося на экране — тусклых звезд в дымке туманности и пронзительно сияющей, пронзительно несущейся на нас, все снова отбрасываемой назад планеты. Но я предпочел бы, чтобы Эллон испытывал судьбу не так долго и не так дерзко.

— Включай выводной туннель! — велел Эллон, и Ирина снова забарабанила по клавишам.

Теперь мы могли убедиться в мощности генераторов метрики. Планету неумолимо вышвыривало в какую-то бездну — не пассивным скольжением по инерции в искривленном пространстве, с каким мы когда-то так остервенело боролись при первом нашем появлении в Персее, а мощным толчком наружу. Я обратился к Эллону, он не ответил, он сгибался в беззвучном ликующем хохоте. Я повернулся к дракону:

— Здесь не простое изменение метрики! Ты знаешь об этом, Бродяга?

Дракон извивался почище Эллона, восторженно бил хвостом, сыпал тусклыми молниями.

— Конечно, Эли! Проблема пинка в зад — так это можно назвать на человеческом языке. Еще когда я был Главным Мозгом, мне опротивело пассивное искривление пространства. Мне всегда хотелось наддать дополнительного импульса выбрасываемым звездолетам. Эллон осуществил мою давнюю мечту. Действенно, правда?

Я согласился: да, очень действенно. Дракон выпыхнул на меня густой столб багровой гари, я отшатнулся. В закрытом помещении можно было радоваться и не так дымно. Я отошел к Ирине.

— Эли, Эли! — сказала она голосом, какого я у нее никогда не слышал. — Какой он человек! Какой он удивительный человек!

Я бы мог возразить, что удивительность Эллона как раз в том, что он не человек, но промолчал. Уходя, я посмотрел на них троих. С того дня прошло много времени, я только не знаю, сколько, — может быть, один год, может быть, миллионы лет, любое время могло промчаться в нашем мире мимо нашей сегодняшней иновременности. Но эту картину вижу с такой отчетливостью, словно впервые рассматриваю ее. На полу, захватив собой добрую треть помещения, извивался и ликующе дымил дракон, у экранов приплясывал и исходил молчаливым хохотом согнувшийся, фосфоресцирующий синим лицом Эллон, а Ирина, прижав руку к сердцу, побледнев, восторженно, молчаливо глядела на него, только молчаливо, упоенно глядела…

6

Вот так и совершилось наше вторжение в темные облака, прикрывающие ядро. Сперва отказали генераторы волн пространства, и мы лишились связи с базой на Третьей планете, а затем напала хищная планета, и Эллон спровадил ее в тартарары. Она исчезла бесследно из нашего района космоса, ее вообще не

стало в нашем мире — так показывали анализаторы. Сейчас мне кажется, что она просто выпала из нашего времени, что она в иных веках, иных тысячелетиях, может быть, и миллионолетиях — прошлых или будущих, это уже не так важно, Важно лишь то, что мы уже не одновременны в этом мире. Я сказал — «просто выпала из нашего времени». У меня пухнет голова от такой простоты. Она непостижима. Она губительна. Убийственная простота — вот самое точное определение для нашего нового понимания тех событий.

А на экранах день за днем разворачивалась одна и та же мрачная картина — туман и дым, и в дыму привидениями — редкие звезды. Звездного окружения не существовало, дальние светила не пробивались сквозь мрак, лишь те, к которым мы приближались, смутно проступали в тумане и так же смутно погасали, когда отдалялись от них. И все это были странные звезды — подмигивающие, пыхтящие, как бы вздыхающие вспышками тусклого сияния. Так преображал их дым туманности — нечеткие огоньки в исполинском пыльном погребе космоса!

Неделю за неделей, месяц за месяцем мы мчались в пыльном мраке, не меняя курса, на ядро и огибая встречающиеся звезды. И лишь когда у одного светила — мы назвали его Красным — анализаторы обнаружили одинокую планету с условиями, благоприятными для жизни, эскадра отклонилась от курса и вынырнула в эйнштейново пространство. До сих пор звезды, что нам встречались, все были беспланетны. Промчаться мимо первой обнаруженной планеты мы не могли.

Звезда только издали казалась красной. По мере того как мы приближались к ней, она голубела. Вблизи это было хорошее светило, молодое, энергичное, животворящее, вращаться вокруг такого солнца было завидной участью для планеты. И наши анализаторы показали, что жизнь на планете есть. Но ни на один из сигналов планета не откликалась. Звездолеты яркими лунами повисли над планетой, их нельзя было не видеть даже подслеповатому глазу, но и подслеповатого глаза там, видимо, не имелось.

Олег приказал главной поисковой группе высаживаться на планету. На каждом звездолете имеются свои поисковые группы, главную возглавляю я. В поисковики определены Труб и Гиг — летающие разведчики и воины, Ромеро — историк и знаток инозвездных цивилизаций, Мэри — астроботаник, Лусин — астрозоолог, Ирина с ее приборами, а также Орлан и Граций. Я сделал одно отклонение от штатных назначений. Я включил в нашу группу Бродягу. Олег удивился: ведь неповоротливый старый дракон снизит мобильность поиска! Да и скафандра на

такую махину не подобрать! Я, однако, не думал, что Бродяга нам помешает, а что до скафандра, то драконы, как и демиурги, отлично дышат разреженным воздухом, куда лучше нас переносят жару и холод, недаром молодой Лусин на драконах взбирался на огнедышащие вулканы. И Бродяге надо было порезвиться на свободе. Звездолеты огромны для людей, демиургов и галактов, но конструкторы галактических кораблей и не помышляли, что когда-нибудь в корабельные списки будет внесено и такое существо, как гигантский летающий ящер. Бродяге на корабле и не наползаться вволю.

Олег вежливо слушал, вежливо улыбался, потряхивал золотыми кудрями. Этот человек, столь похожий на красивую девушку, непроницаем. Команды он отдает дельные, им без спору подчиняются и спокойный Петри, и резкий Осима, и вспыльчивый Камагин, и рассудительная Ольга, тем более — все остальные. Но, кроме команд я мало что от него слышу. Слушает он внимательно, но реплики подает больше улыбками, а когда приходится отвечать, то отвечает решениями, а не соображениями. Так было и в тот раз.

— Тебе виднее, Эли, — сказал он.

Мы высадились на планете.

Она не удивила нас, когда рассматривали ее издали. В галактических странствиях мы видели миры и необычней. Стандартный космический шарик: размер — с Марс, атмосфера — сходная с земной, горы, моря, облака, вероятно, и зелень, и животные, может быть, и разумные существа. Каждый из поисковиков брал переносный дешифратор сигналов, а Ирина нагрузилась еще и специальными приборами. Трубу и Гигу тоже предложили дешифраторы, но бравые друзья недолюбливали приборы, а из механизмов признавали лишь разрядники и гранаты.

Планета казалась обычной лишь издали, лишь в целом. Удивительный мир разбегался под нами вширь, когда планетолет опускался на вершину холма, торчащего посреди равнинки. Такого мира мы еще не знали.

Он был выражен лишь двумя цветами — черным и красным. На красной земле текли красные реки, раскидывались некрупные красные озерки, с красных скал низвергались красные водопады. А на фоне назойливой вакханалии красного чернели леса и поля — черные деревья, черные кусты, черные травы. И над черными лесами летали черные птицы, в зарослях черного кустарника мелькали черные звери, в красной воде плыли черные рыбы. И облака над нами были черными с огненно-красными краями, они то сгущались — и все красное в них пропадало в черном, то

редели — и черное становилось красным.

— Преддверие ада таких же цветов: ты не находишь, Эли? — пробормотал Труб и озадаченно распушил когтями бакенбарды.

— Что могут ангелы знать об аде? — возразил я.

— Узнаем, — пообещал он и взмыл вверх.

— Мне кажется, все неживое здесь красного цвета, а живое предпочитает черный, — заметила Мэри.

Граций величественно мотнул головой, он пришел к такому же мнению. Мнение это было тут же опровергнуто Трубом. Ангел погнался за птицей, схожей с нашим гусем, только раза в три крупнее. Черный гусь не сумел отделаться от быстро настигавшего ангела. Тогда птица сложила крылья и стала падать. Она падала, на глазах превращаясь из черной в пламенно-красную. На красную землю низвергся красный ком. Труб приземлился рядом и позвал нас. Птицы не было. На земле лежал небольшой валун, мертвый, холодный и такой же красный, как и все вокруг.

— Это она, она! Она превратилась в камень! Она притворяется камнем! — твердил Труб и раздраженно толкал красную глыбу то ногой, то крылом, но никак не мог сдвинуть ее: валунок лежал на этом месте тысячелетия, так он врос в грунт.

Мэри с отвращением сказала:

— Здесь даже звуки черные!

Здесь и вправду все звучало глухо и невыразительно. Я бы добавил, что и запахи были черные: и красная земля, и красная вода, и черные растения пахли одинаково — ничто не имело своего аромата, здесь не было своеобразных запахов, как не было и своеобразных звуков, здесь все и звучало и пахло как-то смутно — ничто не признавало звонкости или резкости. Я ударил ногой о красный камень, который Труб считал преображенной птицей, Ромеро деловито постучал своей металлической тростью о металлический дешифратор: мы не услышали ни металла, ни камня, не было простукивания, не было удара — один плотный ком ваты как бы столкнулся с другим.

Трубу захотелось полетать над лесом, там он углядел новых птиц и резво помчался на ними, но и птиц больше не было и сам лес стал исчезать, когда Труб подлетел к нему. Лес опадал, приникал к земле, превращался в землю, менял черный цвет на красный. И больше не было леса, была одна красная, голая, безжизненная земля.

— Гиг, — сказал я предводителю невидимок. — Разведка твоему другу не удается. Не можешь ли ты помочь ангелу?

— Сейчас надену мундир, начальник! — воскликнул бравый Гиг и понесся вслед за ангелом. Исчезал он уже на лету.

Труб в недоумении парил над исчезнувшим лесом, ангела мы видели хорошо, а Гиг, естественно, зрению был недоступен, но извилистая линия внезапного опадания леса, превращение черного цвета в красный отчетливо отмечали невидимый полет Гига.

— Экранирование невидимок здесь не действует, — сказал удивленный Орлан. — А мы были уверены, что их невидимость совершенна!

Ирина подтвердила, что оптическая невидимость Гига недостаточна. Неизвестно, следит ли за нами кто-то, обладающий разумом, но если следит, то Гиг виден ему столь же ясно, как и не признающий экранов Труб.

— Нас терпят на расстоянии до двухсот метров, — объяснила она. — От двухсот до ста метров все поспешно омертвляется. Чем быстрей мы приближаемся, тем быстрей омертвление. Граница в сто метров непреодолима. Внутри этого круга лишь красная окаменевшая земля.

Объяснение Ирины ничего не объясняло, оно само было загадкой. В эту минуту Гиг кинулся на реку. Картина убегающего мира привела воинственного скелета в ярость. Он усмотрел мирно текущую в красных берегах красную речку и набросился на нее. Река рванулась в сторону, в считанные секунды изменила русло и ошалело понеслась по камням. По пути ей повстречался обрыв, и река низверглась с него стремительным водопадом. Это было живое существо, быстрое, ловкое, безмерно напуганное, — такое впечатление создалось у всех. А когда невидимка все-таки настиг ее, река мгновенно иссякла. Было прежнее русло, были следы метания живой воды по земле, но реки не было. Она не ушла, не просочилась в недра, даже не пропала, как привидение. Она окаменела.

Гиг сбросил экран и опустился около нас.

— Начальник, я возмущен! — воскликнул он, сконфуженно затрещав костями. — Я еще не встречал таких трусов, как здешние деревья. И что за фокусы проделывают здешние реки? Ты мог бы мне объяснить, Орлан, почему шальная речка удрала от меня?

Орлан мог столько же объяснить, сколько я, а я ничего не понимал. Труб по-прежнему кружил над омертвелым лесом, Гиг присоединился к нему, на этот раз без экранирования. Возмущение невидимки скоро превратилось в восхищение. Ему стало нравиться, что все, к чему он приближается, каменеет. Летающий скелет все расширял круги полета, пока не скрылся за горизонтом, Ангел последовал за невидимкой. Я подошел к Бродяге.

Дракон пытался совершить небольшой круг в воздухе, но, тяжело поднявшись метров на десять, снова опустился на пригорочек. Здесь он обессиленно распластался, выдыхая густой дым, устало посверкивал тусклыми молниями. Меньше всего его можно было назвать огнедышащим громовержцем, к породе которых он генетически принадлежал. Я начал сожалеть, что разрешил ему принять участие в нашей рискованной экспедиции. Настроение это переменилось, когда я взглянул в выпуклые, оранжево-зеленые, насмешливые глаза дракона. У Бродяги был чертовски умный взгляд.

— Забавная планетка. Тебе не кажется, что здесь много загадок, Бродяга?

— Только одна, — ответил он.

— Одна? Я назову сразу три: живые реки и деревья, боязнь нас, их мгновенное превращение в камни. Я уже не говорю о том, что камнями становятся даже птицы!

— Только одна, — повторил он. — У меня ощущение, будто я встретился с самим собой — с прежним собой… Я угадываю присутствие мыслящего мозга, но не могу установить с ним связи…

На распластанном крыле дракона сидел Лусин. Я обратился к нему:

— А ты что скажешь о планете?

— Странная, — ответил он, подумав. И, еще подумав, добавил убежденно: — Очень странная!

7

Времени на размышление не было: Труб нуждался в указаниях, Гиг ждал приказов, все требовали разъяснений. Я сердито сказал Ирине:

— Немного стоят приборы, не способные установить такой простой факт, что живое, а что мертвое на этой дурацкой планете.

Она вызывающе прищурилась. Она вообще не взглядывала, а метала взгляды. Когда ее упрекали, она не оправдывалась, только раздражалась. Ольга не сумела воспитать свою дочь в послушании.

— Ошибаются не мои приборы, ошибочно ваше представление о том, что просто, а что сложно на этой планете! — Я молча разглядывал ее вспыхнувшее гневом лицо. Она сбавила тон: — Разрешите мне слетать на «Козерог», я возьму у Эллона другую модель скафандра, обеспечивающего лучшее экранирование.

— Для невидимок или для нас?

— Для каждого, кто захочет стать невидимым.

— Нет, — резко ответил я. — Я сам возвращусь на «Козерог». Мне надо посовещаться с начальником экспедиции. Вы пока останетесь здесь.

Павел с опаской взглянул на меня и покачал головой. Я удивился:

— Вы недовольны?

— Может быть, лучше нам всем возвратиться, дорогой адмирал? Откровенно говоря, я не хотел бы проводить ночь на этой планете.

— Не понимаю, что вас беспокоит.

Он выразительно пожал плечами:

— В каждом из нас сидит ветхий Адам, любезный адмирал. Мы способны зажигать звезды, скручивать и расправлять пространство, чего, если верить древним, даже боги не умели. Но чуть мы остаемся один на один с природой, в нас возрождаются старинные страхи, мы тогда не больше чем крохотная частица мира, не властелин, а игрушка его стихий.

Меня не убедили соображения о «ветхом Адаме». Планета была диковинна, но разве другим звездопроходцам не встречались небесные тела и постранней? И если я согласился на общее возвращение на звездолет (а это, как доказали последующие события, было самым разумным), то не из сочувствия к ночным страхам Ромеро и тем более не потому, что предвидел будущее, — просто мне показалось излишним вникать в странности хоть и любопытного, но маленького мирка, найденного нами в звездных просторах. У нас были задачи и поважней. Именно так я и доложил Олегу по возвращении на звездолет.

Олег выслушал меня не сводя с лица обычной бесстрастно-учтивой улыбки. Он мог бы и не расспрашивать: все, что мы делали и о чем говорили на планете, транслировалось на звездолеты. И вряд ли следовало вооружаться такой отстраняющей улыбкой. Я намеренно говорю — отстраняющей. Улыбка подобна руке — ударяет, если зла, дружески пожимает, если добра, тянет к себе, если радостна. У Олега она заставляет сидеть на своем месте, улыбка подчеркивает дистанцию. На «Овне», «Тельце» и «Змееносце», которыми командуют Ольга, Петри и Камагин, отношения между капитанами и экипажем сердечней. Я постановил про себя высказать это Олегу при удобном случае. Случай представился немедленно. Я посоветовал созвать совещание капитанов звездолетов и решить сообща, продолжать ли исследование первой обнаруженной нами планеты.

— Но ведь ты считаешь, что делать этого не нужно, Эли. — возразил он.

— Мало ли что я считаю! Я могу и ошибаться. Мнение Эллона по данному вопросу может оказаться поважнее моего. Инструментальная разведка в ведении его группы. Вдруг он предложит что-нибудь поинтересней скафандров, обеспечивающих невидимость?

— Не нужно совещаний. — сказал Олег холодно. — Мы удалимся из этого района.

Тогда я заговорил откровенно:

— Олег, почему ты держишься так отчужденно? Поверь, это не только на меня производит неприятное впечатление.

Он помедлил с ответом.

— Я не должен держаться по-иному, Эли.

— Не должен?

Он рассеянно глядел в угол. Лицо его покинула маскирующая вежливая улыбка. Он был прежний простой и ясный парень, каким я знал его на Земле.

— Эли, я не люблю Эллона, — сказал он.

— Никто не любит Эллона. — сказал я.

— Ты ошибаешься, Эли.

— За исключением Ирины, — поправился я.

— Для меня это достаточно важное исключение, — сумрачно признался Олег. — Мы были очень дружны, пока она не стала работать с Эллоном. Он выдающийся ум, но она уж очень им покорена. И Эллон, особенно в ее присутствии, непрерывно подчеркивает, что я выше по должности, но не по значению.

— У людей столкновения на этой почве невозможны.

— Эллон воспитан в обществе разрушителей, где были сильны ощущения ранга. За одно поколение психологию не переменить, Эли.

— Мы говорим о твоем отношении ко всем, а не к Эллону, — напомнил я.

— Я не могу выделить Эллона среди других. Ты знаешь заповедь звездопроходца, Эли: ко всем товарищам относиться одинаково по-товарищески. Но я не способен обращаться с ним, как с Ромеро, как с Орланом и Грацием. Для меня один выход: ни к кому не показывать особой приязни. Возможно, я не прав, но навязываться Эллону в друзья не буду.

Читать Олегу проповедь о звездной дружбе я не хотел и перевел разговор на другую тему:

— Твой отец когда-то задумывался над проблемами звездной гармонии. Он даже написал симфонию под названием «Гармония звездных сфер». Если не вру, она трактовала о круговороте миров,

о людях и о небожителях — как раз наши сегодняшние проблемы. Но там была не одна музыка, но и другие ингредиенты — давление, жара, холод, перегрузки, невесомость…

Олег хорошо знал биографию своего отца.

— Симфония провалилась при первом исполнении на Земле, небожители на Оре тоже не пришли в восторг. Она, вероятно, была преждевременна. Боюсь, что и мы преждевременны, Эли: пока звездная гармония осваивается с трудом. И, вероятно, мы еще встретимся с ингредиентами гармонии, поразительней жары и холода.

Наш разговор прервал сигнал тревоги. Мы поспешили с Олегом в командирский зал. Анализаторы извещали, что со звездой Красной творятся странные явления. Впечатление такое, будто она подверглась нападению. Все четыре корабельные МУМ, как мы установили впоследствии, независимо одна от другой, из всей бездны понятий, хранящихся в их памяти, дружно выбрали именно этот чудовищный термин — «нападение».

Изумленные, мы не отрывали глаз от звездных экранов. Издалека, из того самого района, куда был проложен наш курс, несся мощный поток излучения — гигантский луч, нацеленный точно на Красную. Струя несущейся энергии была такой высокой интенсивности, что нам, со стороны, она казалась бледноватым силуэтом, слабо светящейся лентой, слегка затенившей звезды. И если бы не было видно, что происходит со звездой, мы могли бы не понять, какая мощь заключена в поразившем ее луче.

Олег повернул ко мне побледневшее лицо:

— Какое счастье, Эли, что мы приблизились к планете. Если бы мы оказались сейчас по ту сторону Красной, вся эскадра превратилась бы в плазменное облачко!

— Что ты собираешься предпринять, Олег? — спросил я. — Бежать отсюда поскорей?

— Приблизиться к Красной, Эли. Мы должны разобраться, что происходит. Будем идти со всей осторожностью, конечно.

Он отдал распоряжение, и эскадра, оставаясь в эйнштейновом пространстве, направилась к уничтожаемой кем-то или чем-то звезде. Я сидел в кресле и хмуро глядел на экраны. Донесения анализаторов были очень тревожны. Я думал о гибели первой экспедиции в ядро Галактики. Воспоминания о той эскадре томили не одного меня в эти минуты.

В последних записях бортового журнала Аллана говорилось о том, что на их звездолеты обрушился поток губительных частиц и что Аллан с Леонидом пытались вывести корабли за пределы потока. Вырвавшись на чистый простор, они уже надеялись, что избежали непонятной опасности, как вдруг корабли снова

настигли такие же потоки, как будто бы неведомые — во всяком случае, невидимые — генераторы губительного луча меняли прицел, следя за метаниями эскадры. Так продолжалось несколько раз, пока не оборвались записи и корабли с мертвыми экипажами, успевшими перед гибелью задать автоматам обратный курс на Персей, не унеслись назад из ядра, так и не подпустившего их к себе. Именно целенаправленность ударов, не объяснимая ничем иным перемена направления узких потоков и заставили предположить потом на Земле, что против первой экспедиции велись военные действия, хотя они об этом и не подозревали.

Сейчас была аналогичная картина, с той лишь разницей, что луч обратили не против нас и что мощность его безмерно превосходила то, что обрушилось на корабли Аллана и Леонида. Обстреливали звезду, а не звездолеты — энергии требовалось побольше. Картина была реальная и немыслима в своей реальности — без конца исторгающийся поток энергии, строго параллельный чудовищный луч — чудовищный лазер непрерывного действия.

— Война! — невольно сказал я вслух. — Какое нужно иметь безмерное могущество, чтобы так обстреливать звезды!..

— Еще нужно установить, что это чье-то сознательное действие, а не стихийное явление природы, — возразил Олег. Он все не мог согласиться, что мы повстречались с космической стрельбой. — Это было бы слишком ужасно! Война против вторгнувшихся кораблей противника — все-таки понятна. Возмутительно, отвратительно, преступно — да, но в конце концов не противоречит законам поведении живых существ. Но зачем воевать против мертвой звезды? Почему? Для чего?

— Я не могу ответить ни на один твой вопрос, Олег, — сказал я невесело. — Но уверен, что, если мы сегодня не будем соблюдать поистине исполинскую осторожность, мы угодим в беду горше той, что постигла эскадру Аллана, — даже трупы наши не вышвырнет на родину! Осторожность, кстати, не равнозначна трусости, я не зову возвращаться назад, — добавил я.

Олег старательно держал эскадру в отдалении от страшного луча. Экипажи дежурили на боевых постах. Мы были готовы немедленно включить все средства защиты, если бы луч повернули в нашу сторону, — аннигиляторы пространства, генераторы метрики, гравитационные улитки. Я не сомневался уже и тогда, что вся эта казавшаяся нам столь могущественной защита не больше чем хлопушка против атомного снаряда. У меня не ослабевало ощущение, что мы резвимся на краю бездны.

Мы не погибли лишь потому, что нас игнорировали. Удару подвергалась звезда, а не эскадра.

Чудовищный луч врезался в нее, как гарпун в тело кита, как шпага в грудь дуэлянта. Звезда распухала, разлеталась, исторгалась. До появления луча мы три недели кружили вокруг нее, она в те дни выбрызгивала огромные протуберанцы, ощетинивалась протуберанцами, как копьями, — пыльные струи разносились во все стороны. Сейчас она вся целиком превратилась в огромный протуберанец, она неслась на нас, тускнея, в дыме и пепле, пропадала в бешено разлетающемся собственном прахе.

Луч оборвался так же внезапно, как и возник. Звезда продолжала бушевать, но это была уже иная звезда. Добрая треть ее вещества, исторгнутая наружу, продолжала разлетаться, сгущая и без того плотную туманность. Багровая пыль затягивала потускневшие светила дальних звездных районов. Пылевое облако мчалось, как после взрыва. Оно продолжало расширяться.

А с планетой, на которой мы всего несколько часов назад побывали, было покончено. Собственно, планета сохранилась, но лишь как небесное тело. Диковинные формы жизни, открытые на ней, были уничтожены. Это с точностью показали бесстрастные анализаторы. Вся поверхность планеты, повернутая к Красной, была покрыта стекловидной оплавленной массой. Возможно, на другой стороне и можно было поискать остатков жизни, но там бушевали пожары. Для нас не было сомнений, что и мы все бы погибли, если бы остались в эту страшную ночь на планете.

Природа луча, столь неожиданно появившегося и так внезапно оборвавшегося, так и осталась непроясненной. В нем имелись тривиальные фотоны, нейтроны, протоны, ротоны, нейтрино, даже мало изученные ергоны, а также, вероятно, и еще неизвестные материальные микроконструкции. Но непонятным было взаимодействие этих частиц в луче, не говоря уже о причинах появления и назначении его. Нельзя было и вообразить никакого естественного процесса, создающего такой чудовищный гиперлазер. Но если то был и вправду обстрел, а не стихийно протекающий процесс, то для чего обстреливали звезду? Кто ее обстреливал?

Олег собрал совет командиров кораблей. Прибыли Ольга, Камагин и Петри.

Совещание транслировалось на все корабли. Олег обратился к ним с вопросом: что командиры думают по поводу событий, разыгравшихся на Красной?

— Космическая катастрофа с огромным расходом энергии, — сказала Ольга. — Я сделала некоторые подсчеты. Поток,

исторгнувшийся из ядра, перенес энергию, достаточную для создания десяти новых планет. Маловероятно, что где-то можно было изготовить искусственное орудие такой мощности. Я склоняюсь к тому, что мы встретились с новым космическим процессом.

— Если это космический процесс, то он опасен, — высказался осторожный Петри. — Пронесся бы такой луч через нашу эскадру, и воспоминания бы о нас не осталось! Меня смущает прицельность потока. Он шел издалека и угодил точно в звезду. Такая точность для естественного процесса маловероятна.

— Космическая война! — воскликнул Камагин. — Друзья мои, разве вы не видите, что совершается сражение и объектом нападения является несчастная Красная? Вы спросите, почему кто-то нападает на мертвое светило? А разве люди не штурмовали мертвый камень вражеских фортов и крепостей, не разрушали города и посевы, леса и воды, чтобы лишить противника убежищ и источников питания? Мы не знаем целей войны, не знаем, кто ее ведет, не знаем, какую пользу кому-то приносит уничтожение Красной, но что это война — сомнений быть не может. И результаты ее мы видим ясно — деградация главного светила, гибель удивительных, уникальных форм жизни!

— Если война, то надо определить, на чьей мы стороне, — объявил Осима. — Кто сеет зло, кто страдает от зла? А затем ударить на носителя космического зла, встать на защиту страдающих! — Он добавил с той же решительностью: — Что до меня, то мне больно за странные существа, населявшие планету. Удар направлен против них, а они были бессильны ответить контрударом. Жизнь их странна, но это жизнь, и она взывает о защите.

На совете капитанов всегда присутствуют Орлан и Граций. Олег попросил высказаться и их. Им не хватало данных для решения. Сам Олег тоже не высказал определенного мнения. Мы не вправе ошибиться, ошибка непоправима. Если мы встретились с актом войны, не будем торопиться вмешаться в нее. Надо предварительно разведать силы и цели противника. А если в космосе разыгрались неведомые стихии, то тем более следует остерегаться их, чтобы ненароком не попасть в какое-нибудь чудовищное горнило.

— Нас интересует твое мнение, Эли, — закончил Олег. — Ты научный руководитель экспедиции, твое слово решающее.

— Мое слово ничего не решает, ибо я согласен со всеми, — объявил я. — Все мнения обоснованны, никакое категорически предпочесть не могу. Ближе всех мне анализ Камагина и желания Осимы. Но я бы не рискнул действовать по их программе. Я

поддерживаю командующего. Изучение продолжается, категорические решения откладываются.

— Тогда продолжаем движение к ядру, — подвел итоги Олег. — Не ввязываемся в местные схватки, только присматриваемся.

После совета Камагин упрекнул меня:

— Эли, раньше вы были решительней! И раньше вы не соглашались поспешно со всеми, а имели всегда свои решения — и такие смелые, что голова кружилась. Вы постарели, адмирал!

Я с нежностью смотрел на Эдуарда. Он не постарел. Он ровно вшестеро старше любого из нас — и моложе всех. Маленький, быстрый, широкоплечий, с красивым лицом, с темной шевелюрой, темными живыми глазами, он сохранил ту смелую душу, что некогда повела его в космос на примитивных досветовых звездолетах, дала возможность пройти испытания трехсотлетней космической одиссеи. Он был все так же по-юному отважен, все так же неизменно рвался в сгущение событий. Его имя, высеченное золотыми буквами в Пантеоне, начинает длинный список великих галактических капитанов, в отличие от него давно, давно умерших. Среди нас, участников второй экспедиции к ядру, он самый выдающийся. Я ласково положил руку на его плечо:

— Дорогой Эдуард, я и вправду всего боюсь. Я не могу забыть, что мы вышли на поиски рамиров, таинственного народа, о котором известно только то, что он могущественнее нас. Что, если события, свидетелями которых мы стали, являются формой их деятельности в районах, прилегающих к ядру?

Камагин слушал меня с недоверием:

— Разумная цивилизация занимается истреблением звезд, обрекая на гибель все формы жизни в окрестностях этих звезд? Разум ополчился на разум? Не перехватили ли вы, Эли?

— Не знаю. Вдруг рамиры не одни, — вы можете отрицать такую возможность? Не враждуют ли между собой несколько могущественных цивилизаций, обитающих в околоядерном пространстве? Вы говорили об уничтожении посевов и отравлении рек в древних человеческих войнах. Не является ли нападение на звезды каким-то эквивалентом прежних нападений на посевы, реки и форты? Действие по могуществу действующего… А почему она такая, не спрашивайте, знаю одно — действие по могуществу действующего…

— Хорошо, будем действовать по нашему собственному могуществу — всего пока побаиваться, — сказал, прощаясь, Камагин и дружески мне улыбнулся, чтобы я не счел его возражения за обиду.

Ольга задержалась у Ирины, потом прошла к Мэри.

— Ты доволен моей дочерью, Эли? — спросила она.

— Надо спрашивать, довольна ли она мной, — отшутился я. — Она не очень-то меня жалует, но ссор у нас нет. Ты бы лучше спросила Олега.

— Я спрашивала. Нареканий на Ирину у Олега нет. Но сказал он это очень сухо. Меня тревожит, что между Олегом и Ириной пробежала черная кошка.

— Не черная кошка, а Эллон, — вмешалась Мэри. — А этот демиург страшнее любых кошек.

— Ирина увлечена работой в лаборатории, — уклончиво сказал я. — Вероятно, она не может уделять Олегу столько внимания, сколько раньше.

Олег приказал запустить аннигиляторы Танева. Мы вынеслись в сверхсветовое пространство. Красная с ее гибнущей планетой осталась позади.

Часть вторая
ГИБНУЩИЕ МИРЫ

Отлетавшие — останутся.
Дальше — высь.
В час последнего беспамятства
Не очнись.
У лунатика и гения
Нет друзей.
В час последнего прозрения —
Не прозрей!
Я глаза твои. Совиное
Око крыш.
Будут звать тебя по имени —
Не расслышь.
Я душа твоя: Урания —
В боги — дверь.
В час последнего сияния —
Не проверь!

М. Цветаева

Бог на красные кнопки жмет.
Пламя райские кущи жнет.
Бог на пульте включил реле —
Больше рая нет на Земле.

В. Шефнер

1

Олег вызвал меня в командирский зал.

Корабль вел Осима, Олег разговаривал с Эллоном. Что-то важное должно было произойти, чтобы Олег захотел вызвать Эллона к себе и чтобы тот захотел покинуть лабораторию.

На звездных экранах смутно, сквозь бесконечный сумрак бесконечных туманностей, очерчивалось ядро, до него оставалось не более трех тысяч светолет. Сбоку мерцало пятнышко шарового звездного скопления. Пейзаж не показался мне удивительным: я видел его на экране всю последнюю неделю.

— Впереди по курсу — яма в пространстве, — сказал Олег. — Прямая на ядро — длинней обхода по кривой. И прямая — непостоянна. Чем мы ближе к ядру, тем оно дальше. Ядро

отдаляться не может, следовательно, мы падаем в какой-то провал в метрике.

О провалах в пространстве я слыхал и раньше, теорию их излагали в курсе астронавигации. Что пространство Евклидово лишь в абстракции, известно каждому. Но никто из космических путешественников еще не встречался с подобными «провалами в провалах», как их называли. Было предположение, что в один из них угодило созвездие Гиад, оно непонятно как удалялось от всего окружающего. Олег должен был возглавить экспедицию в Гиады для проверки этой гипотезы, но, как я уже упоминал, ту экспедицию отменили в связи с нашим походом к ядру.

— Значит ли это, что сохранив курс, мы не доберемся к ядру? — спросил я.

— Свет от ядра через яму проходит, — ответил Олег. — Но пройдем ли мы в сверхсветовой области? Что, если там не найдется физического пространства, которое смогло бы аннигилировать в генераторах Танева? Мы тогда будем падать и падать в бездонной бездне!

— Сколько помню теорию Нгоро, — сказал я, — провал в метрике может объясняться и замедлением времени в этих местах.

Мне ответил демиург:

— Это было бы еще хуже, адмирал. Замедление времени — та же яма, только из нее еще трудней выбраться, чем из пространственной. Я решительно против спуска в провал!

— Курс в обход пролегает через шаровое скопление, иной дороги нет, — задумчиво сказал Олег.

Я показал на звездные экраны. Космос нигде не заколочен досками. Почему не идти левее шарового скопления, выше, ниже его? Разве что-нибудь там тоже грозит?

— В том-то и дело, что грозит. Космос нигде не заколочен досками, ты прав, Эли. Но МУМ указывает, что окрестности ядра изобилуют такими же ямами метрики, как и та, что разверзлась впереди. Мы прокладываем курс по всей совокупности звезд, а не по одной, произвольно выбранной. И вот все звезды, что были справа и слева по курсу, вдруг стали очень быстро отдаляться. Разбегание достигает тысячи световых лет в неделю. Звезды не корабли, они не могут вырваться из оптического пространства. И красного смещения света нет, значит, нет и реального разбегания. Вывод один — свет в этих районах попадает в провалы метрики, где инерциальные линии колоссально удлиняются.

— А те звезды, что мы оставляем за собой?

— Там все нормально, Эли. Мы ведь не оставляем за собой провалов в метрике! Нет, надежный путь только через шаровое

скопление! Другого пути я просто не нахожу.

— Мне можно уйти? — спросил демиург. — Я свое мнение высказал.

Он удалился, а мы с Олегом молча всматривались в звездную полусферу впереди. Шаровое скопление появилось на экранах недели две назад, за это время мы в сверхсветовой области сблизились с ним почти на сто светолет. Оно было еще далеко, но МУМ знала о нем немало: шарообразный звездный рой, десятка два светолет в поперечнике, около пяти миллионов звезд поздних классов, мчится от ядра, перпендикулярно к плоскости Галактики, скорость — 50 километров в секунду. Скорость невелика, но если помножить ее на давность существования звезд? За двести миллионов лет — срок по космическим масштабам небольшой — оно вообще покинет Галактику! Оно не просто двигалось в пространстве — оно убегало!

И еще одно отметили корабельные МУМ. Убийственный луч, поразивший Красную, шел, всего вероятней, из этого скопления. На трассе луча не было других светил, которые смогли бы его прогенерировать. Все иные источники, кроме какой-то из звезд скопления, отпадали, если не вычерчивать траекторию кривыми линиями. И вот, оказывается, скопление было также единственными доступными воротами к ядру.

— Пробка, затыкающая горлышко бутылки, — с досадой сказал Олег. — Или акулий рот, усеянный светящимися звездными зубами и готовый проглотить непрошеного пришельца.

— Другого выхода у нас нет?

— Другого выхода нет, — подтвердил он безрадостно.

Эскадра повернула на шаровое звездное скопление.

Я много раз описывал звездное небо в рассеянных скоплениях Плеяд и Персея. Я хотел бы, не боясь повторений, снова в подробностях рассказать о новом звездном пейзаже. И если не делаю этого, то лишь потому, что картина, развернувшаяся на экранах, относится к тем, о каких говорят: «Прекрасно невыразимо». Шаровые скопления — теперь я это хорошо знаю — несравнимы с рассеянными. Вообразите себе небосвод, на котором две сотни земных лун, тысяча Венер, сто тысяч Сириусов да еще отчетливо светятся остальные пять миллионов звезд, ибо ни одна не дальше десяти световых лет, — и вы поймете, что описать красоту этого звездного мирка невозможно.

Но на одной детали я остановиться обязан. Я сказал «деталь», но в ней, возможно, сущность того явления, что названо звездным шаровым скоплением. Внутренний простор здесь совершенно прозрачен, настолько прозрачен, что пустые районы космоса

кажутся пылевыми облаками в сравнении с ним. Нам, вырвавшимся из бездны тумана, особенно была радостна даль, лишенная пыли и газа. Если когда-нибудь «Козерог» вернется на базу, люди и наши звездные друзья смогут полюбоваться стереофильмами, запечатлевшими величественную красоту, поразительную чистоту этого убегающего из Галактики звездного мира. Даже тем, кто не желал и слышать о каких-то музыках звездных сфер, невольно приходили на ум именно такие сравнения: звездная гармония, симфония светил — настолько равнозначно пленительной музыке было это пленительное царство света и чистоты.

У многих звезд были планеты, мы тщательно фиксировали каждую. На планетах имелись идеальные условия для белковой жизни: умеренно жаркие солнца — я уже говорил, что звезды здесь в основном поздних классов, желто-оранжевые, красноватые, — прозрачность космоса, атмосферы, похожие на земные, вода, суша. Но ни на одной не было и следа разумных цивилизаций, не было даже простейших проявлений жизни. Миры прекрасные и безжизненные — такими они проходили мимо нас. Мэри хотела посетить какую-нибудь из планет, чтобы заразить ее жизнью, но было не до прививок жизни великолепным планетам: никто не забывал, что мы идем звездными воротами в иной мир. Парадные ворота превосходны, но что за ними?

— Рай, до того как его заселили, — сказала Мэри, наблюдавшая в умножитель одну из планет.

— Рай на экспорт, — мрачно пошутил я, намекая на то, что звездное скопление выдирается из недр Галактики со скоростью двух десятитысячных скорости света.

— Если ты приписываешь бегство скопления действию каких-то разумных сил, то не слишком ли большим могуществом наделяешь их?

— Я ставлю вопросы, не программируя заранее ответы, — парировал я

Про себя я, конечно, ответы программировал. Я перенапрягал свой мозг трудными вопросами. Все известные шаровые скопления равномерно, на всех осях, очень удалены от ядра, это тоже отдаляется от него, — почему ядро Галактики как бы испаряется шаровыми скоплениями? Что заставляет их бежать на периферию, в то время как с отдельными звездами ничего похожего не наблюдается? Какие силы так старательно перетасовывают светила, чтобы в шаровых скоплениях оказались звезды одних поздних классов, наиболее удобные для белковой жизни? Почему так часто, в сотни раз чаще, чем у обычных звезд, встречаются у них планеты?

— Все шаровые скопления летят только наружу, перпендикулярно к плоскости, где в Галактике размещена основная масса звезд, — твердил я себе. — Они стремятся как бы на простор. Почему? Тысячи почему! Где же треклятые рамиры, они, вероятно, дали бы объяснение загадкам!

Эллон имел специальное задание — обнаружить на планетах шарового скопления механизм, удариший по Красной. Признаков суперлазера он не нашел. Не было самого существенного — могущественной цивилизации, которой стали бы под силу такие орудия. День за днем, на малой тяге аннигиляторов, мы мчались через блистательный мир, запыляя его дали сгоревшим в горниле кораблей пространством, и не улавливали даже слабого сигнала, протестующего против порчи межзвездной среды. Великолепный мир, бесполезный мир, говорили мы между собой. В нем не было жизни, красота его была ни для кого. Он сиял про себя, для себя, в себе. Мы не могли простить ему такой расточительности. Бесполезный мир! — снова говорили мы с грустью.

2

Мы пронеслись сквозь звездные ворота ядра и снова попали в затуманенное пространство. Ядро дымит, как плохой костер, его повсюду заволокли газовые облака. Гигантские массы газообразного водорода мчатся во все стороны от ядра, как гонимые ветром, то разрежаются, то снова сгущаются. Ольга передала очередной расчет — материя, сконцентрированная в местных звездах меньше распыленной в межзвездном пространстве. Расчет показался ей удивительным, она призналась, что изумлена и обрадована необычность явления. Я не удивился и не обрадовался. Я не люблю пыли ни на Земле, ни в космосе. Мэри с сердцем сказала:

— Почему тебя назначили научным руководителем экспедиции? В тебе нет настоящей любви к науке! Тебя никогда не восхищает новый факт сам по себе.

— Зато я люблю ученых и могу вытерпеть их открытия, а это не так уж мало, — ответил я. — В остальном ты права: меня восхищают только хорошие факты, а не просто новые.

Немного правее курса появилась коротко-периодическая цефеида. Это была типичная пыхтящая звезда, быстро меняющая объем, меняющая светимость. Я бы не стал тратить внимания на нее, хотя в ней обнаружились странности, не присущие нормальным цефеидам. В Олеге жилка ученого развита сильней, чем у меня. По просьбе Эллона он направил эскадру к

переменной звезде.

— Мы видели в рейсе множество цефеид, — сказал я Эллону. — Почему тебя заинтересовала именно эта?

— Она приближается к коллапсу, — ответил демиург. — Опадение звезды в точку может произойти со дня на день. Будет непростительно, если мы пропустим такое событие.

А Бродяга признался, что всегда мечтал приблизиться к коллапсирующей звезде. Несколько раз он издалека наблюдал за коллапсом звезд вне Персея. И это всегда было грандиозно, что сжимались мозговые сосуды. Когда ему надоедала жизнь могучего звездного тюремщика, он воображал, что переносится на коллапсар и погибает с ним, наблюдая изнутри гигантскую катастрофу. Это было великолепно — не собственная гибель, конечно, а пейзаж гибели звезды.

— Бродяга, ты неисправимый романтик, — сказал я, впрочем, это не было руганью.

Ольга прислала новый расчет. Находиться поблизости коллапсара было не безопасней, чем попасть под луч, поразивший Красную. Только интенсивная работа аннигиляторов вещества могла гарантировать от катастрофы, если звезда перед коллапсом превратится в сверхновую, то есть выбросит наружу примерно с четверть своей массы. Олег приказал заблаговременно подготовить аннигиляторы, приказ был обычный для этой операции: «К бою», — хотя воевать со звездой бессмысленно; название наших технических операций отражает старые человеческие дела.

Но звезда не превратилась в сверхновую. Она уже когда-то была сверхновой, взрыв произошел за много веков до того, как мы появились здесь. Теперь от светила оставался лишь рудимент прежнего звездного гиганта, плотная, лихорадочно менявшая свой блеск и объем звездочка, правда, по массе раза в три больше нашего Солнца. И этот рудимент сколлапсировал на наших глазах. Мы увидели во всех подробностях антивзрыв, о котором столько слышали, но которого еще ни один человек не наблюдал вблизи.

Эскадра кружила вокруг звезды компактной группой — на время превратилась в ее спутника. Звезда была как звезда, ничто по виду не предвещало неотвратимо приближающейся катастрофы. Вдруг звезда стала проваливаться. Это было «вдруг» в точном значении слова, мгновение отделяло спокойное состояние от взрыва. Звезда взорвалась, но не наружу, а в себя. Она опадала, неслась в свою глубину, к своему центру, Олег приказал приблизиться, мы теперь летели на звезду, она — от нас. В момент антивзрыва диаметр звезды составлял миллиона

три километров, он опал до миллиона, до ста тысяч, до тысячи… Звезда стала меньше Земли, но чудовищные силы по-прежнему стискивали, сдавливали, стягивали, уминали ее. Она была уже меньше земной Луны, но все продолжала опадать, все неслась к своему центру — небольшой, все уменьшающийся шарик, такой безмерно плотный, что один кубический его сантиметр весил уже миллиарды, если не триллионы тонн. И тут звезда стала закатываться, она была уже не больше трех-четырех километров в диаметре, крохотная точка по космическим масштабам, — точка еще сверкала, но свет краснел, темнел, звезда пропадала в невидимости, в абсолютной невидимости — для волн, для частиц, для силовых полей. Больше не было шарика с чудовищно уплотненной массой, была черная дырка в пустоте — крохотная точка, втягивавшая в себя все, что неосторожно приближалось к ней.

Олег велел эскадре затормозиться. Дальнейшее движение было опасно. Попади мы в притягивающее поле «черной дырки», нас не спасли бы ни аннигиляторы вещества, ни генераторы метрики, ни гравитационные улитки.

— Ужас! — воскликнула побледневшая Мэри. Мы сидели с ней в обсервационном зале. — И такие невидимые страшилища подстерегают наши корабли, как черные пауки в кустарнике подстерегают путника. Оступился, шаг в сторону — и конец!

Коллапсары и вправду напоминают пауков космоса. К счастью, МУМ фиксирует все попутные поля. Если бы Олег не приказал остановиться, автоматы сами бы включили тормозные двигатели, когда притягивающие поля коллапсара подошли бы к опасной величине.

Пока мы разговаривали с Мэри, справа появилось космическое тело, по предположению — звездолет. Это показалось нам всем невероятным. Всего мы могли ожидать в этом неизведанном уголке Вселенной, никакое удивительное явление природы не сочли бы невероятным, но о встрече со звездолетом, искусственным сооружением разумных существ, и помыслить не могли! В страшном волнении мы кинулись к обзорным экранам. Анализаторы бесстрастно твердили одно: к нам приближается звездолет.

Я ушел в командирский зал. Это точно был корабль, а не космический шатун. И он удалялся от коллапсара! Он был на таком расстоянии от сконцентрировавшейся в комок звезды, что его не могло не затянуть в ее страшные объятия. Он должен был падать на нее с такой же быстротой, с какой она сама опадала в себя. А он улепетывал! Он мчался нам навстречу. В мире не существовало двигателей, способных развить тягу, столь

превосходящую притягивающую силу коллапсара!

— Не антиколлапсар ли это — тело такой же массы, но с отрицательным тяготением? — предположил Олег.

— Тогда оно разорвало бы само себя на фотоны, — пробормотал Осима, не отрывавшийся от умножителя. — Любое тело лишь потому тело, что его частицы сдавлены в одно целое силами тяготения.

Олег возразил, что при коллапсе возникают удивительные процессы, среди которых могло быть и рождение антимасс, связанных антигравитационными силами: внутри тела они проявляются как тяготение, а вне его, среди тел обычной массы, — как отталкивание. Он близко подошел к истине, но истина все же оказалась иной.

— Вероятно, Ольга уже проделала все расчеты, связанные с незнакомцем, — заметил я. — На «Овне» МУМ всегда работает с трехкратной нагрузкой. Запросим Ольгу.

Ольга поспешно совершила нужные расчеты. По ее вычислениям получалось, что летящего чужого корабля нет. Он был, мы его видели, он неистово мчался прямо на нас, но его не было!

— Чепуха! — сказал я с досадой. — Олег, я по горло сыт призраками и привидениями. Снова какой-то фантом, только космический, а не планетарный.

— Фантомы — тоже физические образования, реально существующие объекты, только не те, какими они кажутся, — заметил Олег. — А этого просто нет, хотя он есть, так надо понимать сообщение Ольги.

Наша МУМ подтвердила донесение Ольги. Все поисковые поля, направленные на незнакомца, показывали, что ничего нет в том месте, где он был. К нам несся подлинный призрак, куда призрачней тех, что мы творили генераторами фантомов. Я опустился к Эллону.

У него уже были Орлан и Граций, во всю длину пола разлегся дракон. Эллон разглагольствовал, но замолчал, когда я вошел.

— Эллон, — сказал я, — мы видим в оптике чужое тело, поисковые поля не обнаруживают его. Можешь ты разъяснить этот парадокс на языке доступных мне понятий?

— На языке доступных нам понятий — нет, — ответил Эллон. Он даже не захохотал, как обычно делал, предвкушая эффект своих объяснений. Эффект был сам по себе так значителен, что не нужно было подчеркивать его дьявольским хохотом.

— А на языке необычных понятий, Эллон?

— Звездолет, который мы видим, не существует в нашем времени.

Я переглянулся с Орланом и Грацием, потом посмотрел на дракона. Они понимали не больше моего. В стороне сидела Ирина, — раскрасневшееся лицо, блестящие глаза и то, что она кивала головой на каждое слово Эллона, свидетельствовали, что она убеждена, будто ей все ясно.

— Не существует в нашем времени? В каком же, черт подери, времени он мчится на нас?

— Для нас он мчится из нашего будущего в наше настоящее.

— А не из прошлого в настоящее? — Объяснение Эллона было из тех, которые сгущают, а не рассеивают тьму.

— Из прошлого в настоящее мчимся мы. Верней, непрерывно отодвигаем наше настоящее в прошедшее. Время реактивно связано с нами — подталкивает нас вперед, в будущее, само улетает назад, в прошлое. Движение незнакомца — выстрел из будущего в настоящее. Его время не реактивно отскакивает от него, а мчится в том же направлении, как пороховые заряды в дулах орудий мчатся вместе со снарядом.

— Выстрел из будущего в настоящее? — Я подумал. — Но мы же видим чужой звездолет, Эллон, и видим его в нашем настоящем, видим уже два часа, и за это время то настоящее, которое было два часа назад, стало прошлым. Иначе говоря, звездолет существует в настоящем и прошлом, а не в будущем.

Мне показалось, что я поймал Эллона на противоречиях. Но демиург хорошо продумал свою концепцию:

— Мы видим в настоящем его тень, падающую из будущего. Образ корабля не больше чем тень, предваряющая появление реального объекта. Тень сокращается, то есть звездолет приближается из будущего в настоящее. Когда тень совпадет с объектом, он появится телесно.

— Он не пронесется из настоящего в прошлое?

— Думаю, что у него не хватит энергии, чтобы проскочить нуль времени, называемый «настоящим», или «сейчас», или «данное мгновение».

— Ты слышишь, Олег? — спросил я по стереофону. — Если гипотеза Эллона верна, то столкновение эскадры с чужим кораблем не грозит опасностью ибо мы встретимся в точке, где сами находимся сейчас, а он будет лишь в нашем будущем, а сейчас в ней только его тень. Нам так же не страшна встреча с ним, как Чингисхану не страшна встреча с нашими звездолетами. Ты что-нибудь понял?

Олег ответил, что постарается избежать близкого контакта с чужим кораблем, безразлично, в каком времени тот обретается.

Гипотеза Эллона начинала мне нравиться. Все дело было в том, что звездолет мчался от коллапсара. При коллапсе меняется

ход времени — и будущее, и прошедшее стягивается в точку. Говорят, у умирающего перед глазами проходит вся прошлая жизнь. У гибнущей звезды в какие-то считанные секунды выстраивается не только все прошлое, но и все будущее. Как это наглядно представить себе, я не знаю, но таковы выводы теории. Время так же концентрируется в плотный клубок, как чудовищно плотной становится масса.

И если в момент исполинского сгущения времени — стягивания сзади, из прошлого, и спереди, из будущего, — под таким временным прессом окажется чей-нибудь звездолет, и по каким-то причинам уцелеет, то чудовищное давление сгущенного времени вполне может выбросить его в будущее. Он будет в пространстве «здесь», а временно в далеком «там». И если он уцелеет в адском антивзрыве и если сумеет оторваться от схлопывающейся звезды, то, оказавшись на свободе, должен будет стремительно возвращаться в свое время, как камень, брошенный в высоту, рушится на землю. И тогда его приближение к нам будет означать не реальный бег в пространстве, а бег во времени: он последовательно появляется в тех точках пространства, в которых был, когда вылетал в будущее. Естественно, что, видя его тень, мы не нащупываем его самого нашими полями: его еще попросту нет.

Аргументация Эллона была достаточно сумасбродной, чтобы обосновать логичность сумасбродного явления.

А затем произошла встреча — и произошла точно по Эллону.

Олег постарался, чтобы шальной звездолет не угодил ни в один из кораблей. Эскадра выстроилась в кольцо, в центр кольца несся звездолет. Не долетев до нас, он стал тормозить, остановился. Теперь мы шли на него, он неподвижно висел в космосе: очевидно, пришел в ту точку, где началась инверсия времени, — и это было как раз наше «сейчас».

Окружив незнакомца кольцом, звездолеты висели над ним, ожидая, когда он телесно появится. Мы по-прежнему видели его расплывчатым силуэтом и по-прежнему поисковые поля не могли оконтурить его. Время на нем, похоже, замедлилось, он уже не падал в наше время так стремительно, оно тоже тормозило свой бег.

И вдруг чужой корабль вырвался в пространство физически. Все поля — эргонные, ротонные, протонные, силовые — сразу оконтурили его.

На экранах вспыхнула реальная картина — телесный предмет, а не его диковинная тень.

Звездолет напоминал улитку из тройного кольца спиралей: ни у нас, ни у галактов и демиургов не было ничего, отдаленно

похожего на такую конструкцию. Корабль был совершенно прозрачен, как будто стенок у него не было и весь он состоял из мерцающего газа, сжатого какими-то силами в трехэтажную спираль. Лишь на острие возвышался темный нарост размером с наш корабельный зал — вероятно, командный пункт: МУМ сообщила, что в нем виднеются непрозрачные тела.

Впервые я увидел Эллона удивленным.

— Эли, — обратился он, забыв сказать традиционное «адмирал», — Эли, вы знаете, что это за форма? Она воспроизводит гравитационную улитку, при помощи которой я отшвырнул хищную планету!

Дракон был удивлен не меньше демиурга.

— Так красочно описанная тобой «проблема пинка в зад» получила, кажется, не только силовое, но и предметное оформление, — съязвил я. — Конструкция, которая сама себе наддает!

На сигналы звездолет не отзывался, ничто не свидетельствовало, что мы замечены. Граций высказал предположение, что корабль — живое существо и что оно, сохранив телесную форму, погибло при антивзрыве коллапсара. После того как мы познакомились с планетами-существами, мысль Грация никого не поразила.

Олег велел Осиме вести планетолет к чужому кораблю.

Планетолет облетел улитку, ощупал ее полями, поискал, но не нашел входов. Осима решил отделить кабину от корпуса. Вскоре мы увидели гибель звездолета. Кабина, охваченная нашими полями, сохранилась, а корпус из светящегося газа мигом распался, чуть срезали кабину, — бесформенное облачко поплыло к нашей эскадре, оно больше не мерцало.

Планетолет возвратился на причальную площадку «Козерога».

— Полюбуйтесь, каких зверей я притащил! — сказал Осима, выпрыгивая из планетолета. — Чужого корабля сохранить не удалось, чужие астронавты доставлены. Но они все мертвы! Они уже миллионы лет мертвы, если верить Эллону, что мы повстречали не звездолет, а времялет.

Внутри кабины лежало шесть тел. Несомненно, когда-то они были живыми, сейчас ничто не свидетельствовало о жизни. Прозрачные стенки кабины напоминали силовые экраны, натянутые на каркас, тоже, впрочем, прозрачный.

— Кабину лучше не открывать, а размывать, — сказала Ирина. — Размыв сделаем нашими защитными механизмами, запущенными на обратный ход, чтобы они всасывали, а не генерировали поля.

Силовые насосы быстро рассосали стенки кабины. Мертвые тела выпали на площадку.

Не было похоже, чтобы катастрофа, погубившая чужих астронавтов, сильно их деформировала. Но это были очень странные существа!

Они чем-то походили на нас, на всех — людей, демиургов, галактов, ангелов, даже драконов, — и были очень иными: все с головами, с лицами, с волосами на голове, но волосы — каждый толщиной в палец — напоминали змей; с глазами, но трехглазые; со ртом — круглым отверстием, оно могло и открываться, и плотно смыкаться; сейчас безгубые рты у всех были полуоткрыты.

Небольшая голова покоилась на мощном черном теле паука, опиравшемся на двенадцать ног, восьмичленных, толщиной в человеческую руку.

— Живое! — закричал Лусин бросившись к одному из распростертых на площадке созданий. — Дергается!

Граций поспешно схватил Лусина за плечо, чтобы он близко не подошел к паукообразным. Из мощных рук галакта Лусин выбраться не мог, но все настойчивей указывал на ближнее к нам тело и все взволнованней твердил, что незнакомец жив.

Вскоре и я увидел, что одна из ног дернулась, задвигались и волосы на голове. Незнакомец сделал слабую попытку приподняться и снова упал. Два его нижних глаза с усилием открылись, обвели нас мутным взглядом и смежились. Движение, очевидно, стоило ему столько сил, что он опять впал в бесчувственность.

— Пятеро мертвы, но этого можно привести в чувство, — сказал Олег. — Куда бы поместить его для выздоровления?

Эллон попросил себе ожившего астронавта. У него в лаборатории тесновато, но для такого любопытного создания местечко найдется. И если понадобится экспериментировать для оживления паукообразного звездного странника, все равно ведь придется доставлять его в лабораторию, не так ли?

— Берите его, Эллон, — разрешил Олег.

Ромеро обратился сразу к Олегу и ко мне:

— Высокочтимые друзья, не будете ли вы возражать, если я присвою нашим новым двенадцатиногим знакомым название аранов?

Мы поинтересовались, почему Ромеро придумал такое название. Он объяснил, что словечко «аран» как-то связано в древних человеческих языках с обликом паука. Оспаривать, что незнакомцы похожи на земных пауков, мы не могли.

— Еще они похожи на альтаирцев, — заметил я. — Только те симпатичней.

— Те дружелюбней и сердечней и, несомненно, значительно менее развиты, чем араны.

Потом я часто припоминал, с какой точностью с первого взгляда Ромеро определил характер аранов.

3

Аран стоял на двенадцати ногах, запрокинув небольшую голову. Издали казалось, что он остановился сам и вот-вот пойдет опять или даже побежит, уверенно перебрасывая ногами. Поза эта была придана ему извне, сам он валился набок, чуть ослабевало поддерживающее поле. Он обретался все в том же беспамятстве, в каком мы внесли его в лабораторию. Граций пошучивал: в «иновременности», ему, как и мне, нравилась гипотеза Эллона о бегстве корабля аранов при помощи инверсии времени.

День, когда аран раскрыл три глаза, запомнился всем.

С момента встречи со звездолетом прошло больше месяца. Мы оставили далеко за собой «черную дырку» коллапсара. Я зашел в лабораторию и разговаривал с Эллоном. Нас прервал удивленный возглас Ирины:

— Он парит! Эллон! Эли! Он парит.

Аран и вправду парил. И не только парил, но и двигался на нас. Эллон отпрянул назад, я тоже. Меня испугал третий глаз, я впервые увидел его раскрытым. Верхний глаз не вглядывался, а высвечивал. Он был пронзительно, беспощадно зорок. Во взгляде двух нижних глаз тоже не было уже прежней замутненности, но это были глаза как глаза, умные, немного грустные, без особой проницательности. Позднее мы узнали, что верхний глаз аранов способен ослеплять. Он, конечно, не лазер, но что-то от лазерного действия в нем есть.

Эллон поспешно усилил защитное поле, арана отбросило, ударило об пол. Эллон потом оправдывался, что ему показалось, будто чудище собирается напасть. Думаю, что Эллон действовал правильно. Последствия инверсии времени не прошли, мозг арана был еще далек от полной ясности. В обычном своем состоянии араны для людей и демиургов безопасны, если их немного.

Эллон ослабил поле, и аран, подтянув расползающиеся ноги, снова медленно взмыл. Он явно стремился пододвинуться к нам.

— Настраивай дешифратор, — попросил я Ирину. — Возможно, нам удастся найти общий язык.

Одновременно я пригласил в лабораторию всех поисковиков. Появились Мэри, Лусин, Ромеро, Орлан, Граций, приполз дракон. Места ему не хватило, он остановился, не вытянув хвоста из

коридора, но аран приподнялся выше, и дракон удобно вытянул шею как раз под ним.

Ирина запустила дешифратор на все диапазоны, но контакта не было. Если аран и генерировал какие-либо сигналы, то они до нас не доходили. Ирина сказала почти с отчаянием:

— Он, несомненно, мыслящее существо, но наши приемники не способны понять его.

— Зато, мне кажется, он понимает нас и без специальных приемников, — задумчиво сказал Орлан.

Его, как и меня, смутил умный взгляд нижних глаз и пронзительность верхнего.

Мне надоела возня с дешифратором, я поднялся. Мэри тоже поднялась. Я кивнул ей, она подошла со мной вплотную к пауку-космонавту. Не знаю, почему мне понадобилось так пристально вглядываться в него. Вероятно, подействовало замечание Орлана. Меня возмутила мысль, что нас понимают, может быть, даже хладнокровно изучают, а мы, подопытные кролики, покорно ждем — не соблаговолит ли наблюдатель обратиться к нам с ясной речью. Не уверен, что мне удалось выразить свое настроение точно, но раздражение свое хорошо помню.

И почти с недоброжелательством я переводил взгляд с мощных восьмисуставных ног на круглое, покрытое черными волосками брюшко, с брюшка на голову — на ней торчмя стояли не то волосы, не то руки, не то змеи, — с головы на трехглазое, круглоротое, безбровое лицо. Взгляд нижних глаз, темных, круглых, грустных, я стерпел: они по-прежнему только смотрели, в них не было вызова, но верхний глаз зло сверкнул, — я должен был с ним побороться; я бешено уставился в надменно пронзительный, недоброжелательный глаз, собрал всю волю, чтоб отразить поток вражды, льющийся из него, чтоб смять, разорвать, растопить неприязнь, прожекторно ударившую в меня.

Мэри с испугом схватила меня за руку:

— Эли, что с тобой? Ты так побагровел!

— Оставь! — сказал я сквозь зубы. — Хочу показать этому звездному проходимцу, что он встретился с высшей силой, а не с тупыми животными!

Теперь я могу только удивляться, откуда у меня нашлись такие слова, такое страстное негодование. Паукообразный странник в конце концов не оскорблял нас, а неконтролируемые ощущения чести никому не делали, тем более мне, руководителю экспедиции. И, вероятно, в следующее мгновение я нашел бы силы остановить себя: я мельком увидел удивленное лицо Орлана, укоризненный взгляд Грация, до меня донесся горестный вздох Лусина — все это воздействовало бы на меня, если бы сам

звездный странник не притупил мою неожиданную ярость. Верхний глаз вдруг потускнел, он уже не отличался от двух нижних, глаза были как глаза, глядящие, старающиеся понять, они могли вызывать удивление, интерес, даже сочувствие, только не бешенство. Мне стало стыдно своей вспышки. Я сказал, стараясь ни на кого не смотреть:

— Я пойду. Контакт с незнакомцем, несомненно, будет. Но не уверен, что он произойдет в следующую минуту.

Контакт произошел в следующую минуту. Не успел я сделать и трех шагов к двери, как раздался голос пришельца. Аран говорил на хорошем человеческом языке.

Нет, он не говорил в нашем смысле. Не возникало того сотрясения воздуха, какое называется звуком. Да он и не мог бы говорить, у него просто нет нашего аппарата речи. Но голос его звучал у каждого в мозгу — и у каждого звучал по-разному, сообразно природе самого слушателя. Аран доносил свою речь непосредственно в клетки мозга, минуя уши. Он вел разговор колебаниями мозгового вещества, в хаосе волн, мятущихся в наших мыслительных клетках, безошибочно выбирал те, что вызывали ощущение речи: так нажатие на глазной нерв порождает ощущение вспышки света. Когда мы вернемся — если вернемся! — специалисты разберутся в этой речи без слов, в музыке без звуков. В конце концов тот же принцип лежит в работе и наших дешифраторов, но дешифратор не может так свободно установить контакт с разномыслящими существами, как делал аран.

— Я понимаю вас, — сказал он каждому на его языке. — Вы будете понимать меня. Я беглец из Гибнущих миров. Нас было шестеро. Мы хотели совершить поворот нашего времени, выйти в дальнее время и удержаться в нем. Нам не удалось удержаться, мы выпали из дальнего времени в свое. Мои товарищи погибли при первом повороте. Они не вынесли будущего. Они могли жить лишь в настоящем. Я уцелел, но потерял сознание при падении в свое время из дальнего. Вы спасли меня. Задавайте вопросы.

Великую бы я совершил погрешность против истины, если бы не упомянул об изумлении, с каким мы слушали паукообразного астронавта. Я хочу разобраться в причинах изумления, они важны. Нам встречались существа и подиковинней по внешности. И в прямой речи, мыслью в мысль, без содействия дешифраторов, особой странности не было, — разве не так когда-то внедрял в мой мозг свои сообщения Орлан? Не было поводов удивляться! А мы растерянно переглядывались, ни один не мог скрыть изумления. Взвешивая все происшедшие потом события, я нахожу лишь одну причину: слишком уж скор и прост оказался контакт

со странником. Совершенство понимания нашего языка, нашего способа мыслить, нашей логики, наших чувств — вот что было непостижимо, и мы, сами того не осознавая отчетливо, поразились, даже немного испугались того, как легко удалось постороннему проникнуть в наши мысли и заговорить внутри нас своим голосом на нашем языке. Здесь была не только неожиданность, но и опасность, мы ощутили ее сразу. И мы уже не так вслушивались в содержание передачи незнакомца, сколько в то, как она идет. Какой-то древний остряк пошутил: «Самым интересным у говорящей лошади являются не смысл ее речи, а тот факт, что она вообще разговаривает». Аналогия с говорящей лошадью была. Я похвастался перед всеми, что незнакомец повстречался с высшей силой. Обращением к нам он скромно показывал, что мы повстречались с высшим разумом.

Первым овладел собой Ромеро.

— Если не возражаете, я поведу беседу с уважаемым скитальцем по времени, — сказал мне Ромеро и обратился к арану: — Итак, дорогой звездный гость, вы беглец из Гибнущих миров. Разрешите поинтересоваться — что это за Гибнущие миры?

В мозгу каждого прозвучал ответ:

— Вы скоро увидите их. Вы идете курсом на Гибнущие миры.

— Вы принадлежите к жителям Гибнущих миров?

— Они населены такими, как я и мои погибшие друзья.

— Я еще возвращусь к вопросу о природе мест вашего обитания, если не возражаете. Сейчас меня интересует другой вопрос. Вы бежите из родных звездных гнездовий, если позволено так назвать ваши… гм… Гибнущие миры. Но почему для бегства вы выбрали коллапсар? Такое ужасное событие, как коллапс, само по себе губительнее всякого иного явления во всем звездном мире.

— Наши миры поразила болезнь времени. У нас рыхлое время, оно часто разрывается. Я читаю в ваших мозгах название страшной болезни, когда-то свирепствовавшей в ваших мирах. У нас рак времени.

— Рак времени! — воскликнули мы почти разом.

— Да, рак! Такое название дает самое точное представление о болезни времени, текущего в Гибнущих мирах. Мы захотели вырваться из больного времени в любое другое, прошлое или будущее, лишь бы здоровое. Смена времени при коллапсе звезды возможна, там время трансформируется. У нас была защита от усиления гравитации. Мы попали в инверсию времени, как хотели. Но будущее не удержало нас в себе.

— Печальный просчет, дорогой… Скажите, как вас называть?

— Называйте Оаном, имя подходит для вашего языка.

— Итак, вы шестеро надумали бежать из своего общества и своего времени?

— Из времени, а не из общества. Мы — посланцы отвергателей конца.

— Я правильно понял — отвергателей конца?

— Да, отвергатели конца — наши братья, отправившие нас на разведку выходов в здоровое время. Наши враги — ускорители конца, их воодушевляет восторг гибели.

— Отвергатели конца, ускорители конца… Если я правильно толкую, между этими двумя группами раздоры?

— Война! — прозвучал ответ. — Отвергатели воюют с ускорителями, чтобы те не ускоряли, а ускорители нападают на отвергателей, чтобы те не отвергали. Ускорителей поддерживает Отец-Аккумулятор.

— Отец-Аккумулятор? У нас название «аккумулятор» не соответствует живому существу!

— Я нашел его в ваших мозгах. Оно хорошо выражает природу властелина, животворца и мучителя, осуществляющего грозную волю Жестоких богов.

Ромеро повернулся ко мне. Он выглядел совершенно обалдевшим. То, что его ошеломило, какие-то мелкие раздоры отвергателей и ускорителей, какой-то свирепый Отец-Аккумулятор, было неизмеримо менее важно удивительной формы допроса: мы усердно дознавались у Оана о нем и о его обществе при помощи хитроумных вопросов, а он спокойно читал в наших мозгах, как в книге. Мы допрашивали его, он видел нас насквозь, и отнюдь не собирался скрывать, что все в нас ему раскрыто. И хоть его ссылки на находки в наших мозгах удачных понятий и терминов не звучали угрозой, самый факт таких поисков и находок был грозен. Я с раздражением обратил на это внимание Ромеро:

— Павел, вы его выспрашиваете, но он кажется, так хорошо разбирается в нас, что мог бы развеять наши недоумения и без вопросов. Мне думается, он узнает, что нас заинтересует, еще до того, как мы сами осознаем, чем надо заинтересоваться.

Я говорил это, не отрывая глаз от незнакомца. Он спокойно покачивался перед нами на двенадцати ногах. Я должен остановиться на этом: покачивание Оана тоже принадлежит к разряду удивительностей. Он парил между полом и потолком — я уже упоминал об этом. И он покачивался, паря! Не взлетал вверх и не опускался, как птица, а раскачивался на гибких ногах! Он опирался ими о воздух, как о грунт, подошвы покоились неподвижно, а ноги плавно изгибались в сочленениях, туловище

то опускалось, то поднималось. И змееволосы на голове шевелились, то разбрасывались в стороны, то собирались в пучок, то удлинялись, то сокращались, они были очень живыми, эти жуткие волосы, похожие на десятки хищных рук, ими, не сомневаюсь, можно было хватать и кусать, душить, и гладить, вероятно, и присасываться, и оплетать. Ромеро потом говорил, что подобные волосы носили вымершие древние горгоны. Думаю, он преувеличивает. Я хорошо знаю земные музеи, но горгон там не экспонируют, во всяком случае, мне они не попадались.

Оан, безусловно, понимал, чего я от него хочу, но и не подумал выполнить мое желание. Ромеро ничего не оставалось, как продолжать расспросы:

— Итак, отвергатели и ускорители конца, животворец и мучитель Отец-Аккумулятор, Жестокие боги… Я не уверен, что человеческие понятия о богах соответствуют реальным существам вашего мира. Наши боги — создания фантазии, они не открыты в реальном мире. Вне наших грез их нет и не было. Вы меня понимаете, уважаемый Оан?

— Да. Понятие «боги», найденное в вашем мозгу вполне соответствует властителям Трех Пыльных Солнц. Нужно только добавить определение «жестокие» (словечко «определение» отчетливо прозвучало в моем мозгу), ибо властители Трех Пыльных Солнц безжалостны. Ускорители покорны велениям Жестоких богов, отвергатели восстали против них.

— Вы видели кого-нибудь из Жестоких богов? Из вашего описания я делаю вывод, что их много?

— Их много. Они принимают любой облик. Они среди нас и везде. Любой может стать маской прокравшегося Жестокого бога. Они все о нас знают, но не позволяют что-либо знать о них. Ваши слова «дьявольская хитрость» точно выражают их отношение к нам. Они — боги-губители. Они — боги-дьяволы. Мы были когда-то великим народом, теперь мы жалкий народ. Так они захотели.

Ромеро опять повернулся ко мне:

— Вы что-нибудь понимаете, Эли?

— Не больше, чем вы, Павел. Ясно одно: существует могущественная цивилизация, не очень церемонящаяся с интересами аранов. Возможно, это рамиры, которых мы ищем. В таком случае, первые сведения рисуют их не в очень благородном свете.

Ромеро исчерпал свои вопросы, беседа стала вольной, в нее вмешались даже Орлан и Граций. Раньше у Орлана я не замечал особенного любопытства, а величественным галактам любопытство вообще не свойственно: им всегда так хорошо с собой, что на интерес к постороннему уже не хватает душевных

способностей. Паукообразный астронавт заставил галакта изменить своим обычаям. Лишь Бродяга, Эллон да я не задавали Оану вопросов. Дракон прислушивался, хитро прищуриваясь, а Эллон, по-моему, даже обиделся. До сих пор везде, где он появлялся, центром внимания неизменно становился он сам, а тут, захваченные пришельцем, на него и не глядели. Вероятно, раздосадованный, он и ушел бы, если бы мы не находились в лаборатории, где он проводит все свое время и куда опрометчиво выпросил Оана. Что до меня, то я не обращался к Оану, потому что все вопросы, какие я мог поставить, задавали раньше меня и лучше меня другие.

Из ответов Оана я запомнил вот что.

Араны заселяли вторую планету из девяти, вращающихся вокруг Трех Пыльных Солнц, — по-видимому, Тройной звезды. На остальных восьми планетах жизнь не развилась. Сохранились предания о временах, когда Три Солнца были ясными, а сами араны — могущественным народом. Им удалось преодолеть планетное притяжение и вырваться в межзвездный простор. Искусство создания галактических кораблей давно утрачено, лишь один корабль сохранился в пещерах Отца-Аккумулятора — его и похитили отвергатели, когда надумали испытать возможность бегства в будущее в сгущении времени коллапсара.

Многие тысячелетия никто и не слыхал о Жестоких богах. Но они появились и взбаламутили Ясные Солнца, душная пыль затянула планету. Электрические бури высасывают энергию из тел аранов, после каждой бури остаются тысячи трупов.

Араны пытались бороться, создали корабли, поглощающие космическую пыль. Электрические сердца космолетов наполнили межзвездное пространство засасывающими полями, пыль оседала на кораблях, они, разбухая, превращались в маленькие планеты. Две такие искусственные планеты приблизились к Трем Солнцам и погнали пыль обратно на светила. Все, что Три Солнца выбрасывали наружу, возвращалось к ним. До этого момента могущественных пришельцев араны не интересовали. Они переменились сразу. Корабли-чистильщики были взорваны в мастерских и в космосе. Космолеты, ставшие планетами, вышвырнули за пределы Трех Солнц, и сейчас они слоняются где-то, поглощая встречную пыль и расправляясь с мелкими космическими телами, ибо сконструированы так, что лишь при притоке постороннего вещества сохраняют жизнедеятельность.

— С одним космическим хищником встретились и мы, — сказал Ромеро. — Он напал на нас, но мы его отбросили.

— Лучше бы вы его уничтожили, — сказал Оан. — Такой корабль полезен как космический дворник, но принесет много

вреда как космический разбойник.

С уничтожения кораблей-чистильщиков начались главные беды. Вслед за ними уничтожались и обычные звездолеты. Перед дальними рейсами они проходили подзарядку у Трех Солнц, накапливая запасы энергии. Теперь взрывался любой корабль, устремившийся к Трем Солнцам. Стало опасно выходить в межзвездный простор. Несколько кораблей ушло к другим солнцам, сообщения от них вскоре перестали поступать — очевидно, они погибли.

Так стала закатываться цивилизация аранов. Воцарилась беспощадная власть, противоборствовать ей было непосильно. Оставалась одна надежда — неведомые боги внезапно появились, могут так же внезапно исчезнуть. Нужно притаиться и выжидать часа освобождения.

Араны притаились, но вместо радостного освобождения пришло горькое прозрение. Тогда и стали называть пришельцев Жестокими богами. Они терзали не только аранов, но и саму природу. Они замахнулись на самое время! Им не понравилось спокойное, однолинейное время Трех Солнц, они стали его выгибать и вспучивать. У планеты аранов имеется спутник — единственное место, куда Жестокие боги разрешают выбираться, не наказывая. Но день, проведенный на спутнике, старит, как неделя на планете. А у тех, кто забирался дальше спутника, время разрывалось в теле. Сердце жило в одном времени, ноги в другом. Один части тела долго не старели, другие дряхлели быстро. В аране сохранялась молодость и нарастала старость. Он был в прошлом и в будущем. Он мыслил разными мыслями, и желал разными желаниями, и отвечал на вопросы: «Да — нет! Да — нет!» Он переставал двигаться — одни ноги стремились вперед, а другие тянули назад. В душе — разнонаправленные позывы: аран погибал от противоборствующих страстей души. Страх заразиться раком времени заставил отказаться от межпланетных перелетов, даже не наказываемых богами.

Сознание конца породило последнюю попытку восстать против Жестоких богов. Жестокие подавили аранов. Корабли гибли на стапелях — нарушалась синхронизация двигателей, каждый работал в своем времени. Разновременность поражала и рабочих, они путали приказы и операции, не было случая, чтобы команды одинаково воспринимались и выполнялись одновременно. «Жестокие боги среди нас! Жестокие боги в нас!» — кричали рабочие, разбегаясь. На слабеющее, редеющее общество аранов обрушились электрические бури. Раньше араны свободно поглощали электроэнергию, она их пища, их язык, их способ мыслить — пищи стало слишком много, она породила

электрические ураганы: стала свирепствовать грозная Мать-Накопительница молний.

Тогда и возникло движение ускорителей конца. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца! — таков их надрывный символ веры. Публичные праздничные самосожжения — вот картина общественной жизни. Энергетические ресурсы Отца-Аккумулятора, единственный источник существования, используют для самоистребления. Животворитель превратился в терзателя.

— Мы, отрицатели, малочисленны, — закончил Оан. — Но мы верим, что можно отвратить гибель. Выкрав сохранившийся звездолет, я и мои друзья решили проверить, возможно ли бегство в наше прошлое через поворот в будущее. Мы хотели замкнуть кольцо времени, но будущее не удержало нас, мы не повернули плавно в прошлое. Я не знаю, кто вы, пришельцы. Но вы спасли меня, вы добры, я читаю это в клетках вашего мозга. Помогите бедствующим! Оградите нас, вызволите нас!

На этом он замолчал. Впоследствии мы узнали, что в нем истощился запас электрической энергии. Нужно было время, чтобы клетки внутреннего аккумулятора накопили новый запас. Тогда нам показалось, что он попросту устал от наших расспросов и своих разъяснений. Впрочем, все существенное стало известно.

Ромеро сказал, что звездному страннику надо отдохнуть. Лаборатория опустела. Я хотел поговорить с Эллоном и пригласил его к себе. Эллон так не любит покидать лабораторию, что согласился без охоты.

Наша с Мэри квартирка состоит из двух комнат, спальни и гостиной. В гостиной — мы с Мэри называем ее моей комнатой — всю торцевую стену занимает звездный экран, он, конечно, меньше смонтированных в командирском и обсервационном залах, но я выговорил себе привилегию квартирного экрана, чтобы была возможность размышлять над звездами в одиночестве. Эллон неуклюже уселся в кресло. Демиурги не любят сидеть. Им вольно лишь там, где можно широко попрыгать из угла в угол, в моей маленькой комнате не расшагаешься.

— Эллон, — сказал я, — мне не нравится, что Оан свободно читает наши мысли и без всякого усилия усвоил все наши языки. Ведь он с тобой разговаривал не на нашем, человеческом?

— Нет, конечно. Он отлично владеет языком демиургов. В частности, диалект средних планет Семьдесят девятой звезды Персея, на котором я разговаривал в детстве, ему прекрасно знаком, мне было приятно услышать эту малораспространенную речь. С Орланом, адмирал, я разговариваю на государственном языке демиургов, Орлан просто не понял бы меня, если бы я

обратился к нему на своем родном диалекте.

— Орлан не понял бы языка, бытующего в его народе, а звездный чужак, ни разу никого из нас не видевший, мгновенно, без всяких усилий не обучаясь, заговорил на незнакомых ему языках, и по крайней мере на пяти-шести одновременно.

— Тебя это удивляет, адмирал?

— Меня это пугает, Эллон. Я не понимаю, откуда берется такая мощь интеллекта.

— Предположи, что мы встретились с высшим разумом, Эли. В том смысле, что разум этот по развитию много выше нашего.

Я недоверчиво усмехнулся.

— Высший разум — и деградирующее существование? Пронзительный интеллект — и примитивные суеверия? Или на твоем языке средних планет Семьдесят девятой звезды Персея пришелец не говорил о Жестоких богах, о зловредном Отце-Аккумуляторе, о какой-то злобной Матери-Накопительнице молний?

— Противоречие есть, — согласился Эллон. — Противоречие неравнозначно невероятности и не свидетельствует о немыслимости. Чего ты хочешь от меня, адмирал?

— Нельзя ли снабдить нас экранами, которые воспрепятствовали бы Оану читать наши мысли. У нас на Земле, попытка проникнуть в чужие мысли считается предосудительной. Даже наши дешифраторы снабжены ограничителями, не позволяющими проникать в мысли без согласия самого мыслящего. Лишь во время поиска ограничители снимаются.

Эллон крутанул свою голову на гибкой шее на добрых сто восемьдесят градусов. У демиургов такое вращение соответствует нашему легкому отрицательному жесту.

— Не думаю, чтобы такой экран удался, адмирал. И не уверен, что лабораторию нужно отвлекать на подобные пустяковые разработки. У нас не завершены работы по обеспечению безопасности кораблей от неожиданного фотонного и ротонного нападения, надо усовершенствовать и защитные гравитационные улитки… Могу порекомендовать одно: контролируйте свои мысли, адмирал Эли. Того, чего вы не пропустите в свой мозг, и звездный паук-скиталец не обнаружит в мозгу. Это же так просто, адмирал!

Это было совсем не так просто, как оно представлялось Эллону. Люди далеко не столь властны над своими эмоциями и мыслями, как демиурги. Нами порой командуют неконтролируемые чувства, мысли возникают непроизвольно — явление, очень редкое у демиургов или галактов. Я не стал спорить. Все демиурги упрямы, Эллон в этом отношении двойной

демиург. Он просто не мог бы сделать, чего не захотел бы делать. Я встал.

— Минутку, адмирал, — сказал Эллон. — Ты мне задавал вопросы, теперь я задам тебе. Звездный паук попросил помощи. Мы предоставим арану помощь?

— Разве у тебя имеются сомнения, Эллон?

— Сомнений нет, а непонимание есть. Я не уверен, что нужно оказывать помощь всякому, кто ее просит. Я бы посмотрел, заслуживает ли помощи просящий о ней.

— Боюсь, экипажи звездолетов с тобой не согласятся, — холодно ответил я. — Я говорю в первую очередь о людях, но и не только о них. Мы считаем своим долгом помогать просящим о помощи. Тебя удивляет такая позиция людей, Эллон?

— Удивляет. Вы очень гибки, когда дело идет об овладении силами природы. Вы разносторонни как инженеры и конструкторы. Но вы каменеете, чуть коснется чего-либо, связанного с нравственностью. Ваша мораль прямолинейна, жестка, не признает отклонений и уступок. Вы усложняете сами свое общение с другими цивилизациями.

— Мы гордимся тем, что не ищем легких путей, Эллон! В вопросах нравственности мы прямолинейны и негибки, ты прав, но это наше достоинство, а не недостаток! Мы гордимся своей негибкостью в вопросах добра и зла, уважаемый мой Эллон.

Демиург ушел. Меня вызвал Олег и сообщил, что сведения, полученные от Оана, надо обсудить с экипажами всех звездолетов. На стереособрании эскадры я так изложил свое понимание событий:

— В богов мы с вами не верим. Сверхъестественных сил не существует. Даже нарушения законов природы происходят в соответствии с более общими законами той же природы. Название «Жестокие боги» лишь символ, означающий, что в мирке Трех Солнц поселились существа, весьма могущественные, но лишенные доброго сердца. Мощь их велика, но не превосходит мощи природы, а природа пока за нас. Араны взывают о защите. Без нашей помощи их вырождение превратится в полную гибель. Мое мнение — идти на подмогу. И если придется столкнуться с неведомой злой цивилизацией — столкнемся, ничего не поделаешь. Думаю, успех будет на нашей стороне, ибо на нашей стороне справедливость!

Сегодня, когда никто не знает, удастся ли нам спастись, слова мои могут показаться легкомысленными. В накликанной нами войне мы терпим пока одни

поражения. Мы и помыслить не могли, на какую мощь дерзновенно замахиваемся. Но и сейчас, зная все, что произошло потом, я не отрекусь от своих слов, и никто из оставшихся в живых не отречется от согласия со мной. Мы единодушно утвердили поход к Трем Пыльным Солнцам — и не раскаиваемся! Нас просили о помощи, мы не могли не оказать ее. Если мое послание достигнет человечества, пусть знают о нас: мы не раскаиваемся! Просто мы во вспыхнувшей войне оказались недостаточно вооруженными. Руки наши слабы, но души чисты. Пространство имеет три направления, мораль — одно. Наш путь — добро, благородство, мы не можем повернуть назад, не можем свернуть в сторону. Я говорю это, уверенный, что завтра — гибель. Примите как мое завещание: лучше гибель, чем примирение с подлостью!

4

Ромеро назвал планету, к которой мы шли, Аранией. Мы не препятствовали нашему историографу изобретать любые названия. Меня больше интересовало, в чем араны конкретно нуждаются. Познакомиться бы с ними поближе, может быть, войти в их общество! Как быть? Явиться в качестве прямых друзей или проникнуть тайными соглядатаями?

— Высадиться доброжелательными пришельцами вы не можете, — разъяснил Оан. — Араны расколоты. Друзья отвергателей — враги ускорителей. Вам нужно замаскироваться. Примите телесный образ арана. Жестокие боги посещают нас в нашем облике. Для них любой облик — пустяк. Воспользуйтесь их примером.

Я, однако, не был уверен, что наши возможности идут так далеко. Переделка облика — ситуация из фантастического романа, это не для нас. Эллон предложил разработать новую форму скафандра, не переконструируя тела. Для демиургов, напрактиковавшихся на создании невидимости и переносе на любое расстояние материализованных фантомов, не составит трудностей придать звездопроходцу паукообразность. Один дракон не подойдет, он слишком крупен.

— Если кому не нравится стать пауком, пусть станет невидимкой, — посоветовал Эллон. — Последние конструкции экранов обеспечивают приличную невидимость даже для человека, без большого вреда для него. Правда, в невидимость людям можно входить лишь на короткое время.

Никого из людей не устраивало ходить невидимкой по незнакомой и, возможно, опасной планете, постоянно думая, не кончается ли короткое время экранирования. Да и понятия большого и малого вреда у нас с Эллоном различны. Что демиургу здорово, то человеку нередко смерть.

Эскадра звездолетов вошла в Гибнущие миры.

Ну и местечко было, эти Гибнущие миры! Мы попали из туманности в туманность. Разница была лишь в том, что прежняя густая туманность казалась ясной далью сравнительно с этой. И если та туманность была все-таки свободным космосом, только затянутым газом и пылью, то в эту напихали тысячи звезд: компактное звездное скопление, потонувшее в полумгле. Вокруг открывался томительный пейзаж (нет, не открывался, смутно проступал, темно вырисовывался): вечные багровые сумерки, звезды в пыли, космос — пыль, чудовищно искаженные силуэты светил.

Звезды были одна от другой так близко, что в нормальном просторе на небе сияли бы четыреста солнц и нигде не было бы чередования дня и ночи. Но солнц не было, их сияние еле-еле проникало сквозь глухую мглу.

Мы шли к крупной звезде, то разгоравшейся, то погасавшей. Вблизи оказалось, что три светила вращаются вокруг общего центра, периодически затмевая одно другое. Это и были Три Пыльных Солнца. Олег приказал эскадре сомкнуться и затормозить. Теперь мы стали групповым спутником планеты, откуда бежал Оан. Из осторожности мы остановились достаточно далеко от Арании. Не знаю, как Жестокие боги, а несчастные араны не могли бы нас на таком расстоянии найти даже в сильные приборы.

Поисковой группе велели готовиться к вылазке.

Перед высадкой я зашел к Бродяге. Он разместился в просторном помещении — не для него просторном, для него любое помещение, кроме обсервационного зала, тесновато, — специально запроектированной конюшне для пегасов. Пегасов, несмотря на настояния Лусина, мы не взяли, а помещение с момента, когда его занял дракон, стали в шутку называть уже не конюшней, а дракошней. В свободные минуты я заходил сюда, чтобы поболтать с Бродягой. Если времени у меня было много, он выползал в парк, и там, на берегу внутреннего озера, мы разговаривали вволю, в парке Бродяге было вольготно, да и я себя чувствовал в парке лучше.

У Бродяги сидели Лусин с Мизаром. Мизар, красавица овчарка, овчар — как любовно называл его Лусин (Ромеро доказывал Лусину, что овчар не собака, а человек, пасущий овец, а Лусин возражал, что любой древний овчар-человек значительно уступал Мизару в остроте интеллекта), был единственным животным, какое мы взяли с собой. Словечко «животное» — условно: Мизар был псом выдающимся, овчаром с высшим собачьим образованием. Четыре правила арифметики и несложные алгебраические преобразования, начатки геометрии и физики известны многим собакам, но Мизар справлялся и с уравнениями второй степени, а его познаниям в физике и химии мог бы позавидовать иной средневековый профессор. Лусин утверждал, что у Мизара дар к точным наукам. Уже в рейсе Лусин занялся с Мизаром интегральным исчислением. Не уверен, что овчар проявил особое влечение к этой науке, зато Лусин был увлечен. Лусин клялся, что простые интегралы Мизар щелкает как орешки и что если так пойдет и дальше, то он выхлопочет для Мизара ученую собачью награду, не остановится и перед тем, чтобы добиться создания собачьих ученых степеней.

Я сел на лапу дракона и погладил великолепного пса. Овчар был рослый — с меня, когда становился на задние лапы, темношерстный, гладкий, блестящий, с могучей пастью, умными глазами и такими мощными лапами, что ударом любой мог свалить человека. Демиурги-попрыгунчики с опаской обходили Мизара, он недолюбливал бывших разрушителей и ни с одним не заводил дружбы. Я как-то спросил Лусина, что получилось бы, если бы Мизара натравили на наших прежних врагов. Лусин ответил, что с головоглазами Мизар бы не справился: те прочно бронированы и наносят жестокие гравитационные удары, летающие невидимки тоже были ему не по зубам, а такое субтильное существо, как Орлан или Эллон, овчар разорвал бы в минуту.

На шее Мизара висел изящный оранжевый поясок — его индивидуальный дешифратор, так совершенно подогнанный Лусином, что в нашем мозгу речь пса звучала совсем по-человечески. Мизар, впрочем, хорошо понимал людей и без дешифратора. Человеческие способности в этом смысле уступают собачьим: мы без приборов не понимаем речи животных.

— Бродяга, тебе придется остаться на корабле, — сказал я. — В паукообразные ты не годишься. И Мизара не возьмем.

— И напрасно, адмирал Эли, — проворчал пес. У всех собак, между прочим, хорошее понимание служебных человеческих рангов, а Мизар превосходил своих собратьев и в этом: иначе как адмиралом он меня и не называет. — Я не уверен, что механизмы сумеют так надежно вас защитить, как смогу я.

— Постараемся не попадать в опасность, Мизар. Лусин, ты говорил с Трубом и Гигом?

— Скафандры, — сказал со вздохом Лусин. — Не нравятся. Оскорблены. Оба.

— А твой скафандр, Лусин?

— Отличный. Вторая кожа.

— С ангелом и невидимкой поговорю я. А если мои уговоры не подействуют, пусть и они остаются.

Сбор поисковиков был назначен на причальной площадке. Там же каждый выбирал скафандр по себе. Мой скафандр был так впору, будто я влез не в экранирующую одежду, а в новое тело. Голова вертелась свободно, волосы то вздымались змеями, то опадали в зависимости от настроения, по желанию превращались в хватательное орудие — я с удовольствием почувствовал себя сорокаруким, — ноги тоже слушались любого приказа. Я припустил было по причальной площадке, чтобы размять их, и чуть не врезался в стенку — таким быстрым вышел бег. У других поисковиков скафандры были не хуже. Как Лусин предупреждал,

Труб и Гиг категорически отказались от скафандров. Оба явились на площадку, но не притронулись к камуфлирующей одежде. Мои уговоры не подействовали.

— Ангелы презирают пауков! — надменно изрек Труб и скрестил на груди поредевшие крылья. — Боевой ангел никогда не уподобится презренному насекомому.

Еще меньше был способен изменить мундиру бравый невидимка. В общем, я понимал их отвращение к маскировке.

Мы приземлились на вершине холма. На подлете Арания казалась сплошным океаном, темным, сверкающим, как ртуть, — царство жидкости, как потом выяснилось, лишь немногим уступающей ртути по плотности: образцы ее мы везем с собой. По поверхности океана скользили мерцающие тела. Оан посоветовал держаться подальше от океана: и сам он хищник и все его обитатели хищники. Океан непрерывно наступает на сушу, обрушивает и растворяет ее. Если бы он не устилал свое дно осадками, недоступными даже для его агрессии, Арания давно была бы растворена. Во время электрических бурь океан обильно выбрасывает свои осадки на еще не растворенную сушу и тем укрепляет ее. Морские хищники тоже из растворителей — обволакивают и высасывают жертву.

— Ваши скафандры из веществ, не знакомых на Арании, вам, я почти уверен, не грозит нападение морских хищников, — осторожно утешил нас Оан, после того как основательно напугал.

Мы выбрали для высадки ночную сторону. Неподалеку находился главный город планеты. Оан вышел наружу первый и позвал нас.

Кругом была тьма, очень непохожая на наше простое отсутствие света. В стороне сумрачно поблескивал притаившийся океан. Земля тускло светилась, каждый камешек мерцал. Небольшой лесок фиолетово фосфоресцировал — от него тянуло холодком, деревья здесь не так освежают, как охлаждают воздух, подогреваемый внутренним теплом планеты. Повсюду вспыхивали голубоватые искорки, а когда мы переставляли ноги, между ними и землей сухо потрескивали оранжевые разряды. Все здесь напоено электричеством: земля, воздух, растения, плотная жидкость океана. Все здесь сумрачно светится: фосфоресцирует, люминесцирует, мерцает, переливается, тускло едва-едва, чуть-чуть сияет — неизвестно для чего, неизвестно почему. И мы тоже засветились, едва вышли. Ромеро потом шутил, что сияние определялось не конструкцией скафандра, а служебным рангом его хозяина: я светился повелительно-сине, Лусин — умилительно-желто, Орлан и Граций — благожелательно-оранжево, Ирина и Мэри — испуганно-фиолетово, Ромеро —

осторожно-зеленовато, а сам Оан — угрожающе-багрово.

Одно небо здесь никак не светилось. В небе была настоящая тьма. И даже редкие звезды, из самых близких, пробиваясь сквозь пыльную завесу красноватыми, на пределе сияния, ореоликами, не нарушали, а лишь подчеркивали глухую его черноту.

Оан начал осторожное движение с холмика в чащу мерцающих деревьев, мы переползали за ним. Надо было складывать ноги под себя и красться, ступая одними верхними суставами. Без такого пластунства по-паучьи мы не сумели бы медленно передвигаться, любой перебор выпрямленными ногами резво уносил вперед.

В леске Оан остановился. Я полз вторым.

— Эли, — просигналил он в моем мозгу, — я чую разряды Иао, отвергателя, он сегодня на дежурстве обережения. Оберегатели предупреждают, когда к нашим пещерам подкрадывается шайка ускорителей. Я скажу Иао, что вы отвергатели с другой стороны планеты, там мы тоже ведем пропаганду. Вы будете новым отрядом ваших сторонников.

Встреча с Иао произошла минуты через три.

Впереди мелькнула лиловая тень, мелькнула и скрылась. Я условился с Оаном еще на «Козероге», что он будет транслировать нам свои разговоры с аранами. В моем мозгу раздался резкий, захлебывающийся голос — Оан искусно воспроизвел даже интонации собрата:

— Остановись, крадущийся! Назови себя. Назови меня.

— Я Оан, а ты Иао, — услышали мы ответ Оана.

— Я Иао, ты прав, Оан. Я рад, что ты не погиб. Высветись, чтобы я мог тебя увидеть. Да, ты Оан. Утешительно видеть тебя живым, великий Оан, близкий друг великого Оора. Где твои товарищи, Оан? Куда ты дел своих великих братьев по бегству в иновремя, Оан?

— Они все погибли, Иао. Я доложу об этом Оору и обществу. Теперь пропусти меня.

— Ты не один? Что бы это значило, Оан?

— Со мной завербованные в отвергатели друзья с другой стороны планеты. Я привел их, чтобы они удостоились проповеди Оора. Они жаждут схватиться с ускорителями.

— Они удостоятся проповеди, Оан. Мы дадим им возможность схватиться с мерзкими ускорителями, Оан, мы дадим им такую возможность! Пусть они высветятся. Бравый народ, Оан, ты хорошо сделал, что привел их. Завтра они смогут выказать делом свое рвение.

— Что-нибудь важное случилось?

— Ускорители снова хватали всех, кто попадался в часы

Темных Солнц. Самосожжение назначено на завтра, на закате Трех Пыльных Солнц. Мы будем отбивать несчастных. Иди, Оан. Радуюсь за тебя и друзей. Вы услышите вдохновенную проповедь Оора, величайшего из великих. Иди смелей. За моей спиной ускорители вам не попадутся.

Оан убыстрил движение, но не слишком. Мы немного приподняли туловища, но не разогнули полностью ног. Мы по-прежнему двигались во тьме, озаренной лишь фосфоресцированием деревьев, люминесцированием почвы да призрачным сиянием наших тел. Ромеро в восторге прошептал, что мы похожи на древних земных заговорщиков, крадущихся на тайное сборище. Сомневаюсь, чтобы ему понравилась тогдашняя жизнь, очутись он реально среди наших предков, но все, напоминающее старину, порождает в нем ликование. Я могу понять такое чувство, но разделить не способен.

Вскоре мы проникли в обширную пещеру, озаренную сиянием стен. На полу копошились араны. Их было так много, они так плотно прилегали друг к другу, что создавалось впечатление, будто в пещере одно громадное, мерцающее, шевелящееся тело. И мы втиснулись в это тело, стали частью его, шевелились вместе со всеми, как одно целое — разом наклонялись то вправо, то влево, разом то приподнимались, выпрямляя полусогнутые ноги, то снова приседали. Никто не обратил на нас внимания, никого мы не заинтересовали, мы были такие же, как все, — пульсировали общим для всех движением.

— Оор! — произнес Оан очень ясно. Никто не обернулся, слова Оана донеслись только до нас.

В центре пещеры один из паукообразных упал на спину и вытянул вверх ноги. А на двенадцатиногий пьедестал взобрался другой аран, упер свои выпрямленные ноги в живые колонны, задергался и замерцал торопливо меняющимися цветами. Он накалялся и погасал, раздувался и опадал. Он держал речь — слова ее, переводимые Оаном, отчетливо звучали в нашем мозгу. Это был Оор, Верховный отвергатель конца.

— Ужасно, Эли, они осуждают гибель, потому что восславляют прозябание. Против восторга конца они обращают ликование от тягот! — в недоумении прошептал Лусин, конечно мысленно, обычной речью он не произнес бы такой складной фразы и за месяц.

— Паукообразный космический Экклезиаст, этот благородный Верховный отвергатель конца, — поддержал его Ромеро. Павел не мог не щегольнуть непонятным словечком «Экклезиаст» из любимого архива древностей.

Вначале Оор призывал к спасению тех, кто должен завтра

погибнуть, и с ненавистью нападал на ускорителей. Ускорители не просто недовольные — они мятежники. Они ненавистники — себя, и жизни, и всего мира. Они истинные отвергатели, ибо отшатываются от всей Вселенной, не от одной их планеты. В них — зерно уничтожения, вырастающее в ядовитый плод реальной гибели.

Потом Верховный отвергатель конца пропел выспренний гимн существованию на планете. Я не силен в философии, но согласен с Лусином, что мироощущение отвергателей исчерпывается восторгом прозябания и упоением всяческой мерзостью. Существование во имя существования — такова, в общем, нехитрая эта философия.

— Ах, радуйтесь пыли, упивайтесь мраком! — вещал со своего двенадцатиногого подергивающегося амвона Верховный отвергатель конца. — Ибо восхитительна удушающая пыль! Ибо вдохновенна глухая тьма! Не ищи благ, вечные блага отупляют обоняние, и вкус, и зрение. Стремись к недостаткам, вечные недостатки безмерно обостряют сладость любого блага! Тьма, окружающая тебя, порождает наслаждение искоркой света. Ты создан для существования. Существуй, существуй. И пусть густеет мрак и плотнеет пыль! Вдохновенна, великолепна, божественна тягота! Прекрасна, прекрасна борьба за существование, так существуй во имя борьбы за существование. Чем уже возможности, чем губительней окружающее, тем сладостней час, минута, секунда, вырванные у бытия! Чем меньше поводов наслаждаться, тем острей наслаждение по всякому поводу. Ах, уйти во мрак, ликуя, что способен ощущать мрак! Ах, задыхаться от пыли, мучительно жаждать чистого воздуха — и наслаждаться, что способен так страстно жаждать! Бежать, бежать от мстительных молний яростной Матери-Накопительницы, бежать от хищных тварей океана и ликовать, что способен бежать, что не станешь, не станешь, не станешь фокусом электрического разряда, добычей хищника! И, почуяв зловоние, ликуй, что отличаешь дурной аромат от хорошего. Окунись в зловоние, окунись, в отвратительности его откроешь способность радоваться доброму запаху, без зловония нет сладости благовония. О, как прекрасны тяготы и страхи, муки и лишения! Они неизбывности существования, они самоусилители утверждения! Славьте тяготы! Наслаждайтесь мукой! Осуществляйте высочайшее в себе — способность всеполно унизиться. Так низко припасть к земле, чтобы Жестокие боги не видели, не ощущали, не знали тебя! Гордись своим бытием, оно — наперекор всему. Самое высшее в жизни — жить! Самое святое в существовании — существовать. Так существуй! Живи, живи! В

борьбе со всем, против всего. О Мать-Накопительница молний, рази! Мы устоим! Мы устоим!

— Какая страшная философия, Эли! — снова прошептал Лусин.

— Он говорит не то, что ты рассказывал об отвергателях конца, — обратился я мыслью к Оану.

Он ответил мне из мозга в мозг:

— Верховный отвергатель убеждает своих сторонников не жаждать конца. Это только одна из наших задач. Другая — найти разумный выход из нынешней безысходности. Заметь, что Оор нигде не утверждает, что ликование прозябанием должно длиться вечно. Но для нынешнего поколения оно неизбежно. Освобождение может прийти только для наших потомков. Многие из аранов понимают это, но не всем доступны высшие тайны.

Объяснение было не из ясных, но я не стал требовать уточнений. В пещере разыгралась новая сцена. Длинная речь Оора шла под рев и клекот, судорожные дергания тел, судорожные всплески сияния, ошалелое размахивание змееобразными руководолосами. А после речи, закончившейся все тем же истерическим воплем «Существовать! Существовать!», Оор возгласил:

— Сейчас, о братья низкие из нижайших, приступим к обращению в праведники пленного ускорителя, жалкого и преступного самосожженца!

В пещере снова заметалось лихорадочное сияние, тысячи голосов проклекотали, провизжали, провыли:

— Вознести на позорную высоту! Унизить возвышением! Наказать! Наказать!

Над толпой шаром взлетел один из аранов. От страха он сложил все ноги и плотно прижал руководолосы к голове. Его вытолкнули из толпы в углу и стали проворно перебрасывать на середину. Около Оора опрокинулся на спину второй аран, образовав еще один двенадцатиногий постамент. Пленника вознесли рядом с Оором. Пленник судорожно пульсировал сиянием и объемом — тело то погасало, что разгоралось, то раздувалось, то опадало. При волнении все араны не удерживаются от резких телодвижений и световой смятенной пульсации.

Оор начал торжественный допрос пленного ускорителя:

— Уул, вы замыслили?

— Да, великий Оор, замыслили.

— Самосожжение?

— Да, великий Оор, самосожжение.

— Публичное?

— Да, великий Оор, публичное.

— Завтра, во время Темных Солнц?

— Завтра, во время Пыльных солнц.

— Темных или Пыльных? Говори правду, презренный Уул?

— Пыльных Солнц, великий Оор, Пыльных! Я не осмелился бы лгать тебе.

— Ты способен, жалкий ускоритель конца, скрыть точное время, чтобы мы не явились на ваше отвратительное празднество.

— Я счастлив открыть вам точное время, чтобы и вы приняли участие в нашем восхитительном празднестве.

— Скольких несчастных вы завтра подвергнете ужасной каре?

— Сто три счастливца сподобятся завтра великолепного венца.

— Сто три охваченных ужасом уничтожения? Ты не врешь, презреннейший из презренных?

— Сто три исполненных восторга смерти, сто три ликующих от предвкушения конца! Я не лгу, величайший из великих!

— Но ты, нижайший, не собирался сам быть среди ликующих обреченных? Ты отказываешь себе в наслаждении гибелью? Не потому ли, отвратительнейший Уул, что до тебя дошло сознание мнимости наслаждения небытием?

— Нет, достойнейший Оор, я всех полнее сознаю радость самоистребления. Но мне пока отказывают в восторге небытия. Я еще не сподобился награды. Я должен доставить на костер еще тридцать удостоенных блаженства самоубийства, прежде чем буду награжден разрешением на собственную смерть. Я по званию хвататель второго ранга, о мудрый Оор, любимейший сын Отца-Аккумулятора и Матери-Накопительницы.

— Мы поймали тебя, когда ты разбойнически опутывал своими хищными волосами бедного Яала, чтобы утащить его в темницу казнимых!

— Вы схватили меня, когда я дружески обнимал ласковыми волосами хилого Яала, чтобы отвести его перед лицо мудрейших, которые разъяснили бы ему, сколько он потерял, оставаясь в несчастных живых, когда мог сотни, тысячи раз великолепно самоуничтожиться. Какая мука — такое жалкое существование перед благолепием смерти, жарко искрил я ему в глаза. Выбирай, искрил я, между тусклым существованием и яркой смертью. И он уже склонился душой к радостной гибели, когда вы исторгли его из моих нежных рук для продолжения унылого существования.

— О негоднейший из негодяев, ты отрицаешь блаженство тусклости, восторг самопотерь, радость самосохранения? Подумай, в какую ересь впадаешь, безрассудный Уул!

— Я возношусь в истинное понимание, святейший из

заблуждающихся!..

— Твои речи отвергают твое лжепонимание.

— Вы не дали мне проискрить речь. Вы допрашиваете меня.

— Мы не боимся твоих речей. Искри. Исчерпывай свое ублюдочное электрическое поле, коварный дар нашего недоброго Отца-Аккумулятора. Отвратительная яркость твоих откровений сама раскроет таящуюся в них глубину заблуждений. Искри, сверкай, пылай! Истина в сумраке, а не в свете!

Пленник вдохновенно засиял яркой речью. Оан быстро переводил ее каждому из поисковиков, нам оставалось лишь любоваться неистовыми прыжками Уула на его живом пьедестале и исступленным сиянием его тела. Пленник каждому утверждению Оора противопоставлял свое, но странно противопоставлял, мне все больше казалось, что говорят они, в сущности, одно и то же, им только воображается, будто они разнодумающие. Два конца одной палки, сказал я себе.

Истина в свете, а не в тьме, надрывался вспышками света пленник на постаменте. Истина сверкает, а не таится. Жестокие боги сгущают сумрак. Жестокие боги утягчают бытие. Слава Жестоким богам! Слава их беспощадному разуму! Слава творимому ими страданию. Какой великий порыв в деяниях Жестоких богов! Они испытывают, а не карают. Они взывают к нам: способны ли вы на смелое решение? Их священная цель — не в понуждении нас к унылому бытию, а в отвержении его. Не смиряться, а восставать. Осуществлять себя не в существовании, а в отрицании существования. Отрицай холод и темноту, вечную пыль и вечный голод, хищную воду и неласковую землю, темные звезды и сумрачные солнца! И высшее из отрицаний — отрицание себя, восстание на собственную жизнь! Ах, вот она, вот она, истиннейшая из необходимостей, всецелостное избавление от всяких пут — самоуничтожение! Вот она, высшая свобода, — освобождение себя от себя! О благороднейшая из самостоятельностей — самоубийство! Только тот достигает совершенной завершенности, кто совершает завершение жизни смертью! Свобода, свобода, свобода — в свободе от существования! Славьте свободную смерть! Да исполнится воля Жестоких богов, неотразимо влекущих нас к гибели! Презренные жизнехвататели и жизневыскребатели, тусклые жизнеползуны, зову, зову, зову вас к огненному самоосвобождению! Во имя смерти! Во имя смерти!

Его истошный призыв потонул в общем вопле. На головах стоявших рядом взметнулись волосы, сотней злых рук они впились в тело и ноги Уула, стали рвать его. Бешенство руковолосых остановил трижды повторенный возглас Верховного

отвергателя:

— Во имя жизни! Во имя жизни! Во имя жизни! Оставить презренного смертепоклонника!

Когда волнение немного стихло, Оор изрек суровый вердикт:

— Ты жаждешь смерти — ты получишь жизнь. Отвести Уула в подземную темницу, куда не доходит сияние Пыльных Солнц, и не проникают заряды Отца-Аккумулятора, и не слышен громовый голос Матери-Накопительницы молний. Пусть он станет нижайшим из низких, ничтожнейшим из ничтожных, голоднейшим из голодных, тупейшим из тупых. И когда он возрадуется своему заключению, и придет в ликование от мук существования, и объявит себя отвергателем конца, только тогда вывести его наружу.

Пленника увели. Оор соскочил с пьедестала. Толпа повалила к выходу. Я сказал Оану:

— Возвратимся к планетолету.

Он спросил, не хотим ли мы предстать перед очи Верховного отвергателя конца и объяснить, кто мы и как поможем его сторонникам. Знакомиться с Оором я не захотел, стать его помощником — тем более.

5

По дороге, когда мы толкались в узком туннеле с торопящимися наружу паукообразными, Лусин мысленно прошептал мне:

— Какие несчастные, Эли! И обе секты несчастны одинаково. Я плакал, когда слушал Оора и Уула. Что за страдания надо испытать, чтобы дойти до таких ужасных взглядов, до таких отчаянных поступков.

— Они все безумные! — сказал Ромеро. — Тяжкое существование породило изуверство. Обе секты, как справедливо назвал их наш друг Лусин, самые настоящие изуверы, и, по чести сказать, я бы затруднился установить, кто из них лучше, а кто хуже.

— Два конца одной палки, — повторил я свою мысль. — Им, конечно, надо помочь, но всему народу, а не сектам. Отвергатели ничем не лучше ускорителей. Я не обидел тебя, Оан?

— Мы жаждем помощи, — ответил он. — Если вы способны помочь всем аранам, помогите.

В планетолете мы связались с эскадрой. Ирина непрерывно передавала на корабли все, что мы видели и что переводил Оан. Команды звездолетов считали, что помощь аранам нужно дать, но без борьбы на стороне одной из сект.

— Обращаю внимание, Эли, что у нас мало данных об Отце-Аккумуляторе и Матери-Накопительнице, а, судя по всему, они играют важную роль, — сказал Олег. — Наше мнение — вызволить завтрашние жертвы. Самосожжения не допускать.

— Это приказ, Олег? — спросил я.

— Это совет.

Я задумался — и надолго. Было очевидное противоречие между нашими общими решениями и поступками. Только что мы постановили не вмешиваться в распри отвергателей и ускорителей и взяли на себя лишь одну миссию — облегчить условия существования на планете. Но как помешать самосожжению не вступая в борьбу с ускорителями и тем не поддерживая готовящих нападение отвергателей? Не вступаем ли мы на сомнительный путь, приводящий прямехонько в объятия одной из сект? Освобождение самосожженцев превратит ускорителей в наших врагов, — нужно ли идти на это?

— Эли, что с тобой? — мысленно воскликнул Лусин. — Неужели ты не хочешь спасти несчастных?

— Обращаю ваше внимание, дорогой друг, на то, свободные ли они самоубийцы, или насильственно казнимые, они — жертвы, — заметил Ромеро. — И это — главное!

Я обратился к Оану:

— Твои сторонники собираются завтра спасти обреченных. Удастся ли им задуманная акция?

— Нет, — ответил Оан. — Мы неоднократно делали подобные нападения. Они ни разу не удавались. Мы просто не можем бездействовать, когда наших братьев казнят. Завтрашнее нападение — акт отчаяния.

После такого разъяснения колебаться было нельзя. Но я все не мог принудить себя к решению. Мэри с удивлением сказала:

— Я раньше не замечала в тебе трусости, Эли.

— И нерешительности, — добавил Ромеро. — Борьба всегда была вашей стихией, Эли. Вы расцветали в опасностях, дорогой адмирал.

— Будем действовать по обстановке, — сказал я. — Быть равнодушными к чужому несчастью мы себе не разрешим.

До меня донесся голос слушавшего наши разговоры Камагина. Маленький космонавт поддерживал только крутые решения:

— Наши звездолеты всегда готовы прийти к вам на помощь. Если командующий позволит, я подведу своего «Змееносца» на дистанцию максимального сближения с планетой.

Олег разрешил вывести «Змееносца» из общего строя эскадры.

— Радуйся, — сказал я Лусину. — Все будет по-твоему.

— Я буду радоваться завтра, когда собственными руками сведу осужденных с эшафота! — сказал Лусин.

Если бы он знал, что ждет его завтра!

Все ушли отдыхать в каюты и сняли экранирующие скафандры. Оан тускло фосфоресцировал на пригорке, ему на родной планете было лучше, чем на борту планетолета. Я вышел к океану и любовался его рояльным блеском. Океан накатывался на берег, подгрызая его — где рядом, где в отдалении тяжко ухали подъеденные скалы. Мне хотелось ступить на океан, пройтись по нему: анализаторы установили, что плотность жидкости приближается к плотности ртути, даже железо не смогло бы потонуть в таком океане, не то что я в моем легком скафандре. Но и Оан и приборы предупреждали, что жидкая среда агрессивна, я побоялся рисковать перед завтрашним испытанием, тем более что вдоль берега перебегали мерцающие силуэты морских зверей. Я бросил в темную жидкость два куска стали. Первый достиг поверхности и вспыхнул, растворяясь, наверх вырвался столб пламени, на пламя метнулись морские хищники и мигом заглотали его. А второй кусок какой-то мерцающий хищник захватил еще в воздухе. Сталь ярко засветилась, погружаясь в его тело, она раскалилась, расплавилась, растеклась и растворилась — и через минуту опять ничего не было, кроме темного океана и фосфоресцирующего хищника, жаждущего новой подачки, и других хищников, ошалело заскакавших вокруг в надежде урвать такой же кус.

Ночь Темных Солнц переходила в день Пыльных Солнц.

Я никогда не видел зрелища безотрадней, чем рассвет на планете Арании. Черная мгла преобразовывалась в мглу желтую. Из черного океана выкатились три оранжевых шара и торопливо поползли наверх. И ночью дышать было трудно, а с зарей пыль, наполнявшая воздух, стала такой удушливой, что и воздушным фильтрам скафандра пришлось нелегко. Океан уползал от суши, оставляя за собой кромку изуродованного берега и вал выброшенных осадков. Морские звери погружались на глубину, — это все были твари ночного бдения.

Ночью Арания казалась таинственней, ей можно было примысливать всякое, в том числе и красоту. В пыльном свете дня она предстала уродливой. Ко мне подскочил Граций.

— Неустроенная планета, не правда ли, Эли? — Изрек он. — Если бы ее можно было перенести в Персей, даже галактам понадобились бы тысячелетия, чтобы создать на ней элементарные удобства.

— Элементарные удобства галактов превзошли бы, Граций,

самые смелые мечты аранов о рае.

Вслед за Грацием из планетолета вышел Орлан, за ним — Ромеро и Лусин. Мэри и Ирину пришлось вызывать, они прихорашивались в скафандрах, стараясь уложить змееволосы — или, верней, руковолосы — в каком-то особом порядке.

— Мэри, — сказал я. — Женского в тебе больше, чем нормально человеческого. К чему эти ухищрения, милая? Первая же встреча с ускорителями заставит ваши волосы стать дыбом, а уличная толкотня, которой наверняка не избежать, превратит изящную прическу в частокол царапающих и хватающих рук.

Мне было особенно смешно, что они пытаются уложить волосы при помощи волос же — иных орудий захвата больше не было. Мэри весело возразила:

— Тебе не приходило в голову, что женственность и есть самое нормально человеческое среди всего человеческого?

Автоматы задраили входы и окружили корабль защитным силовым забором. Мы компактной группкой побежали через лесок к городу.

Собственно, города не было. Реально имелась цепочка холмов с лазами в пещеры — в них-то и обитали араны. Там, на глубине, были оборудованы и мастерские, и помещения для ночных сборищ. А между холмами вились дороги, убитые до того, что стали глаже древних земных асфальтовых шоссе. Из лазов выползали бесчисленные паукообразные и проворно неслись, подпрыгивая на бегу, на обширную котловину между четырьмя высокими городскими холмами — столичное лобное место Арании. Мы присоединились к общему потоку.

По мере приближения к лобной площади усиливались толчея и возбуждение. Все больше становилось дико взлетающих тел, восторженно размахивающих руковолос, все ярче сверкали искры, срывавшиеся с наэлектризованных голов, все громче были гомон, вопли, писк и треск разрядов. На поисковиков никто не обращал внимания. Было не до нас. Да и скафандры в совершенстве камуфлировали нас под ординарный облик, никому не бросающийся в глаза.

На площади была возведена плаха, до удивительности похожая на старинные человеческие электропечи.

— Сейчас появится партия осуществляющих конец, — просигналил Оан, когда мы заняли местечко недалеко от плахи. — Их приведут под охраной оберегателей конца, таких же ускорителей, но плотней заряженных электричеством. Ускорители захватили все лазы к Отцу-Аккумулятору, вооружение их оберегателей мощней оружия оберегателей наших. Поэтому нам и не удается побеждать в схватках. Кто пользуется

расположением Отца-Аккумулятора, тот властвует.

Обреченные осуществители конца долго не появлялись. Наше внимание привлек аран, поднявшийся над всеми. Как и Оору на ночном сборище, пьедесталом ему служили араны, но не один, а четверо: трое поддерживали частоколом мощных руководолос опрокинутого верх брюхом четвертого, а уже на вытянутых ногах четвертого возбужденно приплясывал заинтересовавший нас аран.

— Уох, Верховный ускоритель конца, великий осуществитель, — с отвращением произнес Оан. — Если бы вы уничтожили это чучело, которому поклоняются все ускорители, борьба с ними стала бы легче.

Уох, удобно устроившись на двухэтажном пьедестале, проискрил в толпу:

— Славьте Жестоких богов! Осуществляем конец!

В ответ грянул миллионоискровый вопль:

— Осуществляем! Осуществляем! Слава Жестоким богам!

Из верхнего лаза холма, что находился за спиной Верховного ускорителя — показалась партия осуществляющих. Они спускались по четыре в ряд, с боков возбужденно подпрыгивали оберегатели, рассеивая в пыльном воздухе тучи искр, голова каждого конвоира походила на пылающий костер — столько вырывалось наружу разрядов. Ликование охватило толпу, она вся тряслась, как одно исполинское, из тысяч тушек, тело.

— Осуществляем! Осуществляем! — надрывались все.

Когда колонна обреченных уже опустилась до уровня поляны, из лазов соседнего холма внезапно вырвался сноп искр и отряд отвергателей кинулся на конвой. Фанатичное ликование мигом превратилось в ярость сражения. Оберегатели свирепо отбивались от напавших, толпа кинулась на подмогу своим. В колонне осуществляющих тоже не было единства. Удирали на волю лишь немногие, а большинство отбивалось от тех, кто их освобождал. Один из обреченных, вырываясь из гибких руководолос отвергателей, жалобно искрил:

— Хочу конца! Осуществления! Осуществления!

Силы, как и предсказывал Оан, оказались слишком не равны. Если кому из обреченных и удалось спастись, то зато колонну осуществителей с лихвой пополнили сами спасатели, попавшие в плен. Мимо нашей группы промчался беглец из колонны, за ним гнались конвоиры, но он юркнул под какие-то взлетающие тела, и преследователи схватили другого. Тот отчаянно заискрил:

— Пустите! Я не назначен к осуществлению! Я не готов! — Никто и не подумал вслушаться в его отговорки.

Оан что-то сказал мне, но я был взволнован зрелищем

всеобщей потасовки и не расслышал. Когда я опомнился и смог принимать решения, было поздно, разбитые отвергатели бежали. С тех пор прошло много времени, но нерасторопность моя напоминает о себе незатихающей болью в душе.

Верховный ускоритель конца опять ошалело запрыгал на своем живом двухэтажном пьедестале и завел пронзительно-унылый вой:

— Осуществляем конец! Осуществляем конец!

Ему ответил прежний ликующий рев:

— Осуществляем! Осуществляем!

— Ускоряем конец! Ускоряем конец! — надсаживался Уох.

— Ускоряем! Ускоряем! — надрывалась толпа.

— Ублажим Отца! Умилосердствуем Мать!

— Ублажим! Умилосердствуем!

— Да не гневается Мать!

— Да не гневается!

Уох взметнул вверх свои волосы и сплел их над головой, как бы сомкнув в рукопожатии. Оберегатели схватили одного из обреченных и швырнули его в печь.

Как мы теперь знаем, осуществитель замкнул своим телом два электрода находившиеся под напряжением. А в тот момент мы услышали взрыв, над плахой взметнулось пламя разряда, по площади пронесся тяжкий грохот. Предсмертный стон жертвы потонул в громе взрыва и исступленном реве толпы. На нас посыпался горячий прах, тонкий, как мука, прах испепеленного существа!

— Он был живой, Эли! Он же был живой! — простонал Лусин.

Уох вторично сплел руковолосы над головой — вторая жертва полетела в горнило печи. И тут нервы Лусина не выдержали:

— Эли, ты делаешь нас пособниками злодеяния! Если ты не вмешаешься, я пойду один! Я пойду один, я взбунтуюсь, Эли!

Я размышлял ровно столько, чтобы не дать палачам расправиться с третьей жертвой. Надо было взорвать ко всем чертям печь, но Оан предварил мой приказ испуганным возгласом:

— Не уничтожайте плаху! Все араны тогда погибнут!

— Разметать охрану! — крикнул я, не спрашивая, почему нельзя трогать печь, и кинулся к Верховному ускорителю конца.

Лусин так яростно рванулся вперед, что опередил меня прыжков на десять. Он ударил по живому пьедесталу, и Уох полетел вниз. Лусин встретил его такой затрещиной, что Великий осуществитель с пронзительным писком снова взмыл. На Лусина кинулась добрая дюжина охранников. Сотни молний вонзились в

него, нам почудилось, что он пылает.

— Поле! Поле! — крикнули мы с Ромеро, и Лусин, ошарашенный свирепостью нападения услышал наш крик и вызвал поле.

Все остальное совершилось почти мгновенно. Я сижу в своей комнате, на моем экране медленно, очень медленно развертывается зафиксированная стереокамерами картина. Я в сотый раз всматриваюсь в нее, изучаю все детали — каждая линия, каждый блик пронзают неусмиряемой болью. Наши инженеры, нам на горе, хорошо знали свое дело. Лусину ничто не грозило, теперь это ясно. Скафандр был слишком прочен для руководолос охраны Уоха, и вызванное защитное поле явилось бы непреодолимым щитом. Я понимаю Лусина. Я понимаю себя, всех нас понимаю. Мы нападали, а не защищались. Мы не знали физической мощи палачей, мы видели лишь их фанатизм и свирепость. Лусин сконцентрировал поле, как если бы он снова сражался с головоглазами или невидимками, или на него напал ошалевший драчливый ангел. Какую-то долю секунды я или Ромеро, бежавшие вслед, могли бы помешать ему так сгустить в себе силовые линии. Мы этого не сделали. И мы увидели, как словно взрывом бросило от Лусина всех напавших на него. Только один каким-то чудом удержался, вероятно, его гибкие руководолосы так сцепились со скафандром, что их можно было лишь вырвать из головы, а не оторвать от Лусина.

Лусин и в эту страшную минуту остался Лусином. Он не остановился, хладнокровно осматриваясь, не стал неторопливо ослаблять поле. Вокруг него рушились, смертно искря, ломая ноги, разбрасывая по сторонам вырванные руководолосы, дико перепуганные оберегатели, — он думал о них, а не о себе. Он не ослабил, а разом выключил поле, он отрубил его, чтоб оно не растерзало противников. И разом же, на какие-то доли секунды, он сам стал игрушкой в хаосе бушующих вокруг стихий, пушинкой среди неконтролируемых случайностей!

Все совершилось в эти доли секунды!

Вцепившийся в Лусина охранник, почуяв, что поле пропало, снова отчаянно дернул свои, запутавшиеся в скафандре, руководолосы, но не выдернул, а повалился вниз, увлекая с собой Лусина. Оба стояли на краю плахи и низринулись в ее зев, в самый фокус печи, на который зловеще нацеливались жерла электродов. Снова ударила молния, снова взметнулось пламя, но тут же погасло, сбитое вернувшимся охранным полем. И я, и Ромеро, и бежавшие за нами демиург с галактом бросили свои поля в помощь Лусину, но было уже поздно. Лусина уже не было. То, от чего предостерегал Оан, совершилось. Дьявольский

электрический эшафот, мерзкая печь, ненасытно поглощавшая обреченных, разлетелась в куски. Среди ее осколков лежал пробитый чудовищным разрядом, полусожженный скафандр, а внутри него — мертвое тело, изуродованное тело Лусина!

— Планета погибла! — с ужасом закричал Оан.

У меня подогнулись ноги. Меня поддержал Граций. Мэри вскрикнула: ей показалось, что я погиб, как и Лусин. Но я пришел в себя. Я застонал от горя и ярости. Я готов был уничтожить всех до единого аранов, метавшихся на площади. До сих пор не понимаю, где я нашел силу не дать гневу вырваться наружу таким страшным поступком.

— Жестокие боги! Снизошли Жестокие боги! — вопили улепетывающие пауки.

Я сбросил скафандр. Я больше не мог обретаться в образе паукообразного. Во мне острой болью отдавался отчаянный вопль звона и света: «Снизошли Жестокие боги!» Мэри и Ирина тоже швырнули наземь отвратительную одежду. Они возились с Лусином, им помогали Ромеро и Граций, а я опустился на землю, обессиленный, у меня тряслись руки, тряслись ноги. Я хотел было сказать, чтобы Лусину вызвали санитарное поле, но голоса не было, я лишь шевелил губами, не произнося ни слова.

Ко мне подобрался Орлан, он, как и Граций, не скинул камуфлирующей одежды.

— Ужасное несчастье, Эли, я глубоко сочувствую. Но может совершиться несчастье еще большее. Прошу тебя, прислушайся к Оану!

Только тогда я сообразил, что Оан говорит что-то, а я не слышу.

— Чего ты хочешь? — спросил я. — Чего еще тебе надо?

— Мать — Накопительница молний рассвирепела, — донесся как бы издалека в мое сознание голос Оана. — Уходите, уходите, теперь все здесь погибнут, и вы вместе с нами, если не уйдете!

Все волосы на его голове встали дыбом, изогнулись, десятками гибких рук указывая на восток, откуда шла ночь. Три Пыльных Солнца клонились к закату, вчера в это время глухая тьма бежала с той стороны горизонта — от темных звезд, от проклятых звезд этого проклятого мирка. Сейчас с востока надвигалась заря, а не ночь. Летели огненные облака, клочки метущегося пламени, белокалильным жаром несло с востока. Всем в себе, без приборов, я ощутил сгущение электрических зарядов, я весь как бы превратился в живой конденсатор, заряженный донельзя. Надвигалась электрическая буря такой силы, какой еще мне не приходилось испытывать.

— Всем в свои охранные поля! — Я вызвал Камагина. Было

большой удачей, что «Змееносец», отделившийся от эскадры, находился поблизости от планеты. — Вы видели, Эдуард? — спросил я. — Вы все видели?

— Какой ужас, Эли! — послышался горестный возглас Камагина. — Мы все видели, адмирал. К сожалению, мы не могли помочь. Что надо делать?

— Эдуард, над планетой скоро забушует электрический ураган. Подозреваю, что несчастных электрических пауков будет рвать на части свирепая Мать — Накопительница молний, так они называют свою владычицу. Даже пещеры их не спасут. Ярость ее как-то связана с разрушением электрической плахи. Всыпьте ей, Эдуард! Всыпьте покрепче! Покажите всем злым матерям и отцам, всем Жестоким богам и чертям, что есть еще такая сила в мире, как человеческое могущество!

— Ручаюсь, что яростной матери не поздоровится! — заверил Камагин. — Сегодня она займется не истреблением своих сыновей, а пополнением наших запасов активного вещества. Пусть неистовствует с полезной отдачей!

Буря разразилась минуты через три после разговора с Камагиным. Наши земные грозы — тучи и жидкий ливень из туч и молнии, пробегающие в облаках. Гроза на Арании — ливень молний, секущих землю, гейзеры молний, вылетающие из земли вверх, частоколы молний на холмах, джунгли молний в долинах. Никакого дождя, раскатов грома и влажной прохлады здесь не было и в помине. Один огонь и непрерывный гул, до того тяжкий, что разрывало не только уши, но и душу. Если бы мы не защитились охранными полями, всех испепелило бы в первое же мгновение. Ромеро заботливо оградил своим охранным полем и Оана, но тот не знал его крепости и весь трясся, с минуты на минуту ожидая гибели.

А затем все волшебно переменилось. Камагину понадобилось четыре минуты для настройки резервуаров на прием грозы. Он опоздал ровно настолько, чтобы дать нам почувствовать бешенство распоясавшейся огненосной матери, но не позволить ей нанести серьезного вреда планете. Мощные всасывающие насосы звездолета работали с четкостью, как на базе, у атомных реакторов, где они заправлялись активным веществом. Молнии, только что осыпавшие землю, унеслись вверх, гроза била в небо, а не в планету. А на земле стало тихо, так удивительно, так недоуменно тихо, как будто вся планета растерянно прислушивалась к тому, что происходило с ней. Над нами теснились огненные облака, из них по-прежнему исторгалось пламя, но все пламя уносилось к звездам — миллиарды молний сливались в одну исполинскую реку огня, огненная река мчалась

к жерлам насосов корабля, пропадала в них.

Не прошло и двадцати минут, как облака стали редеть, распадались на клочья, таяли, погасали, из них уже не вырывались молнии. Камагин не остановил насосов. И остатки облаков несли электрические заряды. Эдуард гнал в резервуары все, что появилось в воздухе, все шло на пополнение запасов активного вещества.

— Теперь я пообдеру планету, — сказал Камагин, когда покончил с облаками. — Она вся так насыщена электричеством, что не грех попользоваться от ее избыточного богатства. И бедным аранам станет легче, их возбудимость и фанатизм, я думаю, в какой-то степени продукт перегрузки тел электричеством.

Я попросил Камагина не переусердствовать: молнии, бьющие из земли, производят разрушений не меньше, чем молнии, бьющие в землю. Эдуард произвел очищение планеты от избыточного электричества с такой осторожностью, что иначе как изящной я эту операцию и назвать не могу. Без молний из земли не обошлось, но их было так мало, что можно и не говорить о них. Планета отдавала накопленные заряды плавно, без грохота и огня, и отдала, как выяснилось потом, так много электричества, что запасы звездолета пополнились основательно.

— Доволен ли ты, Оан? — хмуро спросил я, когда Камагин остановил всасывающие снаряды корабля.

Аран восторженно твердил:

— Вы расправились со страшной Матерью! Ах, как же вы расправились со страшной Матерью! Как вы расправились со страшной Матерью!

6

Лусина внесли в консерватор — усыпальницу, где тела погибших сохраняются нетленными. Я сейчас сижу в консерваторе, здесь теперь не один Лусин, наш бедный друг только начал длинный ряд захоронений, завершать этот ряд, возможно, будем мы — немногие, оставшиеся в живых. Лусин в прозрачном саркофаге похож на себя живого, облик удалось восстановить. Но смотрю я не на Лусина, а на того, кто покоится напротив. И я разговариваю вслух с тем, другим, мне нечего сказать погибшему другу, но многое надо высказать мертвому врагу.

Я возвращаюсь к событиям на Арании.

Когда мы вошли в звездолет, Труб, расталкивая людей, кинулся к мертвому. Старый ангел встопорщил седые

бакенбарды, в отчаянии бил себя выцветающими крыльями.

— Я мог пойти с вами! Я защитил бы своего друга, я спас бы его! Никогда не прощу себе, что не пошел!

Гиг, опечаленно гремел костями, и сказал мне с упреком:

— Адмирал, люди без невидимок неполноценны. Уверяю тебя, если бы вы не заставляли напяливать эти дурацкие скафандры, мы с Трубом оградили бы Лусина от врагов верней, чем ваши силовые поля.

Я думал с горестью: от чего они запоздало хотели оградить Лусина? От реального живого врага или от цепочки ужасно совпавших бездушных случайностей? Они не смогли бы ответить на этот простой вопрос. Я тоже не знал ответа. Ответ нужно было найти.

На похоронах Лусина не было одного Бродяги. Дракон тяжелей всех перенес потерю друга. Он заболел. Мы боялись, что он уже не сможет даже ползать. Он выздоровел, кое-как ползал, но способность летать утратил окончательно.

В наше отсутствие на эскадре прошло срочное совещание. Гиг и Эллон настаивали на мести за Лусина. Но кому мстить? Аранам? Чем они виноваты? Вмешательство в распри отвергателей и ускорителей тоже было отклонено. МУМ высчитала, что корень зла — в чудовищной запыленности местного космического пространства. Планетную систему Тройной звезды надо освободить от пыли, — это будет лучшая помощь аранам. Немного изменится орбита Арании, но отдаление от Трех Пыльных Солнц компенсируется тем, что они потеряют в названии словечко «пыльные». Нужно лишь предварительно разведать то, что скрывают наименования Отец-Аккумулятор и Мать — Накопительница молний. Без разгадки этой тайны трудно что-либо планировать.

Мы стали готовиться к вторичному полету на планету. Оан вдруг стал возражать против посещения Отца-Аккумулятора. Я попросил Оана объяснить, что он имеет против новой экспедиции. Вместо объяснения он внедрил мне в мозг ощущение страха. Но так как это все-таки был его страх, а не мой — а безотчетным настроениям я поддаюсь не всегда, — я продолжал дознаваться причин боязни.

— Покой Отца священен, — сообщил Оан.

— Стало быть, ваш Отец-Аккумулятор — самодур, наказывающий всякого, кто его потревожит?

— Он плохо чувствует себя, когда посягают на его покой.

— Разлаживается? Перестает функционировать? Кто же охраняет его покой? Ваши Жестокие боги?

— Жестокие боги не вмешиваются в дела Отца и Матери.

Отца охраняет гвардия оберегателей, каждый отбирается самим Уохом.

— С оберегателями мы справимся, даже с отобранными Уохом. И Отца не обидим, если он не заслуживает обиды. Теперь скажи, что такое Мать — Накопительница молний?

— Страшная Мать бережет покой Отца. — И это было все, что мы сумели узнать от Оана.

Уверен, что и другие араны об Отце и Матери знают не больше. Тем настоятельней нужно было идти на новую разведку.

Опустились мы на старом месте, в полдень. На дорогах встречались араны, на нас по обыкновению не обращавшие внимания. Выглядели они здоровыми, электрическая буря никого не потрепала. Оан сообщил, что и отвергатели и ускорители недоумевают: еще не было столь сильного урагана — и такого невредоносного! На главной площади копошилась бригада паукообразных, восстанавливающих плаху. Мы не стали им мешать. Дело было не в плахе.

Оан взобрался на вершину холма и остановился перед одним лазом, ничем не отличающимся по виду от соседних:

— Здесь. Первым я не пойду.

— Иди в середине, — разрешил я.

Оберегатели встретились уже через несколько метров. Это были рослые пауки, бесстрашные и готовые на самопожертвование. Но они улепетывали через минуту с такой быстротой, что ни один из нас не сумел бы догнать. Дело было не только в том, что они не могли противостоять удару силовых полей. Они просто не знали, что такое поле. Невидимая сила, мощно бросавшая их на стены и под потолок, так потрясла их, что никто и не подумал переть на рожон. Они удирали вглубь с теми же знакомыми воплями:

— Жестокие боги! Снизошли Жестокие боги!

Внутренняя охрана, очевидно, не поверила паническому сообщению передового отряда. В пещере, через которую пролегал путь, нас повстречало целое воинство. Оберегатели ринулись, подбадривая себя бесовскими искрами и воинственным писком. В первой стычке мы ограничились силовыми оплеухами, здесь пришлось концентрировать поля. И когда бой закончился, на полу лежало несколько безрассудных, которым не повезло. Из пещеры вело четыре хода. Из заднего вышли мы, в два боковых опрометью умчались сраженные охранники. В четвертый ход никто не юркнул. Я показал на него одной из своих многочисленных рук:

— Сюда, Оан?

— Сюда. Больше нам никто не встретится до самых покоев Отца. В этот лаз запрещено заползать.

Запретная для аранов дорога тянулась долго, мы пересекли еще пять-шесть пустых пещер и наконец выбрались в самую большую. Даже засветив прожектора, мы не увидели ни потолка, ни противоположных стен. Все помещение занимало озеро — вязкая жидкость, прикрытая коркой. Поверхность бурлила, вспучивалась, кое-где корка разрывалась, наружу вырывалось пламя. Над озером клубился зеленоватый самосветящийся пар, призрачно его озаряя. Временами из жидкости вырывались молнии, погасая в невидимом потолке, оттуда как бы в ответ низвергались такие же молнии.

— Отец-Аккумулятор убивает всех, кто подходит близко, — со страхом прошептал Оан.

— Своеобразный механизм для выработки электроэнергии, — оценил озеро Ромеро.

— И большой мощности, — добавил Орлан, с любопытством осматриваясь. — Соединение мощных генераторов со сверхмощными конденсаторами. Очень интересная машина.

Граций с сомнением покачал всем частоколом рук:

— Это не механизм, а живое существо. Оно напоминает наши биологические орудия, но там простое скопление бактерий. Уверен, что Отец-Аккумулятор — мыслящее создание.

Я приказал усилить охранные поля. Ирина взяла пробу озера на анализ. У меня вдруг возникло ощущение, что за нами наблюдают. Оан считал, что Отец-Аккумулятор следит за каждым нашим движением, разбирает каждое наше слово, понимает каждую нашу мысль. Возможно, Оан преувеличивал, но и мне вообразилось, будто озеро безглазое, безногое, безрукое, но живое и что перед нами оно затаилось, что оно охвачено страхом, а не яростью, как думал Оан. Озеро как бы безмолвно упрашивало нас не делать ему зла.

— Отец не уничтожает вас! — удивленно воскликнул Оан.

— Попробовал бы! — пробормотал я. — Постарайся связаться с Отцом, — посоветовал я Ирине, а Оана спросил: — Каков возраст этого зверя?

О возрасте озера Оан ничего не знал, кроме того, что оно уже было когда еще не появились араны. Отец сотворил жизнь, когда ему надоело быть одному — сперва создал Мать, а потом оба они населили планету растениями и аранами. Океан с его хищниками тоже одно из творений Отца.

— Океан, наверно, является отходом производства электроэнергии, — перефразировал Оана Ромеро. — Ибо, сколько я понимаю, Отец — живая электростанция, питающая электрических жителей планеты.

— Итак, будем решать: уничтожаем ли мы Отца, ибо

деятельность его причиняет страдания аранам, — сказал я. — В этом случае надо подарить жителям автоматическую электростанцию, чтобы не прерывалось снабжение их организмов электричеством. Или сохраняем его, но как тогда разряжать пресыщенного электричеством Отца без привлечения к этому делу буйной Матери?

— Уничтожение равносильно убийству, — поспешно сказал галакт.

— Что до сумасбродной Матери, — сказал Ромеро, — то функция ее, очевидно, сводится к ликвидациям излишков электричества. Но эту несложную техническую задачу она решает весьма свирепо. Кто-нибудь видел Мать — Накопительницу молний, Оан?

— Ее нельзя видеть. Она существует лишь в порождаемых ею бурях.

— Иначе говоря, она есть разряд избытков электричества, — сказал я. — Ладно, Оан, больше на планете никто не услышит о грозной Матери. Мы постановляем ее упразднить. Восстановленная плаха примет службу отмененной Матери.

Мы пошли назад. Я помахал рукой озеру. Мне казалось, что оно стало выше и засветилось по-иному. Я не мог отделаться от чувства, что Отец-Аккумулятор благодарит за доброе к нему отношение. Доказать справедливость этого не могу. Ирине не удалось связаться с озером. Отец-Аккумулятор не откликался ни на волны, ни на частицы, ни на силовые поля.

На поверхности я вызвал с «Козерога» механиков. Переоборудование плахи заняло немного времени. Напуганные араны не вылезали из пещер и не мешали монтажу внутри плахи специального устройства для разрядов. Теперь избыток электричества автоматически разряжался, когда потенциал достигал предельного значения. Можно только удивляться, как точно фанатики нашли физическую причину «недовольства Отца» и какие изуверские приемы изыскали, чтобы ввести в норму деятельность электрического сердца планеты. Публичной казнью своих братьев они предотвращали беду. Они, конечно, замечали, что после «осуществления» электрических бурь не бывает. Свирепая Мать после таких акций долго «не гневалась». Но какой зверский способ решения простой технической задачи!

— Адмирал, я придумал, как сохранить наш разрядник от посягательств со стороны паукообразных! — порадовал меня Эллон, руководивший монтажом. — При каждом разряде будет вздыматься огненный столб. Двенадцатиногие бестии побоятся и подходить близко!

— Они станут поклоняться разряднику, как божеству! —

возразил я печально. — Эллон, мы закладываем основу новой религии. И пройдет не один век, пока какой-нибудь гениальный аран поймет, что перед ним не жертвенник божества, не оракул, вещающий высшую волю, а простой механизм для простой операции. А ведь предки аранов строили звездолеты!

На цоколе разрядника, ставшего памятником Лусину, была выбита надпись: «Лусин, человек, астронавт из дальних созвездий. Погиб при спасении местных жителей, безвинно осужденных на казнь». Под надписью была выбита таблица космических шифров. Возможно, будущие поколения аранов сумеют прочесть надпись.

Я попросил Эллона окружить разрядник еще и силовым заборчиком. Теперь каждый аран, пытающийся пробраться к бывшей плахе, встретит на своем пути стену не только непреодолимую, но и способную поддать каждому, кто покусится на нее.

На закате Трех Пыльных Солнц глухой удар, от которого содрогнулись холмы, возвестил, что освобождение от накопленного электричества будет отныне совершаться без фанатических казней и без истребительных бурь. Столб огня взлетел выше холмов, окружавших площадь, только что не развернулся вверху огненным грибом.

Ко мне подошел Оан:

— Вы отбываете, Эли? Вы мои спасители. Вы наши благодетели. Мне будет плохо без вас.

Я молча смотрел на него. В нем была загадка. Весь народ аранов являлся загадкой. Я все не мог отделаться от мысли, что предки этих невежественных, суеверных, фанатичных существ строили космические корабли. И нельзя было утешить себя поверхностной сентенцией, что вот, мол, как складывается судьба — был высокий уровень, стал низким, совершенствование сменилось деградацией. Не было деградации в обычном понимании: Оан своим существованием опровергал ее. Он был такой, как все араны, — и во многом превосходил любого их нас! Разве не увидели мы его в горниле коллапсирующей звезды, куда и близко не осмеливались сунуться наши корабли? Разве не читал он наши мысли со свободой, казавшейся непостижимой? Разве существовал для него барьер нашего разноязычия, такой непреодолимый для нас самих, когда мы лишены дешифраторов? И еще много, много других «разве», возносивших его над нами!

Оан пригнул свои ноги, руководолосы улеглись как причесанные, нижние глаза смотрели преданно и благодарно, верхний, пронзительный, потускнел, в нем не было прежнего пугающего жара, он как бы закатывался в какую-то свою, особую,

тайную глубину…

— Оан! Ты умеешь водить звездолеты. Ты знаешь об искривлении времени больше, чем мы. А твои братья фанатики, а не мыслители. Откуда такие знания? Почему ты не похож на собратьев?

Он ответил с подкупающей искренностью:

— О нет, нас много, сохраняющих древние познания среди современного невежества. Если вы задержались бы на планете, вы бы познакомились с нами.

Задержаться мы не могли.

— Возьмите меня с собой, — попросил он. — Я много знаю о парадоксах времени. Наши предки изучили завихрения и завороты времени в звездных скоплениях. Мы не умели ими воспользоваться, но свято хранили эти знания. Вам они пригодятся.

— А твои друзья, Оан? Смогут ли они остаться без тебя?

— Это просьба также и моих друзей. Они советовали мне присоединиться к вам.

Я раздумывал недолго:

— Садись в планетолет, Оан. Ты будешь со мной на «Козероге».

7

Все поначалу казалось легким. Мы умели уничтожать планеты, когда возникала такая необходимость. Подарить аранам кусочек чистого неба было проще. Любой из звездолетов мог сыграть роль космического дворника. Мы могли и всю эскадру бросить на расчистку пыли в звездном скоплении Гибнущих миров. Камагин настаивал именно на этом, маленькие задачи его не удовлетворяли. Он не встретил поддержки. Мы стремились к результатам поскромней. Было решено расчистить пространство вокруг Тройной звезды и уходить дальше. Мы не собирались собственными глазами увидеть чистые дали в дневном небе Арании. «Запустим один из грузовых звездолетов на автоматическую чистку и поднимем на эскадре паруса», — выразился Олег. Если обратный путь будет пролегать через это же скопление, мы снова присоединим оставленный галактический грузовик к эскадре.

Я и сейчас считаю, что план был хорош. И если он не удался, то не по нашей вине.

Космический дворник назывался «Таран». Одно внушительное название звездолета внушало уверенность, что он со своей задачей справится. Камагин с Эллоном проверили все

устройства корабля — автоматы работали безукоризненно. МУМ на «Таране» была мощная, точная, почти мгновенного действия: на ней проиграли все теоретически возможные варианты неполадок и препятствий, автоматический мозг отлично справился с ними. Я подчеркиваю: возможные варианты. К сожалению, никому не пришло в голову проверить варианты теоретически невозможные, а именно такой и выпал. Никто из нас не хватал так далеко, чтобы выискивать логические несуразности. Невозможностей безмерно больше, чем реально осуществимого. Абсурд обширней разумного. Реально ходят ногами по земле. А среди невозможных способов — хождение на голове, на руках, на плечах, по воде, но воздуху, в вакууме и еще черт знает какие. Пересчет невозможностей бессмысленней гадания на кофейной гуще. Заниматься таким вздором мы не могли. Все мы крепки задним умом.

Не надо думать, будто мы были так безрассудны, что не допускали и мысли о неожиданностях. Слишком уж много необычайного нам удалось увидеть в Гибнущих мирах, чтобы надеяться на абсолютную гладкость операции. Мы считались с наличием неведомых, но мощных сил. Они пока нас не тревожили, но нельзя было ручаться, что и дальше будет так. Наша ошибка была лишь в уверенности, что всякое противодействие будет опираться на законы природы, то есть лежать в рамках логики. Сопротивление, встреченное нами, и вправду опиралось на законы природы, но было вне нашей логики. Мы считали себя разумом природы. Но природа шире того, что охватывал наш разум. Он обслуживал наши маленькие потребности, устанавливал наши возможности, но не сумел бы обслужить все потребности природы, предугадать все ее возможности.

Я сделал это отступление, чтобы стало яснее, что произошло, когда «Таран», кружась по сужающейся спирали, приблизился к Трем Пыльным Солнцам.

Все совершалось по программе. Не только ошибки, малейшей неточности не было! «Таран» превратился в спутника Тройной звезды, самую близкую и самую крохотную ее планетку. А затем корабельная МУМ запустила аннигиляторы вещества. Это не был, конечно, острый луч, поражающий противника, аннигиляторы работали «в производственном варианте», как называл его Ромеро. «Таран» описывал эллипсы вокруг Трех Пыльных Солнц, а за ним ширился шлейф новосотворенного пространства, до того чистого, что в нем и красноватое сияние солнц превращалось в серебристо-голубое, каким оно в реальности и было. «Таран» замыкал петлю за петлей вокруг пылающего в три ока центра,

постепенно отдаляясь от него, а между ним и солнцами высветлялись дали. Несколько десятков земных лет такого кружения звездолета — и ликующие араны увидят если и не ночные яркие звезды — те останутся по-прежнему смутно-красными, — то сияющие дневные светила, животворящие, а не истребляющие. Хоть один уголок в скоплении Гибнущих миров сподобится названия «возрожденный мир»!

Я спустился к дракону. На его лапе сидел Ромеро, у ног Ромеро лежал Мизар. Умный пес еще не пришел в себя после гибели Лусина. Он сторонился нас. Вероятно, он считал, что мы могли бы не допустить гибели его друга и учителя. Даже ворчанием, даже смутной мыслью, на границе возможностей дешифратора, он не разрешил себе попрекнуть нас. Но ходил он теперь только к дракону, тот на Аранию не выползал, и не мог быть обвинен в причастности к катастрофе.

— Все идет хорошо, Бродяга, — сказал я.

— Слишком хорошо, чтобы было хорошо, — отозвался дракон.

— Мне это непонятно — нехорошо, потому что очень хорошо. А тебе, Мизар? — Я погладил пса. — Правда, твой учитель так и не закончил с тобой курса интегрального исчисления, но зато он всегда утверждал, что у тебя логическая хватка сильней, чем хватка зубами, и что ты к тому же одарен талантом подлинного реалиста. Мы, люди, пугаемся фантомов, а ты презрительно игнорируешь их, они только похожи на живых, но у них нет теплоты и запаха живого тела, не так ли? Опровергни дракона, Мизар! Бродяга впал в скептицизм.

— Я теперь ни о чем не думаю, кроме Лусина. Я не могу больше рассуждать по-вашему, — прорычал печально Мизар.

Ромеро сказал:

— Дорогой адмирал, вы напрасно нападаете на нашего уважаемого друга Бродягу. В его аргументации есть нечто, заслуживающее внимания. Наш проницательный друг ставит себя на место Жестоких богов, которых, возможно, вовсе и нет, и прикидывает, как бы он действовал на их месте, хотя они, повторяю, возможно, и не действуют вовсе. И получается, что бездействие в данном конкретном случае — самое сильное действие! Он ни в коем случае не напал бы сразу на звездолет-чистильщик, а раньше присмотрелся к нему, выяснил его цели и физические возможности.

Я возразил:

— Вы рассуждаете, будто Жестокие боги — реальность. А это еще надо доказать. Вера аранов мало о чем свидетельствует. Они верили и в существование Матери — Накопительницы молний, а

мы поставили автоматический разрядник, и зловещая Мать перестала существовать. Она была даже не призраком, а фикцией. Люди, хотя это тебе неизвестно, Бродяга, верили, что Землю населяют могущественные высшие существа — Зевс, Иегова, Вотан, Один, Ормузд, Христос, Аллах, Вицлипуцли, Ваал, Вишну, Кришну. Они их видели, беседовали с ними, получали от них строгие наставления и ценные указания, сообразовывали с их велениями свою жизнь, а их не было. Они были менее реальны, чем наши фантомы, в тех все же есть какой-то вещественный элемент. Боги же — слова, мечта, фантазия! И замечу тебе, Бродяга, далеко не самая фантастичная из человеческих фантазий.

Так завязался очередной разговор о Жестоких правителях Гибнущих миров. На всех звездолетах шли аналогичные беседы.

Мы с Ромеро пошли в обсервационный зал. «Таран» наблюдался отлично. Очень изящен был его стремительный полет среди желтой пыли, окутывавшей Тройную звезду, — чистый простор, создаваемый звездолетом, походил на туннель, только движущийся, непрерывно расширяющийся. Ромеро первый заметил неполадки с «Тараном», МУМ о них объявила секундой позже. Звездолет вдруг заметался, он был похож теперь не на галактический корабль, а на ящерицу, у которой оторвали голову — тело уже мертво, но еще судорожно бьется, оно еще кажется полным энергии. А затем звездолет замер. Аннигиляторы перестали вычерпывать пыль, расширяющиеся круги превратились в мертвый кеплеровский эллипс. Больше не было могучего космического корабля, вольно меняющего структуру пространства. Был пленник пространства, астероид, безжизненный космический кусок материи — крохотная планетка, если судить по масштабам космоса.

Олег вызвал меня к себе. На «Таране» остановились не только аннигиляторы, но и приборы связи. Он не откликался на позывные. Но мыслящий центр корабля продолжал работать, МУМ «Тарана» генерировала слабые сигналы, такие сумбурные, что расшифровать их было нельзя.

— Надо высылать буксир, — хмуро сказал Олег. — Но как проникнуть внутрь «Тарана»? Внешних повреждений не видно, придется вырезать дыры в корпусе, если не сумеем раскрыть ворота.

Ближе всех к «Тарану» находился «Овен». Олег велел Петри привести потерявший ход корабль. Вскоре оба звездолета подошли к «Козерогу». «Таран», превратившийся из корабля в кусок космического вещества, вел себя как простое космическое вещество — покорно двигался в клещах буксирных полей,

послушно отвечал на их импульсы. Если бы он был поменьше, мы усадили бы его на причальной площадке. Вместо этого к звездолету прикрепили ремонтную камеру и прорезали в корпусе лаз. Петри сам доставил на «Козерог» демонтированную МУМ, по виду целую — ни один контакт не поврежден, нигде ни царапины, и сердце машины — крупный нептуниан сверкал прежним глубоким зеленоватым блеском: великолепный кристалл, один из лучших, какие мне приходилось видеть.

— МУМ работает, — сказал Петри. — Она только несет околесицу, порет чепуху, городит чушь… не знаю, какие еще подобрать выражения для ее работы!

МУМ установили на испытательном стенде. Эллон с Ириной проверяли отказавший машинный мозг. Я стоял неподалеку, чтобы не мешать им. Я уже говорил, что Эллона нелегко удивить, а когда он удивляется, то старается это не показывать. На этот раз он и не старался скрыть удивления.

— Адмирал, я поражен! — сказал он. — Защитные поля, предохраняющие МУМ от внешних импульсов, не пробиты, не деформированы, даже не задеты. Она разладилась сама. Внутри схемы возникли неполадки, внутри, адмирал, я исключаю внешние силы. Но и внутри повреждений нет. С такой диковинкой я еще не встречался. Буду проверять отдельно каждую часть схемы.

— Да, проверяйте, — сказал я и пошел к дракону.

Бродяга коротал время с Мизаром.

— Бродяга, — сказал я, — ты лучше нас знаешь природу пространства. Послушай внимательно. На «Таране» вышла из строя МУМ. На нее не действовали никакие внешние силы, никаких сил не возникало внутри. Иначе говоря, в пространстве, через которое вместе с кораблем мчалась МУМ, не произошло ничего. Ты меня понимаешь, Бродяга? Не могло ли воздействовать на корабельный мозг само пространство? Не могло ли всегда пассивное пространство, носитель полей, волн и частиц, вдруг стать активным?

— Я не могу ответить на твой вопрос, — признался дракон. — Я имел дело только с пассивным пространством, которое подчинялось моей воле. Я его скручивал и выпрямлял, сгущал и разрежал. Оно способно порождать собственные волны, которые вы называете волнами пространства, его можно превратить в вещественную материю, вещественную материю можно преобразовать в пространство. Все это так. И все-таки пространство пассивно. Оно не может воздействовать на тела иначе, как посредством возникающих в нем сил.

— И я так думаю. И это важно для дальнейшего. Теперь

посоветуемся с Оаном. Двенадцатиногий мыслитель глубже нашего проник в тайны местного мира, пусть он поделится с нами.

Оан явился вместе с Орланом и Грацием. И демиургу, и галакту тоже захотелось посоветоваться с араном.

Я не успел задать своих вопросов: к дракону пришли Эллон и Олег. Эллон показал диаграмму испытаний МУМ.

— Адмирал, ручаюсь, что тебе еще не приходилось встречаться с чем-нибудь похожим! МУМ на «Таране» путает порядок действий. Она разладилась не физически, а логически. Она переставляет причины и следствия. Следствие у нее идет раньше причины. Убедись сам.

С тяжелым чувством я рассматривал диаграмму. Я не был наладчиком этих сложнейших механизмов, схема самого простого их участка была для меня сущей тайной. Но и моих знаний хватало, чтобы понять, что следствие не может возникнуть до причины. Дождь не прольется до того, как соберутся тучи. Ребенок не родится раньше, чем встретятся будущие отец и мать. Шишка на лбу не вскочит до удара. А здесь была именно такая картина. Здесь дождь шел без туч, ребенок появлялся без матери и отца, шишка вскакивала на лбу до удара. Эллон послал извне импульс в МУМ, она отвечала замыканием цепи — так это происходило реально. А МУМ регистрировала другую картину — раньше замыкала цепи, потом принимала импульс извне. Можно было лишь удивляться, что свихнувшаяся МУМ не взорвала корабль. В трюмах галактического грузовика хранилось достаточно активного вещества, при неправильной команде все оно могло превратиться в подожженную взрывчатку.

Я спросил Оана:

— Ты что-нибудь понимаешь? Можешь разъяснить эту чертовщину?

— Никакой чертовщины, — быстро ответил он каждому мыслью. — Ваша машина заболела. У нее рак времени.

— Заболела? Рак времени?

— Да, заболела. Время разорвалось внутри машины. Одни ее ячейки в прошлом, другие в настоящем, а третьи вынеслись в будущее. Она не сумеет выполнить никакой программы. Рак времени — самая тяжелая болезнь нашего мира.

— Не может ли эта болезнь поразить и нас? — спросил Орлан. Он так вжал голову в плечи, что одни глаза выступали наружу.

— Поразит и вас, если того пожелают Жестокие боги! — уверенно предсказал Оан. — Вот почему я пытался найти выход в иное, не здешнее время. Вы могущественны, вам может повезти

больше, чем мне. А если вы не хотите спасаться в иновремени, лучше вам уходить отсюда. Жестокие боги долго не замечали вас. Но сейчас они взглянули на вас. У них недоброе око.

Он говорил о том, что Жестокие боги наконец воззрились на нас недобрым оком, а я — в который раз — рассматривал его самого. Мне вдруг почудилось, что вижу его впервые. Я, вероятно, до сих пор недостаточно вдумывался в его облик. Оан тихо покачивался на двенадцати мощных, быстрых, легких ногах, каждая содержала восемь сочленений… А на бронированном жесткой кожей тельце возвышалась небольшая голова со странными волосами — не то волосами, не то змеями, не то руками: он мог не только хватать, но и рвать, и присасываться ими. Два нижних глаза глядели на нас, просто глядели, принимали в себя, обыкновенные глаза, темные, с поволокой, такие же, как у меня, у Труба, у дракона, даже у Орлана с Грацием. А третий глаз, над ними, не глядел, а пронзал глубоким сиянием, он излучал, а не принимал чужие лучи, этим глазом Оан и внедрял в наши головы свои мысли, — и я невольно сжался, так его мысли были грозны! У Оана было недоброе око…

8

Если бы от меня потребовали выразить одной фразой желание, овладевшее нами, я сказал бы только: «Клочок чистого неба!» Неведомые противники запретили расчищать межпланетный простор, мы были готовы пойти против любого противника. Неожиданное сопротивление породило порыв. Это у каждого в крови. Наши предки были борцы-богоборцы, освободители, ревнители своей чести и достоинства, — мы не хотели быть трусливей предков.

Олег приказал капитанам прибыть на «Козерог» и пришел ко мне посоветоваться.

— Эли, одним из самых замечательных событий твоего первого похода в Персей было уничтожение Золотой планеты, с такой решительностью и мастерством совершенное Ольгой Трондайк. Я намерен предложить примерно то самое, что вы проделали тогда.

Я попросил разъяснений, он дал их. Ольга, взорвав Золотую планету, создала огромный объем новосотворенного пространства и вывела сквозь него попавший в западню звездолет. В созданном заново пространстве не было пыли, в него не протянулись хищные силовые поля разрушителей, его сразу не могла затянуть паутина неевклидовости. Разрушителям пришлось немало потрудиться, пока они ввели этот свободный простор в

насильственную структуру своего звездного мирка. В скоплении Гибнущих миров господствуют существа, по-видимому превосходящие разрушителей по мощи. Они для чего-то заставляют звезды медленно исходить пылью. Открытое противодействие своим намерениям они пресекают. Но не обмануть ли их? Не поставить ли их перед совершившимся фактом? Не вызвать ли взрывное новообразование пространства? В существующем просторе бороться с рамирами — будем пока так называть их — нам непосильно. Но для овладения новым пространством им понадобится какое-то время — столетия или тысячелетия по земному счету. Все это время на Арании будут видеть ясные дневные дали, араны получат хоть на несколько поколений обещанный клочок чистого неба.

— Главная проблема в твоем плане — скрыть его от рамиров, — сказал я. Олег согласился, что надо придумать надежный метод маскировки.

План понравился всем капитанам кораблей. Аннигилировать планету сумел «Пожиратель пространства», а наши современные звездолеты мощней. И подобрать космическое тело для аннигиляции было еще проще: вокруг Трех Пыльных Солнц вращался с десяток безжизненных планет. Лишь проблема маскировки вызвала споры. Рамиры, если это они Жестокие боги, могут легко воспрепятствовать уничтожению планеты в момент, когда на нее устремится звездолет с включенными боевыми аннигиляторами. Прямой удар, какой нанесла Ольга по Золотой планете, в Гибнущих мирах вряд ли удастся.

— Давайте сделаем операцию двухстадийной, — предложила Ольга. — Если Жестокие боги и воспротивятся уничтожению целой планеты, то вряд ли их возмутит аннигиляция одного звездолета, свободного пространства от такой аннигиляции добавится немного. Но это будет то пространство, которое на время выпадает из их власти. И его как маскировочный туннель сможет использовать звездолет, наносящий главный удар.

Камагин попросил назначить его «Змееносец» для маскировочной аннигиляции. Но ему поручили охрану звездолета, наносящего главный удар: там требовалась не осторожность, а решительность и быстрота — решительностью и быстротой Камагин превосходил всех.

— Ваш «Телец» произведет маскировочную аннигиляцию, — сказал Олег невозмутимому Петри. — Никто лучше вас не справится с такой операцией. А основной удар я попрошу нанести «Овена». Ольга единственная среди нас имеет опыт аннигиляции планет.

Ольга сказала:

— Я согласна выполнить приказ командующего эскадрой, но поставлю одно условие. — Она повернулась ко мне. — Эли, в момент нападения на Золотую планету ты сидел в командирском кресле рядом со мной. Твое присутствие придало мне решительности. Я хотела бы, чтобы ты на время операции переселился на «Овен».

— Ты намерена снова довести меня до полусмерти, чтобы мой ужасный вид вдохновил тебя? — Мы все с удовольствием посмеялись.

После совета капитанов Ольга зашла к нам. Мэри уже знала, что я временно покидаю «Козерог». Возможно, ей это не понравилось, но она не выказала недовольства.

— Надеюсь, ты не будешь ревновать, если я на несколько дней заберу твоего мужа к себе? — спросила Ольга так серьезно и с таким волнением, что Мэри расхохоталась.

— Я ревную мужа только к нему, Ольга. Ибо единственный человек, который забирает у меня бесцеремонно моего Эли, это Эли… Ну тут ты ни навредить, ни помочь мне не сможешь.

Мэри крепко обняла меня, когда я покидал «Козерог».

Подходящую планетку нашли скоро. Единственная трудность заключалась в том, что орбита ее располагалась как раз за орбитой Арании, а мы хотели провести аннигиляцию между Аранией и Тройным Солнцем. Зато Граций установил, что жизни на ней никогда не было, и гарантировал, что и в будущем возникновение какой-либо формы жизни исключено, — с таким планетным ублюдком можно было не церемониться!

Враждебные внешние силы, по-видимому, были равнодушны к перетасовке планетных орбит. Три грузовых звездолета влекли за собой планету по программе, продублированной в каждой их МУМ. Планетка плавно сошла со своей орбиты и по крутому витку спирали заскользила во внутреннее пространство между Аранией и Тремя Пыльными Солнцами.

Я сидел в кресле рядом с Ольгой. Ольга готовилась ко второму этапу операции, я всматривался, вслушивался, вдумывался в космос. Все вокруг оставалось безмятежно спокойным, это и радовало, и беспокоило. «Змееносец», «Телец» и «Козерог» держались в стороне, их огни виднелись лишь в умножителе, корабли с экипажами должны были оставаться в стороне, чтобы не попасть в фокус внезапного противодействия, если оно разразится во время смены орбиты. Сменой орбиты руководил Эллон, он сидел сейчас в командирском зале рядом с Олегом. Однажды он уже помог нам вышибить планету-разбойника в какие-то неведомые тартарары, сейчас по точно такой же гравитационной улитке очень плавно, очень уверенно

выводил вторую планету на новую орбиту, где ее ждала гибель. В улитку ввинчивались — собственно, они и создавали ее — три автоматических корабля, крохотных сравнительно со своей добычей, за ними мчалась их огромная жертва.

— Орбита взрыва достигнута, Эли, — сказала Ольга. — Петри выдвигается на дистанцию прямой аннигиляции. Скоро настанет и наш черед — рваться в свободный туннель.

Наш черед не настал. Настал черед враждебных сил. Ужас того, что произошло на наших глазах, будет жить в моей памяти, пока не умру.

Планета находилась теперь на внутренней орбите, точно между Тремя Солнцами и Аранией. Она вышла из гравитационной улитки и свободно неслась по новой орбите. Впереди мчались компактной группкой три автоматических звездолета, позади такой же группой двигались остальные галактические грузовики, а один, обреченный на аннигиляцию, несся рядом с планетой. «Овен» занял дистанцию вторжения на линии, соединявшей Аранию и Три Солнца. «Телец» появился со стороны. Он должен был нанести мгновенный боевой удар по обреченному звездолету и, так же мгновенно выключив аннигиляторы, отлететь назад в вихре новосотворенного пространства, а в самый центр бури, по прямой на планету, экранированные от внешних воздействий, ворвемся мы на «Овне». Таков был план. И, видя в умножителе летящего «Тельца», я видел одновременно — мысленно, конечно, — самого Петри. Спокойный капитан «Тельца» наклонился в кресле, он всматривался в вырастающий на экране обреченный звездолет, он поднял руку, еще секунда — и он опустит ее с возгласом: «Удар!». Но удар нанес не он.

Это был все тот же луч, тот же проклятый луч, терзавший Красную звезду! На этот раз он был поменьше и не разлегся на все видимое пространство губительной светящейся трубой, а вынесся из дымной дали и мгновенно иссяк. И ударил он не в планету, не в буксирные звездолеты впереди, не в сопровождающие звездолеты позади, даже не в назначенный для раскрытия космических ворот корабль рядом с планетой, а точно в «Тельца»!

Взрыв, неистово несущийся огненный шар, облачко накаленной добела пыли — вот что мы увидели на месте, где только что мчался грозный корабль, оборудованный совершенными машинами, имевший среди членов экипажа и людей, и демиургов. Не было больше корабля, не было больше людей, не было демиургов — даже трупов не осталось! Была одна пыль, сияющая, разлетающаяся, погасающая пыль.

И еще мы увидели, как передние и задние звездолеты, спутав рассчитанные траектории, несутся один на другого, смешиваются в общей пылающей куче, — взрыв за взрывом отмечал гибель кораблей. Флот погибал на наших глазах, мы ничем не могли помочь грузовым кораблям, мы сами должны были погибнуть, как и они, как погибли перед тем наши друзья на «Тельце». Я вдавился всем лицом в умножитель. В пылающее месиво кораблей устремился «Козерог»; на нем потеряли управление. Я до крови укусил свою руку, зарычал от бешенства и отчаяния. Я не мог видеть, не хотел видеть гибели «Козерога», какая-то сила отшвыривала меня от умножителя. Я боролся с собой, я должен был все видеть, чтобы понять, что происходит. И чтобы страшно отомстить виновникам катастрофы, если сам останусь жив!

Каким-то чудом «Козерог» вдруг отвернул от костра пылающих кораблей и унесся в пыльную мглу. А «Змееносец» успел сделать поворот еще раньше и огибал эпицентр катастрофы по плавной кривой.

Обессиленный, я откинулся в кресле. И тут только сообразил, что меня отчаянно дергает Ольга.

— Эли! Эли, очнись! — взывала она. — У нас отказала МУМ, я не могу передать ни одного приказа двигателям! Нас несет на грузовые корабли!

Не знаю, как быстро дошел до моего сознания испуганный призыв Ольги. Вероятно, меня пробудило искаженное ужасом ее лицо, я до того и не подозревал, что она способна испытывать ужас, что обстоятельства могут совпасть так, что неизменное ее рассудительное спокойствие начисто выметет. И я понимал в тот первый момент возвратившегося сознания, что нельзя давать разрастись в ней слепому ужасу, — что бы ни случилось с кораблем, командир обязан сохранить ясность мысли, иначе совсем уж будет плохо!

— Без паники! — крикнул я. — Переходим на ручное управление!

Но переходить было не на что — ручное управление, как и все автоматические системы, не работало. Сотнями глаз я впивался в панель ручного управления, стоявшую рядом с моим командирским креслом, сотнями пальцев хватал ее кнопки и рычажки — ничто не действовало! И вдруг я вспомнил, что есть одна цепь, которую нельзя ни выключить, ни блокировать и которая единственная не подчиняется мысленному приказу, а только механическому повороту ключа, — цепь системы зарядов, взрывающих корабль. Это была моя цепь, я в школе рассчитывал ее, я знал когда-то каждый ее контакт, каждое сопряжение проводов. Она предназначалась лишь для того, чтобы в

чрезвычайных условиях уничтожить корабль изнутри, это была цепь отчаяния, а не надежды. Только она сейчас могла спасти нас.

— Ключ! — взревел я, хватая Ольгу за руку. — Ключ от взрывных камер!

Она отшатнулась от меня. Бледная от страха, она стала совсем белой. Она пыталась успокоить меня.

— Может быть, мы не погибнем! — лепетала она. — Эли, Эли, я еще надеюсь…

Я готов был задушить ее. Надежды не было. Нас несло в центр звездолетной свалки.

— Дура! Я не собираюсь устраивать самоубийство! Немедленно ключ, Ольга!

Трясущимися руками она расстегнула кофточку. Ключ висел на груди. Негнущиеся пальцы не могли отвязать цепочку. Я сам рванул ее — ключ оказался у меня в руках. Я бросился к дальней панели, там было одно отверстие, запечатанное, никто не имел права срывать печать, я сорвал, вдвинул ключ, осторожно повернул его. «Спокойно, слышишь, Эли, спокойно! — мысленно крикнул я на себя. — Одна треть поворота, первый контакт, ошибка непоправима!»

Тяжкий взрыв потряс звездолет. Правая задняя часть, та самая, где смонтированы наши грозные боевые аннигиляторы, перестала существовать. Перестала существовать могущественная звездная крепость, способная уничтожать планеты и рассеивать неприятельские флоты. Но звездолет остался, он был жив, хотя и лишился вооружения, от страшного удара его повернуло влево, он уклонился от гибельного костра кораблей, унесся в сторону, — и сделалось это, возможно, в ту последнюю секунду, что еще имелась у нас для спасения.

— Ох! — вскрикнула Ольга, падая в кресло.

Несколько минут мы молчали. В командирский зал не доносились шумы корабля, а во всех его помещениях и коридорах в эту минуту сновали люди и звездные друзья — растерянные, полностью вытерпевшие и ужас неминуемой гибели, и радость неожиданного спасения: не знаю уж, что сильнее ударило по нервам — ожидание ли смерти или избавление от нее. Ольга слабым голосом произнесла:

— Эли, какая катастрофа! Я ничего не могу понять! Какая сила могла заблокировать наши МУМ, они ведь так защищены от посторонних воздействий! Почему ты молчишь, Эли? Мне страшно, не молчи, я же ничего не понимаю!..

Я сказал, стараясь сохранить спокойствие:

— Я молчал оттого, что все понимаю. Рамиры объявили нам войну. Они уничтожили эскадру Аллана и твоего мужа, Ольга.

Теперь настал наш черед.

Она смотрела на меня округленными, полубезумными глазами.

— Я привыкла верить тебе, Эли, я всегда верила в каждое твое слово… Но ведь не могли же они знать, что именно Петри начинает операцию, не я, не Камагин, не Осима, а Петри! Это знали только мы на кораблях. А рамиры ударили по одному Петри!

— Нам тоже досталось, не забывай, что наши МУМ заблокированы, — мрачно возразил я. — А что до того, как они могли узнать наши планы, то вопрос решается просто. На наши корабли проник их лазутчик!

— Ты сказал — лазутчик, Эли?

— Тебе не нравится это слово? Тогда шпион, соглядатай, разведчик, филер, стукач, предатель, тайный агент, — выбирай любое! И находится он на флагманском корабле. Он на «Козероге», Ольга!

Часть третья
РАЗОРВАННАЯ СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Порвалась дней связующая нить.
Как мне обрывки их соединить!

В. Шекспир

ЗЕВС. Асклепий и Геракл, перестаньте спорить друг с другом, как люди! Это неприлично и недопустимо на пире богов.

ГЕРАКЛ. Зевс, неужели ты позволишь этому колдуну возлежать выше меня?

АСКЛЕПИЙ. Клянусь Зевсом, так и должно быть: я это заслужил больше тебя.

Лукиан

Он мне сказал: «Я верный друг!»
И моего коснулся платья.
Как непохожи на объятья
Прикосновенья этих рук!

А. Ахматова

1

О восстановлении не приходилось и думать: в корпусе корабля зияла исполинская рана. Конструкторы сделали все, чтобы возможный противник не только не завладел аннигиляторами, но и не сумел догадаться, какие машины находились в правой корме звездолета. После осмотра разрушений Ольга призналась:

— Мне и в голову не пришло, что можно так выправить траекторию корабля. Я растерялась. Уничтожение аннигиляторов — такой недопустимый вариант защиты… Я носила ключ как брелок или медальон. Как ты мог вспомнить о ключе, Эли?

— Вероятно, потому, что я в последние дни думаю только о недопустимом, — сказал я. — Мысли мои поглощены одними невероятностями. К тому же, когда мы сдали «Волопас» Орлану

неповрежденным, я часто в плену вспоминал, что был еще такой выход, как уничтожение аннигиляторов.

— К счастью, вам тогда удалось ограничиться перепутыванием схемы МУМ.

— Что сегодня за нас, кажется, сделали враги, — с горечью сказал я.

К этому времени стало ясно, что и МУМ быстро не восстановить. Внешне она казалась такой же неповрежденной, как и МУМ «Тарана». Но если та как-то действовала, путая причины со следствиями, то эта не принимала и не выдавала сигналов. Она просто не работала. Была непостижимая сложность в сочетании слов: «Просто не работала!»

Зато ручное управление удалось наладить. «Овен» опять мог двигаться, но примитивным движением, без сверхбыстрых расчетов ситуации. Он потерял свою мгновенную ориентировку в космосе. Он был быстр, сообразителен и точен лишь в меру быстроты, сообразительности и точности дежурных штурманов. Для галактических рейсов такой корабль уже не годился.

Ожившая связь донесла депешу Олега:

> «Сообщите, что с вами? „Овен“! Сообщите, что с вами? Сообщите, что с вами?…»

Следующим извещением было приглашение мне и Ольге прибыть на флагманский звездолет и информация о потерях. Погибло три четверти эскадры — «Телец» и двенадцать галактических грузовиков из четырнадцати. На «Козероге» и «Змееносце» тоже были разлажены МУМ, и механики не давали гарантии быстрого восстановления. Мы с Ольгой сели в планетолет.

На «Козероге» мне на грудь кинулась Мэри. Она оплакивала меня, будто я погиб. Я вытер ее слезы и посоветовал вглядеться: я живой, еще крепкий и долго собираюсь остаться таким!

— Я потеряла сознание от ужаса, когда увидела, куда несет «Овна»! — Она всматривалась в меня, словно все не верила, что я возвратился. — Вы были так близко от эпицентра взрыва!

Лишь теперь до меня дошло, что испытывали на «Змееносце» и «Козероге». Я страшился за них, но еще больше оснований они имели страшиться за нас.

Ромеро горестно сказал тем цитирующим голосом, какой всегда появляется, когда он прибегает к примерам из истории:

— Принесли «Тельца» на заклание, дорогой адмирал. Как ни скорбно, но нужно признаться, что враги могущественней нас.

— Могущественней ли — не знаю, но хитрей — да, Павел.

А подавленному Олегу я сказал:

— Прошлого не вернуть, будем думать о будущем. Я тебе задам один вопрос — постарайся ответить точно. Разладка вашей МУМ происходила двукратно — так? МУМ отказала, потом какие-то секунды снова работала и опять отказала — уже окончательно. Я правильно рисую картину?

— Все происходило именно так, — сказал он, удивленный. — Какой ты делаешь отсюда вывод?

— Очень важный, — заверил я и потребовал узкого совещания — капитаны звездолетов, я, Ромеро, Граций, Орлан, Бродяга.

Потом я пошел в консерватор. В прозрачном саркофаге, навеки невозвратимый и навеки нетленный, лежал Лусин, такой обычный, такой как бы задремавший, что нельзя было только стоять и молча смотреть на него. И я сказал ему:

— Лусин, ты знаешь, я никогда не мстил. Даже за сына, погибшего на Третьей планете, не захотел мстить. Он изнемог в прямой борьбе с прямым врагом, мы попросту оказались в тот момент слабей врагов. Нет, я не мстил за Астра, ты это знаешь, Лусин! Ты добр, ты нежен душой, Лусин, ты не позволил бы мне мстить. Но за тебя я отомщу! Ты пал жертвой коварства, а не в честном бою, я должен отомстить за тебя, Лусин! И за Петри, и за всех товарищей на «Тельце»! И за Аллана и Леонида! И за аранов — некогда могучий народ, сегодня жалкий, забывший науку, впавший в суеверие! Не спорь, Лусин! Не возмущайся моей жестокостью. Враги не оставили нам другого выхода, кроме как быть жестокими. Мне тяжело, мне бесконечно тяжело, Лусин! Но пойми — нет другого выхода!

Так я говорил с ним, так ему одному открывал свою душу, даже Мэри не смог бы сказать того, в чем признавался и о чем предупреждал его. И я ушел из консерватора если не успокоенный, то просветленный: очистил себя от сомнений, знал, что отныне не дам себя разжалобить. Наш путь будет труден, возможно, долог, — я пройду его до конца! Никто не знает своего будущего. Путь и вправду вышел долог, но нет ему конца!

Совещание созовем в помещении, экранированном от всех служб и комнат корабля, — такое требование я поставил Олегу. Он не нашел лучшего места, чем обиталище дракона, в других экранированных помещениях Бродяга бы не поместился. Все уже были на месте, когда я пришел. Камагин и Осима сообщили, что происходило на «Змееносце» и «Козероге», Ольга добавила рассказ об «Овне». Неведомое поле на всех кораблях отключило МУМ от исполнительных механизмов — на «Змееносце» и «Овне» разом, на «Козероге» — дважды: кратковременное повторное включение продолжалось несколько секунд, но было достаточно,

чтобы изменить курс и отвратить гибель. Ручное управление на «Овне» и «Козероге» удалось быстро восстановить, на «Змееносце» оно не блокировалось. Все корабли до ремонта МУМ были не пригодны для продолжения рейса к ядру, да и к возвращению на базу тоже. «Овен» пострадал так сильно, что мог быть использован лишь как галактический грузовик. Таким образом, от огромной эскадры остались лишь два малодееспособных звездолета и три грузовых корабля.

Олег обратился ко мне:

— Совещание созвано по твоему желанию, Эли. Ты обещал сделать важное сообщение. Мы слушаем, Эли.

Я начал с того, что задал дракону вопрос:

— Бродяга, может ли биологический мозг, могучий мозг, скажем твой, вмешаться в работу МУМ, и не так, как мы вмешиваемся, отдавая команды, а как бы дублируя работу всех ее цепей?

Дракон смотрел на меня без обычной иронии. Вопрос был слишком серьезен, чтобы расцвечивать его шуточками.

— Ты слишком много требуешь от обыкновенного биологического мозга, Эли. МУМ производит вычисления со скоростью триллионов комбинаций в секунду, биологический мозг на это не способен. Биологический мозг не математичен, не аналитичен, он не так раскрывает анатомию ситуаций, как охватывает ее пейзажно… Именно так я работал на Третьей планете.

— Ты сказал, Бродяга: обыкновенный биологический мозг — и тут же доказал необыкновенность обыкновенного мозга. Но оставим это. Хорошо, пусть не биологический мозг. Если уж создан такой мыслящий механизм, как МУМ, то могут появиться и конструкции, превосходящие ее. И если такая конструкция, такой мыслящий сверхмощный механизм имеется на нашей эскадре и, работая в унисон с нашими МУМ, пожелал грубо затормозить их, то это объяснит природу аварии, не так ли?

Бродяга промолчал. Олег с недоверием заметил:

— Нужно предварительно доказать, что могущественный враждебный мозг реально находится на одном из кораблей.

— Он находится на «Козероге».

— Его имя! — крикнул Эллон.

Он не любил поднимать вверх голову, но сейчас она взлетела выше, чем это проделывал Орлан. Глубокие глаза демиурга пылали, огромный рот хищно вызмеился. Ручаюсь, Эллон решил, что я намекаю на него. Я холодно сказал:

— Успокойся, Эллон. Если бы я имел в виду тебя, ты не был бы приглашен на совещание. Тайного лазутчика врагов зовут Оан.

Я дал время вдуматься в мое утверждение. Все заговорили разом. Я попросил, чтобы мне поставили вопросы, на которые я должен ответить. Камагин сказал, что, работая в унисон с МУМ, искажая каждый ее импульс встречными импульсами, надо быть таким же быстродействующим, как МУМ, а для живого существа, как только что объяснено это неосуществимо; нужно, стало быть, доказать, что Оан — не существо, а конструкция в облике существа. Осима добавил, что МУМ потребляет немало специфической энергии специализированных полей, — где Оан мог получить тайно такую энергию? Ольга тоже высказала сомнение: лазутчик, вмешавшись в работу трех МУМ, должен передавать свои команды на другие звездолеты при помощи каких-то полей, но в пространстве они не зафиксированы. Не мог же он производить физическое действие без физических полей! Орлан заметил, что лазутчик должен постигать замыслы астронавтов, не присутствуя при их разговорах, должен стать соглядатаем их мыслей, даже для демиургов это недостижимо, а в Империи разрушителей техника подглядывания и подслушивания стояла на высоте, — вряд ли кто усомнится в том!

— И у нас кругом такие экраны! — поделился своими соображениями Граций. — Не могу представить себе, как, например, отсюда могла бы произойти утечка информации. А другие помещения только поменьше, но экранированы не хуже.

— Короче, он должен содержать в себе что-то сверхъестественное, — подвел итог Олег.

Я ответил сразу всем:

— Что называть сверхъестественным? Любому предку наша способность аннигилировать пространство и двигаться со сверхсветовой скоростью показалась бы сверхъестественной, а мы — рядовые, смертные люди. Я настаиваю на одном: мы встретились с удивительными явлениями, объяснение их не может быть неудивительным!

И я напомнил, как попал к нам Оан. Он хотел вынырнуть в иные миры в каком-то обратном времени. Если объяснение правильно, то оно удивительно, ибо противоречит тому, что мы пока знаем о течении времени во Вселенной. Все спутники Оана погибли, он один уцелел. Не вторая ли удивительность? Он не только выкрал звездолет, конструкция которого и нам неясна, но и сумел технически овладеть им и вырваться на нем в космос, отыскал коллапсирующую звезду, ринулся в ее недра, вырвался из ее смертельных объятий, — не слишком ли длинна цепочка удивительностей? И все эти действия, превосходящие умения и знания людей, демиургов и галактов, совершены представителем полудикарского народа! Не самая ли это большая из

удивительностей? Кто он среди своих? Свой или чужой? Он обронил, что Жестокие боги живут среди аранов в облике аранов. Вот он кто, этот паукообразный мыслитель и инженер, — лазутчик рамиров в стане аранов! Разведчик — такова его сущность, лишь камуфлированная внешней благопристойностью.

— А познакомившись с нами, Оан сменил профессию соглядатая среди аранов на профессию соглядатая среди нас, — продолжал я. — Он, конечно, не мог трансформироваться в человека, демиурга, галакта, ангела или дракона. Нас мало, мы сразу бы разоблачили обманщика. Но в прежнем облике разгадывать наши планы, выводить из строя наши машины — это он мог. А теперь я докажу, что Оан не только грязный шпион и опасный диверсант, но и гнусный террорист. Он виновник смерти Лусина, он, а вовсе не какие-то случайности! Обернитесь к экрану.

На экране появилась картина гибели Лусина. Я много раз разглядывал в одиночестве эту горестную ленту. Меня постоянно мучило ощущение, что я чего-то не ухватываю, чего-то важного не разгадываю. И, только возвратившись на «Козерог» после катастрофы со звездолетами, я понял, где нужно искать решение загадки.

— Я взял многоканальный хронометр, друзья. Одни каналы настроены на наши индивидуальные поля, другие ведут поиск полей неизвестных. Смотрите на экран! Вот Лусин и вцепившийся в него оберегатель. Проверьте концентрацию ваших полей на Лусине — не правда ли, высокая синхронность? А вот Лусин сбрасывает поле, разящее бросившихся на него ускорителей, и сам рушится в печь от рывка вцепившегося арана. Вот снова Лусин вызывает охранное поле. Проверьте, время, друзья! Лусин вызывает спасительное поле за одну десятую секунды до того, как замыкаются контакты печи. Одной десятой секунды с лихвой достаточно для спасения! Но поле не появилось, смотрите, смотрите — оно есть и его нет! Оно заблокировано чужим полем, неожиданным полем — наши приборы не засекли его, но оно есть, оно затормозило наши поля: время вызова поля и время начала его действия разделены одной десятой секунды — невероятно длительный интервал! А рядом, взгляните и на это, стоит Оан, ровно одну десятую секунды, именно эту одну десятую стоит неподвижно, а потом сделал движение в сторону — и с точностью до микросекунды движение его совпадает с исчезновением тормозного поля. Кто, как не он, прогенерировал тормозное поле, погубившее Лусина? Через кого, как не через него, вырвался на одну десятую секунды невидимый тормоз?

Я с вызовом оглядел собравшихся. Граций покачал головой:

— Эли, твои соображения впечатляющи, но прямые доказательства в них отсутствуют. Даже наши великолепные анализаторы не обнаружили противополя Оана, а только оно могло бы послужить прямым доказательством. Вспомни, что ни один аран не способен порождать силовые поля.

— Присмотритесь тогда к другому кадру! Ударило наше концентрированное в Лусине поле — аранов точно камни из пращи расшвыривает по площади. Лишь один стоит неподвижно, как чугунная статуя на легком ветерке. И этот единственный — опять Оан! Сделайте элементарнейший расчет: сколько должен весить Оан, чтобы вот так, не качнувшись, устоять в силовом потоке?

Ольга быстро сказала:

— Не меньше ста пятидесяти тонн!

— Ста пятидесяти тонн, друзья! А Оан не весит и ста килограммов! Неужели и это не убедительно? Неужели и тут остается место сомнениям?

И опять мне ответили молчанием. Ромеро осторожно сказал:

— Адмирал, вы показываете нам причину гибели Лусина. Но то, что убило, не всегда убийца, во всяком случае, в преступном смысле. Я бы предложил поговорить с самим Оаном.

— Дружески беседовать с убийцей Лусина, Павел? Приятельски расспрашивать его? — Я не скрыл возмущения.

— Зачем дружески? Зачем расспросы? В старину для подобных бесед существовал деловой термин «допрос». Допросы бывали с пристрастием и без пристрастия. Хорошо бы Оану устроить допрос с пристрастием. И провести его должны вы в роли следователя или прокурора, а мы будем присутствовать в качестве тех фигур, которые в древнем суде назывались судьями, народными заседателями, адвокатами, а также свидетелями и зрителями.

— Странные порядки существовали в вашей древней истории, — промолвил Граций. — Расспросы и допросы, с пристрастием и без, судьи, заседатели, прокуроры, адвокаты, свидетели, зрители… Вы, наверно, очень увлекались судейскими зрелищами. Вероятно, они относились к театру, которым ваши предки, кажется, тоже увлекались?

— Вот уж к театру судьи и прокуроры не имели отношения, — заверил его Ромеро. — Это, впрочем, не относится к зрителям. Зрители в театрах всегда бывали, особенно когда актеры играли в пьесах преступников и прокуроров. Это всегда было захватывающе интересно.

Ромеро, наверно, еще разглагольствовал бы о древних обычаях, но Олег вернул нас к теме. Против допроса Оана я

возражать не мог. Было решено произвести допрос завтра. Нетерпеливый Камагин хотел было немедленно вызвать арана, но на это не согласился я: надо было подготовиться к допросу не только психологически, но и технически.

— Поговорим теперь о луче, поразившем «Тельца», — предложил Олег.

О луче говорить было нечего, о луче мы ничего не знали. Я повторил то, что уже объяснял Ольге: рамиры начали войну, луч — их истребительное оружие, таким же лучом они уничтожили эскадру Аллана. Ольга заметила, что если это так, то неведомые противники искусно варьируют силу оружия: экипажи первой эскадры погибли, а звездолеты возвратились на базу, ни один из автоматов не сбился с заданного курса. С «Тельцом» расправились беспощадней — он был начисто испепелен. Удар по Красной был еще беспощадней: там практически погибало космическое светило, а не крохотный, по галактическим меркам, корабль.

Надо смотреть правде в глаза: защиты против такого оружия мы не имеем!

— Постараюсь что-нибудь выведать о луче на завтрашнем допросе, — пообещал я. — Если бы узнать, как его генерируют, можно было бы подумать и о средствах защиты.

— Задержись, адмирал, — сказал мне Эллон, когда все стали расходиться. Я по обыкновению присел на лапу дракона. Эллон заговорил, жутко искривившись: — Ты меня убедил, Оан — посланец рамиров. Но не легкомысленно ли устраивать открытый допрос? Если Оан тот, за кого мы его принимаем, он на допрос ответит расправой с нами.

— Почему ты не сказал этого на совещании, Эллон?

Он еще презрительней покривился:

— Я не поклонник больших совещаний, которые так обожают люди. И у меня есть личная причина говорить наедине. Я скажу ее потом. Поразмысли, адмирал. Допрос может накликать новое нападение. У меня нет страха смерти, который так силен у вас и галактов. Мы, демиурги, в этом смысле совершеннее. Но мне жаль Ирину… И тебя жаль, адмирал.

Лазутчик рамиров, конечно, мог на разоблачение его тайной роли ответить ударом: скинуть маску, как назвал бы Ромеро такой переход от шпионажа к сражению. Но неужели и дальше терпеть на борту предателя? Я похлопал дракона по лапе:

— Бродяга, ты один промолчал на совете. Скажи что-нибудь.

— Эллон прав, — прошепелявил дракон, скосив на меня выпуклый оранжево-зеленый глаз. — Допрос опасен. Ты хочешь припереть Оана к стенке, а его нужно обходить стороной. Благоразумней отказаться от допроса, Эли.

— Всего благоразумней было бы вообще не соваться в звездное скопление Гибнущих миров! Движущие силы людей далеко не всегда опираются на одно благоразумие. Оставим эту тему. Оана надо разоблачить!

— Тогда поговорим о другом, поле Оана в сто пятьдесят тонн — пустяк для моих генераторов, даже с тысячью тонн я справлюсь. Но нужно помещение, куда было бы удобно сфокусировать охранные генераторы. И надежное экранирование, чтобы Оан не связался со своими. Проводи допрос в консерваторе, — очень по-деловому сказал Эллон. — Только там я смогу обеспечить безопасность.

— Хорошо, пусть будет консерватор. Бродяга не сумеет присутствовать на допросе, но мы покажем ему стереофильм.

— Еще один вопрос, адмирал. Как ты собираешься допрашивать Оана, если он заранее знает все твои еще не поставленные вопросы? Или ты забыл о его способности свободно проникать в наши мысли?

— Постараюсь контролировать свои мысли. О чем я в данный момент не буду думать, того Оан не узнает.

— Правильно, адмирал. Мы с Ириной провели исследование мыслительных способностей Оана. Без его ведома, конечно. И мы узнали, что Оан читает только возникающие в его присутствии мысли. Знания, просто хранящиеся в нашем мозгу, ему недоступны.

— Почему это так, вы тоже раскрыли?

— Наверное, как и все электрические пауки, Оан обладает изощренной способностью воспринимать микропотенциалы мозга. Он электрически ощущает наши мысли — вот и вся разгадка. И завтра я устрою ему неожиданность: наполню консерватор микроразрядами, которые затушуют электрическую картину мозга. А ты, адмирал, не напирай на отдельные мысли, чтобы не усиливать своих потенциалов.

— Спасибо, что предупредил. Теперь скажи, Эллон, какая у тебя личная причина беседовать не при всех?

— Ты не догадываешься, адмирал?

Его сумрачные глаза горели. Самолюбие, столь непомерное, что перекрывало силу всех остальных чувств, звучало в каждом слове.

— Мне показалось, ты нервничал, пока я не назвал Оана. Уж не опасался ли ты, что предателем я объявлю тебя?

— Да, да! — закричал он, подпрыгивая на тонких ногах. — Именно этого я опасался! И знаешь, о чем я думал?

— Откуда мне знать твои мысли?

— А надо бы, адмирал! Оан читает наши мысли — и ему

проще, чем нам. Я думал о том, что, если ты обвинишь меня, я не сумею оправдаться. Обвинение будет сильней оправданий, ибо целенаправленно, ибо подбирает только нужные факты, а остальные игнорирует, ибо выстраивает подобранные факты в прочную связь причин и следствий… Меня охватил страх, адмирал!

— Не думал, что тебе знакомо такое чувство, Эллон.

— Оно мне незнакомо, когда думаю о врагах. Но вас — боюсь! Боюсь не силы вашей, а ваших заблуждений. Убедительности ошибок, доказательности просчетов, заразительности непонимания!.. Мы — разные. Между нами — отчуждение. Быть может, лишь через тысячу лет его преодолеют… Я испугался, Эли, признаюсь.

Я положил руку на его плечо. Он не был человеком и любил подчеркивать свою нечеловечность. Он фрондировал своей особостью. Если бы на звездолете имелись дети, он с наслаждением пугал бы их. Но он был иной, чем старался казаться. Я ласково сказал:

— Ты недооцениваешь человеческую проницательность, Эллон.

— Не потеряй свою человеческую проницательность при завтрашнем допросе, — предостерег он.

2

Вечер мы провели с Мэри вдвоем. Мне хотелось сосредоточиться. Мэри не мешает моей мысли течь в избранном направлении, она так вписывается в ее течение, будто мы не две, а одна голова. Свое упрямство, насмешки и упреки Мэри приберегает для других случаев, там она отводит душу. В серьезных делах она серьезна. Нелепо было бы говорить, что я люблю ее только за это. Она — моя половина: выражение затрепанно, но я ощущаю его смысл с такой остротой, словно оно первоосознано мною: открытие, а не штамп.

— Как ты полагаешь, Оан не фантом? — спросила она, когда я как раз об этом подумал.

Я возразил себе и ей:

— Это было бы уж слишком!

— Почему слишком? Наши предки научились передавать на экран оптические образы, мы способны переносить свое изображение на дальние расстояния и вести разговор с изображением, как с самим человеком. Демиурги наделяют своих фантомов изрядной долей вещественности. Не продвинулись ли рамиры еще дальше по пути уменьшения призрачности? Не

нашли ли они способ дублировать полностью телесный облик? Мне кажется, это проблема технического уровня, а не принципа.

Всем нам являлись подобные мысли, Мэри только отчетливей их высказала. К тому же и Оан проговорился, что Жестокие боги в облике аранов частенько появляются на планете. Мы влезали в скафандр, изображавший арана, а у них избранный образ становится собственным телом. Разница на словах была проста, но начинала кружиться голова, когда я вдумывался, какой технический скачок должен разделять обе цивилизации, чтобы стала возможной такая разница.

Мысли эти так захватили меня, что я утром пришел к Ольге посоветоваться. Ольга поселилась у Ирины, хотя на корабле были свободные помещения и Олег предложил ей любое. Ирина собиралась в лабораторию, Ольга что-то вычисляла.

— Если ты не можешь жить без расчетов, то сделай и для меня один расчетик, — сказал я. — Определи, пожалуйста, степень вещественности привидений.

— Привидений, Эли? Каких привидений?

— Всевозможных. Начни с какой-нибудь бабушки английского лорда, погибшей насильственной смертью, и закончи Оаном.

— Разве Оан — призрак?

— Вот это я и хочу от тебя услышать.

Ольга спокойно уселась за новое вычисление. Уверен, что, если бы ее спросили, какой из дюжины дьяволов всех дьявольней, а какой из десятка богов всех божественней, она и тут, не расспрашивая, существуют ли реально дьяволы и боги, принялась бы спокойно решать простую математическую задачу. МУМ с ее бездной сведений не могла быть использована, и Ольга послала запрос в корабельную библиотеку, где хранились академические ленты на все случаи жизни. Я с любопытством смотрел, как в окошке вычислительной машинки, по клавишам которой выстукивала Ольга свои вопросы, выстраивались колонки восьмизначных цифр. Ни одна мне ничего не говорила.

— Предварительный ответ готов. Возможные погрешности не превышают четырех с половиной процентов, — сказала Ольга. — Что касается призраков умерших лордов и их жен, слоняющихся по комнатам старых замков, то у них довольно высокая вещественность — от восемнадцати до двадцати двух процентов. Статуя командора, погубившая Дон-Жуана, обладала тридцатью семью процентами вещественности. Тень отца Гамлета — двадцатью девятью. Знаменитое Кентервильское привидение побило рекорд — тридцать девять. Наоборот, образы героев древнего кинематографа никогда не поднимались выше четырех

процентов…

— Постой, постой, что за чепуха! — прервал я. — Ни Каменного гостя, ни лордов-призраков реально не существовало, а ты им приписываешь такой высокий процент вещественности. Физически же изображенные на экране люди у тебя призрачней самих призраков. Как понять такую несуразицу?

— Несуразицы нет, — сказала Ольга. — Вещественность призрака — понятие не только физическое, но и психологическое. И привидения средневековых замков, и Каменный гость с Тенью отца Гамлета были столь психологически достоверны, что это одно перекрывало всю их, так сказать, нефизичность. Разве не известны случаи, когда обжигались до волдырей, прикасаясь к куску холодного железа, если верили, что железо раскалено? А о героях кино наперед знали, что они не более чем оптические изображения. Их призрачность объявлялась заранее.

— Хорошо. Продолжай, Ольга. Что ты скажешь о призрачности Оана?

— Раньше я скажу о фантомах разрушителей. Призрак Орлана, возникший у вас на «Волопасе», обладал по крайней мере пятьюдесятью процентами вещественности. Вообще же пятьдесят процентов телесности было верхней границей призрачных достижений разрушителей, они творили наполовину реальные привидения. Наоборот, у привидений, созданных Андре в битве на Третьей планете, телесность была ниже. Андре не сумел повторить успеха разрушителей, его создания еле-еле дотягивали до двадцати процентов вещественности. Иные привидения в средневековых замках…

— Ольга, меня не интересуют двадцатидвухпроцентные миледи, несущиеся с распущенными волосами по темным коридорам! Я тебя спрашиваю об Оане.

— Я как раз подошла к Оану. Я не уверена, что Оан фантом. Но если он и призрак, то вещественности не ниже восьмидесятивосьмипроцентной. Почти на грани полноценного существа.

Вычисление Ольги подтверждало мои опасения. Настроение от этого у меня не улучшилось.

— Пойдем, — сказал я. — Нас уже, наверное, ждут.

Оан прискакал в консерватор, юркий, хлопотливый, доброжелательный, — он только таким и бегал на корабле. Он приветливо замахал нам всеми руковолосами. А я не мог отделаться от ощущения, что Оан — нездешен, что у него не лицо, а личина, что он не реальное существо, а призрак, лишь максимально оснащенный вещественностью. Я мысленно одернул себя. Удивительность Оана — родовой признак аранов, под

которых он маскируется. Тайна его не во внешнем облике, она глубже, она грозней; надо проникнуть в эту зловещую глубину, а не скользить по красочной поверхности! Я сказал:

— Оан, наша эскадра на две трети уничтожена, погибли наши товарищи. Знаешь ли ты что-нибудь о проклятом луче, так внезапно ударившем по «Тельцу»? Откуда он? Какова его природа?

Ставя эти вопросы, я с удовлетворением заметил удивление, почти замешательство Оана. Вероятно, его поразило, что сегодня он не проникает в наши мысли так свободно, как раньше. Ответы Оана также не звучали в нашем мозгу с прежней звонкой отчетливостью. Устроенная Эллоном электрическая сумятица в какой-то степени мешала и нам самим.

Естественно, он ничего не знал о луче. В их звездном скоплении подобные явления не наблюдались — во всяком случае, с той поры, как араны отказались от космических полетов. В преданиях тоже не сохранилось сведений о смертоносных лучах.

— Но если тебе не известна природа луча, то, может быть, ты знаешь, кто его генерировал и почему он ударил в звездолет?

На это Оан имел стандартный ответ:

— Вы разгневали Жестоких богов. Боги сурово покарали вас.

— Покарали? А за что, собственно? Чем мы прогневили ваших мстительных богов?

— Не мстительных — суровых, Эли.

Поправка Оана прозвучала у каждого в мозгу именно так. Я попросил всех, кто присутствовал в консерваторе, включить наручные дешифраторы на запись всего, что Оан донесет до них в качестве ответа. Мы потом сверяли записи. Содержание ответов Оана было у всех одно, а форма выражения разная, но на этот вопрос он ответил всем одинаково.

— Хорошо, суровых, а не мстительных. Хрен редьки не слаще. Не смотри так удивленно, Оан, это наша человеческая поговорка. Разъясни теперь другое недоумение. Наши мыслящие машины блокированы неизвестными силами. На звездолете «Таран» была нарушена логическая схема операций…

— Схема временной связи, — прервал он. — Я уже говорил вам: у машины рак времени.

— Да, это ты говорил. Сказать — не значит объяснить. Поговорим о больном времени, Оан. Вот уж чего мы не понимаем! Почему появилось больное время в вашем созвездии Гибнущих миров?

— Результат деятельности Жестоких богов.

— Очень уж они деятельны, если могут менять течение

времени. Мы до этого не дошли. Впрочем, мы не боги. Но в чем выражается их деятельность, ты не можешь сказать?

— Не знаю.

— Еще бы! Откуда арану знать о деятельности богов, к тому же таких суровых! Они ведь с вами не советуются, Оан? Возвратимся к вопросу о времени. Больное время, рыхлое время, разорванное время — это ведь иносказания для времени, как-то измененного, не правда ли? Зачем тебе с товарищами понадобилось предпринимать бесконечно опасную попытку приникнуть к поверхности опадающей взрывом звезды, чтобы влиться в поток ее измененного времени, если здесь, в вашем гибнущем созвездии, имеется сколько угодно примеров любого изменения времени? Ты ведь и раньше говорил, Оан, что рак времени — язва здешних мест!

— Ты путаешь больное время с трансформированным. У нас время разорванное, рыхлое, им трудно воспользоваться. А у коллапсара время сжатое, там время — пружина, а не лохмотья. Если бы удалось овладеть тем временем, можно было бы выводить в будущее, в прошлое, в боковые «сейчас» любые планеты и целые созвездия, погибающие в ослабевшем времени.

В этот миг я понял, что поймал его. Я перевел взгляд на Эллона, тот чуть-чуть приподнял руку — он был готов. Оан тоже понял, что раскрыт. Два нижних глаза остались прежними — добренькие, приветливо сияющие, почти подобострастные. Но пронзительным верхним он донес до нас свое состояние. Воистину, это было недоброе око!..

— Раньше ты говорил, что ты и твои товарищи — беглецы, — спокойно констатировал я. — Но оказывается, вы — экспериментаторы. Вы не столько собирались бежать, сколько в принципе овладеть тем изгибом временного потока, через который можно бежать. Я правильно оцениваю ваши действия, Оан?

Он попытался спасти потерянное лицо:

— Правильно. Проходы в будущее лежат не по естественному течению времени, а в обход его. Мы проверяли, можно ли выскользнуть и в прошлое. По прямому ходу времени прошлое недостижимо, потому, что невозвратимо. Граница будущего сдавлена очень низким потолком — реальным настоящим. Граница прошлого упирается в непреодолимый пол — все то же реальное настоящее. Выходы из настоящего лежат только в обводах времени, а не в прямом его течении, здесь мы всегда пребываем в «сейчас». Вот эти обводы из настоящего в будущее и прошедшее мы и искали. Осуществляются они лишь в коллапсарах. В них лучшие печи природы для разогрева и

искривления времени.

— И после всего, о чем ты нам рассказал, Оан, — медленно произнес я, — ты будешь по-прежнему утверждать, что ты и твои погибшие товарищи — араны?

Он не ответил. С ним совершалась разительная перемена. Он уходил. Он еще оставался и уже исчезал. Он был и переставал быть. Он делался прозрачным, превращался из тела в тень. Он проваливался в какое-то свое чертово инобытие, оставляя нам в наличности лишь силуэт.

— Эллон! Эллон! — отчаянно закричал я.

Эллон не хотел испытывать на нас крепость защитных полей, но надо было действовать быстро, — нас всех поразбросало, когда заработали аппараты Эллона. Я вскочил и кинулся к пропадающему Оану. Мы столкнулись с Ромеро, я снова упал. Ромеро выронил трость, чертыхнулся. Осима с Олегом барахтались на полу. Грация и Орлана отнесло в угол. Но Оан остался. Он был схвачен намертво в то мгновение, когда уже на три четверти исчез.

Теперь он висел над нами, распялив двенадцать ног, разметав черные руковолосы. Два нижних глаза, широко открытые, больше не видели нас, верхний потерял пронзительность, он казался обычным глазом, только полуослепшим. Между волосами в момент исчезновения проскочила искра, она остановилась на полуразряде, не доискрив свой короткий век. Бегство из нашего времени не удалось, Оан был остановлен в последней сиюсекундности своего здешнего бытия — зафиксирован прочно и навечно.

— Прекрасно, Эллон! — Я быстро подошел к оцепенелому врагу, но тут же ударился о невидимое препятствие и отскочил.

— Боюсь, ты забыл, адмирал, как некогда восседал в клетке, похожей на эту и, кажется, не очень там веселился, — сказал Эллон.

Не могу сказать, чтобы напоминание и сопровождающий шутку шумный хохот показались мне приятными. В любую другую минуту я дал бы понять Эллону, что он демиург, а не разрушитель и должен держаться тактичней. Но сейчас я готов был простить Эллону прегрешения и покрупней. Я провел рукой по силовой сетке.

— Я был в своей прозрачной темнице живой, Эллон. Я ходил, говорил, слышал, спал, видел пророческие сны — и смеялся в них над вами… Живой ли Оан? Достаточно ли прочна силовая стена, если он вдруг очнется?

— Он не должен очнуться, Эли. Наша удача, что ускользал он постепенно, а не сразу. Он выбросил из сиюминутности лишь

свою жизненную энергию, а косный телесный костяк не успел увести. Я зафиксировал Оана в последний момент существования. Теперь миг превратился в вечность. И если Оан каким-то чудом оживет, прозрачные эти стены ему не разорвать.

Я вспомнил расчет Ольги. Она, конечно, не ошиблась. Оптические изображения и вправду обладали такой малой вещественностью, что мы стирали их с экранов мгновенно — один поворот выключателя, и готово! Чтобы истребить фантомов на Третьей планете, Андре понадобилось вызвать в них колебательные движения энергии. Если этот наш пленник фантом, то он стал жертвой своего совершенства. Но фантом ли он?

Олег помог Осиме подняться, энергичный капитан успел ближе всех подскочить к Оану, и ему крепче досталось.

— Что будем делать с этим чучелом, Эли? — спросил Олег.

Я показал на стену, противоположную той, где возвышался саркофаг Лусина:

— Поставим предателя сюда. Пусть убийца с раскаянием глядит на свою жертву.

Олег вздохнул:

— Допрос не дал всего, на что надеялись. Мы так и не дознались, чем разгневали рамиров, что нам грозит в дальнейшем и как восстановить повреждения? И самое главное — ничего не узнали о боевом луче рамиров.

— Зато мы узнали, что и рамиры не так беспредельно могущественны, как мы опасались. Их лазутчик признал, что они экспериментировали со временем в антивзрыве коллапсара, отыскивая приемы его использования. Рамиры тоже что-то ищут, — значит, не все у них есть, не всем они овладели. Разве это не утешительно?

Ромеро иронически усмехнулся:

— Вы так радуетесь, Эли, будто и впрямь поверили, что они совершенные боги, и сейчас испытываете облегчение, обнаружив, что заблуждались.

Я и вправду радовался, только не оттого, что верил в божественность рамиров. Черта с два мне было в их божественности! Но в безмерность их могущества я начинал верить, как уже поверил в их жестокость. Допрос Оана свидетельствовал, что не все им доступно и не все в их власти, — иначе зачем ему понадобилось бы так трусливо удирать? Они в техническом развитии ушли вперед нас на порядок, от силы на два, — это еще не такое превосходство, чтобы отступать перед ними!

— Одного результата мы, во всяком случае, добились, друзья.

Среди нас был соглядатай врагов, мы его обезвредили. Если борьба с рамирами не утихнет, они лишатся важного преимущества!

3

На несколько дней главным занятием на корабле стало паломничество в консерватор. Мэри приходила туда со мной, прилетел Труб, примчался Гиг, даже Бродяга, преодолевая хворь, так и не покинувшую его со смерти Лусина, приполз и просунул голову в помещение. Гиг погрозил силуэту предателя костлявой рукой, Труб в ярости бросался на тесницу, так мы ее назвали, ибо смешно называть темницей прозрачную клетку, — пытаясь прорвать ее когтями, но отлетал, как незадолго перед этим я. Ангел заплакал от возмущения и бессилия, слезы капали на седые бакенбарды, смачивали крылья. Гиг от сочувствия Трубу бешено затрещал костями, Бродяга задумчиво сказал мне:

— Ты уверен, что он мертв, Эли? Он изменился, но в этом странном мире, где так обычны телесные трансформации…

— Он безжизнен. Если отсутствие жизни есть смерть, то Оан — мертвец.

— Отсутствие жизни, конечно, смерть, — согласился дракон.

Когда перемещение тесницы Оана на отведенное ей место было закончено, Эллон с удовлетворением сказал:

— Адмирал, я пленил время. Я выключил его. Паук, которого ты, на наше горе, привел на корабль, теперь вне времени. Мы постареем, умрем, тысячи раз возродимся в потомках, а он вечно будет пребывать тем же. А теперь я займусь делом поважней. Время неподвижное, навечно законсервированное, мне удалось создать. Попробую поработать над динамизацией времени! Такой проблемой еще не занимался ни один демиург! И люди не занимались, — добавил он почти вежливо.

— Как тебя понять? — спросил я.

Он широко осклабился. Мы все были угнетены катастрофой — Эллон радовался. Для него смысл существования заключался в инженерных разработках. Он нашел новую тему для исследования, предвкушал важное открытие, — как же не радоваться?

— Постараюсь создать микроколлапсар и посмотрю, как он трансформирует время. Не волнуйся, все пока пойдет на атомном уровне. Это не то макровремя, в котором мы живем с тобой. А когда генератор микровремени заработает, мы покажем невеждам рамирам, что далеко им до нас. Они выискивали космические коллапсары, а я сотворю его в лаборатории.

Закончил он по обыкновению хохотом.

Я часто прихожу в консерватор, здесь мне свободней размышлять. Помню, как впервые остался один на один с врагом, расчаленном на силовом каркасе. Я не мог бы объяснить, почему мне надо было усесться напротив Оана и разговаривать с ним вслух, и твердить ему о своей горечи, о своей ненависти к нему и о том, что нас можно уничтожить, но нельзя заставить отступить, мы все равно пойдем вперед!

— Итак, ты погиб, Оан, — говорил я. — Ты наконец погиб, предатель! В древней книге сказано: все мы творим волю пославшего нас. Ты творил волю своих жестоких господ, возможно, ты один из них, только напяливший чужую личину, всего от тебя можно ждать, любого облика, любого злого поступка. Нет, ничего от тебя не дождаться теперь, ты вне времени, ты вне жизни, даже вне облика, ты — захваченный в миге исчезновения силуэт, материализованная память о наказанном предателе — вот ты кто!

У меня перехватывало дыхание от горечи, я отдыхал, молчал, снова говорил:

— Творим волю пославшего нас… Мы тоже творим волю пославших нас. Мы — люди и звездные друзья людей. И нас послали издалека в ваши Гибнущие миры, чтобы узнать, как живут здесь разумные существа, помочь им, если нуждаются в помощи, сделать их своими друзьями, поучиться у них, если будет чему. Тебе этого не понять. Ты не знаешь, что такое любовь живого к живому. Ты — ненависть и пренебрежение. Но ненависть заслуживает только ненависти. Ненависть не породит любви, как собака не порождает рыб, как рыбе не породить орла. Так виси, ненавистный, вечно виси!

Так я говорил с мертвецом, облегчая душу, а успокоившись немного, направился в командирский зал. Олег с Осимой и Ольгой, оставив звездолет на попечение автоматов, разрабатывали план спасения сохранившихся кораблей.

Олег сказал мне:

— Эли, «Овен» не годится даже в грузовики. Ольга считает, что нужно разместить экипаж «Овна» поровну, на «Змееносце» и «Козероге», снять все важные механизмы, перегрузить запасы, а сам звездолет аннигилировать.

— И вызвать новый удар, направленный уже против «Змееносца» и «Козерога», — хмуро возразил я. — Или ты забыл, что жестокие господа Гибнущих миров не выносят аннигиляции материальных тел?

— Тогда взорвем его. Взрывы они выносят. Наши погибшие корабли о том свидетельствуют. Теперь самое настоятельное,

Эли. Надо восстановить МУМ. Займись этим с Эллоном.

— Эллон собирается менять течение времени в микропроцессах, чтобы разобраться в явлении, которое Оан называл раком времени.

Осима внезапно рассердился. Энергичный капитан изнывал от безделья. Он знал свое дело отлично — смело вел корабли в неизведанные просторы, отважно бросался в бой, когда-то без жалоб переносил муки плена. Он был из тех, кто охотно взваливает на себя тяготы соседа, но никого не отягчает своими. В беде и в часы торжества я видел его неизменно собранным и упругим, как сжатая пружина, — о лучшем капитане для своего корабля я не мог и мечтать. И раньше он не грубил мне, даже когда, усталый и растерянный, сам я не церемонился. Сейчас он грубил. Если бы он знал древние ругательства, как знал их — из любви к забавным словосочетаниям — Ромеро, он ругался бы той руганью, которую Павел почему-то называл площадной, хотя сам я никак не могу взять в толк, почему ругань должна зависеть от места, где ругаются, а не от одного настроения ругателя.

— Адмирал, не довольно ли глупостей? Больное время, рыхлое время, дырчатое, пузырчатое!.. Абракадабра, если не прямая мистика! Вы научный руководитель экспедиции! Вы должны представить план, как выйти из затруднений, а мы будем его осуществлять. Не узнаю вас, адмирал! Раньше вы быстрей создавали проекты действий и энергичней проводили их в жизнь!

Я невольно опустил голову, чтобы не видеть гневного взгляда Осимы. Все мы переменились, не один я, но могло ли это служить оправданием? Олег молчал, но молчанием давал понять, что тоже мной недоволен.

— Вы правы, друзья, самая настоятельная задача — восстановить управление кораблями. Пока вы будете заниматься эвакуацией «Овна», я постараюсь что-нибудь сделать с мыслящими машинами.

Из командирского зала я прошел к дракону. Бродяга устало покоился на полу. На его спине Труб и Гиг увлеченно сражались в дурачка. Этой игре их обучил Лусин, он пытался и мне привить любовь к картежным баталиям, но я так и не постиг игры, хотя Лусин уверял, что правила ее просты. Ангел и невидимка состязались на толчки, проигравший получал затрещину. Я как-то видел финал одной игры. Гиг, продув партию, получил такой удар крылом, что взмыл под потолок и рухнул наземь, едва не порастеряв кости. Затрещины, отпускаемые Гигом, были послабей, зато он выигрывал чаще. Невидимкам не может не везти в игре, объяснял мне Гиг, ибо игра — сражение, а разве есть лучшие воины, чем невидимки?

— Эли, садись с нами! — предложил Труб, важно расчесывая когтями пышные бакенбарды. — Втроем тоже можно играть.

— Не хочу быть дураком — даже в игре.

— Если не любишь дурачка, сразимся в покер! Тебя увлечет эта игра! — воскликнул Гиг. — Там тоже есть операция надевания на себя невидимости, как мы делаем перед боем. Называется — блеф! Чудная штука — блейфовать. Отличный военный маневр.

Но и от покера я отказался.

— Друзья, мне нужно поговорить с Бродягой наедине, — сказал я.

Труб безропотно взмахнул крыльями и полетел к выходу. Он так свыкся с нами, и так любил нас, что с ним можно не разводить манерностей. Невидимки гораздо обидчивей. Гиг был недоволен. Я дружески толкнул его кулаком в плечо. Он повеселел и удалился без обиды.

— Бродяга, как ты чувствуешь себя? — спросил я.

Он скосил на меня насмешливый глаз. С каждым днем ему труднее двигать гибкой когда-то шеей. И он уже не извергал пламени, только жиденький дымок струился из пасти. За небольшое время от старта в Персее дракон успел пройти все стадии дряхления — из летающего превратился в ползающего, из ползающего в лежащего. Скоро он станет бездыханным, с болью подумал я.

— Как чувствую себя? — просипел он, ему отказывал теперь и прежний громкий, с шепелявостью, голос. — Мог бы и хуже. Слишком большое тело. Тело придавливает меня, Эли.

— Не создать ли тебе невесомость? Ты сможешь свободно реять в воздухе. Странно, что мы с тобой об этом не подумали…

— И хорошо, что не подумали. Молодости ты мне не вернешь?

— Вернуть молодость не в наших силах.

— А зачем мне невесомость без молодости? Разве парящий старик лучше лежащего? Я не из тех, кого утешают обманы. Действия — вот чего мне не хватает. Даже не действия — простого движения. Всю жизнь я тосковал по движению.

— Даже когда стал драконом?

— Нет, это была пора, когда я насыщался, упивался, переполнялся движением. Тогда мое тело было мне радостно. Моя телесная жизнь была короткая, но такая, что не отдам за год драконьего существования тысячелетия прежней жизни. Спасибо, Эли, что подарил мне эту радость.

— Ты говоришь, будто прощаешься. До конца далеко.

— До моего конца уже близко. Я бы лишь хотел перед смертью увидеть ваше вызволение из беды.

— Ты можешь не только увидеть, но и помочь вызволению.

— Не понимаю, Эли.

— Слушай, Бродяга. Тебе показывали на экране допрос Оана? Шпион признался, что рамиры экспериментируют со временем. Значит, есть что-то, чего и они не умеют! Они не всесильны и не всезнающи. Просто космическая цивилизация, на несколько миллионов лет обогнавшая нас в развитии, отнюдь не боги! Эллону явились интересные мысли о трансформации времени, рамиры сами до них не додумались. Эллон обругал их невеждами.

— Эллон хвастун!

— Да, Эллон не прочь прихвастнуть. Важно другое — с рамирами можно побороться. Мы сунулись в борьбу неподготовленными, нас наказали. Но мы не отступили, да нам и некуда отступать: наши корабли недвижимы…

— Воля твоя, Эли…

— Помоги нам! Вспомни, как тебе подчинялись звезды и планеты. Подчини себе звездолеты! Оживи наши корабли!

— Оживить корабли?… Мне, недвижимому? Эли, ты обратился не по адресу!

— Я обратился по адресу! Да, ты одряхлел. Но телом, а не разумом! Твой могучий ум ясен, как и на Третьей планете. Замени наши МУМ, Мозг! Сконцентрируй на себе приводы от анализаторов и исполнительных механизмов.

— Ты забыл о моем громоздком теле!..

— Мы избавим тебя от него! Мы возвратим тебя в прежнее состояние. Я знаю, ты ненавидел ту свою жизнь. Но раньше она была жизнью несвободного тюремщика. А я предлагаю функцию освободителя, спасителя друзей, которые так любят тебя и так нуждаются в твоей помощи.

— Лусин мог бы это сделать. Лусин мертв, Эли.

— Это сделает Эллон. Демиурги когда-то отделили твой юный мозг от тела галакта, они сумеют и сейчас совершить такую операцию.

— Эллон убьет меня.

— Операцию сделают под контролем Орлана. Орлану ты веришь?

— Орлану верю. Я хочу, чтобы и ты присутствовал на операции. — До меня донесся слабый вздох. Даже дымка больше не выбрасывала пасть дракона. — Тогда торопись! Жизнь вытекает из меня, Эли…

Я пошел к Орлану.

4

У Орлана восседал на диване величественной статуей Граций. Они удивленно уставились на меня. Было хорошо, что я застал их вместе: не придется дважды повторять одно и то же.

— Операция освобождения мозга от тела вполне возможна, — сказал Орлан. — За тысячелетия мы так отработали технику вывода мозга в самостоятельное существование…

Граций покачал головой:

— Опять живой Мозг приспособят для дела, которое так хорошо выполняли ваши механизмы, Эли!..

— Механизмы вышли из строя. Не понимаю тебя, Граций. Ты должен гордиться, что разум естественного происхождения докажет, что он выше мертвого механизма!

— Идемте к Эллону, — сказал Орлан.

Эллон налаживал гравитационный конденсатор: на его обкладках Эллон собирался получить поле, эквивалентное в микромасштабе гравитационному полю коллапсара. По существу, это был все тот же генератор метрики, создающий гравитационную улитку, разница была в конструкции, а не в принципе. Я сказал, что надо отвлечься для срочной операции.

— Вздор! — ответил Эллон. — Никаких драконов не надо. Я скоро восстановлю вашу МУМ.

— Что значит — скоро, Эллон?

— Скоро — значит, скоро. На нас никто больше не нападает. Можно и не торопиться.

— Мы не можем не торопиться. Здоровье дракона ухудшилось. Мы потеряем его мозг, если не освободим его от прикованности к одряхлевшему телу.

— Потеря небольшая, адмирал.

— Я настаиваю на операции.

— Не буду! — Эллон сверкнул сумрачными глазами и повернулся к гравитационному конденсатору.

Его остановил властный окрик Орлана:

— Эллон, я тебя не отпускал!

Эллон замер. Туловище готовилось взлететь в прыжке от нас, а голова медленно выворачивалась к нам. Эллон хмуро произнес:

— Разве я должен спрашивать у тебя разрешения уйти, Орлан?

Орлан презрительно игнорировал вопрос.

— Тебя обучали операциям такого рода, не правда ли? Насколько я знаю, ты в школе готовился к экзамену на разрушителя Четвертой Имперской категории? Или я ошибаюсь, Эллон?

— Мало ли к чему мы готовились до Освобождения! Сейчас я главный инженер эскадры звездолетов. Я не обязан выполнять

неприятные мне просьбы.

— Просьбы — да. Но это приказ, Эллон!

Эллон впился неистовыми глазами в синевато-фосфоресцирующее, замкнутое лицо Орлана. Я уже говорил, что не понимал взаимоотношения двух демиургов. Орлан робел перед Эллоном, временами казалось, что Орлан перед ним заискивает. Теперь я видел, что тут раскрывается обратная сторона его дружбы с людьми. Мы отменили все ранги, только личные способности служили мерой достоинства. Орлан стремился показать, что всей душой поддерживает новые порядки, но перехлестывал: у него ведь не было всосанного с молоком матери чувства равенства. Он становился, став демиургом, разрушителем наизнанку — добровольно унижал себя, как бы расплачиваясь за прежнее возвышение. А сейчас у обоих вдруг упали усвоенные с трудом новые приемы обхождения. Перед высокомерным разрушителем Первой Имперской категории непроизвольно сгибался жалкий четырехкатегорный служака. Эллон, растерянный, негодующий, еще попытался противиться:

— Не понимаю тебя, Орлан…

— Когда будет операция, Эллон?

Эллон с грохотом вхлопнул голову в плечи. На иной протест он уже не осмеливался.

— Буду готовить питательные растворы. Операцию начнем сегодня.

Он склонил гибкую фигуру в покорном поклоне. В полном молчании прозвучал железный голос Орлана:

— Контролировать операцию буду я, Эллон!

Орлан унесся неслышными шагами, и пока он еще был в помещении, Эллон не распрямлял спины. Граций шагал шире меня, но и ему понадобилось больше минуты, чтобы догнать демиурга. Зато когда я приблизился к ним, Орлан был прежним, не тем, давним, какого я только что видел, а новым, каким вращался среди нас, — любезным, приветливым, с добрым голосом, с добрым взглядом. Я не удержался от замечания:

— Могу вообразить, Орлан, какого ты нагонял страха, когда числился в любимых вельможах Великого разрушителя.

Он ответил с бесстрастной вежливостью:

— Это было давно, так что я не всегда верю, было ли вообще.

— Бродяга боится операции и особенно боится, что ее будет делать Эллон, — сказал я.

На какой-то миг я снова увидел не друга своего демиурга Орлана, а высокомерного вельможу Империи разрушителей.

— Напрасно боится. Демиургам с детства прививают

привычку к послушанию и аккуратности. Эллон — выдающийся ум, но в смысле аккуратности не отличается от других демиургов.

Я возвратился к Бродяге. С драконом беседовал Ромеро. Беседа шла в одни уши — Ромеро разглагольствовал, Бродяга, бессильно распластав крылья и лапы, слушал. Меня снова пронзила боль — так жалко приникал к полу дракон, еще недавно паривший выше пегасов, ангелов и всех своих собратьев. Дракон успел сообщить Ромеро, что я надумал снова освободить его мозг от тела, и опечалился, что возвращение даже толики былого могущества равносильно повторному пленению. Ромеро красноречиво опровергал его опасения:

— Что такое пленение, высокомудрый крылатый друг? Все мы пленники крохотного корабельного пространства, — от этого печального факта не уйти. И разве вы, любезный Бродяга, не более стеснены и вашей сегодняшней дракошне, чем в прежнем хрустальном шаре на злополучной Третьей планете? Ибо даже наш скудный корабельный простор вам недоступен. Нет, не горькое пленение вас ожидает, а великолепное высвобождение. Вы ужесточите свою геометрическую нынешнюю несвободу еще на десяток метров, не более. Но зато вам станут подвластны любые движения — механическое, сверхсветовое — в любом направлении! А вам так не хватает движения, мой бедный друг. На Третьей планете вы мечтали о теле и движении. Вы вдосталь насладились самым огромным телом, какое когда-либо создавала наша земная природа. Но скудный запас движений, отмеренный вашему блистательному, но чересчур громоздкому телу, исчерпан, не будем закрывать на это глаза. И вот сейчас вы обретете величественную свободу — не просто командовать исполнительными механизмами звездолета, а вобрать их в себя, как свои органы, самому стать звездолетом, мыслящим кораблем, могущественным кораблем, легко пожирающим пространство! Прекрасна, прекрасна уготованная вам доля управляющего корабельного мозга!

Ромеро потом спрашивал, произвела ли на меня впечатление его речь. Я ответил, что в ней было много чисто драконьих аргументов, а на меня драконады не действуют. Он с язвительной вежливостью возразил, что под драконадами я, вероятно, подразумеваю эскапады, но хоть слова эти созвучны, ни того, ни другого в его речи не было. Как бы, впрочем, ни называть его речь, на дракона она подействовала. Он почти радостно посмотрел на меня.

— Сегодня, Бродяга, — сказал я. — Сегодня ты совершишь очередное превращение. Ты, единственный среди нас, меняешь свои облики, как женщина прически. Ты был великим Главным

Мозгом, потом превратился в лихого летуна и волокиту. Сегодня ты приобретаешь новую ипостась, так это, кажется, называется на любимом древнем языке нашего друга Ромеро, — станешь вдумчивым исследователем, энергичным звездолетчиком, властным командиром корабля.

— Благодарю, Эли, — прошелестел он и закрыл глаза.

Как и обещал, я присутствовал при операции. Описывать ее не буду, операция была как операция. В ней не было ничего, что могло бы поразить. Зато я был потрясен, когда впервые вошел в помещение, отведенное Мозгу. Оно напоминало галактическую рубку разрушителей на Третьей планете — теряющийся в темноте купол, две звездные сферы, стены кольцом… А посередине рубки, между полом и потолком тихо реял полупрозрачный шар — в нем находился наш друг Бродяга, навеки переставший быть бродягой.

Не вид комнаты и не вид шара потряс меня: я был к этому подготовлен. Но голоса, который зазвучал в моих ушах, я не ожидал. Я собирался услышать прежний шепелявый, сипловатый, насмешливый, ироничный присвист дракона, я уже успел позабыть, что Бродяга, до того как стал бродягой, разговаривал по-иному. И вот этот давно забытый, мелодичный, печальный голос обратился ко мне:

— Начнем, Эли?

Не знаю, как я справился с дрожью. Я пробормотал самое нелепое, что могло прийти в голову:

— Ты тут? Тебе хорошо, Бродяга?

Голос улыбался — чуть грустно и чуть насмешливо:

— Нигде не жмет. Эллон был бы мастером по поставке мозгов на станции метрики, если бы вы не разрушили Империю разрушителей. Спешу тебя информировать, что со многими исполнительными механизмами я установил контакт. Скоро я оживлю корабль, Эли! Пусть Эллон налаживает выводы на «Змееносец» — попробую привести в движение и его.

— Бродяга, — с волнением твердил я, — Бродяга… Могу я так тебя называть?

— Называй как хочешь, только не Главным Мозгом. Не хочу напоминаний о Третьей планете.

— Ты будешь для нас Голосом, — сказал я торжественно. — Вот так мы и будем называть тебя — Голос!

Я доложил Олегу, что можно разрабатывать карту дальнейшего рейса к ядру. От Олега я завернул к Грацию. Галакт был один. Я сел на диван, привалился к спинке. Я был основательно измотан.

— Тебе нужна помощь, Эли? — участливо поинтересовался галакт. — Могу предложить неплохое…

Я прервал его:

— Граций, ты знакомился с тем, как наш бывший Бродяга, ныне принявший имя Голос, входит в свою новую роль? Двигаться со сверхсветовой скоростью мы скоро сможем. И наши боевые аннигиляторы оживут, а без них мы — пушинка в бесновании стихий. Граций, помоги Голосу… Стань ему помощником.

Галакт с удивлением смотрел на меня:

— Что скрывается за твоим предложением, адмирал Эли?

Я закрыл глаза, минуту молчал. В голове не было ни одной ясной мысли.

— Не знаю, Граций. Какие-то смутные ощущения… У людей они имеют значение, а как объяснить их вам, когда я не могу выразить их словами? Вы с Голосом одной породы… Просто это моя просьба, Граций…

Галакт ответил с величавой сердечностью:

— Я буду помогать Голосу, Эли.

5

Никто по-прежнему не знал, какие силы блокировали наши мыслящие машины, но силы эти, постепенно слабея, переставали быть непреодолимым заслоном. Раньше других вернулась в строй МУМ «Овна», доставленная с эвакуированного звездолета. Ольга обняла Эллона, потом меня, когда узнала об этом. Она к своей МУМ относится с не меньшей нежностью, чем к Ирине, — к той и к другой у нее материнские чувства: в конструкциях машин последнего выпуска осуществлены многие ее усовершенствования. Меня же удивляло, что машины не просто отремонтированы по формуле «не работала — заработала», а как бы пробуждены из долгого сна — еще не было прежней быстроты решений, сохранялась какая-то вялость. Эллон заверил, что все прежние достоинства машин возродятся, когда блокирующие силы совершенно исчезнут, а дело к тому идет. Я возразил:

— Эллон, ты описываешь МУМ так, словно они наглотались наркотиков, а сейчас выбираются из беспамятства.

— Что такое наркотик? — спросил он. — Что-то специфически человеческое, да? Но что машины выбираются из беспамятства — точно. И когда полностью очнутся, вы сможете дать отставку вашему парящему в шаре любимцу.

— Тебе так ненавистен Голос, Эллон?

Вместо ответа он повернулся ко мне спиной. Человеческим правилам вежливости демиургов в школе не обучают, а Эллон к тому же не забыл о том, что когда-то был подающим надежды разрушителем.

Разговор с Эллоном заставил меня призадуматься. В день, когда МУМ полностью войдут в строй, Голос будет не нужен — этого я отрицать не мог. Но неполадки с мыслящими машинами порождали недоверие к ним. Они слишком легко и слишком неожиданно разлаживались. На Земле никто бы не поверил, что такие надежные механизмы, как МУМ, способны все разом и без видимых физических причин отказать. Способы экранирования МУМ разрабатывались не одно десятилетие и не одним десятком первоклассных инженеров. В принципе экранирование должно было сохраняться в любых условиях. В Гибнущих мирах оно не защищало от ударов извне. Гарантию, что и впредь экранирование не сдаст, не сумел бы дать и сам Эллон.

Все эти соображения я высказал Олегу. Он пожал плечами:

— Никто не принуждает нас удалять в отставку Голос, когда заработают МУМ. Почему бы им не дублировать друг друга?

— Именно это я и хотел предложить. Но вряд ли Эллон будет доволен.

Олег негромко сказал:

— Разве я давал обещание исходить в своих решениях из того, доволен или недоволен Эллон? Пока командую эскадрой я, а не он.

— Каков твой план? — спросил я. — Продолжаем рейс к ядру или в связи с потерей трех четвертей флота возвращаемся?

Он ответил не сразу.

— Все во мне протестует против бесславного возвращения, Эли. Рейсовое задание далеко от выполнения. Но и лезть на рожон не хочется…

— Мы и в созвездии Гибнущих миров не выполнили своих намерений, — напомнил я. — Клочок ясного неба, обещанного аранам, — где он?

С той минуты, как звездолеты восстановили способность движения, я думал больше всего об этом. Сразу после катастрофы панический страх порождал лишь одно чувство — бежать, бежать подальше от проклятого места. Страх прошел, даже жажда мести за гибель друзей ослабла. И снова вставал все тот же вопрос — помочь ли аранам? Как вывести бедствующий народ из дремучего леса несчастий? Это не было обязанностью, в рейсовом задании нет пунктов об облагодетельствовании встречающихся народов. Мы явились сюда разведчиками, а не цивилизаторами. Со спокойной совестью мы могли и отвернуться от Арании. Не было у меня спокойной совести. Я терзал себя сомнениями. Во время посещения административной рубки, я признался в них Голосу.

— Ты хочешь рискнуть оставшимися кораблями, Эли?

— Ни в коем случае, Голос. Я пытаюсь отыскать иной метод

очищения пространства. «Таран», попросту уничтожавший пыль, выведен из строя, попытка добавить взрывом чистого пространства кончилась катастрофой. Впечатление, что рамиры — если это они — вначале только остановили нас, а когда мы продолжили свои усилия, рассердились и наказали.

— Но не уничтожили полностью. Либо не могли уничтожить, либо не захотели. Ответ на этот вопрос даст ключ ко всем загадкам.

— Буду думать над этим. И ты думай, Голос!

Ночью, когда Мэри спала, я молчаливо шагал из угла в угол. Если рамиры не смогли нас уничтожить, все просто — силенок не хватило. Что значит — силенок не хватило? Они выпустили один истребляющий луч, сумели бы грянуть и двумя, и тремя. И только пыль сверкнула бы от всей эскадры! Не захотели! Выполнили какую-то свою задачу, уничтожив «Тельца», — и пренебрежительно отвернулись от нас. Какую задачу? Не дали аннигилировать планету! Знали из донесений Оана, что мы задумали, и воспрепятствовали нам. Чем же им мешало аннигилирование планеты? Должна же быть какая-то цель в их действиях! Жестокие боги! Что скрывается за их жестокостью против аранов?

Как-то ночью ко мне вошла испуганная Мэри и сказала с облегчением:

— Ты здесь? А я проснулась и подумала, что случилась новая беда, раз тебя нет.

— Мэри, — сказал я, — ответь мне: почему Жестокие боги жестоки? Разве жестокость соединима с могуществом? Психологи учат нас, что жестокость — одно из проявлений слабости и трусости!

— Ты вносишь очень уж наше, человеческое в межзвездные отношения, — возразила она, улыбаясь. — Как ты поносил Оана — лазутчик, диверсант, предатель!.. Не чрезмерно ли земно для ядра Галактики?

— Речь не об обычаях, а о логике. Не может же быть у рамиров иная логика, чем у нас!

— А почему у нас с тобой они разные? Ты говоришь, когда чего-либо не понимаешь во мне: «Это все твоя женская логика!» И морщишься, как будто отведал кислого.

Я засмеялся. Мэри умела неожиданно поворачивать любой спор.

— Ты подбросила мне кость, которую я буду долго грызть. Хорошо, Мэри! Постараюсь не вылезать из скромного места, отведенного человеку во Вселенной. И принимаю, что существует множество логик, в том числе и твоя женская. Я назову их

координатной системой мышления. Заранее принимаю, что наша координатная система мышления не похожа на другие. И вот что я сделаю, Мэри. Я произведу преобразование одной координатной системы в другую, перейду от одного типа мышления к другому. И посмотрю, какие законы останутся неизменными — поищу инвариантов. Инварианты логики и инварианты этики, Мэри! Самые общие законы логики, самые общие законы этики, обязательные для всех форм мышления. Общезвездная логика, общезвездная мораль! И если и тогда я не пойму, чего хотят и почему с нами борются рамиры, то грош мне цена. Таковы будут следствия твоих насмешек.

— Очень рада, что мои насмешки катализируют твой беспокойный ум, Эли.

Мэри ушла досыпать, а я продолжал метаться по комнате, размышляя за себя и за рамиров, выстраивая и отвергая десятки вариантов. На одном я остановился: он требовал немедленной проверки. Я пришел к Голосу. По рубке прохаживался Граций. Я залюбовался его походкой. Галакты не ходят, а шествуют. Я не сумел бы так двигаться, даже если бы захотел. В младших классах мне говорили с негодованием: «Не шило ли у тебя сзади, Эли?» С той поры я остепенился, но по-прежнему хожу, бегаю, ношусь, передвигаюсь, только не шествую. Богоподобности, как называет Ромеро повадку Грация, у меня никогда не будет.

— Друзья, — сказал я. — Командующий эскадрой приказал готовиться к продолжению экспедиции в ядро. Поврежденный звездолет мы взять с собой не можем. Обычная аннигиляция его способна вызвать новый взрыв ярости у неведомых врагов. Олег хочет просто взорвать его. У меня явилась другая мысль. Не подвергнуть ли «Овен» тлеющей аннигиляции? В окрестностях Земли этот метод применяется часто, когда побаиваются мгновенным уничтожением нарушить равновесие небесных тел.

Голос все понял еще до того, как я кончил.

— И ты надеешься, что против медленной аннигиляции рамиры не восстанут? Хочешь поэкспериментировать с самими Жестокими богами?

— Хочу поставить им осмысленный вопрос и получить осмысленный ответ. Иного метода разговора с ними, кроме экспериментов, у нас нет. Ты сможешь произвести такую аннигиляцию, Голос, на достаточном отдалении от «Овна»?

— Расстояние мне не помеха.

Олег приказал «Козерогу» и «Змееносцу» удалиться от обреченного «Овна» на границу оптической видимости, два оставшиеся грузовика были отведены еще дальше. Олег внешне оставался спокойным, но я знал, что он нервничает. Если бы

противники снова генерировали луч, отдалившиеся звездолеты остались бы в целости и погиб бы один «Овен», и без того назначенный на уничтожение. Но не захотят ли они в раздражении от новой акции сразу покончить с нами? «Слишком человеческое», — твердил я себе, отводя назойливые мысли о раздражении, о гневе рамиров, но никак не мог отрешиться от беспокойства. Чтобы не смущать Олега своим волнением, я отправился к Голосу. В командирском зале распоряжался Осима. Осима имел сегодня свое любимое конкретное задание — кружить в отдалении от «Овна» и панически удирать от малейшей опасности — и деловито держал корабль на заданном курсе и в тревожной готовности к паническому бегству.

В рубке ходили по дорожке вдоль кольцевой стены Граций, Орлан и Ромеро. Голос порадовал нас, что эксперимент идет хорошо. «Овен» медленно вытлевает, превращаясь в пустое пространство. Противодействия большого нет.

— Как тебя понимать, Голос? Большое противодействие — это новый удар по эскадре. Мы и сами видим, что еще не уничтожены.

— Я ощущаю стеснение, Эли. Мои команды исполнительным механизмам замедленны. Разница в микросекундах, но я ее чувствую.

Ромеро с опаской заметил, что, возможно, появились таинственные силы, которые недавно блокировали МУМ. Пассивно ждать опасности я просто не мог. Мы ставили слишком важный эксперимент.

— Голос, — сказал я. — Замедли аннигиляцию, потом усиль, но постепенно. И проверь, как меняются тормозные силы.

Тормозные силы пропадали, когда аннигиляция затухала, нарастали, когда она усиливалась. В какой-то момент Голос пожаловался, что если еще убыстрить процесс, механизмы перестанут подчиняться.

— Ты опасаешься взрыва? Или что будешь заблокирован?

— Я не МУМ, меня не заблокировать! Но исполнительные механизмы откажут в исполнении. — Он по-человечески пошутил: — Не провернуть рычага.

Я возвратился в командирский зал. На больших звездных экранах «Овен» еще горел — сияющая, крохотная горошина. Она была видна так ясно, как еще ничего мы не видели в скоплении Гибнущих миров: нас и погибающего «Овна» разделял уже не пылевой туман, а чистое пространство — в него постепенно превращался бывший наш звездолет.

В соседнем свободном кресле Ольга тихо оплакивала корабль. Не думаю, чтобы когда-нибудь в прошлой жизни она

плакала. У всех у нас разошлись нервы в эти дни. Я положил руку на ее голову и сказал:

— Ольга, радуйся! Гибель твоего звездолета открывает путь к спасению целой звездной цивилизации.

Она не умела обижаться на меня, но сейчас обиделась:

— Если это шутка, Эли, то вряд ли ко времени.

— Это правда. Мы все-таки аннигилируем планету, из-за которой погибло две трети нашей эскадры!

Олег и Осима уже знали о моем плане, Ольге я рассказал его. Уничтожение звездолета с высветлением клочка пространства не встретило сопротивления. Не потому ли, что противники не допускают лишь быстрой аннигиляции, а против медленного процесса не возражают? Действия «Тарана» пресекли, с «Тельцом» жестоко расправились. А «Овен» истлел свободным простором — помех не было, кары тоже. Лишь когда Голос убыстрял процесс, он ощущал нарастающее сопротивление. Рамирам поставлен четкий вопрос, они дали четкий ответ: никаких взрывов пространства. Чем-то им мешают быстро протекающие процессы.

— Вероятно, потому, что они резко нарушают равновесие в скоплении, — заметила Ольга. — Я могу сделать соответствующие подсчеты.

Злополучная планета мчалась на той же орбите, средней между Аранией и Тремя Солнцами, куда мы ее насильственно выволокли. Было несомненно, что противникам безразлично было местоположение планет, лишь бы они не взрывались. Взорвать планету легче, чем выпарить: удар боевых аннигиляторов, разлетающееся новое пространство — и звездолет может удаляться восвояси. Тлеющая аннигиляция требовала не только длительного времени, но и плохо шла без непрерывного катализирования извне. Планету нельзя было «поджечь» и оставить: тление вскоре затухло бы. Олег сказал со вздохом:

— Придется пожертвовать грузовым звездолетом.

— Двумя звездолетами! — откликнулся Осима. — Полностью освободиться от буксирных судов! Как капитан боевого корабля, могу только приветствовать такое решение. Грузовики плохо управляемы в сверхсветовой области. И пока лишь запросто гибнут!

Я пошел в парк. В парке лил дождь. Время по земному счету здесь повернуло на позднюю осень. Во всех остальных помещениях нет погод: нет сезонных изменений, нет колебания температур, давления воздуха, влажности — беспогодная обстановка, всего больше стимулирующая жизнедеятельность. Но для моей жизнедеятельности нужно порой попадать под дождь и снег, сгибаться под жестоким ветром и наслаждаться влажными

запахами весны. В парке для таких, как я, устроена земная смена погод и сезонов. Не помню, чтобы когда-нибудь в парке прогуливались демиурги и галакты. Я как-то затащил сюда Орлана. Бесилась пурга, Орлан ежился-ежился и спросил с удивлением: «И людям нравится это безобразие?» О Грации говорить не приходится. Он отказывается от выходов в парк с такой поспешностью, что на миг теряет свою богоподобность. Я иногда думаю, что в природе галактов, ненавидящих всякую искусственность, совмещено противоречие. Они старательно оберегают свое бессмертие, но создают тепличные условия, чтобы оно не нарушилось. И в самом их бессмертии разве нет чего-то, отдающего искусственностью — высокой, великолепной, поражающей, но все же искусственностью? Среди всех живых существ они одни внедрили у себя бессмертие. Им удалось…

Одна из аллей парка вела в консерватор. Я подошел к саркофагу Лусина, с нежностью смотрел на мертвого друга. Лусин, говорил я ему мысленно, ты не простил бы нам, если бы мы просто бежали отсюда, ты сказал бы, если бы смог заговорить: «Мы ведь отправлялись в дальний поход не для того, чтоб бежать, мы должны помочь несчастным, молящим о помощи. Иначе какие мы люди, иначе зачем было уходить в такую даль, зачем было мне погибать?» Правильно Лусин, правильно; заметь, я не спорю и уже не говорю о мести, даже слово «месть» тебе ненавистно, не буду, не буду, хотя я не из тех, кто улыбается, когда ему наступают на ногу. Ах, Лусин, почему ты не можешь встать! Тебя порадовала бы новая картина, которая вскоре развернется на звездных экранах: огромная планета тает, а вокруг расширяется чистый простор, прозрачный простор, не клочок, нет, Лусин, — купол сияюще ясного неба!

А затем я сел в кресло напротив Оана, говорил с ним, но по-иному, чем с Лусином. Убийца и шпион, говорил я Оану, понимаю: у тебя было задание, ты его выполнил, твои хозяева могут поблагодарить тебя за сведения! Но ведь ты свободно передавал свои мысли в наш мозг, ты ведь мог хотя бы намекнуть, что взрывная аннигиляция планеты не годится, а вот тлеющая подойдет. Почему ты молчал? Разве тебе хотелось уничтожения звездолетов, гибели наших друзей? Кто ты — фантом, копирующий реальное существо? Призрак с внушительной степенью вещественности, свидетельствующей о высоком техническом уровне цивилизации? Ты скоро ушел, Оан, не дал наговориться с тобой! А жаль, ты мог бы передать пославшим тебя, что люди и звездные их друзья уходят из проклятого скопления Гибнущих миров, что мы не лезем больше на рожон, что никаких взрывов не произойдет. Но мы не можем не помочь

страдающим, не можем и все тут, такова наша природа, придется вам с этим примириться. Ах, ты рано, рано погиб, презренный, сколько бы я высказал тебе, если бы ты мог меня услышать! Я часто возмущался, негодовал, приходил в ярость, но ненависть, подлинную, опаляющую, испытываю впервые — к тебе! Ненавижу, ненавижу!

Так я говорил, волнуясь, не помню уже — мысленно или вслух, а Оан висел передо мной, раскинув двенадцать ног, выпятив брюхо, задрав трехглазое лицо, два нижних глаза были закрыты, верхнее, еще недавно недобро пронзительное око было тускло, как затянутое бельмом, а на голове топорщились волосы, странные волосы, толщиной в палец, не то змеи, не то руки… И в их толще запуталась маленькая, багрово-красная, не проискрившая до конца искорка…

Мэри в этот вечер сказала:

— О плане тлеющей аннигиляции эскадра оповещена. Я хочу с тобой посоветоваться, мне ведь тоже придется высказывать свое мнение. Где ты был, Эли?

— Гулял в парке.

— И, конечно, сидел в консерваторе?

— Почему — конечно?

— Я временами побаиваюсь тебя, Эли. В тебе что-то дикарское. У тебя культ мертвецов.

— Культ мертвецов? Вот уж чего за собой не знал.

— Разве ты забыл, что на Земле в Пантеоне просиживал часами? И меня тянул с собой. А в зале великих предков забывал обо мне и так смотрел на статуи, словно молился на них.

Я от души рассмеялся:

— Не знал, что это выглядело как молитва, а то постарался бы держаться по-иному! Ты права, почтение к предкам во мне развито. Иван, не помнящий родства, — это не по мне. Я всегда увлекался историей.

Она иронически усмехалась:

— Увлекался историей! Ромеро считает тебя невеждой в истории, и я с ним согласна. Даже я знаю больше о наших предках. Нет, ты, если хочешь знать, весь обращен в будущее. Телесно ты рядом, а мыслью где-то в предстоящих походах, боях, переговорах, в еще не открытых местах, на еще не построенных кораблях. Временами так тебя не хватает, Эли. Я ведь всегда здесь и сейчас, а ты — там и потом. А затем, как бы спохватившись, что так нельзя, — бежишь в захоронение, как бы для раскаяния или на исповедь.

— Чего ты, собственно, хочешь от меня, Мэри?

Она ответила очень кротко:

— Хочу знать, что тебя так влечет к мертвецам?

Я постарался, чтобы ответ прозвучал весело:

— Ты сама все объяснила: иду из-за раскаяния и на исповедь. Только исповедники мои всегда молчат. Вероятно, не принимают раскаяния.

6

Эскадра покинула звездное скопление Гибнущих миров. Некоторое время мы еще любовались красочным зрелищем планеты, вытлевающей пространством. Я намеренно употребляю слово «красочное», а не «эффектное». Эффектности не было — ни ослепительного пламени, ни разлетающихся протуберанцев, ни вихря газа. Планета тускло засветилась и только. Но когда мы обходили ее, прежде чем удалиться, то увидели окруживший ее ореол. Это было облачко новосотворенного пространства — медленно расширяющийся клочок чистого неба. Что могли, мы сделали.

Планета скоро пропала за кормой звездолета, даже в умножители ее не найти. Но я продолжал ее видеть памятью — тускло светящуюся, в расширяющемся ореоле, нежном ореоле космической чистоты…

И опять повторились знакомые пейзажи. Мы вырвались из пыльного скопления, кругом простиралось чистое пространство, густо и беспорядочно напиханное звездами. А впереди, впервые не экранированный туманностями, раскидывался гигантский звездный пожар — грозное ядро Галактики…

Свободное время раньше я проводил перед звездными экранами. Сейчас было что наблюдать, но я обращался к экрану урывками: меня все больше захватывала лаборатория Эллона, где конструировался конденсатор времени.

Внешне это был шар из сверхпрочного пластика, нечто вроде автоклава средних размеров. Но нацеленные на него электрические разрядники с питанием от аннигиляторов, вихревые трубы от гравитационных механизмов сразу давали понять, что сооружение не автоклав. Если, конечно, не проводить той аналогии, что в автоклавах проваривается и прессуется что-то вещественное, а здесь проваривалось и прессовалось само время.

— Работа закончена, адмирал! — воскликнул однажды Эллон. — В центре вот этого шарика крохотный клочок материи, объемом не больше водородного атома. Но вес этого крохотного куска больше ста тысяч тонн!

Я возразил Эллону, сказав, что теория отрицает возможность такого сгущения массы, если масса не превосходит довольно

большой величины, что-то три или четыре наших солнца.

— Согласись, что запрятать в этот шарик массу в три солнечных…

Он сверкнул неистовыми глазами.

— Что мне человеческие теории, адмирал! Пусть их изучают рамиры, они не продвинулись дальше вас в понимании коллапса. Поэтому и стараются овладеть энергией коллапсаров для трансформации своего времени. А мы трансформируем время в лаборатории, на вот этом крохотном коллапсане. — Он подчеркнуто воспользовался новым термином. — И когда я включу его, частицы, которые вспрыснем туда, мы вышвырнем в далекое прошлое или еще более далекое будущее.

— А сами не отправимся вслед за частицами?

Он с презрением посмотрел на меня:

— Ты, кажется, путаешь меня с Жестокими богами? Я не такой недоучка, как они. Экспериментаторы! Сунулись в горнило сгущающегося времени, как пробка, вылетели в будущее, не удержались на его высоте и камнем покатились обратно! Для чего я, по-твоему, подключил к коллапсану выходы гравитационной улитки? Частица с трансформированным временем вылетит в дальние районы, но обнаружится там, лишь когда наступит заданное время — в прошлом или будущем. Вылет в будущее проще, и я его опробую раньше.

Когда я выходил из лаборатории, он задал вопрос:

— Адмирал, ты доволен работой МУМ?

— Нареканий на них пока нет.

— Тогда зачем они подчиняются парящему Мозгу? Для чего я старался их восстановить? Мыслящие машины — человеческое изобретение, мыслящий мозг, отделенный от тела — наш, демиургов, способ управления. Тебе не кажется странным, адмирал, что я, демиург, упрашиваю тебя, человека, восстановить человеческое управление эскадрой?

Мне это не казалось странным. Я знал, что рано или поздно Эллон опять потребует отставки Голоса. Недоброжелательность к дракону была у Эллона с первых дней их знакомства, теперь она превратилась в прямую ненависть. Демиург, уверен, рассматривал трансформацию Бродяги в Голос как возвышение над собой, проделанное к тому же его руками — непомерное самолюбие Эллона страдало. Сколько мог осторожно, я разъяснил, что Голос не командует МУМ, а дублирует их и что хорошо бы иметь не одного дублера, а еще многих, для чего, например, в этой роли стажируется Граций, и что такой новый метод управления кораблем установлен не мной, а приказом командующего… Эллон нетерпеливым жестом оборвал меня:

— Против Грация не возражаю, пусть стажируется. Всего бессмертия вашего галакта не хватит, чтоб осилить функции МУМ. Но плавающий Мозг — излишен.

— Могу предложить одно: вынеси спор о Голосе на обсуждение команд. Если твои антипатии признают обоснованными…

— Симпатии и антипатии на обсуждение не выношу. Но если МУМ разладятся, ремонтируйте их сами или удовольствуйтесь чарующим вас Голосом. Слуг поставлять ему больше не буду!

Вечером к нам с Мэри пришла Ирина.

— Мне надо поговорить с Эли, — сказала она.

Мэри встала, Ирина задержала ее:

— Оставайся. В твоем присутствии мне легче высказать свои просьбы адмиралу. Эли, вы, наверно, догадываетесь, о чем речь?

— О чем — не знаю, о ком — догадываюсь. Что-нибудь связанное с Эллоном?

Ирина нервно сжимала и разжимала руки. Я залюбовался ею. Стройная, быстрая, нетерпеливая, она так напомнила отца, что, если бы одевалась в мужскую одежду, я принял бы ее за молодого Леонида. Я знал, что мне достанется от нее, и спокойно готовился отразить упреки.

— Да, с Эллоном! Почему вы так презираете его, адмирал?

Этого обвинения я не ожидал.

— Не слишком ли, Ирина? Мы все — и я, и Олег, и капитаны звездолетов с таким уважением…

— Об Олеге разговор особый! А ваше уважение к Эллону — слова, равнодушные оценки — да, необыкновенен, да, пожалуй, гениален, да, в некотором роде выдающаяся фигура… А он не пожалуй, а просто гениален, не в некотором роде, а во всех родах выдающийся! Сравните его с другими. Кто может сделать то, что может он?

Разговор становился серьезным, и я ответил серьезно:

— Зато он не сделает многого того, что умеют другие. Невыдающихся на кораблях нет. В поход отбирали только незаурядных. Или, по-твоему, Камагин середнячок? Или твоя мать?

— Я говорю об Эллоне, а не о моей матери или Камагине. Он заслуживает душевного, а не равнодушного уважения.

— Чего ты хочешь?

— Почему вы предпочитаете ему дракона? — выпалила она. — Отвратительный пресмыкающийся вознесен выше всех! Дракон еле-еле заменял МУМ, когда они не работали, а сейчас, когда они правильно функционируют, путает их команды. Он в сочетании с МУМ хуже, чем МУМ одна!

— Один раз машины уже выходили из строя, Ирина…

— Ну и что? Один раз вышли из строя, еще десять раз разладятся, еще десять раз будут восстановлены! Ваша привязанность к дракону оскорбительна! Можете вы это понять или нет?

— Я не могу понять другого, Ирина. Почему Эллон так ненавидит бывшего Бродягу?

— Не знаю. Спросите лучше, почему, я не терплю дракона!

— Хорошо — почему ты не любишь Голос?

— Не люблю, и все! Вот вам точный ответ. Он мне был отвратителен еще на Третьей планете. Б-р-р! Громадная туша, дурно пахнет!..

— Он изменился с тех пор, Ирина.

— Да, одряхлел, амуры не строит да и не с кем. Но запах свой принес и на звездолет. Я пробегала мимо этой дракошни, закрыв нос, а вы проводили там часы.

— Понятия не имел, что он тебе так неприятен.

— Олегу он тоже неприятен, но Олег уступил, как и всегда во всем уступает вам. А вам плевать на чужие чувства, вы считаетесь только со своими!

Я покачал головой:

— Сильное обвинение, Ирина!

— Справедливое! Лусин кроме пса Мизара хотел взять и двух кошек. Но кто-то сказал, что вы не терпите кошек. Специально проверяли, так ли это. И выяснили — да, недолюбливаете. Лусин и заикнуться уже не посмел о кошках! А вы поинтересовались у кого-нибудь, нравится ли ему общество огнедышащего динозавра?

— Дракона больше нет, Ирина, — сказал я. — Есть мыслящий Голос, координирующий работу двух МУМ. Если координация идет плохо, мы освободим Голос от его нынешней функции и оставим в резерве.

Ирина поднялась. Я задержал ее:

— Ты сказала, что об Олеге разговор особый. Как это понять?

У нее в глазах показались слезы. Она несколько секунд молчала.

— Олег не тот, каким я его раньше знала. Вы первое лицо на эскадре, Эли. Вы подчинили себе всех. Он с этим примирился. Я гордилась им, теперь мне обидно за него. Я ему сказала: мой отец тоже летал с Эли, но не позволял так собой командовать, как позволяешь ты. Олег считает, что я все придумываю.

— Придумываешь ты много, это верно, — сказал я.

После ее ухода я некоторое время молча шагал по комнате. Мэри повеселевшими глазами следила за мной. Я сердито сказал:

— Ты радуешься тому, что на кораблях возникли свары? Что нашу дружбу с Олегом так превратно толкуют?

Она смеялась так заразительно, что и я захохотал.

— Меня радует, что ты услышал о себе несколько неприятных, но правдивых слов, — сказала она. — И я сама много раз собиралась сказать тебе то же самое, но жалела тебя: ты так принимаешь близко к сердцу каждый пустяк… Между прочим, кошек я сама посоветовала не брать.

— И напрасно! Я бы перенес кошек на корабле. Примирился бы…

— Вот этого и опасались, что ты заставишь себя переносить и примиряться.

— Ладно о кошках, не терплю их! — с досадой сказал я. — Скажи лучше, что делать?

— Самое важное — что в совместной работе МУМ и Голоса появились рассогласования. Если это правда, то это серьезно.

— Пойду проверять, — сказал я.

В оперативной рубке по кольцу вдоль стен шествовал Граций. Он с обычной неспешной серьезностью выполнял свои новые обязанности. Практически они сводились пока к беседам с Голосом обо всем на свете и о многом прочем.

— Голос, — сказал я, — как работа с мыслящими машинами?

— Обе МУМ слишком медлительны, — пожаловался он.

— Ты хочешь сказать, что рассчитываешь варианты быстрее?

— Я не такой глупец, Эли, чтобы утверждать это. Рассчитывать быстрее МУМ невозможно. Но я уже говорил тебе, что не перебираю варианты. Я сразу нахожу ответ.

— Да, ты говорил. Но как это возможно?

— Варианты появляются во мне сразу. Мое дело — взять верный, а отброшенные даже не проникают в сознание. Я их оцениваю в целом, а не перебором причин и следствий. МУМ еще не вычислила всех вариантов, когда я подсказываю решение. Это немного путает ее работу, но ни разу не направило нас по неверному пути.

Я обратился к Грацию:

— И ты мыслишь готовыми оценками, а не сравнением вариантов?

— Стараюсь, Эли, — ответил он величаво.

Все это было не то и не так, как представлялось Эллону и Ирине. Я пошел в командирский зал. Чтобы не отвлекать Осиму я попросил Олега выйти. Он повел меня к себе. Олег занимал квартирку из двух маленьких комнат, каждая походила на старинные корабельные каюты. Я еще не бывал у Олега дома, все встречи происходили в служебных помещениях. Посреди комнаты

стоял круглый столик, вокруг него кресла, на стенах висели портреты знаменитых звездопроходцев, среди них и мой. Я загляделся на портрет Андре. Отец Олега был сфотографирован, когда носил малиновые волосы: пышная, как бы пылающая шевелюра обрамляла бледное, тонкое лицо, глаза Андре смеялись. Он был все-таки очень похож в молодости на Олега, только теперь мода на завитые локоны прошла.

— Сфотографировано на Оре?

— Перед пленением, Эли. В день высадки на Сигме, где отца захватили невидимки. Вера доставила эту фотографию маме, когда вы с Ольгой и Леонидом продолжали путь к Персею. Что ты мне хотел сказать, Эли?

Я рассказал о требованиях Эллона, о просьбах Ирины. Олег слушал бесстрастно и только раз улыбнулся, когда я упомянул, что, по ее мнению, подавил собой всех.

— Тебя, кажется, это задело, Эли?

— Неприятно, когда бросают в лицо такие обвинения.

— Не расстраивайся. Я не из тех, кого можно принудить против воли. Если я соглашаюсь с тобой, то лишь потому, что ты прав. Я и настаивал на твоем участии в походе, чтобы прислушиваться к твоим советам. Это содружество, а не потеря самостоятельности. Очень жаль, что Ирина этого не понимает.

— И много другого не понимает, — добавил я.

Олег ровно кивнул головой. Я сказал, что отступать назад неразумно. Голос создает новую систему управления кораблем, и она эффективней той, что реализована в МУМ.

— Все дело в том, Олег, — сказал я, — что конструкторы использовали в мыслящих машинах лишь одну особенность человеческого мышления: способность рассуждать, способность выводить следствия из причин, то есть строить логическую цепь. Каждое разветвление логической цепи дает один вариант оценки ситуации. МУМ умножает и сравнивает варианты — вот ее задача. Но мышление человека не исчерпывается этим. И в трудных ситуациях несовпадение машинного и человеческого мышления грозит крупными неприятностями.

Я привел такой пример. Каждый знает, что такое мать. А машине, чтобы уяснить все богатство понятия «мать», нужны сотни тысяч признаков и фактов: одно перечисление их займет месяцы, но без него оценка машины будет уступать человеческому пониманию матери. Мы увидели пейзаж города и восклицаем: «Как красиво!» Но машине, чтобы точно восстановить наше восприятие, нужно перечислить все здания, все улицы, все деревья, все облака над улицами, а в каждом здании описать его архитектурную красоту и историческое значение, и начать с

кирпичей, с красок стен, с перекрытий, с фундамента и еще черт знает с чего, и тогда красота, которую мы постигаем мгновенно, будет достигнута в качестве нескорого результата бесчисленного числа сопоставлений и совпадений — венцом безмерной цепочки причин и следствий.

— Ты машиноборец, Эли! — сказал Олег, улыбаясь. — Не берусь судить, прав ли ты. Но ты сказал о возможных крупных неприятностях. Неприятности в рейсе командующего близко касаются. Что ты имел в виду?

— Только то, что любая цепь в любую минуту может порваться в любом из своих бесчисленных звеньев — и весь длиннейший расчет станет абсурдом. Вспомни аварию на «Таране». В какой-то момент были перепутаны несколько следствий и причин. И вся логическая цепь полетела в пропасть! МУМ стала выдавать неверные решения. Еще хорошо, что, упершись в тупик, она выключила сама себя. Среди абсурдных команд могла попасться и такая, как взорвать себя или направить аннигиляторы на другие звездолеты.

— Наши МУМ снабжены хорошей системой самоконтроля, Эли.

— Я говорю о ситуациях, когда и самоконтроль может отказать.

— Ты уверен, что с Голосом подобные неприятности невозможны?

— Если он внезапно не сойдет с ума. Он мыслит целостными образами. Он и рассуждает, и высчитывает, но это у него лишь подсобный прием. Естественно, он имеет преимущество перед машинами.

— Я согласен с тобой, — ровным голосом сказал Олег. — Считай, что ты опять подмял меня под себя и навязал свою волю. Трудные ситуации наверняка будут.

— Кто из нас скажет Эллону и Ирине, что их просьба вторично отклоняется?

Олег какое-то мгновение колебался.

— Скажи лучше ты. Мне трудно разговаривать с Ириной. Она без памяти от своего руководителя.

— Но это смешно! Наши звездные друзья — друзья, не больше. Есть в конце концов препятствия телесной структуры. Любовь — чувство лишь для особей одного рода. Оно куда уже товарищества. Ирина путает два несходных чувства.

Олег рассеянно глядел мимо меня.

— Я слышал, что ты влюблялся в некую Фиолу, змею с Веги. Разве змеи одной с нами природы?

— Юношеское увлечение, я давно позабыл о нем. Все нас с

Фиолой разделяло, а соединяло очень немногое. Я это скоро понял.

— Ирина тоже это поймет, но не уверен, что скоро.

7

Мы вступили в ядро.

Как спокойно звучат слова «вступили в ядро»! Как будто была межа, отделяющая ядро от околоядерного пространства, и ту межу пересекли. Не было межи, не было даже особенного сгущения звезд — в ускользающем наружу шаровом скоплении их напрессовано гуще. Но мы вступили в ядро, сразу поняв, что уже в ядре. Звезды вдруг стали шальными. Я продиктовал «вдруг» и «шальные» и задумался. Астрофизик упрекнет меня в приписывании мертвым телам человеческих свойств. Ничего не могу поделать, самое точное описание поведения светил будет это: ошалели! То, что светила светили, было уже не самым характерным.

Они неистовствовали, это было важней.

Этого не передать словами тому, кто не побывал в ядре! Нужно самому окунуться в хаос бешено налетающих, дико отлетающих звезд, чтобы содроганием души, не одними глазами постигнуть, что вступили в ядро: вокруг забушевал взрыв, и сам ты среди летящих сияющих осколков не больше, чем темная пылинка!

Мы знали звездные скопления — и рассеянные, как Плеяды, и два скопления Хи и Аш в Персее, и шаровые, вроде того, через которые пролетали. Там звезды были как звезды — висели в своих координатных узлах, их взаимные расстояния почти не менялись.

А если менялись, то много надо было времени, чтобы изменение стало заметным. Гармония звездных сфер там звучала мелодией всемирного тяготения, там был порядок.

А здесь господствовал хаос! Разве может быть гармония во взрыве? И когда одна звезда настигала соседку, из каждой выносились дымные протуберанцы, и у меня возникало ощущение, что одна вырывает у другой из головы клок волос.

— Эли, я не способна рассчитать траекторию ни одного из светил, — почти с испугом сказала Ольга, когда мы вчетвером сидели в командирском зале. — Законы Ньютона здесь перекрыты какими-то силами, вызывающими беспорядок. Ядро кипит. И я не могу понять, что вызывает кипение звезд. Какая гигантская мощь нужна, чтобы так нарушить звездное равновесие!

Олег задумчиво разглядывал звездоворот на экранах:

— Не кажется ли вам, друзья, что мы наблюдаем взаимное падение звезд в одну кучу? С последующим превращением их всех в разлетающуюся туманность!

— Это станет гибелью нашей Галактики, — ответила Ольга. — В ней около двухсот миллиардов звезд, половина сосредоточена в ядре. Если сто миллиардов светил взорвутся, от других ста миллиардов, в том числе и от нашего Солнца и от Персея демиургов и галактов, ничего не останется, кроме пыли.

— Зато разумные наблюдатели на других галактиках обрадуются, что зафиксировали появление еще одного квазара, — утешил я их.

— Я начинаю думать, что мы поступили опрометчиво, ворвавшись в эту кипящую звездную кашу, — сказала Ольга. — Олег, мне кажется, сверхсветовые скорости здесь опасны.

Теперь я перехожу к событию, показавшему, что беспокойство Ольги было оправданно. Мы опять вчетвером сидели в командирском зале. Осима вел корабль, Ольга производила расчеты, мы с Олегом тихо разговаривали. Внезапно Ольга с удивлением сказала:

— У меня получается, что нас несет к гибели. Наверно, я где-то ошиблась!

Я сказал великодушно:

— Ты почти никогда не ошибаешься, Ольга, но в данном случае наврала. Ничем не вызванная гибель двух звездолетов все-таки менее вероятна, чем арифметическая погрешность при расчетах. Переставь где-нибудь минус на плюс.

— Я проверю еще раз, — сказала она.

В этот момент раздались сигналы Большой тревоги: заревели сирены, заквакали пусковые реле боевых аннигиляторов, замигали аварийные лампы. На табло засветилась зловещая надпись: «Генераторы пространства — первая готовность!» Я схватился за переговорную трубку, но меня опередил Олег.

— Голос, что случилось? — крикнул он.

Мы услышали ответ, что кучку беспорядочно мятущихся звезд, среди которых пробирались корабли, вдруг, словно судорога, охватило единое движение. Они все летят в свой геометрический центр, а в нем в данный момент находимся мы. Звезды неистово рушатся одна на другую и при взрыве неминуемо захватят нас. Единственный выход — в канале новосотворенного пространства вынестись из звездной кучки.

— Мы делаем расчеты, — информировал Голос.

— Сомневаюсь, чтобы расчеты дали положительный ответ, — спокойно оценила положение Ольга. — Запасов всей эскадры не хватит на прокладку туннеля наружу.

Я вызвал лабораторию. На малом экране высветился Эллон.

— Эллон, — сказал я. — Мы попали в опасную передрягу. Возможно, только гравитационная улитка может спасти звездолеты. Свяжись с Голосом.

Он ответил с мрачной веселостью:

— Улитка вышибла в ад целую планету, выбросить два звездолета проще. Пусть только ваш парящий любимец признается, что не способен прокладывать курс меж звезд, и я выправлю его ошибку.

Через минуту Голос сообщил, что аннигиляция активного вещества избавления от звездного взрыва не даст и единственная надежда — выскальзывание по гравитационной улитке.

На звездных экранах зажглось около сотни светил размером с Венеру. Они увеличивались, зловеще накаливались. Я вспомнил, что в юности в Плеядах вот так же со стесненным сердцем следил, как со всех направлений звездной сферы на нас рушились недобрые огни. Но те огни, маленькие, пронзительно-зеленые — космические крейсеры разрушителей, — были пылинками в сравнении с гигантами, охватывавшими нас отовсюду. Сто солнц падало на нас! Они вскоре и стали размером с Солнце — ослепительно белые, голубоватые, радужные, мутно-багровые, темно-вишневые… Обе звездные полусферы превратились в исступленно пылающие костры. Было ясно, что еще до того, как звезды начнут сталкиваться и взрываться, оба корабля от одного жара превратятся в облачко пара. Я вызвал Голос.

— Рано, Эли, — ответил он. — Мы с Эллоном поджидаем удобного момента.

Все источники корабельной энергии были переключены на генератор метрики, «Змееносец» шел в кильватере «Козерога». Камагин прислал мне шутливое приободрение: «Адмирал, в мое время говорили: на миру и смерть красна. У нас она будет светла!» Шутка показалась мне мрачной.

А затем мы увидели, как два солнца вырвались из общей массы и помчались навстречу одно другому и на линии их движения оказались звездолеты. Даже того утешения, что перед смертью удастся полюбоваться вселенским пожаром, не было. Оба светила взорвутся раньше, чем остальные подоспеют в общее месиво, а до их взрыва испаримся и мы, если не выскользнем по искривлению пространства.

— Включение! — услышал я тройную команду, в ней смешались мелодичный даже в такую минуту Голос, выкрик Эллона, приказ Олега.

Страшная боль свела судорогой мое тело. Мельком, каким-то боковым взглядом, я увидел, как бьются в своих креслах Осима и

Ольга, как Олег схватился рукой за горло, будто разрывая удушающие петли. А картина на экране была так фантастически непредвиденна, что я на какое-то мгновение забыл о боли.

Летящие солнца столкнулись, но взрыва не было! Одно проходило сквозь другое. Они мчались друг в друге, не смешиваясь, не растворяясь, не разжигаясь от страшного удара. Они даже не изменили шарообразной формы. Одно было ощетинено протуберанцами, протуберанцы показались мне огненными змеями на голове какого-то космического арана. Другое летело в короне, в светлом венце, в призрачно-нежном гало. И вот ни один протуберанец не изменил своей формы, когда солнце проносилось сквозь солнце, они так же прихотливо извивались, исторгались, вспыхивали, тускнели. И гало второго солнца лишь немного потускнело от яркости первого светила, но не исчезло, не стерлось, оно было такое же нежное, такое же призрачно-светлое. Я понял, что схожу с ума, что боль, пронизавшая клетки тела, помутила сознание. Я даже не обрадовался тому, что мы не погибаем. Я не видел путей к спасению, оно было невозможно. Мы не падали в гравитационном провале, не крутились в гравитационной спирали, в этом случае, все светила сразу бы пропали, а они были — и одно сталкивалось с другим, одно проходило сквозь другое: они походили на две тени, перекрестившиеся на мгновение. «Звездные фантомы! Звездные фантомы!» — крикнул я, потрясенный этой мыслью.

Солнце прошло сквозь солнце, и теперь они разбегались. Столкновение совершилось — и его не было. Взрыв, неизбежный, неотвратимый, не произошел. Мы были в царстве фантомов. Не было другой реальности, кроме судорог и боли в каждой клетке и жилке!

Я кинулся к Олегу. Он с трудом просипел:

— К Эллону! Об Ольге и Осиме я позабочусь.

Я выскочил в коридор и упал. Ноги меня не слушались. Я не мог заставить их двигаться последовательно. Они начинали движение одновременно, я заносил вперед левую, тут же поднималась и правая. Так я несколько раз падал, прежде чем сообразил, что шагать уже не могу, а способен только перепархивать, как демиурги. Я запрыгал к лаборатории обеими ногами, но еще не дошел до нее, как восстановилась нормальная походка.

Лаборатория выглядела как после землетрясения. Движущиеся механизмы сорвались со своих мест, только стенды покоились, где их поставили. Эллон распластался около генератора метрики и судорожно дергал руками и ногами. Около на коленях стояла Ирина, с плачем звала его, тормошила и

целовала. Она повернула ко мне залитое слезами лицо и простонала:

— Помогите! Он умрет! Я этого не переживу!

Общими усилиями мы подняли Эллона и усадили в кресло. Ирина опять опустилась на колени:

— Ты жив! Ты жив! Я люблю тебя! Ты мой единственный!

Я хотел оттянуть ее от Эллона, но она не далась. Эллон с усилием поднял веки. У него были мутные глаза.

— Ирина, — простонал он. — Ирина, я жив?

Она еще страстней целовала его.

— Да, да, да! Ты жив, и я люблю тебя! Обними меня, Эллон!

Он приподнялся. Он с трудом стоял на ногах.

— Обними! — требовала Ирина, прижимаясь к нему. — Обними, Эллон!

На этот раз он посмотрел на нее осмысленным взглядом.

— Обними? — повторил он с недоумением. — Тебя обнять? Зачем?

Закрыв лицо ладонями, она зарыдала. Я взял ее под руку.

— Ирина, пойди к себе. Эллон не может тебя понять.

Она вырвалась:

— Что вам надо от меня? Вы злой человек! Вы сами никого не понимаете!

— Не до тебя, Ирина! Прекрати истерику! Эллон, что произошло? Ты включил генератор метрики?

Он говорил еще с трудом:

— Адмирал, я не успел ничего сделать. Меня вдруг стало крутить и бросило на пол. Я вижу, что мы спасены. — Он с прежним недоумением посмотрел на Ирину. — Что с тобой? Ты что-нибудь повредила? Проводить тебя к медицинской машине, Ирина?

Она сумела взять себя в руки, даже улыбнулась, только голос ее был нетверд.

— У меня все в порядке, Эллон. Я буду прибирать лабораторию.

Она отошла. Эллон повторил, что упал в момент, когда собирался запустить оба корабля в улитку. Я вспомнил, что ничего не знаю о Мэри, и послал вызов. Мэри чувствовала себя неважно, но постепенно отходила. Приступ боли застал ее, когда она собиралась в свою лабораторию, она сумела дотащиться до кровати.

— Не тревожься обо мне, Эли. Занимайся делами.

Теперь надо было спешить в оперативную рубку. В ней все было без изменений. Я в изнеможении прислонился к стене. Меня поддержал Граций. Галакт был бледен, но на ногах тверд. Я

пробормотал через силу:

— Голос, Граций, какие это были чудовищные фантомы!

До меня как бы издалека донесся Голос:

— Эли, то не были фантомы. Солнце неслось на солнце не в мираже, а в действительности.

— И они столкнулись? И не произошло взрыва? И солнце прошло сквозь солнце? Мы, видимо, все сошли с ума! Граций, ты что-нибудь понимаешь? Мы попали в мир, где отменены законы физики! Даже всемирное тяготение упразднено!

Граций выглядел не менее растерянным, чем я. Голос продолжал:

— Во мне внезапно разорвалась цепь времени. Я был в прошлом и будущем одновременно, но не было настоящего. Меня выбросили из моего «сейчас». Это была ужасная мука, Эли. Время во мне как бы кровоточило. И из прошлого я не мог воздействовать на будущее, ибо не было «сейчас», через которое шли все воздействия.

У меня раскалывалась голова от неспособности что-либо понять. В ту минуту я был способен только на простые действия — кого-то спасать, кого-то поднимать, с кем-нибудь драться, на кого-то кричать…

— Голос, я спрашиваю тебя о столкнувшихся солнцах, а не о твоем самочувствии!

— Не было столкновения, Эли! Между летящими светилами разорвалась связующая их нить времени. В этот разрыв угодили и мы, и наше время разорвалось тоже… Солнце налетело на солнце не в их «сейчас». Вероятно, одно пребывало в прошлом, а другое вынеслось в будущее. Они лишь пронеслись через место столкновения, но в разных временах — вот почему не было взрыва.

Хоть и с усилием, но я начал понимать.

— Ты говоришь чудовищные вещи, Голос. Я способен допустить, что Юлий Цезарь и Аттила ходили по одной земле, ставили ногу на одни камни, но не могли столкнуться, потому что их разделяли прошедшие между ними века. Но чтобы само время разорвалось!..

— Это единственно правильное объяснение.

— Докажи его правильность, Голос!

— МУМ на кораблях ведут обработку всего, что зафиксировали анализаторы.

Я возвратился в командирский зал. Олег и Осима чувствовали себя слабо, но двигались без усилий. Осима снова вел «Козерог». Олег уже знал о вычислениях, какими занимались МУМ.

С подавленным чувством смотрели мы вскоре на вычисленный машинами итог. Даже в горячечном бреду нельзя было заранее вообразить себе то, что казалось таким простым и по-своему даже логичным на ленте расчетов. Звезды реально неслись одна на другую, но в миг, когда взаимное их тяготение достигло какого-то граничного предела, у них нарушилось течение времени. Время и вправду разорвалось, перестало быть синхронным. Разрыв составлял микромикросекунды для микрочастиц, секунды для нас, тысячелетия для солнц. Эти вневременные секунды едва не прикончили нас, — еще надо будет разбираться, почему мы уцелели. И почему время нормально одинаково для любых частиц и космических масс, а величина разрыва его так зависит от массы, мне тоже неясно. Но для микрочастиц было достаточно и микромикросекунд, чтобы не столкнуться в одновременности. А для светил сдвиг во времени в тысячелетия гарантировал свободный проход через то место, где они, не будь такого сдвига, столкнулись бы и взорвались. Все было ясно. Это была непостижимая ясность.

Вечером к нам с Мэри заглянул Ромеро. Он чувствовал себя не лучше других. Он сказал, что только на Мизаре не сказался разрыв времени, пес бодр. Гиг тоже почти не сдал, а Труб заболел. Ромеро назвал происшествие драмой в древнем стиле. Писатели старых эпох охотно живописали ужасы, возникавшие от расстройства течения времени. Он называл много имен, среди них я запомнил Гамлета и Агасфера, Мельмота и какою-то Янки у короля Артура. Исторические изыскания Ромеро меня мало тронули. Разрыв психологического времени — а только о нем шла речь у древних — приводил к страданиям души. Мы же столкнулись с физической аварией времени — и от нее трещали наши кости и поскрипывал сверхпрочный корпус корабля. Этой существенной разницы Ромеро недооценивал.

— Почему ты такой хмурый? — спросила Мэри, когда Ромеро, легко постукивая тростью по полу, удалился к себе. — Ведь все окончилось благополучно.

— Благополучно окончилось только начало, — ответил я. — А каково продолжение? Я со страхом жду завтрашнего дня.

Завтрашний день прошел благополучно. И еще несколько дней минули без происшествий, если не считать происшествием зрелище беспорядочно снующих светил. А затем на корабле опять зазвучала Большая тревога, и каждый поспешил на свое боевое место. На экранах обрисовалась знакомая картина: звездный рой вокруг и все звезды посыпались на нас. Осима испуганно закричал, что это тот же звездный рой, где мы уже побывали. Олег потребовал от Голоса справки. Голос передал, что звездное

окружение — то самое, что было.

— Мы мчимся в наше прошлое! — Олег, побледнев, впился глазами в горошинки, быстро выраставшие в солнца.

— Мы мчимся в наше будущее, — поправила Ольга. — Все, что предстоит нам еще, и есть будущее. Но это предстоящее будущее уже было в прошлом.

Я переводил взгляд с нее на Олега, с Олега на Осиму. Я ощущал с физической четкостью, как во мне ум заходит за разум. Полет в будущее, которое является прошлым, мог означать только то, что мы угодили в такое искривление времени, где нет ни начала, ни конца и где каждое мгновение является одновременно и прошлым и будущим. До сих пор похожие ситуации служили лишь темой для фантастических романов, но никто и не подозревал, что завихрение времени может обнаружиться в реальной природе.

— Мы в кольце времени, Олег, — сказал я. — И, судя по тому, что прошлое настало очень быстро, диаметр кольца невелик. Мы будем теперь безостановочно кружиться в замкнутом круге, гоняясь за собой, как пес за собственным хвостом. Твои намерения, Олег?

Олег побледнел еще больше, но не потерял решительности:

— Постараемся не попадать в то будущее, которое является нашим прошлым. Эллон, готовить включение генераторов метрики! Голос, дать на включение команду до повторного разрыва времени!

Теперь оставалось только ждать. Снова обжигающе засверкали на экранах сто разрастающихся солнц. Снова два бешеных светила вырвались из роя и исступленно понеслись одно на другое. Я весь сжался, готовясь к новому удару по нервам и тканям, которого на этот раз, может быть, и не перенес бы. Но летящие одно на другое солнца стали тускнеть и закатываться. И больше не было компактного звездного роя, была прежняя звездная сумятица и толкотня, — может быть, лишь немного погуще и посумбурней.

Мы вырвались из опасного промежутка между сшибающимися светилами в обычную звездную сутолоку ядра.

— Разрыв времени, оказывается, был не просто разрывом, — с облегчением сказала Ольга. — Он еще означал и выброс в прошлое. Ведь только из прошлого мы могли мчаться в будущее, которое уже было.

Я переадресовал ее соображения Голосу. Тот первый открыл разрыв времени. Они могли поспорить вдосталь и выдать что-либо важное. Правда Ольга мыслила рассуждениями, а Голос готовыми результатами, но согласовать истину они могли при

любом способе поиска. Меня больше обеспокоило то, что скольжение по гравитационной улитке не выбросило нас за пределы ядра, а подтолкнуло вглубь. Этот факт мне показался тревожным.

8

Трубу было совсем плохо, мы с Мэри посетили его.

Старый ангел лежал на мягкой софе, свесив на пол огромные крылья. Лицо Труба, постаревшее, морщинистое, было серым, как его сивые бакенбарды. По привычке он расчесывал их кривыми когтями, но так медленно, так слабо, что Мэри не удержалась от слез. Ангелу прописали все виды лечения и все роды лекарств, от радиационных душей до слабительного и банок, но было ясно, что дни его сочтены. Он знал, что смерть приближается, и не страшился ее.

— Эли, разрыв времени не по мне, — шептал он горестно. — Ангелы не могут существовать одновременно в разных временах. Ты ведь знаешь, адмирал, у нас дьявольски крепкий организм, мы способны вынести любую физическую нагрузку. Но разновременность нам противопоказана. Мы принципиальные одновременники. Все остальное для нас — катастрофа. Лусин тоже бы не вынес такого извращения времени, я в этом уверен.

Мэри утешала Труба, я не мог. Женщины, не раз замечено, готовы восстать против очевиднейшей очевидности, если она противна их чувству. Я молча слушал, как она убеждала ангела, что тот еще поправится, что курс лечения не закончен, а когда закончится, Труб не встанет, а взлетит с постели. Возможно, она и сама верила своим уверениям. Труб не верил, но смотрел на нее с благодарностью. Вошел Ромеро и шепотом спросил, о чем я думаю. Я думал о том, что разрыв времени почти не отразился на мертвых предметах, а на всех живых, кроме Мизара, отозвался тяжкими потрясениями.

Ромеро погладил Мизара, прилегшего у его ног. Умная собака не сводила глаз с Труба. Она слышала, что я сказал о ней, но не откликнулась. Хотя благодаря стараниям Лусина она отлично разбирала человеческую речь, если мы не ударялись в отвлеченности, сама она по своей собачьей деликатности не вмешивалась в разговоры.

— Вы указали на важный факт, Эли, — проговорил Ромеро. — Вероятно, сдвиг времени по фазе или разрыв его, как считает Голос, был в нашем корабельном мирке таким крохотным, что предметы и реагировать на него не успели. За период в одну-две секунды ничего ведь практически не меняется в мире вещей. Но

для живой клетки, особенно нервной, несуществование в течение секунды уже подобно крохотной смерти. В дальнейшем нам придется считаться с этим фактом.

— Хуже всех пришлось Трубу. — Я, как и Ромеро, говорил почти шепотом. — Удар по нервным клеткам привел к тяжкой болезни — так я рисую себе его состояние. Страдания души породили муки тела.

— Труб, кажется, чувствует себя лучше, — радостно сказал Ромеро. — Смотрите, Эли, он задвигался.

Но то было не оживление, а агония. Тело Труба свела судорога. Он приподнялся, тяжело забил крыльями. Он обратил ко мне лицо, отчаянно пытался что-то сказать, но вместо речи из горла вырвался смутный клекот. Я опустился на колени у его ложа, прижался головой к его огромной волосатой груди, несколько минут слышал, как неровно, гулкими ударами, билось сердце, и как удары слабели, и как на каком-то ударе, не довершив его, лишь едва-едва стукнув, оно вдруг замолкло. А тело старика и после того, как выключилось сердце, еще минуту дергалось и шевелилось и, медленно окаменевая, вытянулось на ложе. Крылья снова бессильно упали на пол. Труба больше не было.

— Все, Мэри! — сказал я, поднимаясь. — Все, все! Еще один друг ушел. Чья теперь очередь?

Мэри плакала. Ромеро молча стоял у ложа, слезы текли по его щекам. Я с грустной нежностью вдруг ощутил, что неизменная его трость теперь нужна ему не только для подражания древним, а чтобы не пошатываться. Гиг стал рядом с Ромеро и торжественно и скорбно загремел костями. Вечно будет звучать в моих ушах похоронный грохот его костей.

Еще один прозрачный саркофаг добавился в консерваторе.

Эту ночь я не спал и последующие ночи не спал. Я мог бы не останавливаться на таком пустяке, как бессонница. Ромеро говорит, что в старину бессонница была распространеннейшей болезнью и люди глотали разные лекарства, чтобы преодолеть ее. Но мало ли какие болезни не бывали в древности! Болезни — одно из тех наследий предков, которое мы не перетащили в свой век. Мне всегда казалось чудовищным, что люди не могут уснуть, когда надо спать, тем более когда еще и хочется спать! Я останавливаюсь на поразившей меня бессоннице не для того, чтобы живописать свои страдания. Я перенес смерть Веры и Астра, гибель Аллана, Леонида, Лусина — это все были не меньшие потери, чем уход в небытие Труба. Я не спал оттого, что не мог справиться с мыслями. В часы дежурств и встреч слишком многое мешало сосредоточиться. Работать с МУМ, как Ольга,

забывая при этом обо всем и обо всех, я не умею, к тому же они для меня лишь орган для справок и советов, а не сердечный напарник. Для размышлений мне нужно одиночество.

И я вставал, когда Мэри засыпала, и шел в свою комнату, и смотрел на маленький звездный экран — на нем был все тот же жуткий пейзаж осатанело летящих одно на другое светил, дикая звездная буря, какой-то давным-давно грохнувший на всю Вселенную и с той поры непрерывно продолжающийся звездный взрыв. И я думал о том, что бы мог означать такой звездный хаос, такое чудовищное отсутствие даже намека на порядок, не говоря уже о величественной гармонии звездных сфер? Ольга бросила фразу: «Ядро кипит». Фраза не выходила у меня из головы. Что заставляет ядро кипеть и расшвыриваться звездами, как брызгами? Какой нужен страшный перегрев, чтобы заставить гигантские светила метаться, как молекулы в автоклаве? Не меняет ли перегрев ядра свойства пространства? Вот уж о чем мы мало еще знаем — о пространстве! Оно не пустое вместилище материальных предметов, ибо превращается в вещество и вещество становится пространством. Но что еще мы постигли в нем, кроме такой простейшей истины? Пространство — самая тайная из тайн природы, самая загадочная из ее загадок! А время? Не перегрето ли здесь и время? Мы привыкли к спокойному, ровному, одномерному времени нашей спокойной, уравновешенной звездной периферии, — что мы знаем о том, каким еще оно может быть? Тот, кто видит океан в штиль, может ли представить себе, каким океан становится в бурю? «Здесь время рыхлое, оно разрывается, здесь время больное, рак времени!» — разве не твердил о том предатель Оан? Пустая ли то угроза или предупреждение? И разве не оправдалась его угроза, если то была угроза? Время разрывается, прошлое не смыкается с будущим через настоящее — каждая клетка нашего тела о том вопила! Бедный Труб — жертва разрыва времени! А если бы оно не разорвалось? Все бы мы тогда стали жертвой катастрофы, и звездолеты, и сами звезды. Какой исполинский взрыв потряс бы ядро, взорвись внутри него эта сотня светил! В ядре миллиарды их, но разве тонна атомной взрывчатки не сворачивает миллиардотонные горы?

— Постой! — сказал я себе. — Постой, Эли! Это же очевидно, об этом свидетельствуют наши МУМ — разрыв времени предотвратил взрыв доброй сотни светил! Не есть ли «болезнь времени» — особая форма устойчивости ядра? Когда атом летит на атом, молекула на молекулу, их предохраняет от непрерывно возникающих столкновений электрическое отталкивание, их отшвыривает электрическая несовместимость. Благодаря этому

мы и существуем — предметы, организмы, произведения искусства: крохотные ядра наших атомов не могут столкнуться лоб в лоб. А здесь, в этом большом ядре? Здесь нет электрических сил, способных отшвыривать звезды одну от другой. Зато есть ньютоновское притяжение, толкающее их друг на друга в суматошливой, дикой беготне. Ах, Ньютон, Ньютон, древний мудрец, ты же запроектировал неизбежную гибель для всей Вселенной! И гибель не совершается лишь потому, что действует новый, нам еще не известный закон, более могущественный, чем твое всемирное тяготение, чем электрическое притяжение и отталкивание, чем даже искривление метрики демиургов — искривление и разрывы времени! Вот она, гарантия устойчивости ядра! Подвижность твоего времени, ядро, весь мир спасает! Нет, это не болезнь, это мощный физический процесс, мы о нем просто ничего еще не знали, теперь знаем: дисгармония времени обеспечивает устойчивость ядра! Несовместимость одновременности, взаимоотталкивание времени! Но Труб прав — это не для нас, это решительно не для нас!

Так я размышлял, то логично, то путано, то холодно выстраивал цепь причин и следствий, то страстно восставал против них. И во мне зрело убеждение, что надо поскорей убираться из ядра, пока мы не погибли. Да, правильно, большинство звезд Галактики сосредоточено в ядре. Но жизнь здесь невозможна. Жизнь — явление периферийное. Мы можем теперь это утверждать! «Нет!» — говорит нам ядро, ответ убедителен. Что же, и «нет» тоже ценный результат экспедиции, не ждали ведь мы, чтобы нас всюду встречало одно «да, да, да». Запрет соваться в адское пекло не менее важное открытие, чем приглашение царствовать в новооткрытом раю. Мы узнали границы существования жизни. Пора убираться из звездного ада! Пора убираться!

Именно такими словами я и внес на очередном совете капитанов предложение закончить экспедицию в ядро.

Мы начали готовить возвращение в родные звездные края.

9

В одном мы все были согласны: ядро Галактики — гигантская адская печь, пекло вещества, пространства и времени. Почти без возражений приняли и мою гипотезу: разрыв времени гарантирует устойчивость ядра, гармония ядра — во взаимоотталкивании одновременностей! Один Ромеро заколебался.

— О, я понимаю, дорогой адмирал, что иначе вы и не могли

бы объяснить парадоксы ядра, — сказал он. — Если будет предложено два решения любой загадки, одно тривиальное, другое диковинное, вы обязательно выберете второе. Такова ваша натура. У вас вызывает удивление, только если нет ничего удивительного.

— Не понимаю ваших возражений, Павел, — сказал я раздраженно. Разговор происходил после того, как Ромеро вместе с другими проголосовал за мое предложение. Мне показалось, что он попросту брюзжит.

Он игнорировал мое замечание:

— Ваша гипотеза, что убийственный закон тяготения Ньютона ведет мир к гибели…

— Не убийственный, а порождающий неустойчивость в больших скоплениях масс.

— Да, да, неустойчивость! Все это остроумно, не буду отрицать, мой проницательный друг. Разрыв одновременности, даже сдвиг времени по фазе, безусловно, гарантирует устойчивость ядра, если такой разрыв будет возникать в нужном месте и в нужный момент. Две руки не сомкнутся в рукопожатии, если одна протянута раньше, другая позже. Но видите ли, мудрый Эли, вряд ли уместно решать одну загадку путем выдумывания другой, куда более темной.

— По-вашему, я выдумываю разрыв времени? Не скажете ли тогда, Павел, какая причина швырнула вас недавно на пол и заставила потерять сознание?

— Разрыва времени я не отрицаю. И что валялся на полу — правда. Факты упрямая вещь — так говорили предки. Но вы ведь создаете новую теорию, а не только описываете факты. Если я правильно понял, вы устанавливаете новый и самый грандиозный закон Вселенной: устойчивость основной массы вещества в Галактике гарантируется неустойчивостью времени. Сохранение звездного мира определено несохранением времени. По-вашему, однолинейное течение времени есть своего рода вырождение его в звездных периферия х, в спокойных районах. И мы, пользующиеся спокойным временем, зачислены в какие-то звездные провинциалы.

— Вас это оскорбляет, Павел? В так любимой вами старине считали Землю центром Вселенной, а человека — венцом творения. Вы тоже придерживаетесь такого представления о мире?

— Осмелюсь заметить, адмирал: вы считаете меня большим глупцом, чем я есть. Но не могу не признаться: мне как-то обидно, что сама жизнь порождена тем, что время в районах жизнетворения выродилось в однолинейность, что жизнь, таким

образом, есть в некотором роде вырождение материи. Если не человека, то жизнь как таковую я всегда считал венцом развития материи. Такое разочарование…

— Церковные деятели, разочарованные тем, что Земля — не центр Вселенной, сожгли Джордано Бруно, проповедовавшего эти неприятные истины. Как вы собираетесь со мной расправиться, Павел?

— Вы завершаете спор такими многотонными аргументами, что их тяжесть придавливает, великолепный Эли. Нет, я не буду вас сжигать на костре.

Ромеро приветственно приподнял трость и удалился, обиженный. А я все больше укреплялся в мысли, что закон всемирного тяготения равнозначен предсказанию гибели Вселенной. Мы рассматривали его как гаранта звездной гармонии лишь потому, что узнали его в далеких районах Галактики, в «вырожденных» районах, как обругал нашу звездную родину Ромеро. Здесь, в кипящем аду ядра, он был зловещим стимулом к всеобщему взрыву. Что может сделать тяготение, мы видели на примере коллапсаров, превращающихся из мощных светил в «черные дырки». Я ничего не мог поделать — я не просто критиковал закон всемирного тяготения, я опасался его, начинал его ненавидеть. Смешно ненавидеть слепые законы природы. Но тяготение в моих глазах становилось ликом смерти любой материи, не одной высокоорганизованной жизни. И лишь то, что противоречило этому страшному закону, гарантировало существование мира, — электрические и магнитные несовместимости в атомном мире, большие расстояния между звездами в космосе, а здесь, в ядре, и открытая нами несовместимость одновременности. Тяготение — вырождение материи, ее проклятие, твердил я себе. Всеобщая борьба против тяготения — вот единственное, что сохраняет Вселенную!

Голос и Эллон без спора поддержали меня. Не так уж много было случаев, когда самолюбивый демиург и широкомыслящий Мозг сходились в едином понимании. Особенно важна была поддержка Эллона — на него легла разработка способа выскальзывания из ядра, куда нас затягивало все дальше.

— Адмирал, я не знаю, почему моя улитка срабатывает в одну сторону, — признался он однажды. — По расчету, звездолеты должно вынести наружу, а их поворачивает обратно.

Я сидел в лаборатории. В стороне, повернувшись спиной, молча работала Ирина. Она не простила мне, что я видел ее слезы и отчаяние. Эллону она простила непонимание ее чувств, а мне не хотела прощать, что я невольно стал их свидетелем. Она отворачивалась, когда я появлялся в лаборатории, холодно

отвечала. Я говорил с Эллоном о важнейших вещах, все наше существование зависело от того, найдем ли мы правильное решение загадок, а меня жгло желание оставить поиски, подойти к ней, грубо рвануть за плечо, грубо крикнуть: «Дура, я-то при чем?»

— Итак, выхода ты не видишь, Эллон? — спросил я.

— Здесь странное пространство, адмирал. Я его не понимаю. — Он помолчал, преодолевая неприязнь, и добавил: — Посоветуйся с Мозгом, он когда-то разбирался в свойствах пространства.

Я оценил усилие, какое понадобилось Эллону для такого признания. Голосу, придя к нему, я сказал:

— Бродяга, ты согласился, что нам надо бежать отсюда. Вывод звездолетов при помощи генераторов метрики не получается. Может быть, вырваться из ядра на сверхсветовых скоростях, аннигилируя пространство? Твое мнение?

— Отрицательное! — прозвучал ответ. — Неевклидовы искривления, которыми я закрывал путь звездолетам в Персее, в сотни раз слабее тех, что встречаются здесь. И еще одно, Эли: там пространство пассивно, оно легко укладывается в заданную метрику. Здесь его рвут бури, в нем возникают вихри метрики, и избави нас судьба от того, чтобы угодить в такой вихрь!

— А наш испытанный метод аннигиляции планет?

— Погиб «Телец» и две трети эскадры, когда применили этот метод.

— Там были рамиры. Им почему-то не захотелось, чтобы мы нарушали равновесие среди Гибнущих миров. А здесь присутствия рамиров не обнаружено. Сомневаюсь, чтобы разумная цивилизация могла существовать в этом звездном аду.

— Можно попробовать и планетку, Эли. — сказал Голос.

Но планет в ядре не было. Среди миллионов промчавшихся на экранах звезд не попалось ни одной домовито устроенной. Здесь даже не было правильных созвездий, простых двойных и тройных светил: звезды мчались дикими шатунами. Это не значит, что в беспорядочном их беге отсутствовали сгущения. Сгущений попадалось много. Но после того, как мы еле выбрались, потеряв Труба, из одного такого сгущения, нам не хотелось соваться еще в одну дьявольскую печь, где плавилось время. Вместе с тем, только в таких скоплениях можно было надеяться подобрать планетку.

Одно сгущение звезд показалось приемлемым — гигантский, почти сферический звездоворот. В нем дико кружились светила, рассеивая пыль, как грибные споры, и истекая газообразным водородом. Голос предупредил, что внутри звездоворота бушует

то, что можно бы назвать «метриковоротом» — чудовищные завихрения пространства.

По расчету МУМ, звездный вихрь был неустойчив. Он должен после возникновения распылить себя в исполинском взрыве примерно через тысячу лет. И в то же время не было сомнения, что звездоворот существует уже миллионы лет. Здесь снова был тот же парадокс, и даже Ромеро стал склоняться к мысли, что одновременность существования звездоворота наблюдается лишь извне, а внутри звездного вихря одновременности нет. В частном времени каждого светила, может быть и самого звездного роя нет.

Осима сказал Олегу:

— Адмирал, не отвернуть ли назад? Я бы не хотел, чтобы одна моя нога очутилась в прошлом, другая в будущем, а сердце билось лишь тысячу лет назад или тысячу лет впоследствии, — не знаю, что хуже! Я не вмещу в себе такой бездны разных времен.

Олег приказал отходить от опасного скопления. К счастью, это удалось легко. На «Козерог» прибыл для очередного совещания капитанов Камагин. Олег доложил, что простых выходов наружу не существует.

— А непростых? — спросил Камагин.

Непростых выходов тоже не существовало. В ядре планет не нашли, а аннигиляция звезд не по зубам.

— Значит, погибать? — снова спросил Камагин.

Вопрос был неуместен. Олег для того и собрал капитанов, чтобы искать избавления от катастрофы. Камагин с волнением заговорил:

— Я хочу сегодня исправить ошибку, которую совершил больше двадцати лет назад. Тогда адмирал Эли приказал уничтожить два звездолета, чтобы третий вырвался на свободу. Я протестовал. Теперь я предлагаю ту операцию в Персее. Для уничтожения можно взять мой «Змееносец».

— Сколько помню, та попытка в Персее закончилась неудачей? — заметила Ольга.

Камагин возразил, что в Персее мы воевали, враги отчаянно противодействовали нам во всем. Здесь врагов нет. Мы сами попали сюда как разведчики, и вывод наш непреложен: живым существам в ядро не следует соваться, как не следует купаться в кипящей смоле.

— Я согласен с Эли, что жизнь и разум — явления в Галактике периферийные. И делаю отсюда вывод: разумного противодействия не будет, а со слепой стихией мы справимся.

— Твое мнение, Эли? — спросил Олег.

Я не мог поддержать Камагина, не мог опровергнуть его. Мне стыдно называть свое чувство, но не могу в нем не признаться:

мной овладела нерешительность.

— У меня нет определенного мнения, — сказал я.

Уже после совещания, принявшего проект Камагина, я поделился сомнениями с Эллоном и Голосом. Эллон считал, что прорыв не удастся, звездолет слишком мал для создания свободного туннеля наружу. И не известно, будет ли туннель свободен, — с таким странным пространством, как здесь, аннигиляцией вещества не совладать.

— Не торопись, Эли. Скоро я пущу коллапсан на полную мощность, и тогда мы выскользнем наружу в новой гравитационно-временной улитке. Атомное время я уже меняю свободно. Посмотри сам.

На лабораторном экране, подключенном к коллапсану, я увидел, как нейтрон налетал на нейтрон, протон на протон, ергон пронизывал ергон, ротоны сшибали все остальные частицы. По законам физики столкновения должны были порождать аннигиляции или по крайней мере трансформации частиц. Ничего похожего не происходило. Столкновения совершались в нашем суммарном времени, а не в частном времени самих частиц. Оно менялось в момент столкновения, не было реального столкновения, не могло быть взрывов и аннигиляций.

— Отличный механизм, не правда ли? Убедился, Эли, что мне удалось в атомных реакциях воссоздать те чудовищные реакции, которые кипят в звездном котле ядра?

— У тебя атомы, Эллон, а здесь — звезды! — возразил я. — Мы не атомы, мы, к сожалению, не атомы — даже по сравнению со звездами!

— От атомов я вскоре перейду к макротелам, — пообещал он. — Говорю тебе, адмирал, не торопись! Нас ведь никто не собирается немедленно уничтожать.

Обещание связать гравитационную улитку с коллапсаном я слышал от Эллона и раньше. И хотя ему удалось овладеть атомным временем, от атомов до тел макромира, что бы он ни твердил, дистанция была огромная. Я посоветовался с Голосом. Голос считал проект Камагина единственной возможностью выскользнуть наружу. Надо лишь подобрать участок пассивного пространства. Подыскивать участок будет он. Он ощущает пространство и без расчетов МУМ. Пространство — это он сам, такое у него ощущение. У него мутится в мыслях, когда оно свирепо закручено, он мыслит стремительно, яркими всплесками решений, когда оно меняет свою структуру. И как ему отрадно, когда напряжение ослабевает!

— Мы будем ждать твоего сигнала, Голос! — сказал я.

И вот началась последняя эвакуация звездолета в нашей

экспедиции к ядру. Я сказал последняя, потому что «Змееносец» был последним кораблем, который еще можно было эвакуировать. Эвакуацией командовал Камагин — энергично, даже весело: он верил, что жертвой своего корабля спасет всех. Меня же мучило нетерпение. Неудачи преследовали нас за неудачами. Флот практически погиб, уцелевшие астронавты сконцентрированы на последнем корабле — пленники непредставимо дикого мира, где миллиарды светил балансируют на лезвии бритвы, а по обе стороны от лезвия — бездна всеобщего уничтожения! И еще я вспоминал Великого разрушителя, властительного кретина, возомнившего себя мыслителем. Вот уж где бы ему царствовать, с печалью размышлял я, тут уж была бы ему воля к тотальному разрушению, совладай он только с дисгармонией времени!

Чтобы выразить вслух эти чувства, не пугая друзей, я спустился в консерватор.

— Убийца! — говорил я соглядатаю рамиров. — Все несчастья начались со знакомства с тобой. Ты предавал деградирующих аранов, ты попытался предать и нас. Лусин заплатил жизнью за твое лживое прислуживание нам, Петри и его экипаж — вот следующая цена твоих доносов. Я не знаю, зачем твоим господам понадобилось поддерживать убийственные условия на Арании, зачем вы определили себе эту грязную профессию — быть Жестокими богами? Но зато я знаю теперь, что никакие вы не боги, никакая не высшая сила, тем более и не высокая, какой полагалось бы быть мало-мальски приличному божеству, если бы оно реально существовало. Вы только жестокие, но не высокие, вы только могучие, но не всемогущие, только сильные, но не всесильные. «Эти недоучки рамиры!» — презрительно сказал Эллон. Правильно, недоучки! Как ты пугался трансформации времени в ядре, Оан! Больное, рыхлое, рак, сторониться от заражения! А оно не больное, оно лишь меняющееся, стремительно меняющееся, удивительно упругое, превращающее при сближении одновременность взрывом в разновременность. И этот взрыв времени предохраняет ядро, куда вы и сунуться страшитесь, от другого взрыва — взрыва вещества. Знали ли вы это? Могли ли постичь? Откуда? Ведь вы — недоучки! Свирепые, но не проницательные!

Я замолчал, отдыхая. Я многое дал бы, чтобы оживить лжеарана и, ожившему, бросить в зловещий верхний глаз страстные обвинения. Он недвижно висел передо мной. И все три глаза были мертвы — нижние, обыкновенные, умевшие только всматриваться, и верхний, грозный, проникавший в чужую мысль… Оан не мог слышать, не мог ответить. Он был мертв. Он успел уйти от наказания. Уход из жизни ему удался. Но не из

мира! Вечно будет труп предателя висеть в прозрачной теснице демиургов!

Отдохнув, я продолжал:

— Нет, в одном я не прав — вы не могли не знать об ужасной роли мирового тяготения в том кипящем котле из звезд, который мы называем ядром, и о спасительной роли так легко рвущегося здесь времени. Вы сами хотели овладеть искусством поворота времени. Разве не для этого ты нырнул в бездну коллапсара? Глупец! Ты не нашел ничего лучшего, как ринуться в ад, чтобы овладеть адскими силами, — так это тебе, вероятно, самому воображалось. Вот он, коллапсар, который тебе не давался — он на нашем стенде! Все, что ты искал в антивзрыве звезды, мы находим в лаборатории. Мы еще не властны над макровременем тел и светил, но атомное время нам уже подвластно. Мы его разрываем, изгибаем, замедляем, убыстряем — как нам угодно! Мы уходим из ядра, изменник. Но мы еще вернемся, — и тогда, Жестокие, вряд ли вам удастся доказать, что ваша сила равна вашей жестокости!

10

А затем произошло то, что, как я сейчас понимаю, неизбежно должно было произойти.

Голос отлично чувствовал пространство; МУМ безошибочно рассчитывали скопления масс и указывали, как избегнуть больших звездных препятствий, как увильнуть от оголтело несущихся звездных шатунов; Осима артистически лавировал между скоплениями и звездами-одиночками; ему помогали Ольга и Камагин: ни один не уступал Осиме ни в опыте, ни в осторожной смелости. Все было подготовлено, все предусмотрено.

Все, кроме одного. Мы были не единственной разумной силой в ядре. И мы не были хозяевами даже в том крохотном пространстве, какое вознамерились прорвать. Мы ошиблись в самом важном — мы опрометчиво убедили себя, что придется преодолевать лишь слепую стихию природы. А против нас действовал враждебный разум! Мы вступили в борьбу, надеясь, что таинственных наших врагов и в помине нет. А они были и нашей силе противопоставили свою. Сила сломила силу.

Голос предупредил, что приближаемся к пассивному участку пространства. Кругом неслись в том же бешеном танце те же бешеные светила; сам я никогда бы не выбрал этот район для прорыва. МУМ тоже не показала изменений в космосе. Но МУМ с ее анализаторами — мы хорошо уже знали это — не улавливала

того, что так легко выуживал из ее данных Голос. Олег приказал выводить «Змееносец» в конус аннигилирующего удара.

В командирском зале в это время сидели все три капитана и Олег. Для меня там стояло особое кресло, но я не пошел туда. В обсервационном зале сейчас было полно: команды всех трех звездолетов, свободные от вахт, сгрудились у больших экранов. Мэри, Ромеро и я разместились против малого экрана в моей комнате. И мы отчетливо разглядели, как совершилась новая катастрофа.

«Змееносец» летел впереди «Козерога». Сам Камагин с «Козерога» выводил свой звездолет под удар аннигиляторов флагманского корабля. По судовой трансляции разнеслась — приказы капитана транслировались во все помещения — быстрая команда Камагина:

— Отключаю блокировку аннигиляторов вещества. Цель в конусе ноль-ноль три. Начинаю отсчет: десять, девять, восемь, семь…

И в этот момент из мутной мглы, кипящей дикими звездами, вынесся знакомый луч, точно такой же, какой поразил «Тельца». Он миновал «Козерога», ударил в «Змееносца». На экране повторилась уже виденная картина уничтожения корабля. Всеобщее ошеломление прервал истошный вопль Камагина:

— МУМ блокирована! Голос, Голос, есть ли связь с исполнительными механизмами? Голос, ответь!

Голос не отвечал. Мэри охнула и схватилась за сердце. Ромеро, мертвенно побледнев, лепетал:

— Это рамиры, адмирал! Они в ядре! Они захватили нас в плен!

Подавленный, я не мог оторваться от экрана. МУМ не работала, аннигиляторы блокированы, а какая-то сила вывернула наш звездолет назад и сама положила на прежний курс — в ядро, в кипение его диких звезд.

Я мрачно сказал:

— Рамиры все знают о нас. Они могли бы легко погубить «Козерог», как погубили «Змееносца». Но они хотят поиграть с нами, как кот с мышью.

Часть четвертая
ПОГОНЯ ЗА СОБСТВЕННОЙ ТЕНЬЮ

Для бога все прекрасно, хорошо и справедливо;
Люди же считают одно справедливым, другое несправедливым.

Гераклит из Эфеса

КАССАНДРА. Меня кружит пророчества безумный вихрь
И мучит боль предчувствий. О, беда! Беда!
ПРЕДВОДИТЕЛЬ ХОРА. О чужестранка, ты слывешь провидицей.
Но прошлого предсказывать не нужно.

Эсхил

В родстве со всем, что есть, уверясь
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.

Б. Пастернак

1

Уже в первые минуты после новой катастрофы меня ошеломила горестная догадка об истинной причине несчастья. Но она еще не завладела мной целиком: надо было спасать корабль, а потом доискиваться тайных причин беды. Я кинулся в командирский зал. Капитаны и Олег остались живы, только были уже не командирами корабля, а, как и все мы, пассажирами неуправляемой галактической скорлупки. В лаборатории и Эллон, и Ирина были растеряны, но невредимы. Лаборатория могла продолжать свои изыскания, если бы восстановилось

снабжение энергией. Эллон гневно упрекнул нас с Олегом:

— Не захотели меня послушать! Торопились, а ведь ничто не грозило, пока мы не попытались безрассудно бежать.

— Идем с нами, Эллон! — приказал Олег, и мы втроем поспешили к Голосу.

Голос звучал слабо, но внятно. Он испытал болезненный толчок, когда отключилась связь с МУМ. Враги нанесли удар по управлению боевыми механизмами, все остальное — производное.

— Это рамиры. Они в ядре. Они не хотят выпускать нас. Мы — их пленники.

Он мог говорить о пленении с большей определенностью, чем каждый из нас. Уж он-то знал, что такое превращать космические корабли в пленников! Граций тоже пострадал. Когда рамиры заблокировали МУМ, Граций, потерял сознание и рухнул на пол. От его величавой богоподобности мало что осталось. Бессмертный, он после катастрофы держался на ногах гораздо хуже, чем все мы, смертные. Галакты поразительно плохо выносят жизненные передряги: они позабыли в своих райских городах о лишениях.

— Надо осмотреть МУМ, — сказал Олег.

МУМ, внешне совершенно невредимая, не работала. Граций, сопровождавший нас, взирал на нее с печалью, он ничем не мог помочь и от этого, вероятно, огорчался не меньше, чем от поломки МУМ. Мы отключили мыслящую машину от исполнительных механизмов и анализаторов и перенесли в лабораторию. В лаборатории, как нам сгоряча показалось, она снова заработала, но то была обманчивая работа — цепи пропускали сигналы, но не было того целого, что и называлось Малой Универсальной Машиной.

— Мне кажется, ваша машина без сознания, — заметил Граций. — Она в нервном потрясении. Что можно ожидать от механизма, лишенного естественных тканей?

Эллон зло покосился на галакта. Я увел разговор от опасной темы искусственного и естественного. Если МУМ только в обмороке, то есть надежда вывести ее из него. Олег велел доставить в лабораторию две резервные МУМ — снятую с «Овна» и привезенную Камагиным со «Змееносца». Они были не в лучшем состоянии. Их всех поразило нервное потрясение. А машина с «Тарана» по-прежнему путала причины со следствиями.

— Граций, — сказал я галакту, — теперь на Голос и на тебя ложится тяжелейшая обязанность. Анализаторы и исполнительные механизмы опять, как в Гибнущих мирах, будут подключены непосредственно к вам. Тогда Голос справился, но

тогда мы не были в ядре. Если вы не справитесь сейчас, нам всем крышка.

— Надеюсь, мы справимся, — промолвил он. — Но объясни, адмирал, что значит странный термин «крышка»? Мне кажется, он символизирует что-то плохое.

Я заверил галакта, что он точно истолковал выражение «всем нам крышка».

МУМ «Козерога» стала показывать признаки жизни. Она словно бы приходила в себя после обморока. Подавленные, мы молча слушали ее ответы на сигналы. МУМ сошла с ума. Она вообразила себя девушкой, ускользнувшей из дому. Она не слушала вопросов, не принимала заданий и на все электрические импульсы, подаваемые на вход, она отвечала горестными стихами:

Ах, любила меня мама, уважала
За то, что я скромная дочь.
А дочка с милым убежала
В одну непроглядную ночь.

— лепетала МУМ рыдающим нежным голоском.

Потом она стала называть себя Марусей и выдала такими же стихами, что Маруся отравилась и что ее повезли в больницу, а в больнице не спасли. Бред был не только нелеп, но и удивителен. В памяти машины конструкторы не заложили ни представлений о нехороших дочерях, убегающих от порядочных матерей, ни имени Маруся, ни больниц и уж, конечно, не обучали МУМ стихотворству. Все это она придумала сама, когда лишилась рассудка.

Безумие поразило и другие машины. МУМ «Змееносца» спрашивали: «кто?», она отвечала на «куда»; ей говорили: «Дается восьмиградусный конус на восток, расстояние до двух светолет — высчитать число звезд третьей абсолютной величины», она принималась решать химические уравнения; от нее требовали оценки доброкачественности излучения, подаваемого на ее вход, она взамен ответа, не грозит ли это излучение организму человека, выдавала решение интеграла Лебега или объявляла планетные законы Кеплера. А машина «Овна», как и МУМ «Тарана», потеряла способность связывать причину со следствием. Я ей задал нехитрую контрольную задачу: «Все люди смертны. Я человек. Следовательно, я?…» Она ответила немедленно тремя выводами на выбор: «Ты толстый в шестом измерении. Ты — гвоздь второго порядка, продифференцированный по логарифму грубости. Цветы запоздалые, цветы обветшалые в двухмерном

интегральном уксусе». А на вопрос Олега, чему равняется сто сорок три в кубе, она ответила с той же быстротой и тоже тремя разными ответами: «Иди к черту. Двадцать восемь тонн, запятая шестнадцать метров с ночной обильней росой. У быка рога, у планеты сорок четыре сантиметра в квадрате восьмой величины на чистой воде». Почему-то МУМ «Овна» любой вопрос воспринимала троично, не говоря уже о том, что порола чушь.

У меня создалось убеждение, что с МУМ «Овна» и «Змееносца» можно повозиться, а машина «Козерога» безнадежна. У первых двух, сказал я, безумие не выходит за сферу их специальности. Они потеряли рассудок, но не личность, если можно говорить о личности машины. Они все-таки остаются мыслящими агрегатами, только дурно мыслящими, неправильно, путано. А МУМ «Козерога» перестала быть машиной, она воображает себя девчонкой, к тому же несчастной и порочной. И она ударилась в стихоплетство! Сочинять стихи — можно ли вообразить большее безумие!

— Не думаю, чтобы Ромеро согласился с тобой, что сочинение стихов — высшая форма безумия, — заметил Олег.

— Я говорю о машинах, а не о людях. Люди часто увлекаются странными и бесполезными занятиями. У них свое понятие о безумии. Многим оно представлялось, особенно в старину, чем-то возвышенным. Разве не говорили: «Я без ума счастлив!» или: «Она безумно хороша собой!» Один древний физик утверждал, что в науке справедливы только безумные идеи. К сожалению, человеческое сознание не всегда подчиняется логике. Но машины всегда логичны, полезны, разумны — этим они и отличаются от своих создателей.

Олега мое разъяснение устроило.

— Эллон, ты займешься восстановлением мыслящих машин, — сказал он. — Но это не должно отвлечь лабораторию от других работ. Как эксперименты с коллапсаном?

— Атомное время меняем свободно.

— Этого недостаточно. Ирина, иди к нам, — позвал Олег.

Я не раз замечал, что, когда появлялись посторонние, Ирина отходила в сторону. Она без спешки приблизилась. Олег сказал с волнением, которое так редко показывал другим:

— Друзья мои, Ирина и Эллон. Боюсь, что мы не выведем звездолет из ядра, если не найдем физического процесса, позволяющего ускользнуть от враждебного наблюдения рамиров. Дайте мне возможность потерять хотя бы на время нашу одновременность с противниками. Возможно, в «раньше» их не было, или в «потом» не будет, а в «сейчас» они есть и сильнее нас… Вы меня поняли, друзья?

Ирина только кивнула, Эллон сказал:

— Я готов переходить к экспериментам с макровременем. Мне нужны мертвый предмет и живое существо. Мертвых предметов много, а где я возьму живой организм?

— Возьми Мизара, Эллон, — посоветовал я. — И раньше собаки использовались для экспериментов. Правда, Мизар — мыслящее животное и вам надо будет разъяснить ему суть эксперимента и получить его согласие…

— Говори с Мизаром ты, — отрезал Эллон. — Животных демиурги не считают равноценными себе, как любите делать вы, люди.

— Ирина, возьми переговоры с Мизаром на себя! Ты прав, Эллон, человек и к животному относится по-человечески.

Сомневаюсь, чтобы Эллон понял мою отповедь. Ирина обещала поговорить с Мизаром. Я снова подошел к МУМ с «Козерога»:

— Знаешь ли ты меня? Помнишь ли? Слышишь ли?

Она в ответ пропела дребезжащим дискантом, совершенно не похожим на ее прежний уверенный баритон:

Стал Ваня лазить
В папину кассу.
Стал безобразить,
Красть денег массу!
Дин-дин-дон, дин-дин-дон,
Так звенят кандалы.
Так порой из-за баб
Погибают ослы!

Зрелище великолепной, еще недавно такой разумной машины, вдруг вообразившей себя живым существом и начисто спятившей на взаимоотношениях между мужчиной и женщиной, было так грустно, что я еле удержался от слез.

2

Вечером ко мне пришел Ромеро.

Он сел в кресло, зажал трость между ногами, уставился рассеянными глазами на экран. Там был все тот же пейзаж мирового ада — световорот осатанело несущихся светил. Я вдруг с жалостью ощутил то, на что раньше как-то не обращал внимания: Ромеро сдавал — он и сейчас не допускал и сединки в голове, усах и бородке, но морщины было не скрыть. И лицо,

холеное, все такое же красивое, выглядело усталым. Я чувствовал, что в нем что-то надломилось и что он нуждается в утешении. Я сказал почти шутливо:

— Интересное приключение, не правда ли, Павел?

Он долго глядел на меня большими, темными глазами, и я вдруг вспомнил, как Мэри как-то сказала: «Павел такой стройный, такой изящный, такой воспитанный, у него самые красивые глаза, какие мне приходилось видеть у мужчин, и он ухаживал за мной, Эли, а ты и не подумал ухаживать. А меня угораздило без памяти влюбиться в тебя, беспутный! Такая несправедливость!»

— Адмирал, у вас любовь к чудовищным парадоксам, — сказал он. — Трагедию назвать интересным приключением!

— Если вы вспоминаете Петри и товарищей…

— Я говорю о нас с вами, проницательный Эли! Какая непоправимая глупость! Как бабочка на огонь влететь в кипящее ядро!.. Мотыльки в адской печи! Слабые мотыльки в жестоких руках врагов!..

— Дались вам мотыльки, Павел!

— Да, дались, — сказал он горько. — С того момента, как рамиры уничтожили «Змееносец», я твержу про себя, что мы мотыльки, летящие на костер. И знаете, что я вам скажу? Это же самое словечко мне преподнесла МУМ нашего корабля.

— Вы были в лаборатории?

— Я только что оттуда. Я спросил, что она думает о разрывах времени в этом странном мире, называемом ядром Галактики. И она ответила… Как вы думаете, высокомудрый друг, что она ответила?

— Вероятно, что-нибудь пропела безумными стихами?

— Да, стихами. Стихи были такие:

Как мотылек, всю жизнь порхал без дела.
Менял цветы на новые цветы.
Но если кто душой моей владела,
Так это ты! Так только ты!

— Пошловатый куплетик. Интересно разве то, что МУМ воображает себя уже не глупенькой девчонкой, а развязным фатом.

— Нет, мой глубокий друг, интересно другое. В моем мозгу звучало слово «мотылек», и МУМ использовала именно его. Вам это ничего не говорит, Эли?

— Решительно ничего.

— Напрасно, адмирал. Впрочем, вы никогда не интересовались древними нравами — такова уж ваша натура. Но

знаете ли вы, Эли, что моя дипломная работа в университете носила название «Сентиментальная поэзия городского мещанства конца девятнадцатого века старой эры»? И что в той дипломной работе приводились все стишки, которыми оперирует наша спятившая с ума МУМ?

— Вот это интересно.

— Рад, что вы подходите к сути. Удар рамиров привел к раздвоению личности нашей бедной свихнувшейся машины.

— Раздвоению времени, Павел.

— Да, вы правы, к раздвоению времени. Она одновременно в двух эпохах. Физически она здесь, перед нами. А всеми ассоциациями, всем пониманием — в прошлом. Мы все связаны с ней своими излучениями, я тоже, как вы знаете, закодирован в ней. Она, очевидно, и раньше воспринимала мои мозговые импульсы, мои знания, мои представления о прошлом, но в своей практической работе не могла ничего использовать из этого запаса. А сейчас, выброшенная назад, оперирует лишь теми знаниями, которые относятся к прошлому. Вы спрашивали, знает ли она вас, подсовывали ей уравнение Нгоро, но в прошлом, которое стало ее настоящим, не было вас, не существовало Нгоро. Безумие МУМ в том, что физически она «здесь» и «сейчас», а интеллектуально «там» и «раньше».

— У других МУМ другие формы безумия, Павел.

— Каждый сходит с ума по-своему, дорогой адмирал. Это относится не только к людям, но и к машинам.

Я сказал:

— Ваша мысль, открывает любопытную возможность восстановления МУМ.

Он возразил с горечью:

— Я предвижу другую возможность: все мы вскоре сойдем с ума.

И он вспомнил Оана с его больным временем. Перспектива, которой грозил предатель, осуществилась: мы в больном времени. Великим заблуждением было, что, носясь среди миров, где дисгармония времени — закон, мы надеялись, что нас самих обойдет эта кара. В диком хаосе ядра нестабильность времени, возможно, и гарантирует устойчивость физического существования светил, но для нашего гармонического организма она губительна. Крохотное выпадение момента, называемого «сейчас», уже чуть не погубило нас. Мы заболели, еще пока не зная о том. Распад связи временного потока совершается теперь и в нас.

— Но МУМ уже сошли с ума, а мы пока не безумны. Если только не считать безумной вашу теорию, что время в нас уже

поражено…

— Мы организм, а МУМ — механизм, ответил он. — Организм, вероятно, имеет внутренний стабилизатор времени. Не сомневаюсь, что природа, порождая жизнь, позаботилась и о защите жизни от таких катаклизмов, как нарушение одновременности. Она-то ведь лучше знает свои выверты, чем мы их. А мы и понятия не имели, что МУМ надо снабжать стабилизаторами времени. Мыслящие машины слабей нашего мозга — по крайней мере в этом отношении. Но не переоценивайте и нашу крепость! Нарушения синхронности времени накапливаются в клетках. Когда они превзойдут предел прочности биологическою стабилизатора, будет покончено и с нашим разумом.

— Постараемся до той поры выскользнуть из мест, где время не стабильно. Павел, давайте проверим на практике вашу гипотезу. Займитесь вместе с Эллоном и Ириной восстановлением наших МУМ.

Он с изумлением смотрел на меня:

— Боюсь, вы насмехаетесь надо мной, Эли? Я — и ремонт приборов! Осмелюсь напомнить, я историк, а не инженер.

— Вот именно — историк! Это как раз и нужно. Если МУМ интеллектуально в прошлом, то лишь историк может вывести ее из прошлого в настоящее. Представьте себе, что вам дали в обучение человека, заснувшего шестьсот лет назад. Вы посадите его за парту и заставите заучить события, которые протекли с момента усыпления до момента пробуждения — и он окажется в своем новом времени. Проделайте что-нибудь подобное с застихотворившей МУМ. Вас, как любителя поэзии, не шокирует такое выражение?

— Вы никогда не отличались правильностью речи, Эли, я с этим примирился. Однако, напомню, что «застихотворившая» МУМ одна, а у других сумасшествие иного сорта. Они тоже потребуют лечения уроками истории?

— Их будут лечить уроками логики. Причина предшествует следствию — в наши машины заложена такая схема. Разрыв времени нарушил логику расчетов. Думаю, мы найдем способ бороться с логическим безумием, если вы справитесь с безумием историческим.

Мне казалось, что я уже убедил его, но он вдруг, снова впав в отчаяние, поднял вверх трость и воскликнул с пафосом:

— Зачем все эти ремонты, лечения, восстановления?… Мы попали в ад, из которого нет выхода. Где мы? В ядре Галактики? Сделайте простой расчет — нет никакого ядра! Ибо что-то единое может существовать только в едином времени, а его-то и нет! Мы

нигде, ибо в одном месте разновременно, в разных местах одновременно! Я уже схожу с ума, в моем мозгу не укладывается одновременность разновременности и разновременность одновременности! Мне надо знать — «когда» мы в этом трижды проклятом «где». Можете ли вы меня понять? Муки Гамлета, ощутившего в душе разрыв связи времен, ничтожны сравнительно с моими, ибо время рвется во мне и в душе, и в теле, а кругом меня нет единого времени, и я даже не знаю, сидите ли вы сейчас против меня или вы в непостижимом будущем, а на меня падает ваша тень оттуда и я беседую с тенью, а сам не в звездолете, а где-то на Палатине, только что мирно поговорил с блистательным Юлием Цезарем, подрался с коварным Клодием и дал пощечину интригану Катилине и завтра ухожу с Цезарем в поход на Галлию, а дорогу мне вдруг пересек ваш силуэт из звездолета, ваш силуэт, Эли, из ужасного далека, из какого-то ядра Галактики, о котором я, древний друг древнего Цезаря, и понятия не имею!..

Мне нестерпимо захотелось ударить его. В безумие он еще не впал, но истерика начиналась. Он схватился руками за голову; сдавалось, что вот-вот он будет рвать на себе волосы, вопить, остервенело вращать глазами. Я подошел к нему, сжав кулаки. Он посмотрел на меня и медленно снял руки с головы.

— Вы хотите бить меня, адмирал? Бейте, я не буду защищаться. Раньше людей били. Иногда это помогало.

Только эти слова, сопровождаемые слабой улыбкой, и спасли его от затрещины. Я снова уселся и положил руки на колени, чтобы унять их злую дрожь. Я теперь понимал, что испытывали капитаны на кораблях, где команда выказывала непослушание. Истерика в обстановке все снова повторяющихся катастроф вряд ли лучше бунта на паруснике.

— Павел, взываю к вашему разуму, к вашему светлому разуму, Павел! Вы обиделись, что я назвал трагедию интереснейшим приключением? Но разве приключение немыслимо без счастливого конца? И разве сегодня мы — в некотором роде, только в некотором роде, — не счастливейшие из людей?

— Счастливейшие из людей? — переспросил он. — Эли, я уже говорил вам — устал я от ваших парадоксов…

Но я напомнил, что Олег с детства мечтал о путешествиях в ядро Галактики, самое таинственное и недоступное место Вселенной, и что он первый из галактических капитанов привел сюда звездолеты, и что он войдет в мировую историю как первооткрыватель ядра, — может ли он быть несчастным, даже если закончит свой век на десяток лет раньше? И что Ромеро,

знаток древностей, специалист по сравнительной истории обществ, получил возможность узнать такие формы жизни, такие разумные цивилизации, о каких до него и не подозревали, — что же, и эти открытия зачислить в разряд несчастий? И что Ольга, Осима и Камагин всегда видели главный смысл своей жизни в том, чтобы вести могущественные корабли по неизведанным звездным трассам, — так разве не добились они цели жизни, даже если придется расстаться с самой жизнью? И Голос, наш Главный Мозг, наш бывший Бродяга, он, что ли, несчастлив, он, изведавший все, чего мог пожелать: и могущество мысли, и отраду буйного тела, и власть над простором Вселенной? А галакт и демиурги? Разве каждый не осуществляет лучшее в себе, не претворяет в дело все, на что способен в мечте своей, в желании своем, в воле своей? Нет, подыщите другие определения! Несчастье, унылость, отчаяние, раскаяние, разочарование — не подходят! Даже если и выпадет нам трагический конец, доля наша завидна!

Он приподнялся, оперся на трость.

— Мой старый друг Эли! Я не хочу с вами спорить. Я не могу с вами спорить. Адмирал, я пойду выполнять ваше приказание о возврате МУМ из прошлого в настоящее.

Я прикрыл дверь, чтобы даже Мэри не могла в эту минуту войти: ей тоже нельзя было видеть, что происходит со мной. А когда стук трости Ромеро перестал быть слышен в коридоре, я опустился на диван и схватил себя за голову, как только что Ромеро, и застонал от отчаяния, от безысходности, от ужаса того конца, который предвидел. Истерика, предотвращенная у Ромеро, била и била меня самого, ибо у меня имелось куда больше причин впадать в нее. И я не мог просить ничьей помощи — еще не пришло время раскрывать тайну, надо было раньше подготовить спасение корабля.

3

Эллона оскорбило, когда я к трансформатору времени попросил пристроить еще и стабилизатор, наподобие того, что создан природой в наших телах: я так уверовал в эту гипотезу Ромеро, что оперировал ею как фактом. Эллон зло сверкнул глазами и ощерился:

— Адмирал, не лезь в дела, которых не понимаешь! Трансформатор, стабилизатор! А что мы делаем, по-твоему? Один хаос превращаем в другой хаос? Я создаю универсальную машину времени, заруби это себе на носу, адмирал!

При этом он возбужденно прыгал передо мной и яростно

размахивал руками. Я знал, что Эллон плохо воспитан, если оценивать воспитание человеческими мерками, и что он, изучая человеческий язык, с особой охотой запоминал ругательные словечки. Но он толковал их слишком буквально. Выкрикивая, чтобы я зарубил его отповедь на носу, он так свирепо поглядел на мой нос, что у меня возникло опасение, не хочет ли он и вправду рубануть по нему. Я отнес его возбуждение к влиянию катастрофы со «Змееносцем» и к тому, что даже не знающие отдыха демиурги переутомились: сомневаюсь, чтобы после катастрофы Эллон отдыхал хотя бы час. Что начинается предсказанное Ромеро безумие — мне и в голову прийти не могло.

Впервые я ощутил неладное, когда Мизара подвели к трансформатору времени. Это был огромный прозрачный шар, покоящийся на постаменте. Вокруг громоздились излучатели и отражатели, постамент соединялся полой трубой с коллапсаном, были еще сооружения и механизмы над шаром и рядом, но их назначение мне осталось непонятным, и описывать их не буду.

Укажу лишь, что до эксперимента с Мизаром Эллон испытал несколько предметов, попеременно отправляя их в будущее и прошлое. Из прошлого и будущего вещи возвращались целехоньки. Если бы и опыт с Мизаром удался, это означало бы, что найден реальный путь бегства из ядра, так как при встречах со светилами мы двигались бы не в их, а в своем времени и любое физическое столкновение исключалось. Разумеется, наши планы предполагали рискованное допущение, что рамиры не воспротивятся бегству. Но на что нам оставалось еще рассчитывать?

На испытание пришли Олег и Ромеро, Граций и Орлан, Мэри и Ольга. Эллон сам открыл входное отверстие в трансформаторе времени. Ирина привела Мизара. Пес глухо повизгивал, беспокойно поворачивался к каждому, ткнулся носом в мои колени, лизнул руки Мэри, вдруг вскинул лапы на плечи Ромеро — тот от неожиданности уронил трость. Ирина гладила Мизару спину, что-то ласково шептала ему. Мне не понравилось выражение лица Ирины. Я подошел ближе.

— Милый, милый! — говорила Ирина псу. — В прошлое, в далекое прошлое! И мы побежали бы по лесу! И я бы лаяла, как ты!

— В лес! В лес! — возбужденно рычал пес и нервно лизал руки Ирине. — Мы будем лаять вместе! Мы будем вместе охотиться! Ирина! Скорее, Ирина, скорей!

Шепот Ирины слышал я один, но ответы пса дешифратор доносил до всех. Все почему-то решили, что Ирина обманными

ласковыми словечками подготавливает Мизара к опасному путешествию в прошлое. Но я хорошо знал, что пес, прошедший выучку у Лусина, сдал человеческую историю на собачью пятерку — по шкале для псов с высоким интеллектом — и в иллюзиях не нуждался. Мы так и уславливались с Ириной: подготовка Мизара будет состоять в объяснении важности его роли, а не в прельщении радостями путешествия в прошлое.

— Ирина! — сказал я тихо. — Ирина, обернись!

Она медленно поднялась с колен. У нее были странные глаза. Она сказала:

— Адмирал, вы позволите мне уйти с Мизаром? Я люблю его.

Я сжал ее руку так сильно, что она охнула. Боль она еще способна была чувствовать.

— Ирина, ты не любишь Мизара! Ты любишь Эллона, Ирина.

Она с таким напряжением вслушивалась, что несколько мгновений стояла с раскрытым ртом. Никогда прежде она не разрешила бы себе такой глупой мины: Ирина была из женщин, которые прихорашиваются, даже когда берутся за грязную физическую работу.

— Эллона? — переспросила она нежным протяжным голоском. — Как я могу любить Эллона, если вы запретили? Я так послушна, адмирал, я так послушна!

— Глупости! Ты своенравна, а не послушна! — сердито прошептал я. — А сейчас ты нездорова. Тебе невесть что вообразилось. Ты пойдешь отдыхать, Ирина.

— Вы думаете, я не люблю Мизара? — спросила она с сомнением.

— Ты его любишь, конечно. Я его тоже люблю, и мама твоя его любит, и Мэри… Этого недостаточно для совместного путешествия в прошлое.

— Я недостаточно люблю тебя, Мизар, — сказала она покорно. — Мне вообразилось, будто я тебя больше всех люблю. Я такая послушная, Мизар! — Она вдруг с тоской заломила руки. — Ах, адмирал, разрешите мне кого-нибудь полюбить!

Я подозвал Ольгу. С ней подошли Олег и Мэри. У Ирины изменилось лицо, когда она увидела Олега. Она простонала, отстраняясь руками:

— Не ты, не ты! Ты променял меня на экспедицию, где погибнешь.

— Ирина, приди в себя! — сказал он, очень бледный. — Вспомни наш разговор на базе! Ты ведь сама попросилась в экспедицию. Мы вместе на корабле, Ирина! Ты не осталась в Персее.

Она заплакала, спрятав лицо на груди матери. Я сказал:

— Ольга, отведи ее к себе, И не отходи от нее. Боюсь, у нее тяжелейшее расстройство.

Пока мы шептались, стоя кучкой около Мизара, Эллон ждал у открытого люка. Но когда Ольга, обняв дочь, стала вместе с Мэри уводить ее, Эллон раздраженно крикнул:

— Люди, не хватит ли шушукаться? Трансформатор времени перегревается на холостом ходу! Или вы хотите, чтобы мы все взрывом вылетели в будущее? Кто поведет Мизара?

— Я поведу Мизара, — ответил я, и, как Ирина, опустился рядом с ним на колени и ласково провел рукой по густой шерсти. — Мизар, друг мой, — сказал я. — Дело не в том, чтобы побегать и полаять в лесу. Предстоит неслыханный эксперимент, и если он удастся, мы все спасены. Готов ли ты помочь нашему спасению?

— Веди меня, Эли, — мужественно прорычал он и лизнул мне руку.

Я подвел его к люку. Эллон хотел грубо схватить пса за загривок и швырнуть в отверстие, но я не дал. Мизар посмотрел на нас грустными глазами, громко пролаял: «Прощайте!» — и сам прыгнул в лаз. Эллон захлопнул люк и отошел к коллапсану. Трансформатор времени заработал.

И вскоре мы увидели, как пес исчезает. Он не растворялся, не уменьшался, не превращался в пятнышко, потом в точку, как почему-то мы ожидали. Он пропадал так же, как пропадал Оан, когда пытался бежать. Мизар становился из тела силуэтом. В трансформаторе было жарко, пес высунул язык, уставился на нас нестерпимо блестящими глазами. И когда тело его стало бледнеть, дольше всех сопротивлялись уходу в будущее глаза и язык. Настала минута, когда тела уже не было, а глаза еще оставались и сверкали на нас, и язык мотался, самостоятельно живя. А потом и глаза потускнели, а язык еще двигался — один бледнеющий, пропадающий, живой и в самый последний момент исчезновения язык!

Пса больше не было. Прозрачный трансформатор времени опустел.

— Мизар в будущем! — воскликнул Эллон, отходя от коллапсана. — В самом близком будущем, в какой-то тысяче лет по вашему счету. Пусть он там потушится в жару расплавленного времени! — Эллон захохотал: я содрогнулся от жестокости смеха.

— Сколько времени он пробудет в будущем, Эллон?

— Всего лишь час, адмирал, всего лишь час! А потом я выключу коллапсан, и твой пес вывалится в наше время, как, помнишь, Оан вывалился из далекого будущего, куда старался улизнуть.

Было очень неприятно глядеть на ликование демиурга. Даже радость экспериментатора, совершившего важное открытие, не должна была гасить тревоги за бедного пса. И еще меня покоробило, что Эллон остался безучастным к болезни Ирины. Олег ушел. Меня взял под руку Ромеро:

— Не хотите ли посмотреть, как идет возвращение в сознание МУМ «Козерога?»

Разлаженная машина стояла в дальнем от трансформатора времени углу. Я спросил, что машина думает о путешествии во времени и есть ли надежда, что Мизар благополучно вернется из будущего. МУМ пропела все тем же мелодичным голосом:

> Это было давно. Я не помню, когда это было.
> Пронеслись, как виденья, и канули в вечность года.
> Утомленное сердце о прошлом давно позабыло,
> Это было давно. Я не помню, когда это было.
> Может быть — никогда!

— Ответ не осмысленный, но и не совсем бессмысленный, — заметил я. — И стихи несколько лучше той чуши, которую она несла.

— Стихи, между прочим, называются «Памяти Шопена». Не знаю, известен ли он вам, Эли. А что машина вспомнила о памяти, может означать только то, что к ней возвращается сознание. Первое и важнейшее свойство сознания — память! Ах, великолепный Эли, великолепный Эли, знаете ли вы, какую власть имеет память над мыслящим разумом? Память — единственная гарантия бессмертия, катализатор, превращающий любой миг в вечность, консервирующий трепетное мгновение навсегда неизбывным и нетленным!

Выспренности Ромеро не занимать, но так он еще не разговаривал со мной.

— Что за ода воспоминанию, Павел!

— Сегодня ночью ко мне пришла ваша сестра, Эли. Не делайте испуганных глаз, друг мой, я пока не спятил. Я знаю, что Вера давно умерла, и перед отъездом с Земли посетил ее прах в Пантеоне. Она была со мной в моем воспоминании, только в моем воспоминании! Сама моя жизнь вдруг стала воспоминанием о моей жизни, — и это было так прекрасно, шурин! Мы ведь с Верой поссорились, вы это хорошо знаете, вы все знаете, адмирал, нет, вы еще не были адмиралом, вы были юношей… И я догнал Веру на Плутоне, и вошел к ней в гостиницу, ту, где мы уже были с ней, в том же номере, Эли… И упал перед ней на колени, и целовал ее ноги, и она упала на колени тоже, и плакала, и

целовала меня, и так бесконечно радовалась, что я вернулся, что она может простить меня… Эли, друг мой, шурин мой, я так благодарен вам за приказ помчаться за вашей сестрой, вы меня возродили к жизни. Мы стояли друг перед другом на коленях, это было, наверно, смешно, если смотреть со стороны, но мы так радовались и так плакали, и так целовали друг друга, и это было сегодня ночью, счастливой сегодняшней ночью, Эли!

Он пошатнулся. Переход от сознания к бреду был так внезапен, что я не сумел прервать Ромеро и только успел схватить, когда он валился на бок. Он вздрогнул и очнулся. У него были мутные от счастья глаза, печальные от горького счастья глаза!

— Что со мной? О чем я говорил? — спросил он.

— Мы с вами говорили о возвращении МУМ в сознание, Павел. А сейчас давайте послушаем, о чем так горячо толкуют Эллон с Орланом и Грацием.

Разговор Эллона с Грацием и Орланом заслуживал того, чтобы принять в нем участие. Эллон доказывал, что создание выхода в будущее для механизмов — пустяк. Для ухода в будущее нужно лишь убыстрить время, не меняя его направления. Естественное время бежит от прошлого к будущему, коллапсан подгонит его — и все! Трудней путешествие в прошлое. Для него нужно менять течение времени на обратное. Коллапсан и эту трансформацию проделает. Но как к ней отнесутся объекты, у которых время переменит знак? Мертвые предметы не чувствуют перемены, они одинаковы и в прошлом и в будущем. А организмы погибнут, если не повернуть время особым образом.

— Естественные ткани живых существ, которые так приятны галактам, не выдержат перескока через нуль времени. — Эллон злорадно осклабился. — А органы искусственные запросто вынесут поворот на обратное течение.

Галакт величественно возвышался над Эллоном.

— Ты сказал — поворот времени особым образом, Эллон? Как понимать это? И почему переход через нуль для естественных тканей так опасен?

— Потому что нуль времени — остановка всех процессов. Для камня, для металла здесь горя нет, для живого это смерть.

Я возразил, что мы на какой-то момент, при столкновении двух солнц уже прошли через остановку времени, через потерю нашего «сейчас». Эллон не согласился. Остановка была коротка. Мы обмерли, но не умерли, ибо тут же восстановился естественный ток времени от прошлого к будущему. А поворот времени равносилен взрыву.

— Мне пришлось бы поворачивать в обратное существование

твой труп, адмирал!

Эллон нашел для живых организмов лишь один способ выхода в прошлое. Надо в трансформаторе выбросить живое существо в будущее, по прямому току времени, а если оно там не удержится и покатится назад, то, не задерживая его в нормальном времени, дать падать дальше, уже в прошлое. Это будет падение по инерции, а не под действием внешних сил. Движение по инерции времени — всегда движение к точке реального существования, такова сама природа времени. И если падающее из будущего в настоящее существо по инерции само очутится в прошлом, то движение в прошлое, быстро замедляющееся, станет нормальным движением, прямым движением: переход через нуль времени совершится без потрясений. Тогда и наддать обратному ходу времени ускорения при помощи коллапсана — и выбрасывай подопытный объект в любое прошлое: все прошедшие миллионнолетия станут доступны для нового заселения!

Пора было возвращать Мизара в наше время. Эллон повернул рукоять обратного времени на панели коллапсана. В трансформаторе что-то замутилось, замелькала тень и стала превращаться в собачий, высунутый, жадно глотающий прохладу язык, а чуть выше зажглись два огонька, сперва тусклые, потом все более светящиеся, быстро превращающиеся в блестящие собачьи глаза. В трансформаторе времени обрисовался Мизар, живой, восторженно рвущийся к нам.

— Я с вами! Я с вами! — доносили приборы его ликующий лай.

Люк распахнулся, и Мизар пулей вылетел наружу. Он кинулся на грудь Ромеро, и Ромеро упал. Та же участь постигла и меня, а за мной пошатнулся Граций от удара массивной собачьей головы. Галакт устоял на ногах, я радостно обнял Мизара за шею.

— Уймись, бешеный! Расскажи, что видел в своем невероятном путешествии?

Мизар ничего не видел, кругом был туман, он пребывал в тумане несчетную бездну лет, а потом появились звезды, они мчались вокруг и недобро вспыхивали, он лаял на них. В общем, все было как на звездных экранах. Холода он не испытывал, проголодаться не успел, но жара была такая, что Мизар подыхал от жажды.

— Сейчас тебе дадут пить, — сказал Эллон.

Пока Мизар лакал воду, Эллон подготовил трансформатор к новому путешествию во времени. Я спросил, нельзя ли отложить полет в прошлое на завтра, чтобы Мизар отдохнул. Эллон сказал, что не только сиюминутное, но и прошлое время не ждет. Я снова обнял Мизара и спросил, все ли ему говорила Ирина о программе

эксперимента. Пес улыбнулся. Все мы знаем, что собаки отлично улыбаются не одним хвостом, но и глазами, и пастью, но у Мизара была особая прелесть сдержанной улыбки. Он именно улыбался, даже в минуты наивысшей радости не позволяя себе вульгарно захохотать. Таковы, впрочем, многие собаки. Деликатность — в собачьей крови.

— Все, Эли. Сначала я отправлюсь в будущее, а потом через будущее в прошлое, а в прошлом будет Земля и лес. Где Ирина?

— Она нездорова. Успех твоего эксперимента будет лекарством, которое ей всего нужней.

— Я все сделаю, что потребуется.

И в третий раз мы увидели, как превращается в туманный силуэт большое красивое тело Мизара и как в пустоте еще минуту светятся два глаза и красный язык вымахивает прохладу уже невидимому телу. В лаборатории опять появился ушедший было Олег. Ирина лежала без сознания, у ее кровати дежурила Ольга. Олег опасался за ее жизнь. Люди и демиурги снабдили эскадру отличнейшими лекарствами, в том числе и от помрачения психики, но ни одно не подействовало. Медицинский автомат три раза выдавал разные диагнозы и назначал разное лечение — в его памяти нет знаний о болезни Ирины, настолько она необыкновенна.

Раздался резкий голос Эллона:

— Внимание! Возвращение из будущего! Пролет по инерции в прошлое!

Мизар вылетел из будущего без торможения в настоящем. Внешне это выглядело так, что в трансформаторе обрисовались в той же очередности тяжко пульсирующий язык, два глаза, туловище, ноги. Какую-то секунду я ожидал, что возвративший свой телесный облик пес радостно залает и потребует выхода наружу. Но туловище, так и не дорисовавшись до телесности, опять посветлело почти до полной прозрачности и пропало. Мизар, не задержавшись в настоящем, с разгона вылетел в прошлое. Эллон, согнувшись над коллапсаном, следил за огоньками, вспыхивавшими на панели.

— Подопытный пес Мизар унесся в прошлое, — сказал он, подходя к Олегу. — Нуль времени Мизар прошел живой и невредимый. Я добавил немного обратного времени к инерции вылета из будущего.

— Сколько ждать возвращения Мизара, Эллон?

— Около часа, командующий.

Я сказал Олегу:

— Если ты останешься здесь, я проведаю Голос. Он, вероятно, соскучился в одиночестве.

В рубке я стал ходить вдоль стены, как любил делать Граций. Анализаторы передавали Голосу картину эксперимента полней, чем это мог сделать я. Он только спросил о моем отношении к полетам в иное время. Меня наполняли смутные ощущения — надежда, смешанная с боязнью, и еще что-то, что можно было бы назвать инстинктивной неприязнью к такого рода опытам над живым существом.

— Положение, вероятно, грозней, чем все мы представляем себе, — сказал Голос.

— Ты, как и Ромеро, опасаешься, что нам грозит безумие?

— Безумие уже началось.

— Кроме Ирины, ни у кого не помутилось сознание. Если не говорить о машинах, конечно. Те сразу спятили.

— Машинный интеллект не защищен стабилизатором времени, как организмы. Они и должны были пострадать раньше.

— Ты и с этой гипотезой Ромеро согласился?

— Ромеро точно назвал причину.

— Неужели и ты, и я лишимся рассудка, Голос? Ты в первой аварии потерял ощущение «сейчас». Но сейчас мы все в «сейчас». Этого-то не будешь оспаривать?

Именно это он и оспаривал. Он сказал, что у нас уже утрачена сиюминутность, вернее, не сиюминутность, а сиюмгновенность. Время на корабле пульсирует между ближайшим прошлым и ближайшим будущим. Оно не течет плавно от прошлого к будущему, а вибрирует. Его сводит судорога. Голос ощущал дрожь времени в каждой клетке мозга. Вибрация между прошлым и будущим заставляет вибрировать и мысль: приказы, которые он отдает исполнительным механизмам, дрожат. Грубые исполнительные механизмы, к счастью, не разбираются в таких тонкостях, как дрожание мысли, вибрация приказа. Вероятно, в древней человеческой истории слуга тоже не обращал большого внимания на то, дрожащим или твердым голосом отдает приказ господин, — ему важней было содержание приказа. Долго так продолжаться не может. Наступит мгновение, когда вибрирующий приказ перестанет быть приказом. Тогда все замрет на корабле.

— Граций дублирует тебя, но ни о чем похожем не говорит, — сказал я в недоумении.

— Скоро и он почувствует. Скоро вы все почувствуете, Эли. Время все сильней лихорадит. Вибрация увеличивается. Промежуток между прошлым и будущим, внутри которого пульсирует время, постепенно раздвигается. И каждая вибрация оставляет след — накапливается прошлое, концентрируется будущее. Когда несовместимость прошлого с будущим станет

слишком большой, время опять разорвется. Вряд ли мы отделаемся так легко, как в прошлый раз. Тогда мы вырвались из разорванного времени, между двумя солнцами, а что с нами будет, когда время разорвется на самом корабле?

— Грозно, даже очень! Голос, есть ли шанс на спасение?

— Только один — срочная стабилизация времени на корабле. Стабилизатор времени сейчас важней, чем трансформатор.

Меня вызвали в лабораторию. На полу лежал бездыханный Мизар. Глаза его были дико распахнуты, пасть оскалена, шерсть вздыблена. Все в молчании смотрели на мертвого пса. Молчание разорвал грозный голос Орлана:

— Эллон, ты обещал, что Мизар благополучно перейдет через нуль времени. Ты солгал.

Эллон так втянул голову, что над плечами виднелись только глаза, потускневшие и жалкие.

— Орлан, я не лгал. Мизар благополучно проскочил нуль времени. Мы все видели… Он исчезал в прошлом живой. Все видели…

— А вернулся мертвым. У тебя есть объяснение, Эллон?

Эллон сказал еле слышно:

— Я буду искать объяснения, но пока его нет.

Эллон с помощниками перенесли Мизара на стол для исследований, а я рассказал друзьям об опасении Голоса.

— Тебе лучше опять пойти в рубку, — посоветовал я Грацию. — Боюсь, у Голоса сдают нервы.

— Я поговорю о вибрации времени с Эллоном, — промолвил Орлан.

Эллон подошел такой подавленный, что мне стало его жаль.

— Голос предупреждает, что время на корабле вибрирует между прошлым и будущим и амплитуда увеличивается. Когда заработает стабилизатор корабельного времени, Эллон? — спросил Орлан.

— Немедленно займусь стабилизатором, Орлан. Оставлю все работы с трансформатором и переключу стабилизатор с микровремени на время корабельное, — поспешно сказал Эллон.

Орлан холодно сказал:

— Ты меня не понял, Эллон. Я спрашиваю не о том, когда ты займешься стабилизатором. Ты меня не интересуешь. Когда заработает сам стабилизатор, Эллон?

— Стабилизатор заработает завтра, — покорно сказал Эллон.

Я бросил последний взгляд на мертвого пса и увел Олега из лаборатории. В коридоре я сказал ему:

— Олег, если мы с тобой сдадим, последствия будут ужасны. Что бы ни случилось с другими, мы не должны поддаваться

вибрации времени. И если все-таки произойдет разрыв между прошлым и будущим, держись за будущее, оставайся в будущем, Олег, ни в коем случае не выпадай в прошлое!

Он грустно улыбнулся:

— Ты прав — нам с тобой надо держаться.

Я заглянул ему в лицо. У него были усталые глаза — красные, воспаленные, опухшие. Я вздохнул. Только в двух людях на корабле я был в какой-то степени уверен — в себе и в нем. И это было ужасно. Но почему ужасно, я не мог ему сказать.

4

Я пришел к себе поздно. Мэри уже спала. Я осторожно разделся и лег. Меня разбудило рыдание Мэри. Она сидела на диване и плакала, уронив голову на руки. Я схватил ее, повернул к себе ее лицо.

— Что с тобой, Мэри? Что с тобой? — говорил я, целуя ее мокрые щеки.

Она отстранилась от меня.

— Ты меня не любишь! — прорыдала она.

— Мэри! Что ты говоришь? Я не люблю тебя? Я? — После мутного сна я ничего не мог сообразить и снова хватал ее и целовал.

Она опять вырвалась, гневно стукнула ногой по полу.

— Не прикасайся! Не любишь! И если хочешь знать, я тоже тебя не люблю!

Лишь сейчас я начал понимать, что происходит. Я отошел от Мэри, сел в кресло, спокойно заговорил:

— Итак, я тебя не люблю? И ты меня не любишь? Интересное признание! Но почему ты решила, что я тебя не люблю?

— Ты спрашивал обо мне Справочную! — лепетала она сквозь слезы. — Ты испугался, что нас разделяет такое несоответствие, а я ведь тоже испугалась, но думала о тебе и все искала, все искала встречи! Я хотела тебя видеть с того вечера в Каире, а ты уехал на Ору, даже не пожелал взглянуть на меня, я ведь собиралась извиниться, что была груба на концерте и в ту бурю в Столице, мне так надо было извиниться! Я думала о тебе постоянно, я не выключала стереоэкранов, чтобы случайно не пропустить передачи с Оры, я могла там среди других увидеть и тебя. А ты влюбился в какую-то змею и не захотел возвращаться на Землю, ты умчался в Персей, тебе было безразлично, что я плакала все ночи, когда узнала, что твоя сестра возвратилась без тебя. Павел рассказывал, как страстно ты глядел на свою змею-красавицу, как ты бегал к ней на ночные свидания, он все о тебе рассказывал, а я

отвечала, что все равно люблю, хотя уже ненавидела тебя! И сейчас ненавижу! Можешь не приезжать, и доброго слова от меня не услышишь! Я буду глядеть холодно и презрительно, вот так, холодно и презрительно! Что ты молчишь?

Я заговорил очень ласково:

— Павел не все рассказал тебе обо мне, Мэри.

— Все, все! — прервала она запальчиво.

Я повторил с нежной настойчивостью:

— Не все, Мэри, поверь мне. Павел просто не знал всего обо мне. Он не мог сказать и того, что с первой встречи, с первого слова, с первого взгляда в Каире я влюбился в тебя сразу и навсегда. И того не мог он сказать, что ты то грубила мне, то хотела извиниться, а я просто любил тебя, только любил, всем в себе любил! Да, я увлекся Фиолой, но любил тебя, одну тебя, всю тебя, всегда тебя! Ты ругала меня в Столице, а я думал: каким она чудесным голосом разговаривает со мной! Ты хмурила брови, а я восхищался: никогда не видел бровей красивее! Ты сверкала на меня глазами, а я растроганно говорил себе, что прекрасней глаз нет ни у кого, даже равных нет! Ты, сердитая, уходила, а я любовался твоей фигурой, твоей походкой, тем, как ты размахиваешь руками, и так был счастлив, что могу любоваться тобой, что мне дана это радостная доля — смотреть на тебя, уходящую, сердитую, любимую, зло размахивающую руками, так красиво размахивающую руками, левой чуть-чуть, правой немного больше… Так это было, так, — Павел сказать об этом не мог, это только я знал о себе, только я, Мэри!

Она опять прервала меня:

— Ты сказал — это было! Ты сам признаешься, что этого нет!

Я продолжал все с той же нежной настойчивостью:

— Да, Мэри, ты права — было. И не только это было. Было и наше путешествие в Персей. Ведь было, правда, ты вспоминаешь? Ах, какое это было путешествие, Мэри, какое удивительное свадебное путешествие! Мы не разлучались ни на минуту, минута, проведенная не вдвоем, была для нас потерянной, вспомни, Мэри вспомни! И я снова любил тебя, и гордился тобой, и любовался тобой, и радовался, что ты со мной, что ты моя, что ты — я сам, что лучшее во мне, самое благородное, самое нежное, самое дорогое — ты! Вспомни, Мэри, прошу тебя, вспомни, — ведь так это было!

Она простонала, стискивая руки:

— Ах, это ужасное слово «было»! Ты такой безжалостный, Эли, все у тебя — только было, только было!..

— Да, Мэри, ты опять права, ты всегда права, ужасное, ужасное слово «было»! И все-таки, сколько в нем хорошего! Ведь

среди того хорошего, что было, был и наш сын, единственный сын наш, Астр, вспомни о нем, ведь он тоже был, Мэри, ведь у нас был с тобой сын, и его звали Астр!

Она повторила очень тихо:

— Его звали Астр…

— Вот видишь, Мэри, ты его вспомнила, это так хорошо, что ты его вспомнила, спасибо тебе за это, моя единственная, моя бесконечно дорогая! Ты его вспомнила, я так тебе благодарен за это! Он умер, Мэри, он ужасно умер, его замучила проклятая тяжесть Третьей планеты, он умирал у тебя на руках, ты рыдала, ты хотела передать в него хоть частицу своей жизни, если уж нельзя было передать всю, а он не принял твоей жизни, он умирал у тебя на руках, он умер у тебя на руках, Мэри! Мэри, Мэри, вспомни об Астре, о нашем сыне, умершем у тебя на руках!

Она зарыдала:

— Перестань, ты разрываешь мне сердце, Эли!

Я опустился перед ней на колени, прижался лицом к ее горячим рукам, страстно шептал:

— Нет, Мэри, не перестану! И если нет другого исхода, разорву твое сердце, но не позволю забыть об Астре! Вспомни сына, бедного нашего сына, вспомни наше горе, наше отчаяние! Вспомни, что он на Земле, в Пантеоне, что он — одна из святынь человечества, что над его могилой надпись: «Первому человеку, отдавшему свою жизнь за звездных друзей человечества», что мы часто ходили туда и молча стояли перед саркофагом Астра. У нас есть что вспоминать, Мэри, есть чему радоваться, есть чем гордиться!..

Безумие еще боролось в ней с разумом, но разум побеждал. Она сказала горько:

— Да, Эли, есть что вспомнить, есть чем гордиться. Но все в прошлом, все в прошлом!

Я встал. Я знал уже, что спасу ее.

— Многое, многое в прошлом, но не все! Разве мы в прошлом? Мы здесь, Мэри! И наша любовь с нами! Было, было — и есть!

Теперь и она подошла ко мне, схватила меня за плечи:

— Ты сказал — есть, Эли? Ты сказал — есть? Я верно слышала?

— Ты верно слышала, Мэри. Есть! Мы есть — и наша любовь с нами! — Только сейчас я разрешил себе волноваться, мой голос стал дрожать. — Люблю тебя постаревшую, похудевшую, ты была единственной и осталась единственной! Люблю твои засеребрившиеся волосы, твои пожелтевшие руки, твои поредевшие, когда-то такие черные брови, твои удивительные

глаза! Люблю твой голос, твой разговор, твое молчание! Люблю твою походку, твою повадку, люблю, когда ты сидишь, когда ты стоишь, всегда, всюду, всю, Мэри! Люблю за то, что любил раньше, что люблю сейчас, что буду любить потом, что вся наша жизнь — любовь друг к другу! Взгляни мне в глаза, ты увидишь в них только любовь, только любовь! Люблю, люблю — за себя, за тебя, люблю за нашу любовь! Мэри! Мэри!

У меня прервался голос, я больше не мог говорить. И вдруг так сильно стали дрожать ноги, что я сел, чтобы не упасть. Она закрыла лицо руками. У меня ныло сердце. Я еще не был уверен, что возвратил ее. Она опустила руки, с недоумением посмотрела на меня, медленно проговорила:

— Эли, со мной было что-то нехорошее?

Я поспешно сказал:

— Все прошло, Мэри. Не будем об этом говорить.

— У тебя дрожит голос, — сказал она, всматриваясь в меня. — У тебя трясутся руки! И ты плачешь, Эли! У тебя по щекам текут слезы! Ты же никогда не плакал, Эли. Даже когда умер наш сын, ты не плакал. Неужели было так плохо со мной?

— Все прошло, — повторил я. Не знаю, где я нашел силы, чтобы не разрыдаться. — А на меня не обращай внимания. У меня разошлись нервы. Ты ведь знаешь, в какое мы попали тяжелое положение на корабле. А теперь прости, я должен идти в лабораторию. Если ты почувствуешь себя плохо, немедленно вызови меня.

Она улыбнулась. Она снова видела меня насквозь. Я мог больше не тревожиться за нее.

— Иди, Эли. Я скоро тоже выйду. Загляни к Ирине.

Я весело помахал ей рукой, выходя. А за дверью прислонился к стене и в изнеможении закрыл глаза. У меня было ощущение, будто я тонул, и меня вытащили, и я никак не могу надышаться.

Ирина лежала с закрытыми глазами в своей комнате. Она так и не пришла в себя после обморока в лаборатории. У постели сидела Ольга. Я опустился на диван. Ольга с сочувствием посмотрела на меня:

— Ты плохо выглядишь, Эли.

— Все плохо выглядим, Ольга. Как состояние Ирины?

— Электронный медик объявил, что опасности для жизни нет никакой. Но в сознание она не возвращается. Это тревожит меня.

— При нынешних передрягах со временем, может быть, и хорошо, что она без памяти. Лучше уже выключенное сознание, чем разорванное.

Она не сводила с меня внимательного взгляда. Это вдруг начало раздражать меня.

— Что-нибудь еще случилось, Эли, после гибели Мизара?

— Почему ты так думаешь, Ольга?

— Я вижу по тебе.

— Мэри заболела, — сказал я. — Из ее сознания выпало ощущение настоящего. Она вся была в прошлом. Она воображала себя, какой была в дни нашего знакомства. И ей почему-то стало казаться, что я ее не люблю. Я помучился, пока вытащил ее из провала в прошлое!

— А Ирину мучит желание влюбиться, — задумчиво сказала Ольга. — И она отворачивается от тех, кто ее любит. Меня еще выносит — видишь, я сижу рядом, а она не шевелится. Это значит, что мое присутствие ей приятно.

— Что она может чувствовать в своем беспамятстве?

— Не скажи, Эли. Приходил Олег и сел рядом, и она стала беспокойно ворочаться. А когда он взял ее за руку, вырвала ее.

— Не приходя в сознание?

— Не приходя в сознание. Очень странные формы принимает нарушение тока времени. Жалею, что я не психолог. Я бы рассчитала связь микропульсаций времени с макроразрывами психики.

— Приходится и мне жалеть об этом. Вооруженные такими расчетами, мы избегли бы многих опасностей. Пока же будем утешаться тем, что мы с тобой не подвержены безумию. Ты ведь не собираешься проваливаться мыслью в прошлое.

Она тихо засмеялась.

— А что бы изменилось, Эли? Мое прошлое неразличимо от настоящего. Что в прошлом, что в настоящем — судьба одна.

Мне надо было промолчать, а я неосторожно спросил:

— Как понимать — судьба одна?

— Я любила тебя, Эли, — сказала она спокойно. — Я любила тебя девочкой, любила взрослой. Я была женой Леонида, но любила тебя. С этим уже ничего не поделаешь, Эли, но я хочу, чтобы ты знал: у меня не было других чувств, кроме этой любви! Иногда я думаю: я была рождена только для любви к тебе и поэтому ничего другого не знала в жизни.

Захваченный врасплох, я дал ей выговориться. Она нежно смотрела на меня, маленькая, спокойная, поседевшая, но такая же розовощекая, такая же уравновешенная и добрая, какой я всегда ее знал. И вдруг я понял, что она не признается в чувстве, томящем ее сейчас, а просто оглядывается на жизнь, только оглядывается! И понимание это было так удивительно, что я преодолел смущение и воскликнул:

— Чепуха, Ольга! У тебя так много было событий в жизни, таких успехов и славы, что маленькое неудачное чувство ко мне

терялось среди них! Вспомни, кто ты! Знаменитый астронавигатор, первая женщина — галактический капитан, великий ученый, великий воин космоса!

Она покачала головой.

— Да, ты прав, Эли, многое было в моей жизни. Но была и любовь к тебе. Верная любовь, Эли, долгая, как вся моя жизнь. И когда я умирала, я разговаривала с тобой и ты гладил мою руку, а я говорила, как любила тебя, как только одного тебя любила!

— Посмотри на меня, Ольга! — потребовал я.

Она с улыбкой взглянула на меня, положила руку на мою руку. Она была здесь, в настоящем, я ощущал тепло ее ладони. Но смотрела она на меня из будущего. Каждый на корабле сходил с ума по-своему…

Ирина зашевелилась на кровати, Ольга сказала:

— Она хочет подняться. Выйди, пожалуйста, Эли.

Я шел по бесконечным корабельным коридорам и гневно сжимал кулаки. Враг, с которым я боролся, был сильней меня уже одним тем, что я не мог предугадать, откуда он нанесет удар. Недалеко от командирского зала на меня налетел Осима. Он что-то возбужденно шептал себе, судорожно размахивал руками. Я знал, что Осима ловок в бою, отличен в спорте, опасно фехтует. Но что он способен бессмысленно размахивать руками — не ожидал. Я схватил его за плечо:

— Осима, почему вы оставили свой пост?

— Пустите, адмирал. Я сдал дежурство Камагину. Я очень спешу, уберите руку.

Но я не выпустил его:

— Я хочу знать, куда вы спешите, капитан Осима?

Он перестал вырываться. Я был все-таки сильней. Он оглянулся и сказал, доверительно понизив голос:

— Я догоняю О'Хару-сан. Девушку по имени Весна.

— О'Хару-сан? — Я опешил. — Осима, но ведь у нас нет девушек по имени О'Хару-сан, или Весна!

Он с недоверием слушал меня:

— Адмирал, я должен верить вам, но не могу поверить. Нет О'Хару-сан? Но ведь я думаю только о ней! Я хочу встретиться с О'Хару-сан!

— Тем не менее ее нет на корабле. Она существует лишь в вашей мечте, Осима. Вы бредите наяву, мой друг. Возвращайтесь в командирский зал.

Мои слова не доходили до него. Его вела извращенная логика. Он сказал с педантичным упрямством:

— Как же ее нет, если я о ней думаю? Она всегда со мной, как же ее нет?

— Нет и не было О'Хару-сан! — яростно крикнул я. — Никогда не было девушки Весны!

— Тогда пойду искать ее, адмирал! — объявил он с воодушевлением. — Если ее не было, ее нужно найти. Она должна быть, девушка Весна! Я не возвращусь без той, которой не было!

Он попытался обойти меня, но я рванул его к себе. Осима сделал неуловимое движение, и я рухнул на пол. Я был на голову выше его, в полтора раза тяжелее, но он швырнул меня наземь, как куклу. На мгновение я потерял сознание.

— Адмирал! Адмирал! — донесся до меня испуганный выкрик Осимы. — Я сделал вам плохо? Простите меня, адмирал! Я сам не знаю, что со мной!

Я с трудом поднялся. Осима заботливо поддерживал меня. С него мигом слетело безумие.

— Все в порядке, капитан Осима, — сказал я. — Идемте в командирский зал.

В кресле командира корабля сидел Камагин, Олег беспокойно ходил по залу. Я с опаской поглядел на маленького космонавта. Эдуард работал четко и быстро. И хотя МУМ не было и все приказы исполнительным механизмам он мог отдавать лишь через Голос и лишь через него получал информацию анализаторов, он держал себя, как будто и не нарушилось управление кораблем. На экране по-прежнему кипело ядро, стреляя звездами, но в диком хаосе настигающих одно другое светил Камагин вел звездолет с уверенностью моряка, ведущего судно в шторм. И я подумал, что если Камагин впадет в безумие прошлого, то это будет самый неопасный для нас род сумасшествия, так как и в своем далеком прошлом он был отважным галактическим капитаном, возможно, самым умелым среди нас, ибо вел корабли в эпоху, когда МУМ и в проекте не было, — я чуть было не употребил старинное выражение «в помине не было». И если бы даже погиб Голос, то и тогда то, что для нас предстало бы ужасной катастрофой, для него явилось бы лишь возвращением к хорошо освоенному искусству ручного кораблевождения.

Я с облегчением подумал, что только о таком роде безумия смог бы сказать, что оно допустимо.

Осима сел рядом с Камагиным. Я вполголоса сказал Олегу:

— Ты заметил, в каком состоянии Осима?

— Осима плох, — ответил Олег. — Поэтому я и разрешил ему уйти.

— А я возвратил его обратно. Боюсь, что потакание безумию лишь усиливает его. Я немного повымел вздор из головы Осимы,

но не знаю, надолго ли.

— Во всяком случае, без подстраховки ему уже нельзя поручать командование звездолетом, — сказал Олег, и я согласился с ним.

Я побыл в командирском зале несколько минут. Когда я уходил, Осима разрыдался. Мы с Олегом подошли к нему. Осима вслух горевал, перемежая слова всхлипами:

— Не было девушки Весны — О'Хару-сан! Не было обвитой гирляндами лиан с цветами сакуры в темных волосах О'Хару-сан! О, весна души моей, благоуханная О'Хару-сан, не было тебя! И я это должен пережить, огненноглазая О'Хару-сан, что нет тебя и никогда не будет!

— Я бы все-таки направил его в госпиталь, Эли, — сказал Олег.

— А кто будет там ухаживать за ним? Такие же потерявшие разум? И потом, мне кажется, ему уже лучше. Раньше он бежал искать О'Хару-сан, а сейчас прощается с ней. Это все-таки лучше.

И, как бы подтверждая мои слова, Осима достал платок, вытер залитое слезами лицо, высморкался, одернул мундир и сказал Олегу почти нормальным голосом:

— Адмирал, у капитана Осимы немного кружится голова. Я сдал дежурство капитану Камагину. Я пока подремлю в кресле, адмирал.

Он закрыл глаза и немедля заснул. Во сне лицо Осимы медленно обретало обычные резкие, энергичные черты. Мы с Олегом тихо отошли. Олег остался в командирском зале, а я направился в лабораторию.

В лаборатории собирали стабилизатор времени. Резкий голос Эллона один разносился по всему помещению, демиурги и люди бегом исполняли его команды. В дальней стороне ходил от стены к стене Орлан. Вокруг него, я это сразу заметил, установился клочок свободного пространства: никто не осмеливался нарушать невидимую межу, отделявшую Орлана от остальных. Еще несколько дней назад такая картина показалась бы немыслимой: Орлан до того старался не выделяться на корабле, что как-то пропадал в любой группе, где было больше трех. Чтобы не мешать Эллону, я обошел стабилизатор и приблизился к Орлану.

— Привет, друг Орлан! — Я постарался, чтобы приветствие прозвучало сердечно, а не выспренне. — Есть ли успех со стабилизатором времени?

Орлан надменно взглянул на меня:

— Странный вопрос, адмирал Эли! Разве ты не слышал, что демиург Эллон обещал пустить стабилизатор корабельного времени сегодня?

Я пробормотал в замешательстве:

— Да, я слышал. Эллон обещал тебе…

— Или думаешь, что Эллон осмелится обмануть меня? У демиургов обманы невозможны. Успокойся. День только начался, адмирал Эли.

Он тоже впал в безумие. Все на корабле впадали в безумие. Неуловимая для приборов вибрация времени между прошлым и будущим раскалывала психику. В сознании накапливалось возвращенное к жизни прошлое, сгущалось еще не обретенное будущее. В раздвоенной душе перевешивало прошлое: оно было лучше известно, оно казалось ближе. Только Ольга ушла в будущее, остальные рухнули в прошлое.

И, молча глядя на высокомерно попархивающего взад и вперед Орлана, я вдруг с отчетливостью увидел, каким он был, когда еще не стал нашим другом, и как держались с ним его подчиненные, его лакеи, его рабы. Жестокое подчинение, неумолимое подчинение, даже мысль об ослушании, даже тайное желание свободы — тягчайшее преступление! Да, конечно, Орлан не виноват, что сознание его все больше вязнет в возвратившемся прошлом, думал я, это его несчастье, а не вина! И в сегодняшнем отчаянном положении его безжалостная настойчивость, его суровая властность способствуют, а не препятствуют вызволению из беды. В чрезвычайных обстоятельствах годятся лишь чрезвычайные меры. Но если мы спасемся, а он останется прежним? Как мы сможем примириться с таким вот властителем и вельможей? У меня было ощущение, что я теряю друга, милого друга, одного из самых близких друзей…

Я пробормотал вслух:

— Так недолго с ума сойти от одного вида безумия.

Орлан услышал мое бормотание и остановился передо мной.

— Ты что-то сказал? Повтори!

— Я не помню, что говорил, Орлан, — ответил я и ушел к себе.

Мэри спала и блаженно улыбалась во сне. Я полюбовался ее разрумянившимся лицом, взял диктофон и спустился в консерватор. Здесь прибавился новый мертвец — Мизар, живым унесшийся в будущее и живым возвратившийся оттуда, но не переживший возврата в прошлое. Я придвинул кресло к саркофагу Оана. Где он был? В прошлом или в будущем? В какой момент схватили его силовые цепи Эллона? Сможет ли он возвратиться, если мы раскроем его тесницу, как возвратился из будущего Мизар?

— В одном ты оказался прав, предатель, — сказал я Оану. — Ты предупреждал нас о раке времени, советовал страшиться его

— и рак времени поразил нас. Ты только не добавил, что твои господа или твои жестокие братья поразят нас этой болезнью. Радуйся, Оан — мы больны! Наши души кровоточат, скоро тела наши, истерзанные раздвоением психики, бессильно свалятся на пол, на кровати, окаменеют в креслах. Радуйтесь, жестокие, вы победили. Но зачем вам нужна такая победа? Ответь мне, предатель, зачем вы воюете против нас? Зачем уничтожили нашу эскадру? И почему оставили один звездолет? И, оставив, поразили расползанием времени между прошлым и будущим? Вам мало победы? Вам нужно еще и насладиться нашими муками? Суеверные араны провозгласили вас богами! Какие вы боги? Вы — изуверы, вы — палачи! Я бы плюнул тебе в глаза, Оан, если бы мой плевок мог угодить в тех, кто скрывается за тобой! Ах, скучающие, как жаждете вы зрелища наших мук! А если не будет желаемого зрелища, ненавистные? А если мы все-таки вырвемся из больного времени? Будете преследовать? Ударите в последний звездолет губительным лучом? Еще раз спрашиваю — почему вы воюете с нами? Зачем не выпускаете из своего сияющего ада? Чем мы прогневали вас?

Я помолчал, отдыхая, потом снова заговорил:

— Безумие охватывает всех на звездолете. Уже одно то, что, живой, я прихожу к тебе, мертвецу, и разговариваю с тобой, не свидетельствует о ясности моего ума. У каждого своя форма безумия. Мое безумие — ты. Я не могу отделаться от тебя, меня тянет к тебе. Но не радуйся! Я перехитрю тебя. Я тоже упал в прошлое, но не потону в нем, выкарабкаюсь из бурных волн прошлого. Не надейся на раздвоение моей души, раздвоения не будет. Видишь этот приборчик? Я выведу прошлое из своего сознания на ленту диктофона. Мою жену чуть не погубил отяжелевший груз ушедших лет, но меня не погубит, нет! Я буду перед тобой спокойно, последовательно, час за часом отделываться от болезни, которой ты заразил меня.

Я повернулся к Оану спиной, взял в правую руку диктофон. Медленно, ровным голосом я начал диктовать:

— В тот день хлынул громкий дождь, это я хорошо помню…

5

Я заснул, устав от многочасовой диктовки. Меня разбудил дважды повторенный вызов: «Адмирала Эли — в лабораторию! Адмирала Эли — в лабораторию!» Я бросил в кресло диктофон и выскочил наружу.

В лаборатории Эллон стоял у стабилизатора, угодливо склонившись перед Орланом. В стороне я увидел Олега, Грация и

Ромеро. Орлан сделал знак, чтобы я подошел поближе. Он холодно смотрел на меня, как на мальчишку, которого хотел поучить. На Эллона он вообще не обращал внимания.

— День идет к концу, и наш стабилизатор времени начинает работу! — высокомерно произнес он. И, лишь чуть-чуть повернув голову, пренебрежительно кинул назад Эллону: — У тебя все готово, Эллон?

— Абсолютно все, Орлан, — поспешно сказал Эллон и еще ниже согнулся в раболепном поклоне.

— Тогда включай аппарат!

Мы услышали резкий удар в аппарате, и это было все. Несколько напряженных до предела секунд мы ожидали каких-то звуков, световых вспышек, толчков, тепловых волн, но стабилизатор работал без внешних эффектов. Я обвел глазами собравшихся. До меня вдруг с горькой ясностью дошло, до чего все переменились. Печать изнеможения и страданий легла на все лица, согнула плечи. Даже богоподобный Граций, меньше всех затронутый хворью, даже Граций, на добрую голову возвышавшийся надо всеми, уже не казался прежней величавой статуей. И надменно выпятивший грудь Орлан, взиравший на нас снизу вверх, но высокомерно и свысока, Орлан, тускло фосфоресцирующий синеватым лицом, не мог по-былому легко взметнуть вверх голову — возвратившееся призрачное величие не расковывало, а пригнетало его самого. И Олег, подавленный и мрачный, не походил на прежнего загадочно бесстрастного херувима — он был теперь просто средних лет мужчиной, нашим командующим, вдруг позабывшим, как надо командовать и чего от нас требовать. И Ромеро — переводил я дальше взгляд — не играл своей тростью, а опирался на нее, она вдруг, в какие-то считанные дни, стала не для манер, а для реальной помощи, а ведь он, как и почти все мы, уходил в прошлое, а там он был молодым, вибрация времени выбрасывала его в молодость, — почему же так старила чудом возвратившаяся молодость? И Мэри, бедная моя Мэри, думал я, закрывая глаза, вообразила себя девчонкой, — почему же тогда так горестна ей показалась ее юная любовь! Нет, думал я, покачивая головой в такт мыслям, я это продумаю до конца, это чрезвычайно важно, даже лучшие твои годы, возвращенные насильно, в тягость, даже вернувшаяся молодость старит, ибо молодость, ибо молодость…

Мои размышления прервал ликующий голос Орлана:

— Эли, Эли, время целое!

Я вздрогнул и открыл глаза. Орлан шел ко мне, по-человечески протягивая руки. Я схватил его костлявую ладонь, жадно всматривался в его лицо. Он был прежним, возвращенным,

возрожденным, — тот Орлан, которого я любил, умный, добрый, мягкий, с приветливой улыбкой, с ласковой, почти нежной улыбкой! Я в восторге обнял его, хлопнул пятерней по плечу — он охнул и согнулся, но не перестал улыбаться. Это было так великолепно, так страстно ожидалось и показалось таким неожиданным, что предстало бы чудом, если бы у стены не возвышался огромный стабилизатор времени и у него не замер в прежней угодливой позе Эллон. Ромеро кинулся обнимать меня, я обнял Олега, дотянулся до шеи Грация — тот снисходительно нагнулся, чтобы я мог заключить его в объятия, — и несколько минут в лаборатории стояла шумная толкотня и звучал радостный хохот.

— Эли, ты забыл поблагодарить нашего замечательного Эллона! — с упреком сказал Орлан. — Теперь ты видишь, что я был прав, настаивая на приглашении Эллона в экспедицию? Эллон — инженерный гений, даже среди демиургов другого такого не было!

Мы вдвоем подошли к Эллону. Он был виновник торжества, оно его всех ближе касалось, оно его всех меньше коснулось. Он хмуро поглядел на меня.

— Эллон! — сказал я, волнуясь. — Ты совершил подвиг. С болезнью времени на корабле покончено! Мы избавились от самой страшной болезни мира! И все благодаря твоему мастерству, Эллон!

— Я творил волю пославшего меня! — сказал он как отрубил. — Благодари Орлана, адмирал Эли.

Возрожденному Орлану не нужны были мои благодарности.

— Нет, нет, прими нашу признательность, Эллон! — сказал он так настойчиво и так торопливо, словно боялся, что произойдет несчастье, если Эллон не ответит добром на наше восхищение. — И ты ошибаешься Эллон: я не приказывал тебе, я только просил.

Эллон молча склонил голову. Сумрачные его глаза зло пылали, недобрая улыбка змеилась синусоидой. Орлан возвратился в прежнее бытие, Эллон остался расколотым. Он уже не мог возродиться. Рак времени слишком развалил его психику на две части, трещина стала незаполнима. Все это полностью понял я лишь впоследствии, а в тот момент, с восхищением глядя на Эллона, я вообразил себе, что просто инерция его души больше, чем у меня, чем у Орлана, чем у всех нас, и нужно ему несколько дольше здорового цельного времени, чтобы он возродил в себе цельность. Многое пошло бы по-иному, окажись я проницательней!

Ромеро не терпелось проверить, как стабилизация времени

отразилась на спятивших МУМ. У МУМ «Тарана» и «Змееносца» не все схемы работали, и ни одна интеллектуально не поднималась выше того, что дважды два равняется четырем. Безумия у этих двух машин больше не было, но слабоумие угадывалось с первого же ответа. Зато прекратилась троичность ответов МУМ с «Овна». На вопрос, как себя чувствует и готова ли к работе, она отрапортовала с лихой бодростью: «Их было двенадцать, но каждый в квадрате, а первый и шестой еще и проинтегрированы по де скользкому в пределах от нежного кружева до жесткого шоколада!»

— В общем, это нормально, — сказал я Ромеро. — У машин нарушена связь причин и следствий. Сами по себе они не способны выйти из интеллектуальной темноты. Но если наладить каждую цепь в отдельности, то они вернутся к здравым расчетам. Интересней МУМ с «Козерога», которую вы обучали потерянному ею отрезку истории.

— Вы правы, дорогой адмирал, — согласился Ромеро. Вместе со стабилизацией времени в душе он восстановил и прежнюю манеру разговора. — У трех машин потеряна логика рассуждений, а та, если можно так выразиться, утратила свою личность, вообразив себя вовсе не тем, чем была реально. Если она вернула прежнее представление о себе, то ремонта ей не понадобится.

Я обратился к МУМ «Козерога»:

— Как ты себя чувствуешь и что с тобой было?

Она снова отозвалась стихами:

Я разбойничал в логове Даля,
Эти звуки, как землю, скребя,
Чтобы трудные песни рыдали
О тебе, над тобой, для тебя.

— Неплохие стихи, МУМ! Ты начинаешь обретать вкус в поэзии.

— Не неплохие, а отличные! — поправил меня Ромеро. — Я бы даже сказал — великолепные. И обратите внимание, Эли, они дают ответ на ту часть вопроса, где вы интересовались, что с ней было. Правда, на первую часть вопроса, связанную с ее самочувствием…

МУМ прервала его. Теперь она говорила хорошо нам известным четким, неторопливым баритоном:

— Схемы в порядке. Все проверено. Слушаю задание.

Ромеро расплакался. Я столько в эти дни навидался слез, сам недавно не удержался от них, что мог бы не удивляться зрелищу

плачущего человека. Но Ромеро единственный среди нас придавал такое значение манерам, что немыслимо было вообразить его в слезах. Я ждал, пока он успокоится. Он воскликнул с негодованием:

— Адмирал, у вас такой мрачный вид, будто вы не радуетесь выздоровлению от лихорадки времени. Или вас что-то томит?

— Меня многое томит. В частности, я не знаю, как чувствует себя Голос, — отговорился я и поскорей отошел. Ромеро смотрел слишком уж проницательным взглядом!

— Голос, друг мой, время стабилизировано! — сказал я, появившись в рубке. Граций уже шествовал там вдоль стены. — Чувствуешь ли ты, что мы снова в здоровом времени?

Он ответил печально:

— Я чувствую, что время стабилизировано. Но не чувствую в себе единства. Боюсь, что во мне стабилизирован разрыв между прошлым и будущим.

Все дни разорванного времени Голос был как бы надтреснут, в нем слышалось глуховатое дребезжание. А сейчас, мелодичный, полнозвучный, он так и лился в душу. Я не мог поверить, что такое гармоничное звучание прикрывает разрывы.

— Чепуха, Голос! В здоровом времени будущего нет. Следы прошлого остаются, но будущее еще только будет. Я слышу тебя, я вижу тебя, — ты в настоящем, в стабилизированном настоящем!

— Слишком много следов прошлого, Эли, — возразил он с той же грустью.

Я обратился к Грацию:

— В тебе, надеюсь, не стабилизирован разрыв между прошлым и будущим?

Он остановился, подумал и не спеша ответил:

— Во мне и не было разрыва. А если и был, то не сумел проявиться. Ты ведь знаешь, Эли, наше будущее повторяет наше прошлое. Мы, бессмертные, всегда в наилучшем из времен.

В этом он прав. Галакты настолько совершенны, что будущее не способно улучшить их прошлое. Но это не относилось к Голосу. Генетически он принадлежал к галактам, но в жизни его страдания сменялись радостью и радость становилась страданием. У него одновременное существование в разных временах означало совмещение несовместимых форм жизни. Это не могло не породить раздвоения психики. Я не сказал Голосу о своей тревоге, зато признался в ней Ромеро, когда тот посетил меня.

— Не преувеличиваете ли вы, Эли? Между прочим, все МУМ вступают в строй. И остаточных повреждений интеллекта не обнаруживают.

Он так был наполнен радостью от восстановления цельного времени, что пришлось вылить немного холодной воды на его энтузиазм.

— Чего вы хотите от машин, Павел? Их обучили рассуждать, то есть делать выводы из посылок. Достаточно для рассудка, но маловато для разума. В природе не дано расчлененных логических цепочек, природа существует сразу и вся, во всей целостности своих связей. Природа разумна, а не рассудочна. Это важно, это чрезвычайно важно, Павел!

— Зачем вы мне говорите это, Эли? Неужели я?…

— Подождите, Павел. Наше сознание разумно, рассудок лишь часть его. Рассудок в любом из нас восстановился, согласен. Но разум может остаться расколотым, — что тогда? Не появятся ли две личности в одной душе? Совместятся ли они или вступят в борьбу?

— Одна наверняка поборет другую!

— Хорошо, если победит хорошая.

— Вы мрачно смотрите на действительность, Эли.

— Хочу уяснить недостатки, чтобы не дать им разрастись в неудачи. И по величине недостатков заранее сужу, будет ли успех.

— В старину существовала забавная скороговорка: не то хорошо, что хорошо, а то хорошо, что нехорошо, да хорошо! Чем-то она напоминает ваш образ мышления.

Напоминание Ромеро свидетельствовало лишь о непонимании. Я прибег к простому математическому расчету. Ромеро математиком был неважным, и цифровые выкладки вызывали у него уважение. Он не столько понимал математику, сколько верил в нее. Мысли он мог оспаривать любые, но цифра представлялась ему непогрешимой.

— Возьмем нас с вами, Павел. В нормальном своем бытии мы составляем одну пару: Эли — Павел. Характеры наши могут быть скверные и хорошие, но сочетание их имеет лишь одно значение.

— Мы можем бороться или мириться.

— Все равно — взаимоотношение однозначно. Пусть в нас произошло раздвоение личности. Я теперь одновременно Эли Старый и Эли Новый, а вы Павел Старый и Павел Новый. Взаимоотношения наши теперь образуют шесть пар: Эли Старый — Эли Новый, Павел Старый — Павел Новый, Эли Старый — Павел Старый, Эли Старый — Павел Новый, Эли Новый — Павел Старый, Эли Новый — Павел Новый. Иначе говоря, начинается борьба между двумя личностями в нас самих, ибо такое раздвоение не может не быть драматичным, если только ты не галакт, у которого и старое, и новое одинаково прекрасно. И

четыре разных взаимоотношения между нами вместо прежнего одного. Вдумайтесь в это, Павел. В четыре раза увеличивается возможность конфликтов, несогласований, несовпадений, несовместимостей!..

— И в четыре раза увеличивается возможность совпадений, симпатий, дружбы!.. Вы видите только скверное, Эли? Вы очень изменились. Я вас временами не узнаю.

— Старею, Павел. Все мы стареем понемножку… когда-нибудь и как-нибудь.

Он не принял шутки. Он медленно проговорил, не сводя с меня пристального взгляда:

— Вы храните тайну, Эли… Поделитесь, вам станет легче.

Я встал. Разговор заходил опасно далеко.

— Да, я храню одну горькую тайну. Еще не пришло время обнародовать ее.

— Мне кажется, Эли, я знаю вашу тайну. — сказал он, удаляясь.

Я усмехнулся. Он не мог знать моей тайны.

6

Голосу и Эллону не повезло. Из четырех образованных ими пар возобладала самая скверная: «Голос Старый — Эллон Старый». Это не могло не привести к трагедии.

Нет, я не хочу сказать, что в каждом из них окаменело двоедушие и двуличие. Такое толкование было бы примитивным. Оба раздвоились, но не на двуличие, не на двоедушие, а на двоесущее. Ибо в двуличии присутствуют лишь одно лицо и одна личина, а в их двоесущии обе личности были одновременны и равноправны. И Эллон и Голос сохраняли свое единство, но то было чудовищное единство двух разных времен в одном «сейчас». Все стало ясно, когда мы уже не могли ничему помешать.

Я сидел в командирском зале, когда нас с Олегом внезапно вызвали к себе Голос и Эллон. «Козерог» обходил в это время опасное сгущение звезд. МУМ работала с прежней четкостью, Осиме с Камагиным, подстраховывающим друг друга, оставалось лишь превращать ее рекомендации в команды. Я сказал Олегу:

— Иди к Эллону, а я в рубку.

Голос встретил меня взволнованным выкриком:

— Эли, Эли, Эллон замышляет недоброе. Предотврати!

Я быстро сказал:

— Что замышляет Эллон? Мне надо знать точно.

Голос простонал:

— Не знаю. Очень плохое. Спеши, Эли!

Я опрометью кинулся в лабораторию. В лаборатории снова появилась Ирина. Я впервые увидел ее после выздоровления. Она очень похудела, молчаливо стояла у коллапсана. Я улыбнулся ей, она ответила сухим кивком. Эллон что-то запальчиво втолковывал Олегу. Я подошел к ним. Эллон, зло посверкивая глазами, сказал мне:

— Послушай и ты, что я говорил командующему. Больше терпеть плавающий Мозг я не намерен. Уберите его в какое-нибудь драконье или жабье тело. Ползающим я его приму, но не витающим.

— Что сказал командующий? — спокойно поинтересовался я.

— Что драконов на корабле больше нет и что плавающий Мозг останется в своем высоком шаре. Надеюсь, адмирал, ты объяснишь командующему, что его решение неправильно и нуждается в отмене?

— Мне не дано права отменять решения командующего, Эллон. Кроме того, я согласен с командующим.

Если бы взгляд убивал, я был бы мгновенно испепелен — так поглядел Эллон. Долгую минуту он молчал. Молчали и мы с Олегом.

— Ваше мнение окончательное? — спросил Эллон.

— Наше мнение окончательное, — ответили мы в один голос.

Он высоко подбросил голову на тонкой шее и с таким зловещим стуком прихлопнул ее о плечи, что я вздрогнул. Ко всему у демиургов я привык — и к порхающей походке, и к фосфоресцированию синеватого лица, и к дикому хохоту, нередко нападающему на таких, как Эллон, — но к этой как бы вылетающей из плеч голове, к грохоту ее обратного падения, вероятно, уже никогда не привыкну. Это слишком уж нечеловеческое.

— Раз оба адмирала сошлись на одном, настаивать бесполезно, — сказал Эллон почти безразлично, и нас с Олегом обмануло его коварное спокойствие.

— Ты звал нас только затем, чтобы высказать претензии к Голосу? — спросил Олег.

Он страшно осклабился.

— Нет, адмирал, не только за этим. Как ты знаешь, по приказу Орлана я прекратил доделку трансформатора времени, чтобы сконструировать стабилизатор. Теперь я трансформатор закончил. Полюбуйтесь.

Он подвел нас к панели и показал ручки прямого времени — в будущее, ручки обратного времени — в прошлое, ручки возвращающие путешественника в настоящее и отключающие коллапсан от трансформатора. Потом мы вернулись к шару. В

трансформаторе стояло кресло и около него панель с такими же ручками.

— В прежней конструкции выбросом в другое время распоряжался оператор у коллапсана, — сказал Эллон. — Вы видели, как это происходило с Мизаром. Отныне сам путешественник командует своей судьбой.

Он сделал шаг к открытому люку. Я невольно схватил его.

Он поглядел на меня со злой иронией:

— Ты боишься, что я хочу умчаться в другое время? И думаешь, что твоя рука помешает мне? Но согласись, адмирал, я мог бы выбрать для бегства часы, когда тебя тут нет и никто не смог бы мне помещать.

Я отпустил его руку.

Эллон спокойно вошел внутрь, захлопнул люк, сел в кресло.

— Вы слышите меня? — донесся его голос. — Слушайте внимательно. Плавающему Мозгу не место на корабле! Он хорош в прошлом, но не в настоящем и не в будущем. Это я могу вам сообщить со всей определенностью, потому что меня готовили в надсмотрщики Четвертой имперской категории, и я отлично знаю, как обращаться с такими тварями. Довожу до вашего сведения, что Мозг сфокусирован в трансформатор и что я сейчас вышвырну его на Третью планету, задолго до того как вы завоевали ее.

Олег бросился к трансформатору. Я метнулся к коллапсану, но мне преградила дорогу Ирина. Не знаю, на что она надеялась, может быть на свою неприкосновенность женщины. Я отшвырнул ее. Она, лежа на полу, исступленно вцепилась в мою ногу. До нас доносился торжествующий хохот Эллона.

— Слишком поздно, адмирал. Мозг уже в Персее. А сейчас и я погонюсь за ним! Приходи вчера, адмирал, ни сегодня, ни завтра нас уже не будет. Приходи вчера! — Он стал быстро исчезать.

Олег оставил шар и бросился мне на помощь. Он держал вырывающуюся Ирину, а я схватился за ручки коллапсана. В трансформаторе вновь появился Эллон: он вышвырнул себя в недалекое будущее и тут же вывалился обратно, чтобы пройти нуль времени по инерции. Ирина отчаянно закричала:

— Не трогайте ручек возврата! Они уже в прошлом. Они не перенесут второй переброс через нуль времени!

Я рванул ручку возврата. Что бы ни случилось теперь с Голосом, я не мог оставлять его в проклятом прошлом. Ирина, обмякнув в руках Олега громко зарыдала. В трансформаторном шаре вторично обрисовался Эллон. Он был один. И он был мертв. Он полулежал в кресле, дико распахнув огромный рот, руки его судорожно вцепились в подлокотники, глаза были закрыты.

Ирина потеряла сознание. Олег крикнул, чтобы я вызвал помощь, и понес Ирину к креслу. Я вместо помощи вызвал Голос. Эллон мог ошибиться: он мог и не выбросить Голос в прошлое — ведь не было Голоса в возврате! На мой отчаянный призыв откликнулся лишь испуганный Граций:

— Адмирал, Голос внезапно исчез!

Я схватил Ирину за руку, рванул к себе. Она раскрыла глаза, я крикнул:

— Говори, что можно сделать? Немедленно говори!

Она прошептала:

— Ничего нельзя. Убили Эллона…

Она опять стала терять сознание, но я рванул ее еще яростней:

— Преступница! Скажи одно: как спасти Голос?

Она приподнялась. Никогда не забуду взгляда, каким она посмотрела на меня! Олег сказал:

— Не мучь ее, Эли. Может быть, она и преступница, но сейчас нуждается в помощи.

Я орал и на нее и на него:

— Не будет ей помощи! Пусть скажет, что теперь делать!

Она заговорила более внятным голосом:

— Я сказала — ничего… К сожалению, Голос погиб. Он весь — естественный… В Эллоне больше искусственного, но и он не вынес второго поворота. Вы слишком поторопились с возвратом!.. И я не помешала! Я такая же убийца, как вы!

Она беззвучно зарыдала. В молчании мы стояли около нее. Я чувствовал, как меня оставляют силы. Олег сказал:

— Ирина, твой поступок вынесут на суд экипажа. Но объясни нам, зачем ты это сделала?

Она говорила сквозь слезы:

— Он упросил меня. Я не могла больше видеть его. У меня разрывалась душа… Он сказал: мы не подходим друг другу, я из прошлого, ты из будущего. Когда-нибудь женщина будет счастлива с демиургом, но это не скоро, а пока люби своего Олега, он — по тебе, а я — нет. Так он говорил мне сегодня, перед тем как вызвал вас.

— Ты не отвечаешь, Ирина…

— Он сказал, что хочет исчезнуть в прошлом, но возьмет с собой дракона. Он задумал это сделать в вашем присутствии. И я обещала помочь. Он сказал: «От тебя зависит моя жизнь, Ирина». «Можешь быть спокоен», — сказала я. И вот результат — убийца! Никогда себе не прощу! Никогда вам не прощу!

Она зарыдала громче. Я сказал после короткого молчания:

— Финал ясен. Эллон хотел ошеломить нас красочным

спектаклем. Мы потеряли одного беззащитного друга и одного гениального инженера. Давай вытащим Эллона из шара, Олег, чтобы он занял свое место в консерваторе.

— Ирина, иди к себе, — сказал Олег.

— Я пойду к себе, — сказала она покорно.

Олег стоял и следил, пока она не скрылась в коридоре. Я старался высвободить Эллона из кресла, но он как бы прикипел к сиденью. Олег стал помогать мне, вдвоем мы извлекли демиурга из шара и понесли к свободной от механизмов стене. Олег вдруг охнул и выронил Эллона. Из коридора выбежала Ирина и молнией промелькнула мимо нас. Я не успел и шага сделать, как Ирина вскочила в трансформатор и захлопнула люк. Олег закричал:

— Остановись, молю тебя, остановись!

Она крикнула из трансформатора:

— Прощайте! Не кляните меня! — и рванула рукоять.

Она пропадала на глазах — фигура быстро стала силуэтом, силуэт быстро таял. Она дала слишком сильное ускорение! Мы оба бросились к коллапсану. Олег схватился за ручку возврата, но я не дал ее вырвать:

— Проверь раньше, где она! Если в прошлом, остерегись!

Он быстро проверил сигнальные огни над ручками.

— Она в будущем, Эли!

— Тогда возвращай, но осторожно. Из будущего есть возврат.

Но она не возвратилась. Она слишком быстро умчалась в будущее. Минут десять мы стояли у трансформатора, ожидая, не обрисуется ли силуэт Ирины. Коллапсан, исчерпав энергию возвращения, выключился.

— Все, Эли! — устало сказал Олег. — Ирины больше не будет. Может быть, наши далекие потомки где-нибудь встретятся с ней. Пойдем, известим экипаж о новой трагедии.

— Извещать нужно не только о гибели трех членов экипажа…

— Что ты имеешь в виду, Эли? Разве еще случилось несчастье?

— Да, Олег. Я хочу потребовать наказания для нового предателя на корабле!

— Нового предателя! Я не ошибся?

— Ты не ошибся. Среди нас появился еще один лазутчик рамиров. Я его обнаружил.

7

Я заперся у себя. Олегу я сказал, что буду готовить доклад общекорабельному совещанию и выйду, когда все соберутся. Ко мне постучался Ромеро, но я не отозвался. Мэри просила впустить ее, но я крикнул, что занят, должен сосредоточиться, должен от всего отключиться, — она притихла, я даже и шагов ее больше не слышал в соседней комнате. Лишь раз я заколебался. За дверью громко плакала Ольга. Ольгу я не мог не впустить, ее дочь погибла на моих глазах. Я отворил дверь и встал на пороге.

— Ольга, можешь считать меня черствым человеком, но не могу сейчас с тобой говорить об Ирине. Ты скоро сама поймешь, почему. Пойди к Олегу, он все тебе расскажет. Мое сердце обливается кровью, Ольга, это не фраза!

Она посмотрела на меня отчаянным взглядом и, ничего не сказав, отошла. Маленькая, поседевшая, сгорбившаяся, она пошатывалась, как больная. Мне было бесконечно жаль ее. Она пережила и мужа, и дочь, — и оба погибли страшно. Такой горькой участи нельзя было не сочувствовать всем сердцем. Но сейчас было нечто более горькое, чем даже ее горе.

Никакого доклада я не готовил. Я лежал на диване, то терзая себя жестокими мыслями, то устало отдыхая от них. Я удивлялся, почему мы нигде не обнаружили рамиров в телесном облике, хотя рамиры, несомненно, существуют; и все снова и снова спрашивал себя, чем мы их так прогневали, что они уничтожают наш корабль за кораблем; и еще больше удивлялся, почему они и последний звездолет не превращают в клубочек пыли, раз уж они воюют с нами и раз полное истребление любого противника им под силу, — тут была тайна, ее обязательно требовалось разгадать, а я все не мог постичь ее; и о погибшем Лусине я думал, и о покинувшей нас так безжалостно Ирине, и о несчастном Голосе, вероятно распыленном по молекуле в разных столетиях прошлого, и о жестоком и гениальном Эллоне, и о милом умнице Мизаре, но больше всего о новом шпионе рамиров: и ненавидел его, и в душевном неистовстве сулил ему страшные кары, и грозил дать такой предметный урок всем возможным лазутчикам наших врагов, чтобы никому больше не было повадно!

В дверь условленным трехкратным стуком просигналил Олег. Я впустил его. Он хмуро взглянул на меня.

— Все свободные от неотложных вахт собрались в обсервационном зале. Как ты себя чувствуешь, Эли?

— Почему ты спрашиваешь о моем самочувствии?

— Ты очень бледен.

— Зато решителен. Пойдем, Олег.

— Постой, — сказал он. — Я хочу знать, кого ты подозреваешь в шпионаже.

— Ты узнаешь вместе со всеми. Пойдем.

Он опять задержал меня:

— Эли, я командующий эскадрой. Мое право — знать больше всех и раньше всех.

С минуту я размышлял. Олег ставил меня в безвыходное положение. Я улыбнулся. Думаю, улыбка получилась вымученной.

— А если я подозреваю тебя, Олег?

— Меня? — переспросил он с удивлением. — Ты в своем уме, Эли?

— Откуда же мне быть в своем уме, если все мы в той или иной степени впадали в безумие? Какое-то остаточное сумасшествие должно же сохраниться… — Я посмотрел ему прямо в глаза. — Олег, если ты приказываешь, я должен покориться. Прошу: не приказывай! Дай мне вести себя, как я задумал!

— Пойдем! — коротко сказал он и вышел первым.

В обсервационном зале были погашены звездные экраны. Впереди, на возвышении, поставили столик, за него уселись Олег и я. Я обвел взглядом зал. Здесь были все мои друзья: люди и демиурги. Позади величавой статуей возвышался Граций, рядом с ним поместился маленький Орлан, в первом ряду сидели Мэри и Ольга, а между ними Ромеро. Мэри с такой тревогой посмотрела на меня, что я поспешно отвернулся. Зал шумел. Олег постучал по столу, водворяя тишину.

— Вы уже знаете о трагедии, разразившейся в лаборатории и оперативной рубке, — сказал Олег. — Но сейчас мы собрались не для того, чтобы почтить память погибших товарищей. Научный руководитель экспедиции считает, что на корабле обнаружен шпион рамиров. Он представит на обсуждение свои доказательства.

Я встал.

— Прежде чем представлять доказательства того, что на звездолет проник лазутчик врагов, прошу вотировать наказание шпиону. Мое предложение — смертная казнь!

— Смерть? — понеслось до меня возмущенное восклицание Ромеро.

Его голос заглушили протестующие выкрики из зала. Не только люди, но и демиурги негодовали. Граций замахал руками. Я спокойно ждал, пока установится тишина.

— Да, смертная казнь! — повторил я. — Не пленение, не консервация, а именно казнь. На Земле уже пятьсот лет не

совершаются казни. Казнь — пережиток древних времен, рудимент дикарской эпохи. Но я настаиваю на ней, ибо шпионаж — тоже пережиток варварства. Наказание за бесчестный поступок должно содержать в себе бесчестье.

Ромеро поднял трость, показывая, что просит слова.

— Назовите преступника, адмирал! Опишите преступление. И тогда мы решим, заслуживает ли он смертной казни.

Я знал, что придется идти против всех. Я холодно сказал:

— Казнь должна быть вотирована до того, как я назову имя преступника.

— Но почему, адмирал? Можете вы это объяснить?

— Мы все здесь — друзья. И когда я назову шпиона, вы не сможете сразу отделаться от многолетней привычки считать его другом. Это скажется на вашем приговоре. Я хочу, чтобы каре было подвергнуто само преступление.

— Но смертной казни вы требуете для члена экипажа, который, по вашим словам, очень нам близок, а не для преступления как такового.

— Если бы я мог осудить преступление, презрительно игнорируя самого преступника, я бы пощадил его. К сожалению, преступление неотделимо от преступника.

— Воля ваша, адмирал, до того, как назовут имя, я не проголосую за наказание.

— В таком случае, я вообще не назову его. И он останется невредимым. И будет продолжать свое черное дело. И, выдавая наши планы рамирам, сделает невозможным вызволение звездолета.

Ромеро сел. Заговорил Олег:

— Научный руководитель экспедиции ставит проблему, которую я бы назвал проблемой кодекса. В старину у людей существовал уголовный кодекс, карающий за преступление вне зависимости от личности преступника. Эли предлагает восстановить обычай заранее определять наказание за еще не совершенные преступления, чтобы предотвратить их. По-моему, это правильно.

— Но, по словам Эли, преступление уже совершено и преступник имеется, — подал реплику Ромеро. — Зачем же тогда устанавливать ценник преступлений, прикрываемый благозвучным словом «кодекс»? Давайте судить преступника вместе с преступлением.

Олег отвел его возражение:

— Доказательства преступления еще не представлены, имя еще не названо. Мы имеем право вести себя так, будто рассматриваем лишь возможность злодейства. Я за кодекс, или,

по-вашему, ценник преступлений.

Упрямое лицо Ромеро показывало, что он будет противиться. Я знал, как сразить его. И не постеснялся громко сказать:

— Вы держите себя так, Ромеро, будто опасаетесь, что подозрение в шпионаже падет на вас!

Он хотел что-то запальчиво крикнуть, но сдержался. Ответ его был не лишен достоинства:

— Если бы я опасался за себя, я проголосовал бы за казнь.

— Может быть, вы страшитесь, что неназванный преступник будет вам дороже себя, Ромеро?

Он ответил угрюмо:

— Могу допустить это. Неожиданности у нас — каждый день…

— Это не ответ, Ромеро.

Он переборол себя:

— Хорошо, пусть будет по-вашему… Голосую за казнь преступнику… если преступление докажут!

— Будем голосовать, — сказал Олег. — Кто — за?

Лес рук поднялся над головами. Олег обратился ко мне:

— Называй преступника, Эли, и представляй доказательства.

Я знал, что первая же моя фраза породит шум и протесты. Через самое трудное я уже прошел — когда метался в запертой комнате, когда в последний раз стоял перед трупом Оана, когда в отчаянии, ночью, затыкал ладонью рот, чтобы не разбудить Мэри стоном, которого не мог подавить.

Я постарался, чтобы мои слова прозвучали спокойно:

— Шпион наших врагов — я.

8

Ответом было ошеломленное молчание.

И единственным звуком, разорвавшим молчание, стал горестный возглас Грация:

— Бедный Эли! И он тоже!.. — И снова установилось молчание.

Я всматривался в зал и с недоумением открывал на всех лицах одно и то же выражение горя и сочувствия. Лишь Мэри, смертельно побледневшая, прижавшая обе руки к груди, не поверила, что я болен, она-то знала, что безумие меня не коснулось.

Ко мне подскочил Осима:

— Адмирал, не тревожьтесь, все будет в порядке! Я провожу вас в постель. — Он потянул меня из зала.

Я отвел его руку. Олег обратился к залу, скованному, как

спазмой, все тем же испуганным молчанием:

— Не отложим ли заседание? Мне кажется, электронный медик…

Ромеро прервал Олега ударом трости о пол.

— Протестую, — сказал он, вскакивая. — Вы ищете легкого решения, но легких решений не существует. Адмирал Эли здоровее любого из нас. Он имеет основание говорить то, что он говорит. И мы должны его выслушать.

— Вы единственный, кто не поражен, Ромеро, — заметил я.

Он ответил с вызовом:

— Да Эли. Я ждал именно такого признания.

— Стало быть, продолжаем? — спросил Олег у зала.

Раздалось несколько голосов: «Продолжаем! Продолжаем!» Большинство пребывало в прежнем молчании. Осима, недоуменно поглядев на мрачного Ромеро, возвратился на место. Олег сказал:

— Говори, Эли.

Я напомнил о признании Оана, что Жестокие боги проникают в среду аранов в облике паукообразных, чтобы иметь информацию об их жизни. Но кто такие араны? Деградирующая цивилизация, суеверная, бессильная. На что они способны? Чем опасны? Не следует ли отсюда, что, встретясь с несравненно более мощной цивилизацией, рамиры утроят свою настороженность, постараются заслать в нее значительно больше шпионов, чем к безобидным аранам? Нового здесь пока нет: мы знаем, что лазутчик рамиров проник в нашу среду, что его звали Оаном, что Оан раскрыл наши планы своим хозяевам и те сумели сорвать их.

Но вот и новое. Мы были уверены, что, покончив с Оаном, покончили со шпионажем рамиров. Гибель «Змееносца» рассеивает эти иллюзии. Как могли рамиры узнать, что мы готовились сделать с «Змееносцем»? Внешняя картина наших действий не выдавала намерений. Но они безошибочно установили нашу цель. Они знали наш план не извне, а изнутри. Как? От другого шпиона, оставшегося на корабле после гибели Оана! Нападение рамиров на «Змееносец» доказывает, что на «Козероге» их агент.

И это естественно. Не будем считать врагов глупцами. Они не глупее нас. Они не могли не знать, что один соглядатай слишком тонкая ниточка от них к нам. Если ниточка эта порвется, иссякнет поток важной информации. Агент должен быть продублирован. На кого же пал их выбор? Поищем за них лучший маневр. Эффективным агентом будет тот, кто в курсе всех планов, к кому стекается вся корабельная информация, в чьем мозгу рождаются

осуществляемые потом планы. Таких членов экипажа два — командующий эскадрой и научный руководитель.

В этом месте Ромеро прервал меня:

— Договаривайте до конца, Эли. Такой человек один — вы. Вы знаете все намерения командующего, а он не имеет возможности вникать во все научные исследования на корабле.

— Принимаю вашу поправку, Ромеро. Я! Итак, умный враг постарается завербовать меня. Напомню, что так уже складывается моя судьба, что и в прежних экспедициях я оказывался в фокусе внимания противников. Разве ты, Орлан, не выбрал меня в качестве своего доверенного, когда замыслил переход на нашу сторону? Разве не сделал меня восприемником своих решений Главный Мозг на Третьей планете? Я неоднократно служил одновременно передающей антенной и приемником для тех, с кем сталкивала нас судьба. Рамиры постарались завоевать меня. Им это удалось. Я завоеван. Поверьте, мне горько говорить об этом. Но правде надо смотреть в глаза, если не хочешь терпеть поражение за поражением.

— Что сегодня Оан? — спросил я дальше. — Труп предателя, заплатившего жизнью за предательство? Такой ответ очевиден. Но он наивен. Рамиры могли бы и спасти своего агента, если бы очень постарались. Они не очень старались. И вот Оан висит в консерваторе. Не просто висит — продолжает службу. Он нынче — датчик связи с рамирами. Как осуществляется связь, не знаю, но он передает дальше сведения, поставляемые его агентом. Агентом являюсь я. Мой мозг схвачен и мобилизован, мои мысли прочитываются, мои желания расшифровываются, мои намерения угадываются.

В этом месте я сделал остановку. Мэри не сводила с меня отчаянных глаз, мне трудно было оборачиваться в ее сторону. И на Ромеро трудно было смотреть: он был очень уж хмур. И Осима смущал меня: капитан не верил ни единому слову, это было ясно написано на его лице. Я смотрел на Грация и Орлана: галакт страдал за меня, Орлан понимал меня, мне становилось легче и от сострадания и от понимания. Я перешел к тому, как узнал о своей неприглядной роли. Нет, было непросто разобраться в дьявольском хитросплетении пут, каким ухватили меня. Все началось с того, что я сам удивился, почему меня так тянет в консерватор, для чего в одиночестве и тишине разговариваю с мертвецами. Я не склонен к монологам, тут было что-то противное моей натуре, что-то навязанное. А когда погиб «Змееносец», стало ясно, что кто-то явился для рамиров поставщиком секретной информации. Простой перебор членов экипажа исключал всех, кроме меня. Консерватор — самое

экранированное помещение звездолета. Оану проще наладить связь с тем, кто посещает консерватор, чем с тем, кто находится за его стенами. Так и выяснилось, что поставщиком информации для рамиров являюсь я!

— Я высказал все, что знаю о себе, и облегчил душу, — закончил я. — Я должен был предвидеть последствия своего общения с мертвецом, загадочность которого очевидна. Я поступал опрометчиво, — и это одно в наших тяжелейших условиях является преступлением. Но я требую казни для себя не только в качестве кары за проступок, а и для гарантии общего спасения. Рамиры прочно настроились на мой мозг. Хочу я или не хочу, они будут через меня получать информацию о наших планах. В момент, когда мы предпримем новую попытку вырваться из ядра, это опасно.

Я сел. Молчание общей растерянности терзало меня — не потому, что мне нужна была защита, нет, но и уходить из жизни в безмолвии зала я просто не мог. Олег спросил, согласны ли со мной, возражают ли, — все молчали. Ромеро что-то тихо говорил Мэри, она кивала головой.

— Итак, кто хочет слова? — снова спросил Олег.

Внезапно взорвался Осима. Самооговоры адмирала — чепуха! У адмирала расстроены нервы, он долго крепился, но сдал, пусть жена поухаживает за адмиралом, больше ничего не нужно.

И опять поднялся Ромеро:

— Я уже сказал, что здоровье Эли — великолепно. И он познакомил нас со слишком важными данными, чтобы мы могли просто от них отмахнуться. Я настаиваю на обсуждении.

— В таком случае начинайте его, — предложил Олег.

— Хорошо, начну я, если нет других желающих. В том, что сказал адмирал, есть нечто, с чем я могу согласиться, и нечто, против чего я буду протестовать. Я соглашаюсь, что Оан — не просто мертвец, а хитро специализированный датчик связи рамиров. И я поддерживаю мнение адмирала, что на корабле имеются поставщики информации для них и что одним из них является сам адмирал.

— Иначе говоря, вы полностью поддерживаете формулу обвинения? — уточнил Олег.

— И не думаю!

— Но столько точек соприкосновения с тем, что было доложено научным руководителем!..

— Точек расхождения будет больше. Назову главнейшие. Труп Оана — датчик связи, но вряд ли единственный. Рамиры не могли не учитывать, что мы можем уничтожить Оана, — скажем, сжечь его и вымести прах. Пока Оан находился на корабле, он,

вероятно, насадил и иные подслушивающие, подсматривающие, угадывающие мысли устройства, — вряд ли мы найдем их все. Теперь второе. Сомневаюсь, чтобы адмирал был единственным источником информации для рамиров. Соображения те же — он может умереть, сойти с ума. Адмирал считает, что продублировал собою Оана. Но кто даст гарантию, что любой из нас не дублирует в этом смысле самого адмирала? Он, конечно, самый ценный поставщик информации, но много на себя берет, воображая, что единственный.

— Вы еще мрачнее смотрите на положение вещей, чем научный руководитель, — заметил Олег.

— Вы скоро увидите, что это не так. Адмирал никакой не шпион! Хотя бы уже потому, что стал им не добровольно, а шпион, замечу вам, — профессия, а не несчастная случайность. Любой из нас, возможно, такой же шпион, как Эли. Всех за это казнить? Таким образом, преступление не доказано, и кара, за которую мы проголосовали, бессмысленна. Не за что наказывать нашего друга Эли! Не могу не сказать и того, что кроме нелепости наказания есть и еще важнейшая причина, почему мы должны с негодованием отвести предложение адмирала. Могу я остановиться на этом?

— Конечно, Ромеро!

Зал молчал, когда говорил я, зашумел, когда Ромеро излагал свои контраргументы, и снова погрузился в напряженное молчание, чуть Ромеро заговорил о «важнейшей причине». Я хочу сделать пояснение. До сих пор я диктовал, сейчас даю запись. Я мог бы и не приводить похвалы в свой адрес, но делаю это потому, что из речи Ромеро последовали важные практические выводы.

Ромеро говорил, обращаясь ко мне:

— Адмирал, я знаю вас с детства — и не перестаю удивляться вам. Вы обычны и необычайны одновременно. Тайна ваша в том, что всегда вы соответствуете обстоятельствам. В средней обстановке вы среднейший из средних, не то чтобы приятель, даже проницательнейшая из академических машин не выделит вас из массы подобных вам. Разве не произошло именно это, когда набирали экспедицию на Ору? Но стоит запахнуть грозой, как вы меняетесь. Вы как бы пробуждаетесь от ординарности, выпрыгиваете из обычности. Вы, мне иногда кажется, просто рождены для великих потрясений. Мы порой теряемся в трудных обстоятельствах, чаще энергично боремся с ними, мужественно преодолеваем, мы все в себе напрягаем, чтобы встать вровень с ними, а вы им свой, вы всегда на уровне высочайших необычайностей, вы как бы созданы для них, а они для вас. В

бурях вы — буря. Среди неожиданностей — неожиданность. В мире загадок — проницательнейший разведчик. Чем грозней противник, тем грозней и вы, вы всегда соответствуете своему противнику. Друзья мои, друзья, вспомните, как недавно, истерзанные разрывом связи времен, мы постепенно впадали в безумие, теряли волю к сопротивлению. И единственный, кто не поддался губительному раку времени, кто яростно восстал против ослабления, был он, наш научный руководитель, наш адмирал, наш друг Эли. Как же вы посмели потребовать, адмирал, чтобы мы сами, собственным решением, собственными руками погасили ваш мозг — величайшее из наших богатств, оборвали вашу волю — надежнейшую из гарантий нашего вызволения из беды? Эли, друг мой, как могла явиться в вашу светлую голову такая кощунственная мысль?

Он, конечно, был оратором в старинном стиле — из тех, что витийствуют под аплодисменты и восторженные выкрики слушателей. Он добился своего — ему аплодировали и кричали. На меня уже никто не обращал внимания, все лица были обращены к Ромеро. Он стоял, опираясь одной рукой на трость, другой чертил в воздухе линии, усиливающие действие слов. Я, вероятно, и сам был бы покорен и красочной позой, и горячей речью, если бы дело шло не обо мне. Я постарался низвести Ромеро с горных высот психологии на унылую равнину практических забот:

— Не знаю, Павел, отдаете ли вы себе отчет, что, отказываясь от борьбы с невольными агентами врага, вы предаете нас всех в их могущественные и безжалостные руки?

— Нет, адмирал! Тысячу раз — нет!

— Вы отрицаете, что рамиры — могущественны и безжалостны?

— Что могущественные, соглашаюсь. Нелепо отрицать очевидность. Но что безжалостные — отрицаю!

Я с недоумением смотрел на Олега. Олег держался так спокойно, будто заранее знал все, что скажет Ромеро, и заранее с ним соглашался. Я с негодованием воскликнул:

— И вы говорите все это после того, как мы видели, как они издеваются над аранами? Разве не звучит в ваших ушах надрывный вопль: «Жестокие боги!» И разве трупы Лусина и Труба, уничтоженный «Телец», разгромленная эскадра не свидетельствуют, что они жестокие и что они нам враги?

— Нет, дорогой адмирал, нимало не свидетельствуют!

— Кто-то из нас двоих и вправду сошел с ума! И надеюсь, что это не я. Кто же они такие, если не жестокие и не враги?

— Адмирал! Они равнодушны к нам.

9

Я бы погрешил против истины, если бы не признался, что был потрясен. Есть слова радостные и неприятные, пустые и малозначащие, легковесные и такие, что тяжесть их ощущаешь как гирю. Большинство наших слов — информирующие. А есть слова-озаренья, слова-молнии, пронзительно высветляющие тьму, слова-ключи, размыкающие тайные двери к захороненной истине. Таким озаряющим, таким ключевым и прозвучало мне словечко «равнодушны». Для меня Ромеро мог дальше и не говорить. Я уверовал сразу и окончательно.

А Ромеро все говорил, распаляясь от собственного красноречия. Я даже не подозревал, что могут так почти не дыша, с такой благодарностью слушать, как слушали его. Все переворачивалось, все становилось с головы на ноги: в грозный мир, окружавший нас, в нелепый и дикий мир возвращалась естественность.

Гибель «Змееносца» навела и Ромеро на мысль, что у рамиров и после смерти Оана имеется свой информатор на «Козероге». Но потом он усомнился, нужны ли им агенты среди нас. Враги ли они? И он вспомнил предания разрушителей и галактов, что могущественные рамиры переселились в центр Галактики, чтобы перестраивать ядро. Вот оно, это ужасное ядро, за стенами корабля! Невообразимый хаос, непрерывно длящийся вечный взрыв — такова грозная картина ядра. Что здесь перестраивать? Здесь может быть лишь одна надежда — не допустить до всеобщего падения звезд друг на друга, до вселенского коллапса, грозящего гибелью всей Галактике. Всемирное тяготение, такое чудесное свойство материи в местах, где ее мало, становится проклятием, когда материя сгущена, как в ядре. Самые надежные лекарства превращаются в яды, если их брать в больших количествах.

— Я вообразил себе, что мы на много порядков могущественней, чем сейчас. И пришел к выводу, что поставил бы себе тогда такую посильную задачу — подальше убирать от ядра все, что возможно вывести на периферию Галактики, создать дисгармонию, направленную как-то против процессов, ведущих к взрыву. Не о том ли сигнализирует выброс из ядра шарового скопления с миллионами звезд? Не имеет ли к тому же отношения и распыление светил в Гибнущих мирах, а возможно и еще в тысячах скоплений, через которые не пролегал наш путь и которые остались нам неизвестны? И если при этом гибнут какие-то формы жизни — не останутся ли к этому равнодушны могущественные чистильщики? Вас это возмущает? Меня тоже!

Но вообразите такую ситуацию. Заражен гниением большой участок леса, болезнь распространяется на весь лес. Мы вышли бороться с гнилью, валим дерево за деревом. Станем ли мы считаться с тем, что попутно уничтожим и какую-то часть лесных муравьев? Мы равнодушны к ним, мы не желаем их гибели. Пусть они бегут, лишь бы не мешали, мы не будем их преследовать. Но если, разъяренные, что их жилища разворочены, они кинутся на нас, не передавим ли мы их? Нет ли здесь аналогии с тем, что мы наблюдали в Гибнущих мирах?

— Мы, очевидно, тоже относимся к галактическим муравьям? — спокойно поинтересовался Олег.

— В какой-то степени — да. Рамиры могли бы давно уничтожить и нас, и аранов, если бы мы были их реальными врагами. Мы значим для рамиров столько же, сколько муравьи для человека. А что они стараются заранее знать о наших намерениях, то ведь и мы постарались бы иметь информацию о движении муравьев в расчищаемом лесу — ну хотя бы для того, чтобы не губить их понапрасну. Говорю вам: рамирам плевать на нас! И лишь когда мы каким-то образом — разрывом ли пространства, нарушением ли гравитационного равновесия — затрудняем их деятельность, они щелчком сердито отбрасывают нас, а нам представляется, будто вспыхнула война и на нас движутся армии безжалостных врагов! — Ромеро, говоривший до этого в зал, повернулся ко мне: — Убедил ли я вас, друг мой?

— На три четверти, Павел.

— А почему не полностью?

— Очень уж неприглядную роль отводите нам. Галактические муравьи! Если это и правда, то горькая.

— Когда-то люди сочли очень горькой и ту правду, что Земля вращается вокруг Солнца, а не Солнце вокруг Земли. И многие восприняли как оскорбление, что существуют и другие разумные цивилизации, кроме человечества. Величайшей ошибкой было считать себя единственными или всех превосходящими. Вспомните, Эли: по мере того как росли могущество и разум человечества, все больше рассеивалось ощущение исключительности человека во Вселенной. Будем и дальше продолжать этот процесс самопознания!

— Почему вы обращаетесь ко мне? Говорите для всего экипажа!

— Спор идет о том, какую роль для рамиров играете именно вы, а не другие. А я в самой постановке вопроса вижу все то же ваше высокомерие. Не нужно новой трагедии ошибок. Мы вообразили себе рамиров слишком людеподобными, верней — существоподобными. А это не доказано, друзья мои!

Ромеро дальше сказал, что еще в двадцатом веке старой эры один физик разделил все живые существа на три класса: цивилизации первого порядка, которые приспосабливаются к обстановке; цивилизации второго порядка, которые приспосабливают обстановку к себе; и цивилизации третьего порядка, меняющие самих себя, если не могут или не хотят изменить внешней обстановки. Все животные — первого порядка, это существа примитивные. Люди и их звездные друзья — на класс выше: им под силу делать свое окружение удобным для себя. Но люди не становятся жароупорными, чтобы спуститься в жерло вулкана, хладоустойчивыми, чтобы нагишом прогуляться в космосе. Рамиры, возможно, еще на класс выше. У них нет постоянного облика, они могут создавать себе любой. Аран был не маской рамиров среди аранов, а обыкновенным рамиром, напялившим араноподобие. Сверхъестественного здесь нет, только высокое развитие цивилизации.

— Когда-нибудь и наши потомки, друзья, будут свободно менять свой облик. И телесное несходство демиурга и человека, ангела и невидимки, галакта и арана не будет непреодолимым препятствием даже для их взаимной любви. Я верю в это!

— Вот мы и завершили обсуждение, — сказал Олег. — Самообвинения научного руководителя опровергнуты. Но полного удовлетворения у меня нет. Важнейшие практические вопросы темны. И самый первостепенный — как вывести последний корабль из ядра?

И Олег напомнил, что до сих пор мы искали прямых путей выхода, путей, эффективных самих по себе. Само по себе здесь ничто не эффективно. Здесь годится лишь то, что не противодействует рамирам. А что им не противодействует? Какой наш план не вызовет очередного «щелчка по носу»?

— Наш плен, между прочим, противоречит вашей теории о равнодушии к нам рамиров, — заметил Олег Павлу. — Я не опровергаю ее, но обязан указать, что она не объясняет насильственную задержку звездолета. А без объяснения этого вырваться на волю затруднительно. Все мы будем думать об этом, а тебя, Эли, попрошу особо. — Он с грустной насмешкой улыбнулся. — Если и вправду ты их связной, то объяснил бы им, как важен для нас ответ. Они могли бы и подсказать тебе по-дружески решение загадки!

Олег закрыл совещание, и я подошел к Мэри. Она смотрела на меня, как на вернувшегося из могилы. И сама выглядела не лучше, чем воскресшие. Я провел рукой по ее волосам, она улыбнулась бледной улыбкой. Глаза ее были полны слез.

— Не надо, — сказал я. — Павел блистательно доказал, что я

не изменник. Эту ночь мы будем с тобой спать спокойно. Благодари Павла.

Ромеро церемонно поднял трость:

— Что вы искренне верите в собственную измену, непостижимый Эли, мы все видели. Сомневаюсь, чтобы ваша жена была так наивна.

— Ах, я уже не знаю, во что верила, а во что нет, — возразила она устало. — Я привыкла к тому, что Эли способен на все… Вы правильно говорили, Павел: действия Эли временами так противоречат всему, чего ждешь… Я думала о том, смогу ли заставить себя быть живой, если с виновностью Эли согласятся.

Я попросил Ольгу задержаться в обсервационном зале. Когда мы остались одни, я сказал:

— Теперь ты понимаешь, что я не мог пустить тебя перед совещанием? Спрашивай, Ольга.

— Расскажи, как это случилось, — попросила она. — У Ирины был какой-то важный разговор с Эллоном перед испытанием. Она пришла на обед страшно взволнованная. Я отнесла ее возбуждение за счет слабости после болезни, она так легко раздражалась, так часто плакала…

— Разве Олег не говорил тебе, о чем просил Ирину Эллон?

Олег рассказал Ольге все, что знал, она хотела знать больше. Но я мог только повторить его рассказ. Ольга заплакала, когда я упомянул, что Ирина попрощалась с нами и попросила не проклинать ее. Я с нежностью глядел на маленькую голову Ольги, на ее седые вьющиеся волосы. Судьба многим одарила эту женщину: и громкой славой, какой не доставалось ни одной другой женщине, и горем, которого хватило бы, чтобы разорвать любое сердце.

— Как ты думаешь, она погибла? И где она может быть?

На это я не мог ответить. Выброшенные в прошлое не возвращались живыми. Это мы видели на примере Мизара и Эллона. Но из будущего возвращение совершалось. Пусть Ольга вспомним Оана, выскользнувшего из будущего прямо на наш звездолет, того же Мизара, того же Эллона — он ведь живым промелькнул мимо нас, низвергаясь из будущего в прошлое. Ирина не вернулась, но это не значит, что она мертва. О физике прошлого мы что-то знали, но что мы знаем о будущем?

— Олег говорит то же, что и ты. Но я боюсь, что он просто хочет утешить меня.

— Олегу важней утешить себя. Он любит Ирину. И потом, что значит — утешить? Ты не только капитан галактических кораблей, но и знаменитый астрофизик. Мы должны спрашивать у тебя, что произошло с Ириной, а не ты у нас.

— У меня просьба к тебе и Олегу. После гибели «Овна» я могу только дублировать Осиму. Но у него такой прекрасный дублер, как Эдуард. Я бы хотела заняться механизмами времени. Я считаю своим долгом закончить работы, которые начала моя дочь. Любое расстройство стабилизатора может опять оборвать работу МУМ и ввергнуть нас в новое безумие.

Я догадывался, что она мечтает еще и о том, чего не сказала: найти безопасные выходы в будущее и дознаться, что совершилось с Ириной.

— В моей поддержке не сомневайся. Думаю, и Олег не воспротивится.

10

Исчезнувший Голос заменил Граций. Мы немного поспорили, не нужно ли возвратиться к прежней схеме звездолетовождения: анализаторы — МУМ — командир корабля. Схема ни разу не отказывала в спокойных космических областях. И Осиме, и Камагину такая практика казалась удобней. Мы с Олегом не согласились с ними. МУМ — механический рассудок, она беспомощна вне причинной связи. Грозный опыт показал, что нарушение течения времени выводит из строя рассудок. Причинная связь — эквивалент нормальной связи времен, а нормального-то времени как раз и нет в ядре! Над рассудком должен стоять разум, мыслящий целостно. И поручать работу синтезирующего разума капитану рискованно, у капитана хватает забот по практическому кораблевождению.

— Граций отлично справится с прежней функцией Голоса, — объяснил капитанам Олег. — У них одинаковая структура мозга, ведь и Голос по происхождению из галактов.

Так Граций стал полновластным хозяином оперативной рубки. Он не вознесся на высоту, как его предшественник в стеклянном шаре. Но и не захотел дальше неутомимо шагать вдоль кольцевых стен. Он затребовал кресло и установил его против входа в рубку. Кресло разыскали самое огромное, из корабельного «запаса на все случаи», в обычных приспособлениях для сидения массивный галакт не разместился бы. Водрузили кресло на специально изготовленный постамент.

И теперь Граций представал входящему такой величественной фигурой, что охватывал трепет. Ромеро сказал, что раньше Граций был богоподобен, а сейчас — богоравен. И мне Граций напоминал Зевса, восседающего на троне, — кажется, была такая древняя статуя. Величавое богоравенство не мешало Грацию работать с быстротой человека и исполнительностью

демиурга. Мозг у галактов был подвижней тела. Если не требовалось размахивать руками или бежать, Граций мог дать фору любому. В спринте на беговой дорожке он не взирая на высоконогость, не взял бы и жалкой премии, но состязаться с ним в быстроте мышления не стоило.

Еще до того как Граций утвердился в рубке, меня посетил Орлан. Демиург не любил ходить по гостям. Мы обычно встречались с Орланом в служебных помещениях. Лишь у Грация Орлан бывал часто — вероятно, из желания подчеркнуть, что между демиургом и галактом не существует ненависти, некогда разделившей их народы.

— Эли, правда ли, что работами по трансформации времени будет руководить капитан Ольга Трондайк? — спросил он так официально, как я не слышал от него со времени, когда он выступал от имени Великого разрушителя.

— Ты против, Орлан?

Он взметнул вверх голову на гибкой шее, но из уважения ко мне опустил ее в плечи без большого шума.

— Работы по трансформации времени вели демиурги. Мне бы самому хотелось заменить Эллона.

Не могу передать, как я удивился. Орлан был для меня в разные годы нашего знакомства разным: звездным адмиралом, пленившим мой корабль, могущественным вельможей Империи разрушителей, жестоким врагом вначале, добрым другом потом, соратником по бедствиям, одним из создателей Звездного Содружества и, быть может, самым близким мне существом среди разумных нелюдей. Но инженером я себе представить его не мог. Он никогда не выказывал ни интереса к математическим расчетам, ни влечения к конструированию механизмов.

Но Орлан объяснил, что в молодости готовился в промышленные руководители: получил инженерное образование, стажировался на звездолетостроительных заводах. И не удостоился назначения в министры звездолетостроения лишь потому, что Великий разрушитель поручил ему дела большой галактической политики.

— В том, что я бросил инженерную деятельность, виноваты Ольга Трондайк и ты, Эли. После пролета «Пожирателя пространства» через неевклидовы теснины Персея и взрыва Второй планеты Великий призвал в свое окружение всех, кто по знатности мог служить верной опорой трону.

— А сейчас ты хотел бы вернуться к инженерным делам, Орлан?

— Эли, я сейчас на корабле единственный, кто не имеет индивидуальных заданий. После ухода Грация в рубку и особенно

после гибели великого Эллона мне грустно слоняться по кораблю.

— Ты не возражаешь работать с Ольгой, как Эллон работал с ее дочерью?

— Если она не возражает, Эли.

— Она не будет возражать.

Организационные дела отняли несколько дней, и я в это время не ходил в консерватор. А затем меня снова потянуло на корабельное кладбище. Но спускался туда я по-новому. Старые чувства были развеяны, новые только нарождались. В каком-то смутном смятении я не знал, чего хочу, чего жду.

В консерваторе добавился новый саркофаг. Я постоял около Эллона. Демиург обладал могучим мозгом, но вибрации времени не снес.

Даже гений не способен вынести душевный разрыв между прошлым и будущим без прочной опоры в настоящем.

Я медленно шел от Эллона к Мизару, от Мизара к Трубу, от Труба к Лусину. Я не спешил к Оану, перед араном я должен был задержаться надолго: мне хотелось снова поговорить с ним.

— Оан, я не знаю теперь, кто ты — посланец врагов или безучастных к нам, или даже непонятных друзей, — сказал я, когда подошел к саркофагу лазутчика. — А ведь это важно знать, согласись, если ты способен понимать меня. О, ты понимаешь, в этом-то я уверен! Ты — датчик связи между нами и рамирами, вот и все твои секреты. Сложное устройство, сложное, подслушивающее, подглядывающее, мыслечитающее, а к тому же еще и выполненное в форме живого существа, правда, наполовину превратившегося в силуэт, но это уже ни от тебя, ни от твоих хозяев не зависело: и муравьи способны укусить дровосека! Скажи же мне, Оан, чего вы хотите от нас? Почему держите пленниками в стреляющем звездами, как дробинками, костре ядра?

Я с таким волнением обращался к нему, словно и впрямь ожидал ответа. Оан, естественно, молчал. А я все настойчивей требовал:

— Если ты и вправду датчик связи, то двойного действия — от нас к рамирам, но и от рамиров к нам. Наши намерения ты передал, сообщи теперь их желания. Ты многое нам уже сообщил, не отрекайся: и что вы имеете лазутчиков среди аранов и ты один из них, и что время здесь больное, ты предостерегал, что оно опасно, — разве не такую мысль ты внедрял в наши головы? И что вы ищете способа овладеть ходом времени, переноситься в грядущее и возвращаться обратно, именно ради такого успеха и погибло пятеро твоих друзей — вероятно, тоже рамиры в образе аранов. Ты не из тех шпионов-полупроводников, что поставляют информацию лишь от врага к хозяину. Ты механизм двойного

действия — вот кто ты. Так не молчи! Даже если вы равнодушные, даже если вы безучастны к нам, то ведь и такие кричат: «Уйдите с дороги!», когда им мешают. Скажи, молчаливый, какую дорогу мы вам загородили? Куда свернуть, чтобы не путаться у вас под ногами?

И опять он молчал, как неизбежно должен был молчать. А я, впадая в бешенство, повысил голос. Я кричал, грозил Оану кулаком. Моих беснований никто не видел, здесь-то уж я мог распоясаться!

— Молчи, молчи, но думай обо мне! Думай о моих вопросах! Передавай мои вопросы равнодушным собратьям. Мы не муравьи, что бы там ни говорил Ромеро о вашем величии и нашем ничтожестве. Мы не муравьи, предупреждаю тебя! Мы вырвемся из ада, в котором вы заперли нас! Не по искривлениям метрики, не по гравитационным лазам, без аннигиляции вещества и пространства, здесь все выходы заказаны, — это мы уже постигли. Мы вырвемся через то время, которого ты страшишься как больного и которое единственное спасает мир от уничтожения. Не рыхлое, а гибкое, не разорванное, а струящееся, не мертвое, а живое — вот каким оно будет в наших руках! Мы вырвемся, говорю тебе! Через время прямое, ведущее в будущее, через время обратное, свергающее в прошлое, через время кривое, через время перпендикулярное!..

Меня ошеломил собственный выкрик! Свершилось! Слово было сказано. Тьму загадок озарило сияние истины. Пока это было еще слово, а не поступок, но слово уже стало мыслью. И без рассуждений, каким-то нерасчлененным, но бесконечно убедительным пониманием я знал уже, что нашел самое важное, единственно важное! Это было решение, какого мы все искали. И оно пока было только словом, невероятным, озаряющим, поистине ключевым словом — «перпендикулярное».

Вспоминая сейчас ту минуту, я снова волнуюсь. Меня опять наполняет пронзительный восторг открытия. Я, повторяю, не рассуждал, я просто знал, я только знал — да загадок больше нет, да, найдена единственная возможность спасения. И если бы меня в тот момент спросили, могу ли я хоть чем-нибудь обосновать свою уверенность, я ответил бы растерянным молчанием — нет, ликующим, а не растерянным молчанием! Время обоснований еще не наступило. Ведь я только знал! Я увидел в своей руке ключ к запертой двери. Я еще не открывал заветной двери внезапно очутившимся в руке ключом. Я только знал, что дверь будет открыта!

Я опрометью кинулся наружу. Мне надо было видеть Олега. В коридоре я вспомнил, что МУМ работает, можно послать

мысленный вызов. Олега в командирском зале не было, он был у себя. Я потребовал немедленного соединения, услышал удивленный голос Олега:

— Я срочно нужен, Эли? Прийти к тебе или в лабораторию?

— Лучше всего у тебя, Олег.

— Хорошо, иди ко мне…

Он встал, показал на кресло. Лицо его вдруг стало краснеть: мое волнение мгновенно передалось и ему. Я сел, он продолжал стоять. На столе покоился рейсограф — ящичек, похожий на МУМ, но поменьше, он, как и МУМ, хранил в себе нептуниан, бесценный, зеленоватый кристалл, неизменное сердце всех схем в мыслящих механизмах. Только в рейсографе нептуниан использовался не для расчетов как в МУМ, а для воспроизводства пройденного пути. Это была память о рейсе — то, что раньше называлось бортовым журналом. У меня тоже был рейсограф, я хранил его в своем сейфе, но ни разу не прибегал к нему, чтобы воссоздать картину промелькнувших звездных пейзажей. Я бросил взгляд на рейсограф и отвернулся. Олег сказал с надеждой:

— Эли, у тебя такой вид!..

— Выход на волю не там, где мы ищем, — сказал я. — Надо испробовать время перпендикулярное, а не прямое и не обратное.

И с ним произошло то же чудо, что и со мной! Он мгновенно понял, мгновенно уверовал! Слово «перпендикулярное» не прозвучало, а просветило: это было озарение, а не разъяснение. Олег смотрел на меня с восторгом, я мог насладиться эффектом. Но сказал он то, что и должен был сказать командующий эскадрой:

— Да, конечно, это было бы решение. Но существует ли перпендикулярное время? Можем ли мы овладеть им?

— Давай оценим аргументы за и против.

— Говори ты, я буду возражать, если найду возражения.

Только сейчас подошло время рассуждений. И с той же уверенностью в истине, которая охватила меня, когда с языка сорвалась формула «перпендикулярное время», я знал, что найду неопровержимые доказательства и опровергну сомнения. Озарение должно превратиться в знание — из провидения стать теорией!

И я начал с того, что до сих пор мы знали лишь одномерное время, одномерное и однонаправленное: оно шло от прошлого через настоящее к будущему. Время вытягивалось в линию, показывало лишь в одну сторону. Только так идут наши маленькие процессы в нашем маленьком мирке. Мы уверовали, что по-иному и быть не может. И когда в ядре повстречались со

временем гибким и нелинейным, не поняли его сути, сочли, что время здесь разрывается, что оно непрочно, в страхе заговорили о разорванной связи времен.

— Иначе говоря, ты утверждаешь, что разрыва времени нет?

— Да, я это утверждаю. Разрыв времени — лишь наше представление о куда более сложном процессе его изгиба. Реальное время двумерно, его можно изобразить векторами на плоскости, а мы изучаем лишь его проекции на одну ось и воображаем, что ничего, кроме проекции, и не существует. И если время ушло в сторону, перпендикулярно к оси, на ней появится остановка, пустой интервал, мы в ужасе видим разрыв. Нет, время не разрывается, оно непрерывно, но направлено не только вперед, не только назад, но и вбок. И напомню, — добавил я, сам пораженный воспоминанием, — что Оан когда-то нам тоже говорил об изгибах времени, мы только не придали значения его словам.

— Это потому, что представить себе изгибы времени довольно трудно, — заметил Олег.

— А можно представить себе искривление пустого пространства? Неевклидову метрику пустоты? Уверяю тебя, это еще трудней. Оан наталкивал нас на открытие, но мы были тогда далеки от нового понимания времени. А между тем все вокруг должно было бы подвести нас к нему. Вот тебе поразительный факт. Во Вселенной не существует одновременности. Одновременность мира — абстракция. Такая же абстракция, как геометрическое тело, лишенное физических свойств. Мы сами выдумали эту абстракцию, и она безмерно нас путает, не разъясняет, а затемняет мир. Реально любое тело в мире разновременно. Любой процесс, протекающий, как нам кажется, мгновенно, есть лишь статическая равнодействующая бесконечно разных, бесконечно далеких одна от другой эпох, лишь схлестнувшихся в данный миг в данной точке данного тела.

— Парадоксально, Эли. Утверждение нужно обосновать…

Обоснование меня не затруднило. Каждый объект существует в своем индивидуальном времени, это так. Но ведь изолированных объектов нет, все кругом взаимодействует со своим окружением: атом с атомом, звезда со звездой, галактика с галактиками. Связь эта реальна, но одновременна ли? Ни в коем случае! Мы видим ближнюю звезду, какой она была десять лет назад, дальнюю — тысячи лет назад, периферию Галактики — сотню тысяч лет назад, а другие галактики видятся нам сегодня, какими были миллионы и миллиарды лет назад. Вот он, наш сиюминутный пейзаж: одномгновенная картина мира — бесчисленные мазки из разных эпох, лишь совмещенных в нашей

воображаемой сиюмгновенности, — Вселенная в любой точке, для любого взгляда, в любое мгновение безмерно разновременна. Реальной одновременности не существует, ее можно лишь вообразить, а не физически обнаружить.

И это не оптическое видение, не мираж. Нет, одновременная разновременность — реальный процесс, грандиозный физический процесс, тот, что определяет всю структуру мироздания — взаимодействие всех материальных объектов Вселенной. Ибо космос наполнен гравитационными волнами, частицами, фотонами, газом, пылью… И все это облучает, окутывает, притягивает, отталкивает. И одно приходит из вчера, другое из миллиарда ушедших лет, а суммарное действие их в любом месте — сиюмгновенно. И каждый объект на воздействие этих разновременных сил отвечает своим воздействием, но и оно достигает его соседей неодновременно — близких скоро, дальних через миллиардолетия. Таким образом, действующее время любого места Вселенной — равновесие всех прошедших эпох, вся безмерная громада миллиардолетий, сведенная в одно мгновение.

Олег снова прервал меня:

— Между прочим, отсюда следует, что настоящее никогда не теряется в бездне прошлого. Допустим, я излучаю в пространство свое изображение, свои поля — в общем все, что я как космическое тело собой представляю. И сколько бы ни прошло лет, в каком-то отдаленном уголке Вселенной всегда найдется это мое мчащееся излучение, и оно будет физически воздействовать на встречающиеся объекты. Мое прошлое будет реально существовать в моем далеком будущем!

— Ты меня опровергаешь или выискиваешь подтверждения?

— Перейдем к практическим вопросам, — предложил он. — Концепция твоя интересна, но я хотел бы определить программу действий.

— Не знаю, сколь практична программа, это можно установить лишь в лаборатории.

План мой сводился к следующему. Пребывание в ядре, в однолинейном токе времени, рано или поздно кончится нашей гибелью. Выход вперед, через будущее, или назад, через прошлое, не удался. Главная опасность — переход через нуль времени. Мертвая материя выдерживает такие переходы легко, но для организма они смертельны. Стало быть, нужно выйти из однолинейности в двухмерность времени. Преодолеть узы своего времени и шагнуть во время соседнее, в иное время, в иновремя, как можно его назвать. Не просто оторваться от своего времени, а искривить его, отклониться в сторону — и держать искривление

постоянным. И получится, что в каждый момент мы движемся вперед, в сторону будущего, а в сумме все больше и больше отклоняемся от него. А в какой-то точке, продолжая двигаться все вперед, мы расстаемся со своим будущим, хотя и не пересекаем нуля времени, и начинаем двигаться к своему прошлому, которое теперь и является нашим будущим.

— Ты описываешь движение по окружности, Эли.

— Совершенно верно. В этом и есть моя мысль — вырваться из одномерного, прямолинейного времени во время двумерное, кольцевое. Форма кольца нужна для того, чтобы суметь возвратиться в свое прошлое, не переходя опасного нуля времени.

— Кольцо обратного времени! — задумчиво проговорил Олег. — Звучит хорошо.

— Если тебе нравится название, так и назовем операцию: возвращение по кольцу обратного времени. Не хочешь ли пойти в лабораторию и набросать с Орланом и Ольгой план экспериментов?

Олег взял рейсограф и понес его в сейф. Я спросил:

— Почему тебя вдруг заинтересовал пройденный путь?

Он молча возвратил рейсограф на стол, так же молча нажал кнопку. На экране, встроенном в рейсограф, вспыхнула тысячекратно виденная уже картина — дикая сумятица звезд, взрыв, некогда прогремевший в ядре и непрерывно с той поры совершающийся. На больших звездных экранах можно было наблюдать такие же безрадостные пейзажи, но живые, быстро меняющиеся, а здесь рейсограф показывал картину, схваченную в один из моментов полета. Я с удивлением посмотрел на Олега.

— Тебе ничего не говорит это изображение, Эли?

— Нет, конечно.

— Это то место, где пропала Ирина.

— Понимаю, Олег… Печальное воспоминание…

— Нет, — сказал он. — Не только воспоминание.

Он помолчал. Я больше не спрашивал. Здесь начиналась область, куда нельзя было лезть без спросу. Олег странно улыбнулся.

— Эли, если мы выберемся из этого ада и вернемся на Землю, примешь ли ты участие еще в какой-либо галактической экспедиции?

— Вряд ли. Не по возрасту.

— А я пойду в новый поход. Я ведь моложе тебя, Эли. И у меня нет другой цели в жизни, как бороздить космос.

— И ты вернешься в ядро?

— Мы в него проникли первые, но разве можем объявить себя последними? Новая экспедиция будет лучше подготовлена. И

если я приму в ней участие, звездные пейзажи, сохраненные рейсографом, понадобятся.

— Ты намерен искать Ирину? — спросил я прямо.

Он аккуратно поставил рейсограф в сейф и неторопливо подключил его к МУМ. Он говорил очень ровным голосом.

— Во всяком случае, мне хотелось бы знать, что с ней.

11

Только сейчас мы сумели в полной мере оценить инженерную гениальность Эллона. Коллапсан давал возможность не только сгустить и разредить время, переменить знак течения, но и искривить его. Время стало изогнутым, оно характеризовалось не одной скоростью и направлением течения, но и углом к нашему естественному времени. Этот угол отклонения от нашего времени Ольга назвала «фазовым углом вылета в иновремя». Она быстро нагромоздила сложнейшие формулы «угла иновремени». В них, возможно, могла бы разобраться МУМ, но мои способности они превосходили. Зато Ольга порадовала нас, что Орлан понимает ее с полуслова и что некоторые из сумасбродно сложных формул принадлежат ему. Этому я не удивился. У демиургов врожденные способности к небесной механике. Мы сильней их в ощущении добра и зла, наша человеческая особенность — отстаивание справедливой морали при всех преобразованиях одной социальной системы в другую: правда везде правда, угнетение везде угнетение, свобода везде свобода. Но в конструировании гравитационных машин нам далеко до демиургов.

Вначале фазовое иновремя было создано лишь для атомных процессов. В стабилизаторе уже сглаживались вибрации макровремени, в трансформаторе менялся знак и скорость одномерного макровремени, этого Эллон сумел перед гибелью добиться. Но о фазовом двумерном времени он и сам не подозревал. Многое пошло бы бы быстрей и лучше, если бы он не поддался безумию!

— Возможно, завтра, Эли, — сказала мне Ольга однажды за завтраком.

Это означало, что завтра инженеры опробуют генераторы фазового иновремени, действующие уже не в атомном масштабе, а в макровремени всего корабля.

— Наверно, завтра, — сказал Орлан за обедом.

— Итак, завтра, — объявил нам всем Олег за ужином.

Утром я поспешил в командирский зал. Там были уже все капитаны и Орлан. Управление генераторами фазового времени принял Граций: для него, бессмертного, переброс из одного

времени в другое все же значил меньше, чем для любого из нас, — мы учитывали и это обстоятельство. Звездолет вел Камагин, тоже привычный к путешествиям по времени, он поддерживал мысленный контакт с Грацием. А нам, всем остальным, отвели роль зрителей. Я предвкушал красочные перемены при переходе из своего времени в чужое. Меня только беспокоило, как отнесутся рамиры. Все могло быть!

— …Три, два, один, нуль! — скомандовал Камагин, и время чуть-чуть искривилось.

Ничто не изменилось. Те же летящие звезды на экранах, ни одна не затряслась, не потускнела. Сдвиг фазы времени был, правда, ничтожный, но все же мы шли уже в чужом времени, к чужому будущему. А картина снаружи была такая, будто и это чужое будущее принималось в ядре как свое — словно всебудущность являлась здесь нормальным физическим процессом.

— Работают ли генераторы обратного времени? — громко усомнился Осима.

— Молчат что-то наши равнодушные боги. Не уследили за нами, что ли? — пробормотал Камагин.

— Если они заговорят, мы их не услышим, — возразил серьезно Орлан. — Их луч уничтожит нас раньше, чем мы сообразим, что уничтожены.

Спорить с этим было трудно.

Через некоторое время МУМ сообщила, что рисунок звездного хаоса меняется, а Граций заметил и зрительно перемены в пейзаже. Ни мы в командирском зале, ни зрители в обсервационном изменений не видели. Орлан удалился к генераторам фазового времени, а мы с Ольгой пошли ко мне. Мэри тоже не находила перемен на экране — звезды как звезды, такое же их множество, шальных, беспорядочно летящих.

— Что мы в иновремени, гарантирую, — сказала Ольга. — И хотя сдвиг по фазе незначителен, угол вылета из нашего времени накапливается. Я ожидаю вскоре значительных изменений пейзажа.

— Я погашу экраны, — предложила Мэри. — Мы не отрываемся от них, а изменения накапливаются постепенно, и мы привыкаем к новому пейзажу, еще не разобрав, что он новый.

— Молчат рамиры, — повторил я слова Камагина, когда Мэри занавесила комнатный экран.

— Рамирам надоело издеваться над нами, — убежденно объявила Ольга. — Если они равнодушные, то должны же они когда-нибудь оставить нас в покое.

Я тоже надеялся, что рамиры перестанут заниматься нами и

что вылет в иновремя не вызовет у них нового раздражения. Либо рамиры не заметили нашего бегства, либо мы перестали интересовать их, либо — и такая мысль явилась мне — наш уход по фазовому искривлению времени их устраивает. Обо всем этом надо было размышлять — был тот случай, когда правильный ответ сразу не дается.

— Отдохни, — сказала Мэри, и я прилег на диван.

Она разбудила меня через час. Ольги не было.

— Посмотри на экран, — сказала Мэри взволнованно.

Я вскрикнул от неожиданности. Мы были в другом мире. Нет, это было все то же ядро Галактики, тот же неистовый звездный взрыв, тот же светоносный, светозарный ад! Но ядро было иное — то же и иное! Это трудно передать словами, это надо увидеть самому. День за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем мы с тоской наблюдали на звездных экранах одну постоянно воспроизводящуюся картину. А в течение одного нашего крохотного корабельного дня она переменилась. Да, это было ядро, но ядро в другом времени, не в прошлом, не в будущем, а в ином!

— Мэри, рамиры нас выпускают! — воскликнул я в восторге. — Нападения не будет!

* * *

С того дня прошло немало времени. Может быть, часов, может быть, столетий, а если мне скажут, что миллионолетий, я не удивлюсь. Время, в каком мы движемся, чужое. Приборы его измеряют, МУМ запоминает, рейсограф фиксирует на своих картинках, а я его не понимаю — оно не мое. И хотя Граций им распоряжается, а Осима и Камагин, попеременно сменяя друг друга в командирском кресле, командуют им с такой же легкостью, как запасами активного вещества в трюмах, то увеличивая, то уменьшая искривление, — все равно я его не понимаю. Оно не мое. Оно чужое. Оно так и называется — иновремя! Ядро и вправду вмещает в себя все возможные будущие, оно реально всебудущное — иное в каждом возможном будущем. Но я не всебудущный. Это не по мне, как говорил Труб. Всебудущность пахнет всесущностью, в крайнем случае, вездесущностью. Нет, до таких высот мне не добраться! И нашим потомкам, я уверен, тоже. Я могу понять всю природу, но стать всей природой мне не по силам.

Я сделал это отступление, сидя в консерваторе и диктуя историю нашего выхода из ядра, для того чтобы передать, с каким

нетерпением все мы ждем поворота из иновремени в наше. Мы уже прошли первый поворот на время, перпендикулярное нашему, прошли и второй поворот в иновремени на обратное, но параллельное нашему, подходим к третьему повороту на второй перпендикуляр — и начнем сближаться с нашим временем. И все повороты проделаны без перехода через опасный нуль. А преодолев последний, мы устремимся за нашим прошлым — оно будет впереди, оно будет в нашем будущем! И когда мы состыкуемся со своим временем, мы покинем иновремя, — кольцо обратного времени замкнется!

Я жду возвращения в свое время, но размышляю о другом. Рамиры нас выпустили — это очевидно. И это странно. Я хочу разобраться, почему нас выпустили. Нам, возможно — а если не нам, то нашим потомкам, — еще придется встречаться с этим сумрачным народом. Я не верю, что они равнодушные. Вчера я пригласил Ромеро к себе и высказал, что меня томит.

— Павел, — сказал я, — мне не нравится ваша теория насчет дровосеков и муравьев.

— Хорошо, пусть не муравьи, согласился он. — Мы — бабочки, залетевшие на ночной костер дровосеков. Такое сравнение вас устраивает, мой мудрый друг?

— И бабочки меня не устраивают.

— Кем же вы хотите видеть нас, Эли?

— Мы — кролики, Павел.

— Кролики? Я правильно вас понял?

— Да, кролики. Подопытные кролики — так это когда-то называлось. Те бедные животные, над которыми наши предки ставили медицинские эксперименты.

— Вы считаете, что мы — подопытный объект для рамиров? Что они экспериментируют с нами?

— Во всяком случае, стараются использовать нас для своих экспериментов.

Он сказал задумчиво:

— Мысль интересная, Эли, но ее нужно доказать.

Я начал с того, что рамиры сразу уничтожили первую эскадру, высланную к ядру. Чем-то корабли Аллана и Леонида помешали рамирам и были за то наказаны смертоносным лучом, — правда, он был послабей, чем луч, поразивший «Тельца», погибли только экипажи, а не корабли. Жалких муравьев смели с дороги, раздавили гусеницами бульдозеров — можно и так использовать сравнение Ромеро. Но со второй экспедицией в ядро рамиры повели себя по-иному. Они не поцеремонились и с нами, когда «Телец» стал нарушать создаваемую ими структуру в скоплении Гибнущих миров, но

отнюдь не подумали расправляться со «Змееносцем» и «Козерогом». Они нами заинтересовались. Они стали присматриваться к нам. Они подсадили нам Оана — лазутчика, шпиона, наблюдателя, датчика связи, — название его функции ясно и без оскорбительных названий. Вероятно, интерес их вызвало то, что нам удалось спасти Оана и что нас захватила проблема трансформации времени. Мы для них повысились в ранге.

— От муравьев до кроликов, вы это имеете в виду?

— Павел, я когда-то говорил вам, что стараюсь преобразовать координатную систему моего мышления в систему мышления рамиров. Я хочу взглянуть на мир глазами наших противников, если они только смотрят глазами, как мы, а это под сомнением. Вообразите, что мы, человечество, старше на миллион лет и всю эту тысячу тысячелетий непрерывно совершенствовались…

— Просто невообразимое могущество и сила!..

— Да, Павел. Нам и сейчас под силу перестройка, создание и уничтожение планет. А что будет через миллион лет интенсивного развития? Не захотим ли мы навести порядок не только в отдаленных звездных системах, даже не в звездных скоплениях, а в самой Галактике? А Галактика больна. Главная масса ее звезд — в ядре, и ядро неустойчиво. Оно на грани взрыва. Разве нам незнакомы квазары — звездоподобные галактики, испытавшие катастрофу, в которой были уничтожены все формы жизни и разума, если они там существовали? Мы, столь могущественные через миллион лет, не примирились бы с балансированием на краю гибели. Мы постарались бы предотвратить опасное течение процесса — разредить скопление звезд в ядре, подобрать созревшие для разумной жизни звездные системы и отправить их подальше от опасности, изменить саму звездную структуру в окрестностях ядра.

— Напомню, дорогой Эли, что именно об этом я и говорил на совещании, где вы предъявили себе гневное самообвинение.

— Правильно, вы говорили. И вот представьте себе, что мы, могущественные, установили, что только овладение ходом времени дает полную гарантию от катастрофы. И что естественные метаморфозы времени сами собой осуществляются в звездных процессах ядра. А нам овладение временем не дается. Не дается, и все! В недрах коллапсирующих звезд пытаемся его ухватить — вторая все-таки по масштабу катастрофа после возможного взрыва всех звезд в ядре! Нет, и здесь не выходит. И вдруг в наши звездные владения вторгаются какие-то пришельцы со стороны, какие-то муравьи, и пытаются установить свои законы и нагло помешать нашей работе по оздоровлению ядра. Да смести

их с дороги, и все тут!

— Осмелюсь заметить, дорогой адмирал, что пока ничего нового…

— Подождите, Павел! А лазутчик докладывает, что у муравьев странная цивилизация, машинная, на нашу непохожая, и что в их механизмах время — пока еще на атомном уровне, микровремя — свободно сгущается и разрежается, меняет знак, может даже менять фазовую скорость. Ого, это интересно, сказали бы мы, могущественные через миллионолетия, но сами пасующие перед трудностями овладения временем. Пусть, пусть они повозятся, решили бы мы, всесильные, но лишенные человеческого сердца, простой человеческой жалости к попавшим в беду муравьям…

— Очень важное замечание, Эли!

— Да, Павел. Равнодушные — так вы их назвали! Остальное ясно. Мы экспериментировали со временем в коллапсане, а они экспериментировали с нами. Мы захотели удрать из ядра, они не дали. И, чтобы заставить ускорить исследования, спокойно и безжалостно ввергли нас в вибрацию времени. По принципу: не выживут, черт с ними, что жалеть неудачников! А выживут — успех! Посмотрим, посмотрим, как эти создания выпутываются из трудностей, может, кое-что и позаимствуем из их хитростей. Ах, все-таки выпутались? Сумели создать фазовое искривление времени? Хотят по кольцу обратного времени ускользнуть из ядра? Надо, надо приглядеться и к этому, пусть ускользают, их опыт пригодится, когда понадобится выводить из ядра новые партии звезд. Итак, пришельцы скользят по иновремени, свободные от всех катаклизмов ядра, ибо их время — иное по сравнению со временем любой летящей на них звезды, ибо они и в ядре, и вне его, — очень, очень интересно! Кое-что из их находок надо принять на вооружение!.. Вот как мне представляются наши взаимоотношения с рамирами, Павел.

— Такое представление гарантирует нам избавление, Эли. Мы можем счесть его вполне удовлетворительным.

Я встал. Волнение так душило меня, что я должен был выплеснуть его движением. Я нервно ходил по комнате, а Ромеро удивленно глядел на меня. Он точно оценил ситуацию, но не мог понять моего отношения к ней.

— Нет, Павел! Тысячу раз — нет! Положение создалось возмутительное, ничего удовлетворительного нет. Никогда я не примирюсь ни с тем, что нам отводят жалкую роль муравьев, истребляемых из-за равнодушия к ним, ни с благожелательным интересом к нам, как к подопытным кроликам, которых будут хладнокровно ввергать в тяжелейшие условия и великодушно

следить, удастся ли нам удачно справиться с заданным испытанием!

— Что же вы требуете от рамиров, адмирал?

— Равноправия! И на меньшее не соглашусь!

Он скептически покачал головой:

— Боюсь, что у нас не спрашивают согласия. Удастся ли вам донести до рамиров свою решительность?

— Буду искать путей.

Он помолчал и сказал, улыбаясь:

— У каждого свои поводы волноваться, Эли. У вас крупные, у меня — маленькие. Знаете, что меня заботит?

— Думаю, не такая уж маленькая забота.

— Совершеннейший пустяк, Эли. Мы приближаемся к нашему прошлому. МУМ составляет прогноз выхода в него. Чего прогноз? Прошлого! Вдуматься — ведь это чудовищно!

— Не понимаю вас!

— Прошлое — в будущем, Эли! Его надо предсказывать, а не вспоминать. Знаете, один древний писатель, очень серьезный человек, обычно не позволявший себе шутить, как-то зло поиздевался над знаменитой пророчицей, объявив, что она предсказывает прошлое, а предсказывать прошлое — занятие никчемное. А нам нужно именно предсказывать прошлое, и это не пустое занятие, а трудная задача и для МУМ, и для наших собственных мозгов! И еще не известно — удастся ли нам верно предсказать собственное прошлое!

Я все-таки не понял, почему Ромеро так волнует предсказание прошлого. Проблема была вполне по силам МУМ и руководившему ею Грацию.

12

Мы уже вне ядра. Мы вырвались из светозарного ада!

Кругом нормальный космос — звезду от звезды отделяют десятки светолет, а если и встречаются звездные скопления, то и там между светилами расстояние в светомесяцах, если не в светогодах. И ни одна звезда не летит остервенело на соседку, они уже не кажутся несущимися осколками взрыва, они мирно покоятся в прочных координатных узлах, установленных взаимным их притяжением. Всемирное тяготение — проклятие ядра — здесь выступает снова как рачительный и мудрый хозяин, наводящий порядок в космосе, как вдохновенный дирижер, руководящий величественной звездной симфонией. Наконец-то вместо грохота безостановочного взрыва мы услышали тонкую мелодию звездных сфер. Прекрасный мир!

Но мир этот еще не наш. Мы пока еще в ином времени. Мы приближаемся к нашему миру, уже угадываем в нашем ближайшем будущем наше оставленное прошлое, но пока не достигли его. Прошлое еще в будущем.

Я пришел к Олегу.

Он сидел перед рейсографом. На экране прибора пейзаж окружающего нас мира непрерывно сравнивался со снимками окрестностей ядра, сделанными на подлете к нему. Полного совпадения не было, но различие с каждым днем уменьшалось. Мы подходили к своему миру в своем времени. Граций недавно величественно возвестил, что фазовый угол, отделявший нас от своего времени, упал ниже десяти градусов. Это после того как он дважды составлял девяносто градусов, и один раз сто восемьдесят!

Я сказал, кивнув на рейсограф:

— Гонимся, как пес за собственным хвостом.

Олег улыбнулся:

— Я бы выразился не так грубо: догоняем собственную тень. Время идет к полудню, тень сокращается. Скоро, скоро тень головы ляжет у ног! Орлан и Ольга уменьшают гравитацию в коллапсане, нам уже не нужно столь сильно искривлять время. Мы не ворвемся, а вплывем в свое оставленное время.

— В какой пространственной точке нашего времени? Ромеро волнует точный прогноз прошлого…

— По расчету Ольги, около выхода из Гибнущих миров.

— Отличное местечко. Лишь бы не угодить опять в ядро!

Мы еще поговорили с Олегом, и я ушел. Я не находил себе места. Мэри каждое утро являлась в свою лабораторию астроботаники, где выводила новые породы растений для безжизненных планет. Ромеро записывал подробности похода. Я убивал время на разгуливание по звездолету. И даже то, что убиваю не свое, а иновремя, не утешало.

Я спустился в консерватор. Кресло стояло напротив саркофага Оана. Я опустился в кресло и заговорил:

— Знаешь, Оан, я все больше задумываюсь — кто вы, рамиры? Что вы не существоподобны, несомненно. И жизнь ли вы или мертвая материя, до того самоорганизовавшаяся, что стала разумной, — мне тоже не ясно. Вы, думаю, безжизненный разум, материя, создавшая самопознание без участия белка. Что-нибудь вроде наших МУМ, но космического, а не лабораторного масштаба. О нет, я не хочу вас обижать, тем более что уверен: такое свойственное лишь живым организмам чувство, как обида, вам незнакомо. О чем я говорил, Оан? Ну что же, мыслящая планета, мыслящие скопления планет, может быть, даже мозг,

внешне принявший облик звезды, — кто вас знает? Я не наивный дурачок, думающий, что мыслить способны лишь клетки моего мозга, нет, я понимаю, что искусство мышления можно развить и не прибегая к крохотному недолговечному мозгу, упрятанному за непрочной черепной коробкой. Может быть, даже проще мыслить всей планетой. И эффективней! К тому же, можно творить из своего материала, как мы лепим статуи из глины, любые живые предметы — вот вроде тебя, Оан, — и, сохраняя с ними связь, мыслить в них и через посредство их. Все рамиры или весь рамир мыслит в тебе! К интересному выводу я прихожу, — не правда ли? Мыслить не за себя одного, как я, а за всех себя? Я не ошибаюсь? Кстати, не мог бы ты разъяснить мне: разрушители и галакты верят, что когда-то вы населяли Персей и рабочей специальностью вашей было творение планет. Не являлось ли то планетотворение просто размножением вашим? А уйдя к ядру, вы оставили нам на заселение ваши тела, из которых изъяли свой разум? Ваш разум в планетной или даже звездной форме переместился в фокус опасности, которую вы безошибочно учуяли, а оставленными телами вашими воспользовались демиурги и галакты, а теперь и мы, люди. Если это так, то мы в некотором роде родственники, во всяком случае мы ваши наследники. Но так ли это?

Я помолчал, почти надеясь, что он ответит. Оан безучастно молчал, пребывая в той же вечной недвижимости. Я продолжал:

— Итак, развитие планеторазумного типа или еще диковинней. С нашей точки зрения, с нашей! Преобразуя свою координатную систему мышления в вашу, я сразу нахожу один инвариант: диковинность. Вы кажетесь нам диковинными, мы — диковинными вам. Но уже такая наша особенность, как машинотворчество, не инвариантно. Уверен, что машин вы не создаете. Иначе зачем вам было доставать древний звездолет аранов, рудимент их вырождающейся цивилизации? И зачем вы с интересом следили за созданием наших генераторов фазового времени? А ведь следили — и с интересом! В этом мы опережаем вас, могущественные. Задачи, которые вы не решаете, решаем мы. Очень мало из того, на что способны вы, нам по силам. Но кое в чем мы способны пойти и дальше. Сделайте отсюда вывод, великие. А какой мы для себя сделаем вывод, я вам сейчас объявлю!

Я опять помолчал и опять заговорил:

— Итак, мы очень разные. Вы — мыслящая мертвая материя, мы — мыслящие организмы. По облику мы не сравнимы! Огромное скопление материи, собрание планет и звезд, мыслящих единым разумом, — в каждой части мыслит все целое,

даже в таком, как ты, Оан! И крохотные тельца, мыслящие только за себя, соединенные невидимыми прочнейшими узами в коллектив, но все-таки — индивидуумы. Вы надменно пренебрегли нами. Вы остро чувствуете страдания мертвой материи. Что вам наши особые муки и особые запросы! Камень на дороге и мы, шагающие по дороге, вам равноценны, вы не окажете нам предпочтения. Вы, если и страдальцы, то лишь за весь мир, за звезды и деревья, планеты и людей, скопления светил и скопления грибов и трав — одинаково. Вы равнодушные — так вас определил мой друг. Он все-таки ошибся: вы не равнодушны к судьбам мира. Но наши особые интересы, запросы живых существ, требования индивидуализированного разума, вам безразличны. Вы равнодушны к живой жизни — вот ваше отношение к нам. Напрасно, могущественные! Тут вы совершаете великую ошибку! Я постараюсь вам показать ее.

Я снова сделал передышку. Меня переполняла страсть. Я не хотел, чтобы мой голос начал дрожать.

— Да, я крохотный организм, муравей по сравнению с вами, меньше, чем муравей! Но вся Вселенная — во мне! Вот чего вы не понимаете! Мой крохотный мозг способен образовать 1060 сочетаний — много больше, чем имеется материальных частиц и волн во всемирном космосе. И каждое сочетание — картина: явления, события, частицы, волны, сигналы. Все, что способно образоваться во Вселенной, найдет отражение во мне, станет образным дубликатом реального объекта вне меня — станет малой частицей моего маленького «я». Я — зеркало мира, задумайтесь над этим. Да, вещественно я ничтожная часть Вселенной, но духовно, но мыслью равен ей всей, ибо столь же бесконечен, столь же неисчерпаем, как и она. Вы судите меня по массе моего вещества, по создаваемому мной ничтожному притяжению к другим вещественным телам — и презрительно отворачиваетесь. Не прогадайте, близорукие. Судите меня по силе связей, вещественных и духовных, которыми я связан со всем миром. И тогда с удивлением убедитесь, что я, маленький, равновелик Вселенной. И что в каждом из нас — вся Вселенная, ибо каждый — понимание Вселенной, ее собственное самопонимание. Ибо я — жизнь, и каждый из нас — жизнь! А жизнь из всех удивительностей природы — самая огромная удивительность. Нет, не в мертвой материи природа воссоздает себя, она лишь дальше и шире разбрасывает себя в мертвом веществе, только отдельные скопления ее вроде вас достигают разума. Но в любом живом индивидууме Вселенная воссоздает всю себя: мы — образ ее целостности, мы — самопознание ее во всей ее широте, во всей ее глубине! Придется, придется вам с

этим посчитаться!

Я сделал новую передышку и опять заговорил:

— Подумайте и вот над чем еще. Вы, сколько понимаю, — устойчивость мира, его сохранение, его защита от катастрофы в горниле разыгравшихся стихий. Вы — инерция мира, вечное равновесие его законов. А мы — развитие мира, прорыв его инерции. Мы, жизнь, — будущее мира! Мы, жизнь, — революционное начало в косной природе. Мы, жизнь, пока крохотная сила во Вселенной, ничтожное поле среди тысяч иных полей. Но и единственно растущая сила, растущая, а не просто сохраняющаяся. Мы возникли на периферии Галактики и движемся к ее центру. Мы бурно расширяемся, быстро умножаемся. У нас иной масштаб времени, ваша секунда равноценна нашим тысячелетиям. Мы, жизнь, взрыв в косной материи! Вселенная заражена жизнью, Вселенная меняет свой облик! Говорю вам, мы — будущее мира. Хотите или не хотите, вам придется с этим считаться! Поле жизни неотвратимо подчиняет себе все остальные поля мертвой природы, покоряет все ее стихии. Не пора ли нам объединиться — древнему разуму устойчивости с молодой мощью жизненного порыва! Даже если я и мои товарищи погибнем, не добредя до нашего времени, жизнь не погибнет с нашим исчезновением. Мы лишь атомы живого поля Вселенной, не больше. Вы добиваетесь гармонии, стабилизируете ее, но жизнь — высочайшая из гармоний природы, а скоро станет и величайшей ее стихией, стихией гармонии против слепых стихий. Если и не станет нас, обитателей маленького звездолета, вы не избавитесь от нас. К вам возвратятся наши потомки, вооруженные лучше, знающие больше. Жизнь быстро распространяется на Вселенную, живой разум покоряет вещество, разрывает инерцию однообразного, всегда равного самому себе существования, в конце которого — катастрофа в ядре. Но мы взамен всеобщности однообразия вносим в природу новый животворящий принцип — нарастание своеобразий, всеобщность неодинаковостей. Ибо нас, звездных братьев, объединяет одно общее — что мы своеобразны, что мы разумны, мы добры друг к другу. Так станем и мы с вами добры друг к другу!

Я подошел к Оану, долго всматривался в него.

— Теперь исчезай, Оан, — сказал я. — Твоя миссия закончена. Я уверен, ты можешь присутствовать, можешь не быть. Так исчезни! Я человек — уже могущественный и еще не совершенный. Я молодость мира, его порыв в неизвестное, а не инертная мудрость вечного самосохранения. Я не научился все понимать мгновенно и полностью, хотя и стараюсь. Мне нужно

рассуждать, мне нужны знаки и сигналы. Исчезни! Это будет мне знаком, что я понят.

В консерваторе зазвучал призыв ко мне:

— Адмирала Эли — в командирский зал! Адмирала Эли — в командирский зал!

Я вышел из консерватора.

13

В командирском зале собрались все друзья — Олег, Осима, Камагин, Ольга, Орлан. Олег показал на звездные экраны:

— Эли, ты знаешь, где мы?

Картина была так знакома, что я в восторге закричал:

— Мы в Гибнущих мирах!

— На окраине скопления, — подтвердил Олег. — На выходе из Гибнущих миров в открытый космос. Старый и новый пейзаж в рейсографе сошлись с абсолютной точностью. Мы возвратились точно в то место, какое в свое время покинули.

Я вопросительно посмотрел на Ольгу:

— В свое время покинули… А в какое время возвратились?

— Тоже в свое, — ответила она. — То, какое течет в нашем мире с нулевой фазовой скоростью. Мы снова существуем в одномерном и однонаправленном времени — том, какое струится всегда от прошлого к будущему.

— Ты меня не поняла, Ольга. Свое время. Но какое? Прошлое или будущее? Мы пришли раньше себя, покинувших это скопление, или позже себя?

— Мы возвратились позже на один земной год. Наши блуждания в ядре, наше бегство по кольцу обратного времени заняли всего год по хронометрам корабля.

Беседу прервало сообщение Грация. Галакт докладывал, что анализаторы обнаружили два оставленных нами грузовых звездолета. Они пока далеко, но нет сомнения, что оба корабля невредимы и что очистка пространства продолжается.

— Мы постарели на год, а Гибнущие миры помолодели на столетие, — сказал Олег. — В систему Трех Пыльных Солнц возвращается утраченная прозрачность и яркость.

В командирский зал ворвался возбужденный Ромеро. Он был так бледен и расстроен, что мы, прервав разговоры, обернулись разом к нему.

— Олег! Эли! — Он говорил с трудом, настолько был потрясен. — Я заглянул в консерватор, чтобы проверить, как наши мертвецы вынесли переход по кольцу фазового времени. И вот я увидел… Там чудо, друзья!

Я прервал его:

— Чудес нет. Вы хотите сказать, что Оан исчез?

— Да, именно это! Саркофаг не поврежден, запирающие поля сохранились, но даже и следа Оана нет. Если это не чудо, Эли…

Я взял его за руку и усадил в свободное кресло.

— Успокойтесь, Павел. Ни один из законов природы не нарушен. Просто нам подан знак, что мы замкнули еще одно кольцо, но не времени, а взаимопонимания: от знакомства — через неприязнь, взаимную борьбу, взаимную заинтересованность — к дружелюбию!

Времен двух между

Сергей Снегов родился ровно век тому назад — в 1910 году. Четыре поколения назад, по утверждениям социологов. За это время прошло несколько исторических эпох, одна страна рухнула, на ее месте возникла другая, которая тоже исчезла. Случились две мировые войны. Немало для одного человека — через все это нужно было суметь пройти.

Он странно и горько назвал автобиографию: «В мире иллюзий и миражей». Он считал, что его жизнью, как, впрочем, и жизнью его поколения (всех его поколений), правили химеры и призраки. Я не собираюсь с ним спорить — и все-таки мне кажется, что главным было другое. Дитя своего времени, Сергей Снегов был вневременным — и либо опаздывал к нужному моменту, либо опережал его. Совпадения бывали, конечно, но очень редко — и, к сожалению (к счастью?), не они определяли его существование. И еще одно: он был парадоксален по своей природе. При всей его удивительной цельности его жизнь и его характер определялись причинами, которые не могли и не должны были сочетаться.

Это началось с самого начала — с рождения. Появившись на свет, он не заплакал, а засмеялся. У его матери было 5 детей — все, кроме него, умерли. Похоже, его братья и сестры отдали ему свои жизни — иначе невозможно объяснить и снеговские 84 года, и хаотичность и взаимоисключаемость всего, что с ним происходило.

Впрочем, короткие периоды относительно нормального существования все-таки случались. В школу, во всяком случае, мальчик пошел вовремя. Но в первом же классе был исключен из гимназии за хулиганство: им с приятелем очень захотелось подергать за косы учительницу. До 12 лет Сережа шлялся по улицам — он был классическим одесским босяком.

Отчим пришел в ужас, когда обнаружил, что его пасынок не знает, что такое умножение. Мальчику наняли учительницу, чтобы подготовить к школе. Вердикт был унизителен: Сережа не способен учиться, максимум, на что он может рассчитывать, — фабрично-заводское училище: там все-таки учат работать руками, а не головой.

Отчим решил попробовать еще раз и сменил преподавательницу — меньше чем через год Сергей поступил в шестой класс (вместе со своими ровесниками) и стал лучшим учеником школы.

Но за год до окончания опять был исключен: мастер

производственного обучения оскорбил одноклассниц — и Сережа ударил его тем, что попалось под руку. К сожалению, попался напильник. Мастер успел отшатнуться и, похоже, это спасло его от смерти, а девичьего заступника — от тюрьмы. Но со школой было покончено.

Просить и унижаться он не захотел — предпочел выкрасть документы и подать их в университет, на физический факультет (конкурс в тот год был 15 человек на место, пятерки ничего не гарантировали — помочь могло только соцпроисхождение, а с ним было неладно: и отчим, и мать — из служащих). Друзья заключали пари на исход экзаменов. Сергей поступил: помогло то, что два преподавателя (физик и обществовед) снабдили пятерки еще и особым мнением (примерно на страницу каждое) о знаниях абитуриента.

Дорога в будущее была прямой — но студент-физик увлекся философией, написал работу по диалектическому материализму. Об этом стало известно — и в 21 год третьекурсник физического факультета был назначен доцентом кафедры философии. Занятия отошли на второй план — Сергей погрузился в чтение лекций. Преподавание шло легко (по воспоминаниям, он был превосходным лектором) — гораздо трудней было вести себя соответственно: вежливо, корректно и отстраненно. Впрочем, скоро он нашел способ сбрасывать напряжение — вечерами они с друзьями выходили на Молдаванку и задирали проходящие парочки (ничего серьезного — так, чтобы душу отвести). Продолжалось это до тех пор, пока он случайно не напал на свою студентку — и с босячеством было покончено.

Тем временем в его лекциях были обнаружены отступления от догм марксизма-ленинизма. Ему еще повезло (как ни странно, ему вообще везло) — дело ограничилось только запретом на преподавание. И потом: у него оставалась физика!

После окончания университета он переехал в Ленинград, устроился на завод «Пирометр». Шел 1936 год, когда его арестовали. Готовился громкий процесс: три друга, дети видных и разных родителей (большевика, правого эсэра и меньшевика), объединились для того, чтобы уничтожить власть, которая дала им путевку в жизнь. Один из арестованных признал все обвинения — и вскоре сошел с ума и умер в пересыльной тюрьме. Судьба второго неизвестна. Третий — Снегов — остался отказником. И, возможно, спас и себя, и остальных, потому что открытого процесса не получилось.

Приговор Высшей Военной Коллегии Верховного Суда СССР (прокурор — Вышинский, судья — Никитченко, будущий главный советский судья на Нюрнбергском процессе), вынесенный

в 1937 году, гласил: десять лет лагерей. Снегов отправился торной для того времени дорогой: Бутырка, Лефортово, Соловки, Норильск…

Он не любил рассказывать о том, что пришлось пережить, — он вообще предпочитал не нагнетать ужасы. А вот о карцере в соловецком лагере — каменном мешке под дном моря — в старости вспоминал с восторгом. Дело в том, что в этом поставленном на попа сыром пенальчике нельзя было сидеть — места не было. «Ты представляешь, я стою двое суток, вода по стенам стекает — и слышу, как над головой волны Белого моря перекатываются… Как бы я хотел еще раз этот шум услышать!». И после паузы виновато добавлял: «Только я теперь, наверное, не выдержу — умру через пару часов».

Срок заключения истек в конце сороковых — остались ссылка и поражение в правах. В Норильске начали строить завод по производству тяжелой воды (она используется в качестве замедлителя нейтронов при ядерных реакциях), и Снегова назначили главным инженером. Но использовать собирались термодиффузию, а не электролиз, и он отказался от должности, поскольку недостаточно разбирался в этом процессе. Это было спасением (ему опять повезло): завод так и не пошел, и новый главный инженер покончил жизнь самоубийством.

В 1951-м, в Норильске, он познакомился со своей второй женой, Галей. Она была «вольняшкой», приехала в Норильск по собственной воле. За связь со ссыльным ее исключили из комсомола, выгнали с работы, выселили из общежития. В управлении НКВД пытались спасти от вражеских козней девичью идейную непорочность, Гале предлагали отдельное жилье, которого офицеры ждали по нескольку лет, — но она стояла насмерть!

На следующий год в Норильске началась чистка. В Москве готовилось «дело врачей» — после него из обеих столиц должны были выселить евреев, — и для них нужно было освободить места в Заполярье. На ссыльных заводили новые дела, приговоры разнообразием не блистали: либо расстрел, либо высылка в лагеря на побережье Ледовитого океана и на острова в Белом море. Собственно, это была тоже казнь — только медленная. Снегову определили Белое море. Узнав об этом, Галя стала почти непреклонной: ей нужен официальный брак. Она хочет стать членом семьи врага народа! Тогда (даже в лагере!) ей будет легче пережить все то, что им уготовано. И он сдался. На их свадьбе не было гостей, потому что он был уверен: он приготовил своей молодой (на семнадцать лет младше) жене не радость, а муки. Он фактически приговорил ее к смерти.

Но в марте, через три с небольшим месяца после их одинокой свадьбы, умер Сталин. Им снова повезло.

Очередной парадокс: Заполярье отбирало жизнь у тысяч людей — а Снегов нашел в Норильске то, что его жизнь продлило. В прямом смысле: Галя артистически умела перетягивать его болезни на себя. И ей ни разу не смогли поставить диагноз, врачи по большей части были не в состоянии ничего объяснить — если не считать объяснением то, что он выздоравливал, когда она заболевала. Это правда!

В середине 1950-х стало ясно, что из трех дорог (философия, физика, литература — стихи он писал с юности), которые некогда открылись перед ним, осталась только писательская. Дело в том, что незадолго до этого одну из его научных работ, посвященную производству тяжелой воды, главный инженер Норильского металлургического комбината Логинов увез в Москву, и она попала на стол Мамулову, заместителю Берии, курировавшему ГУЛАГ. Интерес врага народа к запретной теме вызвал у бдительного Степана Соломоновича подозрение. Строительство завода сорвалось — явное вредительство! А тут еще это исследование… Не иначе этот гад подыскивает способ передать секреты Советского Союза Трумэну!

Логинов, вернувшись в Норильск, вызвал Снегова к себе, запер дверь кабинета и сказал: «Пей — сколько влезет, баб заводи — сколько посчастливится, но науку пока оставь. Пусть они о тебе забудут! Я сам скажу, когда можно будет вернуться…» И он сказал, только разрешение это запоздало. Потом, после освобождения, Снегова звали в Курчатовский институт, но все уже было решено.

Наступил 1955 год. Реабилитация шла негладко. Тем, кого судили «тройки», было попроще. Но решение Верховного Суда мог отменить только сам Верховный Суд, а там была очередь. Наконец Снегова вызвали в Москву получать чистые документы. Генерал КГБ сказал: «Сергей Александрович, я поздравляю вас! И хочу предложить написать заявление против вашего судьи Никитченко. Сейчас он живет у себя на даче, под домашним арестом. Нам нужен повод, чтобы завести на него дело». Снегов отказался. Он не хотел, чтобы главный советский судья на Нюрнбергском процессе был признан преступником. Генерал засмеялся. «Везет этому Никитченко! — сказал он. — Сами понимаете: вы не первый, кому мы это предлагаем. Но Иона Тимофеевич выбирал себе хороших обвиняемых: все отказались — и объяснили это так же, как вы».

А дальше наступила мирная жизнь.

Лагерные его рассказы должны были выйти в «Знамени»

одновременно с «новомировским» «Одним днем Ивана Денисовича». Но Вадиму Кожевникову, редактору журнала, тоже было что сказать, а право первой ночи распространялось не только на красивых поселянок… Кожевниковская повесть не запомнилась, а тему после «Одного дня…» закрыли. Он опять опоздал.

До сих пор не могу понять: это было удачей или провалом? И публицистически-мессианский Солженицын, и трагический и пронзительный Шаламов, как правило, показывали, как обстоятельства ломали людей. Все было ужасно и — понятно: белое — черное, плохое — хорошее, охранники — заключенные, правые — виноватые. Когда случается катастрофа — кто-то в ней должен быть виноват, ведь правда? Есть кем восхищаться, есть кого ненавидеть…

А если было по-другому? Если те, которые страдали (удивительная, надо сказать, это вещь — страдание: оно способно оправдать любой поступок!), когда-то, до лагерей, самозабвенно обличали врагов народа, а вохровцы, передергивавшие затворы перед колонной заключенных, порой спасали самых ледащих доходяг — корочкой хлеба, послаблением (да мало ли чем еще)? Никто (без исключения) не виноват, все (без исключения) виновны. Это трудно принять даже теперь, а уж тогда…

А если там, в лагере, настигала любовь — и северное сияние раскидывалось не только в небе? Послушайте, это даже обидно: мы ведь уже настроились бояться! Что-то здесь не так…

Да, похоже, ему опять повезло, что его воспоминания не были опубликованы в 1962-м. И, может быть, это вовсе не было опозданием — просто тогда еще не пришло время для такого взгляда на историю.

Прежняя снеговская профессия напомнила о себе только в 1972 году, когда он написал повесть «Прометей раскованный», посвященную западным физикам — создателям атомной бомбы. Книга попала в руки Я. Зельдовичу, который вместе с Г. Флеровым стоял у истоков советского ядерного проекта. Они разыскали Снегова и предложили ему написать о советских ученых. Они добились в ЦК КПСС разрешения на открытие архивов и посещение закрытых институтов — и в 1979 году вышла книга «Творцы» («Прометей раскованный»-2). Однако третья ее часть, в которой говорилось о создании и об испытании бомбы, была запрещена, рукопись конфисковали. Правда, называлось это уже по-другому, да и проделано было поделикатней. Снегов был в Москве, когда к нему домой явился молодой человек и объяснил Галине Николаевне: издательству срочно нужны дополнительные экземпляры, а телефон в квартире уже несколько дней не

работает. Единственное, что сумел сделать Сергей Александрович, — это послать за ними его, редактора, по личным делам оказавшегося в Калининграде. Естественно, молодой человек был в курсе всех деталей и знал имена и отчества всех друзей и родственников…

Он не учел только одного: все-таки он имел дело со старым лагерным волком. Один экземпляр Снегов успел сдать в архив. Возможно, эта рукопись и сохранилась.

Не была напечатана и «Повесть об институте», в которой рассказывалось о получении советского плутония (Институт радия в Ленинграде).

Снегов не хотел лгать — даже когда не мог сказать правду. Если можно было молчать, он молчал, когда молчать было нельзя — говорил. Честно. Его вызывали в обком и КГБ и предлагали подписать письма против Пастернака и Даниэля с Синявским — он отказался (да еще на выступлении в КТИ в присутствии наблюдателя сказал, что мы все еще будем гордиться, что жили в одно время с Борисом Леонидовичем!). После событий в Чехословакии к нему домой позвонил заместитель начальника управления КГБ области — комитету было поручено собрать отзывы интеллигенции, а мнения Снегова информаторам узнать не удалось… Не может ли Сергей Александрович лично, в порядке одолжения, сообщить, как он относится к вводу нашей армии в дружественную страну? Снегов был краток: «Это — ошибка, за которую мы будем расплачиваться десятилетиями!». Его вежливо поблагодарили — а его и без того пухлое досье пополнилось очередной записью…

Я часто думаю: возможно, его не трогали потому, что считали кем-то вроде городского юродивого. Такие тоже были нужны: тезис, что в Датском королевстве все спокойно и могут существовать разные мнения, нужно было чем-то иллюстрировать. Повезло? Не знаю. Но такого везения он не искал!

К тому же в одной из первых его повестей — «Иди до конца» — был эпизод, когда герой слушает «Страсти по Матфею» Баха и размышляет о Христе (это сочувственное изображение было первым в советской литературе). Профессор Боннского университета Барбара Боде в своем ежегодном литературном обзоре заявила, что русские реабилитируют Христа. «Литературная Россия» ответила «подвалом» «Проверь оружие, боец!». Боде не смолчала — «Литроссия» тоже: статью «Опекунша из ФРГ» предварял суровый эпиграф: «Если тебя хвалит враг, подумай, какую подлость ты сделал!»… Снегов попал в «черные списки» — его перестали печатать. Очередной парадокс: он,

пострадавший (да простится мне это кощунство) за Христа, был неверующим (во всяком случае — так он утверждал).

Не от хорошей жизни он ушел в фантастику — просто он по-прежнему не хотел лгать. Уж на что благополучная книга «Люди как боги» — но ее отвергли четыре издательства подряд, а когда американцы в конце восьмидесятых запросили права на роман у Советского Союза, Всесоюзное агентство авторских прав (ВААП) запретило его перевод на английский язык: не могли же мы пропагандировать звездные войны… Что, впрочем, не помешало потом, после перестройки, зачислить автора в удачливые коммунистические писатели. Ну, да бог им всем судья — и тем, кто отказывал, и тем, кто зачислял. Вероятно, в итоге и те и другие оказались по-своему правы.

Одно скажу: удача эта была вполне в его духе. Семь лет — ни одного издания, настороженное отношение коллег-литераторов, полная неизвестность, двое маленьких детей — и шестой десяток от роду… Ему было 56, когда в сборнике «Эллинский секрет» появилась «Галактическая разведка», — в таком возрасте не начинают. Он опять опоздал — минимум на поколение.

И все-таки именно фантастика, переведенная впоследствии на 8 языков, принесла Снегову известность (из суммарного тиража его книг — около двух миллионов экземпляров — 1 300 000 приходятся именно на нее). А после выхода «Людей…» на немецком языке в Дрезденском университете на трех факультетах — философском, физическом и филологическом — прошли научные конференции: студенты пытались разобраться, насколько возможно будущее, которое он придумал. Очередной парадокс — он ведь пришел в фантастику от безысходности…

У него было три научно-фантастических романа — он увидел напечатанным только один. «Диктатор» вышел уже после его смерти. Это вообще было последнее, о чем Снегов узнал в этой жизни: мне удалось прорваться к нему в больницу вечером перед операцией — мы должны были сообщить, что «Диктатор» уже в производстве! В определенном смысле он считал эту книгу своим завещанием.

«Хрононавигаторы» были опубликованы только через два года. Снегов странно к ним относился — иногда казалось, что он пишет через не могу, буквально заставляя себя. Возможно, именно этим объясняется изменение первоначального замысла: книга должна быть стать эпопеей, примерно такой, как «Люди как боги». В результате получился роман — и не очень большой. Но, судя по количеству переизданий, «Хрононавигаторам» это не очень помешало.

Самая везучая из его научно-фантастических вещей (кроме

«Людей как богов», понятно) — космические детективы. Они печатались буквально с колес — и переиздавались едва ли не вровень с «Людьми как богами». А вот памфлетам посчастливилось не очень: они ни разу не были опубликованы полностью, одним циклом.

Да, действительно, Снегов опоздал с началом — и остается только удивляться, как много успел сделать. За последнюю треть отпущенного ему существования он написал больше, чем некоторые — за жизнь (причем занимался не только фантастикой). Снегов перепрыгнул через потерянное им поколение. И это тоже — парадокс.

Перепрыгнул — и ушел назад, в начало XX века. Его воспоминания, рискованно названные «Книга бытия», — это рассказ о Первой мировой войне, о революции, о Гражданской, о НЭПе… Обо всем, что он видел собственными глазами. В это почти невозможно поверить: не то что свидетели — дети их по большей части уже умерли, а тут — очевидец! Снегов писал эту книгу в стол, без всякой надежды, что ее опубликуют, — но она издана. Как и сборник снеговских стихов. Ждут своей очереди рассказы о знаменитых его современниках.

Удивительно, но в последние годы он параллельно работал и над «Книгой бытия», и над «Диктатором». Как они могли сочетаться — воспоминания и предсказание? Похоже, он очень хотел успеть сказать что-то важное…

Он был человеком разящего обаяния — не существовало никого, кто не сдался бы, пообщавшись с ним хоть пару часов. И все — в один голос — говорят об удивительной его доброте. Снегов на самом деле был неправдоподобно добр (даже сентиментален — что, впрочем, тщательно скрывал). Но мало кто в курсе, что он умел бить — первым и без предупреждения. Иначе не выжил бы там, где ему довелось побывать. Его время и его страна требовали, чтобы человек обладал и такими способностями. «Битый фрей» — уважительно называли его норильские уголовники. А этот самый фрей писал стихи, влюблялся и обсуждал с солагерником Львом Гумилевым силлабику и тонику, Спинозу и Декарта… И даже собирался драться на дуэли!

Он, конечно, соответствовал своей эпохе — но внешне, ситуативно: реагировал на происходящее, противостоял угрозам, отвечал ударом на удар и благодарностью — на помощь. Но внутренне, в себе, существовал все-таки не здесь и не сейчас — он метался между прошлым и будущим, очень редко (практически никогда!) не задерживаясь в настоящем. И чаще был в будущем, а не в прошлом.

И то, что книга, которую вы держите в руках, одиннадцатое (с 1994 года) посмертное издание «Людей как богов», — тому доказательство.

Татьяна Ленская